

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С
И
Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА - ФИЛОСОФИЯ - ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАПИТАЛ
ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС

и

Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

Т О М

VII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

О Т Д Е Л П Е Р В Ы Й

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

1848—1849

ЧАСТЬ II

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

ЧАСТЬ II

Е. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ ИЗ «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ»

(НОЯБРЬ 1848 г. — 19 МАЯ 1849 г.)

**КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В БЕРЛИНЕ
И МИНИСТЕРСТВО БРАНДЕНБУРГА**

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС.

Кельн, 8 ноября.

На первый взгляд положение кажется крайне запутанным, но в действительности оно весьма просто.

Король, как верно отметила «Новая прусская газета», стоит *на широчайшей основе* своих «унаследованных божьей милостью прав».

На другой стороне стоит *Национальное собрание совершенно без всякой основы*. Оно должно лишь построить, положить основу.

Два суверена!

Промежуточным между ними обоими членом является Кампгаузен, *«теория соглашения»*.

Как только оба суверена не могут или не хотят прийти к соглашению, они превращаются в двух враждебных суверенов. *Король* имеет право бросить перчатку Национальному собранию, а *Национальное собрание* имеет право бросить перчатку королю. *Больше прав*, конечно, на стороне *большой силы*. Сила утверждается в борьбе. Борьба утверждается через *победу*. Обе власти могут доказать свое право лишь *победой*, а свою неправоту — *поражением*.

Король ни в малейшей мере не был до сих пор *конституционным* королем. Он *абсолютный* монарх, который соглашается на *конституционный* режим — или не соглашается.

Собрание не было до сих пор *конституционным*, оно — *учредительное собрание*. Оно стремилось учредить конституционный режим. Оно может от своего *стремления* отказаться — или не отказаться.

Обе стороны, король и собрание, пока приспособлялись к конституционному ритуалу.

Требование короля об образовании, вопреки большинству палаты, угодного ему министерства Бранденбурга является требованием *абсолютного короля*.

Притязание палаты *непосредственно* через депутацию запретить королю образование министерства Бранденбурга является притязанием *абсолютной палаты*.

И король, и палата согрешили против конституционной догмы.

И король, и собрание вернулись каждый на свою первоначальную позицию, — король сознательно, а палата — бессознательно.

Преимущество на стороне короля.

Право на стороне силы.

Правовая фразеология на стороне бессилия.

Министерство *Родбертуса* явилось бы нулем, ибо плюс и минус взаимно парализуют друг друга.

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В БЕРЛИНЕ.

Кельн, 12 ноября.

Министерство Пфюля представляло собою «недоразумение»; его истинный смысл составляет министерство Бранденбурга. Министерство Пфюля представляло только *указатель содержания*, министерство Бранденбурга, это — *само содержание*.

Бранденбург в собрании и собрание в Бранденбурге.

Так гласит надгробная надпись дома Бранденбургов!

Император Карл V вызвал удивление тем, что дал похоронить себя живым. Но написать на своем надгробном камне плохую шутку, это — больше, чем император Карл V с его уголовным уложением и карательными мерами.

Бранденбург в собрании и собрание в Бранденбурге!

Однажды король прусский появился в собрании. То не был настоящий бранденбуржец. Маркиз Бранденбург, появившийся два дня тому назад в собрании, был настоящий король Пруссии.

Кордегардия в собрании, собрание в кордегардии! Это значит: *Бранденбург в собрании, собрание в Бранденбурге!*

Или, быть может, собрание в Бранденбурге... — ведь Берлин, как известно, лежит в провинции Бранденбург — возьмет верх над... Бранденбургом в собрании? Будет ли Бранденбург искать защиты в собрании, как некогда Капет в другом собрании?

Бранденбург в собрании и собрание в Бранденбурге — многозначительное, двусмысленное и чреватое событиями слово!

Как известно, народы гораздо легче справляются с королями, чем с законодательными собраниями. История содержит целый каталог безрезультатных возмущений народа против национальных собраний. Оно показывает только два больших исключения из этого правила. Английский народ в лице *Кромвеля* разогнал *Долгий парламент*, а французский народ в лице *Бонапарта* — *Законодательный корпус*. Но Долгий парламент уже давно превратился в обломки, а Законодательный корпус — в *труп*.

Счастливей ли короли, чем народы, в восстаниях против законодательных собраний?

Карл I, Яков II, Людовик XVI, Карл X представляют малообещающие примеры.

Но в Испании и Италии имеются более утешительные образы. А недавно в Вене? Но не надо забывать, что в Вене заседал конгресс народов и что славянские народные представители, за исключением поляков, вступили с барабанным боем в императорский лагерь.

Война венской камарильи с рейхстагом была одновременно войною славянского рейхстага против немецкого рейхстага. Напротив, в Берлинском собрании раскол произведен не славянами, а рабами,¹ а рабы—это не партия, это в лучшем случае охвостье партии. Дезертировавшая берлинская правая не приносит во вражеский лагерь никакой силы, она заражает его смертельной слабостью, заражает предательством.

В Австрии вместе с камарильей победила славянская партия; теперь она будет бороться с камарильей за плоды победы. Если же берлинская камарилья победит, ей не придется делить победу с правою партией или отстаивать ее против правой; она даст ей *на чай* — и *пинок ногою*.

Прусская корона в праве противопоставлять себя собранию в качестве абсолютной короны. Но собрание действует неправильно, не противопоставляя себя короне в качестве абсолютного собрания. Оно должно было прежде всего арестовать министров как государственных преступников, преступников против народного суверенитета. Всякого чиновника, повинующегося другим приказам, кроме приказов собрания, оно должно было отправить в ссылку и объявить вне закона.

Однако политическая слабость, с которой Национальное собрание выступает в Берлине, могла бы превратиться в ее общественную силу в провинциях.

Буржуазия весьма охотно превратила бы мирным путем *феодалное королевство в буржуазное королевство*. Отняв у феодальной партии ее гербы и титулы, оскорбляющие ее буржуазную гордость, и вытекающие из феодальной собственности повинности, нарушающие буржуазную собственность, она весьма охотно примирилась бы с феодальной партией и вместе с нею поработила бы народ. Но старая бюрократия не хочет унизиться до роли служанки буржуазии, для которой она была до сих пор деспотической наставницей.

¹ [Непереводимая игра слов: Slaven (славяне) и Sklaven (рабы).]

Феодальная партия не хочет сжечь свои привилегии и интересы на алтаре буржуазии. И, наконец, корона видит в элементах старого феодального общества, из которых она сама составляет высшую надстройку, свою настоящую родную социальную почву, в то время как в буржуазии она усматривает чужую, искусственную почву, на которой она может только прозябать.

Романтическое право «божьей милостью» буржуазия превращает в трезвый *правовой титул*, господство благородной крови в господство бумаги, королевское солнце в буржуазную лампу.

Поэтому королевская власть не поддается уговорам буржуазии. На половинчатую революцию последней она ответила целою контр-революциею, она толкнула буржуазию обратно в объятия *революции и народа*, обратившись к ней с лозунгом: *Бранденбург в собрании и собрание в Бранденбурге*.

Если мы признаемся, что не ожидаем от буржуазии никакого ответа, соответствующего положению дел, то, с другой стороны, мы должны отметить, что корона в своем восстании против Национального собрания прибегает к лицемерной половинчатости и прячет свою голову под конституционный покров в тот самый момент, когда она пытается этот надоедливый покров сбросить.

Бранденбург охотно принимает от германской центральной власти *приказ произвести государственный переворот*. Гвардейские полки введены в Берлин по приказу центральной власти. Берлинская контр-революция происходит по приказу германской центральной власти. Бранденбург приказывает Франкфурту дать ему такой приказ. Он отказывается от своего суверенитета в тот самый момент, когда хочет утвердить его. Понятно, что господин Бассерман ухватился обеими руками за возможность играть роль слуги под видом господина. Но он имеет то удовлетворение, что господин, с своей стороны, играет роль слуги.

Какой бы ни выпал жребий в Берлине, дилемма поставлена: король или народ — и народ победит с лозунгом: *Бранденбург в собрании и собрание в Бранденбурге*.

Мы можем еще пройти тяжелую школу, но это — приготовительная школа *всей революции*.

ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Кельн, 11 ноября.

Европейская революция описывает *круговорот*. Она началась в Италии, в Париже она приняла европейский характер, в Вене мы видели первое отражение февральской революции, в Берлине — отражение венской революции. В Италии, Неаполе, *европейская контр-революция* нанесла свой первый удар, в Париже — в июньские дни — она приняла европейский характер, в Вене мы видели первое отражение июньской контр-революции, в Берлине она завершается и компрометирует себя. *Из Парижа галльский петух опять разбудит Европу своим криком.*

Но в Берлине контр-революция компрометирует себя. В Берлине все компрометирует себя, даже контр-революция.

В Неаполе лаццарони соединяются с королевской властью против буржуазии.

В Париже происходит величайшая историческая борьба, какая когда-либо имела место. Буржуазия, соединившись с лаццарони, выступает против рабочего класса.

В Вене — целый рой национальностей, ожидающих от контр-революции своего освобождения. Кроме того, тайные козни буржуазии против рабочих и академического легиона. Борьба в рядах самого гражданского ополчения. Наконец, атака со стороны народа, дающая повод для атаки со стороны двора.

В Берлине нет ничего подобного. Буржуазия и народ на одной стороне, унтер-офицеры — на другой. Врангель и Бранденбург, два безголовых, бессердечных человека, лишённые всяких стремлений, настоящие усачи, — таков антипод этого брюзжащего, мудрствующего, нерешительного Национального собрания.

Воля, — пусть даже воля осла, быка, усача! Воля, это — единственный реквизит, противопоставляемый безвольным ворчунам мартовской революции. И прусский двор, столь же мало обладающий волей, как и Национальное собрание, выскивает двух самых глупых людей в монархии и говорит этим львам: будьте представите-

лями воли. Пфуль еще имел капельку ума. Но *абсолютная глупость* пугает резонеров мартовских завоеваний.

С глупостью сами боги напрасно ведут борьбу, — восклицает смущенное Национальное собрание.

И эти Врангели, эти Бранденбурги, эти тупые черепа, которые умеют хотеть, потому что не имеют никакой собственной воли, потому что хотят то, что им приказано, которые слишком глупы для того, чтобы смущаться приказами, которые даются им дрожащим голосом и трепещущими устами, — они тоже *компрометируют* себя тем, что не вступают в рукопашную — единственное дело, к которому способны *эти тараны*.

Врангель не идет дальше признания, что он знает только Национальное собрание, повинующееся приказам! Бранденбург обучается парламентским манерам, и после того как он возмутил палату своим грубым и отталкивающим унтер-офицерским диалектом, он позволяет «перетиранить тирана» и повинуется приказам Национального собрания, униженно прося дать ему слово, которое он только что хотел взять.

Лучше мне б в овчине вошью быть,
Чем таким отважным дурнем!

Спокойное поведение Берлина нас восхищает; благодаря ему терпят крушение идеалы прусского унтер-офицерства.

Но Национальное собрание? Почему оно не объявит *mise hors de loi*, почему оно не объявит людей вроде Врангеля вне закона, почему ни один депутат не выступит среди штыков Врангеля, не объявит о его высылке и не обратится с увещанием к солдатам?

Пусть берлинское Национальное собрание почитает «*Moniteur*» за 1789 — 1795 годы.

А что делаем мы в этот момент?

Мы отказываемся платить налоги. Какой-нибудь Врангель или Бранденбург понимают, — ибо эти молодцы умеют танцевать только от печки, — что они носят саблю и получают мундир и жалованье, но откуда берутся сабля, мундир и жалованье, — этого они не понимают.

Существует еще только одно средство победить королевскую власть — победить ее до наступления анти-июньской революции в Париже, которая будет иметь место в декабре месяце.

Королевская власть сопротивляется не только народным массам, но и буржуазии. Поэтому побеждайте ее на буржуазный

манер. А как победить королевскую власть на буржуазный манер? Взять ее измором. А как взять ее измором? Отказаться платить налоги.

Подумайте об этом хорошенько! Ни принцы Прусские, ни Бранденбурги и Врангели не производят черного солдатского хлеба. Вы, вы одни производите солдатский хлеб.

ОБРАЩЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА РЕЙНСКОЙ ПРОВИНЦИИ.

Кельн, 14 ноября 1848 г.

Рейнский окружной комитет демократов призывает все демократические союзы Рейнской провинции немедленно созвать свои общества и во всех окрестных пунктах устроить народные собрания, с целью побудить все население Рейнской провинции к отказу от платежа налогов как наиболее целесообразному средству выступления против насилий, совершаемых правительством над собранием прусских народных представителей.

Необходимо отговаривать от насильственного сопротивления возможному административному взысканию налогов. Напротив, неучастие в торгах при насильственной продаже имущества должно быть рекомендовано.

Для обсуждения мероприятий, которые должны быть приняты в дальнейшем, Окружной комитет считает необходимым созвать съезд представителей от союзов, на каковой съезд представители приглашаются на среду, 23-го числа, в 9 час. утра (в зале у Эйзера, на Комедиенштрассе).

За Окружной комитет:

Карл Маркс, Шнейдер II.

КАРЛ МАРКС.

Кельн, 14 ноября.

При известии, что главный редактор «Новой рейнской газеты», *Карл Маркс*, получил предписание явиться сегодня утром к судебному следователю, собралась во дворе апелляционного суда значительная толпа народа, чтобы выразить свое участие и выждать результата. При выходе от следователя Карла Маркса приветствовали громкими криками одобрения и проводили его до залы Эйзера, где Маркс произнес несколько слов благодарности за сочувствие народа и объяснил, что он допрошен был только в связи с окончанием дознания по делу Геккера. Бывший статс-прокурор, а ныне обер-прокурор Геккер считает, что помещением документа, подписанного «Геккер», К. Маркс ложно объявил его республиканцем.

«КЕЛЬНСКАЯ ГАЗЕТА».

Кельн, 16 ноября.

Редакция «Кельнской газеты» в номере от 15 ноября таким генеральным образом характеризует самое себя:

«При наших постоянных колебаниях между боязнью анархии сегодня и боязнью реакции завтра живо вспоминаются слова Лютера: «Человек подобен пьяному крестьянину; если он с одной стороны взбирается на лошадь, то падает снова с другой стороны».

Страх, это — пафос «Кельнской газеты».

ИСПОВЕДЬ БЛАГОРОДНОЙ ДУШИ.

Кельн, 16 ноября.

Мы предсказывали правым, что их ждет в случае победы камарильи: подачка на чай и пинок ногой.

Мы ошиблись. Исход борьбы еще не решен, а они уже получают от своих хозяев пинки, ничего не получив на чай. «Новая прусская газета», официальный орган нынешних властителей, «с богом за короля и отечество», называет в одном из своих последних номеров депутата Цвейфеля (обер-прокурора в Кельне) и Шлинка (советника апелляционного суда в Кельне) — как вы думаете, читатель? — «революционными брюхами». Она говорит о «невыразимом умственном убожестве и недомыслии» этих господ. Она находит, что даже «бред Робеспьера» несравненно выше фантазий этих «господ из центра». Avis à Mess. Zweifel et Schlink! (Зарубите это себе на носу, господа Цвейфель и Шлинк!)

В том же номере этой газеты Пинто-Ганземан объявлен «вождем крайней левой», а против вождей крайней левой та же газета знает только одно средство — военно-полевой суд, веревку. Avis à M. Pinto-Hanseman (зарубите это себе на носу, г. Пинто-Ганземан!), *эк-министр дела и констеблей!*

Для правительственного вестника «Новая прусская газета» слишком наивно-чистосердечна. Она чересчур громко разбалтывает разным партиям то, что должно быть скрыто в тайных протоколах Santa casa.

Когда в средние века являлось желание пророчествовать — обращались к Виргилию. Во времена прусского брюмера 1848 г. обращаются к «Новой прусской газете», когда не хочется ломать себе голову над предсказыванием будущего. Приведем примеры. Что готовит камарилья католикам?

Слушайте!

В № 115 «Новой прусской газеты» мы читаем:

«Столь же неверно, будто государство (т. е. королевско-прусское государство, ополченско-крестовое государство домартовского пери-

ода) приобрело узко-конфессиональный характер и с этой односторонней точки зрения руководило религиозными делами. Правда, упрек этот, будь он справедлив, явился бы безусловной похвалой. Но он несправедлив, ибо известно, что наше правительство определенно отказалось от доброй старой позиции евангелического правления».

Известно, что Фридрих-Вильгельм III сделал религию отраслью военной дисциплины и вразумлял диссидентов полицейской дубинкой. Известно, что Фридрих-Вильгельм IV, в качестве одного из двенадцати малых пророков, хотел через посредство министерства Эйхгорна-Бодельшвинга-Ладенберга насильственно обратить народ и науку в бунзеновскую религию. Известно, что даже при министерстве Кампгаузена поляков разоряли, избивали, сжигали столько же за то, что они поляки, сколько и за то, что они католики. Померанские молодцы всегда считали своим высшим долгом резать иконы божьей матери в Польше и вешать католических священников.

Преследование диссидентских протестантов при Фридрихе-Вильгельме III и Фридрихе-Вильгельме IV тоже факт общеизвестный.

Первый бросал в крепости протестантских пасторов, отказывавшихся принять изобретенную им самим литургию и догматику. Сей муж был великим изобретателем по части солдатских мундиров и тревников. А второй? Министерство Эйхгорна! Достаточно только назвать министерство Эйхгорна.

Но что все это значит?

«Наше правительство определенно отказалось от доброй старой позиции евангелического правления». Так ждите реставрации Бранденбурга-Мантейфеля, католики Рейнской провинции, Вестфалии и Силезии! Прежде вас поролы розгами, впредь вас будут бичевать скорпионами. Вы «определенно» познакомитесь с доброй старой позицией евангелического правления!

Мы уж не говорим о евреях, которые со времени эмансипации своей секты повсюду стали, по крайней мере в лице своих верхов, во главе контр-революции, — их что ожидает?

Даже не стали дожидаться победы, чтобы швырнуть их обратно в гетто.

В Бромберге правительство снова вводит для них старые правила, ограничивающие свободу передвижения, и лишает таким образом евреев одного из элементарнейших человеческих прав, провозглашенных в 1789 г., — права свободного передвижения с места на место.

Таков «один» аспект правления словоохотливого Фридриха-Вильгельма IV под ауспигиями Бранденбурга-Мантейфеля-Ладенберга.

В номере от 10 ноября «Новая прусская газета» хотела соблазнить «либерально-конституционную партию» разговорами о *благо-состоянии*. Но она уже и тогда беспокойно покачивала головой по поводу *конституционалистов*.

«Пока что наши конституционалисты все еще необычайно боятся открыто признать себя в своих клубах или публичных органах *реакционерами*».

Но тут же газета успокоительно и метко добавляла:

«Каждый (либеральный конституционалист) в отдельности давно уже не скрывает, что сейчас единственное спасение в «законной реакции», т. е. в том, чтобы сделать закон реакционным или реакцию законной, чтобы возвести реакцию в закон».

В номере от 15 апреля «Новая прусская газета» уже не церемонится с «конституционалистами», которые хотели бы возвести реакцию в закон, но не приемлет министерства Бранденбурга-Мантейфеля, потому что оно требует *контр-революции sans phrases*.

«Ординарных конституционалистов, — говорит газета, — нужно предоставить их собственной судьбе».

Вместе пойманы, вместе и повешены!

Пусть зарубят это себе на носу ординарные конституционалисты!

В чем же состоит экстраординарный конституционализм Фридриха-Вильгельма IV под ауспигиями Бранденбурга-Мантейфеля-Ладенберга?

Официальный правительственный орган, рыцарь ополченского креста, с богом за короля и отечество, выбалтывает тайны и экстраординарного конституционализма.

«Самым простым, прямым и безопасным средством» было бы, конечно, «перенести Собрание в другое место» — из большого города в караульное помещение, из Берлина в Бранденбург.

Однако эта мера является, как выдает «Новая прусская газета», только попыткой.

«Необходимо, — говорит она, — попытаться, нельзя ли посредством перенесения Собрания в какое-нибудь другое место вернуть ему внешнюю свободу действий, а через это и внутреннюю свободу».

В Бранденбурге Собрание будет внешне свободно. Оно там не будет больше находиться под влиянием блуз, оно будет под одним лишь влиянием усатых держиморд.

Ну, а внутренняя свобода?

Освободится ли Собрание в Бранденбурге от предрассудков и гнусных влияний революций XIX века? Станет ли там его душа

настолько *свободна*, чтобы феодальные охотничьи права и весь заплесневелый хлам прочих феодальных повинностей, сословные различия, цензуру, податное неравенство, дворянские привилегии, абсолютную королевскую власть и смертную казнь, от которой без ума Фридрих-Вильгельм IV, расхищение и расточение национального труда «бледными канальями, похожими с виду на веру, надежду и любовь», голодными захолаустными дворянчиками, гвардейскими лейтенантами и выслуживающимися карьеристами, — чтобы все эти атрибуты старого позора вновь провозгласить *официальным символом веры?*

Известно, что контр-революционная партия провозгласила конституционный лозунг: *«Завершить выработку конституции!»*

Орган министерства Бранденбурга-Мантейфеля-Ладенберга *не желает* больше носить эту маску.

«Положение вещей, — признается *официальный орган*, — дошло до того, что теперь *нам уже не может помочь даже и столь желанное завершение выработки конституции*. Ибо кто не понимает, что акт, продиктованный народным представителем, *параграф за параграфом*, под угрозой дыбы и виселицы и *насиленно вырванный* этими представителями у короны, *будет считаться обязательным только до тех пор, пока его сможет отставить самое грубое насилие*».

Итак, *отменить, параграф за параграфом*, скудные народные права, отвоеванные Национальным собранием в Берлине, — вот задача Национального собрания в Бранденбурге.

А если оно не реставрирует полностью, *параграф за параграфом*, весь старый хлам, оно этим лишь докажет, что оно хоть и обрело в Бранденбурге «внешнюю свободу действий», но не вернуло себе желательную для Потсдама *внутреннюю свободу*.

Как же действовать правительству, чтобы побороть эту закосность, эту *внутреннюю несвободу* перебравшегося в Бранденбург Собрания?

«*Следовало бы распустить его!*» — восклицает *«Новая прусская газета»*.

Но ведь, может быть, народ, — вдруг приходит ей в голову, — *внутренне еще менее свободен*, чем Собрание?

«Можно было бы выразить *опасение*, — пожимает она плечами, — что *новые всеобщие выборы дадут еще более плачевный результат, чем первые*».

Народ располагал бы, конечно, на выборах *внешней свободой действия*. Но как обстоит дело с *внутренней свободой?*

That is the question! (Вот в чем вопрос!)

Ведь «параграфы» Собрания, которое явится результатом новых выборов, могут превзойти старые по своей низости.

Что же предпринять против «старых» параграфов?

Наш рыцарь ополченского креста становится в торжественную позу.

«Кулак их породил (старые параграфы, выработанные после 19 марта), кулак их и уничтожит — в полном согласии с божеским и человеческим законом».

Кулак восстановит «доброе старое правление».

Кулак — последний аргумент короны, и *кулак* будет последним аргументом народа.

Пусть же народ прежде всего оградит себя от нищенски алчных кулаков, которые таскают из его карманов цивильные листы и... пушки. Кичливые кулаки быстро отощавают, когда народ перестанет кормить их. Пусть народ откажется прежде всего от уплаты налогов — а потом он сосчитает, на чьей стороне кулаков больше.

Все так называемые мартовские завоевания будут считаться обязательными только до тех пор, пока их сможет отставить самое грубое насилие. *Кулак их породил, кулак их и уничтожит.*

Так говорит «Новая прусская газета», а слово «Новой прусской газеты» — слово Потедама. Итак, долой иллюзии! Народ должен положить конец мартовским компромиссам, а не то им положит конец корона.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Кельн, 16 ноября.

«Кельнская газета» в своем номере от 16 ноября ставит «Воззвание Рейнского окружного комитета демократов» в совершенно вымышленную связь с будто бы разосланным по провинциям крайней левою прусского Национального собрания «Заверением» по поводу отказа от уплаты налогов. Нижеподписавшимся ничего неизвестно по поводу распространяемого членами крайней левой известия о состоявшемся уже постановлении Национального собрания об отказе от уплаты налогов.

Карл Маркс, Шнейдер II.

ВОЗЗВАНИЕ.

Кельн, 18 ноября.

Рейнский окружной комитет демократов призывает все демократические общества Рейнской области принять и провести в жизнь следующие постановления и мероприятия:

1) После того как прусское Национальное собрание само вынесло постановление об отказе от уплаты налогов, их насильственному взиманию должно быть оказано всевозможное сопротивление.

2) Повсюду необходимо организовать ополчение для отражения врага. Лица, не имеющие средств, должны быть снабжены оружием и снаряжением на общественный счет или за счет добровольных взносов.

3) Повсюду надлежит потребовать от властей публичного заявления, признают ли они и намерены ли выполнять постановления Национального собрания. В случае отказа надлежит избирать комитеты безопасности — и притом, по возможности, по соглашению с общинными советниками. Общинные советники, идущие против законодательного собрания, подлежат переизбранию всеобщим народным голосованием.

От имени Рейнского окружного комитета демократов:

*Карл Маркс, Карл Шаппер,
Шнейдер II.*

ВОЗЗВАНИЕ.

Кельн, 20 ноября.

Демократы Рейнской области!

Вместо обер-президента Эйхмана известный обер-прокурор *Цвейфель* прислал вашему комитету, через следственного судью *Лейтгауза*, приказ явиться завтра по обвинению в публичном призыве к мятежу.

Ожидают скандала. Комендатура Кельна приняла все меры. Согласно приказам, исходящим от совершившего государственную измену министерства, Кельн по этому случаю должен быть объявлен на осадном положении.

Расстройте эти расчеты. Что бы ни случилось с нами, оставайтесь спокойны.

Конгресс состоится при любых обстоятельствах.

Рейнская область скорее прольет свою последнюю каплю крови, чем подчинится сабельному режиму.

*Карл Маркс, Карл Шаппер,
Шнейдер II.*

О ПРОКЛАМАЦИИ МИНИСТЕРСТВА БРАНДЕНБУРГА-МАНТЕЙФЕЛЯ ПО ПОВОДУ ОТКАЗА ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ.

Кельн, 21 ноября.

Министерство Бранденбурга-Мантейфеля разослало всем королевским правительственным местам приказ о насильственном взыскании налогов.

Министерство Бранденбурга-Мантейфеля, стоящее на противозаконной почве, рекомендует насильственные меры против отказывающихся платить и снисхождение по отношению к неимущим.

Таким образом, оно устанавливает две категории неплательщиков. Одни не платят, чтобы выполнить волю Национального собрания, а другие не платят потому, что не в состоянии платить. Намерения министерства вполне ясны. Оно хочет разделить демократов. Оно хочет побудить крестьян и рабочих причислять себя к неплатящим по несостоятельности и таким образом оторвать их от неплатящих из чувства законности, отняв этим у последних поддержку первых. Но план этот потерпит неудачу. Народ понимает, что он круговой порукой ответствен за отказ в уплате налогов, как раньше он круговой порукой был ответствен за их уплату.

Решит борьба между платящей силой и силой оплачиваемой.

МАНТЕЙФЕЛЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ.

Кельн, 24 ноября.

Министр Мантейфель заявил вчера находящимся в Берлине имперским комиссарам, что прусское правительство не подчинится постановлению Франкфуртского собрания об образовании общенационального министерства, так как это касается вопроса внутренней жизни страны.

Таким образом, Мантейфель согласен с нами в том, что и постановление Франкфуртского собрания об *отказе от уплаты налогов* лишено всякого значения и силы, потому что оно касается вопроса внутренней жизни.

Впрочем, возможно, что министерство Бранденбурга-Мантейфеля поможет превратить *Рейнскую область во внешний вопрос для Пруссии.*

ДРИГАЛЬСКИЙ — ЗАКОНОДАТЕЛЬ, ГРАЖДАНИН И КОММУНИСТ.

Кельн, 24 ноября.

Дюссельдорф объявлен на осадном положении. Министерство Бранденбурга-Врангеля нашло в лице гг. *Шпигеля* и *Дригальского* достойных представителей. Первый из этих господ — простой президент окружного управления, а второй соединяет в себе многообразные качества. Он не только генерал-лейтенант и командир дивизии, — в качестве такового он фигурирует в списке личного состава, а также в качестве «высшего» законодателя города и всей общины Дюссельдорфа, — он является также писателем и говорит о себе самом, что он в одно и то же время «гражданин» и «коммунист», — все это с богом за короля и отечество! Оба эти господина, как простой, так и многогранный, нашли, что в Дюссельдорфе законный порядок может быть поддержан только *чрезвычайными средствами*; они поэтому сочли себя «вынужденными», в целях «ограждения законного порядка», объявить на осадном положении всю общину Дюссельдорф.

Мы уже давно знаем, что правительство Бранденбурга может держаться только при помощи *чрезвычайных* средств; мы знаем, что оно давно уже утратило бы свое положение, если бы страна не находилась на осадном положении. Осадное положение представляет собою обычное *законное положение* правительства Бранденбурга.

«Осадное положение, господа, означает военное положение», — заявил министр-президент Пфюль в согласительном заседании 29 сентября. Тогда дело касалось города и крепости Кельна, тогда речь шла о восстании; постановления судебных властей не могли приводиться в исполнение, законная власть — гражданское ополчение — не могла поддерживать порядок, строились баррикады; силе можно было противопоставить только силу. Так, по крайней мере, утверждали защитники осадного положения. Они давали себе, по крайней мере, труд спасти внешнюю видимость будто бы установленными фактами. Теперь значительно облегчают себе дело; Дюссельдорф не охвачен восстанием, деятельность судебных мест ни на ми-

нугу не нарушается, гражданское ополчение все время готово было исполнять законные приказы, нельзя даже сослаться на устаревшие *инструкции* 1809 г., на которых тогда главным образом основывались, потому что Дюссельдорф не является крепостью. Но Дюссельдорф с редкой энергией высказался за *отказ платить налоги*, — этого было достаточно для обоих Бранденбургов, чтобы восстановить законный порядок, т. е. объявить город *вне закона*.

Мы не входим в рассмотрение обвинений, которые должны служить предлогом для провозглашения осадного положения. Мы рекомендуем их, как *живые* обвинения, вниманию законных властей, так как в подтверждение их нигде не приводится требуемое законом доказательство; это — клеветнические обвинения, подпадающие под действие статей 267 и сл. уголовного уложения. Мы хотим указать здесь лишь на противозакония, совершенные гг. *Шпигелем* и *Дригальским* для охраны законного порядка.

После того как эти господа объявили осадное положение и «таким образом высшая власть перешла к военному ведомству», «коммунист и гражданин» Дригальский издает следующие приказы.

1) Законно существующие власти продолжают выполнять свои функции, и принимаемым ими мерам оказывается самая решительная поддержка.

Это значит, что законно существующие власти упраздняются, поскольку они существуют *на законном основании*, но продолжают выполнять свои функции для поддержки г. фон-Дригальского.

«Я рассчитываю, — говорит Дригальский в своем обращении к «согражданам», — что все благонамеренные жители облегчат мне *исполнение законов, а власти со всей решительностью окажут мне поддержку*».

Г-н Дригальский не только создает законы, но также применяет их; законно существующие власти — его адъютанты. И «независимые» судьи дюссельдорфского суда, и г. обер-прокурор со всеми своими сотрудниками спокойно терпят все это! Они не находят ни малейшего нарушения закона в том, что устранены от своей должности; они превозносят законодателя Дригальского и рады тому, что такой ценой могут получать свое жалованье. Неужели, господа, вам не стыдно издавать приказы об аресте и производить обыски при режиме сабли? Или, может быть, арест г. *Лассалья*, который в слишком смелой, к сожалению, уверенности в своем «законном праве» и в защите судебных властей не захотел укрыться от осадного положения, является лишь актом личной мести г. *Дригальского*? Может быть, втихомолку против этого человека и его пособников уже возбуждено и ведется следствие по статьям 114, 123, 124?

Второй закон г. Дригальского гласит: «Все общества, преследующие политические и социальные цели, распускаются».

Какое дело г. Дригальскому до § 4 закона 6 апреля? Если, согласно этому параграфу, «все прусские подданные имеют право, без предварительного полицейского разрешения, объединяться в общества в целях, не противоречащих существующим законам», то это, очевидно, одно из тех «завоеваний», которые должны быть возможно скорее отняты обратно, а значит — несовместимы с законодательством г. Дригальского.

Третий и четвертый законы. Г-н фон-Дригальский регулирует уличное движение и часы торговли в ресторанах. Как будто Дюссельдорф превратился в Париж, и он поэтому издает закон против сборищ. Но велик он не только как полицейский, — он обнаруживает также несомненный талант ночного сторожа; он регулирует и часы отдыха после работы.

Пятый закон. «Гражданское ополчение впредь до его реорганизации распускается и должно сегодня же сдать оружие».

Закон этот беззаконен во многих отношениях. Отметим:

а) Гражданское ополчение *распускается*. Согласно обыкновенным законам, а именно закону 17 октября о гражданском ополчении, последнее может быть распущено только королевским кабинетским приказом. Может быть, у г. фон-Дригальского имеется тайный кабинетский приказ *in petto* (скрываемый от других)? Почему же он тогда не опубликует его, как опубликовал заявление главного директора почты Мауренбрехера? Правда, это заявление тотчас же вызвало опровержение дюссельдорфского гражданского ополчения. Но у г. фон-Дригальского нет никакого кабинетского приказа, — он действует на основании полноты своих собственных полномочий и присваивает себе королевские функции, хотя и является *королевски-настроенным «гражданином и коммунистом»*.

б) У гражданского ополчения *не просто только отняты его функции*. Г-н фон-Дригальский не довольствуется присвоением себе власти президента окружного управления. Что касается беззакония, то оно достаточно проявилось уже в факте лишения ополчения его функций. § 4 закона 17 октября гласит:

«Если гражданское ополчение какой-нибудь общины или округа отказывается следовать вызову властей или вмешивается в действия общинных, административных или судебных властей, *начальником окружного управления* оно временно может быть лишено своих функций, с указанием причин».

Таким образом, лишение функций могло быть установлено только

президентом окружного управления, а никак не генерал-лейтенантом и не командиром дивизии, не гражданином и, наконец, не «коммунистом», хотя бы то был «королевско-прусский коммунист».

Но у г. фон-Дригальского имеются вполне основательные причины выступать в качестве его величества, не считаясь с инстанциями. Если бы он имел дело с гражданским ополчением лишь как президент окружного управления, он не мог бы его *разоружить*. Но

с) «гражданское ополчение должно сегодня же сдать оружие». Простое временное лишение функций отнюдь не дает еще права отобрать оружие. Если бы это было не так, временно отрешенные офицеры тоже должны были бы отдавать свою шпагу. Но г. Дригальский прав. Если бы гражданское ополчение могло сохранить свое оружие, оно, вероятно, не допустило бы, чтобы оно было лишено своих функций по его приказу; оно выполнило бы свое назначение, как его определяет § 1 закона.

д) Г-н фон-Дригальский требует сдачи оружия *ему*. Так как он уже чувствует себя призванным выступать в роли его величества, то его не останавливает и королевская инструкция относительно осуществления закона об учреждении гражданского ополчения. § 3 закона гласит: «Предоставленное государством общинам оружие *во всяком случае* остается до вышеназванного момента *в обладании общин*». «Городское управление и общинный совет» Дюссельдорфа ничего не находят возразить против этого приказа. Вместо того, чтобы протестовать против такого беззакония и вступить за права общины, они призывают граждан к «законному, спокойному поведению» по отношению к их новому диктатору.

Шестой закон. «Захваченные в открытом и вооруженном сопротивлении распоряжениям законных властей или изменническими действиями подвергающие войска опасности, или причиняющие им вред *предаются военному суду*».

Согласно закону об ограждении личной свободы, *никто не может быть предан иному суду, кроме того, который установлен законом. Исключительные суды и чрезвычайные комиссии не допускаются. Никакие другие кары, кроме установленных законом, не могут грозить или назначаться за проступки и преступления.* Согласно этому же закону, действие настоящего постановления *ни при каких условиях* не может быть приостановлено временно или для какой-нибудь местности, *даже в случае войны или восстания*. Потому что, согласно § 8, даже и в этом случае могут временно отменяться только §§ 1 и 6, и то лишь *по постановлению и под ответственностью министерства*. Тем не менее г. фон-Дригальский вводит военный суд для

гражданских лиц. Нет ничего удивительного в том, что он приказывает производить аресты, что он для этой цели нарушает неприкосновенность жилища; относящиеся сюда постановления могут, по крайней мере временно, отменяться, — правда, не г. фон-Дригальским. Впрочем, это безразлично, верить ли утверждению «Дюссельдорфской газеты», что арест Лассалья произведен без всяких формальностей, или уверению «Кельнской газеты», что арест последовал по распоряжению судебного следователя. «Кельнская газета», разумеется, становится на сторону военного командующего, чтобы осрамить судебного следователя. Как бы то ни было, арест этот незаконен, потому что при беззаконном режиме не может быть законных действий. При военном положении прекращается действие гражданской подсудности. Если судебный следователь остается при исполнении своих функций, то он попадает в положение *военного аудитора*, и его сводом законов становятся статьи *воинского устава*. Дюссельдорфские судебные власти вполне поняли это свое новое положение. В самом деле, если бы они признавали еще за собою ту компетенцию, какую устанавливает рейнское уголовное судопроизводство, они уже давно вмешались бы, хотя бы на основании § 9 Habeas Corpus Act, который гласит: *«Не требуется предварительного согласия властей для привлечения к судебной ответственности гражданских и военных должностных лиц за нарушения вышеприведенных постановлений, совершенные ими путем превышения своих полномочий»*.

Чтобы вполне выяснить себе силу наших рейнских учреждений, остается еще только посмотреть, одобрит ли генеральный прокурор г. *Николовиус*, под надзором которого состоят все чиновники судебной полиции и даже судебные следователи, одобрит ли он образ действий дюссельдорфских судебных властей. Депутации, которая вчера посетила его, чтобы побудить его проявить свою власть по поводу дюссельдорфских событий, г. *Николовиус* будто бы ответил, что в его распоряжении нет статьи закона, на основании которой он мог бы что-нибудь предпринять. Мы говорим «г. *Николовиус* будто бы ответил», хотя эти слова нам переданы из вполне достоверного источника. И, однако, мы не можем этому поверить, потому что в противном случае мы должны допустить, что у г. *Николовиуса* совершенно улетучился из памяти Code pénal вместе со всеми законами, изданными после марта настоящего года.

* * *

«Как верно преданный богу и моему королю коммунист, я заявляю настоящим, что для вспомоществования моим бедным братьям

дюссельдорфской общины я буду ежегодно выплачивать, пока живу здесь, сумму в тысячу талеров местной городской кассе для бедных ежемесячными взносами через здешнее главное казначейство.

«При этом я ставлю условием, чтобы городские вспомоществования выдавались всем живущим в общине бедным из числа военных инвалидов и их семьям.

«Отец семейства из одиннадцати живых детей, поддерживающий многочисленных бедных родственников, не обладая никакими капиталами, я делаю таким образом все, что по справедливости в состоянии делать.

«Сограждане! Последуйте этому примеру и будьте коммунистами в благородном смысле слова, — и скоро здесь, как и везде, установятся спокойствие, мир и доверие».

Гражданин *фон-Дригальский*.

Дюссельдорф, 23 ноября.

ДОКЛАД ФРАНКФУРТСКОЙ КОМИССИИ ОБ АВСТРИЙСКИХ ДЕЛАХ.

Кельн, 27 ноября.

Лет 40 тому назад существовали люди, описывавшие «Германию в ее глубочайшем унижении». Хорошо, что они уже отправились *ad patres* (к предкам). Теперь они уже не могли бы писать подобные книги, они не могли бы придумывать заглавий для них, а если бы повторяли старые, то впадали бы в противоречие с самими собою. Ведь для Германии, говоря словами английского поэта, постоянным правилом является, что «beneath the lowest deep a lower still» (под самой глубокой глубиной есть глубина еще более глубокая).

Мы полагали, что с заключением датского перемирия исчерпан величайший позор. Нам казалось после выступления имперского посланника Раумера в Париже, Гекшера в Италии, комиссара Штедтмана в Шлезвиг-Гольштинии и после обеих нот Швейцарии, что дальше унижение Германии уже не может идти. Выступление обоих имперских комиссаров по австрийскому вопросу свидетельствует о нашей ошибке. Как невероятно бесцеремонно обращаются германские имперские комиссары с честью Германии, какую тупоумную неспособность, трусость или предательство способны таить в себе господа старые либералы, — видно в достаточной мере из только что появившегося «доклада комиссии по австрийским делам», и т. д., особенно из помещенных в нем двадцати документов.

13 октября господа Велькер и Мосле выезжают по поручению центральной власти во Франкфурте, «чтобы выступить посредниками в *венских* делах». Неискушенные в новой центральной дипломатии люди ожидали известия спустя несколько дней по прибытии этих господ в Вену. Тогда еще не знали, что имперские комиссары имеют собственные маршруты. Молодцы блюстителя империи направились наиболее прямым путем в Вену — через *Мюнхен*. С известной путевой картой из «Иобсиады» в руках они прибыли туда вечером 15 октября. До полудня 17 октября они изучали венские события совместно с баварскими министрами и австрийским поверенным в делах. В своем пер-

вом письме г. Шмерлингу они дают отчет о своих предварительных изысканиях. В Мюнхене их осенило просветление. Они страстно желают прибытия «третьего коллеги», по-возможности пруссака, «так как благодаря этому легко будет выполнить великое поручение». Но г. «коллега» не является. Надежда на троицу рушится, чиновная двойка должна пускаться в свет одна. Но что станется теперь с «великим поручением»? Великое поручение отправится в карманах гг. Велькера и Мосле в Пассау. Еще до перехода через австрийский Рубикон «великое поручение» предпосылает прокламацию. Но там было ужасно! «Население, — пишет Велькер Шмерлингу, — здесь, на австрийской границе, тоже не свободно от революционных и террористических проявлений»; мало того: «даже только вмешательство военной охраны моста могло помешать национальной гвардии Крэмса сломать этот мост перед проездом императора и таким образом в известной мере захватить его в плен». Какой читатель будет столь жестокосерд, что не оценит в полной мере эти чувства прекрасной казенной души! Подкрепившись с 18-го до 20-го утром в Пассау, наши господа отправляются в Линц.

13 октября они выехали из Франкфурта, 20-го вечером они уже в Линце. Разве эта невероятная быстрота не свидетельствует уже в достаточной мере о важности их «великого поручения»? Разве для побуждения их к такой безграничной поспешности нужны были еще особые инструкции? Достаточно сказать, что ровно через семь дней господа комиссары прибывают в Линц. Этот город, который при своем «многочисленном фабричном населении, уже обработанном венскими эмиссарами», пробудил в г. Велькере во время его пребывания в Пассау тревожные ожидания, не обнаружил никаких признаков существования виселицы, уготованной, вероятно, для него и его г. коллеги и рисовавшей его взору. Наоборот, «вся национальная гвардия со своим корпусом офицеров и со своей музыкой, выстроенная в торжественном порядке, с развевающимся германским знаменем, встретила нас с окружным населением шумными приветствиями». Таким образом Линц—революционный Содом—превращается в благонамеренный город, достаточно добродушный, чтобы торжественно принять наших великолепных имперских комиссаров. Зато в отчетах Велькера-Мосле г. Шмерлингу тем мрачнее рисуется Вена как безбожнейшая Гоморра, как адский водоворот анархии и т. п.

21-го господа комиссары взошли на пароход и отправились в Крэмс. По дороге они сообщают во Франкфурт, что к ним в Линце был приставлен почетный караул, что солдаты гауптвахты становились перед ними «на караул» и тому подобные важные вещи.

Одновременно с этим они составляют три письма: Виндишгрецу, министру Краусу и президенту рейхстага.

Если кого-либо не вполне удовлетворила более чем восьмидневная деятельность наших имперских комиссаров, то ему следует поехать с ними теперь, в ночь с 21 на 22 октября, в Штамерсдорф, в главную квартиру Виндишгреца. Здесь комиссарская центральная власть сияет перед нами во всей своей славе. «Виндишгрец, — говорят Велькер-Мосле, — с некоторой *резкостью* отклонил всякое вмешательство с нашей стороны». Другими словами: они получили пинки и должны отправиться дальше своей дорогой. «Мало того: он не захотел даже взглянуть на наши полномочия», — жалуется Велькер своему министру Шмерлингу. И в довершение огорчения: Виндишгрец не предлагает стоящей перед ним олицетворенной центральной власти ни одной капли вина, даже ни одной рюмки водки.

И вот, наши комиссары садятся снова в карету, печально напевая: «О ты, Германия, и т. д.», и направляются... в Вену? Боже упаси, нет, в Ольмюц, в «резиденцию императорского двора». И они хорошо поступили! Без этого весь имперский фарс остался бы без завершения, вся комедия посредничества осталась бы без последнего акта. Если Виндишгрец отнесся к ним, как к глупым школьникам, то в Ольмюце они встретили «со стороны императора и императорской фамилии *гораздо более предупредительный прием*» (см. стр. 11 доклада, письмо № 6). Они были приглашены к столу, и «мы, — пишут они далее г. Шмерлингу, — удостоились *весьма милостивого приема*». Здесь говорит отнюдь не германская лакейская натура, а искреннейшая благодарность, находящая соответствующее выражение в песне: «После стольких страданий,» и т. д.

Но после обеда остается выполнить «великое поручение». Наши комиссары письменно обращаются к министру барону *Вессенбергу*.

«Мы почтительно просим ваше превосходительство (начинается письмо от 25 октября) *благодарно* назначить нам час, когда вам угодно будет принять изъявление нашей благодарности за благодарный прием, оказанный нашей комиссией и нам со стороны его королевско-императорского величества и вашего превосходительства, и сообщить нам ваши взгляды и решения по поводу следующих пунктов, относящихся к выполнению нашей миссии». «Следующие пункты» говорят во многих словах только то, что комиссары желают получить разрешение отправиться в Вену для посредничества.

Все письмо, как и второе письмо к Вессенбергу, составлено в столь запутанном канцелярском стиле прошлого столетия, так насыщено безмерной вежливостью и покорностью, что прямо приятно сей-

час же вслед за ним прочитав ответы Вессенберга. В этой переписке оба комиссара, делающие на гладком паркете свои комичные поклоны и старающиеся употреблять сами изысканные выражения, выглядят рядом с австрийским министром как два неотесанных мужика перед высокообразованным дворянином.

Вессенберг отвечает на вышеприведенное письмо: «Высокоблагородные господа! Должен просить извинения за то, что так поздно отвечаю на ваше сегодняшнее письмо... Что касается вашего благого намерения сделать в Вене еще одну попытку ликвидировать тамошний разлад, мне кажется необходимым прежде всего поставить вас в известность о теперешнем положении там. Дело в том, что сейчас речь может идти не о переговорах с какой-либо партией, а исключительно о подавлении мятежа», и т. д. (см. стр. 19 доклада). Вместе с этим ответом он отправляет им обратно их полномочия.

Они повторяют свою просьбу в письме от 27 октября: «Мы должны считать настоятельным долгом еще раз *покорнейше просить* ваше превосходительство, а в зашем лице — императорское правительство, по возможности скорее отправить нас под надежным конвоем в Вену с благожелательными и примирительными поручениями и условиями, чтобы в этом ужасном кризисе использовать умиротворяющее и личное влияние, которое воплощено в нас и в нашей миссии».

Мы видели, как действовало это «умиротворяющее и личное влияние» в течение 14 дней после выезда за франкфуртские ворота.

Оно производит на Вессенберга столь могущественное впечатление, что он в своем ответе на их просьбу ничего не отвечает. Он сообщает им некоторые, к тому же наполовину неверные сведения из Вены и иронически замечает: «Впрочем, то обстоятельство, что вспышки, подобные той, которую вызвали пролетарии в Вене, не легко могут быть подавлены без применения принудительных мер, еще недавно было подтверждено событиями во Франкфурте!» Таким доводам господ Велькер и Мосле никак не могли противостоять; они поэтому отказываются от дальнейших попыток и со своим «умиротворяющим и личным влиянием» выжидают, что скажут события.

28 октября они снова докладывают Шмерлингу по поводу своего «великого поручения». По предложению Вессенберга, они передают свою депешу курьеру, которого Вессенберг посылает во Франкфурт. Курьер отправляется в путь, но не депеша. Только 6 ноября прибывает она во Франкфурт. Если бы они не побывали за императорским столом, если бы императорская фамилия и, в особенности, эрцгерцог Карл не беседовали с ними так дружелюбно, комиссары должны были бы совсем потерять голову от стольких неудач.

Теперь следует двухнедельное молчание. После столь упорной работы «умиротворяющее влияние» празднует субботний отдых.

Тут, 30 октября, Вессенберг передает им официально полученное сообщение о сдаче Вены. Решение их принято. Правда, еще 28 октября они полагали (стр. 14 доклада), что «у него (Виндишгреца) так же, как здесь (в Ольмюце) у влиятельных лиц, *слишком* преобладает мысль не только об усмирении Вены, но и о мстительном наказании за совершенное преступление». Однако после этого Вессенберг заверил их, — и как мог тогда имперский комиссар еще отважиться сомневаться! — что «в использовании этой победы австрийское правительство будет руководствоваться принципами, могущими обеспечить ему расположение его подданных».

«Мы можем, таким образом, предполагать, — восклицают Велькер-Мосле, исполненные имперского пафоса, — что наши предложения *все же* имели некоторое влияние!» Все же имели? О, конечно! Вы превосходнейшим образом забавляли в течение восьми дней Вессенберга, эрцгерцога Карла, Софию и всю братию. Вы служили для облегчения императорско-королевского пищеварения, *Велькер-Мосле!*

«Итак, после этого заверения министра мы считаем нашу миссию выполненной и завтра (31 октября) отправимся в обратный путь через Прагу». Так заканчивается последнее донесение гг. Велькера-Мосле!

И в самом деле, вы правы, ваше «великое поручение» в деле примирения и посредничества было выполнено. Зачем нужно было теперь отправляться в Вену? Разве господами города не являлись уже апостолы гуманности Виндишгрец и Елачич? Разве красные епанчи и императорско-королевские войска не проповедывали уже языком грабежа, поджогов, убийства и насилий евангелие мира и конституционной свободы — языком, понятным для каждого?

Как заметно проявилось ваше «умиротворяющее влияние», как великолепно вы выполнили свою задачу, — об этом свидетельствуют предсмертные хрипы убитых, крики отчаяния насилуемых, об этом свидетельствуют тысячи, томящиеся в тюрьмах, об этом говорит нам окровавленная тень *Роберта Блюма*.

Ваша задача состояла в том, чтобы в дополнение к трилогии, поставленной Виндишгрецом, Елачичем и Вессенбергом, помочь инсценировать в Ольмюце сатирическую комедию. Эта задача удачно разрешена вами: вы с величайшим искусством сыграли до конца роль «*одурченных дядюшек*», а может быть и кого-нибудь похуже.

ПОДЛОСТЬ НЕМЕЦКИХ ПРОФЕССОРОВ.

Кельн, 29 ноября.

Лакейская природа немецких профессоров нашла свое идеальное выражение в лице ученых господ из Берлина и Галле. Этот холопский образ мыслей способен пристыдить даже русского крепостного. Благочестивый буддист, с верой проглатывающий экскременты своего далай-ламы, с изумлением слушает сагу о берлинско-галлеских буддистах, проституирование которых перед королевской властью «божьей милостью» представляется ему баснословным. Он начинает верить этому, когда ему показывают адреса берлинских и галлеских профессоров прусскому королю от 24 и 21 ноября вместе с их собственноручными подписями.

«Была уничтожена свобода обсуждения, жизнь депутатов находилась под угрозой, попораны были достоинство собрания, честь нации, и самые благомыслящие и справедливые предложения, имеющие целью прекращение этого господства террора, разбивались о сопротивление тех, кому он был нужен».

Прибегая к таким и подобным им лживым утверждениям, 80 берлинских профессоров, — и в их числе Генгстенберг, Шенлейн, Эренберг, Бек, оба Гримма и др., — фабрикуют со своей прирожденной собачьей преданностью адрес королю, в котором выражают свое ученое одобрение насильственным действиям министерства Бранденбурга.

Таково же содержание и адреса 19 галлеских профессоров, которые, однако, так далеко заходят в комизме, что говорят о «важности своей профессии».

Главное содержание обоих адресов, это — неопишущее бешенство по поводу *отказа платить налоги*. Еще бы! Исчезнут налоги — и обанкротится привилегированная ученость. Достаточно малейшей угрозы кошельку этого жадного до денег профессорского отродья, чтобы вся наука стала метать громы и молнии. Их монополия коренится в королевской власти «божьей милостью». Они пишут королю верноподданнические адреса, т. е. они до смерти преданы

своей собственной монополии. Если народ одержит окончательную победу, то, несмотря на всю «важность их научной профессии», эти господа сумеют быстро стать на сторону столь проклинаемого ими теперь народного суверенитета. Но народ крикнет им тогда: «Слишком поздно!» — и положит скорый конец всей мерзости привилегированной учености.

ГОСПОДИН РАУМЕР ЕЩЕ ЖИВ.

Кельн, 6 декабря.

Недавно мы упомянули об адресах с выражением лояльных чувств, поданных королю галлескими и берлинскими профессорами. Сегодня мы можем сообщить, что г. фон-Раумер, имперский посол *in partibus*, в данный момент дежурящий в передней у Бастида и Кавеньяка, в полной мере приобщился к профессорскому позору, заявив о своем присоединении к этим адресам. От имперского посла, вроде г. Раумера, в сущности нельзя было и ожидать чего-либо иного. Но его заявление, повидимому, вызвано еще другим мотивом. Много месяцев уже г. Раумер обретаётся в забвении в Германии. В своем стремлении каким-либо образом вынырнуть из этого забвения он жадно ухватился за предоставленный ему его берлинскими коллегами-бонзами случай и поспешил опубликовать наскоро составленное заявление. Это раумеровское произведение помещено в последнем номере «Прусского государственного указателя».

ДВА НАРОДА В ПРУССИИ.

Кельн, 28 ноября.

Орган потсдамской камариллы, пресловутая «Рыцарша креста», поучает нас, что в Пруссии существует рядом друг с другом «два совершенно различных народа». Один из этих народов так характеризуется богом благословенной газетой:

«Во-первых, та в духовном отношении смешная кучка, руководимая двумя-тремя дюжинами честолюбивых негодяев, за которой следует множество чиновников, в своей беспомощности и трусости мечущихся налево и направо, подобно марионеткам, за которыми следует толпа проходимцев всякого рода, начиная с самых *кротких* (депутат *Мильде*) и тщеславных франтов самого *навязчивого* (*Pinder* ¹—какая остроумная потсдамская игра слов!) свойства вплоть до настоящих карманных воров и разбойников—таков первый народ».

Угодно теперь читателю увидеть второй прусский народ?

Это «честный, благообразный, законопослушный народ, даже по отношению к такому ослу, каким являешься ты (первый народ), но при своей законопослушности питающий чистую горячую любовь к своему королю («божьей милостью»), к памяти своих славных предков (значит, против отмены дворянства и всего, что с этим связано), к славе и чести своей великолепной, юношески свежей, увенчанной победами армии» (лейб-гвардия в берлинском театре), — это народ, «который даже совсем не понимает, как это ты, осел (первый народ), решаешься лаять на графа Бранденбурга» (королевско-пруссские ослы *лают*— прогресс в христианско-германском государстве).

Лозунг этого второго прусского народа таков: «Ослу — кнут, а собаке — палка». Тот самый народ, который в марте на несколько недель прервал практическое применение этого лозунга, «теперь вхо-

¹ [Непереводимая игра слов, основанная на совзвучии «milde» и «binder» с собственными именами Milde и Pinder.]

дит в ряды говорящих» и благодарит г. Бранденбурга за то, что он сделал первый шаг «для освобождения его от грязной клики, которая сидела у него на голове, а именно от тебя (первого народа)».

Этот первый народ чувствует себя «точно купающимся в ароматной целебной ванне, ибо видит, наконец, дела, и притом *пруссские* дела» (да, конечно, чисто прусские дела!). Ибо «в течение недели всякий сможет убедиться, что в Пруссии нельзя найти более популярное министерство, чем министерство графа Бранденбурга».

Таково новейшее открытие бравой «крестовой рыцарши с богом за короля и отечество»!

ОРГАН МАНТЕЙФЕЛЯ И ИОАНН.

Кельн [без даты].

«Новая прусская газета» подтверждает уже переданное нами замечание *Мантейфеля* по поводу франкфуртской центральной власти и Франкфуртского собрания. Орган Мантейфеля говорит:

«Провозглашение блюстителя империи могло быть продиктовано самыми лучшими намерениями. Но мы, пруссаки, должны его решительно отвергнуть — прусский народ должен это сделать не менее решительно, чем прусская корона».

Орган Мантейфеля высказывает наше интимнейшее убеждение.

Тот же офицов выражается об обязательности франкфуртских решений следующим образом:

«Мы, пруссаки, не знаем другого господина, кроме нашего короля. И только те из франкфуртских решений, которые он одобрит, будут обязательны для нас именно потому, что Он (прусский стиль!) их одобрил, и ни по какой другой причине».

Мы, пруссаки!!! Нам, жителям Рейнской области, посчастливилось на великом торге людьми в Вене заполучить нижнерейнского «великого герцога», не выполнившего ватем условий, на которых он был объявлен «великим герцогом». «Прусский король» существует для нас лишь в силу решения берлинского Национального собрания, и так как для нашего ниже-рейнского «великого герцога» никакого берлинского Национального собрания нет, то нет для нас и никакого «прусского короля». Нижне-рейнскому великому герцогу мы достались в результате торга народами! Когда мы вырастем настолько, что перестанем признавать торговлю человеческими душами, мы попросим «нижне-рейнского великого герцога» предъявить свой «титул на владение»!

ПРУССКИЙ ТРАКТАТИК.

Кельн, 5 декабря.

Листовки контр-революционной партии разлетаются из деккеровской «Тайной главной придворной типографии» в сотнях тысяч экземпляров во все концы страны. Бранденбургско-мантейфелевская бюрократия в своей пропаганде имеет в виду главным образом военных и сельское население. Усерднее всего распространяется трактатик: «К народу», начинающийся обращением: «Граждане! Крестьяне! Пруссаки!» Бесстыднее, чем в этой стряпне, еще никогда никто не лгал. Национальное собрание, исключая верных «правых», постыднейшим образом забрасывается в этом трактатике грязью. Мало того, что оно занималось «сущими пустяками» (однако *Nabeas Corpus Act* и т. п. оказался перед врангелевскими штыками даже больше чем пустяками), — оно даже четыре раза оскорбило короля. Во-первых, оно оказалось неспособным оценить изящный проект конституции, который высидели гг. Кампгаузен и К^о; во-вторых, оно не пало ниц перед принцем Прусским, когда он в качестве депутата вошел в зал заседаний, и не замерло в верноподданническом восторге; в-третьих, оно вычеркнуло из королевского титула слова «божьей милостью» и, в-четвертых, оно объявило «ордена и знаки отличия» по меньшей мере совершенно ненужным вздором. Таковы его четыре смертных греха против духа святого.

Но самое худшее еще впереди: это — *отмена дворянства*. Одно уже это позорное деяние заслуживает кровавой мести. Правда,

Когда Адам пахал, а Ева пряла,

!Где был в то время дворянин?..

Но в христианско-германском государстве выбросить в чулан официальное употребление дворянских титулов вместе со всеми привилегиями дворянства, это — неслыханное преступление, это требует крови!

Затем бранденбургско-мантейфелевский трактатик останавливается на том, во сколько обошлось Национальное собрание, и

определяет эти издержки в 200 000 рейхсталеров. Остается пожалеть, что этот листок забывает указать, сколько за это время получил король прусский на свое содержание из кармана народа. Ведь те миллиончики, которые он поглотил со времени созыва Национального собрания, наверное было не легче добыть, чем 200 000 рейхсталеров для депутатов. И если мы еще вспомним, как много денег должны мы тратить на покрытие громадных расходов по ежедневным передвижениям войск взади и вперед, на мобилизацию ландвера и т. п., — надо удивляться бесстыдству, с которым негодуют по поводу этих 200 000 рейхсталеров и в то же время обходят молчанием в 50 раз более значительные суммы на военщину, даже на одних только шпионов. Громадные расходы на военщину мы несем не потому, что надо отравить внешнего врага, не потому, что нужно защищать страну, а для того, чтобы военщина, как в Швейднице, с заносчивой реакционной жесткостью расстреливала нас, чтобы она угощала и избивала нас прикладами в Кобленце, Дюссельдорфе, Трире и т. д., и т. д., чтобы повсюду объявлялось осадное положение, а мы, несмотря на все обещанные гарантии и свободы, оставались бесправными.

В конце этого трактатика говорится буквально:

«Гоните, арестуйте подстрекателей! Уничтожайте крикунов!»
и т. д.

Что это лживое произведение прусской реакции предназначается специально для воздействия на солдат — явствует из того, что оно распространяется во всех казармах, по всей стране, среди всех военных без исключения.

В нашем городе солдат созывали формальным приказом для чтения этой глупой стряпни. Такими и подобными произведениями надеются пропитать солдат тем духом, который один только может сделать их послушным орудием богом благословенного режима насилия и оградить их от влияния нежелательных свободолюбивых мыслей.

РОСПУСК НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ В БЕРЛИНЕ

О КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Кельн, 6 декабря.

Контр-революция вступила в свою вторую стадию. Национальное собрание распущено. Октроированная конституция провозглашена «высочайшей милостью» без всяких оговорок.

Вс с мая месяца практиковавшееся лицемерие с «соглашением» сбросило теперь последний фиговый листок.

Мартовская революция объявлена не существовавшей, и власть «божьей милостью» празднует свою победу.

Камарилья, юнкерство, бюрократия и вся реакция в форме и без оной торжествуют, что глупый народ, наконец, снова загнан в стойло «христианско-германского» государства.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Кельн, 7 декабря.

Национальное собрание распущено. Представители народа разогнаны «божьей милостью».

К произведенному с такой наглостью государственному перевороту министерство в своей мотивировке этого насилия присоединяет еще злейшую насмешку.

Национальное собрание пожинает теперь плоды своей длительной слабости и трусости. Оно предоставляло заговору против народа спокойно, в течение ряда месяцев, делать свои приготовления, усиливаться и окрепнуть, — и теперь оно падает его первой жертвой.

Вместе с тем и народ искупает то, в чем он погрешил в марте, а потом в апреле и мае из великодушия или, вернее, по глупости. Искупает он и свое так называемое «пассивное сопротивление». Теперь он получил урок, которым, надо надеяться, он воспользуется в будущем. Его следующая победа положит конец «соглашательству», а вместе с ним и всем остальным фразам и лицемерию.

БУРЖУАЗИЯ И КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ.

(Баланс прусской революции.)

I.

Кельн, 9 декабря.

Мы никогда не скрывали этого. Наша почва — не почва легальности, а революционная почва. Теперь правительство, с своей стороны, отказалось от лицемерия легализма. Оно стало на революционную почву, ибо и контр-революционная почва является революционной.

В § 6 закона 6 апреля 1848 г. было постановлено: «Будущим представителям народа должно принадлежать во всяком случае право голоса при издании всех законов, равно как установление государственного бюджета и право утверждения налогов».

В § 13 закона 8 апреля 1848 г. сказано: «Созываемое на основе настоящего закона собрание призвано установить, в согласии с короною, будущую государственную конституцию и на время своего существования пользуется правами бывших государственных сословий, в частности — правом утверждения налогов».

Теперь правительство прогоняет соглашательское собрание к чорту, самовольно диктует стране *soi-disant* конституцию и само утверждает себе налоги, в которых ему отказали народные представители.

Прусское правительство положило блестящий конец кампгаузениаде, представлявшей нечто вроде торжественной истории иовиады легальности. Творец этой эпопеи, великий Кампгаузен, из мести продолжает спокойно оставаться во Франкфурте в качестве посла этого самого прусского правительства и интриговать с Бассерманами в интересах того же прусского правительства. Этот Кампгаузен, который изобрел теорию соглашения для того, чтобы спасти почву легальности, т. е. для того, чтобы прежде всего обманым образом лишить революцию подобающей ей чести, одновременно изобрел и мины, которые должны были впоследствии взорвать на воздух почву легальности вместе с теорией соглашения.

Этот человек устроил косвенные выборы, давшие такое собрание, которому правительство в самый момент восстания могло сказать грозным голосом: Trop tard! (Слишком поздно!) Он призвал обратно принца Прусского, главу контр-революции, и не постеснялся при помощи официальной лжи превратить его бегство в поездку с учебною целью. Он сохранил в силе старое прусское законодательство о политических преступлениях и старые суды. При нем старая бюрократия и старая армия выиграли опять время, для того чтобы оправиться от своего испуга и полностью реконструироваться. Все руководители старого режима невозбранно остались на своих местах. При Кампгаузене камарилья вела войну в Познани, в то время как он сам вел войну в Дании. Датская война должна была послужить громоотводом для чрезмерного патриотизма немецкой молодежи, которая после своего возвращения вдобавок подверглась надлежащему полицейскому воздействию; датская война должна была доставить некоторую популярность Врангелю и его опороченным гвардейским полкам и вообще реабилитировать прусскую военщину. Как только указанная цель была достигнута, эта показная война должна была быть закончена любой ценою — путем позорного перемирия, которое тот же Кампгаузен скомпоновал вместе с германским Национальным собранием во Франкфурте-на-Майне. Результатами датской войны были: назначение «главнокомандующего обоих округов» и возвращение в Берлин прогнанных оттуда в марте гвардейских полков.

А война, которую потсдамская камарилья вела в Познани под покровительством Кампгаузена! Война в Познани представляла нечто большее, чем войну против прусской революции. Это было падение Вены, поражение Италии, поражение июньских героев. Это была первая решающая победа русского царя над европейской революцией. И все это происходило под покровительством великого Кампгаузена, мыслящего друга истории, рыцаря длинных дебатов, героя соглашательства.

При Кампгаузене и через его посредство контр-революция овладела, таким образом, всеми решающими постами; она обеспечила себе готовую к бою армию в то время, как соглашательское собрание занималось дебатами. При министре дела Ганземане-Пинто старая полиция получила новую форму, и началась столь же ожесточенная, как и жалкая борьба буржуазии против народа. При Бранденбурге стали делать выводы из этих предпосылок. Для этого требовалось еще только одно — усы и сабля вместо головы. Когда Кампгаузен ушел в отставку, мы сказали о нем, «что он сеял

реакцию в духе буржуазии, а пожнет ее в духе аристократии и абсолютизма».

Мы не сомневаемся, что его превосходительство прусский посол Кампгаузен в настоящий момент причисляет себя самого к господам феодалам и самым спокойным образом примирится с своим «недоразумением».

Однако не надо ошибаться; не надо приписывать никакой всемирно-исторической инициативы какому-то Кампгаузену, какому-то Ганзemannу, этим людям среднего калибра. Они служили только органами класса. Их речи и действия были только официальным эхом класса, выдвинувшего их на авансцену. Они представляли только крупную буржуазию на авансцене.

Представители этого класса образовывали либеральную оппозицию в блаженно почившем Соединенном ландтаге, который на одну минуту был вновь разбужен к жизни Кампгаузенем.

Господам из этой либеральной оппозиции бросали упрек в том, что они изменили после мартовской революции своим принципам. Это ошибка.

Крупные землевладельцы и капиталисты, которые одни только были представлены в Соединенном ландтаге, словом — представители золотого мешка, разбогатели и стали более образованными. С одной стороны, с развитием буржуазного общества в Пруссии, — т. е. с развитием промышленности, торговли и земледелия, — старые сословные различия потеряли свою материальную основу. Само дворянство в значительной мере прониклось буржуазным духом. Вместо верности, любви и веры оно начало интересоваться прежде всего свекловицею, водкою и шерстью. Главным местом состязания для него стал шерстяной рынок. С другой стороны, абсолютистское государство, у которого ход развития вырвал из-под ног его старую общественную основу, превратилось в сковывающие цепи для нового буржуазного общества с его изменившимся способом производства и изменившимися потребностями. Буржуазия должна была заявить притязание на участие в политической власти, хотя бы ради своих материальных интересов. Она одна только была способна удовлетворять надлежащим образом свои торговые и промышленные потребности. Она должна была взять управление этими ее «священнейшими интересами» из рук отжившей свое время бюрократии, столь же невежественной, как и высокомерной. Она должна была потребовать контроль над государственным достоянием, творцом которого она себя считала. Отняв у бюрократии монополию так называемого образования и сознавая свое значительное превосходство над нею в

действительном понимании потребностей буржуазного общества, она стремилась также завоевать политическое положение, соответствующее ее общественному положению. Для достижения своей цели она должна была иметь возможность свободно обсуждать свои собственные интересы, взгляды и действия правительства. Это она называла «свободой печати». Она должна была иметь возможность свободно собираться. Это она называла «свободой собраний». Точно так же должна была она добиваться свободы совести и тому подобных свобод как необходимого следствия свободной конкуренции. И накануне марта 1848 г. прусская буржуазия уже увидела близкое осуществление своих желаний.

Прусское государство испытывало финансовые затруднения. Его кредит был исчерпан. В этом заключался секрет созыва Соединенного ландтага. Правда, правительство сопротивлялось своей судьбе, оно грубо распустило Соединенный ландтаг, но нужда в деньгах и отсутствие кредита неизбежно привели бы его в объятия буржуазии. Подобно феодальным баронам, короли божьей милостью издавна обменивали свои привилегии на наличные деньги. Освобождение крепостных представляло первый великий акт, а конституционная монархия — второй великий акт этой исторической сделки во всех христианско-германских государствах. *L'argent n'a pas de maître* (у денег нет хозяина), но *maîtres* перестают быть *maîtres*, как только они *démonétisés* (обесценены).

Итак, либеральная оппозиция в Соединенном ландтаге представляла собой не что иное, как оппозицию буржуазии против формы правительства, уже не удовлетворявшей ее интересам и потребностям. Для того чтобы стать в оппозицию ко двору, она должна была снискать расположение народа.

Она, быть может, действительно вообразила, что делала оппозицию для народа.

Естественно поэтому, что она могла добиваться от правительства прав и свобод, которых она добивалась для себя, лишь под фирмой прав и свобод для народа.

Эта оппозиция, как уже сказано было, видела перед собою самые радужные перспективы, когда разразилась февральская гроза.

II.

Кельн, 14 декабря.

Когда пронесся мартовский потоп, — потоп *en miniature*, — на поверхности берлинской земли после него остались не какие-нибудь чудовища, не революционные колоссы, а существа старого типа, приземистые буржуазные фигуры — либералы Соединенного ландтага, представители сознательной прусской буржуазии. Провинции, имевшие наиболее развитую буржуазию, Рейнская провинция и Силезия, доставили главный контингент для новых министерств. За ними целый хвост рейнских юристов. По мере того как буржуазия оттеснялась на задний план феодалами, в министерствах Рейнская провинция и Силезия уступали место старо-прусским провинциям. Министерство Бранденбурга было связано с Рейнскою провинциею только через одного эльберфельдского тория. Ганзаеман и фон-дер-Гейдт! Эти два имени воплощают для прусской буржуазии всю равницу между мартом и декабрем 1848 года!

Прусская буржуазия была брошена на вершины государственной власти, но не, как она хотела, путем мирной сделки с короною, а благодаря революции. Не свои собственные интересы, а интересы народа она должна была теперь защищать против короны, т.-е. против себя самой, ибо ей расчистило дорогу народное движение. Но корона в ее глазах представляла только божественную ширму, за которою должны были скрываться ее собственные земные интересы. Неприкосновенность ее собственных интересов и соответствующих им политических форм должна была означать в переводе на конституционный язык: неприкосновенность короны. Отсюда мечты немецкой и особенно прусской буржуазии о конституционной монархии. Поэтому, хотя февральская революция вместе со своими отголосками в Германии была выгодна для прусской буржуазии, так как бросила в ее руки руль государственного корабля, но вместе с тем она путала ее расчеты, так как власть ее была связана с такими условиями, которых она не хотела и не могла выполнить.

Буржуазия не двинула и пальцем. Она позволила народу бороться

за нее. Поэтому переданная ей власть представляла собою не власть полководца, победившего своего противника, а власть комитета безопасности, которому победоносный народ доверил охрану своих собственных интересов.

Кампгаузен еще чувствовал все неудобства такого положения, и вся слабость его министерства проистекает из этого чувства и обстоятельств, которыми оно было вызвано. Нечто вроде краски стыда окрашивает поэтому самые бесстыдные акты его управления. Откровенное бесстыдство составляло привилегию Ганземана. Красный колорит представляет единственную разницу между этими двумя художниками.

Не надо смешивать прусскую мартовскую революцию ни с английской революцией 1648 г., ни с французской 1789 г.

В 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви.

В 1789 г. буржуазия в союзе с народом боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви.

Революция 1789 г. имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 г., а революция 1648 г. — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только хронологически, но и по существу.

В обеих революциях буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения. Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитого класса или части класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии, например в 1793 и 1794 гг. во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер. Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством.

Революции 1648 и 1789 гг. не были английской и французской революциями; это были революции европейского масштаба. Они представляли не победу одного определенного класса общества над старым политическим строем; они провозглашали политический строй нового европейского общества. Буржуазия победила в них; но победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, разделения собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением

собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над фамильным именем, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями.

Революция 1648 г. представляла победу семнадцатого века над шестнадцатым, революция 1789 г. — победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали еще больше потребности тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции.

Ничего подобного не было в прусской мартовской революции.

Февральская революция уничтожила конституционную монархию на деле и власть буржуазии в идее. Прусская мартовская революция должна была установить конституционную монархию в идее и власть буржуазии на деле. Далекая от того, чтобы стать европейской революцией, она представляла собою только хилый отголосок европейской революции в отсталой стране. Вместо того, чтобы опередить свой век, она отставала от него более чем на столетие. Она с самого начала была рецидивом, а ведь известно, что рецидивы труднее поддаются лечению и вместе с тем больше разрушают организм, чем первоначальная болезнь. Дело шло не о создании нового общества, а о возрождении в Берлине общества, почившего в Париже. Прусская мартовская революция не была даже национальною, германскою, она с самого начала была провинциально-прускою. Венское, кассельское, мюнхенское и всякого рода другие провинциальные восстания протекали рядом с нею и оспаривали у нее первенство.

В то время как революции 1648 и 1789 гг. были преисполнены безграничным чувством гордости от того, что они были венцом творения, честолюбие берлинцев 1848 г. состояло в том, что они представляют анахронизм. Их свет был подобен свету далеких звезд, который доходит до жителей земли спустя 100 000 лет после того, как погасло испускавшее его светило. Прусская мартовская революция представляла в миниатюре, как она и вообще все представляла в миниатюре, подобную звезду для Европы. Ее свет был светом давно уже истлевшего общественного трупа.

Немецкая буржуазия развивалась так вяло, трусливо и медленно, что в тот момент, когда она враждебно противостояла феодализму и абсолютизму, она увидела себя враждебно противостоящею пролетариату и всем слоям городского населения, интересы и идеи которых были родственны пролетариату. Она видела враждебными себе не только класс *позади* себя, но и всю Европу *перед* собою. В отличие от французской буржуазии 1789 г. прусская буржуазия не была тем классом, который защищает все современное общество против

представителей старого общества, монархии и дворянства. Она опустилась до уровня какого-то сословия, противостоящего и короне, и народу, оппозиционно настроенного по отношению к ним обоим, нерешительного по отношению к каждому из своих противников в отдельности, так как она всегда видела их обоих впереди или позади себя; она с самого начала была склонна к измене народу и к компромиссу с коронованным представителем старого общества, ибо она сама принадлежала к старому обществу; она представляла не интересы нового общества против старого, а обновленные интересы внутри устаревшего общества; она стояла у руля революции не потому, что за нею стоял народ, а потому, что народ толкал ее впереди себя; она находилась во главе не потому, что представляла инициативу новой общественной эпохи, а только потому, что представляла недовольство старой общественной эпохи; то был пласт старого государства, который сам не пробил себе дороги, но силою землетрясения был выброшен на поверхность нового государства; без веры в себя самое, без веры в народ, брюзжащая против высших, дрожащая перед низшим, эгоистическая по отношению к тем и другим и сознающая свой эгоизм, революционная по отношению к консерваторам и консервативная по отношению к революционерам, не доверяющая своим собственным лозунгам, имеющая фразы вместо идей, напуганная мировой бурей и эксплуатирующая эту бурю, лишенная энергии и прибегающая к плагиату во всех направлениях, пошлая, ибо она не была оригинальною, оригинальная только в пошлости, вступающая в сделку со своими собственными желаниями, без инициативы, без веры в себя, без веры в народ, без всемирно-исторического призвания; проклинаемый всеми старец, который видит себя осужденным на то, чтобы в интересах своей собственной дряхлости руководить юношескими стремлениями сильного народа и отводить их, — старец, потерявший зрение, слух, зубы, потерявший все, — такою очутилась прусская буржуазия после мартовской революции у руля прусского государства.

III.

Кельн, 15 декабря.

Теория соглашения, которую буржуазия, достигшая власти в лице министерства Кампгаузена, немедленно провозгласила в качестве «самой широкой» основы прусского *contrat social*, не была только пустой теорией; скорее она выросла на древе «золотой» жизни.

Мартовская революция отнюдь не подчинила властителя божьей милостью суверенитету народа. Она только заставила корону, абсолютистское государство, сговориться с буржуазией, вступить в соглашение со своим старым соперником.

Корона жертвует дворянством для буржуазии, буржуазия жертвует народом для короны. При этом условии монархия станет буржуазной, а буржуазия монархической.

После марта существуют только эти две силы. Они служат друг другу в качестве громоотвода революции. Все это, разумеется, на «самой широкой демократической основе».

В этом заключался секрет теории соглашения.

Торговцам маслом и шерстью, которые образовали первое министерство после мартовской революции, понравилась их роль — прикрывать обнаженную корону своей плебейской одеждою. Они испытывали высокое наслаждение при мысли о том, что будут приняты ко двору и что, упорствуя и отрекаясь из одного только великодушия от своей суровой римской позы, — римской позы Соединенного ландтага, — они заполнят трупом своей прежней популярности пропасть, которая грозит поглотить корону. Какой важный вид имел министр Кампгаузен в роли повивальной бабки конституционного трона! Этот бравый человек был, очевидно, тронут самим собой и своим собственным великодушием. Корона и ее свита неохотно терпели этот унижительный протекторат и делали *bonne mine à mauvais jeu* в ожидании лучших времен.

Полуразложившаяся армия, дрожащая за свои должности и оклады бюрократия, униженное феодальное сословие, вождь которого

отправился в конституционное путешествие с учебною целью, легко при помощи нескольких сладких слов и реверансов одурачили мещанина во дворянстве.

Прусская буржуазия номинально владела властью, она ни минутой не сомневалась в том, что силы старого государства без задних мыслей предоставят себя в ее распоряжение и превратятся в преданных приверженцев ее собственного всевластия. Этой безумною мыслью буржуазия была опьянена не только в лице своего министерства, но и на пространстве всей монархии.

Единственными геройскими подвигами прусской буржуазии были выступления, нередко кровавые, гражданского ополчения против безоружного пролетариата; разве эти геройские деяния не нашли добровольных и преданных помощников в лице армии, бюрократии и даже феодалов? Единственное напряжение сил, на которое оказались способны местные представители буржуазии, общинные советы, — навязчивый и подлый сервиллизм которых был впоследствии по заслугам растоптан сапогом какого-нибудь Виндишгреца, Елачича и Вельдена, — единственные геройские деяния этих общинных советов после мартовской революции заключались в их патриархально-серьезном предостережении по адресу народа; разве они не были встречены с изумлением онемевшими правительственными президентами и раскаявшимися дивизионными генералами? Могла ли прусская буржуазия сомневаться после этого в том, что застарелая вражда армии, бюрократии и феодалов исчезнет в почтительной преданности буржуазии этому великодушному победителю, обуздывающему себя самого и анархию?

Положение было ясное. Перед прусской буржуазией была теперь только одна задача, а именно: поудобнее устроить свою власть, устранить мешающих анархистов, восстановить опять «спокойствие и порядок» и собрать опять налоги, не взысканные во время мартовской бури. Речь могла идти еще только о том, чтобы ограничить до минимального размера издержки буржуазной власти и обусловившей ее мартовской революции. Разве то оружие, которое прусская буржуазия вынуждена была потребовать себе от имени народа для борьбы против феодального общества, — как-то: право собраний, свобода печати, — разве оно не должно было сломаться в руках обманутого народа, которому уже не приходилось пускать его в ход за буржуазию и который обнаружил опасное желание пустить его в ход против нее?

Буржуазия была убеждена в том, что на пути к соглашению ее с короной, на пути к сделке буржуазии со старым, покорившимся

своей участи государством стоит, очевидно, только еще одно препятствие, единственное препятствие, народ — *puer robustus sed malitiosus* (парень здоровый, но коварный), по словам Гоббса.

Революция представляла правовой титул народа; на революции он основывал свои буйные притязания. Революция представляла вексель, переведенный народом на буржуазию. Благодаря революции буржуазия достигла власти. В день достижения ею власти исполнился срок платежа по этому векселю. Буржуазия должна была заявить протест против этого векселя.

В устах народа революция означала следующее: вы, буржуазия, составляете *comité du salut public*, комитет безопасности, в руки которого мы передаем власть не для того, чтобы вы вступили с короною в соглашение о ваших интересах, но для того, чтобы вы отстояли против воли короны наши интересы, интересы народа.

Революция представляла протест народа против соглашения буржуазии с короною. Поэтому буржуазия, вступающая в соглашение с короною, должна была протестовать против революции.

И это случилось при великом Кампгаузене. Мартовская революция не была признана. Берлинское национальное представительство конституировалось как представительство прусской буржуазии, как соглашательское собрание, отклонившее предложение о признании мартовской революции.

Это собрание объявило происшедшее несуществующим. Оно громко заявило перед лицом прусского народа, что народ не объединялся с буржуазией для того, чтобы устроить революцию против короны, а что он устраивает революцию для того, чтобы объединить против себя самую корону с буржуазией! Так был уничтожен правовой титул революционного народа и найдена легальная почва консервативной буржуазии.

Легальная почва!

Брюггеман и в лице его «Кельнская газета» так много болтали, сочиняли и хныкали насчет «легальной почвы», столько раз эту «легальную почву» теряли и находили вновь, разрушали и чинили, перебрасывали из Берлина во Франкфурт и из Франкфурта в Берлин, суживали и расширяли, превращали из простой почвы в паркетный пол, из паркетного пола в двойной пол, — как известно, главное орудие фокусников, — а из двойного пола в бездонную ловушку, что легальная почва, в конце концов, превратилась для наших читателей в почву «Кельнской газеты», что они могут спутать пробный камень прусской буржуазии с частным пробным камнем господина Иосифа Дюмона, необходимую идею прусской мировой

истории с произвольным дурацким колпаком «Кельнской газеты» и видеть в легальной почве только ту почву, на которой произрастает «Кельнская газета».

Легальная почва, и притом легальная почва в Пруссии!

Но что такое эта легальная почва, на которой после марта находятся рыцарь долгих дебатов Кампгаузен, вновь разбуженное привидение Соединенного ландтага и собрание соглашателей; есть ли это конституционный закон 1815 г., или закон ландтага 1820 г., или патент 1847 г., или избирательный и согласительный закон 8 апреля 1848 г.?

Ничего подобного.

«Легальная почва» означала просто, что революция не завоевала своей почвы, а старое общество не потеряло своей, что мартовская революция была только «происшествием», которое дало «повод» к давно уже подготовлявшемуся в недрах старого прусского государства взаимному пониманию между тронem и буржуазией, потребности которой сама корона уже признала в своих прежних высочайших указах и только считала их до марта не совсем «срочными». Словом, «легальная почва» означала, что буржуазия хочет после марта вести переговоры с короною на тех же основаниях, как до марта, как будто никакой революции не было, как будто Соединенный ландтаг достиг своей цели без революции. «Легальная почва» означала, что правового титула народа, революции, нет в *contrat social*, заключенном между правительством и буржуазией. Буржуазия выводила свои притязания из старо-прусского законодательства, дабы народ не мог вывести свои притязания из новой прусской революции.

Само собою понятно, что идеологические кретины буржуазии, ее газетные писатели и им подобные, принимали эту прикрасу буржуазных интересов за подлинные интересы буржуазии и уговаривали в этом себя и других. В голове какого-нибудь Брюггемана фраза о легальной почве превратилась в действительную субстанцию.

Министерство Кампгаузена разрешило свою задачу, задачу посредничества и перехода. Оно явилось посредником между буржуазией, поднявшейся на плечах народа, и буржуазией, уже не нуждавшейся в плечах народа; между буржуазией, якобы защищавшей народ против короны, и буржуазией, действительно защищавшей корону против народа; между буржуазией, которая отщепилась от революции, и буржуазией, которая была уже вылушена как ядро революции.

Соответственно своей роли, министерство Кампгаузена в своей девичьей стыдливости ограничивалось пассивным сопротивлением

революции. Правда, оно отвергло революцию в теории, но на практике оно только противилось ее требованиям и допускало только реконституирование старых государственных властей.

Между тем буржуазия решила, что она достигла уже того пункта, где пассивное сопротивление должно перейти в активное наступление. Министерство Кампгаузена ушло в отставку не потому, что оно допустило ту или иную ошибку, а просто потому, что оно было первым министерством после мартовской революции, потому, что оно было министерством мартовской революции и ввиду своего происхождения должно было еще скрывать представителя буржуазии под видом народного диктатора. Это его двойственное происхождение и двусмысленный характер возлагали на него по отношению к суверенному народу известные условности, сдержанность и осторожность, которые были в тягость буржуазии и с которыми уже не нужно было считаться второму министерству, вышедшему непосредственно из собрания соглашателей.

Ввиду этого отставка министерства Кампгаузена представляла загадку для людей, толкующих о политике за стаканом пива. За ним последовало министерство дела, министерство Ганземана, так как буржуазия решила перейти от периода пассивного предательства народа короне к периоду активного подчинения народа совместной власти буржуазии и короны. Министерство дела было вторым министерством после мартовской революции. В этом состоял весь его секрет.

Кельн, 29 декабря.

«Господа! В денежных делах нет места никаким сантиментам!» В этих нескольких словах Ганземам резюмировал весь либерализм Соединенного ландтага. Этот человек был необходимым главою министерства, вышедшего из самого собрания соглашателей, министерства, долженствовавшего превратить пассивное сопротивление народу в деятельное наступление на народ, министерства дела.

Ни в одном прусском министерстве не было столько буржуазных имен! Ганземам, Мильде, Меркер, Кюльветтер, Гирке! Даже придворная этикетка этого министерства, фон-Ауэрсвальд, принадлежал к либеральной, т. е. подлаживающейся к буржуазии, аристократии кенигсбергской оппозиции. Один только Рот фон-Шреккенштейн представлял среди этой буржуазной черни старую бюрократизированную прусскую феодальную аристократию. Рот фон-Шреккенштейн! Это — давно отжившее заглавие затерянного разбойничье-рыцарского романа блаженной памяти Гильдебранда! Но Рот фон-Шреккенштейн представлял только феодальную оправу буржуазного бриллианта. Рот фон-Шреккенштейн в составе буржуазного министерства был равносильна надписи гигантскими буквами следующего содержания: «Прусская феодальная аристократия, армия и бюрократия идут за вновь восходящею звездою прусской буржуазии». Эти мощные силы предоставили себя в ее распоряжение, и буржуазия помещает их перед своим тронем, как на старых геральдических эмблемах перед тронем государя помещали медведя. Рот фон-Шреккенштейн должен лишь играть роль медведя буржуазного министерства.

26 июня министерство Ганземана представилось Национальному собранию. Только с июля началась его серьезная деятельность. Июньская революция представляла задний фон министерства дела, как февральская революция — задний фон министерства соглашения.

Прусская буржуазия использовала против народа кровавую победу парижской буржуазии над парижским пролетариатом, как прусская корона использовала против буржуазии кровавую победу

хорватов у Вены. Плач прусской буржуазии по австрийском ноябре был отмщением за плач прусского народа по французском июне. В своем близоруком малодушии немецкие филистеры принимали себя за французскую буржуазию. Они не сокрушили еще ни одного трона, они не устранили феодального общества, а тем более его последних остатков; им не приходилось закреплять общество, созданное ими самими. После июня, как и после февраля, в начале XVI века, как и в XVIII столетии, они собирались на свой традиционный лукаворостовщический манер извлекать три четверти своей прибыли из чужого труда. Они не подозревали, что за французским июнем их подстерегает австрийский ноябрь, а за австрийским ноябрем — прусский декабрь. Они не подозревали, что если во Франции буржуазия, сокрушившая троны, видит перед собою только одного врага — пролетариат, то прусская буржуазия, борющаяся с короною, имеет только одного союзника — народ. Не потому, что они оба не имеют противоположных враждебных интересов, но потому, что их обоих еще сковывает один и тот же интерес — необходимость борьбы против третьей силы, равно угнетающей их обоих.

Министерство Ганземана рассматривало себя как министерство июньской революции. И в каждом немецком городе филистеры, в противоположность «красным разбойникам», превращались в «честных республиканцев», причем они не переставали быть честными роялистами и при случае не замечали, что их «красные» носят чернобелые кокарды.

В своей тронной речи от 26 июня Ганземан легко разделался с кампгаузеновскою мистически-туманною «монархией на самой широкой демократической основе». «Конституционная монархия на основе двухпалатной системы и совместное осуществление законодательной власти обеими палатами и короною» — к этой сухой формуле свел он таинственный лозунг своего вдохновенного предшественника.

«Реформа необходимейших отношений, не могущих быть согласованными с новою государственной конституцией, освобождение собственности от оков, препятствующих в большей части монархии ее выгодному использованию, реорганизация судопроизводства, реформа налогового законодательства, в частности отмена изъятий от налога и т. п.», и прежде всего «укрепление государственной власти для охраны завоеванной (гражданами) свободы против реакции (т. е. использования свободы в интересах феодалов) и анархии (т. е. использования свободы в интересах народа) и для восстановления нарушенного доверия», — такова была программа министерства,

программа получившей министерство прусской буржуазии, классический представитель которой — Ганзема́н.

В Соединенном ландтаге Ганзема́н был самым резким и циничным противником доверия, ибо, — говорил он, — «в денежных делах, господа, нет места никаким сантиментам!» Но в министерстве Ганзема́н провозгласил первую необходимостью «восстановление нарушенного доверия», ибо на этот раз он обращался к народу, как раньше — к трону: «Господа! В денежных делах нет места никаким сантиментам!» Раньше речь шла о доверии, которое дает деньги, теперь — о доверии, которое делает деньги; раньше о феодальном доверии, преданности, доверии к богу, королю и отечеству, теперь — о буржуазном доверии, доверии к торговле и промышленности, к способности капитала приносить проценты и к платежеспособности деловых людей, о коммерческом доверии. Речь шла не о вере, любви и надежде, а о кредите.

«Восстановление нарушенного доверия!» В этих словах Ганзема́н выразил основную идею прусской буржуазии.

Кредит покоится на уверенности в том, что попрежнему будет продолжаться эксплуатация наемного труда капиталом, пролетариата — буржуазией, мелкой буржуазии — крупной. Всякое политическое движение пролетариата, какого бы то ни было рода, хотя бы руководимое непосредственно буржуазией, нарушает поэтому доверие, кредит. «Восстановление нарушенного доверия!» означало в устах Ганзема́на следующее: подавление всякого политического движения среди пролетариата и среди других слоев общества, интересы которых не совпадают непосредственно с интересами класса, которому кажется, что он находится у государственного руля.

Ввиду этого рядом с «восстановлением нарушенного доверия» Ганзема́н поставил «укрепление государственной власти». Он ошибался только насчет природы этой «государственной власти». Он хотел укрепить государственную власть, которая служит кредиту и буржуазному доверию, а укрепил государственную власть, которая требует доверия и в случае необходимости прибегает к картечи, ибо она не пользуется никаким кредитом. Он хотел сэкономить на издержках производства буржуазной власти, а обременил буржуазию многими миллионами, в которые обошлась реставрация прусской феодальной власти.

Рабочим Ганзема́н кратко заявил следующее: он имеет для них в кармане превосходное средство. Но прежде чем вынуть его из кармана, он должен восстановить «нарушенное доверие». Для того чтобы восстановить доверие, рабочий класс должен положить конец

своему политиканству и вмешательству в государственные дела и вернуться к своему старому привычному образу жизни. Если он последует этому совету и доверие будет восстановлено, то таинственное превосходное средство окажется, во всяком случае, действительным, хотя бы по одному тому, что оно будет уже ненужно и неприменимо, ибо в этом случае будет устранена сама болезнь — нарушение буржуазного порядка. Зачем лекарство, когда нет никакой болезни? Если же народ будет упорствовать, — ну, что ж, тогда он «укрепит государственную власть», полицию, армию, суды, бюрократию, он направит на народ своих медведей, ибо «доверие» превратится в «денежный вопрос», а «в денежных делах, господа, нет места никаким сантиментам!»

Пусть смеется Ганземан, — но программа его была честная, хорошо придуманная программа. Он хотел укрепить государственную власть не только против анархии, т. е. против народа, но и против реакции, т. е. против короны и феодальных интересов, поскольку последние попытались бы утвердить себя в противоположность золотому мешку и «необходимейшим», т. е. умереннейшим, политическим притязаниям буржуазии.

Министерство дела всем своим составом уже выражало протест против этой «реакции».

От всех прежних прусских министерств оно отличалось именно тем, что его действительным министром-президентом был министр финансов. В продолжение ста лет прусское государство тщательно скрывало, что военные, внутренние и внешние дела, церковные и школьные дела и даже министерство двора, так же как и вера, надежда и любовь, подчинены грубым финансам. Министерство дела поставило во главе всего эту неприятную буржуазную истину, сделав своим главою господина Ганземана, вся министерская программа которого, как и его программа оппозиционная, резюмировалась в словах: «Господа! В денежных делах нет места никаким сантиментам!» Монархия в Пруссии превратилась в «денежный вопрос».

Перейдем теперь от программы министерства дела к его делам.

Угроза «укрепления государственной власти» против «анархии», т. е. против рабочего класса и тех слоев городского населения, которые не остановились на программе господина Ганземана, имела весьма серьезный характер. Можно даже сказать, что, за исключением налога на свекловичный сахар и водку, эта реакция против так называемой анархии, т. е. революционного движения, представляла единственное серьезное дело министерства дела.

Множество процессов по делам печати на основе «Земского

права» или, в случае его недостаточности, «Code pénal», многочисленные аресты на том же «достаточном основании» (формула Ауэрсвальда), введение в Берлине института полицейских, причем один полицейский приходился на два дома, полицейские покушения на свободу собраний, натравливание военщины на зазнавшийся народ и гражданского ополчения на зазнавшихся пролетариев, беспрецедентное осадное положение, — все эти события ганземаановской олимпиады еще живы в памяти. Подробно описывать их нет надобности.

Кюльветтер резюмировал эту сторону деятельности министерства дела в следующих словах: «Государство, желающее быть истинно свободным, должно иметь значительный полицейский персонал в качестве исполнительной власти», на что сам Ганземаан пробормотал следующий, ставший у него уже неизменным, комментарий: «Это окажет также значительное содействие восстановлению доверия, оживлению парализованной торговой деятельности».

При министерстве дела «укрепились», таким образом, старопрусская полиция, суд, бюрократия, армия, — на содержании и на службе у буржуазии, как воображал Ганземаан. Факт тот, что они «укрепились».

Напротив, настроение пролетариата и буржуазной демократии ярко сказалось в *одном* факте. Народ штурмовал в Берлине здание совета министров в ответ на скверное обращение, которому нескольких демократов подвергли в Шарлоттенбурге несколько реакционеров. Такую популярность получило министерство дела. На следующий день Ганземаан предложил закон против мятежных сходбищ и публичных собраний. Так хитро он интриговал против реакции.

Таким образом, действительная, наглядная, популярная деятельность министерства дела носила чисто полицейский характер. В глазах пролетариата и городской демократии министерство и собрание соглашателей, большинство которого было представлено в министерстве, и прусская буржуазия, имевшая большинство в собрании соглашателей, представляли не что иное, как старое, но подновленное полицейское и бюрократическое государство. Сюда прибавилось возмущение против буржуазии, ибо буржуазия господствовала и, в лице гражданского ополчения, превратилась в составную часть полиции.

В глазах народа «мартовские завоевания» состояли в том, что и либеральные господа из буржуазии приняли на себя полицейские функции. Итак, двойная полиция!

Не в делах министерства дела, но только в его органических законодательных проектах обнаруживается вполне ясно, что онс

лишь в интересах буржуазии «укрепило» «полицию», это последнее выражение старого государства, и толкнуло ее к действиям.

В предложенных министерством Ганземана проектах общинного устава, суда присяжных, закона о гражданском ополчении собственность в той или иной форме служит всегда границей между законною и незаконною частью страны. Правда, во всех этих законодательных проектах сделаны самые угодливые уступки королевской власти, ибо с ее стороны буржуазное министерство ожидало приобрести ставшего безопасным союзника, но в награду за это тем безудержнее выступает господство капитала над трудом.

Закон о гражданском ополчении, санкционированный соглашательским собранием, был обращен против самой буржуазии и должен был дать легальный повод для ее разоружения. Правда, буржуазия воображала, что этот закон получит силу только после издания общинного устава и обнародования конституции, т. е. после утверждения ее власти. Опыт прусской буржуазии с законом о гражданском ополчении должен был бы научить ее кое-чему; она могла бы увидеть, что пока все, что она, как ей кажется, делает против народа, она делает лишь против себя самой.

Итак, для народа министерство Ганземана резюмировалось практически в старо-прусской полицейщине, а теоретически — в оскорбительных различиях между буржуа и небуржуа.

Перейдем теперь к другой стороне министерской программы, к борьбе против реакции. С этой стороны министерство может представить больше благочестивых пожеланий, чем дел.

К благочестивым буржуазным пожеланиям принадлежат парцеллярная распродажа доменов в частную собственность, введение свободной конкуренции в банковское дело, превращение государственного банка в частное учреждение и т. п.

Министерство дела имело то несчастье, что все его экономические покушения против феодальной партии происходили под эгидою принудительного займа и его реформаторские попытки вообще превращались в глазах народа в чисто финансовые вспомогательные мероприятия для заполнения кассы укрепленной «государственной власти». Благодаря этому Ганземан нажил ненависть одной партии, не приобретши признания другой. А нельзя отрицать, что он осмеливался серьезно наступать на феодальные привилегии только тогда, когда этого требовали наиболее близкие министру финансов «денежные дела», денежные дела в смысле министерства финансов. В этом узком смысле он обращался к феодалам со словами: «Господа! В денежных делах нет места никаким сантиментам!» Таким образом,

даже его положительные буржуазные устремления против феодалов носили ту же полицейскую окраску, как и его отрицательные меры по «оживлению торговой деятельности». Ведь полиция носит в политической экономии название фиска. Повышение налогов на свекловичный сахар и на водку, проведенное Ганземаном в Национальном собрании и превращенное в закон, возмутило людей денежного мешка и сторонников бога, короля и отечества в Силезии, в марках, в Саксонии, в Восточной и Западной Пруссии и т. д. В то время как эти мероприятия вызвали в старо-пруссских провинциях гнев земельных собственников, связанных с промышленностью, не менее сильное недовольство возбудили они среди буржуазных владельцев водочных заводов в Рейнской провинции, которые благодаря им почувствовали себя в еще более неблагоприятных условиях конкуренции по сравнению со старо-пруссскими провинциями. И, чтобы переполнить меру, они восстановили против себя и рабочий класс старых провинций, для которого они не значили и не могли значить ничего другого, как вздорожание предметов первой необходимости. Итак, от этого мероприятия не оставалось ничего другого, кроме заполнения кассы «укрепленной государственной власти»! Этого примера достаточно, ибо это — единственное дело министерства дела против феодалов, которое действительно было проведено на деле, единственный законопроект в этом направлении, действительно ставший законом.

«Проекты» Ганземана об отмене изъятий от платежа поразрядного и поземельного налогов, как и его проект подоходного налога, вызвали настоящий шабаш ведьм среди помещиков — поклонников «бога, короля и отечества». Они ославили его коммунистом, и еще поныне прусская помещица трижды осеняет себя крестным знаменем при упоминании имени Ганземана. Это имя звучит для нее, как Фра-Диаволо. Отмена изъятий от поземельного налога, эта единственная существенная мера, предложенная прусским министром во время господства соглашательского собрания, потерпела крушение из-за принципиальной ограниченности левых. И сам Ганземан дал им право на эту ограниченность. Должна ли была левая открыть новые финансовые источники «укрепленной государственной власти», прежде чем будет выработана конституция и введена присяга на верность конституции?

Министерство буржуазное *par excellence* оказалось так несчастливо, что самые радикальные его мероприятия были парализованы радикальными членами соглашательского собрания. Оно оказалось таким жалким, что весь его крестовый поход против феодализма

окончился повышением налогов, одинаково ненавистным всем классам, и все его финансовое остроумие дало выкидыш в виде принудительного займа. Эти две меры, в конце концов, создали только денежные средства для похода контр-революции против буржуазии. Но феодалы успели убедиться в «злонамеренных» планах буржуазного министерства. Таким образом, даже в финансовой борьбе прусской буржуазии против феодализма обнаружилось, что в своей непопулярности и бессилии она сумела даже деньги собрать только против себя самой, а «в денежных делах, господа, нет места никаким сантиментам!»

Если буржуазному министерству удалось восстановить против себя одинаково городской пролетариат, буржуазную демократию и феодалов, то оно сумело также оттолкнуть от себя и восстановить против себя угнетаемый феодализмом крестьянский класс, в чем ему усердно помогало соглашательское собрание. Вообще не следует забывать, что в продолжение половины своего существования это собрание нашло в лице министерства Ганземана своего настоящего представителя и что буржуазные мученики сегодняшнего дня были вчера пажами Ганземана.

Внесенный при Ганземане Патовым (Гирке) проект освобождения от феодальных повинностей (ср. нашу прежнюю критику его) представлял жалкий плод бессильного буржуазного желания отменить феодальные привилегии, эти «отношения, не могущие быть согласованными с новой государственною конституциею», и буржуазной боязни перед революционным покушением на какой бы то ни было вид собственности. Жалкий, трусливый, узкий эгоизм ослеплял прусскую буржуазию в такой степени, что она отталкивала от себя своего необходимого союзника — крестьянство.

3 июня депутат Ганов внес проект, «чтобы все ведущиеся переговоры о ликвидации помещичье-крестьянских отношений и о выкупе повинностей приостанавливались по требованию одной из сторон впредь до издания нового закона об этом, построенного на справедливых основах».

И только в конце сентября, т. е. спустя четыре месяца, при министерстве Пфуля соглашательское собрание приняло проект закона о приостановке ведущихся между помещиками и крестьянами переговоров, причем все либеральные поправки были отклонены и сохранена была обязанность «временно продолжать текущие платежи» и вносить «спорные платежи и недоимки».

В августе, если не ошибаемся, соглашательское собрание отвергло срочность предложения Ренштила о «немедленной отмене

барщинных повинностей», — могли ли после этого крестьяне считать срочно необходимым сражаться за это соглашательское собрание, которое отбросило их назад по сравнению с фактическим положением, завоеванным ими после марта?

Французская буржуазия начала с освобождения крестьян. При помощи крестьян завоевала она Европу. Прусская буржуазия была так ограничена своими узкими, ближайшими интересами, что потеряла даже этого союзника и сделала его орудием в руках феодальной контр-революции.

Официальная история отставки буржуазного министерства известна.

Под крылышком этого министерства «государственная власть» так «укрепилась», энергия народа была так подавлена, что двоскуры Кюльветтер-Ганземаан должны были уже 15 июля выпустить обращение ко всем президентам окружных управлений монархии против реакционных происков чиновников и в частности ландратов, что позднее на-ряду с соглашательским собранием в Берлине заседало «собрание аристократии и крупных землевладельцев для защиты» их привилегий, и наконец в противоположность берлинскому, так называемому Национальному собранию, в Оберлаузице 4 сентября собрался сохранившийся от средневековья «коммунальный ландтаг для охраны угрожаемых прав собственности землевладельцев».

Энергия, которую правительство и так называемое Национальное собрание проявили против этих приобретающих все более грозный характер контр-революционных симптомов, нашла свое выражение в бумажных обращениях. Штыки, пули, тюрьмы и полицию буржуазное министерство имело только для народа, «для восстановления нарушенного доверия и оживления торговой деятельности».

События в Швейднице, где военщина предательским образом убивала в лице гражданского ополчения буржуазию, разбудили, наконец, Национальное собрание от его апатии. 9 августа оно решилось на геройский акт, на приказ по армии Штейна-Шульце, принудительная сила которого основывалась в последнем счете на чувстве деликатности прусских офицеров. Недурная принудительная сила! Разве роялистская честь не запрещала офицерам следовать буржуазной чести?

Через месяц после принятия соглашательским собранием приказа по армии Штейна-Шульце, 7 сентября, оно вторично решило, что его постановление есть настоящее постановление и должно быть исполнено министрами. Ганземаан уклонился от этого и 11 сентября

ушел в отставку, предварительно назначив себя самого директором банка с ежегодным окладом в 6 000 талеров, ибо «в денежных делах, господа, нет места никаким сантиментам!» Наконец, 25 сентября соглашательское собрание с благодарностью выслушало из уст Пфуля очень ослабленную формулу признания приказа по армии Штейна-Шульце, приказа, который к тому времени свелся к плохой шутке благодаря параллельному приказу по армии Врангеля и сконцентрированным в Берлине войскам.

Достаточно только припомнить указанные даты и историю приказа по армии Штейна-Шульце, чтобы убедиться в том, что этот приказ по армии служил действительною причиною отставки Ганземана. Неужели Ганземан, не испугавшийся признания революции, испугался какой-то бумажной прокламации? Неужели Ганземан, который каждый раз, когда портфель выпадал из его рук, опять поднимал его, на этот раз из обывательской раздражительности оставил его на министерской скамье для всех желающих? Нет, наш Ганземан — не мечтатель! Ганземан был просто обманут, как и вообще он представлял обманутую буржуазию. Его уговорили в том, что корона ни при каких условиях не допустит его падения. Его довели до того, что он потерял последнюю тень своей популярности, и в конце концов, пожертвовали им злобе провинциального юнкерства, чтобы добиться освобождения от опеки буржуазии. Кроме того, выработанный вместе с Россией и Австрией военный план требовал, чтобы во главе кабинета был поставлен генерал, назначенный камарильей помимо соглашательского собрания. При буржуазном министерстве старая «государственная власть» достаточно «окрепла» для того, чтобы решиться на этот переворот.

Пфуль обманул ожидания. Победа хорватов у Вены превращала даже Бранденбурга в превосходное орудие.

При министерстве Бранденбурга соглашательское собрание подверглось позорной травле, насмешкам, оскорблениям и унижениям, преследованиям, а народ в решающую минуту остался равнодушным. Поражение собрания означало поражение прусской буржуазии, конституционалистов, т. е. победу демократической партии, как бы дорого ни пришлось последней заплатить за победу.

А октроированная конституция?

Однажды было сказано, что «клочок бумаги» никогда не станет между королем и его народом. Теперь говорят иначе: между королем и его народом может стать только клочок бумаги.

Действительная конституция Пруссии — осадное положение. Октроированная французская конституция содержала только один

параграф — 14-й, который ее отменял. Каждый из параграфов октроированной прусской конституции представляет собою своего рода § 14.

Этой конституцией корона октроировала новые привилегии — себе самой.

Она предоставляет себе самой право распускать палаты *in indefinitum* (на неопределенный срок). Она предоставляет министрам право издавать в промежутки между законодательными сессиями всякие законы (в том числе о собственности и т. п.). Она предоставляет депутатам обжаловать эти действия министров, но с опасностью быть объявленным «внутренним врагом» при осадном положении. Она, наконец, предоставляет самой себе право, если весною акции контр-революции поднимутся, поставить на место этого витающего в воздухе «клочка бумаги» какую-нибудь христианско-германскую *Magna Charta*, органически выросшую из средневековых сословных различий, или вообще положить конец конституционной игре. Даже в этом последнем случае консервативная часть буржуазии будет протирать руки и произносить слова молитвы: господь дал, господь внял, да святится имя господне!

История прусской, как и вообще немецкой буржуазии с марта по декабрь доказывает, что в Германии чисто буржуазная революция и создание буржуазной власти в форме конституционной монархии невозможны, что возможна только либо феодально-абсолютистская контр-революция, либо социально-республиканская революция.

Но нет сомнения, что и жизнеспособная часть буржуазии должна будет опять проснуться от своей апатии; порукою в этом служит прежде всего тот чудовищный счет, которым контр-революция ошеломит ее весною, а ведь, как разумно сказал Ганземан: «Господа! В денежных делах нет места никаким сантиментам!»

ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Кельн, 13 декабря.

Недавно мы предсказывали, что понемногу вся Пруссия будет объявлена на осадном положении. Это предсказание, повидимому, осуществляется. Ведь осадное положение одно из самых замечательных изобретений!

Как могли Мантейфель-Бранденбург не поторопиться пошире использовать это средство?

До сих пор удовлетворялись приобщением к благодеяниям этого изобретения отдельных городов и их двухмильного района. У нас же осадное министерство проявляет себя в гораздо более грандиозных размерах.

Оно сразу приказывает своим палачам объявить на осадном положении *целый уезд* — уезд Крейцбург, принадлежащий к округу Оппелън. И почему? Потому что в двух — да, в *двух* — селах крестьяне напали на помещичий замок и потрепали одного милостивого помещика. Конечно, пока люди из народа подвергались побоям со стороны «милостивых» господ, засекались ими до смерти, пока с ними обращались, как с дикими животными, и расстреливали их, — тогда из высоких господ никто не помышлял объявить на осадном положении соответствующие районы. Ведь мог же какой-нибудь барон фон-Фалькенгаузен (в графстве Глац), якобы в качестве представителя полицейской власти, избивать гражданскую сволочь, — какое это имеет значение? Правда, он был осужден, но наказание было отменено королевским помилованием. Уезд, в котором он жил, не был объявлен на осадном положении. Известный изверг, граф Рейхенбах в Гошютце (не смешивать с его противоположностью, депутатом Рейхенбахом), мог почти до смерти искалечить нескольких людей: ни один ворон не каркнул по этому поводу. Г-н лейтенант фон-Карнап мог застрелить конюха, и все же уезд Трейбниц никакого осадного положения не получил. Г-н фон-Швейнихен из чисто дворянского сластолюбия так избил своего старосту, что он, проработавший на него долгие годы, умер вскоре после того от последствий

избиения. Уезд, имеющий честь служить местожительством г. фон-Швейнихена, даже не понюхал осадного положения.

Однако теперь, после «достижений» марта и ноября 1848 г., достаточно небольших крестьянских беспорядков в двух селах и избиения благородного г. фон-Гладиса, чтобы господа фон-Шлейниц, реакционный обер-президент Силезии, и фон-Линдгейм, генерал-лейтенант, сразу же «настоящим объявили уезд Крейцбург с следующим районом и демаркационной линией (пруско-немецкий язык!) на осадном положении».

Читатель, пожалуй, думает, что осажден, правда, целый уезд, но все же только один уезд. Он ошибается. Г-н Шлейниц и monsieur Линдгейм в своей демаркационной линии распространяют осаду и на часть прилегающих уездов: Намслау, Оппельн и Розенберг. Так гласит соответствующее извещение от 11-го с. м. Осуществление осадного положения поручено гусарскому полковнику г. фон-Бонину. Опубликованное последним 12-го с. м. объявление представляет почти дословную копию врангелевского объявления.

Следует еще только отметить, что у гражданина и королевско-прусского коммуниста Дригальского нашелся плагиатор. Г-н фон-Бонин тоже сейчас же восстановил *цензуру*. Цензором назначен им старейший советник окружного правления Кишке. Попробуйте-ка сказать, что у нас теперь реакция! Попробуйте теперь ругать возую конституцию. Прекраснейшая свобода печати на бумаге в Берлине, Эрфурте, Дюссельдорфе и в Крейцбургском уезде вместе с демаркационной линией, — и в то же время отличнейшая цензура, не хуже той, какая существовала когда-либо до мартовских «завоеваний»! На все вкусы есть! Ну, какого еще тебе рожна нужно?

НА ЧТО ПЛАТИТ НАРОД НАЛОГИ?

Кельн, 14 декабря.

В №№ 166 и 167 нашей газеты были приведены некоторые выдержки из доклада комиссии «по проверке счетов государственного казначейства». Читатель должен был заметить, что эта комиссия *не* проникла глубоко в тайны прусского финансового управления. Она справедливо жалуется, что «отчетность *очень* запутана и не позволяет легко обозреть ее». Но даже эти немногие данные достаточно ясно показывают ту христианско-германскую манеру, с какою самым бесцеремонным образом очищаются карманы народа на всякого рода награды и пр. и без того чрезмерно оплачиваемым чиновникам, генералам, генерал-лейтенантам, старшим финансовым советникам, старшим правительственным советникам, обер-президентам и министрам, ландратам и старшим лесничим и всей прочей высасывающей нашу страну сволочи.

В то время как бедные дети физически и духовно погибают из-за недостатка в самом необходимом, ландрат *граф фон-Келлер* получает на воспитание своих трех детей ежегодно 300 талеров, причем он получает их не из кармана короля «божьей милостью», который сверх своего колоссального частного состояния получает еще ежегодно $2\frac{1}{2}$ миллиона из государственных средств, а из грошей бедняков, собираемых налогами. Правда, *г. граф фон-Келлер* получает недурное жалованье, но если у графа трое детей, то само собою разумеется, что бедный, голодающий сброд должен вносить ежегодно 300 талеров на воспитание графских детей. В октроированной конституции говорится, что во вторую палату могут избирать только те, кто не получает пособия из общественных средств. Утратит ли на этом основании *граф Келлер* свое избирательное право? Фи, какой нехристианский вопрос! Напротив, он будет дважды выбирать: один раз во вторую палату, другой раз — в первую. Весьма возможно, что он даже будет избран в последнюю. В самом деле, ведь такой человек, естественно, должен быть весьма консервативным, он должен, — этого требуют священнейшие интересы его кошелька, —

стараться сохранить существующий порядок вещей. Что станет в противном случае с 300 талеров ежегодно и с воспитанием юных графов и графинь? Такой получатель милостыни, разъезжающий на четверке и носящий на груди ту или другую птицу, конечно, не может быть поставлен на одну доску с неспособным к труду стариком или калекой, который с трудом едва выпросит, правда, не 300 талеров в год, а по несколько зильбергрошенов в те дни, когда повалит счастье. Ставить рядом этих людей столь резко противоречит основной идее христианско-германского государства...

Если у вас есть дети и у вас на жизнь имеются только какие-нибудь 1 000 — 2 000 талеров, которых вам нехватает, то устройтесь так, как устроился *полковник фон-Ленгефельд* в Анкламе, который на двух своих сыновей получает ежегодно 200 талеров до их совершеннолетия.

Если же, напротив, вы состоите в родственных отношениях с тайным советником *фон-дер Гелле* или с *графом фон-Шверин*, то постарайтесь, чтобы они замолвили за вас словечко. Первый получает на детей 300, второй — 500 талеров в год. Они уже вам помогут в такой мелочи. Иначе зачем народ платил бы свои налоги?

Христианско-германское государство удовлетворяет все вкусы, все желания и потребности. Требуется одно только условие, а именно, чтобы вы принадлежали к привилегированным классам дворянства или (высшего) чиновничества.

Если вы удовлетворяете этим требованиям, вам без труда удастся получить в подарок, подобно старшему тайному советнику финансов *Зенфту фон-Пиллах*, сверх постоянного оклада в какие-нибудь 4 000 талерчиков, еще 5 428 талеров на путевые и канцелярские расходы. Если же кто-нибудь желает совершить непродолжительную выгодную прогулку, тому достаточно съездить в качестве чиновника из Берлина в Сан-Суси на совещание по вопросу об устройстве каминов. Он получит за два дня в возмещение расходов на лошадей и пр. 22 талера 10 зильбергрошенов.

Памятны суровые обвинения против прусского правительства, раздававшиеся в течение ряда лет, когда приходилось слышать о несказанной нищете, охватившей некогда столь благодатную провинцию Силезию. Правда, ткачам в Лангенбилау и окрестностях было признано необходимым оказать помощь, и она была оказана. Помощь эта выразилась в порохе и свинце. Однако она была недостаточно основательна, и поэтому нужда еще больше увеличилась, и мрачный голод еще глубже вонзил свои когти в тела тех, кому

не помогло в месяц цветения роз 1844 г. универсальное средство: порох и свинец.

И когда голодные эпидемии охватили в 1847 г. Верхнюю Силезию и поразили многие тысячи жертв, тогда усилились жалобы и стали раздаваться все более резкие проклятия по адресу священного правительства «божьей милостью».

Но честная, прямодушная Германия поспешила в ответ на попросайничающие письма из Пруссии организовать сборы и прийти на помощь силезским братьям. Честная, прямодушная Германия! Она чувствовала, что королевско-прусское правительство *не в состоянии* помочь при всем своем желании.

Доказательство этого теперь перед нами.

Как можно было помочь ткачам и прядильщикам в Силезских горах, оказать поддержку жителям Верхней Силезии и спасти их от голодной смерти, когда приходилось производить такие неустрашимые расходы:

На план парка для дичи в Потсдаме	300 талеров
На ловцов оленей и клетки для дичи	307 »
На устройство парка для дичи	789 »
На поливку Шарлоттенбургского шоссе, чтобы придворным дамам и гвардейским лейтенантам не приходилось глотать пыль.	1 500 »
Подачка генералу графу Дона	2 000 »
Подарок министру Эйхгорну	1 000 »
Милостыня Вильгельму, принцу Прусскому (бедняк!)	5 000 »
То же — генералу, осаждавшему Майнц (по фамилии фон-Гюзер)	6 000 »
Подарок обер-президенту Беттихеру	3 000 »
Милостыня семейству фон-Грольман	26 000 »
и т. д.	

Довольно; в 1846 г. христианско-германскому правительству приходилось производить совсем иные расходы, чем на оборванных ткачей в Силезии и Вестфалии. Оно должно было, например, уплатить за меблировку Кобленцкого замка и за устройство при нем сада 139 734 талера. Король, который будто бы получает с государственных имуществ только 2½ миллиона талеров в год, был слишком беден, чтобы оплатить эти расходы иначе, чем непосредственно за счет карманов «возлюбленных» подданных. И в тот год главная роспись чрезвычайных расходов (подарки и милостыни графам, баронам, тайным советникам, клетки для дичи, планы парков для дичи и пр.) достигла 1 431 000 талеров.

Как же можно было, принимая во внимание обычные расходы на

армию и чиновничество и на пособия и беспроцентные ссуды банкротам, игорным домам в Аахене, Бадене и пр., разорившимся юнкерам — в сумме 279 577 талеров 26 зильбергрошенов, — как можно было требовать, чтобы из налогов, собранных с народа, осталось еще что-нибудь для голодающего сброда?

Правительство делало ошибку, скрывая все эти подробности, теперь ставшие нам известными. Если бы терзаемые голодом и тифом пролетарии были вполне осведомлены относительно этих христианско-германских расходов, они с истинно-христианским смирением примирились бы со своей судьбой. Однако то, что стало теперь достоянием гласности, представляет собою лишь ничтожнейшую часть того, что скрывалось. Если же богом благословенное государственное хозяйство будет освещено со всех сторон, причем не забудут упомянуть такие мелочи, как то, что для графа Бранденбурга в бытность его губернатором Силезии не только был выстроен великолепный дворец, но и приобретена для этого последнего в Берлине мебель на 40 000 талеров за счет государственной казны, то глухой народ поймет наконец, что он рожден исключительно для уплаты налогов и что величайшая его честь состоит в откармливании привилегированных классов.

ВНЕПНЯЯ ПОЛИТИКА «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ»

ГЕРМАНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ШВЕЙЦАРИЯ.

Кельн, 24 ноября.

В комедиях прошлого столетия, в особенности французских, всегда выводился слуга, увеселяющий публику тем, что он ежеминутно получает колотушки, тумачи, а в особенно эффектных сценах — даже пинки ногой. Роль такого слуги, разумеется, неблагоприятна, но она еще завидна в сравнении с ролью, какая разыгрывается на сцене нашего франкфуртского имперского театра, — в сравнении с ролью имперского министра иностранных дел. Слуги в комедиях обладают, по крайней мере, одним средством отомстить за себя — они обладают остроумием. А имперский министр!

Будем справедливы. 1848 год ни одному из министров иностранных дел не приносит роз. Пальмерстон и Нессельроде были до сих пор рады, что их оставляют в покое. Восторженный Ламартин, своими манифестами вызывавший слезы даже у немецких старых дев и вдов, должен был со сломанными и потрепанными крыльями сойти, пристыженный, со сцены. Его преемник Бастид, который всего только год тому назад, в качестве военного трубача, изливал в «National» и мало известной «Revue Nationale» добродетельное возмущение по поводу трусливой политики Гизо, теперь проливает по вечерам тихие слезы при чтении своих *oeuvres complètes de la veille* (полного собрания вчерашних трудов) и при горькой мысли, что он с каждым днем все больше опускается к Гизо, каким он стал при приличной республике. Однако все эти министры имеют одно утешение: если в большом они не могли хвастать успехами, то в малом, в датском, сицилианском, аргентинском, валлахском и других отдаленных вопросах, они могли взять реванш. Даже прусский министр иностранных дел г. Арним, когда заключил неприятное перемирие с Данией, имел то удовлетворение, что не только оказался обманутым, но и сам обманул кого-то, — и этим обманутым оказался... имперский министр!

В самом деле, имперский министр иностранных дел один только из всех играл чисто пассивную роль, получал удары, но сам не нанес решительно ни одного удара. С первого дня своего вступления в

должность он служит избранным козлом отпущения, на которого все коллеги соседних государств изливают свою желчь, на котором все они вымещают мелкие неприятности дипломатической жизни, — неприятности, свою долю которых приходилось переносить и им. И когда его били и терзали, он, подобно овце, которую ведут на бойню, не открывал своего рта. Найдется ли кто-нибудь, кто мог бы сказать, что имперский министр задел у него хотя один волосок? Поистине, германская нация никогда не забудет г. Шмерлингу, что он с такой решительностью и последовательностью отважился восстановить традиции былой Священной римской империи.

Нужно ли нам еще удостоверить мужество терпения, проявленное г. фон-Шмерлингом, перечислением его дипломатических успехов? Нужно ли нам возвращаться к поездке г. Макса Гагерна из Франкфурта в Силезию, к этому достойному повторению поездки блаженной памяти Софии из Мемеля в Саксонию? Нужно ли нам снова вытаскивать на свет всю назидательную историю датского перемирия? Нужно ли нам останавливаться на неудачном предложении посредничества в Пьемонте и на дипломатической учебной поездке г. Гекшера на имперский счет? В этом нет нужды. Факты слишком свежи в памяти и слишком красноречивы, чтобы нужно было хотя бы упоминать о них.

Но все имеет границы, и, в конце концов, даже самый терпеливый человек должен хотя бы один раз показать, что у него есть зубы, — говорит немецкий обыватель. Верный этому правилу класса, который наши господа государственные мужи объявляют громадным благонамеренным большинством Германии, г. фон-Шмерлинг, наконец-таки, ощутил потребность показать, что у него есть зубы. Козел отпущения стал искать другого козла отпущения и подумал, что нашел его, наконец, в лице Швейцарии. Швейцария — едва два с половиной миллиона жителей, вдобавок республиканцев, место прибежища, откуда Геккер и Струве вторглись в Германию и сильно обеспокоили новую Священную римскую империю, — разве возможно найти лучший и вместе с тем более безопасный случай доказать, что «великая Германия» зубаста?

Немедленно была отправлена «энергичная» нота в главный город Берн по поводу злоумышленных эмигрантов. Однако главный город Берн в сознании своего права ответил «великой Германии» от имени «маленькой Швейцарии» не менее энергично. Это отнюдь не испугало г. Шмерлинга. Он поразительно быстро стал еще более зубастым, и уже 23 октября была составлена новая, еще «более энергичная» нота и 2 ноября вручена Берну. В этот раз г. Шмерлинг уже грозил

неблагодарной Швейцарии розгами. Берн, еще более скорый на руку, чем имперский министр, ответил уже через два дня с таким же спокойствием и твердостью, как раньше, и г. Шмерлинг осуществит теперь, следовательно, свои «меры» против Швейцарии. Он уже самым серьезным образом занят этим, как он объявил во Франкфуртском собрании.

Если бы эта угроза представляла собою обычный имперский фарс, каких мы уже так много видели в этом году, мы не стали бы тратить по этому поводу ни одного слова. Но так как совершенно невозможно преувеличить неразумие наших имперских Дон-Кихотов или, вернее, имперских Санчо в управлении иностранными делами их острова Баратария, то легко может случиться, что вследствие этого столкновения с Швейцарией мы навлечем на себя различные новые осложнения. *Quidquid delirant reges*¹ и т. д.

Ознакомимся поэтому несколько подробнее с имперской нотой Швейцарии.

Известно, что швейцарцы плохо говорят по-немецки и немногим лучше пишут по-немецки. Но ответная нота Берна, что касается стиля, представляет готически законченный шедевр по сравнению с ученическим, тяжеловесным, не знающим подходящих выражений немецким языком имперского министерства. Швейцарский дипломат (как говорят, союзный канцлер Шисс) как будто нарочно писал особенно чистым, плавным и продуманным языком, чтобы и в этом отношении составить иронический контраст ноте блюстителя империи, которая, без сомнения, не хуже могла бы быть написана даже какой-нибудь красной епанчой Елачича. В имперской ноте встречаются фразы, которые совсем нельзя понять, встречаются, как мы увидим дальше, и крайне неуклюжие фразы. Но разве эти фразы не написаны как раз «на языке прямодушия, которое правительство блюстителя империи всегда будет вменять себе в обязанность в международных сношениях»?

Не лучше обстоит дело у г. Шмерлинга и в отношении содержания. В первом же абзаце он напоминает «о том факте, что по поводу германской ноты 30 июня т. г. в течение нескольких недель в заседаниях сейма, еще до ответа на эту ноту, прения велись в таком тоне, который сделал бы тогда для представителя Германии невозможным пребывание его в Швейцарии» (вот вам образец стиля!).

Берн достаточно добродушен, чтобы доказать «правительству блюстителя империи» на основании протоколов сессии сейма, что эти

¹ [Каждый раз, когда цари делают глупости, на греков сыплются удары (Гораций).]

прения «в течение нескольких недель» ограничиваются единственным коротким заседанием *одного единственного дня*. Мы видим, что наш имперский министр, вместо того, чтобы справляться с документами, предпочитает доверять своей сбивчивой памяти. Мы увидим еще дальше такие же примеры.

Впрочем, правительство блюстителя империи может видеть в этой любезности Берна, в готовности, с какою он идет на помощь его слабой памяти, доказательство «добрососедского отношения» Швейцарии. В самом деле, если бы правительство блюстителя решилось говорить в ноте подобным образом о прениях английского парламента, сухое высокомерие Пальмерстона просто-напросто указало бы ему на дверь. Прусский и австрийский посланники в Лондоне могут ему рассказать, как говорят публично об их государствах и нотах, причем никому не приходит в голову, что пребывание этих посланников в Лондоне стало благодаря этому невозможным. Эти школьники хотят преподавать Швейцарии урок международного права, а сами не знают даже того, что из дебатов суверенных собраний их касается только то, что постановлено, а совсем не то, что там говорится! Эти логики утверждают в той же ноте, что «Швейцария должна знать, что нападки на свободу печати не могут исходить от Германии» (простая перепечатка этих строк в «Новой рейнской газете» звучит уже иронией!), и даже решаются вмешиваться в прения высшего в тот момент швейцарского государственного учреждения!

«Никакого спора о принципах в данном случае нет. Речь идет не о праве убежища и не о свободе печати. Швейцария должна знать, что нападки на эти права не могут исходить от Германии. Германия только неоднократно заявляла, что не потерпит злоупотребления ими, она утверждала, что право убежища не должно превращаться для Швейцарии в промысел (что это значит?), а для Германии оно не должно становиться военным положением (право убежища — военное положение, — какой немецкий язык!), что должна быть разница между приютом для преследуемого и притоном для разбойников».

«Притон для разбойников!» Разве Ринальдо Ринальдини и все разбойничьи атаманы, появившиеся у Готфрида Бассе в Кведлинбурге, спустились со своими шайками с Аббруцских гор к Рейну, чтобы в подходящий момент разграбить баденский Оберланд? Или, может быть, Карл Моор наступал из богемских лесов? Или не оставил ли Шиндерганнес племянника, который в качестве «племянника своего дяди» хочет стать преемником швейцарской династии? О, далеко нет! Струве, сидящий в баденской тюрьме, госпожа Струве и

два-три рабочих, которые *без всякого оружия* перешли границу, — таковы «разбойники», имевшие в Швейцарии свой «притон» или будто бы имеющие его там по сию пору. Имперская власть, не удовлетворяясь захваченными в плен, на которых она может выместить свою злобу, настолько отбрасывает всякий стыд, что через Рейн кидает брань в догонку счастливо ускользнувшему от ее преследований.

«Швейцария знает», что ее отнюдь не побуждают преследовать печать, что речь идет не о газетных листах и прокламациях, а об их авторах, которые у самой границы днем и ночью ведут «низкую контрабандистскую войну против Германии, занимаясь массовым перетаскиванием зажигательных сочинений».

«Перетаскивание!» «Зажигательные сочинения!» «Низкая контрабандистская война!» Выражения становятся все более культурными, все более дипломатическими, — но разве правительство блюстителя империи «не вменяет себе в обязанность придерживаться языка прямодушия»?

И в самом деле, язык его отличается замечательным «прямодушием!» Правительство совсем не предлагает Швейцарии преследовать печать; оно не говорит о «газетных листках и прокламациях», а только об «их авторах»: деятельности этих последних надлежит положить конец. Но, честное «правительство блюстителя империи», когда в Германии возбуждают процесс против какой-нибудь газеты, например против «Новой рейнской газеты», — о ком идет тогда речь — о газете, находящейся у всех в руках и уже не подлежащей изъятию из обращения, или об «авторах», которых упрятывают под замок и тащат на суд? Это честное правительство совсем не требует преследования печати, оно требует лишь преследования *авторов* печати. Честные люди! Изумительный «язык прямодушия»!

Эти авторы «ведут низкую контрабандистскую войну против Германии, занимаясь массовым перетаскиванием зажигательных сочинений». Такое преступление «разбойников» действительно непростительно, тем более, что оно совершается «днем и ночью», и тот факт, что Швейцария терпит это, является вопиющим к небу нарушением международного права.

Из Гибралтара в Испанию ввозятся контрабандой целые корабли английских товаров, и испанские попы заявляют, что англичане, «протаскивая евангелические зажигательные сочинения», например библии на испанском языке, изданные библейским обществом, ведут низкую контрабандистскую войну против католической церкви. Барселонские фабриканты тоже проклинаят контрабандистскую

войну, которая ведется против испанской промышленности посредством тайного ввоза английского ситца. Но стоило бы испанскому посланнику попытаться жаловаться на это — и Пальмерстон, наверное, ответил бы ему: *thou blockhead!* (эх ты, дубина!), — ведь именно для этого мы и взяли Гибралтар!

До сих пор все другие правительства обладали достаточным тактом, вкусом и хладнокровием, чтобы не жаловаться в нотах на контрабанду. Но наивное правительство блюстителя империи говорит настолько «прямодушным языком», что с полной искренностью заявляет о том, что Швейцария нарушает международное право, когда баденские таможенные стражники плохо выполняют свои обязанности.

«Швейцария, наконец, не может оставаться в неизвестности относительно того, что право других стран сопротивляться такому *безобразию* не может зависеть от того, есть ли у швейцарских властей достаточно силы или желания помешать ему».

Правительству блюстителя империи, повидимому, совершенно «неясно, что право» Швейцарии оставлять в покое тех, кто подчиняется законам страны, хотя бы даже они перетаскиванием и пр. вели низкую контрабандистскую войну и пр., «не может зависеть от того, есть ли у *германских* властей достаточно силы или желания» «помешать» этой контрабанде. Правительству блюстителя империи не мешает поразмыслить об ответе Гейне тому гамбургцу, который плакался по поводу большого пожара:

Добивайтесь хороших законов
И хороших пожарных кишок,—

и вам больше не понадобится делать себя смешным благодаря «прямодушью» вашего языка.

«Спор идет только о фактах», — говорится дальше. Вот как? — значит мы, наконец, услышим о других значительных фактах, кроме низкой контрабандной войны.

«Высокий главный город требует, ссылаясь на свою неосведомленность, чтобы ему было доставлено определенное доказательство действий, которое могло бы подтвердить возводимое против швейцарских властей обвинение».

Очевидно, вполне разумное требование со стороны высокого главного города. И правительство блюстителя империи, наверное, охотно выполнит это разумное требование?

Отнюдь нет. Послушайте только:

«Но составительный порядок в переговорах между правительствами о всем известных вещах не в обычае народов».

Вот вам суровый урок международного права заносчивой маленькой Швейцарии, которая полагает, что может так же дерзко обращаться с правительством блюстителя великой Германской империи, как и блаженной памяти маленькая Дания. Ей не мешает помнить о датском перемирии и быть поскромнее, иначе она может поплатиться так же, как и Дания.

Когда от соседнего государства требуется выдача уголовного преступника, пускаются в состязательную процедуру, в какой бы степени ни было «всем известно» его преступление. Но состязательная процедура или, вернее, простое доказательство вины, которого требует Швейцария, прежде чем принять меры, — не против бежавших к ней уголовных преступников и не против политических эмигрантов, — нет, против ее *собственных*, избранных на основе демократического избирательного права *чиновников*, — такое доказательство «не в обычае народов»! Поистине, «язык прямодушия» ни на одну минуту не изменяет себе! *Более прямодушно* нельзя признаться, что не можешь представить никаких доказательств.

А затем следует град вопросов, перечисляющий все эти «всем известные» факты.

«Разве кто-нибудь сомневается в происках этих немецких подстрекателей в Швейцарии?»

Конечно, никто, как никто не сомневается также в происках г. Шмерлинга во Франкфурте. Совершенно ясно, что немецкие эмигранты в Швейцарии большей частью занимаются чем-либо. Вопрос лишь в том, *чем* они занимаются, и этого, очевидно, не знает сам г. Шмерлинг, — иначе он это сказал бы.

«Разве кто-нибудь сомневается в эмигрантской прессе?»

Конечно, никто. Но ведь сам г. Шмерлинг заявляет, что нападки на свободу печати не могут исходить от Германии. А если бы они исходили, Швейцария, наверное, сумела бы их отравить. Что же в таком случае означает этот вопрос? Если мы переведем его с «языка прямодушия» на немецкий язык, то он может значить только одно: Швейцария должна отменить свободу печати для эмигрантов. А *un autre*, M. de Schmerling! (Дальше, г. фон-Шмерлинг!)

«Разве Германии следует доказывать перед Европой факты паломничества в Муттенц?»

Конечно нет, лукавое «правительство блюстителя империи»! Но доказать, что эти паломничества были причиной вторжения Струве или какого-нибудь другого предприятия, дающего больше оснований для жалобы против Швейцарии, — доказать это правительству блюстителя империи было бы совсем не стыдно, но тем труднее.

Главный город наш и на этот раз столь любезен, что делает больше, чем «в обычаях народов», и напоминает г. Шмерлингу о том, что паломничества в Муттенц имели в виду как раз *Геккера*, что Геккер был *против* второго вторжения, что он даже уехал в Америку, чтобы положить конец всем сомнениям относительно его намерений, что среди паломников были видные члены германского Национального собрания. Главный город достаточно деликатен, даже пред лицом неделикатного г. Шмерлинга, чтобы не упоминать второго и решающего вывода, а именно, что «паломники» ведь снова возвращаются в Германию и там в любой момент могли быть привлечены к ответственности правительством блюстителя империи за любое наказуемое действие, за все свои «происки» в Муттенце. Тот факт, что это не случилось, лучше всего доказывает, что у правительства блюстителя империи нет никаких данных для обвинения паломников, что, следовательно, оно тем менее может упрекать в этом отношении швейцарские власти.

«Или собрания на Бирсфельде?»

«Язык прямодушия» — прекрасная вещь. Тому, кто, как правительство блюстителя империи, «вменил себе в обязанность в общении между народами» придерживаться этого языка, достаточно лишь доказать, что на Бирсфельде происходили собрания вообще или даже собрания эмигрантов, чтобы иметь возможность упрекать швейцарские власти в грубом нарушении международного права. Другие смертные должны были бы, конечно, сперва доказать, что именно противоречащего международному праву происходило на этих собраниях. Но ведь это «всем известные факты», настолько всем известные, что, — готов поспорить, — среди читателей «Новой рейнской газеты» не найдется и трех, которые бы знали, о каких собраниях говорит г. Шмерлинг.

«Или вооружения злоумышленников, имеющих возможность заниматься своими происками вдоль границы, в Рейнфельдене, Цурцахе, Готлибене и Лауфене?»

Слава богу! Наконец-то мы узнаем нечто более определенное о «происках» эмигрантов! Мы были несправедливы к г. фон-Шмерлингу, предположив, что он не знает, чем занимаются эмигранты. Он знает не только, *чем* они занимаются, — он знает также, *где* они занимаются. *Где* занимаются они? В Рейнфельдене, Цурцахе, Готлибене и Лауфене — вдоль границы. *Чем* занимаются они? «Своими происками!»

«Они занимаются своими происками!» Колоссальное попрание всякого международного права! Чем же занимается правительство

блюстителю империи, чтобы не нарушать международное право? Может быть, «бесчинствами»?

Но г. фон-Шмерлинг говорит о «вооружениях». И так как из городов, где, к ужасу всей империи, эмигранты занимаются своими происками, многие входят в кантон Ааргау, то главный город берет его для примера. Он снова делает больше, чем нужно, больше, чем «в обычаях народов», и позволяет себе доказывать путем «составительной процедуры», что тогда в кантоне Ааргау жило только 25 эмигрантов, что из них только десять приняли участие во втором добровольческом походе Струве и что они тоже перешли в Германию *невооруженными*. Таковы были все «вооружения». Но какое это имеет значение? Остальные пятнадцать, которые остались, были как раз самыми опасными. Они остались, очевидно, только для того, чтобы продолжать беспрепятственно «свои происки».

Таковы серьезные обвинения «правительства блюстителю империи» против Швейцарии. Больше оно ничего не может предъявить, да и не считает нужным, потому что «не в обычае народов» и т. д. И если Швейцария достаточно бесстыдна, чтобы изумляться таким обвинениям, то «решения» и «меры» правительства блюстителю империи не останутся без соответствующего действия. Миру любопытно узнать, какого характера будут эти решения и меры; тем любопытнее узнать, что г. Шмерлинг готовит их в величайшей тайне и даже Франкфуртскому собранию не желает сообщить никаких подробностей. Между тем швейцарская пресса уже показала, что все репрессивные меры, какие может применить г. Шмерлинг, должны будут причинить гораздо больший вред Германии, чем Швейцарии, и, согласно своим сообщениям, швейцарцы с величайшим спокойствием ожидают «мер и решений» правительства блюстителю империи. Сохранят ли такое же спокойствие господа министры во Франкфурте, в особенности, если в это время получатся английская и французская ноты, это мы еще увидим. Одно лишь несомненно: все это должно закончиться, как и датская война, новым позором, который, впрочем, теперь падет только на голову одной лишь *официальной* Германии.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ.

Кельн, 29 ноября.

Наконец, после шестимесячных почти непрерывных поражений демократии, после ряда неслыханных триумфов контр-революции, снова показываются симптомы приближающейся победы революционной партии. Италия, — страна, восстание которой явилось прелюдией к европейскому восстанию 1848 г. и поражение которой явилось прелюдией к падению Вены — Италия поднимается во второй раз. Тоскана добилась своего демократического министерства, а Рим только-что завоевал себе такое же министерство.

10 апреля — в Лондоне, 15 мая и 25 июня — в Париже, 6 августа — в Милане, 1 ноября — в Вене, — вот четыре великие даты европейской контр-революции, четыре верстовых столба, отмечающих быстро пройденные этапы ее недавнего триумфального шествия.

В Лондоне 10 апреля была сломлена не только революционная мощь чартистов, но и *революционизирующее влияние февральской победы*. Те, кто правильно понимает Англию и ее положение в современной истории, не могли удивляться тому, что революции континента пока что бесследно проходили мимо нее. Англия, — страна, которая благодаря своей промышленности и торговле господствует над всеми находящимися в революционном брожении народами континента и благодаря своему господству над азиатскими, американскими и австралийскими рынками сравнительно мало зависит от закупок этих стран, — страна, где больше всего развиты, доведены до наибольшего обострения противоречия современного буржуазного общества, классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, — Англия больше чем какая-либо другая страна развивается своим собственным, самостоятельным путем. Англии не нужно проделывать топтания континентальных временных правительств вокруг решения вопросов или уничтожения противоречий, которые она лучше всяких стран умеет решать и уничтожать. Англии не приходится следовать за револю-

цией континента, — Англия, когда пробьет ее час, сама *продиктует революцию континенту*.

Таково было положение Англии, таково было необходимое следствие этого положения, и поэтому победа «порядка» 10 апреля вполне понятна. Но кто не помнит, как эта победа «порядка», этот первый ответный удар на удары февраля и марта повсюду дал новую опору контр-революции, окрылил так называемых консерваторов смелыми надеждами! Кто не помнит, как повсюду в Германии появление на сцене лондонских специальных констеблей сейчас же вызвало подражание со стороны всего гражданского ополчения? Кто не помнит, какое впечатление произвело это первое доказательство того, что вспыхнувшее движение не является непреодолимым!

15 мая Париж уже представил дополнение к победе английской партии востая. 10 апреля противопоставило плотину девятому валу революционного потока; 15 мая сломило его силу у самого его истока. 10 апреля доказало, что февральское движение не является неустойчивым; 15 мая доказало, что инсurreкционное движение в Париже можно подавить. Революция, разбитая в своем центре, должна была естественно потерпеть поражение также и на периферии. И это с каждым днем все больше сказывалось в Пруссии и в небольших германских государствах. Но революционное течение было еще достаточно сильно, чтобы сделать возможными в Вене две победы народа: первую — тоже 15 мая, вторую — 26 мая, а победа абсолютизма в Неаполе, одержанная равным образом 15 мая, благодаря своим эксцессам подействовала, скорее, как противовес победе порядка в Париже. Нехватало еще чего-то. Не только революционное движение должно было потерпеть поражение в Париже, — ореол непобедимости должен был быть сорван с вооруженного восстания. Только тогда контр-революция могла обрести спокойствие.

И это произошло в *Париже* в четырехдневном бою с 23 по 26 июня. Четыре дня пушечной пальбы — и конец неприступности баррикад, непобедимости вооруженного народа. Что иное доказал Кавеньяк своей победой, как не то, что законы военного искусства более или менее одинаковы на улице и в открытом поле, в применении к баррикаде или засеке и бастиону. Что 40 000 недисциплинированных вооруженных рабочих, без пушек и гаубиц и при отсутствии подвоза снаряжения, не дольше четырех дней могли сопротивляться организованной армии из 120 000 старых солдат и 150 000 национальных гвардейцев, поддерживаемых лучшей и самой многочисленной артиллерией и обильно всем снабжаемых? Победа Кавеньяка явилась самым тупым подавлением меньшего числа бойцов в семь

раз более многочисленным противником, самой бесславной победой, когда-либо одержанной, и тем более бесславной, чем больше крови она стоила, несмотря на колоссальный перевес силы. И, однако, весь мир дивился ей, как чуду, ибо победа эта отняла у всеилия парижского народа, у парижской баррикады ореол непобедимости. В лице 40 000 рабочих триста тысяч бойцов Кавеньяка победили не только 40 000 рабочих, — они победили, сами того не сознавая, европейскую революцию. Мы все знаем, какая неудержимо стремительная реакция началась с того дня. Теперь не оставалось уже никаких сдерживающих моментов. Консервативная сила победила в Париже народ гранатами и картечью, и то, что оказалось возможным в Париже, могло быть повторено в любом другом месте. Демократии не оставалось ничего другого, как проделать после этого решительного поражения возможно более почетное отступление и, по крайней мере, отстаивать шаг за шагом свои позиции в печати, на народных собраниях и в парламентах, — позиции, которые совсем удерживать оказывалось уже невозможным.

Следующим большим ударом явилось падение Милана. Обратное завоевание Милана Радецким является, действительно, первым событием европейского значения после парижской июньской победы. Двойной орел на куполе миланского собора означал не только поражение всей Италии, — он означал также возрождение центра тяжести европейской контр-революции, возрождение Австрии. Поверженная Италия и возродившаяся Австрия — чего еще могла требовать контр-революция! И факт тот, что с падением Милана сразу же иссякла в Италии революционная энергия, пал Маммиани в Риме, демократы были побеждены в Пьемонте; и одновременно с этим реакционная партия в Австрии снова подняла голову и с новым мужеством принялась закидывать сеть своих интриг на все провинции из главной квартиры Радецкого, своего центра. Только теперь перешел Елачич в наступление, только теперь окончательно состоялся великий союз контр-революции с австрийскими славянами.

Я не говорю о мелких интермеццо, в которых контр-революция одерживала местные победы и завоевала отдельные провинции, не говорю о франкфуртском поражении и т. п. Все это имеет местное, пожалуй, национальное, но отнюдь не европейское значение.

Наконец, 1 ноября завершилось дело, начатое в день Кустоцы: как Радецкий вступил в Милан, так вступили теперь в Вену Виндишгрец и Елачич. Метод Кавеньяка применен к самому большому и активному очагу немецкой революции, — и с успехом. Революция в Вене, как и в Париже, задушена в крови и дымящихся развалинах.

Но очень похоже, что победа 1 ноября должна вместе с тем отметить момент, когда начинается обратное движение и наступает кризис. Попытка повторить во всех подробностях венский подвиг в Пруссии потерпела неудачу. В самом благоприятном случае, даже если страна покинет Учредительное собрание, корона может рассчитывать только на неполную, нерешительную победу, и во всяком случае первое обескураживающее впечатление венского поражения сглажено нелепой попыткой повторить его во всех подробностях.

И в то время как север Европы или снова отброшен уже в рабство 1847 г., или же с трудом отстаивает от контр-революции завоевания первых месяцев, внезапно вновь поднимается Италия. Ливорно, — единственный итальянский город, который падение Милана подтолкнуло к победоносной революции, — Ливорно, наконец, охватил своим демократическим подъемом всю Тоскану и добился определенно-демократического министерства, более определенного, чем знала какая-либо монархия, и столь определенного, каких мало бывало в республиках, — министерства, которое на падение Вены и возрождение Австрии отвечает провозглашением итальянского учредительного Национального собрания. И революционная искра, которую этим актом бросило это демократическое министерство в итальянский народ, зажгла пожар: в Риме народ, национальная гвардия и армия восстали, как один человек, низвергли отступническое, контр-революционное министерство, добились демократического министерства, и во главе проведенных ими требований стоит: правительство на основе принципов итальянской национальности, т. е. предложенное Гвеварци участие в итальянском учредительном собрании.

Что за этим последуют Пьемонт и Сицилия — несомненно. Они последуют, как последовали в прошлом году.

Что же дальше? Явится ли это второе воскресение Италии на протяжении трех лет, подобно предшествовавшему, зарей нового подъема европейской демократии? Очень похоже на это. Чаша контр-революции полна до краев. Франция готова броситься в объятия авантюриста, лишь бы только избавиться от господства Кавеньяка и Марраста, Германия разъединена больше, чем когда бы то ни было, Австрия задавлена, Пруссия накануне гражданской войны, — все, решительно все иллюзии февраля и марта безжалостно попораны бурной поступью истории. Поистине народу уже больше нечему научиться из новых побед контр-революции!

Пусть же при надвигающихся событиях народ *своевременно и бесстрашно* применит уроки этих последних шести месяцев.

НОВЫЙ СОЮЗНИК КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

Кельн, 11 декабря.

Контр-революция приобрела нового союзника: швейцарское союзное правительство.

Уже пять дней тому назад мы узнали из вполне надежного источника, что распространяемые в последнее время слухи о подготавливаемом вторжении немецких эмигрантов в Баден, о вооружениях у границы, о баснословном сражении при Леррахе между волонтерами и имперскими войсками, — что все эти странные слухи «согласованы» между господствующей в швейцарском Союзном совете партией Фуррера-Оксенбейна-Мунцингера и германской имперской властью, чтобы дать указанной партии предлог для принятия мер против эмигрантов и таким образом способствовать установлению доброго согласия с имперской властью.

Мы не поделились тотчас же этой вестью с нашими читателями, потому что мы не могли безусловно поверить в возможность подобной интриги. Мы ждали подтверждения, и подтверждение не замедлило явиться. Невольно обращало на себя внимание то обстоятельство, что слухи эти приводились франкфуртскими газетами, а не баденскими, которые, однако, у себя, на месте, должны были бы лучше всего и раньше всех быть осведомленными обо всем этом.

Затем бросалось в глаза, что «Франкфуртский журнал» уже 1 декабря получил сообщение из Берна о том, что Союзный совет издал циркуляр по поводу эмигрантов и командировал комиссара, тогда как бернские газеты, из которых некоторые («Друг конституции» и «Швейцария») непосредственно связаны с членами Союзного совета, поместили сообщение об этом только 3 декабря.

Теперь, наконец, перед нами, на столбцах «Швейцарии», лежит циркуляр кантональным правительствам, и если раньше мы еще могли сомневаться относительно вступления Швейцарии в новый священный союз, то теперь устранены все сомнения.

Циркуляр прежде всего отмечает *слухи* о новых вооружениях политических эмигрантов и о подготавливаемом новом вторжении в ба-

денскую область. Этими слухами, относительно которых вся Швейцария и весь Баден знают, что они вымышлены, *мотивирует* он новые чрезвычайные меры против эмигрантов. Тессинские постановления союзного собрания упоминаются лишь для обоснования компетенции, а не обязанности Союзного совета принять эти меры; наоборот, *определенно признается* существенная разница условий в Тессине и в северных кантонах.

Затем следуют следующие предписания:

1) Подлежат удалению из пограничных кантонов все эмигранты, участвовавшие в походе Струве или же вообще не представляющие личных гарантий спокойного поведения.

2) Подлежат бдительному надзору все без различия эмигранты.

3) Союзному совету, а также всем пограничным кантонам, должны быть доставлены списки эмигрантов, подпадающих под действие пункта 1.

4) Вопросы об освобождении от интернирования предоставляется решать в каждом отдельном случае союзному представителю д-ру Штейгеру, указаниям коего вообще надлежит следовать.

За этим следует предложение «строго» выполнять эти указания, так как в противном случае, если окажется необходимым вызывать войска, расходы будут производиться за счет соответствующего пограничного кантона.

Весь циркуляр написан резким языком, в высшей степени оскорбительным для эмигрантов. Заканчивается он такими словами: «Швейцария не должна превратиться в сборный пункт иностранных партий, которые имеют такое неверное представление о своем положении на нейтральной почве и так часто попирают ногами интересы страны, гостеприимно их принимающей».

Достаточно сравнить этот резкий язык с языком ноты 4 ноября; достаточно вспомнить, что слухи, на которых основывается циркуляр, *заведомо ложны*; что, как пишут нам сегодня с границы, союзный представитель д-р Штейгер *уже закончил* свое инспектирование кантона Ааргау, на который имперская власть больше всего жаловалась, и нашел, что соответствующие эмигранты давно уже интернированы, и ему здесь больше нечего делать (он уже в Лизтале); что нота 4 ноября сама утверждала, что, — как швейцарская пресса (например, «Швейцарский вестник», «Базельская народная газета», «Национальная газета» и др.) давно доказала, — все пограничные кантоны уже не мало времени тому назад выполнили свой долг; достаточно, наконец, вспомнить, что после продолжительной неизвестности, после самых противоположных известий о закрытии границы,

теперь, уже два-три дня, все получаемые нами швейцарские газеты и письма согласно утверждают, что *никакие принудительные меры* не будут применены против Швейцарии, — мало того, что приказ об усилении надзора за движением через границу, отданный отдельным пограничным постами, был отменен уже спустя 24 часа; достаточно припомнить все это, чтобы увидеть, не подтверждают ли факты до мельчайших деталей сделанное нами выше сообщение.

Да и без этого известно, что гг. Фуррер, Оксенбейн, Муцингер и т. д. давно уже горят желанием раз навсегда положить конец «эмигрантщине».

Мы поздравляем г. Шмерлинга с его новыми друзьями. Мы только желаем ему, чтобы в том случае, если *и ему* придется когда-нибудь очутиться эмигрантом в Швейцарии, — а это ведь легко может случиться еще до того, как истечет трехлетний срок полномочий теперешнего Союзного совета, — чтобы эти его друзья не причислили его к тем эмигрантам, которые «не представляют личных гарантий».

НОВЫЙ СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ.

Кельн, 30 декабря.

Что между Пруссией, Австрией и Россией еще несколько месяцев назад заключен новый «священный союз» — известно уже всему миру. Самый договор в скором времени будет извлечен из тайников и его окажется возможным предать гласности. Душой этого союза господ «божьей и кнута милостью» является Россия. Но в то же время вся русская политика и дипломатия покоится, в свою очередь, за немногими исключениями, на плечах немцев или русских немцев. Правда, везде, где проявляют свою деятельность абсолютизм и контрреволюция, мы всегда встречаем немцев, но нигде не встречаем мы их в большем числе, чем в центральном пункте перманентной контрреволюции, чем в русской дипломатии. Тут на первом месте граф Нессельроде — немецкий еврей; затем барон фон-Мейендорф, посланник в Берлине, из Эстляндии, а его подручный, адъютант императора, полковник граф Бенкендорф — тоже эстляндец. В Австрии работает граф Медем, курляндец, с несколькими помощниками, в том числе некий г. фон-Фонтон, — все немцы. Барон фон-Бруннов, русский посланник в Лондоне, тоже курляндец, служит промежуточным и посредствующим звеном между Меттернихом и Пальмерстоном. Наконец, во Франкфурте в качестве русского поверенного в делах действует барон фон-Будберг, лифляндец. Это лишь немногие примеры. Мы могли бы привести еще несколько дюжин, не говоря уже о занимающих в Германии высокие и высшие посты и вместе с тем дорого оплачиваемых Россией креатурах петербургского царя.

Нет нужды выяснять, — потому что это всем известно, — какую роль в лагере врагов народа и Священного союза играет австрийская эрцгерцогиня София, ныне императрица-мать. А сама София находится, в свою очередь, под сильнейшим влиянием великой княгини Елены, супруги великого князя Михаила и дочери князя Павла Вюртембергского. Елена служит звеном теснейшей связи между Николаем и Софией и сомнительной славы эрцгерцогом Людвигом.

Среди этих лиц уже несколько месяцев тому назад обсужден и принят проект, согласно которому австрийский император военно-полевых судов должен жениться на последней дочери великокняжеской четы, чтобы новый «священный союз» был таким путем неразрывно утвержден и чтобы Россия могла все ближе и ближе подходить к своей цели — установлению в Германии неограниченного господства кнута.

ИЗБРАНИЕ БОНАПАРТА ПРЕЗИДЕНТОМ.

Кельн, 16 декабря.

Французы — дети. Когда популярный шарлатан или силач собирается показывать на площади свои фокусы, вокруг него образуется громадный круг зрителей, с нетерпением ждущих момента, когда начнется представление под открытым небом. Но силач — хитрый. Он не хочет начинать, пока не собрана определенная сумма, минимум которой он устанавливает. Посреди круга он поставил круглую красную тарелку. «Господа, — восклицает он, — вот касса, бросайте смелее!» Падают отдельные су, и гамены, уличные мальчишки тринадцати лет, начинают считать. «Нехватает еще ста су». Но он заинтересовал ребят, и они не отстанут, пока не наберется назначенная сумма. Их нетерпение, их радость, отражающаяся на их лицах при каждой новой падающей монете, — все это подстрекает зрителей, побуждает их по мере сил вносить свою долю. И все так заняты счетом падающих монет, что в сущности забывают о предстоящем представлении. Поставили себе цель, которую хотят достигнуть, определили сумму, какую хотят собрать, и никто не сказал бы ни слова, если бы актер, собрав указанную сумму, сразу удалился. Гораздо больше удовольствия доставляет падение монет, постепенное набиравание нужной суммы, самая процедура сложения, чем манипуляции фокусника. Удовольствие, с каким французы считают голоса, подаваемые за Наполеона, подобно удовольствию, какое испытывают дети при подсчете падающих су. Голоса за Наполеона, это — су, кидаемые шарлатану в красную тарелку.

В книге счетов открыт кредит для Наполеона и дебет — для Кавеньяка, и с радостью видят, как дебет Кавеньяка уменьшается по мере того, как увеличивается кредит Наполеона. Невинная детская радость, радость по поводу простого сложения. Мы потом произведем это же сложение и исправим в частностях отдельные слагаемые. Но в данный момент мы радуемся вместе с французами. Уже около грех миллионов су собрано в красное блюдо для Наполеона, а ребята все еще кричат: «Encore! Encore!» Кидайте еще! Их уже не насытить

голосами. Превзойдены самые смелые ожидания французов: республика в свое время пришла к ним не так неожиданно, как теперь Наполеон с его миллионами голосов. Тогда радовались победе над препятствием, радовались, видя, как от могучего удара кулаком падает казавшееся столь страшным препятствие; радовались победе над врагом, радовались самим себе, и мелкие буржуа разделяли эту радость с пролетариатом. Думали, что совсем покончили с господством буржуазии, и Ламартин должен был укрепить обетованную землю. Известно, как дорого французам пришлось в июне заплатить за эти иллюзии. Противоречия настолько обострились, что уже совсем не помышляли об устранении их мирным путем. Но вот происходит избрание Наполеона, и добрые буржуа радуются неожиданному соединению трех, может быть и пяти миллионов голосов в одном пункте, в одной мысли, в одном красном блюде! Они радуются, как радуются тогда, когда находят высказанной у хорошего автора давно лелеемую, давно предчувствуемую мысль! А тут — целые миллионы, сходящиеся на одном только имени...

Как может не вернуться доверие? Как может не расцвести кредит? Как могут торговля и промышленность не переживать нового подъема? Париж в восхищении, биржа ликует, а богатые кварталы расцветаются иллюминацией. Дамы снова наряжаются, все сердца раскрываются, и когда на улице встречаются два человека, они уже не спрашивают: «как дела»? О, нет, дела идут превосходно, свыше всяких ожиданий, это само собою разумеется! Они спрашивают только: «сколько в красном блюде»? Ламартин плачет в укромном углу Елисейских полей по поводу неблагодарности людской, а прежние министры, Кавеньяк и «National» выносят ночной порою свою мебель из министерских дворцов, подобно неаккуратным жильцам, просрочившим в течение месяца уплату за квартиру. Радуйтесь, французы, радуйтесь, пока еще падают су! Разве не радостно видеть, как со всех сторон, из самых противоположных углов, летят в таких количествах монетки в су? Кто может думать еще о представлении силача? Да от тебя и не требуют никаких фокусов, Наполеон. От тебя, о Геркулес, не ждут совсем испытания твоей силы. Нет, радуйся этим су, которые поступают в твою пользу. Распорядись ими заранее, подобно начинающему автору, который уже раздумывает о выборе подарков, какие он намерен сделать своей Лауре на деньги, которые ему еще предстоит получить от издателя за свои стихи.

В самом деле, Наполеон, кого возьмем мы нашим вице-президентом? Хочешь ты Кавеньяка или Луи-Филиппа? Ты имеешь право выбирать. Впрочем, нет, вопрос о вице-президенте решает палата.

Но министерские посты, — их ты можешь раздавать по собственному усмотрению, помимо согласия палаты. Так вот—что, если своим министром юстиции ты выберешь Одилона Барро, человека, который нарисовал на своем высоком лбу Фемиду? Или ты предпочитаешь Тьера, маленького Тьера, или Пьера, или Жерома? Ах, я чуть не забыл Жирардена. Он должен стоять на первом месте! Да, кем будет Жирарден?..

Таковы единственные мысли всех газет, их единственные заботы среди «всеобщей радости»... А су все еще падают, су со всех сторон и всех режимов, су буржуа и су пролетариев; тысячи буржуазных су, но сотни тысяч су пролетарских. Но су, которое бросает в красное блюдо пролетарий, — единственное, какое он имеет в кармане, единственное, какое он в состоянии бросить! Французы — дети, но за игрою детей скрывается сжатый кулак мужчины...

Они бросают свои последние су, чтобы искупить июньское восстание, дают танцевать Наполеону, чтобы танцевать самим — в Париже, в провинции, во Франции... и еще дальше, еще дальше...

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Кельн, 31 декабря.

Никогда революционное движение не открывалось такою удивительною увертюрою, как революционное движение 1848 г. Папа давал ему церковное благословение, золотая арфа Ламартина напевала мягкие филантропические мотивы, текст которых означал братство и примирение отдельных членов общества и целых народов.

Обнимаю миллионы;
Миру — этот поцелуй!

В настоящий момент папа, изгнанный из Рима, сидит в Гаэте под охраною кровожадного идиота Фердинанда; этот «iniziatore» Италии интригует против Италии с ее вековым смертельным врагом, Австрией, которой он в свой счастливый период угрожал отлучением. Недавние выборы французского президента дали статистическое доказательство непопулярности Ламартина-предателя. Не было события более филантропического, гуманного и слабого, чем февральская и мартовская революции; ничто не сравнится по жестокости с необходимыми следствиями этой гуманности и слабости. Доказательства: Италия, Польша, Германия и прежде всего побежденные в июне.

Однако с поражением в июне французских рабочих июньские победители были сами побеждены. Ледрю-Роллен и остальные вожди монтаньяров были оттеснены партией буржуазных республиканцев, партией «National'я»; партия «National'я» была оттеснена династическою оппозицией; эта последняя и Тьер-Барро должны были бы уступить место легитимистам, если бы круговорот трех реставраций не был исчерпан и Луи-Наполеон представлял нечто большее, чем пустую урну, при помощи которой французские крестьяне выразили свое вступление в революционно-социальное движение, французские рабочие — свой обвинительный приговор всем вождям проделанных этапов революции: Тьеру-Барро, Ламартину и Кавеньяку-Маррасту. Но отметим тот факт, что поражение револю-

ционного французского рабочего класса имело своим неизбежным следствием поражение республиканской французской буржуазии, которая только что нанесла рабочему классу удар.

Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии одновременно означали новое порабощение национальностей, которые на крик галльского петуха ответили героическими освободительными попытками. Прусская, австрийская и английская полиция еще раз начала грабить, осквернять и предательски убивать Польшу, Италию и Ирландию. Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии одновременно означали поражение средних классов во всех европейских странах, где средние классы, соединившись на минуту с народом, ответили на крик галльского петуха кровавым восстанием против феодализма. Неаполь, Вена, Берлин! Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии одновременно означали победу Востока над Западом, подчинение цивилизации варварству. В Валахии началось угнетение румын русскими и их орудием — турками; в Вене хорваты, чехи, пандуры, сережаны и прочий сброд задушили немецкую свободу, и в эту минуту царь был вездесущ в Европе. Падение буржуазии во Франции, победа французского рабочего класса и освобождение рабочего класса вообще составляют поэтому лозунг европейского освобождения.

Но та страна, которая превращает целые нации в своих наемных рабочих, которая своими гигантскими руками охватывает весь мир, которая однажды уже взяла на себя расходы европейской реставрации, в собственном лоне которой классовые противоречия развились в наиболее ясной и бесстыдной форме, — Англия кажется скалою, о которую разбиваются революционные волны, которая хочет уморить голодом новое общество еще в чреве матери. Англия господствует над мировым рынком. Переворот в экономических отношениях любой страны европейского континента или даже всего европейского континента без Англии — только буря в стакане воды. Промышленные и торговые отношения внутри каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями, они обусловлены ее отношением к мировому рынку. Но Англия господствует над мировым рынком, а буржуазия — над Англией.

Таким образом, освобождение Европы, в виде ли восстания угнетенных наций за независимость, или в виде падения феодального абсолютизма, обусловлено победоносным восстанием французского рабочего класса. Но всякий социальный переворот во Франции необходимо потерпит крушение и будет разбит английской буржуазией,

промышленною и торговою мировою гегемонией Великобритании. Всякая частичная социальная реформа во Франции и на европейском континенте вообще, поскольку она должна быть окончательною, является и остается пустым благочестивым пожеланием. А старая Англия будет сокрушена лишь мировой войной, которая одна только может предоставить чартистской партии, организованной английской рабочей партии, условия для победоносного восстания против своих могущественных угнетателей. Чартисты во главе английского правительства, — только в эту минуту социальная революция перейдет из области утопий в область действительности. Но всякая европейская война, в которой замешана Англия, есть мировая война. Она будет вестись в Канаде и Италии, в Ост-Индии и Пруссии, в Африке и на Дунае. И европейская война будет первым следствием победоносной рабочей революции во Франции. Как в эпоху Наполеона, Англия будет стоять во главе контр-революционных армий, но благодаря самой же войне она будет брошена в революционное движение, станет во главе его и искупит свою вину пред революцией XVIII века.

Революционное восстание французского рабочего класса и мировая война — таковы перспективы 1849 года.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПАРИЖЕ.

Париж, 28 января.

Опасность народного восстания пока что устранена голосованием палаты *против* неотложности запрещения клубов, т. е. против запрещения клубов вообще. Но надвигается новая опасность: *опасность государственного переворота.*

Достаточно прочесть сегодняшний «National», чтобы увидеть, что из *каждой строчки* проглядывает страх перед государственным переворотом.

«Сегодняшнее голосование — смертельный удар для кабинета, и мы предлагаем господам Одилону Барро, Фоше и *tutti quanti* попробовать еще цепляться за свои портфели»...

Пока, как видите, «National» кажется еще исполненным мужества. Но послушайте окончание фразы:

... «не восставая открыто против духа и буквы конституции!»

А что стоит господам Одилону Барро, Фоше и *tutti quanti* открыто восстать против конституции? С каких это пор Барро и Фоше влюблены в конституцию 1848 г.?

«National» уже не грозит министрам, — он доказывает им, что они должны подать в отставку, он доказывает президенту, что он должен их уволить. И это в стране, где отставка министров после такого вотума уже тридцать лет считается разумеющейса сама собою!

Президент республики, — говорит «National», — поймет, надо надеяться, что большинство палаты и кабинет совершенно расходятся друг с другом, что увольнением кабинета в отставку он укрепит свою связь с большинством, что только кабинет министров мешает установлению доброго согласия между ним и большинством.

Мало того, «National» старается построить министерству золотой мост для отступления: он желает, чтобы отказались от предъявления обвинения министрам. Голосование палаты — достаточная кара для них. К привлечению же к ответственности лучше не прибегать, пока министры действительно не нарушат конституцию каким-нибудь определенным актом.

Да, — восклицает под конец «National», — все *обязывает* кабинет подать в отставку; его собственные заявления связывают его таким образом, что мы не решаемся думать, что он осмелится остаться у власти. Г-н Барро заявил сегодня вечером, что, если неотложность будет отклонена, *собрание само* возьмет на себя ответственность за последующие события. Правильно: с того момента как прекращается ответственность, прекращается также и власть. Если кабинет не желает нести ответственность за события, то он не должен также и руководить ими. Г-н Барро подал на трибуне в отставку, когда отклонил от себя ответственность.

Коротко говоря, «National» не верит в добровольную отставку министерства, и столь же мало верит он в увольнение его президентом.

Но если министерство намерено не считаться с голосованием собрания, то у него не остается ничего другого, как — *государственный переворот*.

Роспуск Национального собрания и подготовка монархической реставрации военной силой — вот что проглядывает из-за опасений «National'я» по поводу того, что министерство останется на своем посту.

И поэтому «National» и красные газеты умоляют народ во что бы то ни стало остаться спокойным, только не давать повода к вмешательству правительства, так как каждая вспышка мятежа может только укрепить падающий кабинет, только послужить на пользу роялистской контр-революции.

Что государственный переворот все приближается, — доказывают столкновения между Шангарнье и офицерами легкой гвардии. *Vouchers de Cavaignac* (мясники Кавеньяка) не проявляют ни малейшего желания быть использованными для роялистского переворота. Поэтому-то и предстоит их роспуск. Они ропщут, а Шангарнье грозит изрубить их и упрятывает их офицеров под арест.

Положение внешне усложняется, а в действительности оно становится весьма просто, так просто, как всегда бывает накануне революции.

Конфликт между собранием и президентом вместе с его министрами вылился наружу. Франция не может дольше существовать под властью той импотенции, которая управляла ею последние 10 месяцев. Дефицит, угнетенное состояние промышленности и торговли, бремя налогов, разоряющее земледелие, становятся с каждым днем все более невыносимыми. Крупные, решительные мероприятия становятся все более настоятельными, и каждое новое правительство ока-

зывается все более импотентным и бездеятельным, пока, наконец, Одилон Барро не достиг вершин бездеятельности, за шесть недель не сделав решительно ничего.

Но этим он чрезвычайно упростил положение. После него уже невозможно никакое министерство благомыслящей республики. Смешанные правительства (временное правительство и исполнительная комиссия), правительство «National'я», правительство прежних левых, — все испробовано, все стерлось и изношено. Очередь теперь за Тьером, а Тьер, это — неприкрытая монархическая реставрация.

Монархическая реставрация или красная республика — такова теперь единственная альтернатива во Франции. Кривис может затянуться еще на несколько недель, но развиться он должен. Да и Шангарнье-Монк с его тремястами тысяч, которые могут целиком оказаться в его распоряжении в 24 часа, не намерен, повидимому, дольше ждать.

Вот чем поддерживаются опасения «National'я». Он сознает свою неспособность овладеть положением. Он знает, что всякая насильственная смена правительства приведет к власти его злейших врагов, что он погиб одинаково как при монархии, так и при красной республике. Отсюда его воздыхания по миролюбивой сделке, его любезность по отношению к министрам.

Скоро увидим мы, необходимо ли для окончательной победы красной республики, чтобы Франция на короткое время прошла через монархическую фазу. Это возможно, но мало вероятно.

Одно несомненно: благомыслящая республика трещит по всем швам, а ее преемницей, — правда, может быть, после некоторых коротких интермеццо, — может явиться уже только *красная республика*.

**СОЦИАЛЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
ПРУССКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ**

ОТМЕНА ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ.

Кельн, 15 декабря.

«Мышей ловят на сало!» Это не только со вчерашнего дня знает богом благословенное правительство Мантейфеля и К^о. До марта жизненным элементом христианско-германского государственного управления были ложь и лицемерие, а *после* ноября этот элемент снова, как и прежде, играет такую же роль. Христианско-германское вероломство и коварство стали даже еще вероломнее и коварнее. Желаящему убедиться в этом достаточно взять в руки «Прусский государственный вестник» от 12-го с. м. Там найдет он «Пояснения» по поводу обещанных в кратчайший срок королевским патентом 5 декабря неотложных законов. Официальной газете поручено сообщить, что среди этих законов, имеющих появиться в скором времени, *не* будет находиться закон о «безвозмездной отмене различных повинностей и податей сельских землевладельцев».

Такого рода заявление во всей его неприкрытой откровенности вызвало бы, вероятно, в деревнях (*в Вестфалии, Силезии, Саксонии, Померании, в Марке, Пруссии и на правом берегу Рейна*), где еще существуют феодальные отношения, настоящую бурю, которая спутала бы все нити контр-революционного заговора и уничтожила бы планы нового священного союза абсолютизма.

Для предотвращения этой опасности «Прусский государственный вестник» оболакивает свои «пояснения» в такие лживые фразы:

«Если среди них не находится закона относительно безвозмездной отмены различных повинностей и податей сельских землевладельцев, и этот закон, согласно с дальнейшим содержанием королевского патента, будет представлен на рассмотрение собирающихся в скором времени палат, то это вызывается особыми условиями, существующими в отношении этого закона. Закон этот уже обсуждался в ныне распущенном Национальном собрании, но, к сожалению, в действительности был обсужден лишь отчасти, причем даже это обсуждение и частичные решения не могут быть признаны имеющими силу на том основании, что не было произведено требуемое

регламентом заключительное голосование закона в целом. Причины этого достаточно известны. Стоит только вспомнить непрерывные запросы о вещах, не имеющих совершенно никакого отношения к прямым задачам Собрания. Но закон касался также прав собственности, относительно которых, уже согласно старому законодательству, новые законодательные постановления могут приниматься только по совещанию с сословным представительством, почему временное издание закона должно было бы, без сомнения, вызвать серьезные возражения. В соответствии с содержанием высочайшего патента поднятие благосостояния сельского населения особенно заботит правительство. С уверенностью можно ожидать, что этот важный закон, имеющий целью избавить землю от гнетущих тягот и прочно установить условия существования как мелких, так и крупных землевладельцев на основе полной свободы собственности и распоряжения ею, в короткий срок будет одобрен созываемыми в ближайшее время палатами».

Как видно из этого, вина за то, что закон, ставший вопросом жизни для миллионов крестьян, пока еще не может появиться, лежит и коварным образом взваливается на разогнанное штыками Национальное собрание. Хотя закон этот был поставлен на обсуждение, однако он, «к сожалению», в действительности был обсужден только частично! А почему закон не вступил в силу? Потому что Национальное собрание было занято непрерывными запросами, не имевшими ничего общего с его действительными задачами! Поистине, только бренденбург-мантейфелевская пресса способна с таким безграничным бесстыдством говорить явную неправду.

Как раз опасение этого закона явилось для реакции главной причиной разгона Национального собрания. Разгон был давно решен. Вопрос был лишь в выборе наиболее подходящего момента.

Уже когда прошел закон об охоте, камарилья собиралась пойти на государственный переворот. Однако, если этот закон больно задевал «благородные страсти» привилегированного класса, то вся остальная масса народа радостно приветствовала его. Король затягивал утверждение закона. Но тут на очередь поставлен был один из запросов, которые мантейфелевский «Государственный вестник» изображает со столь меланхолическими вздохами как главное зло. И что же? — божьей милостью корона должна была подписать закон об охоте. В этот день печаль и злоба господствовали в высоких залах Потсдама и в замках захолустных зубров и сильных мира сего. Поняли, что коснуться теперь Национального собрания — значило бы необдуманно броситься навстречу очевиднейшей опасности.

Теперь поставлена была задача не допустить Национальное собрание формально закончить обсуждение *помещичьих и крестьянских отношений*. Если не удастся помешать этому, то весь средневековый дворянский порядок будет навсегда низвергнут, и «опоры короны» свалятся, как сгнившие деревья.

В самом деле, из прений Национального собрания ясно обнаружилось, что у благородных помещиков будут отняты без возмещения самые жирные куски и что будут признаны и прочно установлены столь долго попиравшиеся ногами права крестьян.

Если принять во внимание, что один только граф в Силезии, который далеко не принадлежит к числу крупнейших землевладельцев, получал до сих пор ежегодно 56 000 талеров серебряной подати, поземельных, караульных, веретенных, куриных поборов и т. п., то никому не покажется удивительным, что угрожаемый в своих привилегиях и денежном мешке класс привел в движение небо и ад, чтобы отразить этот удар и предупредить его государственным переворотом.

Опасность была в промедлении. Национальное собрание уже отменило дворянство, ордена и, прелестное, «божьей милостью», оно собиралось точно так же отменить без вознаграждения вскармливание благородных помещиков потом крестьянина.

Отсюда наступление Врангеля, отсюда «дикая травля» Национального собрания, отсюда его роспуск, уже давно решенный.

Христианско-германское правительство признает закон о помещичьих-крестьянских отношениях отнюдь не неотложным. Но оно представит его палатам.

Почему? Потому что оно уверено, что мощна помещиков тогда снова наполнится за счет крестьянина, и выкуп повинностей окажется выгодным не для крестьянина, а в еще большей мере для благородного помещика.

Бранденбург-Мантейфели отлично знают, что в первой палате будут сидеть люди, в интересах которых отвергнуть всякий закон, направленный в пользу крестьянина. Пусть даже вторая палата примет очень либеральный закон, но в первой палате потерпит неудачу всякая попытка его провести.

На этом пути у христианско-германского правительства заранее выигранная игра. Если бы оно издало закон о крестьянских повинностях теперь, еще до созыва палат, ответственность за этот закон пала бы на него.

Если бы оно не разогнало Национальное собрание, *освободительный для крестьян закон* был бы принят, вероятно, в демократической редакции. И правительству оставалось бы тогда одно из

двух: принять закон или отклонить. В первом случае рухнуло бы все феодальное хозяйство, и в «благородном», «высоком», «высочайшем» и т. д. кошельке образовалась бы ощутительная дыра; в последнем случае у всего крестьянского сословия окончательно открылись бы глаза на королевскую власть «божьей милостью», и неизбежным следствием этого явилось бы всеобщее восстание против контр-революции еще до того, как эта последняя закончила бы все свои военные приготовления.

Но после того как удачно совершился государственный переворот и пожалована первая палата, в которой, благодаря новому избирательному закону, будут сидеть главным образом благородные господа и высшие чиновники, первая палата играет роль громоотвода. Правительство божьей милостью таким путем вытащило голову из петли. Оно заранее знает, что первая палата ни за что не пропустит законченный Национальным собранием, хотя и не принятый формально, закон об освобождении крестьян. Так лучше уже остаться при прежнем! И вина ляжет тогда не на правительство, а на первую палату.

А пока крестьянам подаются еще надежды. Ведь выборы на носу! Но если крестьяне, в особенности в Силезии и Вестфалии, столь простодушны, чтобы пойти на приманку лживых заверений «Прусского государственного вестника», то спустя полгода они с ужасом увидят, на каком «самом широком основании» христианско-германского государства они кругом обмануты.

Долг демократических и сельских обществ в Вестфалии и Силезии просветить крестьянство именно по этому пункту. Если это будет скоро и смело выполнено, то спустя короткое время против реакции выступит фаланга, о которую разобьют свои черепа не только Мантейфель, но и все остальные черти ¹ христианско-германского пандемониума.

¹ [Игра слов: Manteuffel и Teufel (черти).]

ПРУССКАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ И ПРУССКОЕ СУДЕЙСКОЕ СОСЛОВИЕ.

Кельн [без даты.]

Главным плодом революционного движения 1848 г. является не то, что приобрели народы, а то, что они утратили, — *потеря их иллюзий*.

Июнь, ноябрь, декабрь 1848 г. — таковы грандиозные верстовые столбы разочарования и отрезвления европейского народного сознания.

Среди последних иллюзий, которые сковывают германский народ, на первом месте стоит суеверное почтение к *судейскому сословию*.

Прозаический северный ветер прусской контр-революции ломает и этот цветок народной фантазии, истинной родиной которого является Италия — вечный Рим.

Действия и разъяснения *рейнской кассационной палаты, высшего трибунала Берлина, судебных палат в Мюнстере, Бромберге, Ратиборе* против *Эссера, Вальдека, Темме, Кирхмана, Гирке* свидетельствуют еще раз, что французский *Конвент* есть и остается маяком всех революционных эпох. Он начал революцию тем, что декретом *сместил всех чиновников*. Судьи тоже не больше как чиновники, о чем перед всей Европой свидетельствуют выше-названные судьи. Турецкие кади и китайские коллегии мандаринов могут смело подписать недавние указы этих «высоких» судов против своих коллег.

Нашим читателям известны уже указы высшего трибунала в Берлине и судебной палаты в Ратиборе. Сегодня мы остановимся на *судебной палате в Мюнстере*.

Но предварительно еще несколько слов об имеющей свою резиденцию в Берлине *рейнской кассационной палате*, этом *summus pontifex* рейнской юстиции.

Как известно, рейнские юристы (за немногими славными исключениями) в прусском согласительном собрании не нашли ничего

более важного и настоятельного, как лечить прусское правительство от его старых предрассудков и старого злопамятства. В самом деле, они доказали ему, что их белая оппозиция едва ли многим отличается от оппозиции французских парламентов до 1789 г. У тех и других — лишь корыстное и прикрывающееся либеральным плащом отстаивание своих *цеховых интересов*. Как во французском Национальном собрании 1789 г. либеральные члены парламента, так и в прусском Национальном собрании 1848 г. либеральные рейнские юристы были *храбрейшими из храбрых* в армии сервиллизма. Рейнско-прусский прокурорский надзор пристыдил старо-прусских инквизиционных судей своим «политическим фанатизмом». Рейнские юристы должны были естественно блюсти свою репутацию и *после* роспуска согласительного собрания. Лавры старо-прусского высшего трибунала не дают спать рейнско-прусской кассационной палате. Ее главный президент *Зете* обратился к старшему советнику *Эссеру* (не смешивать с «благонамеренными» кельнскими «едоками»¹) с таким же посланием, какое президент высшего трибунала *Мюлер* адресовал тайному советнику высшего трибунала *Вальдеку*. Но рейнско-пруская палата сумела перещегоолять старо-прусскую палату. Президент рейнской кассационной палаты ковырнул против своего конкурента тем, что совершил коварное *неприличие*, сообщив письмо к г. Эссеру берлинской публике через посредство «*Deutsche Reform*» еще до того, как отправил его самому г. Эссеру. Мы убеждены, что *вся Рейнская область* ответит на письмо Зете *грандиозным адресом нашему седовласому, достойному земляку г. Эссеру*.

Не «*что-то*» гнило в «королевстве датском», а решительно все! А теперь — в Мюнстер!

Наши читатели уже слышали о протесте судебной палаты в Мюнстере против обратного вступления в должность своего директора Темме.

Дело обстоит следующим образом:

Министерство контр-революции внушило, прямо или косвенно, тайному высшему трибуналу, рейнской кассационной палате и судебным палатам в Бромберге, Ратиборе и Мюнстере, что *королю будет неужодно, чтобы Вальдек, Эссер, Гирке, Кирхман и Темме вернулись на свои высокие судебские посты, так как они продолжали заседать в Берлине и участвовали в постановлении об отказе от уплаты налогов. Они должны, следовательно, протестовать против этого.*

Высокие суды (в первый момент рейнская кассационная палата

¹ [Игра слов: Esser (фамилия) и Essern (едоки).]

колебалась, — великие артисты пользуются успехом, выступая не первыми, а последними) последовали все без исключения этому внушению и отправили протесты из Берлина и в Берлин. *Судебная палата в Мюнстере* оказалась настолько глупа, что обратилась непосредственно к королю (так называемому конституционному королю) с протестом против *Темме*, в котором говорится буквально:

«Своим участием в незаконных заседаниях одной фракции распущенного Национального собрания он открыто выступил против правительства вашего величества, а голосуя за отказ в разрешении взимать налоги, вступил на почву революции и пытался разжечь пожар анархии в нашем отечестве».

Затем протест продолжает:

«Противоречит нашему правовому сознанию, требованиям со стороны публики безупречности директора высшей судебной коллегии, обязанностям последнего в деле воспитания начинающих судебных чиновников и его положению по отношению к низшим судебным чиновникам, чтобы после таких фактов этот и т. д. *Темме* оставался на своем посту в внешней коллегии. Поэтому мы чувствуем себя по совести вынужденными верноподданнейше выразить вашему величеству наше настоятельное желание быть поставленными вне служебных отношений к директору *Темме*».

Адрес подписан всей коллегией за исключением единственного советника, зятя *министра юстиции Ринтелена*.

Этот министр юстиции 13 декабря послал г. *Темме* в Мюнстер копию приведенного адреса («на его решение», после того как *Темме* вступил уже там снова в отправление своих служебных обязанностей, не вызвав возражений со стороны *трусов*).

Утром 19 декабря *Темме*, как сообщает «Дюссельдорфская газета», явился в первый раз в пленарное заседание судебной палаты и занял свое место директора рядом с заместителем старшего председателя фон-Ольферсом. Сейчас же по открытии заседания он попросил слово и произнес, в кратких словах, следующее: «Он получил от министра юстиции послание с приложением копии одного документа, а именно заявления «высокой коллегии», к которой он имеет теперь честь принадлежать, причем в заявлении этом выражается протест против обратного вступления его в должность. Министр юстиции сообщил ему это заявление для ознакомления и «для принятия по этому поводу своего решения». Протест «высокой коллегии» имеет, очевидно, своим основанием его политическую деятельность; но об этой последней, как и вообще о своих политических взглядах, он не намерен здесь говорить, так как он не обязан отчетом в них

«высокой коллегии». Что же касается его «решения», то он проявил его уже тем, что занял здесь свое место директора, и он должен за-верить «высокую коллегия», что не покинет его раньше, чем будет принужден к этому приговором и законом. Впрочем, не надо думать, что различие политических взглядов должно нарушать коллегияльные отношения; с его стороны, по крайней мере, будет сделано все возможное для предотвращения этого.

Храбрые из храбрых были точно громом поражены. Они сидели онемев, неподвижно, окаменев, точно в коллегия мандаринов швырнули голову Медузы.

Честная судебная палата в Мюнстере! В своем служебном усердии она привлекла к следствию множество людей и посадила их в тюрьму за то, что они хотели привести в исполнение постановление Национального собрания о неразрешении взимать налоги. Своим заявлением по поводу г. Темме, даже непосредственно перед тронем, честнейшая палата выступила в качестве стороны, заранее выразила определенное *мнение* и поэтому никак не может играть роль судьи по отношению к другой стороне.

Мы помним, что давление, которое берлинская чернь будто бы оказывала на прусское Национальное собрание, послужило предлогом для первого государственного переворота министерства Бранденбурга. Чтобы избавить депутатов от давления, оно продолжает начатую в Берлине их *«дикую травлю»* даже *после* возвращения депутатов в их места жительства!

Министр юстиции говорит в своем приводимом далее указе:

«Намеренно внушаемое многими ложное мнение, будто существовавшие до сих пор уголовные законы, в особенности относительно преступлений против государства, уже недействительны с марта этого года, много содействовало расширению анархии и, пожалуй, приобрело опасное влияние и в отдельных судебных местах».

Многие действия г. Риптелена и *находящихся от него* в зависимости судебных учреждений снова доказывают, что со времени насильственного роспуска Национального собрания в Пруссии действует лишь *один закон* — *произвол берлинской камарильи*.

30 марта 1844 г. прусское правительство издало знаменитый дисциплинарный закон против судей, согласно которому судьи могут быть смещены, переведены на другое место или уволены на пенсию простым постановлением министерства. Последний «Соединенный ландтаг» отменил этот закон и вновь установил тот принцип, что судьи могут быть смещены, переведены или уволены на пенсию только по судебному приговору. Октроированная конституция под-

тверждает этот принцип. Разве эти законы не попираются ногами теми судами, которые, действуя по рецепту министра юстиции Ринтелена, *моральным давлением* хотят заставить своих политически скомпрометированных коллег подать в отставку? Разве эти суды не превращаются в офицерские общества, выбрасывающие из своей среды всякого члена, политические взгляды которого противоречат их королевско-прусской «чести»?

И разве нет у нас закона о *безответственности и неприкосновенности народных представителей*?

Звук пустой!

Если бы *пруская конституция* не аннулировала сама себя уже одними своими собственными статьями и способом своего возникновения, ее аннулировало бы то простое обстоятельство, что ее главной охраной является *высший трибунал* в Берлине. Конституция обеспечивается *ответственностью министров*, а *безответственность министров* обеспечивается октроированным ими судом, а именно *высшим трибуналом в Берлине*, имеющим в лице г. Мюлера своего классического представителя.

Последние послания высшего трибунала представляют собою, таким образом, не более и не менее, как возведенную *кассацию октроированной конституции*.

В *Австрии* прямая угроза правительства сорвать контрибуцию с банка, который венский народ в момент своего величайшего и справедливейшего возмущения против финансового феодализма оставил *нетронутым*, убеждает буржуазию в том, что ее измена пролетариату предала именно то, что эта измена предполагала обеспечить, — *буржуазную собственность*. В Пруссии буржуазия видит, что благодаря ее трусливому доверию к правительству и предательскому недоверию к народу под угрозой находится необходимая *гарантия буржуазной собственности* — *буржуазный суд*.

При зависимости судейского сословия само буржуазное судопроизводство станет зависимым от правительства, т. е. само буржуазное право уступит место произволу чиновников. La bourgeoisie sera punie par où elle a péché — буржуазия будет наказана тем же, чем она согрешила, — правительством. Что угодливые заявления высших прусских судов являются лишь первыми симптомами предстоящего преобразования в абсолютистском духе прусских судов — свидетельствует следующий недавний приказ министерства юстиции.

Общим распоряжением от 8 октября т. г. мой предшественник по должности напомнил о том, что первенствующая задача судебных властей состоит в поддержании уважения к закону и в соблюдении его, что они лучше всего слу-

жат стране выполнением этой задачи, ибо истинная свобода может утвердиться только на почве закона. С тех пор, к сожалению, во многих местах произошли тягчайшие проявления анархической деятельности, издевающейся над законами и порядком; в отдельных частях страны имело даже место насильственное сопротивление властям, не везде встретившее энергичное противодействие. Ввиду столь печального положения вещей я обращаюсь теперь, когда правительство его величества короля сделало решительный шаг для спасения поставленного на край гибели государства, я обращаюсь теперь снова к судебным властям и гг. прокурорам всей страны, чтобы призвать их повсюду, всех без исключения, к выполнению своего долга. Кто бы ни был виновный, он не должен уходить от законной кары, постановляемой наиболее скорым порядком.

С особенно глубоким сожалением я должен был убедиться как из отдельных сообщений местных властей, так и из газет, что отдельные чиновники министерства юстиции, не взирая на особые обязанности, связанные с их профессией, отчасти дали увлечь себя на совершение явно незаконных действий, отчасти же не обнаружили достаточно мужества и неустрашимости, необходимых для успешной борьбы с терроризмом. Я жду, что по отношению к таким лицам также будет устанавливаться состав их преступления, а в случае необходимости будут возбуждаться следствия, без послаблений и в весьма скором темпе. Ибо чиновники ведомства правосудия, которым вверена охрана достоинства закона, совершают двойное преступление, сами нарушая закон; а ускорение процедуры против них особенно необходимо, так как в руках подобных чиновников не должно оставаться отправление правосудия. В тех случаях, когда среди виновных находятся чиновники, против которых, согласно существующим правилам, не может быть предпринято формальное следствие или полагающееся в таких случаях предварительное отрешение от должности без согласия начальства, надлежит приступать к установлению фактов в видах обоснования следствия, не дожидаясь специального разрешения, а затем возможно скорее получить требуемое разрешение. Относительно референдариев и сверхштатных чиновников не следует забывать, что их увольнение с государственной службы регулируется особыми правилами.

Умышленно распространяемое многими ложное мнение, будто действовавшие до сих пор уголовные законы, в особенности в отношении преступлений против государства, утратили свою силу после марта настоящего года, значительно способствовало увеличению анархии и, пожалуй, оказало губительное влияние в некоторых судах. Ввиду превосходного духа прусских чиновников юстиции, который в общем и теперь сохранился, достаточно указания на известный юридический принцип, что законы сохраняют свою силу до тех пор, пока они не отменяются или не изменяются законодательным путем, а также на определенное постановление ст. 108 конституционного акта от 5-го с. м., чтобы питать уверенность, что почтенные прусские судебные чиновники, при всей преданности их истинной, нравственной и государственной свободе, выше всего будут ставить уважение к закону и порядок.

Руководствуясь этим принципом и презирая все личные опасности, мы будем идти вперед с уверенностью в победе над преступлением, над анархией. Именно таким путем мы существенно будем содействовать тому, чтобы столь блестящее прежде прусское государство возродилось в своей доблестной силе и не должно было больше терпеть, говоря словами одного мужественного депутата во Франкфурте, чтобы бесчестье и грубая сила и впредь творили свои беззакония среди нас.

Гг. председатели судов, а также г. генеральный прокурор в Кельне пусть сделают соответствующие указания чиновникам, подведомственным им, и поставят меня в известность относительно того, против каких чиновников и за какие проступки произведены отрешения от должности и начаты следствия».

Министр-юстиции *Ринтелен*.

Берлин, 8 декабря 1848 г.

Когда революция, наконец, победит в Пруссии, ей не понадобится, как февральской революции, отменять особым декретом незыблемость старого судейского сословия. Она найдет отказ этой касты от своих привилегий в подлинных заявлениях *рейнской кассационной палаты, высшего трибунала в Берлине, судебных палат в Бромберге, Ратиборе и Мюнстере*.

ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА КОБДЕНА.

Кельн, 26 декабря.

В то время как в Пруссии буржуазия вытесняется из едва завоеванных позиций, в Англии она готовится к новому наступлению. В самом деле, Ричард Кобден, ее герой, герой Лиги против хлебных законов, выступил после продолжительного молчания с весьма подробно разработанным планом порожденной движением против хлебных пошлин агитации за финансовую реформу. Он публикует этот план в форме письма к г. Робертсону Гладстону, председателю Ливерпульской ассоциации финансовой реформы. Все, что раньше печатала по этому поводу Ливерпульская ассоциация, было столь неполно и запутанно, что новое движение оставалось непонятным, и различные предложения ассоциации представлялись лишь пестрой смесью всякого рода благочестивых пожеланий среднего класса.

Только с того момента, как Кобден взял дело в свои руки и изложил его законченно и по-купчески точно, ясно выступают на первый план отдельные пункты движения. Запутанная болтовня Ливерпульской ассоциации благодаря Кобдену превратилась в законченный боевой план, который, после нового унижения аристократии старой Англии, должен повести буржуазию новой Англии — путем свободной торговли — к новым славным победам.

Кобден начинает с того, что высказывается против главного предложения Ливерпульской ассоциации о превращении косвенных налогов в прямые, обосновывая это тем, что не считает еще страну достаточно подготовленной для такого переворота. Напротив, он держится того мнения, что все движение скорее всего может привести к желательному результату, если, с одной стороны, постараться добиться экономии в расходах правительства, а с другой стороны — этими сбережениями покрыть дефицит, образуемый дальнейшей отменой пошлин. Словом, экономия правительства и, между прочим, некоторые новые налоги за счет аристократии должны оплатить издержки свободной торговли.

Кобден развивает этот план до мельчайших подробностей. Рас-

ходы правительства, — говорит он, — составляли в 1835 г., включая проценты по государственному долгу, 44 422 000. В минувшем году они составляли 55 175 000, т. е. на 10 753 000 больше. Согласно данным лорда Джона Росселя, расходы текущего года будут не меньше. Но разница между расходами минувшего года и прежних лет окажется еще большей, если вернуться вплоть до 1830 г., последнего года министерства Веллингтона-Пилля, столь ославленного за расточительность, когда правительственные расходы были приблизительно на 50% меньше, чем в годы после принятия билля о реформе. Почему же нам, англичанам, столь крепко придерживающимся старины, не вернуться к расходам, по крайней мере, 1835 г.? Мы сэкономим благодаря этому 10 миллионов. Итак, раз навсегда напишем на нашем знамени как лозунг нашего движения: «Расходы 1835 г.».

Чтобы предотвратить всякое усложнение плана и тем скорее обеспечить ему победу благодаря его простоте, Кобден делает затем предложение — к упомянутой экономии в 10 миллионов добавить только новый налог, а именно — налог на наследства за счет высшей аристократии. Действительно, в то время как все классы общества должны платить налоги на наследства, только аристократия наследует свои земельные владения, не внося никаких пошлин по этой передаче собственности. Наследственные пошлины среднего класса принесли государству в минувшем году свыше 2 миллионов. Кобден требует, чтобы при наследовании герцогских, графских и прочих майоратов взимался такой же налог, как при переходе всякой другой собственности, и он надеется реализовать таким путем $1\frac{1}{2}$ миллиона в год. Эти $1\frac{1}{2}$ миллиона вместе с 10-миллионной экономией правительства составят $11\frac{1}{2}$ миллионов. Этим Кобден заканчивает рассмотрение одной стороны реформы.

Переходя от вопроса об экономии к вопросу о расходах, он излагает далее, как он намерен распоряжаться этими $11\frac{1}{2}$ миллионами, т. е. какие налоги должны быть отменены за счет этих сбережений. Первый налог, какой он хочет отчасти отменить в статье ввозных пошлин, это — налог на чай, уменьшение которого до 1 шиллинга на фунт должно вызвать уменьшение поступлений в 2 миллиона в год. Второй пункт относится к пошлине на лес, полной отмены которой он требует как необходимого следствия предстоящей отмены законов о мореплавании. Это приведет к уменьшению доходов на 945 000 фунтов стерлингов. Третья мера должна коснуться ввозных пошлин на масло, сыры и около сотни других предметов, так что в тарифе останется лишь двадцать предметов, облагаемых пошлиной. Последняя мера повлечет за собою сокращение поступлений на 516 000 ф. ст.

Вместе с двумя первыми статьями это даст, следовательно, уменьшение поступлений от ввозных пошлин на 3 461 000 ф. ст.

Что касается акцизов, то Кобден высказывается в том смысле, что такого рода налоги, поскольку их вообще приходится касаться, предпочтительнее совсем отменить, чем сокращать наполовину, потому что неприятная сторона подобных поборов состоит именно в том, что налоговый чиновник вмешивается в процесс производства, — независимо от того, велик самый налог или мал. Из акцизных сборов он прежде всего желает полной отмены пошлины на солод, которая теперь приносит государству 4 260 000 ф. ст. Он мотивирует это теми выгодами, какие получит сельское население отчасти благодаря уменьшению цены на пиво, а в особенности благодаря удешевлению откорма скота и связанному с этим подъему земледелия. Следующий предмет, который нужно принять во внимание, это хмель. Кобден тоже требует полной отмены налога на него, который составляет 416 000 ф. ст. Отмену налога на хмель следует считать простым следствием отмены акциза на солод.

Мыло и бумага явятся последними из предметов, подлежащих освобождению от обложения. Подобно тому как понижение цены на мыло должно способствовать соблюдению народом чистоплотности, а потому и его физическому благоденствию, так и отмена обложения бумаги должна оживить литературное и духовное общение нации. Кобден поэтому полагает, что освобождение этих двух предметов от обложения разумеется само собою. Отмена налога на мыло уменьшит доходы на 850 000 ф. ст., налога на бумагу — 720 000 ф. ст.

Помимо ввозных пошлин и акцизных сборов, Кобден хочет отменить еще два налога — налог на окна и налог с объявлений. Первый, составляющий 1 610 000 ф. ст., правда, непосредственно не препятствует производству, как акцизные сборы, но его нужно отменить потому, что поистине позорно облагать налогом «свет божий». Отмена налога с объявлений или, точнее, налога с газетных объявлений и т. п. составит 160 000 ф. ст. Этим заканчивается список предлагаемых мер.

Из общей сводки, следующей за этим списком, явствует, что общая потеря от всех этих сокращений и отмены ввозных пошлин, акцизов и налогов должна составить 11 477 000 ф. ст., — сумму, которая легко может быть покрыта вышеупомянутыми сбережениями и налогами с наследств — в общей сумме 11¹/₂ миллионов.

Искренне сожалея, что вследствие невозможности сократить государственные доходы еще не представляется возможным уже теперь снять или понизить налоги на некоторые другие предметы,

как, например, налоги на табак и вино, газетный штемпельный сбор и пр., Кобден переходит к подробному изложению средств и путей, какими можно будет достигнуть вышеупомянутой экономии в правительственных расходах. Само собою понятно, что главное свое внимание он обращает на расходы на армию и флот, столь невероятно возросшие в последние годы. В 1835 г. на них было израсходовано 11 657 000 ф. ст., в минувшем году, считая и расходы на «кофейную войну» в размере 1 миллиона, 19 341 000 ф. ст. Прежде всего он обращает внимание на то, что в истекшем году правительство в одном только Тахо держало для улаживания споров с Португалией такой флот, в каком не нуждается Северная Америка для охраны всех своих владений. Перед Монтевидео вели столь же дорого стоящую игру, а теперь снова вмешиваются в неаполитанские дела и собираются продолжать в том же духе. Англии не следует впредь совать нос в чужие дела, и если притом управление колониями будет реформировано и заокеанским владениям будет предоставлено самим содержать свои войска, легко будет сэкономить сумму в 10 миллионов. Да и солдатчину в самой Англии следует ограничить, так как последние месяцы показали, что безопасность страны зависит не от одной только охраны штыков.

Английская пресса в настоящий момент полна этими заявлениями Кобдена, и надо признать, что «манчестерец», с своей точки зрения, рассмотрел весь вопрос самым исчерпывающим образом.

БУРЖУАЗНЫЙ ДОКУМЕНТ.

Кельн, 4 января.

Общественная благотворительность, как известно, приняла в Англии, где наиболее развито господство буржуазии, самые благородные и самые великодушные формы. Английские рабочие дома (work-houses), эти общественные учреждения, в которых за счет буржуазного общества прозябает избыточное рабочее население, вмещают в себе в поистине утонченной форме благотворительность с *местью*, которою буржуазия преследует несчастных, вынужденных обращаться к ее великодушию. Жалкие призриваемые не только получают самые скудные и скверные средства существования, которых едва хватает на физическое воспроизводство, но их деятельность ограничена возбуждающим отвращением, духовно и физически отупляющим непроизводительным, ненужным трудом, как бег на месте мельничной лошади. Дабы несчастные определенно чувствовали всю тяжесть своего преступления, — преступления, заключающегося в том, что вместо того, чтобы, как обычно, быть материей, эксплуатируемой и приносящей прибыль буржуазии, они, наоборот, превратились в материю, причиняющую расходы их прирожденным потребителям, как оставшиеся на складе бочки спирта являются материей, причиняющей излишние издержки торговцу спиртом, — дабы они научились чувствовать, говорим мы, всю тяжесть этого преступления, их лишают всего, что оставляют даже самому закоренелому преступнику — сношений с женами и детьми, развлечений, возможности бесед — всего. Но и эта «жесточкая благотворительность» английской буржуазии ни в малейшей мере не строится на каких-либо сантиментальных основах, — она вся строится на основах весьма практических, легко поддающихся учету. С одной стороны, гражданский порядок и торговля могли бы сильно пострадать, если бы пауперы всей Великобритании были выброшены на улицу. С другой стороны, английская промышленность то переживает периоды лихорадочного *перепроизводства*, когда спрос на рабочие руки с трудом может удовлетворяться существующим

предложением, а руки все же должны добываться наивозможно дешевле; то периоды расцвета сменяются периодами торгового застоя, когда производство далеко опережает потребление и когда едва половину рабочей армии можно с пользой занимать за половинную плату. Что более остроумного можно придумать, кроме рабочих домов, чтобы постоянно иметь наготове резервную армию для благоприятных торговых периодов, а в неблагоприятные торговые периоды превращать их в этих богоугодных заведениях в машины, из которых вытравлены воля, способность сопротивления, требования и потребности?

Прусская буржуазия выгодно отличается от английской буржуазии тем, что она противопоставляет британскому политическому высокомерию, напоминающему языческий Рим, всеподданнейшее благоговение и христианское смирение и кротость пред престолом, церковью, армией, бюрократией и феодализмом; тем, что она занимается китайски мелочной торговлей, вместо того чтобы проникнуться коммерческой энергией, покоряющей целые части света, и, упорно цепляясь за свой старинный полупеховой строй, она собирается посрамить беспокойный гигантский дух изобретений в промышленности. Но в одном пункте прусская буржуазия приближается к своему британскому идеалу — в *бесстыдном обращении с рабочим классом*. Если, взятая как целое, как корпорация, она и в этом отношении отстает от британцев, то это объясняется лишь тем, что в общем и целом, как *национальный класс*, она, по недостатку мужества, ума и энергии, никогда ничего не добилась и никогда ничего значительного не добьется. Она и не существует в национальном масштабе, — она существует только как отдельная буржуазия *данной провинции, данного города, данной местности, и в этих видах* она еще более беспощадно выступает против рабочего класса, чем английская буржуазия. Почему народы со времени реставрации так тосковали по Наполеоне, которого они только что приковали к уединенной скале в Средиземном море? Потому что легче переносить деспотизм гения, чем деспотизм идиота. Так английский рабочий может проявлять некоторую национальную гордость по сравнению с немецким рабочим, потому что господин, который его поработает, поработает весь мир, между тем как господин немецкого рабочего, немецкий буржуа, сам *раб из рабов*, а нет ничего более безысходного, более унижительного, чем быть *рабом раба*.

В качестве исторического документа цинизма нашей буржуазии в ее отношении к рабочему классу мы дословно воспроизводим «рабочую книжку», которую должны подписывать пролетарии, занятые на городских работах славного города Кельна.

Рабочая книжка.

§ 1. Каждый рабочий должен *точно исполнять* указания и распоряжения *всех городских надзирателей*, которые в то же самое время являются *полицейскими чиновниками*. *Неповиновение и сопротивление влекут за собой немедленное увольнение.*

§ 2. Без *особого разрешения надзирателя за постройками* ни один рабочий не имеет права переходить из одного отделения в другое или покидать место постройки.

§ 3. Рабочие, которые похищают телеги, тачки или другие орудия из другого отделения для использования их на работе в своем отделении, увольняются.

§ 4. Пьянство, нарушение спокойствия, затевание ссор, споров или драк влекут за собой немедленное увольнение с работ. Кроме того, виновные в *соответствующих деяниях* подвергаются законному преследованию надлежащими судебными учреждениями.

§ 5. *Опоздывающий на десять минут на место работы не получает никакой работы в течение полудня*; после трех опозданий *может* последовать полное увольнение от работы.

§ 6. Если рабочие увольняются по прошению или в виде наказания, то они получают плату в ближайший установленный платежный день соответственно выполненной ими работе.

§ 7. Последовавшее увольнение рабочего отмечается на рабочей карточке. Если увольнение последовало как наказание, то рабочему, *смотря по обстоятельствам*, воспрещается вновь поступать на работу на соответствующем строении или на всех городских постройках.

§ 8. Об увольнении рабочих в виде наказания и о причине увольнения каждый раз доводится до сведения *полицейских властей*.

§ 9. Если рабочие хотят *подать жалобу на надзирателя строительных работ*, они должны подать ее *городскому архитектору* через выборную депутацию из трех рабочих. Архитектор разбирает предмет жалобы на месте данной постройки и *постановляет свое решение*.

§ 10. Рабочее время устанавливается от половины седьмого утра до двенадцати часов дня и от часа пополудни до наступления вечернего мрака (какой прекрасный стиль!)

§ 11. На перечисленных условиях рабочий получает занятие.

§ 12. Выплата заработанных денег производится по субботам после полудня на месте постройки.

Присяжный надзиратель построек, распоряжения которого подлежат немедленному исполнению.

Назначается в отделение и должен и т. д. Подпись надзирателя работ. Подпись рабочего (или соответствующая отметка).

Кельн.

Могут ли даже *русские* указы самодержца всея Руси его подданным составляться в более азиатском духе?

Городским и даже *«всем городским»* надзирателям, которые в

то же самое время состоят *полицейскими чиновниками*, надлежит оказывать *безусловное повиновение*. «*Неповиновение и сопротивление влекут за собой немедленное увольнение*». Таким образом, прежде всего — *пассивное послушание!* Затем, согласно § 9, рабочим предоставляется право подавать «жалобы городскому архитектору». Этот паша решает безапелляционно — конечно, *против рабочих*, уже хотя бы в иерархических интересах. А раз он решил, раз рабочие внесены в городской черный список — тогда горе им, тогда они отдаются под *надзор полиции*. И тогда исчезает последняя видимость их гражданской свободы, так как, по § 8, «об увольнении рабочих в виде наказания и о причине увольнения доводится каждый раз до сведения *полицейских властей*».

Но если вы, милостивые государи, уволили рабочего, если вы ему объявили о прекращении договора, по которому он отдает *свой труд за вашу заработную плату*, — какое вообще дело *полиции* до этого прекращения *гражданского договора*? Разве городской рабочий каторжник? Или о нем *доносят полиции*, потому что он не оказал почтения, которым он обязан вам — своему прирожденному, мудрому и благородному начальству? Разве вы не подняли бы насмех гражданина, который *донес бы на вас полиции*, потому что вы-де нарушили тот или другой договор о поставке какого-нибудь продукта или не уплатили в срок по векселю, или что вы не в меру выпили под Новый год? Ну, еще бы! В отношении к рабочему вы не признаете гражданского договора, — вы царствуете над ним со всем озлоблением господ божьею милостью! И прислуживающая вам полиция должна вести кондуктный журнал рабочего.

Согласно § 5, опаздывающий на *десять минут* наказывается лишением работы на *половину рабочего дня*. Какое соответствие между преступлением и наказанием! Вы опоздали на целые *столетия*, а рабочий не может опоздать на *десять минут* после половины седьмого, не потеряв половины рабочего дня?

Наконец, чтобы этот патриархальный произвол ни в каком отношении не был нарушен и чтобы рабочий зависел исключительно от вашего каприза, вы норму наказания предоставили по возможности усмотрению ваших ливрейных лакеев. В «*соответствующих случаях*», т. е. в тех случаях, которые вам заблагорассудится считать соответствующими, за увольнением и донесением полиции следует, согласно § 4, «законное преследование виновных надлежащими судебными учреждениями». Согласно § 5, окончательное увольнение рабочего «*может*» последовать, если он в третий раз опоздал на десять минут после половины седьмого. При увольнении в виде

наказания, по § 7, «рабочему, смотря по обстоятельствам, воспрещается всякая работа на *соответствующей* постройке или на *всех* городских предприятиях» и т. д., и т. д.

Какой простор для капризов раздраженного буржуа в этом уголовном кодексе наших городских Катонов — этих великих мужей, рабски виляющих хвостом пред Берлином!

Из этого великолепного закона можно видеть, *какую хартию октроировала бы народу наша буржуазия*, если бы она была у власти.

БЮДЖЕТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И ХРИСТИАНСКО-ГЕРМАНСКИЙ БЮДЖЕТ.

Кельн, 6 января.

Во что обходится прусское правительство стране, мы, наконец, документально узнали несколько дней тому назад. «Прусский государственный вестник» («Preussischer Staatsanzeiger») показал нам, наконец, в государственной росписи на 1849 год, как цинично нас до сих пор обманывали в бюджетах. Поразил этот новогодний подарок только тех, кому каждое слово нашего правительства божьей милостью казалось до сего времени святой истиной, а тянувшееся с 1820 года государственно-финансовое бахвальство являлось доказательством совершенства нашего полицейско-государственного бюджета.

Пруссия занимает около 5 000 квадратных миль и насчитывает немного больше 16 миллионов жителей.

Северо-Американские Соединенные Штаты занимают территорию, поверхность которой теперь почти равна поверхности всей Европы, и насчитывают свыше 21 миллиона жителей.

Нельзя найти более подходящего введения к рассмотрению прусского бюджета на 1849 г., чем бюджет северо-американских свободных штатов.

Сравнение обоих бюджетов показывает, как дорого прусский буржуа должен платить за удовольствие иметь правительство божьей милостью, как он принужден терпеть за это дурное обращение его наемников при осадном положении или без него и подвергаться издевательствам со стороны множества высокомерных чиновников и провинциальных дворян-аграриев. С другой стороны, обнаруживается, как дешево может устроить свое правительство мужественная, сознающая свою мощь и решившая ею пользоваться буржуазия.

Оба бюджета сами по себе являются уже достаточным доказательством трусости, ограниченности и филистерства одних и сознания собственного достоинства, предусмотрительности и энергии других.

Все расходы Соединенных Штатов за 1848 год составляли

42 814 970 долларов. В эту сумму вошли расходы по мексиканской войне, — войне, которая велась на расстоянии 2 000 миль от резиденции центрального правительства. Можно себе представить, каких колоссальных расходов потребовала переброска армии и всех необходимых для нее вещей.

Доходы Союза составляли 35 436 750 долларов. По источникам доходов эта сумма распределялась следующим образом: 31 757 070 долларов таможенных пошлин, 3 328 642 доллара от продажи государственных земель и 351 037 долларов равных случайных доходов. Так как ввиду войны обыкновенными доходами нельзя было покрыть все расходы, то дефицит был покрыт займами, облигации которых были раскуплены по цене выше *al pari*. Попробовало бы «христианско-германское» правительство достать на денежном рынке хотя бы 1 000 талеров на таких выгодных условиях!

В Соединенных Штатах финансовый год начинается 1 июля. До июля 1849 г. расходы вследствие мексиканской войны будут еще, по сравнению с обычными расходами, — конечно, не на прусский масштаб, — весьма значительны. Зато президент Полк в своем послании к конгрессу обещает представить на следующий финансовый год, кончающийся 1 июля 1850 г., обыкновенный бюджет мирного времени.

Каковы расходы этого могущественного государства — североамериканской буржуазной республики — в мирное время?

33 213 152 доллара, включая проценты (3 799 102 доллара) по государственному долгу и 3 540 000 долларов, подлежащих уплате Мексике 30 мая 1850 г.

Если вычесть обе последние суммы, которые фигурируют в бюджете как чрезвычайные расходы, то получим, что все правительство и управление Соединенных Штатов обходится меньше, чем в 26 миллионов долларов в год.

А сколько платят в год государству прусские граждане *в мирное время*?

Ответ довольно печальный. Этот ответ дает нам «Прусский государственный вестник». Он гласит: *свыше 94 миллионов талеров в год!*

Таким образом, в то время как 21 миллион жителей североамериканской республики, при их благосостоянии, даже — богатстве, отдадут государственной кассе едва только 26 миллионов долларов, — т. е. *по прусскому курсу меньше 38 миллионов талеров*, — 16 миллионов пруссаков, при их относительной бедности, должны бросать в пасть государственного казначейства 94 миллиона талеров — и оно не желает еще довольствоваться этим.

Но не будем несправедливы!

Северо-американская республика имеет зато лишь избираемого на четыре года президента, который, конечно, делает для страны больше, чем дюжина королей и императоров вместе взятых. И он получает за это только ничтожное жалованье в 37 000 талеров (на прусские деньги) в год. В этой ничтожной сумме в 37 000 талеров отражается вся скорбь христианско-германской души «с богом за короля и юнкерство». Никаких камергеров, придворных ювелиров, никакого поливания шоссе в Шарлоттенбурге для придворных дам, никаких охотничьих парков за счет граждан и т. д. О, это ужасно! Но самое ужасное то, что эти северо-американцы, повидимому, даже не сознают этого ужаса, этой пустоты, этого одиночества.

Совсем не то у нас. Если мы платим даже в три и четыре раза больше, зато мы получаем удовольствие от таких вещей, каких у них нет и не может быть за 37 000 талеров. Мы испытываем радость и наслаждение от блеска двора божьей милостью, который, — точно это не известно, но по приблизительному подсчету, — обходится народу от 4 до 5 миллионов в год.

В то время как американцы такие глупые чудачки, что прибегают по возможности свои деньги, чтобы окружить самих себя блеском и для собственной своей пользы, мы чувствуем себя христианско-германски обязанными отказываться от собственного блеска, т. е. от своих денег, дабы другие могли блистать. Да и помимо блеска, каких благодеяний не оказывает обильно снабжаемый из народного кармана двор массе бедных графов, баронов, просто фонов и т. п.! Множество людей, способных только потреблять, а не производить, погибло бы в нищете, если бы не получало в деликатной форме государственного подаяния. Если бы мы хотели перечислить все благодеяния и преимущества наших порядков, мы бы и посейчас не справились с этой задачей.

И как сильно отстают от нас американцы, благодаря своему ничтожному бюджету, и во многих других отношениях!

У них, например, господин обер-президент Беттихер не получил бы никакого подарка в 3 000 талеров из государственной кассы. Они сказали бы, что он вполне может удовлетвориться своим прекрасным жалованьем. Графы и бароны ничего не получали бы на воспитание детей. Северо-американская республика сказала бы по сему случаю этим почтенным господам: *alors il faut s'abstenir d'avoir des enfants* (тогда не надо плодить детей). Какой-нибудь Гюзер не получал бы там каждый год 6 000 талеров наградных и должен был бы довольствоваться своим жалованьем, которое, может быть, даже было

бы сокращено до 3 000 талеров. И на это должен был бы жить человек, пруссак, христианско-германский генерал? Какая злодейская мысль! Arage! (нелепость!)

У американцев, как и у г. Ганземана, лишь только речь заходит о деньгах, пропадает всякое хорошее расположение духа.

Они в крайнем случае слегка отхлестали бы Дон-Карлоса, но никогда не дали бы ему 700 000 талеров, чтобы предоставить ему возможность вместе со своими грандами и монахами жить в свое удовольствие и бороться за меттерниховскую законность. На это способно только королевство божьей милостью, для которого во всякое время и по праву должен быть открыт народный карман.

Если американец платит государству ничтожные налоги, зато он, с другой стороны, имеет постоянную армию только в 10 000 человек, которая в военное время может быть быстро развернута в двухмиллионную армию здоровых воинов. Американец даже в отдаленной степени не знает счастья употребления большей части налогов на содержание боевой армии, которая в мирное время осаждает нас, жестоко расправляется с нами, наносит нам раны и пристреливает нас. И все это во славу и в честь отечества.

Но им-то что? Эти буржуазные республиканцы так упрямы, что даже знать не хотят наших христианско-германских учреждений и предпочитают платить маленькие налоги, а не высокие.

Столь же упорно немецкий буржуа настаивает на том, что милость божию с ее армией воинов и чиновников, с ее массой пенсионеров, с ее наградами, экстраординарными выдачами и т. д. невозможно достаточно высоко оплачивать.

Богатый деньгами республиканец Северной Америки и прусский буржуа относятся друг к другу именно так, как их бюджеты, как 37 к 94 миллионам. Один — собственной, другой — божьей милостью: этим-то они и отличаются друг от друга.

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ.

Кельн, 8 января.

Что пастор и кантор, пономарь и органист, цирюльник и ночной сторож, полевой стражник, могильщик и т. д. поздравляют нас с Новым годом — это такой же старый, как и вечно новый обычай, к которому мы относимся равнодушно.

Но 1849 год не довольствуется старинным обычаем. Свое наступление он ознаменовал чем-то никогда не бывалым — новогодним поздравлением прусского короля.

Появилось новогоднее пожелание не прусскому народу и не «моим возлюбленным берлинцам», а «моей армии».

Это королевское новогоднее послание «с гордостью» взирает на войско, ибо оно осталось верным, *«когда (мартовское) восстание нарушило мирное развитие либеральных учреждений, которые я хотел осторожно даровать моему народу».*

Прежде говорили о мартовских событиях, о «недоразумениях» и т. п. Теперь уже не нужно ничем прикрываться: мартовские «недоразумения» бросают нам в лицо как *«восстание».*

Из королевского новогоднего поздравления на нас повеяло тем же духом, как и со столбцов «Kreuzritterin». ¹ Как в поздравлении говорится о «восстании», так в газете пишется о неизвестных «мартовских преступниках», о преступном сбросе, нарушившем в марте покой берлинской дворцовой жизни.

Если мы спросим, почему мартовское «восстание» так особенно возмутительно, нам ответят: «потому что оно помешало мирному развитию либеральных (!!) учреждений» и т. д.

Если бы вы не покоились мирно на Friedrichshain, ² вы, мартовские мятежники, вас бы теперь пожаловали свинцом и порохом или пожизненной каторгой. Вы, нечестивцы, нарушили мирное развитие либеральных учреждений! Нужно ли напоминать о

¹ [Повидимому, имеется в виду «Kreuzzeitung» («Крестовая газета».)]

² [Кладбище в Берлине, где похоронены убитые революционеры 1848 г.]

королевско-прусском развитии «либеральных учреждений», о либеральнейшем развитии расточительности, о «мирном» распространении ханжества и королевско-прусского иезуитизма, о мирном развитии полицейского духа и каварменности, о шпионстве, обманах, лицемерии, заносчивости и, наконец, о самом отвратительном озверении народа на-ряду с самой циничной развращенностью так называемых высших классов? Напоминание об этом тем менее нужно нам, что нам достаточно присмотреться, достаточно руку протянуть, чтобы снова узреть перед собой в полном цвете «нарушенное развитие» и насладиться вторым изданием предполагавшихся «либеральных учреждений».

«Моя армия, — гласит королевское поздравительное послание, — подтвердила свою старую славу и приобрела венец новой славы».

Еще бы! Она окружила себя такой большой славой, что, пожалуй, одни только кроаты могут претендовать на бóльшую славу.

Но когда и где окружила она себя такой славой? Во-первых, «она украсила свои знамена новыми лаврами, когда Германии понадобилось наше оружие в Шлезвиге».

Прусская нота майора Вильденбруха, адресованная датскому правительству, — вот та основа, на которой воссияла новая прусская слава. Вся война вполне соответствовала той ноте, которая уверяла датского кузена, что прусское правительство не замышляет ничего серьезного, что оно только бросает приманку республиканцам, а всем остальным гражданам пускает пыль в глаза, чтобы только выиграть время. А раз выиграно будет время, все будет выиграно. Потом можно будет прекрасно столкнуться.

Господин Врангель, относительно которого общественное мнение долгое время вводилось в заблуждение, ночью, тайком, как вор, покинул Шлезвиг-Гольштинию. Он ехал в штатском платье, чтобы не быть узанным. В Гамбурге все содержатели гостиниц заявили, что они не могут его принять к себе. Им дорожке их дома с их окнами и дверьми, чем презираемые народом, но воплощенные в достопочтенном господине лавры прусской армии. Не нужно также забывать, что единственным результатом бесполезных и бессмысленных переходов в этом походе, весьма напоминающих процедуру старых имперских судов (см. наши номера того времени), была стратегическая ошибка.

Единственное, что поражало в этом походе, это необыкновенная дерзость *датчан*, которые умышленно дразнили прусские войска и совершенно отрезали пруссаков от мирового рынка.

Завершением прусской славы в этом отношении являются, сверх

того, мирные переговоры с Данией и заключенное в их результате перемирие в Мальме.

Если римский император, понюхав монету, полученную в уплату налога на мочу, мог сказать: «*non olet!*» (не воняет), то на пожатых в Шлезвиг-Гольштинии прусских лаврах неизгладимыми буквами начертано: «*olet!*» (воняет).

Во-вторых, «моя армия преодолела трудности и опасности при подавлении восстания в великом герцогстве Познанском».

Что касается «преодоленных трудностей», то они заключаются в следующем: Пруссия, во-первых, использовала вызванную слащавыми словами Берлина великодушную иллюзию поляков, которые в «померанцах» увидели немецких товарищей против *России* и поэтому спокойно распустили свою армию, дали выступить померанцам и только тогда опять собрали рассеянные кадры, когда пруссаки с величайшим презрением и наглостью стали обращаться с беззащитными. Таковы геройские подвиги пруссаков! Не *на* войне, а *после* войны происходят геройские подвиги «славной» прусской армии. Когда Мерославский был представлен июньскому победителю, первый вопрос Кавеньяка состоял в том, как это пруссаки ухитрились быть разбитыми при *Милославе* (мы можем это доказать показаниями свидетелей, слышавших это собственными ушами). 3 000 поляков, едва вооруженных косами и пиками, разбивают два раза и принуждают два раза к отступлению 20 000 человек хорошо организованных и обильно снабженных оружием пруссаков. Прусская же кавалерия в диком бегстве сшибает с ног прусскую пехоту. Польское восстание удержало за собой *Милослав*, два раза выгнав из города контрреволюцию. Но еще позорнее, чем *поражение* пруссаков при *Милославе*, была их окончательная, подготовленная поражением, *победа при Врешене*. Если невооруженный, но сильный, как Геркулес, противник стоит против вооруженного пистолетами труса, то трус бежит и на приличном расстоянии расстреливает все свои патроны. Так поступили пруссаки при *Врешене*. Они отбежали на некоторое расстояние, откуда смогли обстреливать картечью, начиненными 150 пулями гранатами и шрапнелью людей, вооруженных пиками и косами, которыми, как известно, издали ничего нельзя сделать. Шрапнелью до тех пор стреляли только англичане в полудиких жителей Ост-Индии. И храбрые пруссаки, охваченные фанатическим страхом перед польскою храбростью и в сознании своей слабости, обратили шрапнель против тех, кого называли согражданами. Они, конечно, должны были искать способа массами убивать поляков на расстоянии. Вблизи поляки были слишком страшны. Вот какова была *славная победа*

при Врешене! Но, как мы уже отметили, геройские подвиги прусской армии начинаются только *после* сражения, как геройские подвиги тюремщика начинаются только *после* приговора.

Что *эта* слава прусской армии будет памятна в истории — поручкой тому тысячи поляков, убитых, благодаря прусскому предательству и черно-белому коварству, шрапнелью, остроконечными пулями и т. п. и взорванных порохом.

Об этом втором лавровом венке контр-революционной армии в достаточной мере свидетельствуют сожженные прусскими героями села и города, убитые и зарезанные прикладами и штыками в своих домах польские жители, грабежи и всякого рода прусские жестокости.

Бессмертная слава этим прусским воинам в Познани, проложившим путь, по которому потом вошел неаполитанский палач, расстреляв свою верную столицу и предоставив ее потом солдатне на 24 часа на поток и разграбление! Честь и слава прусской армии познанского похода! Ибо поход этот послужил блестящим примером кроатам, *серечанам*, *ортоханам* и другим ордам Виндишгреца и компании, что доказывают Прага (в июне), Вена, Пресбург и пр., которые в пример другим были подожжены.

И, в конце концов, даже *это* мужество пруссаков пред лицом поляков было лишь плодом их страха перед русскими.

«Все хорошее должно быть трехликим». Поэтому и «мое войско» также должно было иметь тройкую славу. И случай к тому представился. Ибо «его участие в установлении порядка (!) в Южной Германии доставило новую славу прусскому имени».

Только злоба или страсть все умалять могли бы отрицать, что «моя армия» оказала Союзному сейму, — который при переименовании модернизировался и стал называться центральной властью, — превосходные полицейско-жандармские услуги. Точно так же нельзя оспаривать, что прусское имя приобрело несомненную славу в деле уничтожения южно-германского вина, мяса, сидра и т. д.

Алчущие пограничные жители Восточной Пруссии, Померании и т. д. набили себе патриотические ранцы, жаждущие утолили жажду и все вообще с таким геройским мужеством уничтожали все, что им предлагали на постоях, что прусское имя там везде приобрело громкое признание. Жаль, что не уплочено еще за постой по счетам: признание было бы еще громче.

Слава «моей армии», собственно, неисчерпаема. Но все же нельзя обойти молчанием, что «где я обращался к армии, она послушно откликнулась, всегда готовая служить, верная до конца, скованная

железной *дисциплиной*», и с таким же восхищением можно передать потомству, что «моя армия» гнусной клевете противопоставляла бодрый дух и *благородную дисциплину*.

Весьма лестно это поздравление для «моей армии», и в нем даже еще раз напоминают об ее «строгой дисциплине» и «благородной дисциплине» и снова подчеркиваются ее геройские подвиги в Великом герцогстве и любезно напоминаются лавры, которые она стяжала в Майнце, Швейднице, Трире, Эрфурте, Берлине, Кельне, Дюссельдорфе, Аахене, Кобленце, Мюнстере, Миндене и т. д. Мы же, все прочие, не принадлежащие к «моей армии», расширяем при этом наши ограниченные верноподданнические понятия. Расстрелы стариков и беременных женщин, кражи (близ *Острова* это было зарегистрировано в протоколе), избивание мирных граждан прикладами и саблями, разрушение домов, ночные нападения со спрятанным под плащами оружием на безоружных людей, разбойничание по большим дорогам (вспомним случай при Нейвиде)—этот и подобный героизм на христианско-германском языке называется «полной дисциплиной», «благородной дисциплиной». Да здравствует дисциплина, ибо убитые под этим флагом действительно мертвы!

Немногие места, которых мы коснулись в королевско-прусском новогоднем поздравлении, показывают нам, что это произведение по своему значению и по духу должно быть поставлено рядом с манифестом герцога Брауншвейгского от 1792 г.

КОРОЛЕВСКАЯ ГРАМОТА КРЕСТЬЯНАМ.

Кельн, 20 января.

Последний и самый сильный козырь враждебной народу партии,— это, как уже отмечалось, собственноручное послание прусского короля, контрассигнованное господином министром Мантейфелем.

Вопрос о том, как лучше всего осуществить вмешательство короля, был довольно щекотливый вопрос. Однако господам «с богом за короля и юнкерство» после долгих размышлений удалось решить эту задачу.

Некий Шульце-Кренгель из Нессина (небольшой деревушки), близ Кольберга, должен был вместе с многими батраками подписать письменный запрос королю, в котором они просили разъяснения сомнений, возникших у них при чтении летучих листков, распространенных будто бы от имени короля.

Чем наивнее были вопросы, тем вероятнее было, что действительный инициатор этого честного избирательного маневра не будет установлен.

Им поэтому пришлось справляться о том, правда ли, что его величество намерен разделить земельную собственность и раздать ее неимущим?

Можно представить себе смертельный страх и бессонные ночи батраков из Нессина, когда они слышали о подобном намерении. Как! Король хочет разделить земельную собственность? Мы, батраки, которые до сих пор за пять вильберггрошенов с таким наслаждением изо дня в день пахали землю милостивого господина, не будем больше батраками и будем обрабатывать свое собственное поле? И у милостивого майоратного господина, владеющего 80—90 родовыми имениями и какими-нибудь сотнями тысяч моргенов земли, должно быть взято столько-то моргенов земли и отдано нам?

Нет, при одной только мысли о подобном бедствии наши батраки дрожали всем своим телом. И ни одной минуты покоя не имели они до тех пор, пока они не уверились в том, что их в самом деле не повергнут в такое безграничное бедствие, что нависшая угроза раздачи

земли далеко отодвинута от них, а милостивый господин, как был до сих пор, так и впредь останется при них.

Целые провинции можно, конечно, отнимать у владельцев, но в малом все должно остаться по-старому.

Второй вопрос также сильно удручал этих добрых людей. Было ли его величество вынуждено распустить Национальное собрание по настоянию его советников? В третьих, они покорнейше просили «определенных указаний относительно личности подлежащего избранию кандидата, ибо они питали бы в этом отношении полное доверие только к кандидату, угодному его величеству» (значит, в других отношениях, например в денежных делах и других щекотливых вопросах, они доверия не питали бы? О, вы, львы из нессинской басни, — вы, может быть, не так глупы, как кажется!), «и то, что посоветует им его величество, они беспрекословно исполняют».

Этими запросами Бранденбург-Мантейфели думают убить двух зайцев за раз. С одной стороны, они хотят показать, какие еще есть или могли бы быть великолепные экземпляры первобытных подданных, а затем они нашли средство, — что в данном случае важнее всего, — чтобы король сам мог выступать, как верховный агитатор, в избирательной кампании прусской дворянско-чиновничье-банкирской партии.

Ответ не заставил себя долго ждать.

В нем король успокаивает все еще дрожащих от страха батраков, что он вовсе не желает нарушать их безземелья и совсем не собирается сделать их навеки несчастными, наделив их землей.

Батраки свободно вздохнули.

Их неуверенность относительно роспуска Национального собрания устраняется следующим объяснением прусского короля:

«Созванное для согласования конституции собрание, не по совету моих министров, но по моему собственному свободному решению, распущено (в чем могли сомневаться только гг. Кренгель и компания). Никто, кроме самого собрания, меня к этому не принуждал, так как большинство его членов (значит, не одна какая-нибудь фракция?) не последовало моему призыву продолжать свое совещание в Бранденбурге и противозаконными решениями подвергло чрезвычайной опасности государство и мой королевский дом».

Соглашатели, оказывается, сами были виноваты в том, что их разогнали!

Если бы они не вздумали немного подмести накопившуюся в христианско-германском государстве грязь и не стали придираться к растрате государственных доходов в гражданской и военной

области, к ставшим невыносимыми притеснениям всякого рода, к широким злоупотреблениям привилегированного дворянства и касты бюрократов, а, наоборот, приняли б без долгих возражений мои королевские предложения, при помощи которых можно было бы впредь, как и до сих пор, поработать и обирать народ, то мы оставались бы добрыми друзьями, и соглашатели по сию пору продолжали бы заседать.

Да, в таком случае на несколько сот тысяч талеров больше или меньше не имело бы никакого значения. Ведь вы знаете, как прусские короли, если только не слишком пристают к ним с правами народа, не скаредничают с деньгами возлюбленных подданных в подобных случаях.

Разве восемь провинций не имели с 1823 года своих ландтагов, обошедшихся в такую сумму, на которую можно было бы свыше четырех лет содержать Национальное собрание? Их члены были в большинстве такие милые, такие славные ребята, что пользовались нашей королевской благосклонностью, и если нам в них что-нибудь не нравилось, мы при прощании хорошенько били их по рукам и таким образом имели хотя и дорогую, но зато восхитительную масленичную потеху.

Но соглашатели захотели быть чем-то бóльшим и вели себя так, будто народ послал их в Берлин, чтобы выставить его требования, утвердить его права «на самой широкой основе», добиться для него облегчений и устранить те государственные учреждения, которые столько десятилетий всей своей тяжестью душат его к вящей выгоде сравнительно весьма ничтожного числа дворян, чиновников и денежных мешков.

Соглашатели в своем нахальстве пошли даже так далеко, что потребовали удаления реакционных офицеров, которые, как, например, в Швейднице, без всякого повода приказали расстрелять буржуазную сволочь, беременных женщин и детей. Не довольствуясь этим, они постановили упразднить дворянское сословие. И уже одна эта попытка унижить до уровня обыкновенных смертных эту опору «моего престола», этих королевских ставленников, любимцев, которые ежегодно под тем или другим наименованием получают приличные суммы из народного кармана (как это разболтала всему миру в своем нахальстве проклятая соглашательская комиссия), унижить до положения, не совместимого даже с воспитанием, получаемым «моим дворянством», — уже эта попытка исчерпала все терпение. Но еще не все приготовления были закончены, и пока дело еще оставалось нерешенным в Вене, пришлось подавлять в себе чувство негодования.

Между тем, эти господа пошли еще дальше: они отменили ордена и все не связанные с определенными должностями титулы. А между тем за один орден, стоящий каких-нибудь несколько талеров, можно приобрести и иметь на своей службе шпионов, которые в противном случае стоили бы очень дорого. К тому же для тех, у кого ничего нет за душой, получение какой-нибудь ленточки, звездочки и т. п. для ношения на груди столь же неопенимо, как для ничтожного человека высочайшее пожалование, без особого труда с его стороны, чина надворного советника, камергера или коммерции советника.

И вот, вы можете себе теперь представить, как бурлит высочайшая злоба, любезнейший Кренгель со товарищи из Нессина (близ Кольберга, *nota bene*)!

К сожалению, и это пришлось стерпеть. Правда, верноподданные день и ночь работали по введению осадного положения, однако в одном месте, то в другом все еще были недочеты.

А эти влюбленные батраки из Нессина! Эти безбожники и негодяи, народные представители, объявили *свободу* охоты, т. е. мы, благородные помещики, крупные и мелкие, и члены королевского дома в том числе, сразу лишены были славной привилегии топтать крестьянские поля и давать их опустошать дичи, возвращенной в наших заповедных парках.

Но нас ожидало еще худшее. Эти народные представители собирались даже облегчить тяготы крестьян и отменить, в большинстве случаев без вознаграждения, дворовую повинность и оброк землевладельцу как отвратительную, хотя и многие века существовавшую несправедливость.

Хороши виды на будущее! Ведь так отменены были бы самые доходные привилегии любезного дворянства!

Вот краткий перевод королевских слов на ясный, откровенный немецкий язык.

«Я не мог допустить, — гласит далее королевская грамота, — чтобы благодаря заблуждениям» (которые мы только что отчасти отметили) «этих депутатов обещанные мной свободы впредь не проводились в стране, чтобы спокойствие и порядок и впредь нарушались и чтобы таким образом и впредь мешали процветанию ремесел и благоденствию крестьян. Поэтому я при роспуске того собрания, по свободному собственному побуждению» (и, конечно, из благожелательных соображений!), «торжественно обещал моему народу в грамоте о государственном устройстве более широкие права и свободы. Вторичное основательное рассмотрение и всякое возможное»

улучшение конституции предусмотрены и будут осуществлены в сотрудничестве с имеющими быть избранными теперь депутатами».

Таков королевско-пруссский текст. Присмотримся к нему немного ближе.

Ибо «между нами должна царить только правда!»

В апреле прошлого года (ср. Собрание законов) прусский король приказал, — конечно, принужденный к этому мартовскими событиями, — чтобы было избрано народное представительство и чтобы по соглашению с ним была выработана конституция («на самых широких основаниях»).

Он же, по вышеприведенным причинам, приказал разогнать избранников народа.

«Спокойствие и порядок» теперь только действительно были нарушены, — нарушены осадным положением, всякого рода солдатскими мерзостями, растущим с каждым днем произволом чиновничества.

Что же касается процветания ремесл и «благоденствия крестьян», то о них позаботились дорого стоящими непрерывными передвижениями войск, стеснительными постоями и, наконец, тем, что оторвали ландвер от семейств и от занятий в области земледелия и ремесл, обрекли семьи на нужду, а самый ландвер, — который ведь должен собираться только в случае внешнего нападения, — принудили, против его воли, жить, заодно с постоянной армией, за счет плательщиков налогов.

А зачем? Только затем, чтобы восстановить прежнее благоприличное государственное хозяйство, поддержать его исключительно в интересах абсолютной монархии и тесно связанного с ней дворянства, офицерского и чиновничьего сословия.

И за государственным переворотом против соглашателей последовала октроированная, т. е. высочайше и всемилостивейше дарованная конституция.

«Даровому коню в зубы не смотрят», — правильно говорит пословица.

Но мы непременно должны посмотреть «в зубы даровому коню», чтобы хотя бы кое в чем разобраться.

Народ в марте даровал королю его корону. Из благодарности король дарит ему конституцию.

Вспомните рассказ о крестьянине, который в первый раз гулял в английском парке. Он заметил удивительно красивый домик. Как мило! Как изящно! Какое богатство красок! Какая привлекательная модная форма! Удивленный крестьянин подошел ближе и открыл его. Он в ужасе отскочил:

Невыносимый запах там
Ему ударил прямо в нос,
Как будто выгребли навоз
Из тридцати глубоких ям.

Так же обстоит дело с нашей довольно мило принаряженной конституцией.

Дарованная под гром пушек и под лязг врангелевских штыков конституция предусматривает две палаты, два совершенно различных народных представительства. Одна палата находится всецело в руках короля, его министров, дворянства, чиновников и денежных мешков; члены другой палаты выбираются всеми достигшими 24 лет «самодеятельными» гражданами государства.

Выборы — не прямые, а косвенные, через выборщиков.

В выборах в первую палату принимают участие лишь те, кто уплачивают 8 талеров в год поразрядного налога или получают 500 талеров чистого дохода, или владеют участком земли стоимостью не ниже 5 000 талеров.

Какие при таких условиях могут происходить и будут происходить выборы — поймет всякий, кто не безнадежно глуп.

Характер этого избирательного закона станет еще яснее, если отметить, кто пользуется пассивным избирательным правом.

Избранным может быть всякий, кто достиг «швабского, т. е. сорокалетнего возраста, между тем как королевский принц уже в 18 лет провозглашается способным управлять целым народом. Таково удивительное учение о ранней или поздней зрелости человека в прусском климате.

Избранный, которому не меньше 40 лет, должен быть в состоянии тотчас же оставить дом и хозяйство, семью и все остальное, т. е. должен быть королевским чиновником, толстопузым банкиром, богатым помещиком и т. п., чтобы иметь возможность занять свое место. Ибо он не получает никакого жалованья, и должен жить в Берлине все время сессии на своем собственном иждивении. Для этого нужны деньги, много денег.

Это очень хитро задумано. Первая палата должна выполнять роль тормоза против всего, чего может требовать вторая палата от имени народа.

Один параграф дарованной конституции гласит, что законопроект может быть представлен на утверждение короля лишь в том случае, если он предварительно получил утверждение обеих палат.

Но так как первая палата, в своем большинстве, в презрении к народу и желании сохранить привилегии своей клики или касты

превзойдет еще курию господ из Соединенного ландтага, то вторая палата может из кожи вон лезть, чтобы провести свои требования, а первая палата просто откажет в них, да еще призовет ее к порядку. Но если даже предположить, что произойдет чудо и что привилегированная первая палата когда-нибудь удовлетворит какое-нибудь требование народа, то, по конституции, если король не согласен с первой палатой, он вовсе не обязан с нею считаться.

А если даже допустить, что произошло такое же большое чудо и что король когда-нибудь *предложил бы* какой-нибудь закон в пользу народа, тогда достаточно было бы первой палате высказаться против него, чтобы он дальше бумаги не пошел.

Однако этого второго чуда нам нечего опасаться.

Уже самый способ выборов и статьи об активном и пассивном избирательном праве в первую палату довольно ясно говорят нам, что мы были бы самыми жалкими болванами, если бы дали поймать себя на такую удочку.

Но дальше еще лучше.

Вы знаете, что кошелек подданных представляет собою то, милостью чего король живет, оплачивает своих камергеров и лакеев, своих министров и маршалов, своих чиновников и солдат, делает денежные подарки, дает доказательства своей милости и т. д.

Именно потому, что мы до сих пор предоставляли прусскому королевству так безотчетно и произвольно распоряжаться нашими деньгами, мы не имели никакой силы, мы сами лишили себя силы и были осмеяны теми, которые высосали нашу кровь, и представляли собою зрелище Самсона, обессиленного Далилой.

Вы можете, конечно, понять, что прусский король принял все это в соображение, когда жаловал свою конституцию.

Его конституция устанавливает, что налоги будут взиматься, как и до сих пор, пока обе палаты не постановят чего-либо другого и король утвердит их постановление.

Однако первая палата будет, конечно, остерегаться голосовать за уменьшение налогов, ибо из налогов народа львиная доля достается как раз привилегированным сословиям, представленным в первой палате. На более справедливое распределение налогов они тем менее согласятся, что тогда благородные помещики и вообще богатые должны были бы платить больше, чем до сих пор.

Но зато соответствующая статья так называемой конституции позаботилась о том, чтобы король и его министры могли по своему усмотрению вводить новые налоги или увеличивать старые.

Потому что прусский король в своей конституции сохранил за

собой, по своему усмотрению и по своей фантазии, не только право обложения, но и право объявлять недействительным каждый параграф конституции и всю конституцию в целом на все время, когда палаты не заседают.

Однако все это — только небольшой образчик уловок, происков и козней новой образцовой конституции.

Но рейнские крестьяне — не нессинские или померанские батраки. Они прежде всего должны подумать о том, что мы выбираем во второй раз — и выбираем мы теперь в атмосфере тысячи созданных правительством препятствий.

В первый раз — в мае прошлого года — мы выбрали людей, от которых мы ожидали, что они сумеют достойно отстаивать и проводить наши права и наши требования.

Мы ошиблись в том отношении, что наши представители, по трусости или по глупости, или по той и другой причине вместе, упустили лучшее время, когда они могли, проявив энергию и проникаемость, сделать навсегда безвредными временно перепугавшихся врагов народа и лишить их той поддержки военных и штатских элементов, благодаря которой они впоследствии снова окрепли и, в свою очередь, произвели революцию — только в обратном смысле.

Когда все сроки были уже пропущены, тогда только у наших представителей открылись глаза. Но тогда было уже слишком поздно, и с ними было поступлено так, как они должны были с самого же начала поступить с врагами народа.

Поэтому мы должны на этот раз сразу выбрать выборщиками вполне решительных людей и поручить им послать в Берлин только вполне энергичных и преданных депутатов.

МОНТЕСКЬЕ LVI.

I.

Кельн, 20 января.

«Достопочтенный» Иосиф Дюмон препровождает через не им оплачиваемого, а его оплачивающего анонима, обрабатывающего позади редакционных статей избирателей первой степени, следующий выговор в редакцию «Новой рейнской газеты»:

«Новой рейнской газете», *органу демократии*, угодно было отметить опубликованные в этой газете заметки под заглавием «К избирателям первой степени» и указать, что они заимствованы из «Новой прусской газеты».

В ответ на эту ложь мы заявляем, что эти статьи оплачиваются как *объявления*, что они, за исключением первой, заимствованной из «Парламентской корреспонденции», написаны в Кельне, и автор их до сих пор ни разу еще не видал «Новой прусской газеты», не говоря уже о том, что ее не читал.

Мы понимаем, как важно для Монтескье LVI закрепить свое право *собственности*. Мы еще больше понимаем, как важно для господина Дюмона заявление, что он «получает плату» даже за летучие листки и объявления, которые он, в интересах своего собственного класса, *буржуазии*, набирает, печатает и распространяет.

Что касается анонима, то он знает французскую поговорку: *Les beaux esprits se rencontrent* (умные люди сходятся). Не его вина, если произведения его собственного ума так похожи на статьи из «Новой прусской газеты» и «*Preussenvereine*», как одно яйцо на другое, так что их можно смешать одну с другой.

Мы *никогда не читали* его публикаций в «Кельнской газете» и лишь бегло просматривали выходящие из дюмоновской типографии летучие листки, присылавшиеся нам и правыми, и левыми. Но теперь, сравнивая их, мы находим, что эти вздорные писания одинаково пригодны и в качестве объявлений и летучих листков.

Чтобы искупить нашу вину перед анонимным Монтескье LVI, мы наложили на себя тяжкую кару прочесть все его публикации

в «Кельнской газете» и представить его духовную частную собственность в качестве «общественной собственности» на суд немецкой публики.

Здесь кладезь премудрости!

Монтескье LVI занимается преимущественно *социальным вопросом*. Он нашел «самый легкий, самый простой путь» для его *решения* и предлагает свои пилюли Моррисона с елейным, наивно-бесстыдным шарлатанским пафосом:

«Но самый легкий, самый простой путь для этого (т. е. для решения социального вопроса), это — принять дарованную 5 декабря прошлого года конституцию, пересмотреть ее, затем заставить всех присягнуть ей и, таким образом, ввести ее в действие. *Это для нас единственный путь к спасению...*

Следовательно, тот, кто сочувствует страданиям своих бедных братьев, кто хочет накормить голодных и одеть нагих, — одним словом, тот, кто хочет разрешить социальный вопрос, — тот пусть не выбирает таких, кто высказывается против конституции» (Монтескье LVI).

Голосуйте за Бранденбурга-Мантейфеля-Ладенберга, и *социальный вопрос* будет решен «самым простым» и «самым легким» путем! Голосуйте за Дюмона, Кампгаузена, Витгенштейна или даже за *dii minogum gentium*, как Компес, Мевиссен и т. п., и *социальный вопрос* будет решен! «Социальный вопрос» за *один голос!* Кто «хочет накормить голодных и одеть нагих», пусть голосует за Ганземана и Штуппа! За каждый голос — одним социальным вопросом меньше! Принятие дарованной конституции — *voilà la solution du problème social* (вот решение социального вопроса)!..

Мы ни минуты не сомневаемся, что не только Монтескье LVI, но и его патроны в Союзе бюргеров не будут ждать принятия, пересмотра, присяги и введения в действие дарованной конституции, чтобы «накормить голодных и одеть нагих». Для этого уже созданы учреждения.

Вот уже несколько недель, как здесь распространяются циркуляры, в которых капиталисты указывают мастерам-ремесленникам, лавочникам и т. д., что, принимая во внимание современное положение, а также и то, что кредит стал возрождаться, процент по займам из филантропических соображений повышается с 4 до 5. Таково первое решение социального вопроса!

Здесьшний общинный совет составил в том же духе «*рабочую книжку*» для несчастных, которые умирают с голоду или вынуждены продавать свои руки (см. № 187 «Новой рейнской газеты»). Читатель,

может быть, помнит, что в этой дарованной рабочим хартии сказано, что лишившийся работы рабочий отластается, согласно договору, под *надзор полиции*. Вот вам второе решение социального вопроса!

В Кельне общинный совет вскоре после мартовских событий основал столовую, недорогую, хорошо обставленную, с прекрасными отапливаемыми комнатами и т. д. После объявления дарованной конституции вместо этого помещения под столовую отведено было другое помещение, находящееся в ведении управления богоугодными заведениями, — помещение, где не топят, где не хватает посуды, где не разрешается тут же, на месте, есть, а кварта какой-то похлебки продается за 8 пфеннигов.

А вот третье решение социального вопроса!

В Вене рабочие, пока город был в их руках, охраняли банк, дома и богатства бежавших буржуа. После своего возвращения благодарные буржуа донесли на этих «разбойников» Виндишгрецу, требуя, чтобы они были *повешены*. Безработные, обращавшиеся в общинный совет, были отправлены в армию против Венгрии. Четвертое решение социального вопроса!

В Бреславле общинный совет и правительство спокойно бросили в жертву холере несчастных, которые должны были искать убежища в богадельне, лишив их физически необходимых средств существования, и только тогда обратили внимание на жертв своей жестокой благотворительности, когда эпидемия стала угрожать им самим. Пятое решение социального вопроса!

В берлинском союзе «С богом за короля и отечество!» один сторонник дарованной конституции заявил, что досадно, что для проведения своих интересов и намерений все еще приходится угождать *«пролетариату»*.

Вот уж самое радикальное «решение социального вопроса!»

«Прусские шпионы потому так опасны, что им никогда не платят, — они лишь всегда надеются получить плату», — говорит наш друг Гейне. А прусские буржуа потому так опасны, что они никогда не платят, а всегда лишь обещают платить.

Английские и французские буржуа расходуют в дни выборов много денег. Их способы подкупа общеизвестны. Прусские буржуа — «самые умные люди!» Слишком добродетельные и солидные, чтобы раскошелиться, они платят *«решением социального вопроса»*. Это ничего не стоит! Однако Монтескье LVI платит, по крайней мере, как официально уверяет Дюмон, за объявления в «Кельнской газете» и в придачу дает — уже даром — решение *«социального вопроса»*.

Практическая часть *petits oeuvres* (небольших произведений) нашего Монтескье сводится, таким образом, к следующему: Голосуйте за Бранденбурга-Мантейфеля-Ладенберга! Избирайте Кампгаузена-Ганземана! Пошлите нас в Берлин, дайте нашим людям прежде всего укрепиться там! В этом *решение социального вопроса!*

Бессмертный *Ганземан* решил этот вопрос. Сперва восстановление порядка, дабы можно было восстановить кредит. Затем, как в 1844 г., когда «моим дорогим силезским ткачам нужно и должно было помочь», — порох и свинец для решения «социального вопроса»!

Голосуйте поэтому за друзей дарованной конституции!

Но Монтескье LVI принимает дарованную конституцию только для того, чтобы ее можно было вслед за тем пересмотреть и при- сягнуть ей.

Милейший Монтескье! Раз ты принял конституцию, ты будешь ее пересматривать на основании ее собственных норм, т. е. ты будешь ее пересматривать лишь в том случае, если это будет угодно королю и второй палате, состоящей из провинциальных дворян-помещиков, финансовых баронов, высших чиновников и попов. Этот единственно возможный пересмотр предусмотрительно указан в самой дарованной конституции. Он заключается в отказе от конституционной системы и в восстановлении старого христианско-германского *сословного строя*.

Это единственно возможный пересмотр *после* принятия дарованной конституции и единственно разрешенный, чего не мог не увидеть проницательный Монтескье.

Практическая часть *petits oeuvres* (небольших произведений) Монтескье LVI сводится, таким образом, к следующему: Голосуйте за Ганземана-Кампгаузена! Голосуйте за Дюмона-Штуппа! Голосуйте за Бранденбурга-Мантейфеля! Примите дарованную конституцию! Выбирайте выборщиков, которые принимают дарованную конституцию! И все это под предлогом решения «социального вопроса».

Но какого чорта нам дался предлог, раз речь идет о дарованной конституции.

Но наш Монтескье своему практическому указанию, каким образом разрешить «социальный вопрос», т. е. основной сущности своего колоссального труда, конечно, предпослал теоретическую часть. Рассмотрим же эту теоретическую часть.

Глубокомысленный мыслитель сперва объясняет, *что такое «социальные вопросы»*.

«Но что такое, собственно, социальные вопросы?»

Человек *должен и хочет* жить.

Чтобы жить, человеку нужны жилище, одежда, пища.

Жилище и одежду природа совершенно не производит, пища в диком состоянии растет весьма скудно, и притом в недостаточном количестве.

Поэтому человек сам должен заботиться об удовлетворении этих потребностей.

Это достигается трудом.

Поэтому труд есть первое условие нашей жизни, — без труда мы не можем жить.

У первобытных народов каждый сам строил себе свою хижину, сам делал себе одежду из звериных шкур, сам собирал себе плоды для еды. Таково было первобытное состояние.

Но если человеку ничего не нужно кроме жилища, одежды, пищи, если он, следовательно, удовлетворяет только свои *физические* потребности, он стоит на одной ступени с животными. Ибо то же самое делает и животное.

Но человек существо высшее, нежели животное, ему нужно больше для жизни: ему нужны радости, он должен подняться до моральной ценности. А этого он может достигнуть лишь в том случае, если он живет в обществе.

Но как только люди стали жить обществом, наступили совершенно другие отношения. Они скоро заметили, что работа гораздо легче, когда каждый отдельный человек исполняет только одну определенную работу. И тогда одни стали шить одежду, другие строили дома, третьи — заботились о пище, и первые давали вторым то, чего у них не было. Так сами собой образовались различные профессии людей; одни стали охотниками, другие ремесленниками, третьи земледельцами. Но люди и на этом не остановились, ибо человечество должно идти вперед. Пошли изобретения. Было изобретено прядение и ткачество, научились ковать железо, мять кожи. Чем больше делали изобретений, тем разнообразнее становились ремесла, тем легче становилось земледелие, которому ремесла дали плуг и заступ. Одни области труда помогали другим, все было между собой тесно связано. Потом стали входить в общение с соседними народами. У одного народа было то, в чем нуждался другой, — последний же имел то, чего не было у первого. Начался обмен. Так возникла *торговля*, а с нею новая отрасль человеческой деятельности. Так подвигалось образование — с одной ступени на другую. От первых элементарных изобретений через столетия дошли, наконец, до изобретений нашего времени.

Так возникли у людей науки и искусства, и жизнь становилась все богаче, все разнообразнее. Врач лечил больных, священник проповедывал, купец торговал, земледелец обрабатывал поле, садовник разводил цветы, каменщик строил дома, которые столяр снабжал домашней утварью, мельник молот муку, из которой булочник выпекал хлеб. Одно было тесно связано с другим; никто не мог оставаться особняком, никто не мог сам удовлетворять свои потребности.

Таковы общественные отношения.

Они совершенно естественно возникли сами собой. И если вы сегодня произведете революцию, которая разрушит все эти отношения до основания, а завтра вы опять начнете жить сначала, *то снова создадутся точно такие же отношения, какие существуют теперь*. В течение тысячелетий так было у всех народов земного шара. И если теперь кто-нибудь проводит различие между рабочими и буржуазией, то это *наглая ложь*. Мы все работаем, каждый по своему, каждый по своим силам и способностям. Врач работает, когда идет проведать больного, музыкант — когда он играет танцующим, купец — когда пишет свои письма. Все работают. Каждый на своем месте».

Вот где кладезь премудрости! Имеющий уши да слышит!

В чем же, таким образом, сущность физиологического вопроса?

Каждое физическое тело предполагает известную тяжесть, плотность и т. п. Каждое органическое тело состоит из разного рода составных частей; каждая из них выполняет свою особую функцию, и взаимодействующие органы тесно связаны друг с другом.

«Это физиологические отношения».

Монтескье LVI, — нельзя этого отрицать, — обладает оригинальным талантом упрощать науки. Пожалуйте патент (без гарантии правительства), Монтескье LVI!

Продукты труда производятся только трудом. Без посева нет жатвы, без пряденья нет пряжи и т. д.

Европа с восхищением склонится перед колоссальным гением, который здесь, в самом Кельне, без всякой помощи «Новой прусской газеты» открыл эти истины.

В работе люди вступают в определенные отношения друг с другом. Происходит *разделение труда*, более или менее разное. Один печет, другой куёт, один толкает, другой воеет, Монтескье LVI пишет, Дюмон печатает. *Адам Смит*, признай своего учителя! И эти открытия, что *труд и разделение труда* являются условиями существования всякого человеческого общества,

уполномачивают Монтескье LVI заключить, что *«различие сословий»* соответствует природе общественных отношений, что разница между *«буржуазией и пролетариатом»* — *«наглая ложь»*, что если бы даже *«революция»* сегодня разрушила до основания существующие общественные отношения, *«снова создадутся точно такие же отношения, как в настоящее время»*, что, наконец, безусловно необходимо избрать выборщиков, угодных Мантейфелю и соответствующих духу дарованной конституции, если *«чувствуют сострадание к нуждам своих обездоленных братьев»* и хотят заслужить уважение Монтескье LVI.

«В течение тысячелетий так было у всех народов земного шара!!» В Египте был труд и разделение труда — и *касты*; в Греции и Риме — труд и разделение труда — и *свободные и рабы*; в средние века — труд и разделение труда — и *феодалы и бароны и крепостные, цехи, сословия* и т. п. В наше время есть труд и разделение труда — и *классы*, из которых один владеет всеми орудиями производства и средствами существования, между тем как другой живет лишь до тех пор, пока он продает свой труд, а продает он свой труд лишь до тех пор, пока покупка этого труда обогащает класс работодателей.

И разве после этого не ясно, как день, *«что в течение тысячелетий у всех народов земного шара было то же самое, что в настоящее время происходит в Пруссии»*, ибо труд и разделение труда всегда существовали в той или другой форме? Но в действительности оказывается нечто обратное, а именно — что общественные отношения, отношения собственности, всегда ниспровергались как раз постоянно менявшимся способом труда и разделения труда.

В 1789 г. буржуа не говорили феодальному обществу: *«дворянство, останься дворянством; крепостной, останься крепостным; цеховой, останься цеховым, ибо без труда и разделения труда нет общества! Без дыхания воздуха нет жизни! Вдыхайте поэтому душливый воздух и не открывайте окон»*, — так рассуждает Монтескье LVI.

Надо обладать совершенно наивной, тяжелой и тупой смелостью посевшего в грубом невежестве немецкого всеимперского бюргера, чтобы, усвоив первые элементы политической экономии — труд, разделение труда — и разжевав их поверхностно и неумело своими тяжелыми мозгами, начать, словно оракул, изрекать суждения по таким вопросам, на которых наше столетие притупило свои зубы.

«Без труда и разделения труда нет общества!

Поэтому —

**выбирайте в выборщики друзей дарованной конституции —
и только друзей дарованной конституции!»**

Эта эпитафия когда-нибудь будет красоваться большими буквами на стенах великолепного мраморного мавзолея, который благодарное потомство почувствует себя обязанным воздвигнуть разрешившему социальный вопрос Монтескье LVI (не смешивать с Генрихом CCLXXXIV фон - Рейсс - Шлейтц - Грейц - Лобенштейн - Эберсвальдским!).

Монтескье LVI не утаивает от нас, что скрывается за всем этим и что он собирается делать, когда будет объявлен законодателем.

«Государство должно заботиться о том, — поучает он нас, — чтобы каждый получал такое образование, которое давало бы ему возможность научиться чему-нибудь путному». Монтескье LVI никогда не слышал о том, что при существующих условиях разделение труда заменяет сложный труд простым трудом, труд взрослых — детским, мужской — женским, труд самостоятельного рабочего — автоматом; что в тех условиях, в которых развивается современная промышленность, образование рабочих становится излишним и невозможным. Мы отсылаем кельнского Монтескье не к *Сен-Симону* или *Фурье*, а к *Мальтусу* и *Рикардо*. Пусть наш простак раньше изучит основы современных отношений — и тогда уж принимается за улучшение их и, как оракул, изрекает суждения.

«О лицах, которые вследствие болезни или старости впали в нужду, должна заботиться община». А если община сама впала в нужду, что при введенных вместе с конституцией 100 миллионах налогов и не прекращающемся осадном положении совершенно неминуето, как тогда быть, Монтескье?

«В тех случаях, когда новые изобретения или торговые кризисы уничтожают целые отрасли производства, государство должно прийти на помощь и помочь пострадавшим».

Как ни мало знаком кельнский Монтескье с нашими современными делами, все же ему не могло остаться неизвестным, что новые изобретения и торговые кризисы столь же постоянны, как прусские министерские приказы и правовой строй. Новые изобретения в Германии вводятся только тогда, когда конкуренция с другими народами делает введение их жизненным вопросом. Но разве вновь возникшие отрасли промышленности должны разориться, чтобы прийти на помощь погибающим отраслям? Возникающие благодаря изобретениям новые отрасли промышленности именно потому и возникают, что они производят дешевле отмирающих отраслей. В чем, черт возьми, было бы преимущество, если бы они должны были поддерживать отмирающие отрасли? Государство или правительство, как известно, дает обыкновенно только для видимости.

Прежде надо ему дать, чтобы оно дало. Но кто ему даст, Монтеские LVI? Погибающая отрасль промышленности, чтобы она еще быстрее погибла? Или возникающая, чтобы она уже с самого же начала захирела? Или те отрасли промышленности, которые не затронуты новыми изобретениями, чтобы они, благодаря установлению нового налога, обанкротились? Обдумай все это хорошенько, Монтеские LVI!

А теперь перейдем к торговым кризисам, любезнейший! Когда разражается европейский торговый кризис, прусское государство ни о чем другом не может с большим страхом думать, как о том, каким образом высосет оно путем взысканий и т. п. мер последние гроши из обычных источников налогов. Бедное прусское государство! Чтобы прусское государство могло обезвредить торговые кризисы, оно должно было бы, кроме национального труда, обладать еще какими-то иными источниками дохода. Во всяком случае, если бы высочайшими новогодними пожеланиями, врангелевскими приказами по армии или мантейфелевскими министерскими приказами можно было из земли чеканить деньги, то «отказ от уплаты налогов» не посеял бы такого панического страха среди «любезных верноподданных», и социальный вопрос был бы решен и без дарованной конституции.

Известно, что «Новая прусская газета» объявила нашего *Ганземана коммунистом* за то, что он предполагал отменить изъятие от уплаты налогов. Наш Монтеские, который никогда не читал «Новой прусской газеты», *самостоятельно* приходит в Кельне к мысли объявить «коммунистом» и «красным республиканцем» всякого, кто угрожает дарованной конституции. Итак, голосуйте за Мантейфеля — или вы не только личные враги труда и разделения труда, но и коммунисты, и красные республиканцы! Признайте новейшую «правовую основу» Брюггемана — или откажитесь от Code civil (гражданского кодекса)!

Figaro, tu n'aurais pas trouvé ça! (Фигаро, ты бы до этого не додумался!)

Завтра подробнее о Монтеские LVI!

II.

Кельн, 21 января.

Монтескье LVI пытается сбыть «даренного коня» октроированной конституции избирателям первой стадии со всей мелкотравчатой хитростью многоопытного барышника. Он — Монтескье конского рынка.

Кто не желает октроированной конституции, тот желает республики — и не просто республики, а красной республики! К сожалению, на наших выборах речь идет меньше всего о республике — и о красной республике. Речь идет просто вот о чем.

Стоите ли вы за старый *абсолютизм* вместе с заново подчищенным *сословным строем*, или вы желаете буржуазной *представительной системы*? Хотите ли вы политический строй, который соответствовал бы «существующим социальным отношениям» прошлых столетий, или вам желателен политический строй, соответствующий «существующим социальным отношениям» вашего столетия?

Итак, речь идет в данном случае меньше всего о борьбе против буржуазных отношений собственности, как это имеет место во Франции и что подготавливается в Англии. В гораздо большей степени речь идет о борьбе против такого политического строя, который подвергает опасности «буржуазные отношения собственности» тем, что отдает кормило государственного корабля в руки представителей «феодальных отношений собственности» — короля божьей милостью, армии, бюрократии, провинциальных юнкеров и немногих связанных с ними финансовых баронов и мещан.

Помощью октроированной конституции разрешается в духе этих господ социальный вопрос. Это не подлежит никакому сомнению.

Что такое «социальный вопрос» в понимании чиновника? Сохранение его жалованья и его прежнего господствующего над народом положения.

А что такое «социальный вопрос» в понимании дворянства и дворянского крупного землевладения? Сохранение прежнего поземельного феодального права, захват дворянскими семьями наиболее прибыльных должностей в армии и на гражданской службе и, наконец,

прямые подачки из государственной казны. Помимо этих осязаемых *материальных* и потому «*священнейших*» интересов господ «с богом за короля и родину», речь идет для них также, конечно, о сохранении тех социальных преимуществ, которые отличают их расу от низшей расы буржуа, крестьян и плебеев. Старое Национальное собрание было разогнано именно потому, что оно осмелилось наложить руку на эти «*священнейшие интересы*». То, что упомянутые господа разумеют под «пересмотром» октроированной конституции, есть, как это мы выше показали, не что иное, как введение *сословной системы*, т. е. такого политического строя, который представляет «социальные» интересы феодальной знати, бюрократии и короля божьей милостью.

Повторяем, не подлежит никакому сомнению, что «социальный вопрос» разрешается октроированной конституцией в духе дворянства и бюрократии, т. е. что она дарит этим господам такую форму правления, которая обеспечивает эксплуатацию народа этими полубогами.

Но разрешает ли октроированная конституция «социальный вопрос» в духе буржуазии? Другими словами, получает ли буржуазия такое государственное устройство, при котором она может свободно управлять общими делами своего класса — интересами торговли, промышленности, земледелия, при котором она сможет наиболее продуктивно расходовать государственные деньги, организовать наиболее экономно государственное хозяйство, действительно охранять национальный труд извне, а внутри — открыть родники национального богатства, очистив их от феодального ила?

Разве история дает нам хотя бы один пример, когда бы буржуазия в состоянии была установить соответствующий ее материальным интересам государственный строй совместно с октроированным ей божьей милостью королем?

Чтобы основать конституционную монархию, она должна была в Англии два раза изгонять Стюартов, во Франции — старую династию Бурбонов, в Бельгии — представителя Нассауского дома.

Чем объясняется это явление?

Всякий наследственный король божьей милостью — не отдельный индивидуум, он олицетворяет старое общество в новом обществе. Государственная власть в руках короля божьей милостью, это — государственная власть в руках старого, существующего только в виде развалин, общества, это — государственная власть в руках феодальных сословий, интересы которых противоположны и глубоко враждебны интересам буржуазии.

Но основой октроированной конституции является *«король божьей милостью»*.

Подобно тому как феодальные элементы общества видят в короле божьей милостью свою политическую вершину, подобно этому и король божьей милостью видит в феодальных сословиях свою социальную основу, пресловутую «королевскую стену».

Поэтому каждый раз, когда интересы феодального дворянства и находящихся в их власти армии и бюрократии сталкиваются с интересами буржуазии, король божьей милостью вынужден идти на государственный переворот, и тогда готовится революционный или контр-революционный кризис.

Почему было разогнано Национальное собрание? Только потому, что оно представляло интересы буржуазии против интересов феодализма, потому что оно хотело устранить мешающие сельскому хозяйству феодальные отношения, подчинить армию и бюрократию представителям торговли и промышленности, положить предел расширению государственной казны, отменить дворянские и бюрократические титулы.

Во всех этих вопросах речь шла *преимущественно и непосредственно об интересах буржуазии*.

Таким образом, *государственные перевороты и контр-революционные кризисы* являются необходимыми жизненными условиями для королевской власти божьей милостью, которая мартовскими и иными событиями была вынуждена смириться и принять, помимо своей воли, внешний вид буржуазной королевской власти.

Разве может восстановиться кредит при государственном строе, который по необходимости ведет к государственным переворотам, контр-революционным кризисам и осадным положениям?

Какое безумие!

Буржуазная промышленность *должна* разбить оковы абсолютизма и феодализма. Наличие революции против абсолютизма и феодализма свидетельствует лишь о том, что буржуазная промышленность достигла такой ступени развития, при которой она должна либо завоевать соответствующий ее интересам государственный строй, либо погибнуть.

Обеспеченная октроированной конституцией система бюрократической опеки есть смерть для промышленности. Вспомните только о прусском управлении горной промышленностью, о фабричных регламентах и т. п.! Пусть английский фабрикант сравнит свои издержки производства с издержками производства прусского фабриканта, и он прежде всего учтет ту потерю времени, которую

терпит прусский фабрикант от выполнения всевозможных бюрократических предписаний.

Какой сахароводчик не помнит о прусском торговом договоре с Голландией 1839 г.? Какой прусский промышленник не краснеет при воспоминании о 1846 г., когда прусское правительство из угодливости к австрийскому правительству приостановило вывоз целой провинции в *Галицию*; когда же в Бреславле разразилась эпидемия банкротств, прусское министерство с изумлением заявило, что оно не знало, что вывоз в Галицию столь значителен и т. д.

Люди той же породы будут поставлены октроированной конституцией у кормила правления, и даже самый «дар» этот исходит от подобных же людей, так что вы можете ими дважды любоваться.

Случай с Галицией обращает наше внимание на другой пункт.

Тогда прусское правительство пожертвовало промышленностью и торговлей Силезии ради контр-революции в союзе с Австрией и Россией. Этот маневр будет постоянно повторяться. Банкиром прусско-австрийско-русской контр-революции, у которого королевская власть божьей милостью вместе со своими «королевскими стенами» будет постоянно искать *внешней* поддержки, является Англия, опаснейшим противником немецкой промышленности — та же Англия. Мы полагаем, что эти данные говорят достаточно красноречиво.

Внутри — промышленность, стесненная бюрократическими путями, сельское хозяйство — феодальными привилегиями, во-вне — торговля, проданная контр-революцией Англии. — вот судьбы прусского народного богатства под эгидой октроированной конституции.

Доклад «финансовой комиссии» разогнанного Национального собрания пролил достаточно света на управление божьей милостью государственным достоянием.

Между тем этот доклад только ради примера отмечает суммы, взятые из государственной казны для укрепления оседающих «королевских стен» и для того, чтобы снабжать золотом иностранных претендентов на самодержавную королевскую власть (Дон Карлос). Однако эти деньги, выжатые из карманов остальных граждан для того, чтобы аристократия могла вести приличествующий ее положению образ жизни и чтобы «опора» феодальной королевской власти могла оставаться достаточно крепкой, являются лишь деталью в свете октроированной одновременно с мантейфелевской конституцией системой государственного хозяйства. Прежде всего — *сильная армия*, дабы меньшинство могло властвовать над большинством; возможно бо́льшая армия чиновников, дабы возможно больше людей

благодаря своим личным интересам оставались чуждыми общим интересам; расходование государственных средств самым непроизводительным образом, дабы богатство, как говорит «Новая прусская газета», не сделало подданных слишком заносчивыми; сбережение возможно больших сумм государственных средств, вместо их вложения в промышленность, дабы правительство божьей милостью могло в легко предвидимые моменты кризиса самостоятельно выступать против народа, — таковы основные черты октроированной системы государственного хозяйства. Расходование взимаемых налогов таким образом, чтобы государственную власть, деспотическую, независимую и священную, противопоставлять промышленности, сельскому хозяйству и торговле, вместо того чтобы *низвести* ее на роль простого *орудия* гражданского общества, — такова жизненная основа октроированной прусской конституции!

По дарителю дар! Каково нынешнее прусское правительство — такова и подаренная им конституция. Чтобы *выяснить себе враждебное отношение этого правительства к буржуазии*, достаточно приглядеться к его проекту промышленного устава. Под предлогом *расширения принципа ассоциации* правительство пытается *вернуться к цеховому строю*. Конкуренция заставляет производить все дешевле, поднимая производство на все более высокие ступени развития, т. е. со все *разрастающимся капиталом*, с *более развитой системой разделения труда* и с постоянно *расширяющимся применением машин*. Каждое новое разделение труда обесценивает прежнее искусство ремесленника, каждая новая машина вытесняет сотни рабочих, всякое новое расширение производства, т. е. новое вложение капитала, разоряет мелкоту и мелкобуржуазные предприятия. Правительство обещает охранять ремесло от фабричного производства, приобретенную искусность — от разделения труда, мелкий капитал — от крупного капитала при помощи *феодалных цеховых учреждений*. Итак, беспомощный немецкий и, в частности, прусский народ, который с трудом и лишь ценой крайнего напряжения сил не сваливается от изнеможения в борьбе с английской конкуренцией, нужно отдать на съедение англичанам, ибо ему навязана будет такая организация промышленности, которая противоречит современным способам производства и которая современной индустрией будет взорвана на воздух.

Мы, конечно, меньше, чем кто бы то ни было, желаем господства буржуазии. Мы первые подняли в Германии голос против нее, когда современные «люди дела» самодовольно проводили время в благонадежной болтовне.

Но мы говорим рабочим и мелким буржуа: уж лучше страдать в современном буржуазном обществе, создающем своей промышленностью материальные средства для основания нового общества, которое всех вас освободит, чем возвращаться к отжившей форме общества, которая якобы для спасения вашего класса отбрасывает весь народ назад, к средневековому варварству!

Однако правительство божьей милостью имеет, как мы видели, своей *общественной основой* средневековые сословия и средневековые порядки. Оно не годится для современного буржуазного общества. Оно вынуждено пытаться создать общество по своему подобию. И если оно пытается свободную конкуренцию заменить цехом, машинное прядение — прялкой, паровой плуг — мотыгой, то это является лишь *необходимым следствием* его общественного положения.

Чем же объясняется то обстоятельство, что при таких отношениях прусская буржуазия, в полном противоречии с ее английской, французской и бельгийской предшественницами, громогласно провозглашает октроированную конституцию (а с ней вместе и королевскую власть божьей милостью, бюрократию и юнкерство) своим политическим ловунгом?

Торговая и промышленная буржуазия бросается в объятия контр-революции из страха перед революцией, точно контр-революция представляет собою что-либо иное, чем увертюру революции!

Кроме того, существует некоторая часть *буржуазии*, которая равнодушна к общим интересам своего класса и преследует свои особые и даже враждебные ему интересы.

Это — финансовые магнаты, крупные кредиторы государства, банкиры, рантье, богатство которых возрастает в той же мере, в какой растет и народная бедность, и, наконец, люди, благополучие которых связано со старым государственным порядком, например *Дюмон* и его литературная челядь. Это — честолюбивые профессора, адвокаты и тому подобные люди, которые могут достигнуть видных постов только в государстве, где предавать народные интересы правительству является доходным занятием.

Это — отдельные фабриканты, которые обделывают выгодные дела с правительством; поставщики, получающие свои крупные доходы от эксплуатации народных масс; мещане, значение которых меркнет в круговороте большой политической жизни; муниципальные советники, обделывающие под сенью прежних учреждений свои грязные частные делишки за счет общественных дел; торговцы растительным маслом, превращающиеся ценой предательства революции в превосходительства и рыцарей дворянского ордена; обан-

кротившиеся торговцы шерстью и железнодорожные спекулянты, сделавшиеся королевскими директорами банка, и т. д., и т. д.

«Вот кто — друзья октроированной конституции». Если в сердце буржуазии есть еще какое-нибудь чувство к этим ее бедным братьям и если она хочет стать достойной уважения Монтескье LVI — пусть избирает выборщиками сторонников октроированной конституции.

«БЕРЛИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЗЕТА» — ПЕРВИЧНЫМ ИЗБИРАТЕЛЯМ.

I.

Кельн, 25 января.

Редко, но все же время от времени удается увидеть, как из развалин, оставленных двойным наводнением революции и контр-революции, поднимается верстовой столб доброго старого домартовского времени. Горы переместились, долины засыпаны, леса повалены, но верстовой столб все еще стоит на старом месте, выкрашенный в старые цвета, и все еще красуется на нем старая надпись: «В Шильду!»

Такой верстовой столб протягивает нам из № 21 *«Берлинской национальной газеты»* свою деревянную руку с надписью: *«Первичным избирателям»*. «В Шильду!»

Благонамеренный совет «Национальной газеты» первичным избирателям прежде всего заявляет: «Настал час, когда во второй раз прусский народ приступает к осуществлению с трудом добытого всеобщего избирательного права» (как будто пожалованное свыше всеобщее избирательное право, с его различным в каждой деревне истолкованием, представляет такое же избирательное право, как и завоеванное 8 апреля!), «из коего должны выйти люди, которым предстоит во второй раз высказать, каковы идея (!), мнение (!!) и воля (!!!) не отдельных сословий и классов, а всего народа».

Не будем говорить о надуту-неуклюжем стиле этого абзаца, медленно и тяжело пыхтя переходящего от одного слова к другому. Всеобщее избирательное право, говорит газета, должно раскрыть нам, в чем состоит воля не отдельных сословий и классов, а всего народа.

Прекрасно! А из кого состоит «весь народ»?

Из «отдельных сословий и классов».

А из чего составляется «воля всего народа»?

Из отдельно противоречащих друг другу «воль отдельных сословий и классов», т. е. как раз из той воли, которую «Национальная газета» признает прямой противоположностью «воле всего народа».

Великий логик эта «Национальная газета»!

Но для «Национальной газеты» существует *одна* воля всего народа, которая не является суммой противоречащих волей, а есть одна единственная определенная воля. Что это?

Это — воля большинства.

А что такое воля большинства?

Это воля, вытекающая из интересов жизненного положения, условий существования большинства.

Следовательно, для того, чтобы иметь одну и ту же волю, члены большинства должны иметь одинаковые интересы, одинаковое жизненное положение, одинаковые условия существования или же должны быть, хотя бы еще только временно, тесно связаны друг с другом в своих интересах, в своем жизненном положении, в условиях своего существования.

Говоря по-немецки: воля народа, воля большинства, есть воля не отдельных сословий и классов, а *одного единственного* класса и тех других классов и частей классов, которые подчинены этому одному господствующему классу в общественном отношении, т. е. в отношении промышленном и торговом.

«Но что сказать нам по этому поводу»? Что воля всего народа есть воля одного господствующего класса?

Конечно, и именно всеобщее избирательное право является той магнитной стрелкой, которая, правда, только после различных колебаний, все же в конце концов указывает этот призванный к господству класс.

А добродушная «Национальная газета» все еще продолжает болтать, как это было в лето 1847-е, о воображаемой «воле всего народа»!

Но пойдем дальше. После своего возвышенного вступления «Национальная газета» поражает нас таким много говорящим замечанием:

«В январе 1849 г. положение вещей иное, чем оно было в столь богатые надеждами и возвышенным настроением (почему не благоговением в придачу?) дни мая 1848 г.»

Тогда смеялось все кругом
Под лаской солнечных лучей,
Надежды славил птичий хор,
Цвели надежды у людей.
Они мечтали...

«Тогда, казалось, все были единодушны в том, что полностью и безотлагательно должны быть осуществлены великие реформы,

которые в Пруссии давно уже были бы проведены, если бы на заложенном в 1807 — 1814 гг. фундаменте продолжалось дальнейшее строительство в тогдашнем духе и соответственно поднявшемуся с того времени уровню образования и понимания».

«Тогда, казалось, все были единодушны! Великая, божественная наивность «Национальной газеты»! Тогда, когда гвардия, скрежеща от бешенства, удалялась из Берлина, когда прусский принц должен был поспешно бежать оттуда в куртке почтальона, когда высшее дворянство и верхи буржуазии должны были молча переживать свое возмущение по поводу того унижения, какому подвергся во дворце король, когда народ заставил его снять шапку перед мартовскими трупами, — тогда, казалось, все были единодушны!»

Ну, это уже слишком — предаваться таким измышлениям! Но теперь, после того как приходится признать себя обманутым, еще благовестить о своем обманутом легковерии, — поистине, *c'est par trop bonhomme!* (это уже слишком по-простецки!)

И в чем, «казалось, все были единодушны»?

В том, что «должны быть осуществлены великие реформы, которые... *уже были бы* проведены, *если бы...* продолжалось дальнейшее строительство...»

В этом были, — нет, *казалось*, что были, — все единодушны.

Великое мартовское завоевание, выраженное достойным языком!

И каковы были эти «реформы»?

Развитие «основ 1807 — 1814 гг. в тогдашнем духе и соответственно поднявшемуся с того времени уровню образования и понимания».

То есть в духе 1807 — 1814 гг. и в то же время в совсем другом духе.

«Тогдашний дух» состоял совсем просто в весьма материальном давлении тогдашних французов на тогдашнюю юнкерскую монархию, а также в тогдашнем тоже мало благоприятном финансовом дефиците прусского королевства. Только для того, чтобы сделать буржуа и крестьянина способными платить налоги, чтобы провести для королевско-прусских подданных хотя бы по видимости некоторые из реформ, которыми французы забросали завоеванные части Германии, — одним словом, чтобы как-нибудь снова заштопать расплывшуюся по всем швам сгнившую монархию Гогенцоллернов, — только *ради этого* были введены кучи, так называемые городовые положения, положения о выкупе, военные учреждения и т. п. Все эти реформы отличались только тем, что оставались на целых сто лет повади французской революции 1789 г., даже повади английской

революции 1848 г. И это должно служить основой для революционной Пруссии?

Но старо-прусское воображение всегда видит Пруссию в центре мировой истории, между тем как в действительности история постоянно волочит государство интеллигенции по грязи. Это старо-прусское воображение должно, понятно, игнорировать, что Пруссия, пока она не получила пинков от французов, спокойно оставалась сидеть на неразвитых основах 1807 — 1814 гг. и не шевелила ни одним членом. Оно должно игнорировать, что эти основы были давно забыты, когда славная бюрократически-юнкерская королевско-прусская монархия в минувшем феврале получила от французов новый столь сильный толчок, что блистательно кувырнулась вниз со своих «основ 1807 — 1814 гг.» Оно должно игнорировать, что для королевско-прусской монархии вопрос стоит сейчас не об этих основах, а только о предотвращении дальнейших последствий полученного от Франции толчка. Но все это прусское воображение игнорирует, и когда оно получает вдруг толчок, оно кричит, призывая, как ребенок няньку, сгнившие основы 1807 — 1814 гг.!

Точно Пруссия 1848 г. не является в отношении территории, промышленности, торговли, средств сообщения, образования и классовых отношений совершенно другой страной, чем Пруссия «основ 1807 — 1814 гг.»!

Точно с того времени в ее истории не стали играть роль два совершенно новых класса — промышленный пролетариат и свободное крестьянство; точно прусская буржуазия 1848 г. не совершенно отлична от робкой, смиренной и благодарной мелкой буржуазии времен «основ»!

Но все это ни к чему. Бравому пруссаку ничего не надо знать, кроме его «основ 1807 — 1814 гг.» Это основы, на которых будет вестись дальнейшее строительство — и больше не о чем толковать.

Начало одного из колоссальнейших исторических переворотов сводится к завершению одного из мельчайших надувательств с мнимыми реформами, — так понимают революцию в старой Пруссии!

И в этой самодовольно-ограниченной фантазии из области отечественной истории «все, казалось, были единомышленны», — разумеется, слава богу, только в Берлине!

Но идем еще дальше.

«Те сословия и классы, которым приходилось отказываться от привилегий и преимуществ... которым надлежало в дальнейшем стать на равную ногу со всеми их согражданами... казались готовыми к этому — исполненные убеждения, что старый порядок стал

невозможен, что это диктуется его собственными правильно понятыми интересами...»

Посмотрите на этого сладкоречивого и искренне смиренного буржуа, — как он снова извращает революцию! Дворянство, попы, бюрократы, офицеры «казались готовыми» отказаться от своих привилегий не потому, что их принудил к этому вооруженный народ, не потому, что в первые моменты ужаса перед европейской революцией их сделали неспособными к сопротивлению неудержимо растущая деморализация и дезорганизация в их собственных рядах. Нет, мирные, благожелательные и для обеих сторон выгодные «переговоры» (говоря словами г. Кампгаузена) 24 февраля и 18 марта «исполнили их убеждения», что это «диктуется их собственными правильно понятыми интересами»!

Мартовская революция и даже 24-е февраля в правильно понятых интересах господ захолустных зубров, консисторских советников, советников окружных управлений и гвардейских лейтенантов — да ведь это поистине грандиозное откровение!

Но, к сожалению, «теперь уже положение не такое. Извлекавшие выгоду из старого порядка и его сторонники не только не помогают сами, *следуя своему долгу* (!), расчистить старый мусор и построить новый дом, но даже хотят укрепить старые развалины, под которыми почва так опасно заколебалась, и украсить их по внешности приносившими к новому времени формами».

«Теперь уже положение не такое», как это, *казалось*, было в мае, т. е. теперь уже не так, как не было в мае, или теперь совсем так, как было в мае.

Таким немецким языком пишут в «Берлинской национальной газете», и притом еще гордятся этим.

Одним словом: май 1848 и январь 1849 г. отличаются друг от друга только *видимостью*. Раньше контр-революционеры, *казалось*, сознавали свой долг, — теперь они его действительно и искренне не сознают, — и об этом скорбит спокойный буржуа. Ведь *долг* контр-революционеров отречься от своих интересов в своих правильно понятых интересах! Их долг — перерезать самим себе жизненные артерии, — а между тем они этого не делают, — так жалуется человек с правильно понятыми интересами!

И почему ваши враги не делают теперь того, что, как вы говорите, является ведь их долгом?

Потому что вы сами не выполнили весной *вашего* «долга», потому что тогда, когда вы были слышны, вы вели себя, как трусы, и дрожали перед революцией, которая должна была возвеличить вас и

дать вам власть; потому что вы сами оставили хлам лежать и самодовольно смотрелись в зеркало в ореоле половинчатого успеха! А теперь, когда контр-революция внезапно усилилась и готова попрасть вас ногами, когда под вашими ногами почва грозно колеблется, — теперь вы требуете, чтобы контр-революция стала вашей служанкой, чтобы она убрала мусор, для уборки которого вы были слишком слабы и трусливы. — они, сильные, должны жертвовать собою вам, слабым?

Детски-наивные глупцы! Но подождите немного, — поднимется народ и одним толчком повалит на землю вас вместе со всей контр-революцией, по поводу которой вы теперь так бессильно завываете!

II.

Кельн, 27 января.

В своей первой статье мы не приняли во внимание одно обстоятельство, которое, повидимому, может служить извинением для «Национальной газеты»: «Национальная газета» пишет не свободно, — она находится под властью *осадного положения*. А при осадном положении ей приходится, конечно, распевать:

Позволь мне не сказать ни слова:
На тайну бог меня обрек;
Всю душу я тебе открыть готова,
Но запрещает это рок.

Тем не менее даже при осадном положении газеты выходят не для того, чтобы говорить противоположное тому, что они думают, а затем осадное положение не имеет никакого отношения к первой, рассмотренной нами два дня тому назад половине упомянутой статьи.

Осадное положение неповинно в надутом, туманном стиле «Национальной газеты».

Осадное положение неповинно в том, что «Национальная газета» создавала себе после марта всякого рода благодушные иллюзии.

Осадное положение отнюдь не заставляет «Национальную газету» делать из революции 1848 г. шлейфосца реформ 1807 — 1814 гг.

Одним словом, осадное положение отнюдь не заставляет «Национальную газету» иметь относительно хода развития революции и контр-революции те абсурдные представления, какие мы установили у нее два дня тому назад. Не прошедшее, а только настоящее подведомственно осадному положению.

Поэтому в нашей критике *первой* половины упомянутой статьи мы совершенно не считались с осадным положением, но именно поэтому мы примем его во внимание сегодня.

Закончив свое историческое введение, «Национальная газета» обращается затем следующим образом к первичным избирателям:

«Дело идет о закреплении достигнутых успехов, о сохранении сделанных завоеваний».

Каких «успехов»? Каких «завоеваний»? Тех «успехов», которые выражаются в том, что «ныне все уже не так», как «казалось» в мае? Того «завоевания», что «извлекавшие выгоду из старого порядка... не помогают сами, следуя своему долгу, расчистить старый мусор»? Или пожалованных «завоеваний», которые «укрепляют старые развалины и украшают их приносившими по внешности к новому времени формами»?

Осадное положение, милостивые государи из «Национальной газеты», отнюдь не служит извинением за бессмыслицу и путаницу.

«Успехи», которые так хорошо «достигнуты», представляют шаг назад к старой системе, и по пути этих успехов мы с каждым днем идем все дальше.

Единственное «завоевание», какое осталось у нас, — и это совсем не специфически прусское, не «мартовское» завоевание, а результат европейской революции 1848 г., — это — всеобщая, решительная, самая кровавая и насильственная контр-революция, которая, впрочем, сама является лишь фазой европейской революции и поэтому неизбежно вызывает новый, всеобщий и победоносный революционный ответный удар.

Но «Национальная газета» знает это, может быть, так же хорошо, как и мы, и только не смеет сказать это из-за осадного положения? Послушаем:

«Мы не хотим *продолжения революции*; мы враги всякой *анархии*, всякого *насилия* и *произвола*; мы хотим *законности*, *спокойствия* и *порядка*».

Осадное положение, милостивые государи, принуждает вас самое большее к *молчанию*, но не заставляет вас *говорить*. Поэтому приведенную сейчас фразу мы принимаем к сведению: если ее словами говорите *вы*, тем лучше; если говорит *осадное положение*, то вам не было надобности делаться его органом. Вы или революционны, или нет. Если вы не революционны, то отныне мы противники; если вы революционны, то вы должны были *молчать*.

Но вы говорите с такой убежденностью, у вас столь честное прошлое, что мы спокойно можем признать: осадное положение совершенно чуждо этому заявлению.

«Мы не хотим продолжения революции!» Это значит — мы хотим продолжения контр-революции. Ибо насильственная контр-революция — таков исторический факт — либо вовсе не преодолевается, либо преодолевается революцией.

«Мы не хотим продолжения революции» — это значит: мы признаем революцию законченной, достигшей своей цели. И цель, которой

достигла революция к 21 января 1849 года, когда была написана вышеупомянутая статья, — цель эта была именно — контр-революция.

«Мы враги всякой анархии, всякого насилия и произвола».

Значит, враги также и той «анархии», которая наступает после всякой революции до упрочения новых порядков, враги «насильственных действий» 24 февраля и 18 марта, враги «произвола», который безжалостно разрушает сгнивший строй и его обветшавшие законные подпорки!

«Мы хотим законности, спокойствия и порядка»!

В самом деле, момент выбран удачно для того, чтобы становиться на колени перед «законностью, спокойствием и порядком», протестовать против революции и подхватывать тривиальные вопли против анархии, насилия и произвола! Удачно выбран как раз в тот час, когда под охраной штыка и пушек революция официально клеймится как *уголовное преступление*, когда «анархия, насилие и произвол» подписанными королем приказами открыто осуществляются на практике, когда «закон», навязываемый нам камарильей, всегда применяется *против* нас и никогда — *за* нас, когда «спокойствие и порядок» состоят в том, что контр-революцию оставляют в «покое», чтобы она могла восстановить свой старо-прусский «порядок» вещей.

Нет, господа, вашими устами говорит не осадное положение, — ими говорит подлинный, переведенный на берлинский язык *Одилон Барро* со всей его ограниченностью, со всем его бессилием, со всеми его благочестивыми пожеланиями.

Ни один революционер не бывает так бестактен, так детски труслив, чтобы открещиваться от революции как раз в тот момент, когда контр-революция торжествует свои самые блестящие победы. Если он не может говорить — он действует, а если он не может действовать — он предпочитает совсем молчать.

Но, может быть, господа из «Национальной газеты» ведут хитрую политику? Может быть, они потому выступают такими ручными, чтобы накануне выборов привлечь на сторону оппозиции еще часть так называемых умеренных?

Уже в первый день после того, как над нами разразилась контр-революция, мы сказали, что отныне существуют только две партии: «революционеры» и «контр-революционеры»; только два лозунга: «демократическая республика» или «абсолютная монархия». Все, что находится между ними, уже не составляет партию, — это лишь фракции. Контр-революция сделала все, чтобы подтвердить сказанное нами. Выборы — блестящее подтверждение наших слов.

И в такое время, когда партии так резко противостоят друг другу, когда борьба ведется с величайшим ожесточением, когда только подавляющая сила организованной солдатчины препятствует тому, чтобы борьба была решена с оружием в руках, — в такое время прекращается всякая политика посредничества и переговоров. Нужно быть самим Одилоном Барро, чтобы быть в состоянии играть тогда роль Одилона Барро.

Но у наших берлинских Барро свои оговорки, свои условия, свои толкования. Лицемеры они, но отнюдь не простые лицемеры; они лицемеры с «то есть», лицемеры тихой оппозиции.

«Но мы хотим *новых* законов, каких требуют пробудившийся свободный дух народа и принцип равноправия; мы хотим *истинно* демократически-конституционного строя» (т. е. истинной бессмыслицы); «мы хотим спокойствия, которое держится *не на одних только* штыках и осадных положениях, — спокойствия, которое представляет собою политически и нравственно (!) обоснованное успокоение умов, вызванное подтвержденным делами и учреждениями убеждением, что каждому классу народа его право и т. д.»

Мы можем избавить себя от труда дописать до конца эту составленную применительно к осадному положению фразу. Достаточно сказать, что эти господа «хотят» не революции, а только небольшого сборника избранных *результатов* революции: немножко демократии, но также и немножко конституционализма, некоторых новых законов, отмены феодальных учреждений, буржуазного равенства и т. п.

Другими словами, господа из «Национальной газеты» и из круга берлинских бывших левых, органами которых она является, хотят получить от контр-революции как раз то, из-за чего контр-революция их разогнала.

Ничему не научились и ничего не забыли!

Господа эти «хотят» все таких вещей, каких они никогда не добьются иначе, как новой революцией. А новой революции они не хотят.

Ведь новая революция принесла бы совсем не то, что содержат в себе приведенные выше скромно-буржуазные требования. И господа эти совершенно правы, не желая революции.

Но самое лучшее то, что историческое развитие мало заботится о том, чего «хотят» или «не хотят» гг. Барро. Парижский подлинный Барро тоже «хотел» 24 февраля добиться совсем скромных реформ, а в особенности министерского портфеля для себя; и едва он дождался того и другого, как революционные волны захлестнули его, и он исчез со всеми своими добродетельными мелкобуржуазными

сторонниками в революционном потоке. Вот и теперь, когда он, наконец, снова подцепил министерский пост, он опять «хочет» равных вещей; но ничто из того, чего он хочет, не осуществляется. Такова искони судьба всех Барро. И та же участь постигнет и берлинских Барро.

При осадном положении и без него они будут попрежнему докучать публике своими благочестивыми пожеланиями. Самое большее, что им удастся, это — провести немногие из своих пожеланий на бумаге. А затем они будут уволены в отставку — короной или народом. Но уволены они будут в отставку во всяком случае.

КАМПАУЗЕН.

Кельн, 3 февраля.

Мы узнали из вполне надежного источника, что перед открытием палат министерство Бранденбурга выйдет в отставку и что г. Кампгаузен представится палатам при их открытии в качестве нового министра-президента.

Мы были уверены, что готовится нечто подобное, когда несколько дней назад здешние друзья бывшего государственного деятеля стали распространять слух, что он сыт политикой:

Ах, я устал от суеты;
К чему и радости, и горе!
О сладкий мир, придешь ли ты?
В твоей нуждаюсь я опоре.

Он намерен поэтому снова удалиться в свою домашнюю тихую жизнь, чтобы ограничить свои размышления менее волнующей областью спекуляции жировыми товарами.

Проницательным людям должно было быть ясно: г. Кампгаузен чувствовал потребность снова быть приглашенным спасти корону и, «тронуемый своим собственным великодушием», жаждал вторично сыграть с известной грацией роль «акушерки конституционного трона».

Буржуазная оппозиция палаты будет торжествовать по поводу этой парламентской «победы». Немцы забывчивы и легко прощают. Та самая левая, которая в прошлом году выступала против г. Кампгаузена, будет с благодарностью приветствовать его вступление в должность как великую уступку короны.

Но для того, чтобы народ не дал вторично обмануть себя, мы вкратце напомним наиболее замечательные деяния мыслящего государственного деятеля.

Господин Кампгаузен воскресил погребенный 18 марта *Соединенный ландтаг* и договорился с ним о некоторых основах будущей конституции.

Господин Кампгаузен договорился, таким образом, относительно *правовой почвы*, т. е. косвенного отрицания революции.

Господин Кампгаузен ошастливил нас затем *косвенными* выборами.

Господин Кампгаузен вторично отрекся от революции в одном из ее главных результатов, превратив бегство принца Прусского в образовательное путешествие и призвав его обратно из Лондона.

Господин Кампгаузен организовал гражданское ополчение так, что оно с самого же начала превратилось из вооружения народа в вооружение одного класса, и враждебно противопоставил друг другу народ и гражданское ополчение.

Господин Кампгаузен в то же время допустил, чтобы старопрусская бюрократия и армия реорганизовались и с каждым днем становились все более способными готовить контр-революционные государственные перевороты.

Господин Кампгаузен допустил шрапнельное истребление почти совершенно безоружных польских крестьян.

Господин Кампгаузен начал войну с Данией, чтобы отделаться от патриотического напора и вновь сделать популярной прусскую гвардию. Достигнув этой цели, он изо всех сил помогал провести во Франкфурте подписанное в Мальме грязное перемирие, — что было необходимо для похода Врангеля на Берлин.

Господин Кампгаузен ограничился отменой в Рейнской области немногих реакционных прусских законов, но сохранил во всех старых провинциях все полицейское законодательство прусского земского права.

Господин Кампгаузен первый стал интриговать против — тогда еще решительно революционного — единства Германии, создав, во-первых, рядом с Франкфуртским национальным собранием свой Берлинский согласительный парламент, а затем всеми способами подрывая силу постановлений и влияние Франкфуртского собрания.

Господин Кампгаузен потребовал от своего собрания, чтобы оно свело свой учредительный мандат к просто «согласительному» мандату.

Господин Кампгаузен потребовал затем от него обращения к короне с адресом, в котором оно признавало это ограничение своего мандата, — точно оно является конституционной палатой, которая может быть по усмотрению отсрочена или распущена.

Господин Кампгаузен потребовал затем от нее отречения от революции и даже сделал из этого вопрос о доверии.

Господин Кампгаузен внес в свое собрание проект конституции, почти совсем совпадающий с октроированной конституцией и вызвавший тогда общую бурю возмущения.

Господин Кампаузен хвалился тем, что явился министром посредничества, но это посредничество было не чем иным, как посредничеством между короной и буржуазией в целях совместного предательства народа.

Наконец, господин Кампаузен ушел, когда об этом предательстве вполне договорились и оно было подготовлено настолько, что могло быть осуществлено министерством дела и его констеблями.

Господин Кампаузен стал послом при так называемой центральной власти и оставался им при всех министерствах. Он оставался послом в то время, когда в Вене кроатские, словакские и валлахские войска попирали немецкую землю, обстреливали и поджигали первый город Германии и так возмутительно расправлялись с ним, как никакой Тилли не расправлялся с Магдебургом. Он оставался послом и не пошевелил ни одним пальцем.

Господин Кампаузен остался послом при Бранденбурге, а следовательно принял участие в прусской контр-революции и дал свою подпись под недавней прусской циркулярной нотой, открыто и без стеснения требующей восстановления старого Союзного сейма.

И теперь, наконец, г. Кампаузен вступает в министерство, чтобы прикрывать отступление контр-революционеров и обеспечить нам на продолжительное время ноябрьские и декабрьские завоевания.

Таковы некоторые из великих деяний Кампаузена. И если он теперь сделается министром, он поторопится удлинить свой послужной список. Мы, со своей стороны, постараемся по возможности точно регистрировать его дальнейшие деяния и вести им счет.

ПРУССКОЕ ФИНАНСОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРИ БОДЕЛЬШВИНГЕ И КОМПАНИИ.

Кельн, 16 февраля.

«Уволенный» в марте министр фон-Бодельшвинг опять метит выплзти на свет из своего уединения. Фон-Бодельшвинг избран представителем во вторую палату. Достойный выбор Тельтовского крестьянского союза!

Если демократическая пресса до сих пор мало занималась бывшими министрами и другими бывшими людьми, то теперь настало время осветить прежние дела подобных господ. Вот почему мы напоминаем нашим читателям и прокурорскому надзору, как г. фон-Бодельшвинг исполнял свои обязанности в качестве министра финансов.

Пост министра финансов г. фон-Бодельшвинг занял весной 1842 г. и оставался на нем до 3 мая 1844 г.

Он очень любил говорить о том, как он выполнял свои обязанности. Он имел большую склонность к «открытиям». Так, он открыл сословным представителям 24 октября 1842 г., что «финансы в Пруссии подлежат *ограниченной* гласности, именно той гласности, которая проведена была в собрании узаконений в форме трехгодичного публикования государственного бюджета». Он даже рассказал, как и каким образом составляется прусский государственный бюджет. Он строится главным образом на средних данных по ведомственным отчетам за предшествующие составлению бюджета 3 года».

26 октября тот же самый господин фон-Бодельшвинг открыл далее, что доходы за последние семь лет возросли больше, чем на 5½ миллионов талеров, и что можно рассчитывать на дальнейший их рост («Staatszeitung», №№ 306 и 307). Тогда *принуждены были* верить господину министру, так как «ограниченная гласность» окружала прусские финансы непроницаемым мраком. Теперь же следует, по меньшей мере, усомниться в истине данных тогда господином министром финансов заверений, потому что последнее время пролило некоторый свет на прежнее управление финансами.

Опубликованные в собрании узаконений финансовые сметы должны основываться на средних данных специальных смет отдельных ведомств, которые составляются на основании *действительных* доходов предыдущего трехлетия. Если это так, то каждая смета, опубликованная в собрании узаконений, должна содержать приблизительную среднюю действительных доходов и расходов предыдущих лет. В противном случае смета, по собственному заявлению господина Бодельшвинга, *неправильна* и представляет собою *ложный официальный документ*.

В 1844 г. в собрании узаконений (стр. 96) была опубликована роспись, контр-ассигнованная господином фон-Бодельшвингом. Эта роспись сводится как в приходной, так и в расходной смете в сумме 57 677 194 талеров. В такой сумме должны были выражаться средние доходы и расходы предыдущих лет. На самом деле, однако, и доходы и расходы за предыдущие годы были гораздо выше. Правительство впоследствии сообщило членам первого Соединенного ландтага данные финансового ведомства за 1840 — 1843 гг.

На основании этого сообщения исчислялись:

	<i>Доходы</i>	<i>Расходы</i>
1843 г.	73 822 589 талеров	79 102 787 талеров
1842 »	73 876 338 »	75 269 431 »
1841 »	71 987 880 »	74 185 443 »
	219 686 807 талеров	228 557 661 талеров

Правильная средняя сумма доходов составляла, таким образом, 73 228 953 талера, средняя сумма расходов — 76 186 553 талера. Господин фон-Бодельшвинг показал, таким образом, слишком низкую сумму доходов и расходов, а именно утаил 15 551 737 талеров доходов и 18 509 364 талера расходов *ежегодно*. При точном подсчете эти цифры, конечно, должны были несколько измениться, поскольку трехгодичные средние данные специальных смет отдельных ведомств не обязательно сызнова исчислялись для каждого проекта бюджета и могут относиться к 1841 и даже к 1838 г. Но значительного понижения утаенных сумм от этого не получится, так как в 1840 г. годовые доходы составляли также 71 059 475 талеров, а расходы даже 77 165 022 талера. Относительно 1839 и 1838 гг. у нас нет официальных данных. Однако, так как при одинаковом финансовом законодательстве и в мирное время доходы государства изменяются не скачками, а постепенно, то можно с уверенностью принять, что государственные доходы в 1838 и 1839 гг. достигали по крайней мере 70 миллионов талеров.

Финансовая роспись господина фон-Бодельшвинга и вероятно многие росписи его предшественников и его обоих преемников до 1848 г., таким образом, *фальсифицированы*. Господин фон-Бодельшвинг должен был знать, что он публикует нечто неверное. Ему небезызвестно было действительное состояние государственных финансов. Уклонения от истины были столь значительны, что регистрат Бергиус в Бреславле, а за ним и Бюлов-Кумеров, даже не видя отчетов, открыто указали на эти неверные цифры. Конечно, если бы господин фон-Бодельшвинг раскрыл истинное положение финансов, его открытия и речи пред представителями провинциальных ландтагов встретили бы другой прием. При «ограниченной гласности» прусских финансов он мог хвастать тем, что при полной гласности вызвало бы по его адресу осуждение и упреки. Он с самодовольством говорил о повышении доходов на $5\frac{1}{2}$ миллионов талеров, но умалчал, однако, о том, что с 1840 по 1843 г. *расходы* превысили доходы на 14 976 601 талер. Хотя страна вынуждена была дать за это четырехлетие 290 746 082 талера, все же эти крупные суммы не могли покрыть чрезмерных расходов в 305 772 683 талера. И такие расходы были произведены без войны, без достаточного представительства промышленных и торговых интересов за границей, без флота, без значительного поощрения земледелия и ремесла внутри страны. Великолепные здания короля, любимцы среди чиновников, подарки юнкерам и бюрократам и армия с ее парадами и смотрами обошлись стране невероятно дорого. Но, конечно, не таков был господин фон-Бодельшвинг, чтобы все это признать. Поэтому он составил фальсифицированную роспись, чтобы уговорить народ, что было меньше поступлений и было меньше израсходовано.

Но составление ложных росписей было и всегда будет сомнительным предприятием. Прусские законы предусматривают суровые наказания за подобные должностные преступления. Опубликованные в собраниях узаконений финансовые сметы представляют собою официальные документы. Это не подлежит никакому сомнению. Правда, прусское земское право не установило особых наказаний за составление ложных официальных документов государственными чиновниками. Но рескрипт от 3 июня 1831 г. (ср. *Kamptz, Jahrbücher*, В. 37, S. 407) предписывает квалифицировать подобные действия как обман и соответствующие преступления по должности и применять к ним соответствующие наказания. Прусские судебные учреждения с тех пор также высказались по этому вопросу. Прусское земское право постановляет (ч. II, ст. 20, § 333) по поводу преступлений по должности следующее:

«Виновный в умышленном нарушении инструкций, относящихся к занимаемой им должности, немедленно отрешается от должности; сверх того, он, по установлении обстоятельств совершенного им преступления и причиненного убытка, подвергается соответствующему денежному штрафу, тюремному заключению или заключению в крепости и лишается права занимать государственные должности».

Отрешение от должности, запрещение занимать всякие государственные должности и, сверх того, денежный штраф и лишение свободы ожидают, таким образом, *по закону*, составителя ложных росписей. Следовательно, если господин фон-Бодельшвинг не может оправдаться от тяжкого подозрения в том, что он опубликовал ложную роспись, судья *обязан* применить к нему перечисленные наказания. Мы требуем от него и от прокурора, чтобы на это дело был пролит свет.

Денежный штраф или заключение в тюрьму или крепость должны быть назначены соответственно составу преступления и причиненного убытка. Убыток, который господин фон-Бодельшвинг в компании со своими предшественниками и преемниками по должности причинили стране, так велик, имеет такие размеры, что его могут причинить народу только министры и другие высочайше поставленные лица. Мы укажем здесь эту сумму, и тут же кстати заметим, что мы при этом тотчас же наталкиваемся на другое должностное преступление министров.

Именной указ от 17 января 1820 г. устанавливает необходимые *расходы* по прусскому государственному бюджету в 50 863 150 талеров. И далее буквально сказано: «Бышеупомянутая, признанная мною необходимой сумма текущих расходов по управлению *ни при каких обстоятельствах* не может быть повышена. Начальники отдельных ведомств несут в этом ответственность лично предо мной, и все министерство несет тем большую ответственность, что разрешенная мною сумма в общем вполне достаточна для указанных в росписи целей». Что подразумевается под «необходимой суммой для текущих расходов по управлению», ясно устанавливается из дальнейшего противопоставления «текущим расходам по управлению» управления государственными долгами. Текущие расходы по управлению, это — те платежи из государственного казначейства, которые не идут на уплату процентов и погашение государственного долга. Они, как мы видели, не должны, по именному указу от 17 января, до сих пор еще не отмененному, превышать сумму в 50 863 150 талеров. Именной указ опубликован в собрании узаконений 1820 г., и никогда не возникало сомнения, что до

провозглашения конституционного строя подобного рода указы имели в Пруссии силу закона. Каждое превышение установленной законом суммы является, таким образом, нарушением закона, должностным преступлением министров.

Представленные первому Соединенному ландтагу отчеты по исполнению государственных бюджетов за период с 1840 по 1846 г. и предложенные ныне распущенному Национальному собранию отчеты по финансовому управлению за 1847 г. дают нам доказательство, что все министры с 1840 по 1847 г. из года в год превышали свою власть. Они каждый год тратили больше — и значительно больше — на расходы по текущему управлению, чем полагалось им по закону. Для большей связности изложения мы будем здесь говорить не об одном только господине фон-Бодельшвинге, а о всех министрах финансов с 1840 по 1847 г. Это были: граф Альвенслебен — с 1835 по 1842 г., фон-Бодельшвинг — с 1842 по 1844 г., Флотвелль — с 3 мая 1844 до 16 августа 1846 г. и фон-Дюэсберг — с августа 1846 г. до ниспровержения министерства мартовской революцией. Все эти министры в одинаковой мере являются соучастниками преступления. Простое изложение фактов ясно покажет, как разрушается благосостояние страны целым рядом забывших свои обязанности высокопоставленных чиновников.

Текущий расход, т. е. годичный расход, за вычетом части, затраченной на государственные долги, не должен был по закону, как мы видели, превышать 50 863 150 талеров.

Но в 1840 г. израсходовано	77 165 022 тал.
Из этого следует вычесть:	
а) на погашение долгов	8 579 345
б) якобы переданные в государственную казну.	613 457
Остаются, таким образом, расходы по текущему управлению	9 192 802 »
Итак, незаконно израсходовано в этом году . . .	67 972 220 »
В 1841 г. израсходовано	17 109 070 »
Из них на государственные долги и в государственную казну	74 185 443 »
Итак, на текущее управление	14 419 563 »
Перерасход свыше законных	59 765 880 »
В 1842 г. израсходовано	8 902 230 »
В государственную казну отчислений не произведено.	75 269 431 »
На государственные долги израсходовано	
На текущие расходы, следовательно, издержано .	8 684 865 »
Превышение	66 584 566 »
	15 721 416 »

В 1843 г. израсходовано	79 102 787 тал.
На государственные долги в государственную казну	8 261 981 »
На текущие расходы издержано	70 840 806 »
Выше законной суммы	19 977 656 »
В 1844 израсходовано	78 243 308 »
В государственную казну и на уплату процентов и погашение долга	9 252 605 »
На текущие расходы	68 990 703 »
Превышение	18 127 553 »
В 1845 г. израсходовано	77 903 361 »
В государственную казну отчислений не произведено.	
На государственные долги израсходовано	7 267 082 »
На текущие расходы	70 636 279 »
Превышение	19 773 129 »
В 1846 г. израсходовано	78 562 335 »
В государственную казну отчислений не произведено.	
На государственные долги издержано	7 423 831 »
Текущие расходы	71 138 504 »
Превышение	20 275 354 »
В 1847 г. израсходовано	80 392 730 »
На помощь нуждающимся	6 207 650
На государственные долги	7 209 192
Текущие расходы	66 975 888 »
Превышение	16 112 738 »
Итого превышение за эти годы . . . 135 999 646 тал.	

В продолжение последних восьми лет, при министрах Альвенслебене, Бодельшвинге, Флотвелле и Дюэсберге, почти сто тридцать шесть миллионов талеров *незаконным образом* растрочены из государственных денег, т. е. из народного достояния, из средств бедняков! И эти люди разгуливают на свободе, украшенные звездами и орденами, и занимают еще, как Флотвелль, высокие государственные посты! На-днях в повседневной прессе много говорили о том, что один комиссар юстиции, — он слыл за демократа, — был подвергнут аресту по обвинению в том, что он вручил не по принадлежности 50 талеров. 50 талеров и 136 миллионов!

Возможно, что установленная в 1820 г. сумма больше не соответствует государственным потребностям новейшего времени. В таком случае правительство должно было бы открыто выступить и *законно* установить новый предел расходов. Но этого оно не хотело, этого оно не смело сделать. Не хотело оно этого ввиду своих абсолютистских стремлений; не смело оно это сделать, потому что боялось разглашать тайны финансового ведомства. Смотри с королевой

Викторией, крестины, свадьбы, церкви, иерусалимское епископство, старые, полузабытые произведения Фридриха II, рыцарские замки, каски, лейтенанты гвардии, юнкера, попы и бюрократы и т. д., и т. д. — какую роль эти бичи народа играют и играли в прусских финансах — этого не полагается знать народу. Так тайно велось *прусское* хозяйство, и министры стали преступниками пред законом. Конечно, пока еще не нашлось судей для них.

В какой мере прусское финансовое хозяйство при Фридрихе-Вильгельме IV истощило государственную казну, — видно из следующих данных.

1840 г.	Кассовая наличность с предыдущих лет	16 949 157 тал.
	Годовой приход	71 059 475 »
	Всего	88 008 632 тал.
	Годовой расход	77 165 022 »
	Остается наличность	10 843 610 тал.
1841 г.	Кассовая наличность с предыдущих лет	10 843 610 »
	Годовой приход	71 987 880 »
	Всего	82 831 490 тал.
	Годовой расход	74 185 443 »
	Остается наличность	8 646 047 тал.
	(Составленная Альвенслебеном роспись в собрании законов заключена в сумме 55 867 000 талеров как в приходной, так и в расходной части.)	
1842 г.	Кассовая наличность с предыдущих лет	8 646 047 тал.
	Годовой приход	73 876 338 »
	Всего	82 522 385 тал.
	Годовой расход	75 269 431 »
	Остается наличность	7 252 954 тал.
1843 г.	Кассовая наличность с предыдущих лет	7 252 954 тал.
	Годовой приход	73 822 589 »
	Всего	81 057 543 тал.
	Годовой расход	79 102 781 »
	Остается наличность	1 972 756 тал.
1844 г.	Кассовая наличность с предыдущих лет	1 972 756 тал.
	Годовой приход	75 976 613 »
	Всего	77 949 369 тал.
	Годовой расход	78 243 308 »
	Дефицит	293 939 тал.
1845 г.	Годовой приход	77 025 034 »
	За вычетом дефицита 1844 г.	293 939 »
	Остается	76 731 095 тал.

Годовой расход	77 903 361 тал.
Итак, дефицит	1 172 266 тал.
1846 г. Годовой приход	75 721 698 тал.
За вычетом дефицита 1845 г.	1 172 266 »
Остается	74 549 432 тал.
Годовой расход	78 562 335 »
Итак, дефицит	4 012 903 тал.
(Первый Соединенный ландтаг созван грамотой от 3 февраля, но он не разрешает кредита.)	
1847 г. Годовой приход	79 518 543 тал.
За вычетом дефицита 1846 г.	4 012 903 »
Остается	75 505 640 тал.
Годовой расход	80 392 730 »
Итак, дефицит	4 887 090 тал.

Для покрытия необходимых расходов берут из государственной казны 4 000 000 талеров и таким путем приход повышается до 83 516 543 талеров. Таким образом, с дефицитом в главной государственной кассе и с опустошенной государственной казной встретило 1848 год старое правительство. Кассовая наличность за эти 6 лет — с 1840 по 1847 г. — свелась с излишка в 16 949 157 к дефициту в 4 887 090, т. е. уменьшилась на 21 836 247 талеров.

Доходы за 8 лет составляли	598 988 170 тал.
Расходы	620 824 417 »

Дефицит, следовательно, равен
вычисленной выше сумме в . . . 21 836 247 тал.

Этого уменьшения наличности невозможно дольше отрицать, хотя правительство и старается скрыть его, перенося остатки приходов и расходов с одного года на другой, и делается это в такой форме, что, вместо имеющегося уже дефицита, в отчетах выводится еще ложный актив. Таким образом в «мирное время», в полном «спокойствии» и «порядке», прусские финансы были разорены прусским правительством. Когда разразились движения 1848 г. и денежный рынок пришел в состояние депрессии, государство не только не могло оказывать поддержку частным лицам, но требовало даже новых жертв для своего дальнейшего существования. Господа буржуа обязаны этим прусским экс-министрам и их сообщникам. Если бы они не совершили указанных должностных преступлений, вместо дефицита было бы 136 миллионов талеров наличными деньгами, которыми можно было бы поддержать кредит. Вот он — тот убыток, о котором говорит § 333 прусского уголовного уложения.

Дефицит в главной государственной кассе, — а приходы какие! Из года в год мы отмечали приход от 71 миллиона до 80 миллионов и свыше. Но ведь это только *чистый доход*, это — поступления разных ведомств уже за *вычетом издержек по управлению*. В налоговом, таможенном, почтовом, лесном и т. д. ведомствах все относящиеся к этим отраслям управления жалованья, канцелярские расходы и т. д. заранее вычтены, и только чистый остаток поставлен в приход. Но страна ведь должна была дать средства на жалованье для служащих и канцелярские расходы в налоговом, лесном, почтовом и т. д. ведомствах, а также на награды и подарки обер-президентам и командующим генералам. Эти заранее вычтенные издержки управления составляют в росписи на 1847 г. сумму в 20 887 541 талеров. Если их прибавить, то годовой приход составлял от 90 до 100 миллионов, а годовой расход — даже свыше 100 миллионов талеров. Такие громадные суммы давал народ — и за это получил пустые государственные кассы!

Именной указ от 20 января 1820 г. содержал, как мы видели, инструкцию по выполнению своей должности министрами. Г-н фон-Бодельшвинг — иначе к этому нельзя отнести — сознательно и преднамеренно нарушал эту инструкцию. Он, стало быть, вторично подпадает под действие вышеупомянутого § 333, ст. 20, ч. II прусского земского права. По закону ему полагается *отрешение от должности, денежный штраф или заключение в крепости и лишение права занимать всякие государственные должности*. Так как он причинил стране величайший убыток, к нему должна быть применена высшая, допускаемая законом, степень лишения свободы.

Экс-министры Альвенслебен, Флотвелль и фон-Дюэсберг находятся точно в таком же положении.

Что эти господа экс-министры обязаны возместить стране нанесенный ей убыток, т. е. незаконно издержанные 136 миллионов талеров, вытекает уже из гражданского уложения. По этому поводу § 341, ст. 20, ч. II прусского земского права гласит:

«Если чиновник не может возместить государству или третьему лицу убытков, умышленно причиненных ему в связи с нарушением обязанностей, он *оставляется, по отбытии наказания, на принудительной работе в государственном учреждении до тех пор, пока тем или иным способом не будет возмещен причиненный им убыток*».

Еще одна мелочь. Из остатков по исполнению бюджета были переданы в государственную казну:

По бюджету на 1840 г.	613 457 тал.
» » » 1841 »	2 837 000 »
» » » 1843 »	1 000 000 »
» » » 1844 »	2 000 002 »
Итого	6 450 459 тал.

По отчетам же государственной казны, переведено в государственную кассу из остатков по исполнению бюджетов с 1 июля 1840 г. только 6 423 332 талера. Следовательно, в главной государственной кассе значится перечисленными *в государственную казну* на 17 127 талеров больше, чем *в казну поступило*. Господин фон-Альвенслебен, господин фон-Бодельшвинг, господин Флотвелль и господин фон-Дюэсберг, где эти 17 127 талеров? Они ведь, конечно, не похищены?

Найдется ли для господ эке-министров прокурор и судебная коллегия? Пока ведь господин фон-Бодельшвинг состоит членом второй палаты!

ЕЩЕ О ПРУССКОМ ФИНАНСОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

Кельн, 21 февраля.

Мы должны дополнить нашу статью в № 224 нашей газеты о Бодельшвинге и компании и о прусском финансовом ведомстве.

В конце статьи мы указали на то, что в книгу государственной казны записано было на 27 127 талеров (17 127 — опечатка) меньше, чем по отчетам главной государственной кассы в казну было перечислено. С тех пор мы в опубликованных правительством отчетах нашли пометку, разрешающую загадку о том, куда девались эти деньги.

Оказывается, что так называемые сбережения в расходах по управлению за 1844 г. в сумме 2 000 002 талеров не были перечислены наличными в кассу государственной казны, а на эту сумму были куплены прусские государственные обязательства. Так как курс на эти обязательства был тогда неблагоприятный, то при покупке оказался убыток в 27 127 талеров. Прусские министры являются теперь — или были раньше — блестящими финансистами! И мы это видим и в данном случае. Ведь нам незачем уже спрашивать господ экс-министров, куда девались эти 27 127 талеров. Мы можем им только сказать, что их мудрость обошлась нам на одном этом деле даже не в 27 000, а свыше 400 000 имперских талеров. Этим мы обязаны прежде всего господину Флотвеллю, ибо он был тогда министром финансов. Возможно, что он честный человек. Но для страны все равно, приносят ли ей ее министры убыток из-за своей неспособности или по злой воле. Разбираться в этом может представлять интерес разве для его родных.

В своей докладной записке о государственной казне от 6 апреля 1847 г. тогдашний министр фон-Тиле совершенно откровенно заявляет, что по вопросу о государственной казне установлены следующие два основных правила:

- 1) что наличность ее всегда должна быть в звонкой монете;
- 2) что из государственной казны не должно производиться никаких платежей, кроме как на цели военного вооружения.

Что касается первого правила, то если вообще должна существовать государственная казна, то она, конечно, в том случае имеет смысл, если в ней *хранятся наличные деньги или благородные металлы*. Правительство, которое не имеет возможности опираться на народные силы, должно на всякий случай располагать в некоторые тяжелые моменты каким-нибудь резервом. Точно так же, когда его кредит начинает колебаться на бирже, оно должно иметь в запасе средства выйти из этого затруднительного положения, а этого можно достигнуть только при помощи наличных денег или благородных металлов. Золото и серебро во все времена являются ключом к сердцу буржуазии. Обесцененные же кредитные билеты являются самым верным путем потерять уважение биржи. Когда государственный кредит так сильно падает, что является нужда в поддержке со стороны государственной казны, нет ничего более унижительного, как продавать на бирже государственные обязательства и искать для них покупателей. Кто когда-нибудь наблюдал жизнь значительной биржи, тот знает, какое презрение проглядывает в лицах и жестах денежных спекулянтов, когда им предлагают государственные бумаги при падающем государственном кредите. Впрочем, такой спекулянт может быть тайным коммерции советником, и даже очень «благонамеренным».

Приобретение государственных обязательств было, таким образом, самой неудачной операцией, какую прусское правительство могло предпринять.

Господин фон-Тиле заявляет в указанной выше докладной записке, что он вынужден был принять на 1 972 875 талеров государственных обязательств — вместо 2 000 002 талеров наличными деньгами. Мы не придаем никакого значения этому оправданию «*вынужденностью*». Но если отчеты верны, то закупка государственных бумаг произведена была главной государственной кассой. В противном случае вся сумма была бы передана наличными деньгами в государственную казну. Следовательно, господин Флотвелль имел, по видимому, близкое отношение к этой выгодной финансовой операции.

Но жаждающая сбережений мелкая буржуазия, которая мечтает о том, чтобы съэкономить кое-что на процентах, но совсем не доросла еще до понимания крупных финансовых предприятий государственного масштаба, кончает обычно тем, что, поруганная и пристыженная, несет вдвое большую потерю. Это мы видим из следующих цифр.

К потере при покупке по сравнению с номинальной ценой — 27 127 талеров — нужно прибавить гораздо большую при продаже.

От марта до начала июля 1848 г. курс государственных обязательств колебался между 66% G.¹ (4 апреля) и 83½% Вг.¹ (21 марта). А так как курс падает тотчас же, как в продаже появляется большое количество бумаг, то нужно предположить, что правительство продало свои обязательства не дороже 70% их цены. Таким образом, при продаже потеряно вероятно, по крайней мере, 30% номинальной стоимости, т. е. с 1 972 875 талеров — 591 840 талеров. Всего 618 967 талеров.

Отсюда надо вычесть наросшие за три года проценты по 69 048 талеров, всего 207 144 талера, так что 411 823 талера вероятно составляют чистый убыток. Почти ¼ всей суммы потеряна, и государственный кредит, в виду падения курса государственных обязательств, еще более подрывается.

Мы остановились на этом небольшом образчике мудрости прусских министров финансов и государственной казны à la Флотвелль-Тиле только потому, что он служит прекрасным дополнением к нашей указанной выше статье. Иначе мы не занимались бы подобными мелочами, когда крупные дела дают нам столь богатый материал.

¹ [G(eld) — «покупатели»; В(rief) — «продавцы».]

ТРОННАЯ РЕЧЬ.

I.

Кельн, 28 февраля.

«Слишком поспешно» сообщенная вчера вечером, к великому негодованию и досаде «Кельнской газеты», читателям «Новой рейнской газеты» тронная речь оказалась *подлинной*. Одно только место еще ночью было изменено, — место, относящееся к *осадному положению* в Берлине. Министерство Бранденбурга этим притупило пуанту, обломало острие своей речи.

Сообщенное нами вчера вечером место в его первоначальной редакции гласит:

«Для восстановления господства закона оказалось необходимым объявить в столице и ее ближайших окрестностях осадное положение. Оно не может быть снято до тех пор, пока находящаяся под угрозой общественная безопасность, для ограждения которой необходима была эта мера, не будет постоянно охраняться твердыми законами. Проекты таких законов вам незамедлительно будут представлены».

Это место, хотя его и затушевали, выдает весь секрет тронной речи. В переводе на немецкий язык оно означает: *чрезвычайные* осадные положения будут сняты, как только *всеобщее* осадное положение будет даровано всему королевству путем законов и войдет в наши конституционные обычаи. Серия этих «твердых» законов откроется сентябрьским законодательством об ассоциациях и печати.

Господа представители первой и второй палаты!

События, которые еще свежи в вашей памяти, вынудили меня в декабре прошлого года распустить созванное для согласования конституции собрание. В то же время я, — убежденный в безусловной необходимости окончательного восстановления прочного публично-правового порядка, — даровал стране конституцию, содержанием которой в точности выполнены данные мною в марте прошлого года обещания.

С тех пор состояние возбуждения, которое еще несколько месяцев тому назад переживала большая часть страны, улеглось и.

уступило место более спокойному настроению. Столь сильно подорванное чувство уверенности снова возвращается. Торговля и промышленность начинают оправляться от угрожавшего им паралича.

Проникнутый серьезностью положения, я в первый раз вижу собравшихся вокруг моего трона членов обеих палат, избранных на основании новой конституции. Вы знаете, милостивые государи, что я предоставил вам пересмотр конституции. Ваше дело теперь столкнуться между собой и с моим правительством.

К моему сожалению, оказалось необходимым объявить столицу и ее ближайшие окрестности на осадном положении, чтобы восстановить господство закона и общественную безопасность. Соответствующие предложения вам, милостивые государи, будут незамедлительно представлены.

Кроме объявленных в моем указе от 5 декабря прошлого года чрезвычайных постановлений по поводу некоторых вопросов, требовавших в интересах государства ускоренного разрешения, изданы были временные постановления на основании статьи 105 манифеста о конституции. Особенно считал я себя вынужденным, ввиду многократных настойчивых предложений о незамедлительной реформе промышленного устава, издать с этой целью два временные распоряжения. Все эти постановления будут вам без замедления представлены на утверждение.

Сверх того, вам предстоит заняться обсуждением различных законов, — частью необходимых для ввода в действие конституции, — проекты которых будут вам постепенно представляться. Я особенно рекомендую вашему серьезнейшему вниманию проекты нового городского положения, нового окружного, областного и провинциального положения, закона о народном просвещении, закона о церковном управлении, закона о подоходном налоге, закона о поземельном налоге, а также законов об отмене поземельных повинностей, безвозмездной отмене некоторых из них и учреждении банков.

Для осуществления указанной в манифесте о конституции независимости религиозных общин составлены необходимые докладные записки, и независимость общин будет осуществлена с той быстротой, которую допускает важность предмета.

Опубликованная, согласно манифесту о конституции, до наступления финансового года приходо-расходная смета на 1849 г. будет вам представлена с необходимыми разъяснениями для дополнительного утверждения. Из нее вы увидите, что, несмотря на ожидавшееся в сравнении с предыдущими годами уменьшение поступления налогов, потребности различных расходных статей, — например дополни-

тельные расходы на общественные работы, — будут удовлетворены без повышения налогов и не отягощая государственный кредит.

Относительно употребления в истекшем году добровольно заключенного, на основании полномочий Соединенного ландтага, займа в 15 миллионов талеров вам будет дан отчет.

Я должен с благодарностью и с удовлетворением признать, что готовность, с которой имущие жители всех частей страны и всех классов народа, при современном нашем тяжелом положении, приняли участие в этом займе, дала возможность обойтись без других, более дорого стоящих, мероприятий.

Вам будут также представлены подробные объяснения по поводу выпуска бонов сберегательных касс, последовавшего на основании полномочия Соединенного ландтага, и по поводу мероприятий для поддержки находящейся в угнетенном состоянии промышленной деятельности. Благодаря этим мероприятиям удалось предупредить некоторые неблагоприятные явления, которые имели бы вредное влияние на большие округа и целые провинции, и поддержать промышленную деятельность в стране.

Государственная смета на 1850 г., вместе с проектом необходимого для ее утверждения закона, будет вам представлена, как только ваше обсуждение имеющих вам быть предложенными законов о налогах настолько подвинется, что можно будет исчислить доходную смету. Усовершенствование средств обороны страны не прерывалось, несмотря на рост других требований бюджета, и Пруссия может с доверием относиться к своей армии, организация, боевая способность и преданность которой выдержали серьезные испытания.

Более тесное объединение германских государств в одно союзное государство постоянно составляет предмет моих самых горячих желаний. Мое правительство ревностно старалось, чтобы эта великая цель, — для которой Пруссия не остановится пред жертвами, — была достигнута.

Уже проложен путь к соглашению *всех германских государств* с германским Национальным собранием во Франкфурте. Мое правительство будет продолжать свои усилия в этом направлении. Мне незачем напоминать о том, каким образом вы, милостивые государи, можете содействовать достижению этой великой цели.

Положение начатых между временным центральным правительством Германии и Датским королевством мирных переговоров дает право надеяться, что несогласия, нарушившие в прошлом году мир и вместе с ним торговлю и мореплавание, скоро будут улажены удовлетворительным образом.

Мирные и дружественные отношения моего правительства к другим иностранным государствам ничем не были нарушены.

С болью я оплакиваю потерю одного из принцев моего королевского дома, который несколько дней тому назад в цвете лет был вырван из рядов жизни и лишен прекрасной возможности посвятить свои силы отечеству.

Господа представители первой и второй палат! С доверием ожидает теперь отечество от совместной работы своих представителей с моим правительством упрочения вновь установленного законного порядка, чтобы иметь возможность наслаждаться конституционными свободами и их спокойным развитием. Охрана этих свобод и законного порядка — этих двух основных условий государственного благополучия — постоянно будет предметом моего заботливого попечения. Я рассчитываю в этом деле на вашу помощь. Да послужит ваша деятельность, с божьей помощью, к возвышению чести и славы Пруссии, народ которой, в тесном единении со своими государями, благополучно преодолел уже тяжкие времена, и к обеспечению как более узкому, так и более широкому отечеству мирного и благословенного будущего!

II.

Кельн, 1 марта.

Это надо констатировать прежде всего: тронная речь пользуется полным одобрением «Кельнской газеты». По поводу упоминаемых в тронной речи действий правительства она делает некоторые критические замечания, но по поводу самой тронной речи — никаких.

«Тронная речь короля есть подлинно конституционная тронная речь», — так начинает мудрая газета свою передовую статью, которая является в сущности перифразою тронной речи.

«Конституционная тронная речь!» Конечно, тем, кто ждал «речи из глубины сердца короля», скучного нравоучительного излияния, как тогда, в Соединенном ландтаге, или тем, кто ожидал бренденбургско-врангелевского заносчиво-солдатского бахвальства, этот документ должен казаться чрезвычайно «конституционным».

Одно несомненно: Мантейфель гораздо лучше справился со своей задачей, чем Кампгаузен, совершенно отказавшись от «талантливой декламации» 1847 г. Буржуазный министр дал как с точки зрения формы, так и с точки зрения содержания мешанско-плоский, тяжелый, скучный документ. Благородный министр с величайшим добродушием подчиняется скучной конституционной форме, чтобы в этой форме плавным и легким языком позабавиться над палатами и над всем конституционализмом.

Что касается серьезного содержания тронной речи, то, как мы уже вчера упомянули, абзац о сохранении осадного положения настолько затушеван, что от него почти ничего не остается. Это был единственный абзац, в котором министерство открыто и честно выступило перед палатами.

Принимать всерьез остальную часть тронной речи может только «Кельнская газета» или берлинская «Национальная газета». Кто наблюдал с достойной уважения робостью и с торжественным видом те конституционные правительственные и государственные действия, которые третьего дня разыграны были в Берлине, тот в своей невинности никогда не поймет, как можно злоупотреблять такими святыми вещами для пустой игры легкого остроумия. Но тот, кого вся эта

конституционная комедия так же мало интересует, как г. Мантейфель, тот не обнаружит такой безвкусицы, чтобы принять всерьез документ, который третьего дня министр преподнес в белом зале богом благословенными устами благоговейно внимавшей публике.

Думаем, что доставим удовольствие г. Мантейфелю, указав истинный смысл его тронной речи немецкой публике, к сожалению, не привыкшей к остроумию.

Вы ожидаете, что Мантейфель будет хвастать своей благополучно проведенной контр-революцией, будет угрожать палатам заряженными ружьями, остро отточенными саблями и т. п., наподобие беспомощного вахмистра à la Врангель. Наоборот. Несколькими легко набросанными фразами Мантейфель проходит мимо всего этого как чего-то само собою разумеющегося.

«События, которые еще свежи в вашей, господа представители первой и второй палат, памяти, вынудили меня в декабре прошлого года распустить созванное для согласования конституций собрание. В то же время я, — убежденный в безусловной необходимости окончательного восстановления прочного публично-правового порядка, — даровал стране конституцию, содержанием которой в точности выполнены данные мною в марте прошлого года обещания».

Господин Мантейфель говорит так, как если бы речь шла о самом незначительном пустяке — о замене старого сюртука новым, о назначении сверхштатного чиновника или об аресте какого-нибудь смутьяна. Насильственное перемещение, отсрочка и роспуск суверенного собрания, осадное положение, господство военщины, словом — весь государственный переворот сводится к «событиям, которые еще свежи в вашей памяти». Совсем как рыцарственный бан Елачич стал бы рассказывать с самой грациозной бесцеремонностью о том, как его рыцари живьем зажарили жителей той или иной деревни.

И тут же *«выполнение в точности данных мною в марте прошлого года обещаний»* — путем октроированной пресловутой конституции! И вы считаете хитрого Мантейфеля таким ограниченным, что он действительно это серьезно сказал? Allons donc! (Полноте!)

Такое начало поражает. Но нужно уметь пользоваться этим первым удивлением — и дальше следуют еще более удивительные вещи. О, это господин Мантейфель умеет!

«С тех пор состояние возбуждения, которое еще несколько месяцев тому назад переживала большая часть страны, улеглось и уступило место более спокойному настроению. Столь сильно подорванное чувство уверенности снова возвращается. Торговля и промышленность начинают оправляться от угрожавшего им паралича».

Как смотрели друг на друга бравые представители, когда они слушали этот пассаж! Торговля и промышленность оправляются! А почему бы и нет? Тот самый Мантейфель, который может даровать конституцию, почему бы не мог он даровать и подъем «торговли и промышленности»? Апломб, с которым Мантейфель изрекает это изумительное утверждение, действительно замечателен. *Mais nous marchons de surprise en surprise!* (Но мы переходим от одного сюрприза к другому!)

«Вы знаете, милостивые государи, что я предоставил вам пересмотреть конституцию. Ваше дело теперь столкнуться между собой и с моим правительством».

Конечно, господа, «столкнитесь!» В том-то и заключается ирония, что две такие палаты, какие Мантейфель даровал «моему народу», никогда не *могут* «между собою столкнуться!» Для чего же тогда была бы придумана первая палата? И, господа, если бы *вы даже* *столковались между собой*, чего вообще нельзя ожидать, то вам еще предстоит столкнуться с «моим правительством». А что с ним вы *ни до чего* не договоритесь — за это ручается Мантейфель!

Итак, господа представители первой и второй палат, вы достаточно уже занимались пересмотром конституции. После того как «я» на опыте убедился, насколько *соглашение* невозможно между *двумя* контрагентами, «я» счел правомерным попытаться провести соглашение между *тремя не допускающими соглашения факторами*. Если вы не столкнетесь с ними до второго пришествия и ничего не сделаете, то Мантейфель обещает стать сотрудником «Национальной газеты».

Итак, «столкнитесь», милостивые государи!

Но если, вопреки всем человеческим расчетам, вы все же разрешите то, что приличия ради нельзя иначе назвать, как вашей задачей, то вы этим еще не подвинетесь ни на один шаг вперед. На сей случай «мое правительство» издало около дюжины законов «для ввода в действие конституции», которые лишают эту конституцию последней тени либерализма. Среди них находятся, между прочим, два положения о цехах, которые достойны 1500 г. и которые могут дать такому удачно скомбинированному представительству, как вы, на десять лет головоломной работы. «Все эти законы будут вам незамедлительно представлены на утверждение».

Итак, «утверждайте их», милостивые государи!

Но затем «мое правительство» незамедлительно представит вам предложение об осадном положении — сентябрьские законы, *gagging laws*,¹ законы, направленные против клубов и т. д. И пока вы не

¹ [Правила о «гилютинировании» парламентских дебатов.]

«утвердите» их, — до чего, надо надеяться, никогда не дойдет, — будет, конечно, продолжаться осадное положение.

И этим, вы думаете, исчерпаны все предстоящие вам работы? Наоборот — самое важное еще впереди!

«Сверх того, вам предстоит заняться обсуждением различных законов, — частью необходимых для ввода в действие конституции, — проекты которых вам будут постепенно представляться. Я особенно рекомендую вашему серьезнейшему вниманию проекты нового городского положения, нового окружного, областного и провинциального положения, закона о народном просвещении, закона о церковном управлении, закона о подоходном налоге, закона о поземельном налоге, а также законов об отмене поземельных повинностей, о безвозмездной отмене некоторых из них и об учреждении банков».

Со всеми этими различными работами, которые вместе составляют около трех дюжин органических законов со многими тысячами параграфов, у вас, милостивые государи, будет, бог даст, столько дела, что как пересмотр конституции, так и утверждение временных законов и обсуждение предложенных проектов будут выполнены не больше, чем на половину. Но и в этом случае вы проявите поистине сверхчеловеческую работоспособность. А покуда будет повсеместно продолжаться осадное положение и оно даже будет введено там, где оно еще не *существует* (кто помешает нам ввести осадное положение во всей Пруссии «по округам»?); а покуда остается в силе дарованная так называемая конституция с дополнительными законами, остается в силе действовавшее до сих пор дрянное городское положение, такое же окружное, областное, провинциальное представительство, остаются в силе несвободная школа, невзимание с высшего дворянства поземельного налога и барщинные повинности крестьян.

Но чтобы вы не могли жаловаться, вам, сверх всех этих невыполнимых работ, предлагаются еще *два бюджета* — на 1849 и 1850 гг. Вы сердито вскакиваете со своих мест от такого количества работ? Тем лучше, господа представители первой и второй палат. В таком случае «мое правительство» будет продолжать, на основании дарованной пресловутой конституции, взимать существующие теперь налоги до скончания веков. К тому же остались еще некоторые деньги из тех 25 миллионов, которые утвердил Соединенный ландтаг, а если бы «моему правительству» еще понадобилось, оно само решит, что ему делать.

Но если бы вы пошли по стопам распущенного Национального собрания, тогда, господа, я вам напоминаю, что «организация, боевая способность и преданность» прусской армии выдержали серьезное

испытание — в особенности при большой облаве на соглашателей в ноябре прошлого года.

Итак, господа представители первой и второй палат, теперь, когда приняты все меры к тому, чтобы вы, по самому составу обеих палат, не могли *между собой* столкнуться, а по составу «моего правительства» не могли столкнуться и *с ним*, — когда вам предложена такая беспорядочная масса материалов, что вы, помимо всего прочего, не в состоянии будете разобраться и в малой их доле, — когда, таким образом, обеспечено сохранение бюрократически-феодалдно-военного деспотизма, — теперь попомните, чего ждет от вас отечество:

«Господа представители первой и второй палат! С доверием ожидает теперь отечество от совместной работы своих представителей с моим правительством упрочения вновь установленного законного порядка, чтобы иметь возможность наслаждаться конституционными свободами и их спокойным развитием. Охрана этих свобод и законного порядка — этих двух основных условий государственного благополучия — постоянно будут предметом моего заботливого попечения. Я рассчитываю в этом деле на вашу помощь. Да послужит ваша деятельность, с божьей помощью, к возвышению чести и славы Пруссии, народ которой, в тесном единении со своими государями, благополучно преодолел уже тяжкие времена, и к обеспечению как более узкому, так и более широкому отечеству мирного и благословенного будущего!»

Такова тронная речь гражданина Мантейфеля. И находятся люди, настолько лишенные вкуса, что они такую ловко разыгранную комедию называют «конституционной тронной речью».

Поистине, если бы что-нибудь могло побудить господина Мантейфеля отказаться от своего портфеля, то это могло бы сделать лишь такое непризнание самых благих его намерений!

**ПРОТИВ БАКУНИНА
КРИТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПАНСЛАВИЗМА**

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПАНСЛАВИЗМ.

I.

Кельн, 14 февраля.

Мы достаточно часто указывали на то, что нежные мечты, всплывшие после февральской и мартовской революций, например грезы о всеобщем братстве народов, о федеративной республике Европы и вечном мире, по существу прикрывали только безграничную беспомощность и бездеятельность тогдашних идейных вождей. Не видели или не хотели видеть, что надо делать для обеспечения революции; не могли или не хотели провести никаких действительно революционных мер; ограниченность одних и контр-революционные интриги других сообща привели к тому, что вместо революционных дел народ получил только сантиментальные фразы. Высокопарный негодяй Ламартин был классическим героем этой эпохи предательства народа, скрытого под поэтическими цветами и риторической мишурой.

Народы, пережившие революцию, знают, как дорого им пришлось заплатить за то, что в своей наивности они тогда поверили высоким словам и напыщенным уверениям. Вместо обеспечения революции — повсюду реакционные палаты, подкапывающиеся под революцию; вместо осуществления обещаний, данных на баррикадах, — контр-революции в Неаполе, Париже, Вене, Берлине, падение Милана, война против Венгрии; вместо объединения народов — возобновление Священного союза на более широкой основе под покровительством Англии и России. И те самые люди, которые еще в апреле и мае восторженно приветствовали высокопарные фразы эпохи, лишь с краскою стыда вспоминают о том, как они дали тогда обмануть себя дуракам и плутам.

Тяжелый опыт привел к убеждению, что «объединение европейских народов» может быть осуществлено не при помощи пустых фраз и благочестивых пожеланий, а лишь при помощи основательных революций и кровавой борьбы; что речь идет не об объединении всех европейских народов под одним республиканским знаменем, а о

союзе революционных народов против контр-революционных, союзе, который осуществляется не на бумаге, а только на поле сражения.

Во всей Западной Европе этот горький, но необходимый опыт лишил ламартиновские фразы всякого кредита. Напротив, на Востоке все еще существуют фракции, по видимости демократические, революционные фракции, которые не устают служить в качестве эхо этих фраз и сантиментальных чувств и проповедывать евангелие объединения европейских народов.

Эти фракции, — мы оставляем в стороне нескольких несведущих мечтателей-немцев, например господина А. Руге и т. п., — суть демократические панслависты различных славянских народов.

Программа демократического панславизма лежит перед нами в виде брошюры «Призыв к славянам». Сочинение русского патриота Михаила Бакунина, члена Славянского конгресса в Праге. Кетен, 1848 г.

Бакунин — наш друг. Но это не помешает нам подвергнуть критике его брошюру.

Посмотрим, как в самом начале своего призыва Бакунин примыкает к иллюзиям марта и апреля прошлого года: «Первым признаком жизни революции был крик ненависти против старого угнетения, крик сочувствия и любви всем угнетенным национальностям. Народы... почувствовали, наконец, тот позор, которым старая дипломатия обременила человечество, и поняли, что благополучие народов никогда не будет обеспечено до тех пор, пока в Европе хоть один народ будет жить под гнетом... Долой угнетателей! — раздался согласный крик; слава угнетенным полякам, итальянцам и всем другим! Не надо больше завоевательных войн, но надо довести до конца последнюю войну, славную войну революции за окончательное освобождение всех народов! Долой искусственные границы, насильственно проведенные дипломатическими конгрессами из так называемых исторических, географических, коммерческих и стратегических соображений! Не должно быть никаких других границ, кроме тех, которые установит суверенная воля самих народов на основе их национальных особенностей, — границ, соответствующих природе и проведенных в духе справедливости и демократии. Таков единодушный крик всех народов». (Стр. 6 и 7.)

Уже в этих словах мы находим опять все мечтательное воодушевление первых месяцев революции. Здесь нет ни слова о существующих в действительности препятствиях такому всеобщему освобождению, о столь различных ступенях цивилизации и о выванных этим различных политических потребностях отдельных

народов. Слово «свобода» заменяет все это. О действительности здесь вообще нет речи, а поскольку с ней приходится считаться, она изображается как нечто абсолютно негодное, произвольно установленное «конгрессами деспотов» и «дипломатами». Этой плохой действительности просто противопоставляется мнимая народная воля со своим категорическим императивом, с абсолютным требованием «свободы».

Мы уже видели, кто из них оказался сильнее. Мнимая народная воля была так позорно обманута именно благодаря тому, что она доверилась столь фантастической абстракции от действительно существующих отношений.

«Революция полнотой своей власти объявила распущенными государства деспотов, прусское государство... Австрию... турецкую империю... и, наконец, последнюю надежду деспотов, русскую империю... и конечную цель всего этого она объявила всеобщую федерацию европейских республик». (Стр. 8.)

Нам здесь, на Западе, должно казаться очень странным, что после крушения всех этих прекрасных планов при первой же попытке их осуществления в них все еще усматривают нечто похвальное и великое. Ведь в том-то и была беда, что, хотя революция «полнотой собственной власти объявила распущенными», но одновременно «полнотой собственной власти» пальцем не двинула для того, чтобы свой декрет провести в жизнь.

Тогда был созван Славянский конгресс. Он стал целиком на точку зрения этих иллюзий.

Мы читаем следующее: «Живо чувствуя общие узы истории (?) и крови, мы поклялись, что не позволим отделять нас друг от друга в нашей судьбе. Проклиная политику, жертвами которой мы так долго были, мы сами утвердили за собой право на полную независимость и торжественно клялись, что последняя должна быть общею всем славянским народам. Мы признали независимость Богемии и Моравии... мы протянули братскую руку немецкому народу, демократической Германии. От имени тех из нас, которые живут в Венгрии, мы предложили братский союз мадьярам, ярым врагам нашей расы. В своем союзе освобождения мы не забыли и тех наших братьев, которые стонут под игом турок. Мы торжественно прокляли ту преступную политику, которая трижды разрывала Польшу... Все это мы высказали и со всеми демократами всех народов (?) потребовали: свободы, равенства, братства всех наций». (Стр. 10.)

Эти требования демократический панславизм выставляет еще поныне: «Мы были тогда уверены в нашем деле... Справедливость и человечность были всецело на нашей стороне, а на стороне наших

врагов — только беззаконие и варварство. То были не пустые мечты, которым мы предавались, — то были идеи единственно верной и необходимой политики, политики революции».

«Справедливость», «человечность», «свобода», «равенство», «братство», «независимость». — До сих пор мы в панславистском манифесте не нашли ничего другого, кроме этих более или менее моральных категорий, которые, правда, очень красиво звучат, но в исторических и политических вопросах ничего не доказывают. «Справедливость», «человечность», «свобода» и т. п. могут тысячу раз требовать того или другого; но если что-нибудь невозможно, оно в действительности и не происходит и, несмотря ни на что, остается «пустою мечтою». Роль, которую славянские массы играли после пражского конгресса, должна была бы рассеять иллюзии панславистов; они должны были бы понять, что со всеми благочестивыми пожеланиями и прекрасными мечтами ничего не поделаешь против железной действительности, что их политика была так же мало «политикою революции», как и политика Французской республики. И тем не менее они еще теперь, в январе 1849 г., приходят с теми же старыми фразами, в содержании которых Западная Европа разочаровалась благодаря кровавой контр-революции!

Еще одно слово о «всеобщем объединении народов» и проведении «границ, которые установит суверенная воля самих народов на основе их национальных особенностей». Соединенные Штаты и Мексика — две республики; в обеих народ имеет суверенную власть.

Каким же образом случилось, что между этим двумя республиками, которые, согласно моральной теории, должны были быть «объединены» и «федерированы», вспыхнула война из-за Техаса, что «суверенная воля» американского народа, опираясь на храбрость американских добровольцев, отодвинула из «географических, коммерческих и стратегических соображений» на несколько сот миль к югу установленные природою границы? И бросит ли Бакунин американцам упрек в завоевательной войне, которая, — хотя и наносит сильный удар его теории, опирающейся на «справедливость и человечность», — велась, тем не менее, исключительно в интересах цивилизации? И какая беда в том, что богатая Калифорния вырвана из рук ленивых мексиканцев, которые ничего не сумели с нею сделать? Что энергичные янки быстрою эксплуатацией тамошних золотых россыпей в короткое время умножат средства обогащения, сконцентрируют на наиболее подходящем побережьи Тихого океана густое население и обширную торговлю, создадут большие города, откроют пароходное сообщение, проведут железную дорогу от Нью-

Иорка до Сан-Франциско, впервые откроют Тихий океан для настоящей цивилизации и в третий раз в истории дадут новое направление мировой торговле? Конечно, «независимость» нескольких испанцев, проживающих в Калифорнии и Техасе, может при этом пострадать, «справедливость» и другие моральные правила могут при случае быть нарушены; но какое значение имеет это по сравнению с такими событиями всемирно-исторического значения?

Заметим вообще, что эта теория всеобщего объединения народов, которая, не обращая внимания на историческое положение и ступени общественного развития отдельных народов, хочет объединить их во что бы то ни стало, еще задолго до революции подвергалась критике со стороны редакторов «Новой рейнской газеты», и притом направлена была против их лучших друзей, английских и французских демократов. Доказательства этого имеются в английских, французских и бельгийских демократических газетах той эпохи.

Что касается специально панславизма, мы в № 194 «Новой рейнской газеты»¹ уже показали, что он, оставляя в стороне искренний самообман демократических панславистов, в действительности не имеет другой цели, как дать распыленным австрийским славянам, которые в историческом, литературном, политическом, коммерческом, промышленном отношениях находятся в зависимости от немцев и мадьяр, опорный пункт, — с одной стороны, в лице России, с другой — в лице объединенной австрийской монархии, управляемой славянским большинством и зависимой от России. Мы уже указали, что подобные маленькие национальности, против их собственной воли разбитые историей уже несколько столетий тому назад, необходимо должны быть контрреволюционными и что вся их позиция в революции 1848 г. действительно была контрреволюционной. Ввиду того, что демократическо-панславистский манифест требует независимости всех славян без различия, мы должны на этом пункте остановиться.

Заметим прежде всего, что для демократов Славянского конгресса политическая романтика и сентиментальность весьма извинительны. За исключением поляков, — поляки по очень понятным причинам не панслависты, — все они принадлежат к таким народам, которые либо, подобно южным славянам, благодаря всему своему историческому положению необходимо являются контр-революционными, либо, подобно русским, еще далеки от революции и потому, по крайней мере временно, еще контр-революционны. Эти

¹ [См. ниже ст. «Революционная борьба в Венгрии», стр. 271—282.]

фракции, демократические благодаря полученному ими за границей образованию, хотят согласовать свое демократическое настроение со своим национальным чувством, которое, как известно, у славян очень ярко выражено, а так как положительный мир и действительное состояние их страны не дают никаких опорных пунктов для такого примирения или дают только воображаемые опорные пункты, то им не остается ничего другого, как потусторонний воздушный «мир мечты», мир благочестивых пожеланий, политика фантазии. Как хорошо было бы, если бы хорваты, пандуры и казаки представляли авангард европейской демократии, если бы посол Сибирской республики вручал в Париже свои верительные грамоты! Конечно, это очень приятные перспективы; но чтобы европейская демократия должна была ожидать их осуществления, — этого не потребует даже самый горячий панславист, — а пока как раз те нации, для которых манифест специально требует независимости, суть специальные враги демократии.

Мы повторяем: кроме поляков, русских и, в лучшем случае, турецких славян, ни один славянский народ не имеет будущего по той простой причине, что у всех остальных славян отсутствуют необходимые исторические, географические, политические и промышленные условия их самостоятельности и жизнеспособности.

Народы, никогда не имевшие своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже попали под чужую власть или даже при помощи чужого ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, не способны к жизни и никогда не смогут стать самостоятельными.

А такова была судьба австрийских славян. Чехи, к которым мы причисляем также мораван и словаков, хотя и отличающихся от них по языку и истории, никогда не имели истории. Со времени Карла Великого Богемия прикована к Германии. На короткое время чешская нация освободилась и образовала велико-моравское государство, но сейчас же была опять покорена и в продолжение пятисот лет перебрасывается, как мяч во время игры, между Германией, Венгрией и Польшей. После этого Богемия и Моравия переходят окончательно к Германии, а словацкие местности остаются у Венгрии. И эта «нация», исторически совершенно не существующая, заявляет притязания на независимость?

Так же обстоит дело с собственно так называемыми южными славянами. Где история иллирийских словенцев, далматинцев, хорватов и шокцев?.. Начиная с XI века они потеряли последнюю тень политической независимости и находились частью под немецким,

частью под венецианским, частью под мадьярским господством. Из этих разорванных клочков хотят смастерить крепкую, независимую, жизнеспособную нацию!

Более того. Если бы австрийские славяне представляли из себя компактную массу, подобно полякам, мадьярам и итальянцам, если бы они были в состоянии объединиться в государство с населением в 12 — 20 миллионов, — их притязания имели бы еще серьезный характер. Но действительность представляет противоположную картину. Немцы и мадьяры врезались между ними широким клином до самых крайних пределов Карпат, почти до Черного моря; они отделили чехов, моравян и словаков от южных славян широким поясом в 60 — 80 миль. К северу от этого пояса живут $5\frac{1}{2}$ миллионов славян и к югу $5\frac{1}{2}$ миллионов, разделенные друг от друга компактной массой в 10 — 11 миллионов немцев и мадьяр, которых история и необходимость сделали союзниками.

Но почему $5\frac{1}{2}$ миллионов чехов, моравян и словаков не могут образовать одно государство, а $5\frac{1}{2}$ миллионов южных славян вместе с турецкими славянами — другое государство?

Достаточно на любой хорошей карте языков посмотреть распределение чехов и родственных им по языку соседей. Клином они врезались в Германию, но с обеих сторон изъедены и оттеснены немецкими элементами. Третья часть населения Богемии говорит на немецком языке; на 24 чеха в Богемии приходится 17 немцев. А ведь именно чехи должны составить ядро проектируемого славянского государства, ибо моравяне также сильно перемешаны с немцами, а словаки — с немцами и мадьярами, и притом они в национальном отношении совершенно деморализованы. И что это было бы за славянское государство, в котором господствовала бы, в конце концов, немецкая городская буржуазия!

То же у южных славян. Словенцы и хорваты отрезают Германию и Венгрию от Адриатического моря, а Германия и Венгрия не могут дать отрезать себя от Адриатического моря по «географическим и коммерческим соображениям», которые, правда, не являются препятствием для фантазии Бакунина, но, тем не менее, существуют и представляют для Германии и Венгрии такой же жизненный вопрос, как, например, для Польши берег Балтийского моря от Данцига до Риги. А там, где речь идет о существовании и свободном развитии всех ресурсов больших наций, не может иметь никакого значения сантиментальная заботливость о нескольких расеянных немцах или славянах! Не говоря уже о том, что эти южные славяне также повсюду перемешаны с немецким, мадьярским и

итальянскими элементами, что и здесь при первом взгляде на карту языков проектируемое юго-славянское государство превращается в ряд несвязанных лоскутков и что, в лучшем случае, все это государство достанется в руки итальянским буржуа из Триеста, Фиуме и Зары и немецким буржуа из Аграма, Лайбаха, Карлштадта, Землина, Панчовы и Вейскирхена!

Но не могут ли южные славяне Австрии присоединиться к сербам, боснякам, морлакам и болгарам? Конечно, это было бы возможно, если бы, кроме уже указанных трудностей, не существовала застарелая ненависть жителей пограничной Австрии к турецким славянам, живущим по ту сторону Савы и Унны; но эти люди, которые в продолжение многих веков видят друг в друге мошенников и бандитов, при всем своем национальном родстве гораздо сильнее ненавидят друг друга, чем славяне и мадьяры.

Поистине, положение немцев и мадьяр было бы весьма приятное, если бы австрийские славяне добились своих так называемых «прав»! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое богемско-моравское государство. Австрия и Штирия были бы отрезаны «югославской республикою» от своего естественного выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы раздроблена, как обглоданный крысами хлеб. И все это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность, более или менее сносное земледелие и просвещение.

Но именно это-то ярмо, навязанное славянам под предлогом цивилизации, и составляет величайшее преступление немцев и мадьяр; послушайте только: «Вы справедливо охвачены гневом, вы по праву требуете мести против той проклятой немецкой политики, которая думала только о вашей гибели, которая в продолжение веков поработала вас». (Стр. 5.) «Мадьяры, ярые враги нашей расы, едва насчитывая четыре миллиона, похваляются, что возложили свое ярмо на восемь миллионов славян». (Стр. 9.) «Я знаю все то, что мадьяры сделали против наших славянских братьев, я знаю их преступления против нашей национальности, я знаю, как топтали они ногами наш язык и независимость». (Стр. 30.)

В чем же состоят страшные преступления немцев и мадьяр против славянской национальности? Мы не говорим здесь о разделе Польши, который сюда не относится, мы говорим о «вековой несправедливости», якобы причиненной славянам.

Немцы снова отвоевали на севере от славян прежде немецкую, а впоследствии славянскую область от Эльбы до Варты; это завое-

вание было обусловлено «географическими и стратегическими соображениями», вытекавшими из раздела Каролингской монархии. Эти славянские области вполне германизированы; дело это уже сделано и не может быть исправлено, разве только если панслависты разыщут потерянные сорбский, вендский и оботритский языки и навяжут их жителям Лейпцига, Берлина и Штеттина. Но что указанное завоевание было в интересах цивилизации — этого никто до сих пор не оспаривал.

На юге немцы нашли славянские племена уже распыленными. Об этом позаботились не-славянские авары, оккупировавшие местность, впоследствии населенную мадьярами. Немцы заставили этих славян платить себе дань и вели с ними многочисленные войны. Такие же войны вели они с аварами и мадьярами, у которых отняли всю страну от Энса до Лейты. В то время как здесь они германизировали насильно, германизация славянских земель происходила больше мирным путем, посредством иммиграции и влияния более развитой нации на менее развитую. Немецкая промышленность, торговля и просвещение ввели в страну немецкий язык. Что касается «угнетения», то славяне угнетались немцами не больше, чем масса немецкого же населения.

Что касается мадьяр, то ведь в Венгрии живет большое число немцев, и тем не менее мадьяры, которых насчитывается «едва четыре миллиона», никогда не имели повода жаловаться на «проклятую немецкую политику». И если «восемь миллионов славян» в продолжение восьми веков вынуждены были терпеть ярмо, возложенное на них четырьмя миллионами мадьяр, то одно это достаточно показывает, кто был более жизнеспособным и энергичным — многочисленные славяне или немногочисленные мадьяры!

Но, конечно, величайшее «преступление» немцев и мадьяр заключается в том, что они помешали этим двенадцати миллионам славян превратиться в турок! Что случилось бы с этими распыленными маленькими народцами, игравшими в истории столь жалкую роль, если бы немцы и мадьяры не удержали их вместе и не повели в бой против войск Магомета и Сулеймана, если бы их так называемые «угнетатели» не решились тех сражений, которые велись для защиты этих слабых народов! Не говорит ли об этом достаточно ясно судьба «двенадцати миллионов славян, валахов и греков», которых «семьсот тысяч османов топчут своими ногами» до сего дня? (Стр. 8.) И, наконец, можно ли видеть «преступления» и «проклятую политику», в том, что в эпоху, когда вообще в Европе крупные монархии представляли «историческую необходимость», немцы и мадьяры соединили

все эти маленькие, хилые и бессильные нации в одно большое государство и тем сделали их способными принять участие в историческом развитии, которому они, предоставленные сами себе, остались бы совершенно чужды! Конечно, при этом дело не обходится без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и железной решимости ничто в истории не делается, и если бы Александр, Цезарь и Наполеон отличались таким же мягкосердечием, к которому ныне апеллируют панслависты в интересах своих ослабевших клиентов, что случилось бы с историей! И чем персы, кельты и жители Священной римской империи хуже чехов, огулинцев и сережан?

Но в настоящее время в результате мощного прогресса промышленности, торговли и путей сообщения политическая централизация представляет еще более настоятельную потребность, чем тогда, в XV и XVI столетиях. Все, что еще может быть централизовано, централизуется. И вот приходят панслависты и требуют, чтобы мы отпустили «на волю» этих полугерманизированных славян, чтобы мы уничтожили централизацию, которая навязывается этим славянам всеми их материальными интересами!

Словом, оказывается, что эти «преступления» немцев и мадьяр против упомянутых славян принадлежат к самым лучшим и заслуживающим признательности деяниям, которыми только могут похвалиться в своей истории немецкий и мадьярский народы.

Что касается вообще мадьяр, то здесь необходимо еще особо отметить, что с начала революции они действовали слишком уступчиво и слабо по отношению к надменным хорватам. Необходимо отметить, что Кошут сделал им все возможные уступки, за исключением того, что не позволил их депутатам выступать в рейхстаге на хорватском языке. И единственное, в чем можно упрекнуть мадьяр, — это в излишней уступчивости по отношению к нации, по самой природе своей контр-революционной.

II.

Кельн, 15 февраля.

Вчера мы закончили статью указанием на то, что австрийские славяне никогда не имели собственной истории, что в историческом, литературном, политическом, коммерческом и промышленном отношениях они зависели от немцев и мадьяр, что частью они уже германизированы, мадьяризированы и итальянизированы, что в случае учреждения самостоятельных государств господствовать в них будут не они, а немецкая и итальянская буржуазия их городов, что, наконец, ни Венгрия, ни Германия не могут допустить отторжения и самостоятельного учреждения подобных нежизнеспособных маленьких государств-буферов.

Однако все это еще не имело бы решающего значения. Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали новую революционную историю, они уже этим доказали бы свою жизнеспособность. Революция с этого самого момента была бы заинтересована в их освобождении, и частный интерес немцев и мадьяр отступил бы перед более широким интересом европейской революции.

Но как раз этого-то ни разу и не случилось. Славяне, — мы еще раз напоминаем, что при этом мы всегда исключаем поляков, — постоянно служили именно орудием контр-революции. Угнетаемые дома, они во-вне, поскольку простиралось славянское влияние, были угнетателями всех революционных наций.

Пусть не возражают нам, что мы выступаем здесь в интересах национальных предрассудков немцев. В немецких, французских, бельгийских и английских газетах имеются доказательства того, что именно редактора «Новой рейнской газеты» еще задолго до революции самым решительным образом выступали против всякой национальной ограниченности немцев. Конечно, в отличие от некоторых других лиц, они не ругали все немецкое зря и со слов других; но они исторически показали и беспощадно вскрыли ту гнусную роль, которую Германия играла в истории благодаря своему дворянству и буржуазии, благодаря своему слабому промышленному развитию; они всегда признавали прогрессивную роль великих

исторических народов Запада, англичан и французов, по сравнению с отсталыми немцами. Но именно потому мы имеем право не разделять фантастических иллюзий славян и так же строго судить другие народы, как мы судили нашу собственную нацию.

До сих пор говорили, что немцы были во всей Европе ландскнехтами деспотизма. Мы отнюдь не намерены отрицать позорную роль немцев в поворных войнах 1792 — 1815 гг. против французской революции, в подавлении Италии после 1815 г. и Польши после 1772 г., но кто стоял за спиной немцев, кто пользовался ими в качестве своих наемников и авангарда? Англия и Россия. Ведь русские и поныне еще похваляются, — и, конечно, в значительной степени правильно, — тем, что они своими бесчисленными войсками решили падение Наполеона. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что среди тех армий, которые превосходством сил оттеснили Наполеона от Одера до Парижа, три четверти составляли славяне, а именно русские или австрийские.

А угнетение немцами итальянцев и поляков? При разделе Польши конкурировали между собою одно славянское и одно полуславянское государство; войска, подавившие Костюшко, состояли в большинстве из славян; войска Дибича и Паскевича были исключительно славянскими. И в Италии одни только немцы долгое время пользовались позорной репутацией угнетателей; но опять-таки, из кого состояли армии, которые лучше всего можно было использовать для угнетения и жестокостей, приписываемых немцам? Опять-таки — из славян. Поезжайте в Италию и спросите, кто подавил миланскую революцию; вам теперь уже не скажут, что немцы, — с того времени, как немцы устроили в Вене революцию, их перестали ненавидеть, — а скажут, что хорваты. Этим названием итальянцы обозначают теперь всю австрийскую армию, т. е. все, что им наиболее глубоко ненавистно: *i Croati!* (Хорваты!).

И, тем не менее, эти упреки оказались бы излишними и несправедливыми, если бы славяне где бы то ни было приняли серьезное участие в движении 1848 г., если бы они поспешили вступить в ряды революционных народов. Одно смелое демократическо-революционное выступление, даже кончающееся неудачей, вытравляет в памяти народов целые века позора и трусости, немедленно реабилитирует даже глубоко презираемую нацию. Немцы испытали это в прошлом году. Но в то время как французы, немцы, итальянцы, поляки и мадьяры подняли знамя революции, славяне выступили, как один человек, под знаменем контр-революции. Впереди шли южные славяне, которые уже давно отстаивали свои контр-рево-

люционные сепаратистские вождедения против мадьяр; далее чехи, а за ними вооруженные и готовые появиться в решительный момент на поле сражения русские.

Как известно, в Италии мадьярские гусары массами переходили к итальянцам; в Венгрии целые итальянские батальоны представляли себя в распоряжение мадьярского революционного правительства и еще теперь сражаются под мадьярским знаменем; все знают, как относились в Вене немецкие полки к народу; даже в Галиции они отнюдь не были надежными; все знают, что поляки, как австрийские, так и из других местностей, массами сражались в Италии, Вене и Венгрии против австрийских армий и еще теперь сражаются в Карпатах; но слышал ли кто-нибудь о том, чтобы чешские и юго-славянские войска подняли восстание против черно-желтого знамени? Напротив, до сих пор всем известно только то, что потрясенная в своих основах Австрия сохранила жизнь и временно опять укрепилась благодаря черно-желтому энтузиазму славян; что именно хорваты, словенцы, далматинцы, чехи, мораване и русины дали Виндишгрецу и Елачичу войска для подавления революции в Вене, Кракове, Львове и Венгрии, и, как мы узнаем теперь от Бакунина, Славянский конгресс в Праге был разогнан не немцами, а галицийскими, чешскими, словацкими славянами, и «только славянами!» (Стр. 33.)

Революция 1848 г. заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, устроили революцию, все не созревшие народы объединились против революции. В тот момент следовало распутать национальный хаос Восточной Европы. Вопрос был в том, какая нация возьмет революционную инициативу, какая нация разовьет наибольшую революционную энергию и тем обеспечит свое будущее. Славяне остались безгласными, немцы и мадьяры, верные своей прежней исторической роли, стали во главе движения. Благодаря этому славяне были брошены в объятия контр-революции.

А Славянский конгресс в Праге?

Мы повторяем: так называемые демократы из австрийских славян суть либо негодяи, либо фантазеры, а фантазеров, которые у своего народа не находят никакой почвы для ввезенных из-за границы идей, в свою очередь, водят за нос негодяи. На Славянском конгрессе в Праге фантазеры взяли верх. Когда эта фантастика показала опасною аристократическим панславистам, господам графу Туну, Палацкому и компании, они предали фантазеров Виндишгрецу и черно-желтой контр-революции. Какая горькая и убийственная

ирония в том, что этот конгресс мечтателей, охраняемый мечтательно настроенною пражскою молодежью, был разогнан солдатами той же нации; что фантазирующему Славянскому конгрессу был противопоставлен военный славянский конгресс! Австрийская армия, занявшая Прагу, Вену, Львов, Краков, Милан и Будапешт, — вот действительный Славянский конгресс!

Насколько беспочвенна и неясна была фантастика Славянского конгресса, доказывается его результатами. У всякой другой нации бомбардировка такого города, как Прага, вызвала бы непримиримую ненависть против угнетателей. Что же делали чехи? Они целовали розги, которыми секли их до крови, они горячо присягали знамени, под которым их братья подвергались казни, а их жены — изнасилованию. Уличная борьба в Праге была поворотным пунктом для австрийских демократических панславистов. За перспективу жалкой «национальной самостоятельности» они предали демократию и революцию австрийской монархии, этому «центру, систематически проводившему деспотизм в сердце Европы», как говорит сам Бакунин на стр. 29. За это трусливое, подлое предательство революции мы когда-нибудь еще жестоко отомстим славянам.

В конце концов этим предателям стало ясно, что они обмануты контр-революцией, что нечего думать ни о «славянской Австрии», ни о «федеративном государстве с равноправными нациями», ни еще менее о демократических учреждениях для австрийских славян. Елачич, который является мошенником не в большей мере, чем большинство других демократов из австрийских славян, горько раскаивается, что его так эксплуатировали, а Стратимирович, чтобы не дать себя дольше эксплуатировать, провозглашает открытое восстание против Австрии.

Теперь союзы Славянской липы опять повсюду противостоят правительству и ежедневно убеждаются на горьком опыте, в какую ловушку они дали себя завлечь... Но теперь уже слишком поздно: бессильные на своей собственной родине против реорганизованной ими же самими австрийской военщины, отталкиваемые немцами и мадьярами, которых они предали, отталкиваемые революционной Европой, они вынуждены будут терпеть тот самый военный деспотизм, который они помогли взвалить на венцев и мадьяр. «Будьте покорны императору, дабы императорские войска не относились к вам, как к мятежным мадьярам». Эти слова патриарха Раячича показывают, что ждет их в ближайшем времени.

Совсем иначе вели себя поляки. В продолжение восьми-десяти лет угнетаемые, порабощенные, разоряемые, они всегда станови-

лись на сторону революции и неразрывно связывали революционизирование Польши с ее независимостью. В Париже, Вене, Берлине, Италии и Венгрии поляки участвовали во всех революциях и революционных войнах, не считаясь с тем, приходилось ли им сражаться против немцев, славян, мадьяр или даже против поляков. Поляки — единственная славянская нация, чуждая всяким панславистским вождедениям. Но они имеют для этого и достаточно причин: они угнетены главным образом своими собственными же славянскими так называемыми братьями, и ненависть к русским у поляков даже сильнее — и вполне справедливо — ненависти к немцам. Но именно потому, что освобождение Польши неразрывно связано с революцией и поляк и революционер стали синонимами, полякам обеспечены симпатии всей Европы и восстановление их нации, как чехам, хорватам и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них.

Австрийские панслависты должны понять, что все их желания, поскольку они вообще осуществимы, осуществлены в восстановлении «австрийской объединенной монархии» под охраною России. Если Австрия распадется, им предстоит революционный терроризм немцев и мадьяр, а отнюдь не — как они воображают — освобождение всех наций, поработанных под скипетром Австрии. Они должны поэтому желать, чтобы Австрия сохранилась — более того, чтобы Галиция осталась у Австрии, дабы славяне сохранили большинство в государстве. Таким образом, уже в этом панславистские интересы прямо противоречат восстановлению Польши, ибо Польша без Галиции, Польша, не простирающаяся от Балтийского моря до Карпат, это — не Польша. Но именно потому «славянская Австрия» представляет пустую фантазию, ибо без господства немцев и мадьяр, без обоих центров, Вены и Будапешта, Австрия опять распадется, как доказывает вся ее история вплоть до последних месяцев. Ввиду этого реализация панславизма должна будет ограничиться русским патронатом над Австрией. Поэтому открыто реакционные панслависты были вполне правы, когда они цеплялись за сохранение австрийской монархии; это было единственное средство спасти что-нибудь. Но так называемые демократические панслависты стояли перед труднейшею дилеммою: либо отказ от революции и, по крайней мере, частичное спасение национальности при помощи австрийской монархии, либо отказ от национальности и спасение революции путем распада австрийской монархии. В тот момент судьба революции в Восточной Европе зависела от позиции чехов и южных славян; мы никогда не забудем им того, что в решительную минуту

они из-за своих мелких национальных надежд предали революцию Петербургу и Ольмюцу!

Что сказали бы мы, если бы демократическая партия в Германии начала свою программу с требования обратного возвращения Эльзаса, Лотарингии и Бельгии, принадлежащей во всех отношениях к Франции, под предлогом, что большинство населения там германское? Как смешотворны были бы немецкие демократы, если бы они хотели устроить пангерманский немецко-датско-шведско-английско-голландский союз для «освобождения» всех стран с населением, говорящим на немецком языке! К счастью, германская демократия переросла эти фантазии. В период 1817 — 1830 гг. немецкие студенты носились с подобными реакционными мечтами и в настоящее время находят в Германии заслуженную оценку. Как только наступила германская революция и германский народ начал играть хоть некоторую роль, он окончательно освободился от подобных пустых фантазий.

Но панславизм отличается не менее ребяческим и реакционным характером, чем пангерманизм. Когда вы читаете историю панславистского движения последней весны в Праге, вам кажется, что вы отброшены на тридцать лет назад: трехцветные ленты, старо-франкские костюмы, старо-славянское богослужение, полная реставрация эпохи и нравов первобытных лесов; «Сворность», это — настоящая студенческая корпорация, Славянский конгресс — новое издание Вартбургского праздника; те же фразы, те же фантазии и в конце та же печальная песенка: «Мы строили пышное здание» и т. д. Кто хочет прочесть эту знаменитую песенку в переводе на славянскую прозу, пусть прочитает брошюру Бакунина.

Подобно тому как эти немецкие корпоранты надолго предались решительным контр-революционным настроениям, свирепому франкофобству и ограниченному национальному чувству и впоследствии стали все предателями того дела, которым они якобы увлекались, — таким же образом, только быстрее, — ибо 1848 год был годом революционным, — у демократических панславистов демократическая внешность очень скоро превратилась в фанатическое немецко- и мадярофобство, в косвенную оппозицию восстановлению Польши (Любомирский), в косвенное присоединение к контр-революции.

И если отдельные честные славянские демократы призывают теперь австрийских славян присоединиться к революции, видеть своего главного врага в австрийской монархии и даже идти в интересах революции вместе с мадярами, — то они напоминают курицу, которая в отчаянии бежит по берегу пруда при виде того,

как высиженные ею молодые утята неожиданно убегают от нее в чуждую стихию, куда она последовать за ними не может.

Не будем вообще предаваться никаким иллюзиям. У всех панславистов национальность, т. е. фантастическая общеславянская национальность, стоит выше революции. Панслависты согласны примкнуть к революции под условием, чтобы им разрешено было организовать в форме самостоятельных славянских государств всех славян без исключения, не считаясь с насущнейшими материальными потребностями. Если бы мы, немцы, выставили такие же фантастические условия, мы в марте недалеко ушли бы! Но революция не позволяет ставить себе никаких условий. Приходится либо быть революционером и принять последствия революции, каковы бы они ни были, либо броситься в объятия контр-революции и в одно прекрасное утро очутиться, быть может против собственного желания, рука об руку с Николаем и Виндизгрецом.

Мы и мадьяры должны гарантировать австрийским славянам их самостоятельность, — этого требует Бакунин, и люди типа Руге способны действительно дать ему с глазу на глаз подобные обещания. От нас и других революционных наций Европы требуют, чтобы мы гарантировали очагам контр-революции беспрепятственное существование непосредственно у наших ворот, гарантировали им свободное право устраивать заговоры и вооружаться против революции; мы должны в сердце Германии создать контр-революционное чешское государство, мы должны сломить силу немецкой, польской и мадьярской революции при помощи вклинившихся между ними русских аванпостов на Эльбе, в Карпатах и на Дунае!

Мы не намерены делать это. На сантиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени контр-революционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к России была и еще остается у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма можем мы совместно с поляками и мадьярами обезопасить революцию против указанных славянских народов. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам.

И если Бакунин, в конце концов, восклицает: «Поистине, славянин не должен ничего потерять, а должен выиграть! Поистине он должен жить! И мы будем жить. Пока будет оспариваться хотя бы малейшая часть наших прав, пока хотя бы единый член нашего

общего организма останется отделенным или оторванным от нас, — до тех пор мы будем беспощадно бороться на жизнь и на смерть, пока, наконец, славянство не станет великим, свободным и независимым», — если революционный панславизм принимает эти слова всерьез и будет уходить от революции всюду, где дело коснется фантастической славянской национальности, то и мы будем знать, что нам делать.

Тогда борьба, «беспощадная борьба на жизнь и на смерть» с славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и решительный терроризм — не в интересах Германии, но в интересах революции!

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕЙНСКОЙ ПРОВИНЦИИ

ЛАССАЛЬ.

I.

Кельн, 10 февраля.

Мы обещали вчера ¹ вернуться к вопросу о Лассале. Лассаль вот уже 11 недель сидит в дюссельдорфской тюрьме, и только теперь закончено следствие по поводу простых, отнюдь не отрицаемых фактов, только теперь решает совещательная камера. Благополучно подстроили так, что если совещательная камера и обвинительный сенат пожелают руководствоваться максимальными законными сроками, они смогут затянуть дело до предстоящей дюссельдорфской сессии суда присяжных и осчастливить узника добавочными тремя месяцами предварительного заключения!

И какого предварительного заключения!

Известно, что депутация различных демократических обществ Кельна недавно вручила генеральному прокурору Николовиусу подписанный несколькими тысячами граждан адрес, который просит: 1) об ускорении следствия по делу дюссельдорфских политических узников, 2) о приличном обращении с ними во время следствия. Господин Николовиус обещал по возможности принять во внимание эти справедливые требования.

Но вот пример того, как в дюссельдорфской тюрьме считаются с г. генеральным прокурором, с законами и с самыми обыкновенными соображениями приличия.

¹ [В номере на который ссылается статья в конце передовой, посвященной оправданию Маркса и товарищей, сказано: «После такого приговора Лассаль и Кантадор будут, вероятно, тоже скоро освобождены. Едва ли можно ожидать, что кельнский сенат отнесется к ним иначе, чем присяжные отнеслись к Марксу, Шнейдеру и Шапперу. Мы, впрочем, еще будем завтра говорить о Лассале специально. Повидимому, существует благожелательное намерение затянуть его дело до окончания ближайшей судебной сессии [мартовской] и пожаловать ему таким образом еще три месяца предварительного заключения. Надо, однако, надеяться, что приговор кельнских присяжных расстроит эти человеколюбивые планы. О том, как обращаются с Лассалем в дюссельдорфской тюрьме, мы сообщим завтра некоторые отрядные подробности.»]

Один тюремный надзиратель позволил себе 5 января по отношению к Лассалю грубую брань и завершил это тем, что отправился к начальнику и пожаловался ему, что Лассаль будто бы обругал его.

Час спустя начальник, в сопровождении следователя, появляется в камере Лассалья и, не здороваясь с ним, делает ему выговор по поводу происшедшего. Лассаль прерывает его замечанием, что среди образованных людей принято здороваться при входе к кому-нибудь в комнату и что он считает себя в праве требовать от начальника этой вежливости.

Это уже превысило меру терпения г. начальника. В бешенстве он наступает на Лассалья, оттесняет его к окну и кричит, насколько может громко, жестикулируя всеми членами: «Слушайте, вы здесь *мой* арестант и больше я ничего не знаю; вы должны подчиняться правилам тюрьмы, а если вам это не нравится, то я прикажу бросить вас в *карцер*, а может быть, и *что-нибудь похуже* произойдет с вами!»

Тогда и Лассаль вышел из себя и заявил начальнику, что он не имеет права наказывать его на основании тюремных правил, так как он — подсудимый арестованный; что крик ничему не поможет и ничего не доказывает; что если это здание — тюрьма, то здесь все же *его* комната, и если начальник (указывая на него пальцем) входит *сюда к нему*, то он должен здороваться с ним.

Тут начальник совсем потерял рассудок. Он толкнул Лассалья в живот, размахнулся рукой и закричал: «Не тычьте своим пальцем, а то я сам дам вам пощечину, так что...»

Лассаль тотчас же пригласил следователя быть свидетелем этого неслыханно грубого обращения и отдал себя под его защиту. Следователь попытался успокоить начальника, но это удалось только после повторных угроз с его стороны пощечинами.

После такой назидательной сцены Лассаль обратился к государственному прокурору фон-Аммону с предложением возбудить дело против начальника тюрьмы г. Морре. Действительно, насильственные действия начальника представляют не только нанесение побоев и грубое оскорбление, но также и превышение власти.

Господин фон-Аммон ответил, что следствие по поводу превышения власти со стороны тюремных чиновников не может возбуждаться без предварительного разрешения административных властей, и рекомендовал Лассалю обратиться к правительству. Он основывался при этом на каком-то древнем кабинетном указе 1844 г.

Ст. 95 октроированной так называемой конституции гласит: «Не требуется предварительного разрешения властей для судебного преследования гражданских или военных чиновников за нарушение

закона, совершенное ими путем превышения своих служебных полномочий». Ст. 108 той же хартии определенно отменяет все законы, находящиеся в противоречии с этой статьей. Но тщетно ссылался Лассаль в обращении к государственному прокурору на ст. 95, — г. фон-Аммон упорно отстаивал свою некомпетентность и отделался от него таким милым замечанием: «Вы, повидимому, забываете, что являетесь подследственным арестантом!»

Разве мы не были правы, говоря, что так называемая конституция пожалована против нас, а совсем не против гг. чиновников?

Итак, угроза пощечинами, карцером и *избиением*, ибо в этом выражается то «худшее», что оставляет про запас г. Морре, — таково «приличное обращение», обещанное депутации по отношению к политическим арестованным!

Заметим кстати, что по закону следственные тюрьмы *обязательно* должны быть отделены от исправительных тюрем и что заключенные следственных тюрем должны подвергаться совершенно другому режиму, чем заключенные, отбывающие наказание. Но в Дюссельдорфе нет особой подследственной тюрьмы, и подследственные заключенные, после того как их незаконно сажают в исправительную тюрьму, должны вдобавок подчиняться *правилам для осужденных*, могут быть брошены в карцер и подвергнуты избиению! Чтобы добиться этой похвальной цели в отношении к Лассалю, г. Морре созвал дисциплинарную комиссию, которая должна преподнести г. Лассалю эти удовольствия. И господа следователи и прокуроры, повидимому, спокойно относятся ко всему этому или же прячутся за споры о компетенции!

Лассаль обратился к главному прокурору. Мы, с своей стороны, предаем гласности все дело, чтобы голос общественности поддержал жалобу заключенного.

Мы, впрочем, слышали, что одиночное заключение Лассалья, наконец, прекращено, и он, по крайней мере, помещен в одну камеру с Кангадором.

II.

Кельн, 3 марта.

Памятно еще такое громкое дело. Несчастливая девушка была предана *суду присяжных* по обвинению в *детоубийстве*. Присяжные оправдали ее. После этого ее предали суду исправительной полиции за *сокрытие беременности*. Под всеобщий смех публики постановление совещательной камеры о предании суду было кассировано.

Дюссельдорфская совещательная камера идет по следам своей прославившейся предшественницы.

Постановлением дюссельдорфской совещательной камеры от 22 февраля *Лассаль, Кантадор и Вейерс преданы суду присяжных по обвинению в произнесении мятежных речей*. Мы ничего против этого не имеем. Но постановлением той же самой совещательной камеры *Лассаль* предается еще *вторично суду исправительной полиции* на том основании, что *в речи в Нейссе* он будто бы призывал к «насилованному сопротивлению чиновникам» (преступление, предусмотренное ст. 209, 217).

Констатируем прежде всего факты.

В числе обстоятельств, мотивирующих предание Лассалья суду присяжных, находится *та же самая речь в Нейссе*. Совещательная камера указывает на то, что в этой речи он «призывал к вооружению против верховной власти» (преступление, предусмотренное ст. 87, 91, 102).

Таким образом, за *одну и ту же речь* Лассаль предается один раз суду присяжных, а второй раз — суду исправительной полиции. Если его оправдают присяжные, то осудит его суд исправительной полиции. А если суд исправительной полиции не осудит его, то он во всяком случае останется в предварительном заключении до оправдательного приговора суда исправительной полиции. Каков бы ни был приговор присяжных, — Лассаль остается лишенным свободы, и прусское государство спасено.

Это, повторяем мы, *одна и та же речь*, из-за которой Лассаль предается дюссельдорфской совещательной камерой один раз суду

присяжных, а второй раз — суду исправительной полиции. Это *один и тот же* факт.

Но оставим это.

Если в речи я «призываю к вооружению против верховной власти», то разве не понятно само собою, что я призываю к «насильственному сопротивлению чиновникам»? Ведь *существование* верховной власти выражается именно в ее *чиновниках*, армии, администрации, судьях. Если отвлечься от этого ее материального существа, она представляет собою лишь тень, воображение, простое название. Низвержение правительства невозможно без насильственного сопротивления его чиновникам. Если я призываю в речи к *революции*, то мне излишне добавлять: «*сопротивляйтесь насильственно чиновникам*». Разве, следуя методу дюссельдорфской совещательной камеры, нельзя было бы *всех* без исключения преданных суду присяжных по ст. 87, 102 за подстрекательство к свержению правительства привлекать затем к суду исправительной полиции по ст. 209, 217?

И разве в Кодексе Наполеона нет статьи, гласящей так:

«Toute personne acquittée légalement ne pourra plus être reprise ni accusée à raison du même délit»? Что в переводе значит: Лицо, законно оправданное, не может быть ни снова привлечено к суду, ни обвиняемо за то же правонарушение.

Но дело решительно не меняется от того, предают ли меня *после* оправдательного приговора присяжных за то же деяние суду исправительной полиции или же заранее кассируют приговор присяжных, заранее 1) предавая меня суду присяжных и 2) в то же время за то же деяние привлекая к суду исправительной полиции.

Мы спрашиваем дюссельдорфскую совещательную камеру, не затемнило ли ее патрпотическое усердие ее юридическое сознание? Мы спрашиваем следователя *Эбермейера*, совершенно ли он свободен *от личной вражды* к Лассалю? Мы спрашиваем, наконец, некоего чиновника дюссельдорфской прокуратуры, не сказал ли он: «Оправдание Кантадора и Вейерса не имеет для нас значения, но Лассалья мы во всяком случае должны удержать в наших руках».

Мы сомневаемся, чтобы у Лассалья было такое же желание окантаться на неопределенное время перечисленным в инвентарь «*государственных подданных*» *par excellence*.

Дело Лассалья важно для нас не только потому, что речь идет о свободе и правах нашего согражданина, нашего партийного товарища. Оно важно в первую очередь потому, что здесь речь идет о том, должна ли исключительная компетенция *суда присяжных в отношении политических преступлений* разделить участь всех так

называемых *мартовских завоеваний* или не должна, смогут ли и впредь по своему усмотрению состоящие на жалованьи судейские мантии низводить не состоящий на жалованьи суд присяжных до роли призванного суда, — смогут ли они один и тот же факт, в том случае, если присяжные не признают его политическим преступлением или проступком, одновременно передавать, как обычный проступок, на рассмотрение суда исправительной полиции? Зачем вообще изъяти преступления и проступки из компетенции обыкновенных судов и передали их суду присяжных? Предполагалось очевидно, невзирая на честь и щепетильность состоящих на жалованьи судей, что в политических процессах они представляют что угодно, только не интересы обвиняемого.

Мы еще вернемся к этой теме.

ПЕРВЫЙ ПРОЦЕСС «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ».

І. РЕЧЬ МАРКСА.

Господа присяжные заседатели!

Сегодняшний процесс имеет некоторое значение, ибо статьи 222 и 367 Code pénal, по которым предъявлено обвинение «Новой рейнской газете», единственные статьи рейнского законодательства, находящиеся в распоряжении властей против печати, если не говорить, конечно, о случаях прямого призыва к мятежу.

Все вы знаете, с какой особенной охотой прокурорский надзор преследует «Новую рейнскую газету». Но до сих пор, несмотря на все его старания, ему не удалось уличить нас в других преступлениях, кроме перечисленных в статьях 222 и 367. Я считаю поэтому необходимым, в интересах печати, остановиться подробнее на этих параграфах уголовного кодекса.

Но прежде чем приступить к юридическому анализу, позвольте мне сделать личное замечание. Прокуратура назвала *низостью* следующее место инкриминируемой статьи: «Неужели г. Цвейфель решился объединить законодательную власть с исполнительной? Неужели лавры обер-прокурора должны прикрывать наготу народного представителя?» Милостивые государи! Можно быть очень хорошим обер-прокурором и в то же время быть скверным народным представителем. Может быть, господин Цвейфель потому именно и хороший обер-прокурор, что он скверный народный представитель. Прокуратура, повидимому, плохо знакома с парламентской историей. Что лежит в основе вопроса о несовместительстве, занимающего такое видное место в дебатах конституционных палат? Недоверие к правительственным чиновникам, подозрение, что правительственный чиновник слишком легко приносит в жертву интересы общества интересам преобладающей власти и поэтому совершенно не годится для роли народного представителя. А что в частности сказать о положении государственного обвинителя? В какой стране сочли бы совместимым это положение с званием народного представителя? Я напомню вам о нападках во французской и бельгийской

печати, во французской и бельгийской палатах на Эбера, Плу-гульма, Баве, — нападках, имевших своей мишенью именно это противоречивое соединение в одном лице званий обер-прокурора и депутата. Никогда эти нападки не влекли за собой судебного преследования, даже при министерстве Гизо. А Франция Луи-Филиппа и Бельгия Леопольда считались образцовыми конституционными государствами. Правда, в Англии дело обстоит иначе по отношению к Attorney-General и Solicitor-General, но их положение отличается существенным образом от положения *procureur du roi*. Они являются до известной степени чиновниками с судейскими функциями. Мы, милостивые государи, не конституционалисты, но мы становимся на точку зрения наших обвинителей, чтобы побить их на их собственной почве их же собственным оружием. Поэтому мы и ссылаемся на конституционный *usus*.

Государственный обвинитель хочет, апеллируя к моральному общему месту, вычеркнуть целый период парламентской истории. Я решительно отвергаю его упрек в нивости и объясняю этот упрек его невежеством.

Теперь я перехожу к анализу юридической стороны дела.

Защитник мой уже доказал вам, что без ссылки на прусский закон 5 июля 1819 г. обвинение в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля было бы с самого начала несостоятельным. Статья 222 *Code pénal* говорит об «*outrage par paroles*», об *устных* оскорблениях, а не о писанных или печатных. Но прусский закон 1819 г. имел своею целью дополнить, а не отменить статью 222. Прусский закон может распространить кары статьи 222 лишь на такие письменные оскорбления, которые *Code pénal* карает, когда они наносятся в устной форме. Письменные оскорбления должны происходить в той же обстановке, при тех же условиях, какие предполагаются статьей 222 в случае устных оскорблений. Поэтому необходимо определить в точности смысл статьи 222.¹

В мотивах к статье 222 (*Exposé par M. le conseiller d'état Berlier, séance du février 1810*) мы читаем:

«Il ne sera donc ici question que des *seuls outrages* qui compromettent *la paix publique*, c. à. d. de ceux dirigés contre les fonctionnaires ou agents publics dans l'exercice ou à l'occasion de l'exercice de

¹ Статья 222 гласит дословно: «Lorsqu' un ou plusieurs magistrats de l'ordre administratif ou judiciaire auront reçu dans l'exercice de leurs fonctions ou à l'occasion de cet exercice quelque outrage par paroles tendant à inculper leur honneur ou leur délicatesse, celui qui les aura ainsi outragés sera puni d'un emprisonnement d'un mois à deux ans».

leurs fonctions; dans ce cas ce n'est plus un particulier, c'est l'ordre public qui est blessé... La hiérarchie politique sera dans ce cas prise en considération; celui qui se permet des outrages ou violences envers un officier ministériel est coupable sans doute, mais il commet un moindre *scandale* que lorsqu'il outrage un magistrat».

В переводе это означает следующее:

«Итак, дело здесь идет *только* об оскорблениях, нарушающих общественный порядок, общественное спокойствие, т. е. об оскорблениях чиновников или правительственных агентов при исполнении или по поводу исполнения ими своих обязанностей; при таких условиях ущерб причиняется не частному лицу, а общественному порядку... В этом случае придется принимать во внимание политическую иерархию: тот, кто позволяет себе оскорбление или насилие по отношению к министерскому агенту, без сомнения, виновен, но он вызывает этим меньший скандал, чем если бы он оскорбил судью».

Вы видите, милостивые государи, из этой мотивировки, какую цель преследовал законодатель, составляя статью 222. Эта статья применима *только* к оскорблениям чиновников, нарушающим общественный порядок, общественное спокойствие. Но когда нарушается общественный порядок, la paix publique? Только тогда, когда затевается мятеж с целью ниспровержения законов или когда ставятся препятствия применению существующих законов, т. е. когда оказывается сопротивление чиновнику, исполняющему закон, когда мешают, прерывают *судебную деятельность* чиновника при исполнении им своих обязанностей. Сопротивление может ограничиваться одним ропотом, оскорбительными словами, но оно может доходить и до поступков, до насильственного неповиновения. Outrage, оскорбление, это — только низшая степень violence, неповиновения, насильственного сопротивления. Поэтому в мотивировке и говорится outrages ou violences, «оскорбления или насилия». По смыслу своему оба слова тождественны; но violence, насилие — только более тяжкая форма outrage, оскорбления, наносимого исполняющему свои обязанности чиновнику.

Итак, в этой мотивировке предполагается, 1) что оскорбление наносится чиновнику при исполнении им своих служебных обязанностей и 2) что оно наносится ему в его *личном присутствии*. Ни в каком другом случае нельзя говорить о действительном нарушении общественного порядка.

Вы увидите эту предпосылку во всем разделе, трактующем об «outrages et violences envers les dépositaires de l'autorité et de la force publique», т. е. об «оскорблениях и насилиях, причиняемых

тем, кому вручаются общественная власть и общественная сила». Различные статьи этого отдела устанавливают следующую градацию неповиновения: выражение лица, слова, угрозы, насильственные деяния; последние, в свою очередь, делятся по степени своей тяжести. Наконец, во всех этих статьях говорится об усилении наказания в том случае, если различные формы неповиновения происходят в зале судебного заседания. Произведенный там «скандал» считается наибольшим скандалом, и нарушение там законов — *raix publique* — считается самым резким нарушением.

Поэтому статья 222 применима к *письменным* оскорблениям чиновников лишь в том случае, если подобные оскорбления совершаются 1) в личном присутствии чиновника, 2) во время исполнения им своих служебных обязанностей. Мой защитник, милостивые государи, привел вам подобный пример. Так, сам он подпал бы под действие статьи 222, если бы он теперь, во время заседания суда, оскорбил председателя в письменном ходатайстве и т. д. Но этот параграф *Code pénal* ни в коем случае не может быть применен к газетной статье, «наносящей оскорбление» долго спустя после исполнения чиновником своего служебного долга и в его отсутствие.

Это толкование статьи 222 может объяснить кажущийся пробел, кажущуюся непоследовательность *Code pénal*. Почему я имею право оскорбить короля, в то время как я не в праве оскорбить обер-прокурора? Почему *Code pénal* — в отличие от прусского земского права — не назначает кары за *оскорбление величества*? Потому, что король никогда не исполняет сам обязанности чиновника, которые он поручает всегда исполнять другим, ибо король никогда не соприкасается со мной лично, а лишь чрез своих представителей.

Порожденный революцией деспотизм *Code pénal* бесконечно отличен от патриархально-учительского деспотизма прусского земского права. Наполеоновский деспотизм сокрушает меня, рав я действительно мешаю государственной власти, хотя бы только путем оскорбления чиновника, который исполнением своих обязанностей осуществляет по отношению ко мне государственную власть. Но вне исполнения этих служебных обязанностей чиновник становится обыкновенным членом буржуазного общества, без каких бы то ни было привилегий, без какой бы то ни было исключительной охраны. Прусский же деспотизм делает из чиновников какое-то высшее, священное существо для меня. Звание чиновника как бы срастается с ним, как благодать священства с католическим священником. Прусский чиновник всегда является для прусского мирянина, т. е. не-чиновника, священнослужителем. Оскорбление подобного лица, хотя

Zwei
politische Prozesse.

Verhandelt vor den Februar-Richtern in Köln.

I.

Der erste Pressprozeß der Neuen
Rheinischen Zeitung.

II.

Prozeß des Kreis-Ausschusses der
rheinischen Demokraten.

Köln, 1849.

Verlag der Expedition der Neuen Rheinischen Zeitung.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ БРОШЮРЫ «ДВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССА».

бы и не при исполнении им своих обязанностей, хотя бы отсутствующего, вернувшегося к частной жизни, остается все же осквернением религии, кощунством. Чем выше чиновник, тем более тяжко осквернение религии. Поэтому высочайшим оскорблением государственного жреца является оскорбление короля, оскорбление величества, которое, согласно Code pénal, юридически просто невозможно.

Но, скажут, если бы статья 222 Code pénal говорила только об outrages чиновников «dans l'exercice de leurs fonctions», об оскорблениях чиновников при исполнении ими своих служебных обязанностей, то не нужно было бы указания, что законодатель требует *лично* присутствия чиновника, — присутствия, которое является необходимым условием всякого подводимого под статью 222 оскорбления. Между тем статья 222 прибавляет к словам «dans l'exercice de leurs fonctions» еще слова: «à l'occasion de cet exercice».

Прокуратура переводит эти слова так: «в отношении к их службе». Я докажу вам, милостивые государи, что перевод этот неверен и совершенно противоречит намерению законодателя. Возьмем статью 228 того же раздела. Мы там читаем: «Виновный в нанесении удара чиновнику «dans l'exercice de ses fonctions ou a l'occasion de cet exercice» наказывается тюремным заключением на срок от двух до пяти лет». Можно ли это перевести: «в отношении к его службе»? Разве можно наносить *относительные* побои? Неужели здесь не заключается предпосылка о личном присутствии чиновника? Могу ли я наносить удары отсутствующему? Очевидно, это следует перевести так: «Виновный в нанесении удара чиновнику *по поводу* исполнения им своих служебных обязанностей». Но в статье 228 дословно повторяется фраза из статьи 222. Очевидно, слова «à l'occasion de cet exercice» имеют в обоих случаях одинаковое значение. Таким образом, эти дополнительные слова не только не исключают условия о *личном присутствии* чиновника, но, наоборот, предполагают его.

Можно из истории французского законодательства представить вам другое разительное доказательство. Вы помните, что во Франции в первое время реставрации партии вступали между собой в ожесточенные стычки в парламентах, в судах; в южной Франции дело доходило до поножовщины. Суды присяжных были тогда просто военно-полевыми судами победившей партии, расправлявшейся с партией побежденной. Оппозиционная печать беспощадно клеймила приговоры суда присяжных. Статья 222 не давала никакого оружия против авторов этих нападков, ибо она была бы применима лишь в случае оскорбления присяжных в суде, в их личном присутствии.

Поэтому в 1819 г. сфабриковали новый закон, каравший всякие нападки на chose jugée, на произнесенный приговор. Code pénal не знает подобной неприкосновенности судебного приговора. Нужно ли было бы дополнить его новым законом, если бы ст. 222 говорила об оскорблениях «в отношении» исполнения служебных обязанностей?

Но что же означает дополнение: «à l'occasion de cet exercice»? Оно хочет просто обезопасить чиновника от нападков незадолго до исполнения или вскоре *после* исполнения им своих служебных обязанностей. Если бы статья 222 говорила только об «оскорблениях и насилиях», причиняемых чиновнику во время исполнения им своих служебных обязанностей, то я мог бы, например, спустить с лестницы судебного пристава после предъявления им мне исполнительного листа и утверждать затем, что я его оскорбил лишь после того, как он перестал быть для меня судебным приставом. Я мог бы, например, напасть по дороге на мирового судью, направляющегося верхом к моему жилищу, чтобы привести в исполнение по отношению ко мне приговор, избить его и уклониться от грозящей мне согласно статье 228 кары ссылкой на то, что я его избил не во время, а до исполнения им его служебных обязанностей.

Следовательно, дополнение «à l'occasion de cet exercice», *по поводу* исполнения служебных обязанностей, имеет целью обеспечить безопасность исполняющего свои обязанности чиновника. Оно относится к оскорблениям и насильственным действиям, которые происходят не непосредственно во время исполнения служебных обязанностей, а незадолго до или вскоре после этого, и притом, — и это имеет существенное значение, — находятся в *живой* связи с исполнением служебных обязанностей, т. е. предполагают при всяких обстоятельствах *личное присутствие* оскорбляемого чиновника.

Нужны ли еще дальнейшие разъяснения того факта, что § 222 неприменим к нашей статье, если бы мы даже оскорбили в ней господина Цвейфеля? Когда инкриминируемая статья была написана, господин Цвейфель *отсутствовал*; он жил не в Кельне, а в Берлине. Когда эта статья была написана, господин Цвейфель исполнял обязанности не обер-прокурора, а депутата партии объединения. Следовательно, ему не могло быть причинено оскорбление или поношение как обер-прокурору, находящемуся при исполнении своих обязанностей.

Но и независимо от этого анализа можно иным путем доказать, что § 222 неприменим к инкриминируемой статье «Новой рейнской газеты».

Это явствует из различия, проводимого Code pénal между *оскорблением* и *клеветой*. Это различие указано в точности в статье 375. После абзаца о «клевете» мы читаем:

«Quant aux injures ou aux expressions outrageantes qui ne renfermeraient l'imputation d'aucun fait précis (в статье 367 об оклеветании это называется так: «des faits qui s'ils existaient», факты, которые, если бы они были действительными *фактами*), mais celle d'un vice déterminé... la peine sera une amende de seize à cinq cent francs». Поношения или оскорбительные выражения, содержащие в себе обвинение не в определенном факте, а в определенном пороке... караются штрафом размером от шестнадцати до пятисот франков. В статье 367 мы читаем дальше: «Все прочие поношения или оскорбительные выражения... влекут за собой простое полицейское взыскание».

Итак, что подходит под категорию клеветы? Поношения, которые вменяют поносимому в вину *определенные факты*. Что входит в категорию оскорбления? Обвинение в определенном пороке и оскорбительные выражения общего характера. Если я скажу: «вы украли серебряную ложку», то я возвожу на вас клевету в смысле Code pénal. Если же я скажу: «вы — вор, у вас воровские наклонности», то я *оскорбляю* вас.

Но статья «Новой рейнской газеты» не бросает вовсе господину Цвейфелю обвинений такого рода: господин Цвейфель — предатель народа, господин Цвейфель сделал гнусные заявления. Нет, статья эта определенно утверждает: «Говорят, будто господин Цвейфель сверх того сказал, что он покончит в Кельне на Рейне с 19-м марта, с клубами, со свободой печати и другими порождениями проклятого 1848 года».

Таким образом, господину Цвейфелю вменяется в вину вполне определенное заявление. Поэтому, если бы пришлось выбирать, какую из двух статей нужно в данном случае применить — 222 или 367, то нужно было бы остановиться не на статье 222 об оскорблениях, а на статье 367 о клевете.

Почему же прокуратура применила к нам статью 222, а не 367?

Потому, что статья 222 гораздо более неопределенна и дает скорее возможность осудить человека, раз хотят, чтобы он был осужден. Посягательства на «*délicatesse et honneur*», на «щепетильность и честь», не поддаются никакой нормировке. Что такое честь, что такое щепетильность? Что такое посягательство на них? Это зависит от лица, с которым я имею дело, от степени его образования, от его предрассудков, от его воображения. Здесь не может

быть никакой нормы, кроме *noli me tangere* напряженного, мнящего себя неприкосновенным чиновничьего тщеславия.

Но и параграф о клевете, § 367 Code pénal, неприменим к статье «Новой рейнской газеты».

Параграф 367 требует «fait précis», определенного факта, «un fait, qui peut exister», факта, который может быть *действительным* фактом. Но ведь в статье «Новой рейнской газеты» не обвиняли господина Цвейфеля в том, что он уничтожил свободу печати, закрыл клубы или свел на-нет мартовские завоевания в том или ином месте. Ему ставится в вину лишь простое заявление. Между тем § 367 предполагает обвинение в совершении определенных фактов, таких, что если бы они были действительными фактами, они могли бы повлечь за собой преследование их автора в уголовном или исправительном порядке или, по крайней мере, навлекли бы на него презрение или ненависть граждан.

Но простое *заявление* о намерении сделать то-то и то-то не может послужить поводом для преследования меня ни в уголовном, ни в исправительном порядке. Нельзя даже утверждать, что оно навлечет на меня непременно ненависть или презрение граждан. Конечно, словесное заявление может быть выражением очень низкого, заслуживающего презрения и ненависти образа мыслей. Но разве в состоянии возбуждения я не могу сделать заявления, угрожающего поступками, на которые я совсем не способен? Только поступки показывают, насколько *серьезно* было заявление.

Кроме того, «Новая рейнская газета» пишет: «*Говорят*, будто господин Цвейфель сказал»... Чтобы была наличность клеветы на кого-нибудь, в утверждении не должно заключаться элемента сомнения, которое выражено здесь словом «*говорят*»: я должен выражаться аподиктически.

Наконец, господа присяжные, те «*citoyens*», те граждане, ненависть или презрение которых должны, согласно § 367, послужить исходным пунктом для обвинения и которые были бы объектом моей *клеветы*, эти *citoyens*, эти граждане вообще, не существуют в политических делах. В этих делах существуют только партийные люди. То, что навлекает на меня ненависть и презрение среди членов одной партии, вызывает любовь и уважение со стороны членов другой партии. Орган теперешнего министерства, «Новая прусская газета», обвинил господина Цвейфеля в том, что он своего рода Робеспьер. В глазах этой газеты, в глазах ее партии наша статья не навлекла на господина Цвейфеля ненависти и презрения, а, наоборот, освободила его от тяготеющих над ним ненависти и презрения.

На это соображение следует обратить сугубое внимание не в связи с данным случаем, а для всех случаев, когда прокуратура пыталась бы применить § 367 к политической полемике.

Вообще, господа присяжные, если вы захотите применить, в духе прокуратуры, § 367 к печати, то вы в порядке уголовного законодательства отмените свободу печати, завоеванную революцией и признанную конституцией. Вы в этом случае освятите произвол чиновничества, вы дадите простор всякой официальной лживости, карая лишь разоблачение этой лживости. К чему же тогда лицемерное признание свободы печати? Если существующие законы оказываются в явном противоречии с только что достигнутой степенью общественного развития, то вашей обязанностью, господа присяжные, является сказать свое веское слово в борьбе между отжившими требованиями закона и живыми требованиями общества. Ваше дело опередить законодательство, пока последнее не пойдет навстречу потребностям общества. Это самая драгоценная привилегия суда присяжных. В рассматриваемом случае, милостивые государи, задача эта облегчается вам самой буквой закона. Вы должны лишь толковать его в духе нашего времени, наших политических прав, наших социальных потребностей.

«La présente disposition n'est point applicable aux faits dont la loi autorise la publicité, ni à ceux que l'auteur de l'imputation était, *par la nature de ses fonctions ou de ses devoirs, obligé de révéler ou de réprimer*», «Настоящее постановление неприменимо к фактам, опубликование коих разрешается законом, ни к таким, *к открытию или устранению коих был обязан автор обвинения в силу своих служебных функций или обязанностей*».

Нет сомнения, милостивые государи, что законодатель не думал о свободе печати, когда он говорил о *долге* разоблачения. Но так же мало думал он о том, что этот параграф будет когда-нибудь применяться к свободной печати. Как известно, при Наполеоне не существовало вовсе свободы печати. Поэтому, если вы хотите применять закон к такой политической и социальной ступени развития, для которой он вовсе не предназначался, то применяйте его *целиком*, толкуйте его в духе нашего времени, — и пусть на благо печати пойдет и заключительный абзац § 367.

§ 367, как его узко толкует прокуратура, исключает доказательство истины и дозволяет разоблачение лишь тогда, когда оно опирается на публичные акты или на существующий уже судебный приговор. Но зачем печати разоблачать *post factum*, после произнесения приговора? Она, по своему призванию, — общественный

страж, неутомимый разоблачитель власть имущих, вездесущее око, вездесущие уста ревниво охраняющего свою свободу народного духа. Если вы будете так толковать § 367, — а вы должны так толковать его, если не хотите умалить свободу печати в интересах правительственной власти, — то кодекс дает вам в то же время оружие против злоупотреблений со стороны печати. Согласно § 372, в случае разоблачения, должны быть приостановлены, пока ведется следствие по поводу фактов, как судебная процедура, так и решение по делу о клевете. Согласно § 373, разоблачение, оказавшееся клеветническим, карается.

Милостивые государи! Достаточно бросить только беглый взгляд на инкриминируемую статью, чтобы убедиться, что «Новая рейнская газета», нападая на местный суд и жандармерию, не только не имела умышленного намерения нанести оскорбление или взвести клевету, а исполнила только свой долг разоблачения.

Допрос свидетелей должен был убедить вас, что в деле с жандармами мы сообщили только действительно имевшие место факты.

Но вся соль статьи «Новой рейнской газеты» заключается в предсказании происшедшей затем контр-революции, в нападении на министерство Ганземана, которое ознаменовало начало своего правления странным заявлением, что, чем многочисленнее полиция, тем свободнее государство. Это министерство считало, что аристократия уже побеждена и что у него одна лишь задача — лишить народ его революционных завоеваний в пользу одного класса — буржуазии. Этим оно подготовило почву для феодальной контр-революции. В инкриминируемой статье мы разоблачали лишь один, выхваченный из окружающей нас среды, осязательный факт систематического контр-революционного поведения министерства Ганземана и вообще немецких правительств.

Невозможно рассматривать кельнские аресты как изолированное явление. Чтобы получить доказательство от противного, достаточно бросить беглый взгляд на тогдашние события. Незадолго до того начались преследования печати, для чего воспользовались соответствующими параграфами старого земского права. Несколько дней спустя, 8 июля, был арестован Ю. Вульф, председатель дюссельдорфского народного клуба, и были произведены многочисленные обыски на дому у членов этого клуба. Присяжные оправдали впоследствии Вульфа, да и вообще ни одно из политических преследований того времени не получило санкции суда присяжных. Того же 8 июля офицерам, чиновникам и сверхштатным чиновникам в Мюнхене было запрещено принимать участие в народных собра-

ниях. 9 июля был арестован Фалькенгайн, председатель общества «Germania» в Бреславле. 15 июля обер-прокурор Шнаае выступил в дюссельдорфском бюргерском обществе с форменной обвинительной речью против народного клуба, председатель которого был 9-го числа арестован по его докладу. Здесь перед вами образчик высокой беспартийности прокурорского надзора, образчик того, каким образом то обер-прокурор выступает в качестве партийного лица, то партийное лицо — в качестве обер-прокурора. Несмотря на начатое против нас дело из-за Цвейфеля, мы разоблачили тогда деятельность Шнаае. Он поостерегся что-нибудь ответить нам. В тот самый день, в который обер-прокурор Шнаае выступил со своей филиппикой против народного клуба, королевским приказом было закрыто демократическое окружное общество в Штуттгарте. 19 июля был распущен демократический студенческий кружок в Гейдельберге, 27 июля — все демократические общества в Бадене и вскоре затем в Вюртемберге и Баварии. Имеем ли мы право молчать при подобном очевидном предательском заговоре всех немецких правительств против народа? Прусское правительство не осмеливалось тогда сделать то, на что решились баденское, вюртембергское и баварское правительства. Оно не осмеливалось, ибо прусское Национальное собрание почуяло контр-революционный заговор и стало возмущаться министерством Ганземана. Но, господа присяжные, я утверждаю откровенно, с полным убеждением в правоте своих слов: если прусская контр-революция не разобьется вскоре о прусскую народную революцию, то и в Пруссии будет совершенно уничтожена свобода собраний и печати. С помощью осадного положения их уже и без того наполовину убили. В Дюссельдорфе и в некоторых силезских округах осмелились даже восстановить *цензуру*.

Но не только общее положение германских дел, — положение дел в Пруссии обязывает нас следить с крайним недоверием за каждым шагом правительства, всенародно разоблачать малейшие симптомы, в которых проявляется его система. Местный кельнский прокурорский надзор давал нам особые поводы разоблачать его перед общественным мнением как орудие контр-революции. За один лишь июль мы должны были указать на три незаконных ареста. В первых двух случаях государственный обвинитель Геккер промолчал, в третьем он сделал попытку оправдаться, но после нашего ответа замолчал по той простой причине, что ему нечего было сказать.

И при таких обстоятельствах прокуратура осмеливается утверждать, что в данном случае мы имеем дело не с разоблачением, а с мелким, злостным оскорблением? Это какое-то странное недоразумение.

Я лично уверяю вас, милостивые государи, что я охотнее занимаюсь крупными всемирно-историческими событиями, что я предпочитаю анализировать ход истории, чем возиться с местными курами, жандармами и прокуратурой. Какими бы ни казались самим себе эти господа, в гигантской схватке современности они *ничто*, абсолютное *ничто*. Я считаю настоящей жертвой с нашей стороны, когда мы решаемся ломать копыя с *подобными* противниками. Но ведь печать обязана вступаться за угнетенных в ближайшей окружающей ее среде. А главной опорой здания рабства являются, милостивые государи, подчиненные политические и социальные власти, вступающие в непосредственное соприкосновение с отдельными лицами, с живыми индивидами и их частной жизнью. Недостаточно вести борьбу вообще с общественными отношениями и с высшими властями. Печати приходится выступать против *данного*, определенного жандарма, *данного* прокурора, *данного* ландрата. В чем причина крушения *мартовской революции*? Она преобразовала только политическую верхушку, оставив нетронутыми ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру, старых, родившихся, выросших и поседевших на службе абсолютизма судей. Первая обязанность печати состоит в том, чтобы *подкопаться под все основы существующего политического строя*.

II. РЕЧЬ ЭНГЕЛЬСА.

Господа присяжные заседатели!

Предыдущий оратор остановил свое внимание главным образом на обвинении в оскорблении обер-прокурора Цвейфеля, — позвольте мне теперь обратить ваше внимание на обвинение в клевете на жан-дармов. Дело идет прежде всего о тех статьях закона, на которые опирается обвинение.

Ст. 367 уголовного кодекса гласит: «Виновен в клевете тот, кто в общественных местах или в общественных собраниях, или в аутентичном и официальном документе, или в *печатном* или непечатанном *сочинении*, которое было расклеено, *продано* или роздано, обвинил кого-нибудь в таких делах, которые, если бы они были верны, повлекли бы для виновного в них преследование в уголовном или исправительном порядке или, по крайней мере, навлекли бы на него *презрение* или *ненависть граждан*».

Ст. 370 прибавляет к этому: «Если в законном порядке будет *установлена истинность факта*, на котором покоится обвинение, автор последнего освобождается от всякого наказания. — *Законным доказательством* считается лишь такое, которое вытекает из *приговора* или какого-нибудь иного *аутентичного акта*».

Милостивые государи! Прокуратура дала вам свое толкование этих предписаний закона и на этом основании требовала для нас обвинительного приговора. Ваше внимание уже обратили на то, что законы эти были изданы в то время, когда над печатью тяготела цензура и когда вообще существовали иные политические отношения, чем теперь. Ввиду этого мой защитник высказал тот взгляд, что вы не обязаны считать себя связанными этими устарелыми законами. Представитель государственного обвинения присоединился к этому взгляду, по крайней мере в отношении ст. 370. Он выразился следующим образом: «Для вас, господа присяжные, самое важное, конечно, чтобы была *доказана истина разбираемых фактов*»; за это признание я ему благодарен.

Но если вы и не придерживаетесь того взгляда, что, по крайней

мере, ст. 370 в своем ограничении доказательства истины устарела, то, несомненно, вы согласитесь с тем, что приведенные статьи должны быть истолкованы иначе, чем это делает прокуратура. Привилегия суда присяжных в том и состоит, что присяжные могут толковать законы независимо от традиционной судебной практики, так, как им подсказывает их здравый смысл и совесть. Против нас возбуждено судебное дело по ст. 367 за то, что мы обвинили жандармов в деяниях, которые, в случае истинности их, должны навлечь на них презрение и ненависть граждан. Если вы станете толковать эти слова о «ненависти и презрении» в том смысле, какой хотела бы придать им прокуратура, то пока будет в силе ст. 370, уничтожается совершенно свобода печати. Как станет печать исполнять при таких условиях свой первый долг — долг охранять граждан от произвола чиновников? Лишь только она позволит себе разоблачить перед общественным мнением подобный акт произвола, ее привлекут к суду, и работники печати, — если желание прокуратуры будет удовлетворено, — будут приговариваться к тюремному заключению, денежному штрафу и потере гражданских прав; исключением явится такой случай, когда печать опубликует судебный приговор, т. е. разоблачит преступное деяние тогда, когда в этом уже не будет никакой надобности.

Как мало подходят к теперешней обстановке рассматриваемые пункты законов, — по крайней мере, в толковании прокуратуры, — показывает сравнение со ст. 369. Мы читаем там:

«Что касается клеветы, которая стала известной благодаря *иностранным газетам*, то могут привлекаться к суду те, кто послал эти статьи... или кто содействовал *ввозу и распространению* этих газет».

Согласно этой статье, милостивые государи, прокуратура обязана была бы ежедневно и ежечасно привлекать к суду королевско-прусских почтовых чиновников. Разве бывает хотя бы один день в году, когда бы прусская почта не содействовала, рассылкой той или иной иностранной газеты, «ввозу и распространению» клеветы в том смысле, какой ей придает прокуратура? И, однако, прокуратуре не приходится в голову возбудить преследование против почтового ведомства.

Примите, далее, во внимание, милостивые государи, что статьи эти составлены были в такое время, когда, благодаря цензуре *невозможно* было оклеветать *чиновников* в печати. Следовательно, эти статьи должны были, по мысли законодателя, охранять от клеветы *частных лиц*, а не *чиновников*, и только в этом случае они имеют

смысл. Но с тех пор как была завоевана свобода печати и действия чиновников могли стать достоянием гласности, все положение радикально изменилось. И именно здесь, в подобных противоречиях между устаревшим законодательством и новой социально-политической обстановкой, именно в этих случаях должны выступать присяжные и приспособлять старый закон к новой социальной обстановке путем нового его истолкования.

Но, как я уже сказал, сама прокуратура признала, что для вас, милостивые государи, важно — вопреки ст. 370 — фактическое доказательство истины. Поэтому она и пыталась ослабить приведенные нами, на основании свидетельских показаний, доказательства истины. Присмотримся же к инкриминируемой газетной статье, чтобы убедиться, действительно ли доказано приводимое в ней обвинение и составляет ли оно в то же время клевету. В начале статьи мы читаем следующее:

«Утром, в 6 — 7 часов, человек 6 — 7 жандармов вошли в квартиру Аннеке, обошлись грубо со служанкой» и т. п.

Милостивые государи, вы слышали рассказ Аннеке. Вы, вероятно, помните, что я собирался вторично задать свидетелю Аннеке вопрос по поводу грубого обращения со служанкой и что господин председатель нашел этот вопрос излишним, ибо факт этот в достаточной мере установлен. И вот я спрашиваю: взвели ли мы в этом отношении клевету на жандармов?

Далее: «В передней это бесчинство переходит в насильственные действия, причем один из жандармов разбивает стеклянную дверь, а Аннеке спускают с лестницы». Милостивые государи, вы слышали показание свидетеля Аннеке; вы должны помнить слова свидетеля Эссера о том, как жандармы вышли с Аннеке «на парах» из дому и *втокнули* его в карету; я, милостивые государи, спрашиваю еще раз: где же здесь клевета?

В статье имеется, наконец, место, правильность которого не доказана с *буквальной* точностью. Это следующее место: «Из этих четырех столпов правосудия один немного покачивался, с утра уже преисполненный «духом», водой истинной жизни, водкой».

Я соглашаюсь, милостивые государи, что подлинные слова Аннеке сводились к следующему: «судя по поведению жандармов, их можно было принять за пьяных», т. е. жандармы *вели себя*, как пьяные. Но, милостивые государи, примите во внимание то, что мы сказали два дня спустя в ответ на реплику государственного прокурора Геккера! «Оскорбление может относиться только к одному из господ жандармов, о котором говорили, что он в ранний

час *покачивался* по причинам более или менее спиритуальным или спиртуозным. Если следствие покажет, — в чем мы ни на минуту не сомневаемся, — правильность фактов, т. е. учиненного агентами государственной власти насилия, то мы, как кажется, заботливейшим образом, со всем свойственным печати беспристрастием, подчеркнули, в интересах обвиняемых нами господ, *единственное смягчающее их поступок обстоятельство*; а прокурорский надзор превращает это филантропическое указание единственного смягчающего обстоятельства в оскорбление».

Из этого вы можете видеть, милостивые государи, что мы сами настаивали на расследовании указанных фактов. Не наша вина, если расследование не было произведено. Что касается обвинения в опьянении, то что за беда, если сказать о королевско-прусском жандарме, что он хлебнул водки немножко через край? Насчет того, является ли это клеветой, я готов апеллировать к общественному мнению всей Рейнской провинции.

И как может говорить прокуратура о клевете, когда эти якобы оклеветанные даже не названы, не обозначены точно? Речь идет о «6 — 7 жандармах». Кто они? Где они? Стало ли вам, милостивые государи, известно, что какой-нибудь *определенный* жандарм навлек на себя, благодаря этой статье, «ненависть и презрение граждан»? Закон требует определенным образом, чтобы оклеветанный индивид был точно обозначен; но в указанном месте инкриминируемой статьи ни один определенный жандарм не может увидеть оскорбление себя, оскорбленной может — в крайнем случае — считать себя вся королевско-прусская жандармерия в целом. Она может чувствовать себя оскорбленной, что в газетах пишут о том, как члены этой корпорации совершают безнаказанно незаконные, насильственные деяния. Но, милостивые государи, нельзя считать преступлением обвинение королевско-прусской жандармерии вообще в совершении насильственных деяний. Я требую от прокуратуры, чтобы она указала мне то место в законе, согласно которому считаются наказуемыми оскорбление, поношение, оклеветание королевско-прусского жандармского корпуса, если вообще здесь может быть речь о клевете.

Прокуратура усмотрела вообще в инкриминируемой статье доказательство безудержной страсти к поношению. Статья эта, милостивые государи, была вам прочитана. И вот я спрашиваю, нашли ли вы, что мы старались эксплуатировать имевшие тогда в Кельне место более или менее серьезные нарушения закона и использовать их в целях удовлетворения нашей мнимой злобы на низших чиновников? Наоборот, не указывали ли мы, что эти факты явля-

ются одним из звеньев длинной цепи предпринятых тогда одновременно по всей Германии попыток к установлению торжества реакции? Разве мы ограничились нападками на жандармов и прокуратуру в Кельне, а не постарались углубить проблему, проанализировать ее истоки вплоть до тайного министерства в Берлине? Но, конечно, не так опасно нападать на большое тайное министерство в Берлине, как на маленькую прокуратуру в Кельне, и доказательством этого факта является сегодняшний процесс.

Обратите внимание на конец статьи. Мы читаем там: «Таковы дела министерства дела, министерства левого центра, переходного министерства к старо-дворянскому, старо-бюрократическому, старо-прусскому министерству. Как только господин Ганземан исполнит свою переходную миссию, его уволят».

Милостивые государи, вы, вероятно, помните события, имевшие место в августе прошлого года, вы помните, как был «уволен» Ганземан, — правда, под приличной формой добровольной отставки, — и как ему наследовало министерство Пфуля-Эйхмана-Кискера-Ладенберга, в буквальном смысле слова «старо-дворянское, старо-бюрократическое, старо-прусское министерство».

Мы читаем дальше: «Левая в Берлине должна, однако, уразуметь, что старая власть готова смело предоставить ей маленькие парламентские победы и большие конституционные проекты, лишь бы она тем временем овладела действительно решающими позициями. Она смело может признавать революцию в палате, если только революция вне палаты обезоруживается».

Мне нечего доказывать, как правилен был этот взгляд. Вы сами знаете, как параллельно с ростом мощи левой в парламенте уничтожена была мощь народной партии *вне* палаты. Должен ли я перечислять вам оставшиеся безнаказанными зверства прусской солдатчины в бесчисленных городах, осадные положения, разоружение во многих случаях гражданского ополчения и, наконец, геройский поход Брангеля против Берлина, чтобы показать вам, как была реально разоружена революция и как старая власть завладела фактически всеми главными позициями?

И под конец — замечательное пророчество: «Левая в одно прекрасное утро убедится, что ее парламентская победа совпадает с ее реальным поражением».

Как буквально оправдалось это! Тот самый день, когда левая получила, наконец, в палате большинство, был днем ее реального поражения. Именно парламентские победы левой повлекли за собой государственный переворот 9 ноября, перенесение в другое место и

отсрочку Национального собрания и, наконец, роспуск его и октроирование конституции. Парламентская победа левой совпала в точности с ее полным поражением вне парламента.

Это столь буквально оправдавшееся предсказание есть, милостивые государи, итог, вывод, извлеченный нами из творившихся по всей Германии, а в частности и в Кельне, насилий. И после того осмеливаются говорить о слепой страсти к поношению? Не похоже ли в действительности все дело на то, что мы, милостивые государи, предстали перед вами, чтобы отвечать за преступление, состоящее в том, что мы правильно указали на правильные факты и извлекли из них правильные выводы?

Резюмирую: вы, господа присяжные, решаете в этот момент вопрос о свободе печати в Рейнской провинции. Если прессе должно быть запрещено сообщать о том, что происходит на ее глазах, если при каждом невыясненном факте она должна ожидать, пока будет произнесен приговор, если она должна справляться у каждого чиновника, — начиная с министра и кончая жандармом, — не задеваются ли приводимыми фактами их цепетильность или честь, не обращая внимания на то, верны ли факты или нет, — если печать ставят перед дилеммой — или исказить события, или замалчивать их, то свободе печати приходит конец, и если, милостивые государи, вы добиваетесь этого, то выносите нам *обвинительный* приговор!

III. ЗЕДТ.

Кельн, 17 февраля.

В каждом местечке есть свой *esprit fort* (острый ум); в кельнском судебном ведомстве тоже имеется таковой. *Esprit fort* кельнского судебного ведомства — некий *Зедт*, *homo novus atque ignotus* (человек новый и неизвестный).

Есть двоякого рода смелость: смелость превосходства и смелость умственного убожества, черпающая свою силу из своего официального положения, из сознания привилегированности своих боевых средств и т. д. Какую смелость из этих двух проявил *esprit fort* кельнского судебного ведомства в своей вчерашней обвинительной речи против Кинкеля, публика решит сама, когда будут опубликованы протоколы судебных заседаний. Она учтет при этом, что г. Зедт еще молод.

Мы находим, однако, что наш публицистический долг обязывает нас познакомить европейскую публику тотчас же с *одним* изречением нашего *esprit fort*. Мы знаем, что Демосфен кельнского судебного ведомства сам пытался загладить это место своей речи последующей интерпретацией. Но мы ценим слишком высоко непосредственные внушения вдохновенного гения, чтобы допустить их искажение посредством ослабляющих комментариев позднейшей рефлексии.

Г-н Зедт, заместитель государственного прокурора, заявил:

По-немецки: «Вы можете опровергать все, что я говорю, но вы не имеете права критиковать мою речь».

По-французски: *M. Saedt, substitut du procureur du roi. s'adressant à l'accusé*:

«*Libre à vous de réfuter tout ce que je viens de dire, mais il ne vous appartient pas de critiquer le réquisitoire d'un substitut du procureur du roi.* (Avis à la «Réforme», à la «République» et à la «Révolution».)

[Г-н Зедт, заместитель королевского прокурора, обращаясь к обвиняемому:

«Вы можете опровергать все, что я сказал, но вы не имеете права критиковать обвинительную речь заместителя королевского прокурора». (К сведению «La Réforme», «La République» и «La Révolution».)]

По-английски: The queen's counsel, Mr. Saedt, to the defendant:

«You may refute all I say, but you have no right to criticize my speech». (NB. Our English contemporaries, principally the «Northern Star», are requested to publish the above.)

[Королевский советник, *м-р Зедт*, заявил обвиняемому:

«Вы можете опровергать все, что я говорю, но вы не имеете права критиковать мою речь». (Просим наших современников англичан, и в особенности «The Northern Star», перепечатать эти слова.)]

По-итальянски: Sig. Saedt, accusatore publico, replicò:

«Dite quanto volete in rifutazione di questo che ho detto, ma vi è difeso di criticare il mio requisitorio». (Avviso all' «Alba», al «Contemporaneo» ed alla «Concordia».)

[*Г-н Зедт*, государственный прокурор, возразил:

«Вы можете говорить, что вам угодно, в опровержение сказанного мною, но вы не имеете права критиковать мою обвинительную речь». (К сведению «Alba», «Contemporaneo» и «Concordia».)]

По-испански: El fiscal, señor Saedt, dijo, hablando al acusado:

«Señor, Usted puede refutar todo que ho dicho; pero el que vengo de decir por requisitorio, es defendido de tocarlo». (Pregamos los jornales radicales de Madrid de publicar esas lineas.)

[Прокурор, *г-н Зедт*, заявил, обращаясь к обвиняемому:

«Вы можете опровергать все, что я говорю, но вы не имеете права касаться того, что мною сказано в обвинительной речи». (Просим радикальные газеты Мадрида перепечатать это заявление.)]

По-датски: «De kunne gjensige alt hvad jeg siger, men De hade inte ret at kritisere mitt Requisitoire (Angreb). (De danske demokratiske Tidender ville vaere meget glaedt at meddele det danske Publikum den foeregaende Beviis af de preussiske Magistraters Sandhed.)

[«Вы можете опровергать все, что я говорю, но вы не имеете права критиковать мою обвинительную речь». (Датские демократические газеты охотно познакомят датскую публику с этим заявлением, свидетельствующим о правдивости прусских магистратов.)]

Пусть г. Зедт решат сам, на каком языке его изречение звучит забавнее всего.

ВТОРОЙ ПРОЦЕСС «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ».

РЕЧЬ МАРКСА.

Господа присяжные заседатели!

Если бы настоящий процесс был возбужден до 5 декабря, обвинение прокуратуры было бы мне понятно. Теперь же, *после* 5 декабря, я решительно не понимаю, каким образом прокуратура может приывать против нас законы, которые попало само правительство.

На чем основывает представитель обвинения свою критику Национального собрания, свою критику постановления о неуплате налогов? На законах от 6 и 8 апреля 1848 г. Но что сделало правительство, когда она 5 декабря собственной властью октроировало конституцию и навязало стране новый избирательный закон? Оно растоптало законы 6 и 8 апреля 1848 г. Эти законы не существуют более для сторонников правительства, — почему же они должны еще существовать для его противников? Правительство стало 5 декабря на *революционную* почву, именно на почву *контр-революции*. По отношению к нему существуют только революционеры или соумышленники. Оно само превратило в бунтовщиков всю массу граждан, которые опираются на существующие законы, которые отстаивают существующий закон против всякого его нарушения. До 5 декабря можно было придерживаться различных взглядов на перемещение Национального собрания, на его насильственный роспуск, на осадное положение в Берлине. После 5 декабря стало бесспорным фактом, что эти мероприятия служили преддверием контр-революции, что поэтому допустимы все средства против фракции, которая сама перестала признавать условия, делавшие ее правительством, а следовательно и страну не могла больше почитаться правительством.

Милостивые государи! Корона могла, по крайней мере, сохранить фикцию законности, но она и этого не сделала. Она могла разогнать Национальное собрание, после чего оно поручило бы министерству обратиться к стране и сказать: «Мы решились на государственный переворот, — нас принудили к этому обстоятельства.

Формально мы переступили пределы закона, но бывают критические моменты, когда на карту ставится само существование государства. В такие моменты существует только *один* нерушимый закон — сохранение государства. Когда мы распускали Национальное собрание, никакой конституции не было. Поэтому мы не могли нарушить конституцию. Зато существовало два органических закона — от 6 и 8 апреля 1848 г. В действительности существовал даже только *один единственный* органический закон — избирательный закон. Мы призываем страну приступить к новым выборам на основании *этого* закона. Перед собранием, вышедшим из этих основных выборов, предстанем мы, *ответственное министерство*. Мы надеемся, что это собрание признает государственный переворот как *спасительный акт*, вынужденный обстоятельствами. Оно задним числом санкционирует этот государственный переворот. Оно скажет, что мы нарушили букву закона, чтобы спасти отечество. Пусть оно решает нашу судьбу».

Если бы министерство поступило таким образом, оно имело бы *тень основания* привлечь нас к вашему суду. Корона спасла бы фикцию законности. Но она этого не могла, она этого *не хотела*.

В глазах короны мартовская революция была грубым поступком. Один грубый поступок может быть искоренен только другим таким же поступком. Кассировав новые выборы на основании апрельского закона 1848 г., министерство *сложилось с себя ответственность*, оно *кассировало тот самый суд, перед которым оно было ответственно*. Обращение Национального собрания к народу превратило оно, таким образом, с самого начала в пустой призыв, в фикцию, в обман. Изобретя первую, основанную на цензовом избирательном праве палату как неотъемлемую часть законодательного собрания, министерство разорвало органические законы, покинуло правовую почву, фальсифицировало народные выборы, лишило народ всякой возможности суждения о «спасительном акте» короны.

Итак, милостивые государи, нельзя отрицать этого факта, ни один позднеший историк не будет его отрицать. Корона совершила революцию, она нарушила существующий правовой порядок, она не может апеллировать к законам, которые она сама так позорно попраала. Когда благополучно совершаешь революцию, можно повесить своих противников, но нельзя произносить над ними судебного приговора. Их можно убрать с дороги как побежденных врагов, но их нельзя судить как преступников. После совершенной революции или контр-революции нельзя обращать ниспровергнутые законы против *защитников* этих законов. Это гнусное лицемерие закон-

ности, которое вы, милостивые государи, не станете санкционировать своим приговором.

Я сказал вам, господа присяжные заседатели, что правительство фальсифицировало мнение народа о «спасительном акте короны». И все-таки народ уже высказался *против* короны — за Национальное собрание. Выборы во вторую палату — единственные законные выборы, ибо только они происходили на основании закона 8 апреля 1848 г.

И почти все, требовавшие неуплаты налогов, избраны опять во вторую палату, многие — дважды и трижды. Даже мой товарищ по обвинению — Шнейдер 2-й — избран депутатом от Кельна. Вопрос о праве Национального собрания постановлять о неуплате налогов, таким образом, фактически уже решен народом. Но и независимо от этого высшего решения вы все, милостивые государи, согласитесь со мной, что здесь нет преступления в обычном смысле слова, что здесь вообще нет нарушения закона, подлежащего вашему разбирательству. При обычных обстоятельствах публичная власть является исполнительницей существующих законов; преступник тот, кто нарушает эти законы или насильственно препятствует публичной власти их выполнять. В нашем случае одна публичная власть нарушила закон; другая публичная власть, — все равно какая, — отстаивала его. Борьба между двумя государственными властями не входит ни в область частного права, ни в область уголовного права.

Вопрос о том, кто был прав, корона или Национальное собрание, — есть исторический вопрос. Все присяжные заседатели, все суды Пруссии, вместе взятые, не в состоянии его разрешить. Есть только одна сила, которая разрешит его: это — история. Поэтому я не понимаю, каким образом могли посадить нас на скамью подсудимых на основании *Code pénal*.

И революционная, и контр-революционная пресса в равной мере признали, что здесь речь идет о борьбе между двумя публичными властями, а спор между двумя властями может разрешить только сила. Это провозгласил незадолго до исхода борьбы даже один правительственный орган. Это признала «Новая прусская газета» — орган ныне правящего министерства. За несколько дней до кризиса она говорила приблизительно следующее: Дело сейчас не в праве, а в силе, и все увидят, что старое божьею милостью королевство еще имеет силу. «Новая прусская газета» верно оценила положение дела. Сила против силы. Спор между ними должна решить победа. Контр-революция победила, но пока закончено только первое действие драмы. В Англии борьба продолжалась свыше двадцати

лет. Карл I неоднократно выходил победителем, но в конце концов он взошел на эшафот. И кто поручится вам, милостивые государи, что теперешнее министерство, что те самые чиновники, которые были и продолжают быть покорным орудием в его руках, не будут осуждены нынешней палатой или ее преемницами как государственные изменники?

Милостивые государи, представитель государственного обвинения пытался обосновать свое обвинение на законах 6 и 8 апреля. Я был вынужден вам доказывать, что именно эти законы снимают с нас обвинение. Но я не скрою от вас, что я никогда не признавал, никогда не буду признавать этих законов. Они никогда не имели силы для избранных народом депутатов, еще менее могли они указывать путь мартовской революции.

Как возникли законы 6 и 8 апреля? Благодаря соглашению правительства с Соединенным ландтагом. Этим путем хотели сохранить преемственную связь со старым правовым порядком и затушевать революцию, именно этот порядок устранившую. Такие деятели, как Кампгаузен и т. п., считали очень важным сохранение фикции правового прогресса. И каким образом сохраняли они эту фикцию? Благодаря ряду очевидных и пошлых противоречий. Встаньте, господа, на одну минуту на старую правовую точку зрения! Разве само существование министра Кампгаузена, *ответственного министра*, министра без чиновничьей карьеры, не было бы беззаконием с старой точки зрения? Положение Кампгаузена, как *ответственного министра-президента*, было бы беззаконием. Этот с точки зрения закона не существующий чиновник созывает Соединенный ландтаг, чтобы через него проводить законы, на принятие которых этот ландтаг *законом* не уполномочен. И эту противоречивую, бьющую в глаза игру формами называли прогрессом законности, сохранением правовой почвы.

Но отвлечемся от формальной стороны дела, милостивые государи! Что такое был Соединенный ландтаг? Представитель старых, отживших общественных отношений. Революция совершилась именно против этих отношений. И представителям побежденного общества предлагают на утверждение органические законы, которые должны признать революцию, направленную против этого старого общества, регулировать эту революцию, организовать ее. Что за пошлое противоречие! Ландтаг был низвергнут вместе со старым королевством. И здесь, милостивые государи, мы сталкиваемся лицом к лицу с пресловутой *правовой почвой*. Я тем более вынужден остановиться на этом, что мы, вполне справедливо, считаемся про-

тивниками правовой почвы и что законы 6 и 8 апреля обязаны своим существованием лишь формальному признанию правовой почвы. Ландтаг являлся представителем прежде всего крупной земельной собственности. А крупная земельная собственность была подлинной основой средневекового *феодалного общества*.

Современное буржуазное общество, наше общество, покоится, наоборот, на промышленности и торговле. Сама земельная собственность утратила все свои прежние условия существования; она стала зависимой от торговли и промышленности. Земледелие ведется поэтому в наши дни на промышленных началах, и старые феодалы опустились до положения фабрикантов скота, шерсти, зерна, свекловицы, водки и т. д., до положения людей, которые, подобно другим торговцам, торгуют этими продуктами промышленности! Как бы ни цеплялись они за свои старые предрассудки, фактически они превращаются в буржуа, производящих как можно больше, с возможно меньшими затратами, покупающих там, где можно дешевле купить, продающих там, где можно дороже продать. Образ жизни, способы производства, источники дохода этих господ вскрывают всю фальшь их традиционного выпрепного самомнения. Земельная собственность, как господствующий общественный фактор, предполагает *средневековый способ производства и обмена*. Соединенный ландтаг представлял этот средневековый способ производства и обмена, который давно перестал существовать и представители которого в такой же мере пользовались выгодами нового общества, в какой держались своих старых привилегий. Новое буржуазное общество, покоящееся на совсем других основах, на изменившемся способе производства, должно было захватить и политическую власть; оно должно было вырвать из рук, представлявших интересы погибающего общества, эту политическую власть, вся организация которой содалась на почве совершенно других материальных общественных отношений. *Вот на какой почве произошла революция*. Революция была, таким образом, направлена в такой же мере против *абсолютной королевской власти*, этого высшего политического выражения старого общества, как и против *сословного представительства*, которое представляло общественный порядок, давно уже уничтоженный современной промышленностью, или, самое большее, остатки разрушенных *сословий*, с каждым днем все более обгоняемых и оттесняемых буржуазным обществом. Каким образом могли прийти к странной мысли предоставить Соединенному ландтагу — этому представителю старого общества — диктовать законы новому обществу, в революции осуществляющему свои права?

Это для того, говорят, чтобы оставаться на правовой почве. Но что же понимаете вы, милостивые государи, под сохранением правовой почвы?

Сохранение законов, относящихся к предшествовавшей общественной эпохе, созданных представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов, возводящих, следовательно, в закон лишь эти интересы, противоречащие общим потребностям.

Но общество покоится не на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот, закон, в противоположность произволу отдельного индивидуума, должен покоиться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей. Вот этот Code pénal, который я держу в руке, не создал современного буржуазного общества. Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII веке и продолжавшее развиваться в XIX, находит в этом кодексе только свое правовое выражение. Как только он перестанет соответствовать общественным отношениям, он превратится в простую пачку бумаги. Вы так же мало можете старые законы сделать основанием нового общественного развития, как эти старые законы не могли создать и старые правовые отношения. Из этих старых отношений возникли они, с ними же должны они и исчезнуть. Они неизбежно изменяются вместе с изменяющимися жизненными отношениями. Сохранение старых законов наперекор новым потребностям и запросам общественного развития есть, в сущности, не что иное, как лицемерное отстаивание не соответствующих времени частных интересов против назревших общих интересов.

Это *сохранение правовой почвы* стремится сделать такие частные интересы *господствующими*, между тем как они *уже не господствуют*; оно стремится навязать обществу законы, которые уже осуждены жизненными условиями этого общества, его способом приобретения средств существования, его обменом, его материальным производством; оно стремится удержать у власти законодателей, которые отстаивают только частные интересы; оно стремится использовать государственную власть так, чтобы интересы большинства насильно подчинить интересам меньшинства. Оно каждую данную минуту становится, таким образом, в противоречие к существующим потребностям, оно тормозит обмен, промышленность, оно подготавливает *общественные кризисы*, которые прорываются в виде *политических революций*. Вот истинный смысл привязанности к правовой почве и сохранения правовой почвы. И на этой фразе о правовой почве, покоящейся на сознательном обмане или бессознательном самообмане, основывали

совыв Соединенного ландтага, заставляли этот ландтаг фабриковать органические законы для Национального собрания, сделавшегося необходимым благодаря революции и порожденного этой революцией. И на основании этих законов хотят судить Национальное собрание!

Национальное собрание представляло современное буржуазное общество, в противоположность феодальному обществу, представленному в Соединенном ландтаге. Оно было выбрано народом, чтобы самостоятельно выработать конституцию, которая соответствовала бы жизненным условиям, пришедшим в столкновение с существующим политическим строем и с существующими законами. Оно было, в силу этого, с самого начала суверенным, учредительным собранием. И если оно опустилось до соглашательской точки зрения, то это была лишь чисто формальная вежливость по отношению к короне, простая церемония. Мне неважно здесь вдаваться в рассмотрение вопроса, имело ли собрание право за счет народа становиться на соглашательскую позицию. Оно придерживалось мнения, что столкновения с короной должны быть устранены доброй волей обеих сторон. Но одно несомненно: законы 6 и 8 апреля, принятые по соглашению с Соединенным ландтагом, были формально недействительны. Материально они имеют только тот смысл, что формулируют и устанавливают условия, при которых Национальное собрание могло бы быть действительным выражением народного суверенитета. Законодательство Соединенного ландтага было лишь формой, при которой корона могла, не унижая себя, признать себя побежденной.

Теперь я перейду, господа присяжные заседатели, к более детальному выяснению речи представителя государственного обвинения.

Представитель обвинения сказал: «Корона отказалась от доли власти, всецело находившейся в ее руках. Даже в обычной жизни отказ от чего-нибудь не идет дальше прямого смысла слов, в которых отказ формулирован. Между тем закон 8 апреля 1848 г. не предоставляет Национальному собранию права отказа в уплате податей и не назначает Берлин непременным местом пребывания Национального собрания».

Милостивые государи, власть в руках короны была *сильно подорвана*; корона отказалась от доли власти, чтобы спасти ее обломки. Вы помните, милостивые государи, как король, тотчас же по вступлении на престол, клялся в Кенигсберге и Берлине честным словом, что никогда не согласится дать конституцию. Вы помните, как

король в 1847 г. при открытии Соединенного ландтага торжественно присягал, что не потерпит клочка бумаги между собою и *своим* народом. А между тем король, после мартовских событий 1848 г., сам себя провозгласил в пожалованной конституции *конституционным* королем. Он поставил между собою и своим народом это абстрактное отрещье — клочок бумаги. Решится ли представитель государственного обвинения утверждать, что король *добровольно* опроверг таким наглядным образом свои торжественные уверения, что он добровольно повинился перед всей Европой в непростительной непоследовательности, допустив соглашение или конституцию. Король сделал те уступки, к которым его *принудила* революция.

Ни более, ни менее.

Сравнение представителя прокуратуры относительно условий обычной жизни, к сожалению, ничего не доказывает. Конечно, если я отказываюсь, то отказываюсь только от того, от чего отказываюсь *совершенно определенно*. Если я вам делаю подарок, то с вашей стороны было бы поистине наглостью требовать от меня, в силу моей дарственной грамоты, дальнейших приношений. Но дарил-то после мартовских событий как раз народ; получала подарок корона. Само собою разумеется, что характер подарка должен устанавливаться дарителем, а не получателем, — народом, а не короной.

Неограниченная власть короны была сломлена. Народ победил. Обе стороны заключили перемирие, и народ был обманут. Что народ был обманут, — это, милостивые государи, взял на себя труд доказать вам сам представитель государственного обвинения. Чтобы оспаривать право Национального собрания на отказ в разрешении взимать налоги, представитель обвинения обстоятельно излагал вам, что если нечто в этом роде и было в законе 6 апреля 1848 г., то уж в законе 8 апреля 1848 г. мы этого отнюдь не находим. Итак, этот промежуток времени был употреблен на то, чтобы через два дня отнять у народных представителей те права, которые за два дня перед тем были им предоставлены.

Мог ли представитель обвинения более блестяще скомпрометировать *честность* короны, мог ли он доказать более неопровержимо, что народ *хотели обмануть*?

Далее, представитель обвинения говорит: «Право *перенесения* или *отсрочки* заседаний Национального собрания есть функция исполнительной власти и признано во всех конституционных странах».

Что касается права *исполнительной власти переносить* заседания законодательных палат, то я предлагаю представителю обвинения привести в доказательство этого утверждения хотя бы один

закон или пример. В Англии, например, король мог бы в силу старого исторического права созвать парламент в любом месте. Нет закона, который назначал бы Лондон законной резиденцией парламента. Вы ведь знаете, милостивые государи, что в Англии самые крупные политические свободы санкционированы обычным правом, а не писанным законом. Так, например, обстоит дело со свободой печати. Но что касается пожелания какого-нибудь английского министерства перенести парламент из Лондона в Виндзор или Ричмонд, достаточно выразить его, чтобы увидеть всю его невозможность.

Правда, в конституционных странах корона имеет право *отсрочивать* заседания палат. Но не забывайте, что, с другой стороны, во всех конституциях установлено, *на сколько времени* могут быть отсрочены заседания палат, после какого срока они снова должны быть созваны. В Пруссии не было никакой конституции, — ее предстояло только создать; не было установлено никакого законного срока созыва отсроченной палаты, — не существовало, следовательно, и права короны на отсрочку. Иначе корона могла бы отсрочить палаты на 10 дней, на 10 лет, навсегда. В чем была гарантия, что палаты будут когда-нибудь созваны или что они будут беспрепятственно заседать? Существование палат на-ряду с короной было предоставлено благоусмотрению короны, законодательная власть, — если здесь вообще может быть речь о законодательной власти, — превращена в фикцию.

Милостивые государи, вы видите на этом примере, к чему приводит попытка применить к конфликту между прусской короной и прусским Национальным собранием масштаб отношений, существующих в конституционных странах. *Она приводит к признанию абсолютной королевской власти.* С одной стороны, короне предоставляются права конституционной исполнительной власти, с другой стороны — нет закона, нет обычая, нет органического учреждения, которые налагали бы на нее ограничения, свойственные конституционной исполнительной власти. Народному представительству ставится требование: при *абсолютном* короле ты должно играть роль *конституционной палаты!* Нужно ли еще разъяснять, что в данном случае не было противопоставления *исполнительной и законодательной власти*, что принцип конституционного разделения властей не может быть применим к прусскому *Национальному собранию* и прусской короне?

Отвлечитесь от революции, придерживайтесь только официальной *теории соглашения.* Даже по этой теории друг против друга стояли суверенные власти. Нет сомнения, из этих двух властей одна

должна была уничтожить другую. Две суверенные власти не могут одновременно, бок о бок, функционировать в *одном государстве*. Это — нелепость вроде квадратуры круга. Спор между двумя верховными властями должна была решить материальная сила. Но нам теперь не приходится останавливаться на вопросе о том, возможно ли было соглашение или невозможно.

Во всяком случае, две власти вступили в соприкосновение, чтобы заключить договор. И сам Кампгаузен допускал, что договор не состоится. С трибуны указывал он сторонникам соглашения на опасность, грозящую стране, если соглашение не состоится. Опасность заключалась в том первоначальном положении, какое занимало по отношению к короне Национальное собрание, которое должно было установить соглашение, а после этого хотят Национальное собрание сделать ответственным за эту опасность, отрицая его первоначальное положение, превращая собрание в конституционную палату! Хотят разрешить затруднение, отвлекаясь от него!

Мне кажется, я доказал вам, господа, что корона не имела права ни переносить, ни отсрочивать собрание, с которым предстояло установить соглашение.

Но представитель обвинения не ограничился анализом вопроса, имела ли корона *право* перенести Национальное собрание; он старается доказать *целесообразность* этого перенесения. «Не было ли бы целесообразно, — восклицает он, — если бы Национальное собрание последовало решению короны и перебралось в Бранденбург?» Представитель обвинения находит, что целесообразность такого поступка обуславливается самым положением палаты. Она была несвободна в Берлине и т. д. Но разве не ясна цель, которую преследовала корона, перенося собрание? Разве сама корона не сняла всякие прикрасы с официально приведенных мотивов этого перенесения? Дело было вовсе не в свободе обсуждения, — дело было в том, чтобы распустить собрание и октроировать конституцию или путем созыва сговорчивых заместителей создать фиктивное представительство. Когда же, вопреки ожиданию, в Бранденбурге оказалось дееспособное число депутатов, тогда отбросили всякое лицемерие и объявили Национальное собрание распущенным.

Впрочем, само собой понятно, что корона не имела права объявлять Национальное собрание свободным или несвободным. Никто, кроме самого собрания, не мог решать, имеет ли оно необходимую свободу обсуждения или не имеет. Что может быть удобнее для короны, как при всяком неприятном для нее постановлении Нацио-

нального собрания объявлять его несвободным, безответственным, налагать на него запрет!

Представитель обвинения говорил также об обязанности правительства охранять достоинство Национального собрания от терроризма берлинского населения. Этот аргумент звучит как сатира на правительство. Я уже не буду говорить об обращении с отдельными лицами, а эти лица были все же избранными представителями народа. Их всячески старались унижить, подвергали самым гнусным преследованиям, самой дикой травле.

Но не будем говорить о лицах. Как оберегали достоинство Национального собрания в *его работах*? Его архивы были отданы на произвол солдатчины, которая документами отделений, королевскими посланиями, проектами законов, подготовительными работами раскуривала трубки, топила печи, топтала их ногами.

Не соблюдали даже обычных форм делопроизводства, — архив захватили, не составив даже его инвентаря. Явно стремились уничтожить все делопроизводство, так дорого обошедшееся народу, чтобы иметь возможность больше оклеветать собрание, чтобы стереть с лица земли планы реформ, ненавистные правительству и аристократам. Не смешно ли, после всего этого, утверждать, что правительство перенесло Национальное собрание из Берлина в Бранденбург из-за одной нежной заботливости об его достоинстве?

Перехожу к аргументации представителя обвинения относительно *формальной силы* постановления об отказе в разрешении взимать налоги. Чтобы сделать постановление об отказе от уплаты налогов формально-законным постановлением, — говорит представитель обвинения, — собрание должно было представить это постановление на *санкцию короны*.

Но корона, милостивые государи, не находилась в непосредственных сношениях с собранием, — ее представляло министерство Бранденбурга. И, следовательно, с этим министерством Бранденбурга, — этой нелепости требует представитель обвинения, — собрание должно было договориться, чтобы объявить это министерство повинным в государственной измене, чтобы отказать ему в уплате налогов! Такое требование имеет один только смысл: Национальное собрание должно было решиться на безусловное подчинение всякому требованию министерства Бранденбурга.

Постановление об отказе в разрешении взимать налоги было формально недействительно еще и потому, — говорит представитель прокуратуры, — что только при *втором чтении* предложение может стать законом.

С одной стороны, не соблюдают *существенных* форм, которые обязаны выполнять по отношению к Национальному собранию; с другой стороны, требуют от Национального собрания соблюдения самых несущественных *формальностей*.

Нет ничего проще! Какое-нибудь неприятное для короны предложение проходит в первом чтении, — тогда второму чтению препятствуют силой оружия, и закон остается недействительным, так как не было второго чтения. Представитель государственного обвинения упускает из виду исключительные обстоятельства, при которых народные представители, под угрозой штыков, приняли это постановление. Правительство совершает насилие за насилием. Оно, не считаясь ни с чем, нарушило важнейшие законы, нарушило Habeas Corpus Act, как и закон о гражданской милиции. Оно произвольно вводит неограниченный военный деспотизм под фирмой осадного положения. Оно грубо разгоняет самих народных представителей. И в то время как одна сторона бесстыдно нарушает *все законы*, от другой стороны требуют самого тщательного соблюдения даже *регламента!*

Я не знаю, милостивые государи, умышленное ли это извращение, — я далек от мысли предполагать возможность такого извращения со стороны представителя обвинения, — или это простое неведение, когда он говорит: «Национальное собрание не хотело *посредничества*», оно «не искало посредничества».

Если народ упрекает за что-нибудь берлинское Национальное собрание, то именно за его желание посредничества во что бы то ни стало. Если члены этого собрания сами испытывают раскаяние, то это — раскаяние по поводу их стремления к соглашениям. Именно это стремление к соглашениям постепенно оттолкнуло от него народ, именно оно привело собрание к тому, что оно потеряло свои позиции, и когда оно же поставило собрание под удары короны, последнее не имело за собою нации. Когда же Собрание захотело, наконец, проявить волю, оно оказалось одиноким и бессильным, ибо тогда, когда это нужно было, оно воли не имело и не умело проявлять ее. Впервые проявило оно эту соглашательскую страсть, когда отреклось от революции и санкционировало *теорию соглашения*, когда оно с позиции революционного Национального собрания опустилось до положения двусмысленного общества соглашателей. Оно довело страсть к посредничеству до крайности, когда объявило действительным фиктивное признание Пфулем предложенного Штейном приказа по армии. Само распубликование этого приказа по армии превратилось в пустой фарс, ибо он мог быть

только комическим повторением врангелевского приказа по армии. И, тем не менее, вместо того, чтобы превзойти этот приказ, собрание ухватило обеими руками за более слабую, лишенную всякого содержания переделку этого приказа министерством Пфуля.

Чтобы избежать всякого серьезного конфликта с короной, собрание приняло пустой намек на демонстрацию против старой реакционной армии за действительную демонстрацию. То, что не было даже видимостью разрешения конфликта, оно лицемерно объявляло действительным его разрешением. Так мало жажды борьбы, так много посреднических поползновений проявило это собрание, которое представитель обвинения изображает сборищем каких-то дерзких забияк!

Должен ли я указать еще на один симптом, свидетельствующий о посреднической страсти этой палаты? Вспомните, милостивые государи, о соглашении Национального собрания с Пфулем относительно приостановки действия закона о выкупе. Если собрание не сумело раздавить врага в лице армии, ему прежде всего надлежало приобрести друга в лице крестьянства. Но и от этого оно отказалось. Ему казалось важнее всего, важнее интересов его собственного самосохранения, посредничать, избегать конфликта с короной, избегать его во что бы то ни стало. И это собрание упрекают, что оно не хотело посредничества, что оно не искало посредничества? Оно даже пыталось прибегнуть к посредничеству, когда конфликт уже разразился. Вы знаете, милостивые государи, брошюру *Унру* (Unruh), сторонника центра. Вы видели из нее, чего только не пробовали, чтобы избежать разрыва, как посылали к короле делегации, которые не были допущены к королю, как отдельные депутаты пытались убедить министров, которые с высокомерным важничаньем отказывались их принять, как собрание хотело идти на уступки, которые были осмеяны. Собрание все еще пыталось заключить мир даже в тот момент, когда оставалось только готовиться к войне.

И это собрание представитель прокуратуры обвиняет в том, что оно не хотело посредничества, что оно не пыталось достигнуть посредничества!

Берлинское национальное собрание предавалось, очевидно, величайшей иллюзии, не понимало своего собственного положения, условий своего собственного существования, когда оно перед конфликтом и даже *во время* конфликта считало возможным и старалось осуществить мирное соглашение, посредничество с короной.

Корона не хотела посредничества, она не могла хотеть посредничества. Не будем обманывать себя, господа присяжные заседатели,

относительно характера борьбы между Национальным собранием и короной, разразившейся в марте и продолжавшейся вслед за тем. Речь идет здесь не об обычном конфликте между министерством и парламентской оппозицией, речь идет не о конфликте между людьми, которые были министрами, и людьми, которые хотели стать министрами, речь идет не о партийной борьбе двух политических фракций в одной законодательной палате. Возможно, что члены Национального собрания, принадлежащие к большинству или к меньшинству, так думали. Но решающим моментом является здесь не *мнение* соглашателей, а *реальное историческое положение Национального собрания*, порожденное европейской революцией и обусловленной ею мартовской революцией. То, что здесь происходило, не было политическим конфликтом двух фракций на почве *одного* общества, — это был *конфликт двух обществ*, социальный конфликт, принявший политическую форму, — это была борьба старого *феодално-бюрократического общества с современным буржуазным обществом*, борьба между обществом *свободной конкуренции и обществом цехового строя*, между обществом землевладения и обществом промышленности, между обществом веры и обществом знания.

Соответствующим *политическим* выражением старого общества была корона божьей милостью, опекающая бюрократия, самостоятельная армия. Соответствующей *социальной* основой этой старой политической власти было привилегированное дворянское землевладение с его крепостными или полукрепостными крестьянами, мелкая промышленность, патриархальная или организованная на цеховых началах, обособленные друг от друга сословия, противоположность города и деревни и — главное — господство деревни над городом.

Старая политическая власть, — корона божьей милостью, опекающая бюрократия, самостоятельная армия, — чувствовала, что ее собственная материальная основа исчезает из-под ее ног, как только затевалось покушение на основы старого общества — на привилегированное дворянское землевладение, на само дворянство, на господство деревни над городом, на зависимость деревенского населения и на законодательство, соответствующее всем этим условиям жизни, — общинное устройство, уголовное законодательство и т. п. Национальное собрание совершило такое покушение.

С другой стороны, это старое общество чувствовало, что из его рук вырывается политическая власть, как только корона, бюрократия и армия лишались своих феодальных привилегий. А Национальное собрание хотело отменить эти привилегии. Нет ничего

удивительного поэтому, что армия, бюрократия, дворянство соединенными силами побуждали корону совершить насильственный переворот, нет ничего удивительного, что и корона, которая знала, что ее собственные интересы теснейшим образом связаны со старым феодально-бюрократическим обществом, дала себя толкнуть на государственный переворот. *Корона* была *представительницей* именно феодально-аристократического общества, как *Национальное собрание* было *представителем* современного буржуазного общества. Условия существования этого последнего требуют, чтобы бюрократия и армия, которые прежде были господами торговли и промышленности, стали их орудиями, простыми органами буржуазного обмена. Буржуазное общество не может терпеть, чтобы земледелие было стиснуто феодальными привилегиями, а промышленность — бюрократической опекой. Это противоречит его жизненному принципу свободной конкуренции. Оно не может терпеть, чтобы внешние торговые отношения регулировались не интересами национального производства, а соображениями международной придворной политики. Оно должно подчинять финансовое управление потребностям производства, в то время как старое государство вынуждено подчинять производство потребностям короны божьей милостью и штопанью прорех милитаризма — социальной опоры этой короны. Подобно тому как современная промышленность фактически нивелирует все, так и современное общество должно уничтожать всякие правовые и политические преграды между городом и деревней. В этом обществе существуют еще *классы*, но нет больше *сословий*. Его развитие определяется борьбой этих классов, но последние объединяются против сословий и их королевства божьей милостью.

Королевство божьей милостью, это высшее политическое выражение, *высший* политический представитель старого феодально-бюрократического общества, не может поэтому делать современному буржуазному обществу никаких *искренних* уступок. Его собственный инстинкт самосохранения, стоящее за ним общество, на которое оно опирается, постоянно будут его снова побуждать брать назад сделанные уступки, сохраняя феодальный характер, пытаться произвести контр-революцию.

После каждой революции контр-революция является постоянно возобновляющимся условием существования короны.

С другой стороны, и современное общество не может оставаться бездейственным, пока оно не разрушит и не устранил официально унаследованную власть, при помощи которой насильственно держится

еще старое общество. Господство короны Божьей милостью и есть господство устаревших общественных элементов.

Итак, не может быть мира между этими двумя обществами. Их материальные интересы и потребности вызывают между ними борьбу не на жизнь, а на смерть. Одно должно победить, другое должно пасть. Это — единственно возможное соглашение между ними. А потому не может быть мира и между высшими представителями обоих этих обществ — между короной и народным представительством. И Национальному собранию предстояло поэтому только одно из двух: либо уступить старому обществу, или выступить против короны как самостоятельная сила.

Милостивые государи! Представитель государственного обвинения характеризовал *отказ в разрешении взимать налоги* как мероприятие, «которое потрясает *устои общества*». Отказ в разрешении взимать налоги не имеет ничего общего с устоями общества.

Чем объясняется, милостивые государи, что налоги, разрешение взимать налоги и отказ от уплаты их играют такую важную роль в истории конституционализма? Объясняется это очень просто. Как крепостные наличными деньгами выкупают у феодальных баронов привилегии, так и целые народы выкупают привилегии у феодальных королей. Королям нужны были деньги на их войны с иностранными народами и, особенно, на борьбу с феодалами. Чем больше развивались торговля и промышленность, тем больше денег им нужно было. Но в такой же мере развивалось и третье сословие, буржуазное сословие, в такой же мере росли и денежные средства, которыми оно располагало. В такой же мере выкупало оно у королей налогами все больше свобод. Чтобы обеспечить себе эти свободы, оно оставило за собой право возобновлять денежное обложение в определенные сроки, — право разрешать взимание налогов и право отказываться от их взимания. В английской истории можно особенно детально проследить этот процесс.

В средневековом обществе налоги были, следовательно, единственной связью между нарождающимся буржуазным обществом и господствующим феодальным государством, — связью, благодаря которой государство вынуждено было делать буржуазии уступки, приспособляться к ее росту, считаться с ее потребностями. В современных государствах это право разрешать налоги и отказываться от них превратилось в контроль буржуазного общества над органом, управляющим его общими делами, т. е. над правительством.

Частичный отказ в разрешении взимать налоги является поэтому неотъемлемой частью всякого конституционного порядка. Этот

вид отказа в праве взимать налоги имеет место каждый раз, когда отвергается *бюджет*. Текущий бюджет разрешается только на определенный срок. Сверх того, распущенные палаты должны снова созываться после очень короткого перерыва. Восстановление независимости короны, таким образом, невозможно. Отклонение бюджета означает окончательный *отказ* в праве взимать налоги, пока новая палата не даст министерству большинства или пока корона не назначит министерства, соответствующего настроению новых палат. Отклонение бюджета является, таким образом, *парламентской формой отказа от уплаты налогов*.

В рассматриваемом нами конфликте эта форма была неприменима, так как конституции еще не было, — ее предстояло еще только создать.

Но отказ в праве взимать налоги в том виде, как он сейчас рассматривается, — отказ в праве взимать налоги, не только отвергающий новый бюджет, но воспреещающий даже уплату текущих налогов, тоже не представляет собою ничего небывалого. В средние века к нему прибегали очень часто. Даже старый немецкий рейхстаг и старые феодальные бранденбургские сословия принимали постановления о неуплате налогов. И современные конституционные страны дают нам достаточно примеров. В 1832 г. отказ от уплаты налогов в Англии привел к падению министерства Веллингтона. И, заметьте, милостивые государи, в Англии не парламент постановил не платить налогов, а сам народ собственной властью провозгласил и осуществил этот акт. А Англия, это — историческая страна конституционализма.

Я очень далек от того, чтобы отрицать все значение подобных актов. Английская революция, приведшая Карла I на эшафот, началась с отказа от уплаты налогов. Северо-американская революция, окончившаяся провозглашением независимости Северной Америки от Англии, началась с отказа от уплаты налогов. Такой отказ может и в Пруссии оказаться предвестником весьма тяжелых событий. Но не Джон Гэмпден возвел Карла I на эшафот, а его собственное упорство, его зависимость от феодальных сословий, его фантастическая идея подавить силою непреборимые требования нарождающегося общества. Отказ от уплаты налогов является лишь симптомом раскола между короной и народом, лишь доказательством того, что конфликт между правительством и народом достиг напряженной, грозной степени. Не он вызывает расколы и конфликты, — он только свидетельствует об их наличии. В худшем случае он влечет за собою падение существующего правительства, существующей формы государства. Устои общества этим совершенно не затрагиваются. В

данном же случае отказ от уплаты налогов является средством самообороны общества от правительства, угрожающего его устоям.

Представитель государственного обвинения упрекает нас, наконец, в том, что мы в инкриминируемом воззвании идем дальше, чем само Национальное собрание. «Раз Национальное собрание не опубликовало своего постановления...» Должен ли я серьезно отвечать, милостивые государи, на то, почему постановление об отказе от уплаты налогов не было опубликовано в *Собрании законов*? Но ведь Национальное собрание не взывало, как мы, к *насилию*, вообще не становилось, как мы, на революционную почву, а хотело удержаться на законной почве.

Прежде представитель обвинения изображал Национальное собрание как незаконное, теперь считает его уже законным, — все для того только, чтобы показать нашу преступность. Раз взимание налогов объявляется незаконным, разве я не обязан насильственно сопротивляться насильственному совершению беззакония? Даже с этой точки зрения были мы в праве насилеием давать отпор насилию. Впрочем, совершенно верно, что Национальное собрание хотело оставаться на чисто законной почве, на почве пассивного сопротивления. Перед ним было два пути: либо путь революционный, — по этому пути оно не пошло, эти господа не хотели рисковать своими головами, — либо отказ от уплаты налогов, который оставался и при пассивном сопротивлении. На этот путь Национальное собрание вступило. Но народ должен был при осуществлении отказа от уплаты налогов стать на революционную почву. Поведение Национального собрания отнюдь не определяло поведения народа. Национальное собрание не имело никаких прав для себя, — народ доверил ему только защиту своих собственных прав. Раз оно не исполняет данного ему мандата — оно перестает существовать. Тогда сам народ лично выступает на сцену и действует на основании полноты своей власти. Если бы какое-нибудь Национальное собрание продало себя, например, какому-нибудь изменническому правительству, народ должен был бы прогнать обоих — и правительство, и Национальное собрание. Когда корона совершает контр-революцию, народ с полным правом отвечает революцией. Для этого ему не нужно согласия никакого Национального собрания. А что прусское правительство пытается совершить государственную измену — это признало само Национальное собрание.

Резюмирую вкратце мою речь, господа присяжные заседатели. Представитель государственного обвинения не может выдвигать против нас законы 6 и 8 апреля 1848 г. после того, как сама корона

разорвала их. Эти законы сами по себе ничего не решают, так как они являются произвольными построениями Соединенного ландтага. Принятое Национальным собранием постановление об отказе в праве взимать налоги было действительным — и формально, и материально. Мы в своем воззвании пошли дальше, чем Национальное собрание. Это было наше право и наша обязанность.

В заключение повторяю, что закончено только первое действие драмы. Борьба между двумя обществами — средневековым и буржуазным — будет снова вестись в политических формах. Те же конфликты опять начнутся, лишь только снова откроется Собрание. Уже орган министерства «Новая прусская газета» пророчит: опять выбирали те же люди, — придется второй раз разгонять Собрание.

Но на какой бы новый путь ни вступило новое Национальное собрание, неизбежный результат может быть только один: *полная победа контр-революции — или новая победоносная революция!*

Быть может, победа революции возможна будет только после контр-революции.

ВЕНГРИЯ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА В ВЕНГРИИ.

Кельн [без даты]

В то время как в Италии в течение последнего лета и осени уже имел место первый ответный удар, направленный против контр-революции, на венгерской равнине заканчивается последняя борьба угнетателей против движения, вышедшего непосредственно из февральской революции. Новое итальянское движение представляет пролог движения 1849 г., война против мадьяр — эпилог движения 1848 г. Этот эпилог, вероятно, перейдет еще в новую драму, которая подготавливается в тиши.

Этот эпилог отличается таким же героическим характером, как первые, быстро следовавшие одна за другою сцены революционной трагедии 1848 г., как падение Парижа и Вены; его героический характер приятно выделяется после частью бесцветных, частью мелких сцен промежуточного периода с июня по октябрь. Последний акт 1848 г. переходит через терроризм в первый акт 1849 г.

Впервые в революционном движении 1848 г., впервые после 1793 г. нация, окруженная превосходными силами контр-революции, осмеливается противопоставить трусливой контр-революционной ярости революционную страсть, противопоставить *terreur blanche* (белому террору) *terreur rouge* (красный террор). Впервые после долгого времени мы видим истинно-революционный характер, человека, который осмеливается поднять во имя своего народа перчатку отчаянной борьбы, который воплощает для своего народа в одном лице Дантона и Карно, — Людвиг Кошута.

Перевес сил был ужасающий. Вся Австрия, — и во главе ее 16 миллионов фанатизированных славяп, — против 4 миллионов мадьяр.

Массовое восстание, национальную фабрикацию оружия, ассигнации, быструю расправу со всяким, кто задерживает революционное движение, перманентную революцию, — словом, все основные черты славного 1793 г. мы встречаем опять в Венгрии, вооруженной, организованной и вдохновленной Кошутом. Этой революционной

организации, которая под страхом гибели должна быть закончена, так сказать, в 24 часа, не доставало в Вене; иначе Виндишгрец в нее не вступил бы. Мы увидим, вступит ли он в Венгрию, несмотря на эту революционную организацию.

Присмотримся поближе к борьбе и борющимся партиям.

Австрийская монархия возникла из попытки объединить Германию в единую монархию таким же образом, как это делали во Франции французские короли вплоть до Людовика XI. Эта попытка потерпела крушение из-за жалкой провинциальной ограниченности как немцев, так и австрийцев и из-за мелко-торгашеского характера габсбургского дома. Вместо всей Германии Габсбурги получили только те южно-германские земли, которые находились в непосредственной борьбе с разрозненными славянскими племенами или в которых немецкая феодальная аристократия и немецкое городское население вместе господствовали над угнетенными славянскими племенами. В обоих случаях немцы каждой провинции нуждались в поддержке извне. Такою поддержкою являлось их объединение против славян, а это объединение совершилось в виде соединения соответствующих провинций под габсбургским скипетром.

Так возникла немецкая Австрия. Достаточно прочесть в первом попавшемся учебнике истории о том, как возникала австрийская монархия, как она опять распадалась и вновь возникала, все время в борьбе против славян, чтобы убедиться в правильности нашего изложения.

К немецкой Австрии примкнула Венгрия. В Венгрии мадьяры вели такую же борьбу, как немцы в немецкой Австрии. Немецкий клин, вбитый между славянскими варварами в эрцгерцогстве Австрии и Штирии, протянул руку мадыарскому клину, вбитому тоже между славянскими варварами на Лейте. Подобно тому как на юге и на севере, в Богемии, Моравии, Каринтии и Краине, немецкая аристократия господствовала над славянскими племенами, германизировала их и таким образом втягивала их в европейское движение, — так мадыарская аристократия тоже господствовала над славянскими племенами на юге и на севере, в Кроации, Славонии и в прикарпатских землях. Интересы тех и других были одинаковы, их противники были естественными союзниками. Союз между мадыарами и австрийскими немцами представлял необходимость. Не доставало только большого события, сильного нападения на них обоих, чтобы сделать этот союз неразрывным. Таким событием явилось завоевание Византийской империи турками. Турки

угрожали Венгрии и во вторую очередь Вене, и Венгрия на столетия неразрывно связалась с габсбургским домом.

Но общие враги их обоих постепенно ослабевали. Турецкая империя потеряла свою силу, а славяне — свою способность выстоять против мадьяр и немцев. Часть немецкой и мадьярской аристократии, господствующей в славянских землях, приняла славянскую национальность, и тем самым славянские нации были заинтересованы в сохранении монархии, которая должна была все более защищать аристократию против развивающейся немецкой и мадьярской буржуазии. Национальные противоречия исчезли, и габсбургский дом переменял свою политику. Тот самый габсбургский дом, который взобрался на германский императорский трон на плечах немецкого мещанства, стал более решительным, чем какая-либо другая династия, защитником феодальной аристократии против буржуазии.

В таком духе участвовала Австрия в разделе Польши. Богатые галицийские старосты и воеводы, Потоцкие, Любомирские и Чарторыйские, предали Польшу Австрии и стали вернейшею опорой габсбургского дома, который за это гарантировал им их собственность против покушений низшего дворянства и буржуазии.

Но городская буржуазия все более богатела и приобретала влияние, а прогресс земледелия, идущий вместе с прогрессом промышленности, изменил положение крестьян по отношению к помещикам. Движение буржуазии и крестьян против аристократии становилось все более угрожающим. А так как движение крестьян, которые повсюду являются носителями национальной и локальной ограниченности, необходимо принимает локальный и национальный характер, то вместе с ним опять всплыли старые национальные споры.

Такое положение вещей помогло Меттерниху провести свой шедевр. Он лишил дворянство, за исключением могущественнейших феодальных баронов, всякого влияния на государственное управление. Буржуазию он обессилил тем, что привлек на свою сторону самых могущественных финансовых баронов, — он должен был это сделать, этого требовали финансы. Опираясь таким образом на высшую феодальную и финансовую знать, на бюрократию и армию, он больше всех своих соперников осуществил идеал абсолютной монархии. Буржуазию и крестьянство каждой национальности он держал в подчинении при помощи аристократии той же национальности и крестьян других национальностей; аристократию каждой национальности — страхом перед буржуазией и крестьянством той же национальности. Различные классовые интересы, национальная ограниченность и локальные предубеждения, при всей своей сложности, очень

хорошо уравнивали друг друга и позволяли старому плуту Меттерниху свободно маневрировать. Насколько успел он в этом деле взаимного натравливания наций, показывают галицийские убийства, когда Меттерних подавил демократическое польское движение, начатое в интересах крестьянства, при помощи религиозно и национально фанатизированных русинских крестьян.

1848 г. первоначально создал в Австрии страшный хаос, сделав на минуту свободными все эти различные нации, до тех пор благодаря Меттерниху порабоцевавшие одна другую. Немцы, мадьяры, чехи, поляки, моравы, словаки, хорваты, русины, румыны, иллирийцы, сербы вступали во взаимные конфликты, в то время как внутри каждой из этих наций отдельные классы тоже боролись друг с другом. Но скоро в этом хаосе возник порядок. Борющиеся разделились на два большие лагеря: на стороне революции оказались немцы, поляки и мадьяры, на стороне контр-революции остальные, т.-е. все славяне, кроме поляков, румыны и саксы из Семиградья.

Откуда появилось это разделение наций, какими причинами оно объясняется?

Это разделение соответствует всей прежней истории данных наций. Это начало кризиса, который должен решить, какие из этих больших и малых наций способны к жизни и какие осуждены на гибель.

Это доказывает вся прежняя история Австрии вплоть до сегодняшнего дня, это же подтвердил и 1848 г. Среди всех народов и народов Австрии только три были носителями прогресса, активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это — немцы, поляки, мадьяры. Поэтому они теперь революционны.

Ближайшая миссия всех остальных больших и малых племен и народов — погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контр-революционны.

По вопросу о Польше мы отсылаем читателя к нашей статье о польских дебатах во Франкфурте. Чтобы укротить ее революционный дух, Меттерних уже апеллировал к русинам; последние отличаются от поляков особым диалектом и православною религией; они издавна принадлежали к Польше и лишь от Меттерниха узнали, что поляки — их угнетатели. Как будто сами поляки не угнетались в старой Польше не менее, чем русины, как будто при австрийском господстве Меттерних не был их общим угнетателем!

В общем поляки и русины благодаря своей истории и географическому положению так резко отделены от Австрии в собствен-

ном смысле слова, что мы должны оставить их в стороне в нашем изложении, чтобы тем лучше разобраться в хаосе остальных народов.

Однако отметим еще то, что поляки обнаружили большое политическое понимание и истинное революционное чувство, выступая теперь против панславистской контр-революции в союзе со своими старыми врагами, немцами и мадьярами. Славянский народ, которому свобода дороже славянства, уже одним этим доказывает свою жизнеспособность и тем самым уже гарантирует себе свое будущее.

Перейдем теперь к Австрии в собственном смысле слова.

Расположенная к югу от Судетских и Карпатских гор, в верхней долине Эльбы и в области среднего Дуная, Австрия в эпоху раннего средневековья была страной, населенной исключительно славянами. Эти славяне по языку и нравам принадлежат к той же группе племен, как и турецкие славяне, сербы, босняки, болгары, фракийские и македонские славяне; эта группа, в отличие от поляков и русских, носит название южных славян. Кроме этих родственных славянских племен, вся обширная область от Черного моря до Богемского леса и Тирольских Альп была населена еще на юге Балкан многочисленными греками и в области нижнего Дуная распыленными валахами, говорящими на романском наречии.

В эту компактную славянскую массу вклинились с запада немцы, а с востока — мадьяры. Немецкий элемент завоевал западную часть Богемии и продвинулся по обеим сторонам Дуная вплоть до местности по ту сторону Лейты. Эрцгерцогство Австрия, часть Моравии, большая часть Штирии были германизованы и таким образом отделили чехов и моравцев от жителей Каринтии и Краины. Семиградье и средняя Венгрия вплоть до немецкой границы были таким же образом совершенно очищены от славян и заняты мадьярами, которые отделили здесь словаков и некоторые русинские местности (на севере) от сербов, хорватов и словинцев, подчинив себе все эти народы. Наконец, турки, по примеру византийцев, покорили славян к югу от Дуная и Савы, и историческая роль южных славян была навсегда сыграна.

Последнею попыткою южных славян самостоятельно вмешаться в ход истории были гуситские войны, национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора. Попытка потерпела крушение, и с тех пор все время чехи оставались прикованными к колеснице германской империи.

Напротив, победители славян, немцы и мадьяры, проявили

в дунайских областях историческую инициативу. Без помощи немцев и особенно мадьяр южные славяне превратились бы в турок, как это действительно произошло в Турции, даже в магометан, каковыми поныне еще являются славянские босняки. А это для южных славян Австрии такая большая услуга, что за нее можно заплатить даже переменою своей национальности на немецкую или мадьярскую.

Турецкое нашествие XV и XVI столетий представляло второе издание арабского нашествия VIII века. Победа Карла Мартелла неоднократно повторялась под стенами Вены и на венгерской равнине. Как тогда при Пуатье, как впоследствии во время монгольского нашествия при Вальштатте, так и здесь опасность опять угрожала всему европейскому развитию. А там, где речь шла о спасении последнего, какую роль могли играть несколько давно распавшихся и обессиленных национальностей, тем более, что речь шла и о спасении их самих?

Внутреннее положение было похоже на внешнее. Движущий класс, носительница движения, буржуазия была повсюду немецкая или мадьярская. Славяне вообще с трудом создают свою национальную буржуазию, а у южных славян это имело место только в отдельных случаях. А вместе с буржуазией в руках немцев или мадьяр находились промышленная власть и капитал, развивалась немецкая образованность, и в интеллектуальном отношении славяне тоже подчинялись немцам, вплоть до Хорватии. То же самое произошло — только позднее и потому в более слабой степени — в Венгрии, где мадьяры вместе с немцами стали во главе интеллектуального и коммерческого развития. Но венгерские немцы, хотя и сохранили немецкий язык, стали по духу, характеру и нравам настоящими мадьярами. Только вновь поселившиеся крестьяне-колонисты, евреи и саксы в Семиградьи составляют исключение и упорствуют, сохраняя свою ненужную национальность в чужой стране.

Хотя мадьяры несколько отставали в цивилизации от австрийских немцев, но в последнее время они вполне наверстали эту отсталость своею политической деятельностью. В период с 1830 до 1848 г. в одной только Венгрии была более деятельная политическая жизнь, чем во всей Германии, и феодальные формы старой венгерской конституции были лучше использованы в интересах демократии, чем современные формы южно-германских конституций. А кто стоял здесь во главе движения? Мадьяры. Кто поддерживал австрийскую реакцию? Хорваты и словинцы.

Против этого мадьярского движения, как и против вновь про-

буждающегося политического движения в Германии, австрийские славяне образовали свою лигу — панславизм.

Панславизм возник не в России или Польше, а в Праге и Аграме. Панславизм, это — союз всех маленьких народов и народцев Австрии и во вторую очередь Турции для борьбы против австрийских немцев, мадьяр и, возможно, также турок. Турки принимаются в расчет только случайно и, как совершенно ослабевшая нация, могут остаться совершенно в стороне. Панславизм по своей основной тенденции направлен против революционных элементов Австрии, и потому он с самого начала отличается реакционным характером.

Эту реакционную тенденцию панславизм немедленно обнаружил двойным предательством: своей жалкой национальной ограниченности он принес в жертву единственную славянскую нацию, донныне выступавшую на стороне революции, а именно поляков; он продал себя и Польшу русскому царю.

Непосредственной целью панславизма является восстановление славянского царства от Рудных и Карпатских гор до Черного, Эгейского и Адриатического морей под владычеством России, — царства, которое, помимо немецкого, итальянского, мадьярского, валашского, турецкого, греческого и албанского языков, насчитывало бы приблизительно еще дюжину славянских языков и главных диалектов. Все это целое сдерживалось бы вместе не теми элементами, которые до сих пор сдерживали и развивали Австрию, а абстрактными качествами славянства и так называемым славянским языком, который общ большинству населения. Но где существует это славянство, как не в голове нескольких идеологов, где «славянский язык», как не в фантазии господ Палацкого, Гая и компании и отчасти в старославянском богослужении русской церкви, непонятном ни одному славянину? В действительности все эти народы находятся на самых различных ступенях цивилизации, начиная с весьма высоко развитой (благодаря немцам) современной промышленности и образованности Чехии и кончая почти номадным варварством хорватов и болгар; поэтому в действительности все эти нации имеют самые противоположные интересы. В действительности славянский язык этих десяти-двенадцати наций состоит из такого же числа диалектов, которые друг для друга большею частью непонятны и могут быть даже сведены к различным основным группам (чешская, иллирийская, сербо-болгарская); вследствие полного отсутствия всякой литературы и некультурности большинства этих народов язык их превратился в простонародный говор и, за немногими исключениями, имел всегда над собою в качестве литературного языка

какой-нибудь чужой, неславянский язык. Таким образом, панславистское единство представляет либо чистую фантазию, либо — русский кнут.

И какие нации могут стать во главе этого большого славянского государства? Как раз нации, рассеянные и расколотые в продолжение тысячелетия, насильственным путем получившие от других, неславянских народов приток элементов, способных к жизни и развитию, спасенные от перехода в турецкое варварство победоносным оружием неславянских народов, маленькие племена, повсюду друг от друга отделенные, потерявшие свою национальность, насчитывающие от нескольких тысяч до — самое большее — двух миллионов! Они настолько ослабели, что нация, наиболее сильная и страшная в средние века, болгары, в настоящее время известны в Турции только своим благодушием и мягкосердечием и добиваются славы называться добрыми христианами, *dobre chrisztian!* Имеется ли среди этих наций, не исключая чехов и сербов, хоть одна, которая имела бы национальную историческую традицию, сохраняемую народом и поднимающуюся над мелкими местными спорами?

Панславизм имел свою эпоху, VIII, IX века, когда южные славяне владели еще всею Венгрией и Австрией и угрожали Византии. Если тогда они не смогли противостоять нашествию немцев и мадьяр, если они не смогли добиться независимости и образовать прочное государство даже тогда, когда оба их врага, мадьяры и немцы, находились в ожесточенной взаимной борьбе, — как добьются они этого теперь, после тысячелетнего угнетения и потери национального лица?

Нет ни одной страны в Европе, которая не имела бы в захолустных углах каких-нибудь национальных обломков, остатков прежнего населения, оттесненных и покоренных нацией, которая позднее стала носителем исторического развития. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти отбросы народов становятся каждый раз фанатическими носителями контр-революции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или потери национального своеобразия, как и вообще все их существование является уже протестом против великой исторической революции.

Таковы в Шотландии хайлендеры, опора Стюартов от 1640 до 1745 г.

Таковы во Франции бретонцы, опора Бурбонов от 1792 до 1800 г.
Таковы в Испании баски, опора дон-Карлоса.

Таковы в Австрии панславистские южные славяне; это только

отбросы народов, получившиеся в результате очень запутанного тысячелетнего развития. Вполне естественно, что эти отбросы народов, тоже очень спутанные, видят свое спасение только в регрессе всего европейского движения, которое они хотели бы направить не с Запада на Восток, а с Востока на Запад, что орудием освобождения и объединяющею связью является для них русский кнут.

Южные славяне, таким образом, еще до 1848 г. ясно обнаружили свой реакционный характер; 1848 г. раскрыл его перед всем миром.

Когда поднялась февральская буря, кто устраивал австрийскую революцию? Вена или Прага? Будапешт или Аграм? Немцы и мадьяры или славяне?

Конечно, нельзя отрицать, что среди образованных южных славян существовала маленькая демократическая партия, которая, не отказываясь от своей национальности, хотела отдать ее борьбе за свободу. Эта иллюзия, которой удалось привлечь к себе симпатии и среди западно-европейских демократов, вполне оправдывавшиеся до тех пор, пока славянские демократы участвовали в борьбе с общим врагом, — эти иллюзии были рассеяны бомбардировкою Праги. После этого события все южно-славянские племена, по примеру хорватов, предоставили себя в распоряжение австрийской реакции. Те вожди южно-славянского движения, которые продолжают еще болтать о равноправии наций, о демократической Австрии и т. п., являются либо глупыми фантазерами, как, например, многие газетные литераторы, либо негодьями, как Елачич. Их демократические клятвы стоят не больше, чем демократические клятвы официальной австрийской контр-революции. Довольно! Факт тот, что на практике восстановление юго-славянской национальности начинается самыми свирепыми расправами с австрийскою и мадыарскою революциями; это первая большая услуга, которую эти нации оказывают русскому царю.

Если не считать высшей знати, бюрократии и военщины, то австрийская камарилья нашла поддержку только у славян. Славяне решили падение Италии, славяне штурмовали Вену, славяне в настоящий момент наступают со всех сторон на мадыар. Во главе их выступают: в качестве идейных представителей — чехи с Палацким, а в качестве бойцов — хорваты с Елачичем.

И это — благодарность за то, что немецкая демократическая пресса в июне повсюду выражала сочувствие чешским демократам, когда их расстреливал Виндишгрец, тот самый Виндишгрец, который теперь является их героем.

Ревюмируем:

В Австрии, за исключением Польши и Италии, немцы и мадьяры в 1848 г., как и вообще в продолжение последнего тысячелетия, взяли историческую инициативу в свои руки. Они — представители революции.

Южные славяне, уже тысячу лет тому назад взятые на буксир немцами и мадьярами, поднялись в 1848 г. для восстановления своей национальной независимости только для того, чтобы одновременно подавить немецко-мадьярскую революцию. Они — представители контр-революции. К ним присоединились две нации, тоже давно отжившие и лишенные всякой исторической дееспособности: саксы и румыны из Семиградья.

Габсбургский дом, основавший свою власть на объединении немцев и мадьяр в борьбе против южных славян, отсрочивает последние минуты своего существования при помощи объединения южных славян в борьбе против немцев и мадьяр.

Такова политическая сторона вопроса. Перейдем теперь к военной стороне.

Область, населенная исключительно мадьярами, не занимает и третьей части всей Венгрии и Семиградья. Начиная с Пресбурга, к северу от Дуная и Тиссы, и до Карпатских гор живут несколько миллионов словаков и русин. На юге, между Савою, Дунаем и Дравой, живут хорваты и словенцы; далее к востоку, вдоль Дуная, — сербская колония, насчитывающая более полумиллиона человек. Эти две славянских области связаны через валахов и саксов Семиградья.

Итак, с трех сторон мадьяры окружены естественными врагами. Если бы словаки, занимающие горные проходы, были настроены менее равнодушно, они, — при отличной приспособленности их страны к партизанской войне, — явились бы очень опасными противниками.

Но при данных условиях мадьярам приходится выдерживать с севера только наступление армий со стороны Галиции и Моравии. Напротив, на востоке румыны и саксы поднялись массами и примкнули к тамошним австрийским войскам. Их позиции превосходны, отчасти вследствие горного характера местности, отчасти потому, что они занимают большую часть городов и крепостей.

Наконец, на юге, банатские сербы, поддерживаемые немецкими колонистами, валахами, а также австрийским корпусом, прикрыты огромными Алибунарскими болотами и почти недоступны для нападений.

Хорваты прикрыты Дравой и Дунаем, и так как им дана в по-

мощь сильная австрийская армия со всеми вспомогательными средствами, то они еще до октября двинулись на мадьярскую территорию и без большого труда удерживают теперь свою оборонительную линию на нижней Драве.

Наконец, с четвертой стороны, со стороны Австрии, в настоящее время продвигаются сомкнутыми колоннами Виндишгрец и Елачич. Мадьяры окружены со всех сторон подавляющими силами противников.

Борьба напоминает борьбу против Франции в 1793 г., но с тем отличием, что редко населенная и лишь получивилизованная страна мадьяр далеко не имеет в своем распоряжении тех вспомогательных средств, которые имела тогда французская республика.

Сфабрикованное в Венгрии оружие и снаряжение по необходимости должны быть очень плохого качества; в особенности изготовление артиллерии не может быстро развиваться. Страна значительно меньше Франции, и поэтому всякий дюйм уступленной территории представляет более значительную потерю. У мадьяр остается только их революционный энтузиазм, их смелость и энергическая, быстрая организация, которую сумел дать им Кошут.

Однако это не значит, что Австрия уже выиграла войну. «Если мы не разобьем императорские войска на Лейте, то разобьем их на Рабнице; если не на Рабнице, то разобьем их у Пешта; если не у Пешта, то на Тиссе, но, во всяком случае, мы их разобьем». Так сказал Кошут, и он делает все возможное, чтобы сдержать свое слово.

Даже с падением Будапешта у мадьяр останется еще большая ниже-венгерская степь, местность, как будто нарочно созданная для кавалерийской партизанской войны и имеющая множество почти неприступных пунктов среди болот, где мадьяры могут укрепиться. А мадьяры, почти все мастера в верховой езде, обладают всеми качествами для ведения такой войны. Если императорская армия осмелится вступить в эту пустынную область, где она должна будет весь свой провиант получать из Галиции или Австрии, ибо здесь она буквально ничего не найдет, то трудно предвидеть, как она будет держаться. Продвижение сомкнутыми корпусами здесь невозможно; а разделившись на летучие отряды, она погибнет. Ее тяжеловесность, несомненно, предаст ее в руки легки. мадьярских конных отрядов, без возможности преследовать их там, где ей удастся победить; а каждый отбившийся солдат из императорской армии найдет в каждом крестьянине и пастухе смертельного врага. Война в этих степях подобна алжирской войне, и неуклюжей австрийской армии:

потребуется целые годы, чтобы закончить ее. А мадьяры будут спасены, если смогут удержаться хотя бы несколько месяцев.

Дело мадьяр далеко не так плохо, как хочет нас уверить поджупленный черно-желтый энтузиазм. Они еще не побеждены. Но если они падут, то падут с честью, как последние герои революции 1848 г., и лишь на короткое время. Тогда на один момент славянская контр-революция затопит австрийскую монархию всем своим варварством, и камарилья увидит, каковы ее союзники. Но при первом же победоносном восстании французского пролетариата, которое Луи-Наполеон всеми силами старается вызвать, австрийские немцы и мадьяры освободятся и кровавою мезтью заплатят славянским варварам. Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет эту славянскую лигу и сотрет с лица земли даже имя этих маленьких наций с бычьими головами.

В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом.

«КЕЛЬНСКАЯ ГАЗЕТА» О БОРЬБЕ МАДЬЯР.

Кельн, 17 февраля.

Я, наконец, нащупал почву,
Засел в ней крепко якорь мой —

поет храбрый Шванбек вслед за протестантским молитвенником. Несмотря на «австрийскую ноту» и «чувство глубочайшего возмущения», возмущенный поборник нравственности выступает, наконец, на первой странице «Кельнской газеты» в защиту Виндишгреца.

Слушайте:

«Так называемая демократическая печать Германии стала в австро-венгерском конфликте на сторону мадьяр. Что за странность! Немецкие демократы на стороне той аристократической касты, для которой, несмотря на XIX век, ее собственный народ всегда был *misera contribuens plebs*; немецкие демократы на стороне обнаглевших угнетателей народа!»

Мы не помним ясно, обращали ли мы уже внимание читателей на некую особенность храброго Шванбека, именно на то, что он привык говорить одними придаточными предложениями без главных предложений. Так, вышесказанное как раз является таким придаточным предложением, причем главное предложение, к которому оно относилось, никогда не увидело света божьего. И если бы даже мадьяры были «аристократической кастой обнаглевших угнетателей народа», то что бы это доказывало? Разве Виндишгрец, убийца Роберта Блюма, стал от того хоть на йоту лучше? И что же, хотя ли рыцари «объединенной монархии», непосредственные враги Германии и друзья Шванбека, Виндишгрец, Елачич, Шлик и *tutti quanti*, *подавить* «аристократическую касту», хотя ли они дать свободу крестьянскому землевладению? Разве чехи и кроаты борются за рейнское дробное землевладение и за Кодекс Наполеона?

В 1830 г., когда поляки восстали против России, разве считались с тем, что во главе стояла «аристократическая каста»? Речь шла о том, чтобы изгнать иноземцев. Вся Европа симпатизировала «аристократической касте», которая несомненно возглавляла

движение, так как польская дворянская республика была колоссальным шагом вперед по сравнению с русским самодержавием.

И разве французский избирательный ценз 1830 г., монополизировавший избирательное право в руках 250 000 человек, не был по существу таким же орудием политического порабощения *misera contribuens plebs*, как и польское дворянское владычество? Допустим, что мартовская революция в Венгрии была чисто дворянской революцией. Разве это дает австрийской объединенной монархии право угнетать венгерское дворянство, а тем самым и венгерских крестьян так, как они угнетали галицийское дворянство, а стало быть и галицийских крестьян (см. отчеты Львовского ландтага за 1818 г.)? Конечно, великий Шванбек не обязан знать, что большинство венгерских аристократов, как и большинство польских аристократов, — не больше, как чистейшие пролетарии, все дворянские привилегии которых сводятся к тому, что их нельзя подвергать телесному наказанию.

Великий Шванбек, конечно, еще менее обязан знать, что Венгрия — единственная страна, в которой, начиная с мартовской революции, и формально, и фактически отменены феодальные повинности для крестьян. Великий Шванбек объявляет мадьяр «высокопородистой кастой», «аристократами», «обнаглевшими угнетателями народа», и тот же самый великий Шванбек не знает или не желает знать, что мадьярские *магнаты*, Эстергази и им подобные, дезертировали в самом начале войны и отправились на поклон в Ольмюц, и как раз самые «высокопородистые» офицеры мадьярской армии, с начала борьбы и по нынешний день, ежечасно предавали национальное дело! И почему же большинство палаты депутатов еще поныне находится у Кошута в Дебрецине, хотя из магнатов там всего одиннадцать человек? Таков Шванбек в *передовице*.

ВЕНГРИЯ.

Кельн, 18 мая.

В момент, когда с фактическим вмешательством русских мадьярская война становится войной европейской, мы вынуждены прекратить наши сообщения о дальнейшем ее ходе. Мы имеем лишь возможность в кратком обзоре еще раз представить нашему читателю ход этой величественной восточно-европейской революционной войны.

Вспомним, что еще перед февральской революцией, осенью 1847 г., руководимый Кошутом пресбургский сейм вынес ряд революционных постановлений: о праве продажи земельной собственности, о свободе передвижения крестьян, об отмене феодальных повинностей, об эмансипации евреев, о равном обложении всех классов. Он разрешил кроатам и словенцам официально пользоваться во внутренних делах их родным языком. Наконец, требуя своего отдельного для Венгрии ответственного министерства, сейм в тот же день, когда в Париже началась февральская революция (22 февраля), сделал первый шаг к отделению Венгрии от Австрии.

Февральская революция разразилась. А вместе с тем сломлено было сопротивление венского правительства венгерским требованиям. На следующий после венской революции день, 16 марта, дано было согласие на самостоятельное венгерское министерство, и тем самым связь между Венгрией и Австрией была сведена к персональной унии.

Сделавшись самостоятельной, венгерская революция стала тотчас же быстро развиваться. Были уничтожены все политические привилегии, введено всеобщее избирательное право, отменены безвозмездно, при компенсации со стороны государства, все феодальные повинности — барщины и десятины — и установлен союз с Семиградьем. Были достигнуты: назначение Кошута министром финансов и отставка мятежного бана Елачича.

Но тем временем австрийское правительство вновь стало оправляться. Мнимо-ответственное венское министерство оставалось бес сильным. Зато тем сильнее укреплялась камарилья инсбрукского двора, опираясь на императорскую армию в Италии, на национальные

чувства чехов, кроатов и сербов, на закоснелую ограниченность русинских крестьян.

17 июня началось сербское восстание в Банате и Беске, поднятое деньгами и эмиссарами двора. 20 июня Елачич имел аудиенцию у короля в Инсбруке и был вновь назначен баном. Возвратившись в Крoацию, он отказался от подчинения венгерскому правительству и 25 августа объявил последнему войну.

Предательство габсбургской камарильи было совершенно очевидно. Венгры попытались еще раз вернуть императора на конституционный путь. Они послали в Вену депутацию из 200 членов сейма; император ответил уклончиво. Возбуждение росло. Народ требовал гарантий и добивался перемены министерства. Предатели, сидевшие также и в пештском министерстве, были удалены, и 20 сентября Кошут был назначен министром-президентом. Но уже четыре дня спустя бежал в Вену наместник императора, палатин эрцгерцог Стефан, и 26 июня император опубликовал известный манифест к Венгрии, в котором, объявив министерство, как бунтовщическое, оставленным, назначил мадьяроеда Елачича правителем Венгрии и посягнул на важнейшие революционные завоевания последней.

Манифест, не скрепленный ни одним венгерским министром, был Кошутом объявлен недействительным.

Между тем Елачич, которому благоприятствовала дезорганизация и предательство, господствовавшие в генеральном штабе и офицерском корпусе, — формально венгерских, а по существу староператорских, — продвинулся до Штутьвейсенбурга. Несмотря на предательство своего командного состава, венгерская армия разбила Елачича и прогнала внутрь австрийской территории, вплоть до самых стен Вены. Император и старый предатель Латур решили послать Елачичу подкрепление и при помощи немецких и славянских войск вновь завоевать Венгрию. Но 6 октября разразилась венская революция, которая временно положила конец планам императора и короля Австрии.

Кошут тотчас же отправился с мадьярским корпусом венцам на помощь. Но у Лейты его удержали от немедленного продвижения как нерешительность австрийского сейма и предательство его собственных офицеров, так и плохая организация армии, состоявшей большей частью из ополчения. Он был вынужден арестовать сотню другую офицеров, отправить в Пешт и нескольких из них расстрелять. Лишь затем он решился перейти в наступление. Но было поздно. Вена пала, и венгерские недисциплинированные ополченцы были при Швехате отброшены регулярными австрийскими частями.

Шесть недель продолжалось фактическое перемирие между императорскими и мадьярскими войсками. В то время как обе армии всеми силами укреплялись, ольмюцкая камарилья осуществила давно подготовлявшийся удар. Идиота Фердинанда, скомпрометированного уступками революции и жившего взаперти, она заставила отречься, а на трон возвела, как свое орудие, юношу Франца-Иосифа, сына Софии. Пештский сейм, опираясь на венгерскую конституцию, не призвал этой перемены на троне.

Наконец, в середине декабря, военные действия были открыты. Императорская армия еще до этого почти окружила Венгрию. Наступление велось со всех сторон.

Из Австрии были двинуты южнее Дуная три корпуса под личным верховным командованием фельдмаршала Виндишгреца, численностью, по меньшей мере, в 90 000 человек. Из Штирии по левому берегу Дравы шел Нуген приблизительно с 20 000 человек, из Кроации по правому берегу на Банат шел Дален с 10 000 человек. В самом Банате сражалось несколько пограничных полков, гарнизон Темешвара, сербское ополчение и сербский вспомогательный корпус Кничанина, всего 30 000 — 40 000 человек под командованием Тодоровича и Рукавина. В Семиградье стоял Пухнер с 20 000 — 25 000 человек и вторгшийся из Буковины Малковский с 10 000 — 15 000. Наконец, из Галиции по направлению к Тиссе наступал Шлик с армией 20 000 — 25 000 человек.

Таким образом, императорская армия насчитывала, по меньшей мере, 200 000 человек регулярных войск, большей частью уже бывших в огне, не считая славянских, романских и саксонских ополченцев и национальных гвардейцев, принимавших участие в борьбе на юге и в Семиградье.

Этим колоссальным боевым силам Венгрия могла противопоставить армию, состоявшую, быть может, всего из 80 000 — 90 000 человек обученных войск, в том числе 24 000 человек, служивших в императорской армии и, кроме того, 50 000 — 60 000 человек весьма неорганизованных гонимых и ополченцев. Притом командный состав этой армии состоял большей частью из таких же предателей, как и офицеры, арестованные Кошутом на Лейте.

Но если из насильем придавленной Австрии нельзя было получить пока ни одного рекрута, если в финансовом отношении Австрия была разорена и почти не имела денег, то мадьяры могли располагать еще великолепными ресурсами. Энтузиазм мадьяр к свободе, еще более стимулируемый национальной гордостью, рос с каждым днем, предоставляя в распоряжение Кошута неслыханное для такого

маленького народа в 5 миллионов человек количество добровольцев. Венгерский печатный станок для банкнот предоставил в распоряжение Кошута неисчерпаемые денежные источники, и каждый мадьяр принимал эти национальные ассигнации как твердые серебряные деньги. Оружейные и пушечные заводы работали полным ходом. Армии нехватало только оружия, опыта и хороших командиров, и все это надо было в течение немногих месяцев создать. Таким образом, надо было раньше всего выиграть время, вовлечь императорскую армию в глубь страны, где она была бы утомлена партизанской войной и ослаблена оставлением сильных гарнизонов и других войсковых отрядов.

Этим объясняется план венгров медленно отступать в глубь страны, в постоянных стычках обучить рекрутов и в случае крайней нужды поставить между собой и неприятелем линию Тиссы с ее непроходимыми болотами, эти естественные траншеи, окружающие центр мадьярской страны.

По всем расчетам венгры должны были в течение двух-трех месяцев продержаться в районе между Пресбургом и Пештом, даже против превосходящей их военной силы австрийцев. Но наступили сильные морозы, которые на много месяцев покрыли все реки и болота ледяным покровом, способным выдержать продвижение даже тяжелых орудий. Этим самым устранены были все благоприятные для защиты условия почвы; все установленные мадьярами укрепления сделались бесполезными и подверженными опасности обхода. Так случилось, что в течение максимум двадцати дней венгерская армия была отброшена от Эденбурга и Пресбурга к Раабу, от Рааба к Моору, от Моора к Пешту, что она вынуждена была очистить даже Пешт и фактически уже в самом начале кампании отступить за Тиссу.

В то время как это случилось с главной армией, точно таким же образом шли дела и у остальных корпусов. На юге Нуген и Далем все дальше развивали свое наступление против занятого мадьярами Эссега, а сербы все более приближались к линии Мароша. В Семиградье Пухнер соединился при Марош-Вашаргели с Малковским. На севере Шлик продвинулся из Кроации до Тиссы и через Мискольец установил связь с Виндишгрецом.

Австрийцы, казалось, почти покончили с венгерской революцией. Две трети Венгрии и три четверти Семиградья были у них в тылу, и венгры были одинаково биты с фронта, на флангах и сзади. Еще несколько миль дальнейшего продвижения, и все императорские корпуса протянут друг другу руки через все более суживающийся круг, в котором Венгрия задыхается, словно в объятиях удава.

Теперь крайне важно было, — пока с фронта Тисса представляла собою некоторое время непроходимую для врага траншею, — с какой-нибудь стороны облегчить свое положение.

Это сделано было с двух сторон: в Семиградье — Бемом, в Словакии — Гергеем. Оба выполнили маневры, в которых показали себя гениальнейшими полководцами современности.

Бем прибыл 29 декабря в Клаузенбург, единственный пункт Семиградья, находившийся еще в руках мадьяр. Быстро сконцентрировал он приведенные с собою подкрепления, остатки разбитых мадьярских и секлерских войск, выступил против Марош-Вашаргели, разбил австрийцев и погнал Малковского сперва через Карпаты в Буковину и отсюда в Галицию, где прошел до Станиславова. Затем Бем, быстро повернув обратно в Семиградье, стал гнать Пухнера, остановившегося в своем отступлении лишь на расстоянии нескольких миль пред Германштадтом. Несколько стычек, несколько быстрых переходов в разных направлениях — и в руках Бема оказалось все Семиградье, кроме двух городов — Германштадта и Кронштадта. Последние были бы тоже взяты, если бы не призвали в страну русских. Перевес, который дали 10 000 человек русских вспомогательных войск, заставил Бема отступить на территории секлеров. Там он стал организовывать восстание, и, когда это ему удалось, он оставил оттесненного до Пресбурга Пухнера возиться с секлерским ополчением, сам же обошел позиции Пухнера, двинулся прямо на Германштадт, выбил оттуда русских, разбил шедшего следом Пухнера, пошел на Кронштадт и занял последний без труда.

Тем самым Семиградье было завоевано и тыл венгерской армии освобожден. Естественная линия укреплений, образуемая Тиссой, нашла сейчас свое продолжение и довершение в Карпатском горном хребте и Трансильванских Альпах от Ципса до границ Баната.

В это же время Гергей выполнил подобный же триумфальный поход в северо-западной Венгрии. Прибыв с одним корпусом из Пешта в Словакию, он в течение двух месяцев держал в напряжении оперировавшие против него с трех сторон корпуса генералов Геца, Хорича и Симунича. Когда же стало невозможно удерживать свои позиции против превосходящих его сил, он пробился через Карпаты в Эперьеш и Кашау. Здесь он стал в тылу Шлика, заставил последнего быстро покинуть свои позиции и весь свой операционный базис и отступить к Виндишгрецу. Гергей же сам спустился вдоль Герната к Тиссе и соединился с главной венгерской армией.

Последняя, имея во главе Дембинского, также перешла Тиссу, отбросила неприятеля по всей линии и дошла до Гатвана, в 6 милях

от Пешта. Но здесь усиленная концентрация неприятельских войск снова заставила венгерскую армию отступить. После сильного сопротивления у Каполны, Маклара и Поросло она отступила обратно за Тиссу, как раз в момент, когда Гергей подходил у Токая к Тиссе. Соединение обоих корпусов послужило сигналом к новому великодушному продвижению венгерцев вперед. Изнутри страны прибыли новые обученные рекруты, подкрепившие мадыарскую операционную армию. Были образованы польские и немецкие легионы, появились или привлечены были способные командиры, и вместо прежней, лишенной командиров, неорганизованной массы, как в декабре, против императорской армии очутилась вдруг сконцентрированная, храбрая, многочисленная, хорошо организованная и превосходно руководимая армия.

Тремя корпусами перешли мадыары через Тиссу. Правое крыло (Гергей) двинулось северной стороной, обошло преследовавшую ее раньше у Эперьеш дивизию Рамберга и быстро отогнало ее через Рейна-Сомбат к главной императорской армии. Последняя была разбита Дембинским при Эрлау, Дьендьеше, Гёдёлле и Гатване и быстро отступила к Пешту. Наконец, левое крыло (Феттер), выбив Елачича из Кечкемета, Солнока и Цегледа, разбило его у Яш-Берени, заставив его также отступить к стенам Пешта. Здесь императорская армия расположилась вдоль Дуная от Пешта до Вайцена, большим полукругом окруженная мадыарами.

Чтобы не подвергнуть Пешт бомбардировке со стороны Буды, венгры прибегли к своему испытанному средству — выбивать австрийцев из их позиций больше маневрами, чем открытыми фронтовыми атаками. Гергей взял Вайцен и отбросил австрийцев за Гран и Дунай, между Граном и Нейтрой разбил Вольгемута и освободил таким образом осажденный императорскими войсками Коморн. Императорские войска, ввиду угрозы их линиям отступления, должны были решиться на поспешный отход. Новый главнокомандующий Вельден отступил в направлении Рааба и Пресбурга, и Елачич, чтобы успокоить своих крайне строптивых кроатов, должен был поспешно отправиться с ним вниз по Дунаю в Славонию.

При своем отступлении, походившем скорее на дикое бегство, Вельден (в особенности же его ариергард под начальством Шлика) и Елачич несли значительные потери. Пока корпус Елачича медленно и с трудом пробивался через Толнайский и Баранийский комитаты, Вельден получил возможность сконцентрировать в Пресбурге осколки своей армии, осколки, которые вообще не обладали никакой серьезной силой сопротивления.

Одновременно с этими поразительными победами мадьяр над главной австрийской армией Морис Перцель двинулся из Сегедина и Толны на Петервардейн, освободил его от осады, овладел Баской и вторгся в Банат, чтобы подать руку продвигавшемуся из Семиградья Бему. Последний взял уже Арад и осадил Темешвар. Перцель располагается в Вершаце вплотную у самой турецкой границы, так что в несколько дней Банат был завоеван. В то же время секлеры закрывают укрепленные семиградские горные проходы, а ополчение — верхне-венгерские горные проходы. Одновременно Гергей стоит с значительными силами в Яблунковском проходе, на моравско-галицийской границе.

Словом, еще несколько дней, и победоносная мадьярская армия, гоня перед собой осколки австрийской армии, с триумфом вступила бы в Вену и навсегда уничтожила бы австрийскую монархию.

Отделение Венгрии от Австрии было уже решено 14 апреля в Дебрецине. Союз с Польшей был открыто провозглашен с середины февраля и сделался реальным фактом благодаря вступлению 20 000 — 30 000 поляков в венгерскую армию. Союз с австрийскими немцами, существовавший уже со времени венской революции 6 октября и шехатской битвы, сохранялся и поддерживался также вступлением немецких легионеров в венгерскую армию, равно как стратегическим и политическим положением, диктовавшим мадьярам необходимость взятия Вены и революционизирования Австрии, чтобы таким путем обеспечить признание своей независимости.

Таким образом, мадьярская война очень скоро потеряла свой вначале чисто национальный характер. И именно благодаря своему национальному, казалось бы, шагу, благодаря объявлению независимости, эта война окончательно приняла европейский характер. Союз с Польшей во имя освобождения обеих стран, союз с немцами во имя революционизирования восточной Германии получили определенный характер, солидный фундамент лишь тогда, когда Венгрия отделилась от Австрии и этим провозгласила австрийскую монархию распавшейся. Независимая Венгрия, восстановленная Польша, немецкая Австрия в качестве революционного центра Германии, Ломбардия и Италия, ставшие независимыми сами по себе, — с проведением этих планов была бы разрушена вся восточно-европейская система государств. Австрия исчезла бы, Пруссия была бы ликвидирована, а Россия отброшена к границам Азии.

Священный союз должен был употребить все силы, чтобы преградить дорогу угрожающей восточно-европейской революции. Русская армия подступила к границам Семиградья и Галиции. Пруссия

заняла богемско-силезские границы и пропустила русских через свою территорию в Прерау. И через несколько дней первый русский корпус стоял на моравской земле.

Магьяры, хорошо зная, что через несколько недель им придется иметь дело с многочисленными свежими боевыми силами, не двинулись на Вену с такой быстротой, как ожидали вначале. Вену так же мало, как и Пешт, могли они взять фронтовой атакой, не прибегая к бомбардировке города. А атака была невозможна. Как у Пешта, они снова были вынуждены предпринять обходные движения, а для этого требовалась уверенность, что им самим не будут угрожать с флангов и с тыла. Но как раз тут-то были русские, угрожавшие им с тыла. С другой стороны, при непосредственном наступлении на Вену, можно было ожидать сильных и быстрых натисков со стороны Радецкого.

Венгры поступили очень умно, когда, вместо быстрого движения на Вену, они ограничились тем, что все более очищали Венгрию от императорских войск, охватывали их большой дугой от малых Карпат до уступов Штирийских Альп, выделили большой корпус против Яблунки, укрепили и прикрыли галицийские горные проходы, развили наступление против Буды и быстро произвели новый набор в 250 000 человек, особенно во вновь завоеванных восточных комитатах. Этим путем они обеспечивали фланги и тыл и формировали армию, которая должна была так же мало бояться русского подкрепления, как раньше столь огромной императорской армии. Эта прославленная черно-желтая армия вступила в Венгрию в количестве 200 000 человек и лишь едва 50 000 человек вернулись обратно. Остальные пали, были ранены, были больны, в плену или перешли на сторону венгров.

Правда, русские угрожали еще более колоссальными армиями: ожидали прибытия 120 000, а по другим сведениям — 170 000 человек. Согласно «Triester Freihafen», легкая оперативная армия должна была иметь много больше 500 000 человек. Но русская склонность к преувеличениям известна. Известно, что из указываемых цифр лишь половина числится в воинских списках, а из числящихся в воинских списках опять-таки менее половины имеется налицо. Австрия может быть рада, если русская помощь, за вычетом войск, необходимых для занятия Польши, даст 60 000 — 70 000 действительного состава. А с таким числом магьяры справятся.

Магьярская война 1849 г. имеет много сходства с польской войной 1830 — 1831 гг. Но отличается первая от второй тем, что все те шансы, которые поляки имели тогда против себя, она имеет

сейчас за себя. Известно, что Лелевель напрасно добивался, чтобы, во-первых, освобождением крестьян и евреев привязать массы населения к революции и, во-вторых, поднятием восстания во всей старой Польше втянуть в войну все три участвовавшие в разделе державы и сделать войну европейской. Что проведено было тогда в Польше, когда было уже слишком поздно, с *того мадьяры начали*. Социальная революция внутри, уничтожение феодализма было первым мероприятием Венгрии. Вовлечение Польши и Германии в войну было вторым мероприятием, и тем самым европейская война стала фактом. Она началась с вступлением первого русского корпуса на германскую территорию, а с вступлением на последнюю французских батальонов наступит в этой войне решающий поворотный пункт.

Став европейской, венгерская война вступает во взаимодействие со всеми прочими моментами европейского движения. Ее ход оказывает влияние не только на Германию, но и на Францию и Англию. Нельзя ожидать, чтобы английская буржуазия потерпела превращение Австрии в русскую провинцию. Точно так же несомненно, что французский народ не станет спокойно взирать на то, как контрреволюция подступает все ближе и ближе. Выборы во Франции могут кончиться как угодно, но армия, во всяком случае, высказалась за революцию. А в данный момент дело решает именно армия. Если армия хочет войны, а она хочет ее, то война будет.

Война наступит. Революция в Париже, будь то в результате выборов или в результате уже происходящего у избирательной урны братания армии и революционной партии, стучится в дверь. И тогда как в южной Германии образуется ядро будущей немецкой революционной армии, — и это препятствует Пруссии принять активное участие в венгерской кампании, — Франция стоит на пороге активного участия в борьбе. Дело решится в течение немногих недель, быть может, нескольких дней. И вскоре французская, мадьяропольская и немецкая революционные армии на полях брани у стезь Берлина будут праздновать свой праздник братания!

ВЕНА И ФРАНКФУРТ

АРНОЛЬД РУГЕ.

Кельн, 5 марта.

В «Немецкой всеобщей газете» напечатано следующее разъяснение ее старого сотрудника Арнольда Руге, этого померанца характером и саксонца умом:

Берлин, 5 марта.

Теперешние члены Центрального комитета германских демократов, д'Эстер, Рейхенбах и Гекзамер, объявляют о предстоящем выходе новой демократической газеты, которая «действительно» будет органом партии в Берлине, под названием «Всеобщая демократическая газета». Это объявление могло бы возбудить подозрение, что газеты «Die Reform» и «Zeitungs-Halle» не являются *действительно* органами партии, а в начале объявления довольно ясно указано, что обе газеты *запрещены*. Место, в котором Центральный комитет объявляет и принимает *приостановку* газет Врангелем как их *окончательное запрещение*, дословно гласит: «Тяжелые испытания, которые пришлось перенести демократической партии в течение последних месяцев во всех частях Германии, не только убедили ее в необходимости прочной организации, но и вызвали *потребность быть представленной в прессе определенными, принадлежащими партии органами*. Военщине власть имущих удалось *во многих местах* («военщина» господствует ведь только в Берлине!) *закрыть демократические органы*, потому что каждый *в отдельности* они не в состоянии были нести такие большие жертвы, чтобы помешать осуществлению этих насильственных мероприятий». Что касается господства военщины, то под «многими местами» можно понимать только один Берлин. «Помешать же осуществлению» этих мероприятий даже *вся демократия* могла бы не иначе, как устранив военщину, ибо Врангель закрыл для демократических органов и Берлин, и берлинскую почту. Пусть Центральный комитет укажет те средства, а в случае надобности — те «жертвы», с помощью которых *он* на нашем месте мог бы помешать осуществлению этого насилия. Впрочем, даже, по мнению Врангеля, «Reform» и «Zeitungs-Halle» *вне закрыты*. Однако я убедился, что демократы, получившие упомянутый циркуляр, толкуют его так, будто «Reform» и «Zeitungs-Halle» прекратили свое существование и вместо них будет выходить «Всеобщая демократическая газета». Поэтому я считаю необходимым рассеять это недоразумение. «Reform» *не окончательно закрыта, и как только в Берлине будет снято осадное положение, она снова начнет выходить в Берлине*, и именно в качестве *действительного* органа демократической партии, который, в силу категорических постановлений левой части распущенного Национального собрания и прежнего Центрального комитета немецких демократов, не

менее *«принадлежит»* партии, чем октроированная двумя членами теперешнего Центрального комитета (д'Эстер и Гекзамер) новая газета.

За редакцию «Reform»

Арнольд Руге.

Примечание автора: «Прошу все уважаемые редакции немецких газет перепечатать наше заявление».

К большому нашему удовлетворению, мы узнаем из этого замечательного разъяснения, что *si-devant* (бывший) франкфуртский «редактор разума событий», ныне издатель — конечно «как таковой», — совершенно не считает себя удовлетворенным *октроированием* новой демократической газеты «в Берлине», — газеты, которая должна «действительно» быть органом «партии в Берлине».

Г-н Арнольд Руге, франкфуртский «редактор разума событий» и берлинский редактор «Reform», утверждает, что «как таковой» он *также* был органом «партии в Берлине»; «Reform», по решению «прежнего» Центрального комитета демократов, *принадлежала* (elle avait été, как говорят французы) партии. Правда, «прежний» Центральный комитет «в действительности» больше не существует, но тем не менее имеющая вновь возникнуть «Reform» может продолжать быть «действительным» органом умершего Центрального комитета и отмененной левой «раснущенного» Национального собрания.

Г-н Арнольд Руге должен, конечно, вести борьбу против издательской конкуренции вновь октроированной берлинской «Всеобщей демократической газеты»; вне Берлина бесспорно найдется меньше соискателей почетного звания органа «партии в Берлине». Мы, по крайней мере, никогда не считали «Reform» «действительным» органом «партии в Берлине»; мы также вполне ценим самообладание патриота Руге в отношении уномянутых «жертв». Во всяком случае, это — чрезвычайно странное противоречие. Благородный владелец издательства Руге становится на *почву права*, чтобы сохранить свою газету «Reform» как «действительный» (натентованный *sans garantie du gouvernement* — без правительственной гарантии) орган партии. С другой стороны, философ Руге становится на *почву бунта* против «действительного» демократического Центрального комитета, чтобы «действительно» иметь возможность приносить дальнейшие «жертвы» в его (книгопродавческом) духе.

Материалом для разъяснения этого противоречия может служить следующий факт: Демократический центральный комитет заявил Руге, что желает сделать «Reform» своим «Moniteur'ом» (официальным органом) при условии, что Руге откажется от всякого мудрствования и писания.

ПРИСЯГА АНГЛИЙСКИХ СОЛДАТ.

Келья, 7 марта.

«Новая прусская газета» с большим ликованием приводит служебную присягу английских военных и чрезвычайно радуется открытию, что английский солдат присягает на верность только королеве, а не конституции. А мы, в Пруссии, в самом молодом конституционном государстве, должны, *противно* обычаю старейшей конституционной страны, заставлять солдат присягать конституции?

Однако «Новая прусская газета» забывает сообщить своим читателям, в какое положение английский солдат поставлен гражданскими законами.

Что британский солдат *во всех* проступках, которые не являются *исключительно дисциплинарными проступками*, судится обыкновенными судами, мировыми судами, petty sessions,¹ quarter sessions² или судом присяжных, что во всех столкновениях с другими гражданами государства он является *только гражданином государства* — само собою понятно.

Но это еще не все. В Англии каждый гражданин, будь то служащий, солдат или кто-либо другой, ответственен по закону за каждый свой поступок и не может сослаться на то, что соответствующее действие было ему предписано его начальством. Например, вспыхивает мятеж. Призываются войска. Предписываемое законом требование разойтись предьявляется или не предьявляется. Народ не расходится. Гражданский чиновник (обыкновенно мировой судья или городской *выборный* чиновник) дает разрешение на вмешательство военной силы или не дает его. Войско стреляет, есть убитые. Трупы представляются особому жюри для осмотра мертвых, пред которым устанавливается фактический ход дела. Если жюри находит, что вмешательство военной силы не вызывалось обстоятельствами, оно

¹ [Сессии мировых судов по мелким делам с упрощенным судопроизводством.] ² [Сессии мировых судов, происходящие четыре раза в год, с ограниченной уголовной и гражданской юрисдикцией и некоторыми административными функциями.]

выносит вердикт о *предумышленном убийстве* против некоторых участников события, а именно против *гражданского чиновника*, который разрешил вмешательство военной силы, против *офицера*, который скомандовал стрелять, и против *всех солдат, которые действительно стреляли*.

Если гражданский чиновник не разрешил вмешательства военной силы, это имеет лишь то последствие, что вердикт на него не распространяется. Для солдат и офицера дело не меняется.

Этот вердикт о предумышленном убийстве является формальным обвинительным актом, на основании которого совершенное уголовное преступление передается на рассмотрение обыкновенного суда присяжных.

Таким образом, английский солдат отнюдь не является пред лицом закона безвольной машиной, обьяванной без рассуждения исполнять получаемый приказ. Наоборот, закон считает его «free agent», человеком со свободной волей, который в каждый данный момент должен знать, что он делает, и несет ответственность за каждое свое действие. Английские судьи хорошо отчитали бы обвиняемого солдата, если бы он в свое оправдание сказал, что ему было приказано стрелять и что он должен был «исполнить приказ»!

В Пруссии все обстоит иначе. В Пруссии солдат заявляет, что приказ стрелять ему дан был его непосредственным начальством, и это освобождает его от всякого наказания. В Пруссии, а также и во Франции, чиновнику вообще обеспечена полная безнаказанность за каждое нарушение закона, если он укажет, что это было ему приказано его надлежащим начальством в надлежащем иерархическом порядке.

«Новая прусская газета» поверит нам, конечно, на слово, что мы не думаем, будто короткая формула присяги может изменить человека и сделать черно-белого лейтенанта гвардии поборником «конституционных свобод».

Господа из клики «С богом за короля и отечество!» на опыте своей почтенной родни могли в течение последних двенадцати месяцев убедиться, какое значение имеют присяги. И мы ничего не имеем против того, чтобы «Новая прусская газета» отстаивала присягу войска на верность королю, далай-ламе или человеку с луны, если только «мое доблестное воинство» будет поставлено по отношению к законам в такие же условия, как военные в Англии.

ВЕНА И ФРАНКФУРТ.

Кельн, 12 марта.

15 марта должно было состояться в Крэмзире совещание рейхстага для обсуждения составленного комиссией проекта конституции. Императорско-королевская военно-судная клика сочла этот момент подходящим для того, чтобы швырнуть в лицо рейхстагу давно готовую «божьей милостью конституцию» и покончить, наконец, с кремзирской комедией народного представительства, которую она так долго терпела.

Весь кунштшюк с *октроируемой* конституцией был подготовлен еще летом прошлого года помазанными и непомазанными контрреволюционерами в Шенбрунне-Вене, Потсдаме-Берлине, Лондоне (где Меттерних, словно паук-крестовик Священного союза, сидел посредине паутины, которая медленно плелась вокруг восставших для завоевания свободы народов), Париже. Что этот кунштшюк проделан был прежде всего потсдамским королем, зависело исключительно от прусской обстановки, в которой такой шаг стал возможен раньше, чем в Австрии.

В ноябре официальная Австрия бросила к ногам заседавших в церкви св. Павла окровавленную голову Роберта Блюма. Милейшие близнецы, имперские комиссары Велькер-Мосле, за несколько дней до этого вернулись из передней Виндишгреца и с парадного обеда в Ольмюце, покрытые таким позором, что всякий другой на их месте, кроме почтенных Велькер-Мосле, скорее пустил бы себе пулю в лоб, чем осмелился бы смотреть кому-нибудь в глаза. А между тем эта дипломатическая царочка еще похвалялась своими разездами вдоль и поперек страны.

Большинство Национального собрания было «satisfait», было удовлетворено, точно так же, как французская палата при Луи-Филиппе заявляла себя «satisfaite», удовлетворенной, когда проделывались самые гнусные низости, когда демонстрировались самые яркие доказательства продажности.

Но, может быть, кровь убитого Роберта Блюма брызнула в лицо

заседающим в церкви св. Павла? Они хотя и покраснели, но то была не краска стыда или гнева и глубокого негодования, а краска удовольствия и удовлетворения. Конечно, в Австрию послали новых имперских комиссаров. Но достигнутый ими результат свелся только к тому, что там еще более насмешливо стали относиться к собравшимся на так называемое Национальное собрание и к Германии, которую они предали.

«Все едино!» — таков был и остался девиз этих господ.

Вспомним, что незадолго до государственного переворота прусского правительства Бассерман, Спмсон и, конечно, «благородный» господин Гагерн и др. были имперскими комиссарами в Берлине.

И затем мы видим еще имперских комиссаров в Австрии, в Ольмюце, и в то же время там, как в Берлине, рейхстаг разогнан, а народу дарована «божьей милостью» конституция при помощи кроатов, серечан, гукулов и т. д.

И всюду, где предстоит убийство народной свободы, появляются, подобно чующим добычу коршунам, комиссары так называемой центральной власти. Их чутье всегда оправдывалось.

Теперь франкфуртское болото должно было, наконец, убедиться, что скоро очередь дойдет до него. Оно должно расплатиться за свои грехи. На памятнике, который будет воздвигнут на месте его бесславной деятельности, путник прочтет: «Погиб по собственной вине, вследствие трусости, профессорского тупоумия и ставшего хроническим убожества, в атмосфере отчасти холодно-злорадных насмешек, отчасти полного безучастия народа».

Но часть этих жалких торгашей еще и теперь осмеливается кичиться вышедшими из франкфуртской фабрики «основными правами» и воображать, что они свершили великое дело. С «основными законами» они бились как средневековые схоластики, как болтливые прачки, между тем как «основное насилие» Священного союза и его наемников все сильнее организовалось и все громче и громче высмеивало профессорскую и филистерскую болтовню об основных правах. Эти укрепляли свои «основные права» на клочке бумаги; те, господа из контр-революции, писали свое «основное насилие» на остро отточенных саблях, на пушках и на славянских епанчах.

Как только немецкий народ в какой-нибудь части германского отечества пытался пустить в ход свое элементарное основное право, право на восстание против феодальной или мещанской конституционной тирании, Франкфурт спешно посылал «имперские войска», чтобы наказать и усмирить народ расквартированием войск, грабежами, избиениями и всевозможными военными эксцессами и поддерживать

силы контр-революции в надлежащем состоянии, т. е. хорошо кормить их на счет народа и его «основных прав» и подкреплять их для дальнейших геройских подвигов.

В подобных случаях у франкфуртских господ всегда оказывалась нужная сила, так как они заимствовали ее из рядов упомянутого «основного насилия» наших милостивых властелинов.

Таким образом, нет ничего удивительного, что франкфуртское болото должно бессильно молчать, безмолвно смотреть, когда помазанные господа объявляют *свои* «основные права», даже если основные права господ «божьей милостью» прямо направлены против него.

Оно поэтому будет столь же спокойно взирать — и должно будет спокойно взирать — на то, что австрийский Тамерлан божьей и Софии милостью даровал своим возлюбленным «подданным», среди которых довольно много немцев, 13 основных прав и вместе с тем отпустил здоровую пощечину франкфуртским героям. И по праву!

ГОГЕНЦОЛЛЕРНСКИЙ ОБЩИЙ ПЛАН РЕФОРМ.

Кельн, 14 марта.

«Исключительные осадные положения будут отменены, как только всеобщее осадное положение будет на основании законов октроировано всему королевству и введено в наши конституционные нравы. Серия этих «сильных» законов открывается сентябрьским законодательством об ассоциациях и печати».

Такими словами встретили мы опубликование тронной речи (№ 239 «Новой рейнской газеты»). А в чем состоит первый парламентский акт министерства? Оно выступает перед палатами и говорит:

«Мы выведем вас из осадного положения, а взамен этого вы установите постоянно действующую военно-полевую юстицию для собраний, ассоциаций, печати».

Мы не можем ни на минуту скрывать того, что парламентская левая своим умеренным поведением с самого начала облегчила министерству переход в наступление.

Мы сравним en detail (подробно) пресловутые три законопроекта с сентябрьскими законами, с до-мартовскими уголовными законопроектами, с прусским земским правом. Но сперва мы сообщим нашим читателям *общий план старо-прусских реформаторов*, который мы уже отметили в нашем экстренном выпуске третьего дня.

В тот самый день, когда неофициальные берлинские газеты опубликовали три пресловутые законопроекта, «Новая прусская газета», этот «Moniteur» бранденбургского провидения, напечатала *«Мнение о существенных задачах ныне собравшегося так называемого народного представительства»*. Гогенцоллернский дом и его бранденбургское министерство слишком «благородной» крови, чтобы лицемерить в те моменты, когда солнце «власти» сияет над неослабленной короной. В такие моменты сердце королей не насилует себя и унижает плебейские массы уже одним грубо-бесцеремонным выражением своих интимнейших вожделений и мыслей. Судьбе, — нельзя этого скрывать от себя, — безжалостной судьбе не раз угодно было в результате чрезвычайных событий сводить на нет пророчества, угрозы, волеизъ-

явления «нашего доброго короля» Фридриха-Вильгельма IV, провозглашавшиеся им в моменты уверенного в победе сознания своего могущества, «божественного опьянения», как выражается Гете, — «остроумного» Фридриха-Вильгельма IV, который возложил на себя корону с точно такими же словами, с какими Наполеон надел на себя железную корону Ломбардии. Но, как известно, железный рок тяготеет даже над богами. И во всяком случае королевскому сердцу, как и женскому сердцу, как и всякому другому сердцу, остается опьяняющее наслаждение беспрепятственно и безудержно высказывать свои интимнейшие мысли и приспособлять мир, хотя бы только на словах и в писаниях, к желаниям своего сердца.

Уже поэтому более или менее королевское излияние сердца в «Новой прусской газете» представляет высокий психологический интерес, а с другой стороны — оно оповещает народ о том, чего ожидают от него, что в случае необходимости *вынудят* у него, — конечно в его собственных правильно понятых интересах.

«Новая прусская газета» (№ 59, приложение), желая облегчить ознакомление с общим гогенцоллернским планом реформ, напечатала его целиком, *подразделив его на разделы*, что является, во всяком случае, заслуживающею благодарности любезностью по отношению к публике. Разве она не могла сообщить королевские решения в апокалиптической форме, по образцу откровения Иоанна? Итак, будем придерживаться этих разделов!

«Существенные задачи собравшегося ныне так называемого народного представительства» сводятся к следующим пунктам:

1) *Очищение палат от политических преступников*. А Jove principium (главное прежде всего). Первая заповедь для палаты, которая хочет действовать согласно желаниям короля, это — преобразовать себя по его вкусу. Пока ведь ее состав является еще делом непочтительного всеобщего избирательного права, хотя и косвенного.

А чего требует королевское сердце?

На теперешнем народном представительстве, — выбалтывает «Новая прусская газета», — лежит *пятно*, которое делает его недостойным и неспособным являться в своей совокупности носителем прусской чести, прусской верности и любви к отечеству». На нем тяготеет порок, от которого оно должно освободиться, чтобы быть «справым» в высочайших глазах. «Пятно это, этот порок состоит в том, что среди его членов находятся такие люди, которые участвовали в преступных дерзостях фракции Унру, в особенности участвовали в ее постановлении об отказе в разрешении *взимать налоги*».

«Правительство, — говорится дальше, — по собственной достойной

сожаления *слабости* или *недоверию* к юстиции, правда в *высокой степени зараженной революционным образом мыслей*, не предало этих людей *суду*. Исправить это *упущение*, эту *ошибку* — такова задача *палат*; стремиться к этому — *долг*, в особенности всех *судей* и *ученых юристов* среди их членов, хотя бы для того, чтобы *спасти потускневшую честь своего сословия*. Необходимо ходатайствовать перед *правительством*, — и пусть это будет одним из *первых шагов* после конституирования палаты, — о том, чтобы министр юстиции уже теперь распорядился произвести судебное следствие и подвергнуть наказанию этих преступников. *Такая очистка представляет собою первую и самую настоятельную необходимость для успешного продолжения занятий палат*».

Король желает всем сердцем, чтобы наказаны были вплоть до третьего поколения все отказывающиеся платить налоги преступники и оскорбители святыни. Королевское правительство было слишком *слабо*, чтобы исполнить это желание. Королевско-прусский народ был так *бесстыден*, так *своенравен*, что снова избрал злоумышленников и грешников, в открытом возмущении против отеческого королевского сердца, своими представителями. Теперь очередь за *палатами принудить* королевское правительство выполнить собственные намерения его величества. На коленях должна палата просить министров позволить ей устранить из своего состава все зараженные и в высшей степени неприемлемые для двора элементы. И прежде всего книжникам и фарисеям, «судьям и ученым юристам» надлежит спасти свое «сословие», «честь» которого потускнела с того момента, как у Мантейфеля зародилось необыкновенное, конечно, подозрение, что прусская Фемида может оставаться слепой и не обращать внимания на ясные указания короны. Но как спасти свою честь в глазах народа судейскому сословию, для которого не всякая прихоть воплощенной милости божьей является законом, которое не безусловно выполняет приказы даже самого короля?

Как известно, во всех религиях заклание, жертва, по возможности самопожертвование составляют самую сущность богослужения, культа. Чтобы доказать, что оно является представительством королевского сердца, — а королевское сердце есть живое, индивидуализированное, очеловеченное, настоящее народное сердце, — «так называемое» народное представительство должно поэтому принести в жертву у подножия трона прежде всего *самого себя*, — *себя, аманацию народного суверенитета*.

Оно должно удалить всех неугодных его величеству членов, сдать их в тюрьму и в руки палача для удовлетворения религии

абсолютной королевской власти. Так оно искупит, во-первых, свое преступление, свой *первородный грех* — свое происхождение из народного суверенитета. Оно вместе с тем искупит свое прошлое, полное оскорблений величества, а значит и святотатства. Оно очистится и сделает себя достойным быть истинным выразителем полноты королевской власти. Оно из «так называемого» народного представительства превратится в *настоящее* народное представительство в высоком, королевско-прусском смысле. Король — это и есть настоящий прусский народ. Настоящий прусский народ, — который не следует, по плохой привычке, смешивать просто с *числом* жителей государства, — выбирает, следовательно, представителей только для того, чтобы королевские пожелания возвращались к королю в виде народных пожеланий и таким путем самые сокровенные требования его собственного высочайшего сердца получали столь же прозаическую, как и общеобязательную реальность в форме законопроектов и постановлений палаты.

Мы, следовательно, ожидаем от берлинских палат, что они положат основание своему королевскому культу *самопожертвованием*, изгнанием *отказывающихся платить налоги* грешников.

«Новая прусская газета» не скрывает этого. Даже и тогда палаты не будут чисты перед всевышним. Но другую часть жертвы они должны принести уже не в качестве корпораций. Эта часть представляется на усмотрение действенного сознания греховности и самобичевания отдельных членов.

«Правда, — вздыхает «Новая прусская газета», — в результате такой чистки будут удалены не все *те* члены, удаления которых, ввиду их предыдущей политической и государственной деятельности, надо будет желать до тех пор, пока они не признают своей доли вины в бедствиях отечества и не проявят раскаяния, пока они не дадут обет и не подтвердят его публично по мере сил бороться с преступлением, вызванным отчасти по их собственной вине. Однако, само собой разумеется, что с юридической точки зрения не может быть и речи о том, чтобы такие люди, которые служили революции, которые в особенности между 18 марта и 8 ноября проявили себя на этой службе непригодными к роли высших чиновников (чисто прусская грамматика!), — чтобы такие люди, все без исключения, были удалены из палат. Было бы лишь желательно, чтобы *собственное сознание* держало их вне палат, если их настроение не изменилось соответственно *вышеказанному пожеланию*. Точно так же при выполнении этого (высочайшего) желания следует, понятно, различать, например, между *рейнскими торговцами*, которые сразу должны

превратиться в опору государства, и людьми из *старо-прусских* (феодалных) родов, славные имена которых издавна теснейшим образом связаны с историей нашего королевского дома и *первоначальным ядром* (не является ли и *Силезия* тоже первоначальным ядром?) монархии».

Мы давно говорили уже это «рейнским торговцам». Только с *dégoût* (отвращением) феодальная гогенцоллернская династия избрала этих буржуазных каналов своим низменным орудием и ждет лишь момента, чтобы пинками решительно отделаться от них. *Ганземан! Кампаузен! Кюльветтер!* На колени! В покаянной рубашке перед королевским дворцом, перед лицом народа, посыпав пеплом обремененные грехами головы, дайте священный обет, открыто признайте, как вы в глубочайшем сокрушении раскаивались в том, что на один момент осмелились готовить путем буржуазно-конституционных интриг контр-революцию, совершить которую должна была только «моя великолепная армия», и вы, копеечные души, барышничавшие крепостные, педантичные торговцы маслом, ловкие железнодорожные спекулянты, — вы не только спасли трон, но и осмелились хвалиться этим спасением в высокопарно-похоронных фразах. На колени! Надевайте покаянную рубашку! Или варойтесь в монастырь!

А что касается «людей из *старо-прусских родов*», *этих дворянских, отмеченных провидением отпрысков избранного народа*, то о них, об *Арниме, Ауэрсвальде, Бонине, Пфуле*, мы вероятно в ближайшем будущем прочтем в «*Государственном вестнике*» объявления об их смерти. Но в их раскаяние мы сможем поверить только в том случае, если они умрут добровольно. От *рейнского торговца*, вроде *Ганземана*, такого величия души нельзя ожидать. Ганземан — вольтеррианец самого скверного пошиба, пошел и, главное, довольно крут в денежных вопросах.

Итак, исчезайте из палат, сходите со сцены, — вы, живые шатающиеся памятники 18 марта, королевских преследований, унижений, непоследовательности и слабости! Уходите из палат — или осудите себя сами на роль козлов отпущения 18 марта!

А отказывавшихся платить налоги принесут сами палаты как гекатомбу своей чистки и своих грехов королевскому трону и этим сделают себя достойными для выполнения дальнейших «задач», октроированных королем «так называемому народному представительству».

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕЛА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Кельн, 6 марта.

Англичанин никогда не бывает более несчастен, нежели тогда, когда не знает, что делать со своими деньгами. В этом тайна всех грандиозных спекуляций, всех доходных предприятий, но вместе с тем и тайна всех крахов, всех денежных кризисов и торговых застоев.

В годы 1840, 1841 и следующие новые азиатские рынки, помимо обычной торговли с европейским континентом, предъявили особенный спрос к английской экспортной торговле. Фабриканты и экспортеры имели все основания приветствовать на манчестерской бирже громкими «ура» сэра Генри Поттингера. Но счастливые времена скоро миновали. Кантон, Бомбей и Калькутта скоро оказались переполненными товарами, не находившими себе сбыта, и капитал, не находивший уже выхода в этом направлении, стал для разнообразия снова искать занятия внутри страны; он устремился на железнодорожное строительство и этим открыл спекуляции поприще, на котором она скоро могла развиться до неслыханных размеров.

По осторожному расчету, общую сумму новых вложений можно принять в 600 миллионов, и дело, пожалуй, зашло бы еще дальше, если бы неурожай картофеля в Англии, Ирландии и некоторых местах континента, а затем и высокая цена хлопка и вызванное тем и другим уменьшение сбыта мануфактурных товаров, а также, наконец, и сама чрезмерная железнодорожная спекуляция не побудили Английский банк повысить 16 октября 1845 г. учет на полпроцента.

При суеверном страхе, какой испытывает британец перед всемогуществом своего банка, это незначительное повышение дисконта или, другими словами, это недоверие банковских директоров вызвало сейчас же соответствующую реакцию, так что наступило общее уныние, кредит был ограничен, а вслед за тем кажущееся процветание сменилось многочисленными банкротствами. Должен был бы поэтому немедленно развиться значительный торговый кризис, вроде кризисов 1825 и 1836 гг., если бы последовавшая вскоре после того

отмена хлебных законов внезапно не укрепила пошатнувшееся доверие и снова не прищорила дух предпринимательства.

Действительно, торговый мир слишком многого ждал непосредственно после проведения этой великой меры, и ему поэтому не трудно было забыть едва наступившие бедствия. Ликвидация орегонского конфликта, обещавшая продолжение в высшей степени процветавшей до того торговли с Америкой, и британские победы в Пенджабе, обеспечивавшие спокойствие в Индостане, сделали, разумеется, свое, чтобы снова поднять настроение. И если после неурожая 1845 г. пришлось пережить такой же неурожай в 1846 г., если везде приходилось еще пробавляться запасами от прежнего времени и платить от 12 до 15% за оборотные средства, то все же, несмотря на все это, все прядильные фабрики Ланкашира и Йоркшира были приведены в такое неудержимое движение, как будто неурожай, железнодорожные спекуляции и переполненные рынки превратились вдруг в чистые пустяки, с которыми можно справиться в один миг.

Однако всему этому великолепию скоро должен был наступить конец. В самом деле, тогда как еще в сентябре 1847 г. д-р Боуринг со столярным комическим пафосом выяснил на брюссельском конгрессе сторонников свободы торговли чудесные последствия отмены хлебных законов, в Лондоне уже заметили, что даже «всемогущее мероприятие сэра Роберта Пилия» уже не в состоянии спасти страну от давно со страхом ожидаемой катастрофы. Пришлось смириться, и лондонские фирмы, обладавшие, подобно Ирвингу и К^о, на о. Св. Маврикия земельной собственностью почти на миллион ф. ст., открыли благодаря неблагоприятному положению дел в этой части английских колоний дождь банкротств и стали рушиться, увлекая в своем падении многочисленные более мелкие ост-индские и вест-индские фирмы.

В то же время главные предприниматели фабричных районов увидели, что ошиблись в оценке возможных последствий отмены хлебных законов. Торговая деятельность замерла во всех частях света, и ужас охватил в один и тот же момент как лондонское Сити, так и биржи Ливерпуля, Манчестера, Лидса и т. д.

Задержанный различными событиями кризис октября 1845 г. поэтому разразился, наконец, в сентябре 1847 г. Доверие было подорвано. Исчезла бодрость и решимость. Английский банк предоставил банкам внутри страны выпутываться собственными силами; провинциальные банки закрыли кредиты торговцам и фабрикантам. Банкиры и экспортеры стали сокращать свои дела с континентом, а континентальные торговцы, в свою очередь, стали давить на находящихся у них в долгу фабрикантов; фабриканты, естественно, ста-

рались поправить свои дела за счет оптовиков, а оптовики нажимали на лавочников. Одни били других, и бедствия торгового кризиса постепенно потрясли весь мир, начиная с великанов лондонского Сити вплоть до последнего немецкого лавочника.

Это было до 24 февраля 1848 г.! Самые худшие дни Англия пережила в четыре последних месяца 1847 г. Железнодорожные спекулянты были стерты с лица земли; в торговле колониальными товарами с 10 августа по 15 октября потерпели банкротство 20 первостепенных лондонских фирм, при конкурсной массе в 5 миллионов и реализации около 50%, а в фабричных районах бедствие достигло своего максимума, когда в Манчестере 15 ноября из 175 бумагопрядилен полное время работали только 78, а 11000 рабочих оставались на улице.

Так закончился 1847 г. На долю континента выпало испытать в течение 1848 г. последствия этого английского кризиса, — последствия, которые на этот раз, естественно, были тем чувствительнее, что политические потрясения не могли содействовать залечиванию последствий английского безрассудства.

Мы переходим теперь к самому интересному моменту в новейшей истории торговли, а именно — к тому влиянию, которое революции оказывали на торговую деятельность.

Таблицы вывоза английской торговли дают нам для этого наилучшую иллюстрацию, потому что содержание этих таблиц, при господствующем положении Англии в мировой торговле, представляет собою не что иное, как выраженное в цифрах политически-торговое положение или, точнее, выраженную в цифрах платежеспособность различных наций.

Поэтому, если мы видим, что вывоз в апреле 1848 г. сократился на 1 467 117 ф. ст. и в мае — на 1 122 009 ф. ст., а общая сумма вывоза достигает в 1847 г. 51 005 798 ф. ст., а в 1848 г. — всего только 46 407 939 ф. ст., то из этого можно сделать весьма неблагоприятные для революции выводы, причем к таким выводам можно прийти тем легче, что вывоз в январе и феврале 1848 г., т. е. непосредственно перед взрывом революции, был действительно на 294 763 ф. ст. более благоприятен, чем в 1847 г.

Тем не менее такой взгляд был бы безусловно ошибочен. Ибо, во-первых, возрастание вывоза в январе и феврале, т. е. как раз в те два месяца, которые отделяют высшую точку кризиса и революцию, легко объясняется тем, что американцы в оплату своих громадных отправок хлеба в Англию выписывали тогда больше британских фабричных товаров, чем когда бы то ни было раньше, и таким образом, по крайней мере на короткое время, покрыли образовавшийся

дефицит. Во-вторых, в истории английской торговли мы находим разительнейшие доказательства того, что вывоз падает не непосредственно вслед за кризисом, а только после того, как кризис успел распространиться и на континенте.

Возросший вывоз двух первых месяцев 1848 г. отнюдь не должен поэтому вводить нас в заблуждение, и мы можем спокойно обратиться к общему сокращению вывоза за весь год.

Падение вывоза 1848 г., как мы уже заметили, составило, по сравнению с вывозом 1847 г., 4 597 859 ф. ст., — значительное уменьшение, которое, разумеется, в руках реакционеров, ведущих себя в политике, как тьявкающие собаки, а в торговле — как старые бабы, превратилось в довод против революции, которым с успехом пользуются в споре со всеми неискушенными в вопросах экономии.

Однако нет ничего легче, как опровергнуть ложные утверждения этой партии, ибо стоит лишь просмотреть таблицы вывоза за последние 10 лет, чтобы увидеть, что обусловленное комбинированным влиянием торгового кризиса и революции сокращение вывоза в 1848 г. никак не связано с падением вывоза в предыдущие годы.

После торгового кризиса 1825 г., когда весь вывоз составлял 38 870 851 ф. ст., вывоз в 1826 г. упал до 31 536 724 ф. ст. Он, следовательно, сократился на 7 334 124 ф. ст. После кризиса 1836 г., когда вывезено было на 53 368 572 ф. ст., вывоз в 1837 г. упал до 42 070 744 ф. ст. Он, следовательно, сократился на 11 297 828 ф. ст. Не может быть ничего показательнее этого!

Таким образом, после двух торговых кризисов, которые, правда, были вызваны исключительно перепроизводством фабричных товаров, но по своим размерам совершенно несравнимы с только что закончившимся кризисом, вывоз сократился на вдвое большую сумму по сравнению с падением вывоза в 1848 г., которому предшествовали переполнение азиатских рынков, два неурожая, спекуляция, какой никогда мир еще не видывал, и который до последнего уголка потряс старую Европу своими революциями!

Поистине, 1848 г. был еще очень милостив для торговли! Революции способствовали тому, что в разных местах приостановилась торговля, что продажа товаров стала трудной и опасной и что не мало людей погибло под тяжестью своих обязательств. Но в прошлом году при Луи-Филиппе столь же трудно было бы в Париже учесть какие-нибудь жалкие 20 или 30 тысяч франков, как в этом году при республике. В Южной Германии, на Рейне, в Гамбурге и Берлине мы точно так же имели бы свои банкротства и без всяких революций, а итальянская торговля испытывала бы угнетение как

при Пии, так и при господстве героев Милана, Рима и Палермо.

Поэтому столь же смешно приписывать новое оживление торговли временной победе контр-революции. Французы не потому платят на 26% больше на лондонских аукционах шерсти, что у власти снова находятся некоторые из министров Луи-Филиппа, — нет, они потому должны платить дороже, что нуждаются в шерсти, а они нуждаются в большом ее количестве, их спрос возрастает именно потому, что он в последние годы при Луи-Филиппе очень сократился. Такое колебание спроса можно наблюдать во всей истории торговли.

И англичане не потому снова работают полный день во всех рудниках, во всех кузницах, на всех прядильных фабриках, во всех своих портах, что какой-то князь Виндишгрец расстреливает венцев в порядке военно-полевого суда, — нет, они работают так потому, что рынки Кантона, Нью-Йорка и С.-Петербурга требуют своего снабжения фабричными изделиями, что Калифорния открывает новый рынок, который кажется спекуляции неисчерпаемым, что за неурожаями 1845 и 1846 гг. последовали два хороших урожая в 1847 и 1848 гг., что они положили конец железнодорожной спекуляции, что деньги снова вернулись в свои обычные каналы и будут работать вплоть до нового торгового кризиса.

Но прежде всего мы не должны забывать, что отнюдь не монархические страны в последние годы давали главное занятие английской промышленности. Страна, которая почти без перерыва предъявляла колоссальнейший спрос на английские изделия и которая и в настоящий момент очищает рынки Манчестера, Лидса, Галифакса, Ноттингэма, Рочдэля и всех крупных складочных центров современной промышленности и оживляет своими кораблями моря, — страна эта республиканская, это — Соединенные Штаты Северной Америки. И эти штаты процветают больше всего как раз теперь, когда колеблются в самых основах своих все монархические государства, вместе взятые.

И если в последнее время до некоторой степени улучшилось положение некоторых отраслей *германской* промышленности, то этим они обязаны только *английскому* периоду процветания. Из всей истории торговли немцы могли бы знать, что они не имеют собственных торговых кризисов, что им приходится терпеть похмелье за английские кризисы, тогда как в периоды усиленного производства в Англии они получают лишь грошевые выгоды. А своим христианско-германским правительствам они обязаны только ускорением банкротства.

О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Кельн, 3 апреля.

Заседание французского Национального собрания 31 марта ознаменовалось речью «маленького ловкого человека», Тьера. С циничной откровенностью и недвусмысленной ясностью он восхвалял венские договоры 1815 г., защищая их в качестве основы нынешнего положения Европы. А разве этот маленький человек не был совершенно прав, высмеивая то противоречие, которое получается, когда на деле сохраняют трактаты, а в правовой фразеологии их отрицают? И в этом заключалось осторожное поведение как временного правительства, так и Кавеньяка. Внешняя политика Барро была необходимым следствием политики Кавеньяка, как внешняя политика Кавеньяка была необходимым следствием политики Ламартина. Ламартин, как и вообще временное правительство, внешним органом которого он являлся, предал Италию и Польшу под предлогом не мешать внутреннему развитию французской республики. Звон оружия дисгармонировал бы с ламартиновской пропагандой красноречия. Точно так же как временное правительство пыталось фразой о «братании» устранить классовые противоречия между буржуазией и рабочими и объявить классовую борьбу, точно так же относилось оно и к национальным противоречиям и к внешней войне. Под эгидой временного правительства восстановились угнетатели Польши, Италии и Венгрии, а одновременно также и французская буржуазия, которая в конце июня претворила ламартиновское братание в действия. Кавеньяк поддерживал мир во-вне, дабы спокойно вести гражданскую войну внутри и не помешать честной умеренной республике, республике буржуазной, уничтожить побежденную красную республику, республику рабочую. При Кавеньяке был восстановлен в Европе старый Священный союз, как во Франции — священный союз легитимистов, сторонников Луи-Филиппа, бонапартистов и «честных» республиканцев. Министерством этого двойного священного союза является министерство Одилона Барро. Его внешняя политика есть политика этого священного союза. Ему нужна победа контр-рево-

люции за границей, чтобы завершить контр-революцию в самой Франции.

На заседании Национального собрания 31 марта временное правительство отрывается от Кавеньяка. Кавеньяк с полным правом утверждает, что он — правомерный отпрыск временного правительства, но вместе с тем отрывается от Одилона Барро, который беспрестанно упивается сознанием, что смысл февральской революции — в венских договорах 1815 г. Флокон, не дезавуированный Одилоном Барро, заявляет, что министерство два дня тому назад формально объявило Италию под запретом, и все французы, поляки и итальянцы, которые желают туда поехать, получают отказ в паспортах. Разве не заслуживает Барро стать премьер-министром Генриха V?

Впрочем, Ледрю-Роллен в своем возражении Тьеру твердо признал:

«Да, я должен сознаться, что действовал неправильно. Временное правительство должно было послать своих солдат к границам не для завоевания, а для защиты угнетенных братьев, и тогда в Европе не было бы больше деспотов. Но если мы тогда колебались начать войну, то вина лежала на монархии, которая истощила наши финансы и опустошила наши арсеналы».

МИЛЛИАРД.

Кельн, 15 марта.

Уже вскоре после февральской революции в Париже стал чувствоваться недостаток в деньгах. Было провозглашено «уважение к собственности» (*respect de la propriété*), и мелкая буржуазия приняла это как признание своих интересов. Временное правительство тем охотнее согласилось на это «уважение к собственности», что банк тут же дал ему беспроцентную ссуду в 50 миллионов. Временное правительство состояло главным образом из мелких буржуа «National'я», и «великодушные» банка его обмануло. 50 миллионов скоро иссякли. Тем временем акционеры и держатели банковых билетов могли наилучшим образом использовать «уважение к собственности» и взяли все свое золото из банка. Мелкие буржуа, также желая использовать «уважение к собственности», отправились к своим банкирам, чтобы учесть векселя, выданные их «собственности», т. е. их промышленным предприятиям, их лавкам или фабрикам; банкиры, сославшись на недостаток денег, отказались учесть. Тогда мелкие буржуа пошли к другим банкирам, чтобы получить от них бланк и учесть векселя в банке; банкиры отказались поставить бланк. «Уважение к собственности!» Таким образом, банкиры первые нарушили это «уважение к собственности», хотя хорошо сумели использовать это «уважение». Тогда поднялся вопль, что кредит и доверие подорваны. Но мелкие буржуа никак не хотели отказаться от уважения к собственности; они считали, что когда будут восстановлены «спокойствие и порядок», восстановится и доверие, и тогда они смогут учесть под свою собственность и свои векселя. Хорошо известно, как после июньских дней, когда спокойствие и порядок были восстановлены, вся «собственность», после судебных соглашений с несостоятельными должниками, перешла в банкирские карманы и как мелкие буржуа только тогда поняли значение «уважения», когда «собственность» их вылетела в трубу. Но бесспорно больше всего терпели от денежного кризиса, вызванного крупной буржуазией, рабочие. В то время как временное правительство, чтобы удовлетворить собственную нужду, установило пресловутый налог в 45 сантимов, на стенах появился

подписанный рабочими плакат, который начинался следующими словами: *Avez-vous besoin d'argent?* (Вам нужны деньги?) В этом плакате прямо предлагалось потребовать обратно миллиард, выданный в 1825 г. в виде компенсации эмигрантам. Кто были тогдашние эмигранты? Те люди, которые спровоцировали и поддерживали за границей войну против Франции и которые потом вернулись во Францию под охраной иностранцев. Кто были те эмигранты, которым досталась компенсация? Герцог Орлеанский, т. е. только что свергнутый король, и легитимисты, т. е. приверженцы давно свергнутого короля. Учредительное собрание и Конвент провели конфискацию имущества изменников-эмигрантов. Возвратившиеся при обеих реставрациях короли и эмигранты октроировали себе и своим друзьям компенсацию. Королей снова прогнали, решения Учредительного собрания и Конвента снова вошли в силу, и вполне естественно, чтобы компенсация пошла в пользу народа. Рабочие с восторгом читали объявление, в котором таким образом разъяснялось требование о возврате миллиарда; они тысячами собирались у плаката и всячески обсуждали его содержание.

Это продолжалось целый день. На следующий день плакат исчез со стен. Легитимисты и орлеанисты, почувствовав всю грозившую им опасность, наняли людей, которым было поручено ночью уничтожить всякий след этого плаката. Тогда все были охвачены вихрем новых организационных планов. Все думали только о том, как бы придумать какую-нибудь новую систему, чтобы можно было, не взирая на реальную действительность, насадить ее в «государстве». Временному правительству пришла несчастная мысль обложить крестьян 45-сантимовым налогом. Рабочие думали, что этот налог имеет то же значение, что и возврат миллиарда — значение налога на земельную собственность, и успокоились по поводу миллиарда. «*Journal des Débats*» и безмозглый «*National*» поддерживали в них это убеждение и разъясняли в передовых статьях, что подлинный капитал, это — «земля», «земельная собственность» и что временное правительство правильно поступает, беря этот налог в пользу рабочих. Когда приступили к сбору налога, крестьяне повсюду возмутились против городских рабочих. «Как? — говорили крестьяне, — наше положение ведь еще хуже, нежели положение рабочих: мы должны занимать деньги под большие проценты, чтобы обработать землю, прокормить наши семьи, и мы же, помимо налогов и процентов в пользу капиталистов, должны еще давать на содержание рабочих!»

Крестьяне отшатнулись от революции, которая, вместо защиты их интересов, нанесла им только ущерб. Рабочие поняли все

коварство налога, выдуманного реакционной партией, и вместе с тем выяснился для них и весь смысл «уважения к собственности». Выяснилась равница между формальной и действительной собственностью: оказалось, что буржуазный капитал сумел оторвать земельную собственность от самой земли, что формальный владделец этой собственности был вассалом капиталиста и что налог падал лишь на задолженного вассала. А когда фактический землевладелец отказом в кредите, наложением ареста на имущество и тому подобными мерами дал почувствовать крестьянину свою силу, последний окончательно проклял революцию. Легитимисты, которые, благодаря своему обширному землевладению, имели большое влияние на деревню, использовали это обстоятельство, и тогда начались происки роялистов в пользу Генриха V.

При таких печальных для революции обстоятельствах подошло 15 мая. Дело с миллиардом Барбеса, хотя и преподнесенное под другим соусом, подействовало подобно искре и вызвало целый пожар. Даже июньские дни не могли вытравить мысль о миллиарде, и когда в Бурже начался процесс Барбеса, он был полон для крестьян животрепещущего интереса. Потребовать обратно от легитимистов, своих хозяев и эксплуататоров, тот миллиард, который они, крестьяне, собрали, — это была приманка получше, нежели Наполеон. Агитация в пользу возврата его прошла по всей Франции, и если бы вопрос этот должен был решаться всеобщим голосованием, за него было бы, наверное, подано больше голосов, чем за Наполеона.

Дело с миллиардом, это — первое революционное дело, которое втягивает крестьян в революцию. Петиции, поступающие отовсюду, и тон этих петиций доказывают, что революция получила прочную почву. В Кюни требуют не только возврата миллиарда, но и тех процентов, которые выросли с 1825 г. Со времени процесса в Бурже петиции эти множатся в такой степени, что судьям в Бурже, а с ними и всей реакционной партии, становится весьма жутко. Аже, Ансе, Малэн, Сен-Вибальд, Виттер и множество других общин посылают петиции через своих представителей в палату. Под заголовком «Rappel du milliard» (возврат миллиарда) газеты ежедневно печатают названия все новых общин, поддерживающих это грандиозное движение. Кажется, скоро на всех стенах, во всех общинах можно будет читать: «Rappel du milliard», и если предстоящие выборы пройдут под этим лозунгом, — посмотрим, что смогут противопоставить этому миллиарду капиталисты, — легитимисты, орлеанисты или просто буржуа, — одержат ли они верх над демократическими кандидатами, которые принесут с собой в палату этот

законопроект о миллиарде, чтобы эти деньги обратить на пользу рабочих и крестьян.

Но это еще не все. Луи-Наполеон обещал крестьянам не только вернуть 45-сантимный налог, но и понизить все налоги вообще. Во всех петициях выставляется требование употребить миллиард именно для этой цели. Что касается юридического обоснования возврата миллиарда, то имеется прецедент, который произошел непосредственно после июльской революции 1830 г., когда внезапно приостановили выплату денег, еще остававшихся от миллиарда. Если то, что уже было выплачено, не было истребовано назад, то это объясняется исключительно тем, что сам Луи-Филипп и его семья получили большую часть этих денег.

Так как контр-революционная партия не может оспаривать справедливость требования относительно миллиарда, она довольствуется пока тем, что указывает на трудности, связанные с выполнением этого требования. Трудность якобы заключается в установлении списка лиц, получивших более или менее крупные суммы из миллиарда. Нет ничего легче. Начнем с крупных сумм. В начале списка мы находим герцога Орлеанского (впоследствии Луи-Филиппа) и его сестру, мадам Аделаиду, с 50 миллионами, и этот долг в 50 миллионов легко можно было недавно удержать, когда Национальное собрание возвратило королевской семье бесчисленные имения.

Принц Конде получил 30 миллионов, а кто их унаследовал? Герцог Омальский и г-жа де-Фешер. Это не малая сумма — для начала! Королевская семья получила огромные поместья и леса, и крестьяне уже начинают вычислять, сколько они потеряли на том, что эти миллионы им не были возвращены еще в 1830 году.

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ

ГОГЕНЦОЛЛЕРНСКИЙ ЗАКОПРОЕКТ О ПЕЧАТИ.

I.

Кельн, 21 марта.

Согласно нашему обещанию, мы возвращаемся к инспирированным осадным положением гогенцоллернским проектам реформ свободы печати и права ассоциаций. Сегодня мы ограничимся тем, что, для сравнения с прежними планами карательных законов, отвергнутыми под эгидой кампгаузенской оппозиции рейнских сословий, покажем, какими славными «завоеваниями» *рейнские жители* обязаны берлинскому мартовскому восстанию, с какой узаконенной земским правом любовью к насилию *рейнский закон* было обдуман «неограниченным» великим герцогом в Берлине.

На Соединенном патентованной памяти ландтаге юнкер Тадден-Триглафф из померанского Ламанча выступил два года тому назад в защиту свободы печати. Союзник вестфальского «храброго» молодого рыцаря Финке поднял свой меч: «Да, гласный, но действительно гласный суд для господ литераторов».

«Свобода печати — и вместе с тем виселица».

Планы октроирования конституции ноябрьского министерства суть проявления этих старых до-мартовских патентованных обледований. «Сильная королевская власть Пруссии» отвечает на ненавистные постановления Code pénal (уголовного кодекса), на оправдательные приговоры рейнских присяжных заседателей отказывавшимся от уплаты налогов и мятежникам: «Да, гласный, но действительно гласный суд».

«Свобода печати — и вместе с тем виселица, виселица прусского земского права».

Code pénal не знает такого преступления, как оскорбление гогенцоллернского величества. Несмотря на ценз и политическую фильтрацию, нельзя будет найти в Рейнской области присяжных заседателей, которые согласились бы присуждать за ужасное преступление оскорбления величества строже, нежели за оскорбление «частного лица», т. е. больше, чем к 5 франкам денежного штрафа.

Императорский деспотизм считал ниже своего достоинства заявлять, что он может быть «оскорблен» в своем «величестве». Но христианско-германское сознание отца страны, — сознание, которое, конечно, не может идти ни в какое сравнение с наполеоновской гордостью, — снова почувствовало «глубокую потребность» восстановить охрану своего старо-прусского достоинства в своем рейнском великом герцогстве. «Сильная» королевская власть не смеет отменить рейнский процессуальный устав, но она привносит в этот устав многообещающий клубок понятий прусского земского права и заявляет:

«Гласный, действительно гласный суд — и вместе с тем виселица прусского земского права!»

Относительно института «гласного суда», который временно должен быть внесен в рейнский кодекс королевским постановлением, мы читаем в § 22 законопроекта следующее:

«Полицейские управления могут налагать запрещение на каждое предназначенное для распространения произведение печати, даже если уже было приступлено где бы то ни было к его выпуску, поскольку... в его содержании заключается преступление или проступок, которые могут преследоваться в административном порядке».

Полиция имеет право конфисковать газеты, которые ей не нравятся, на почте или в редакции, даже если *«выпуск уже начался»*, т. е. когда принятие полицией «предупредительных мер» «как таковых» должно прекратиться, и дело, «по закону», уже подлежит компетенции суда. Это право конфискации принадлежит полиции во всех тех случаях, когда «содержание» печатных произведений, газет и пр. «заключает в себе преступление или проступок», который может быть *«преследуем»* в «административном» (т. е. полицейском) порядке, т. е. во всякое время, когда полиция жаждет удовлетворить укермаркские поползновения на роль государственного обвинителя и считает нужным оправдать эти поползновения обычными ссылками на всякие «преступления и проступки» или вообще на «подлежащие преследованию» деяния. Полиция может, наконец, конфисковать все такие произведения печати, *s'est-à-dire* все, какие заблагорассудится королю и его святой инквизиции, где бы она их ни нашла, т. е. она может вторгаться в дома, в тайны семейной жизни, и там, где нет никаких оснований для охраны собственности осадными положениями или кроатскими отрядами, предпринимать, под сенью конституционного строя, полицейские грабежи частной собственности мирных граждан. Законопроект говорит при этом обо всех «предназначенных» к распространению произведениях печати, *«даже если»* выпуск их уже начат. Он поэтому, «собственно говоря», предусматривает право

конфискации таких произведений, распространение которых *еще не начато*, которые *еще не могут содержать* никаких «преступлений или проступков», и, таким образом, распространяет полицейский грабeж на частное владение предметами, юридически совсем не «подлежащими преследованию». Французские сентябрьские законы, солдатская цензура Бавеньяковской военной диктатуры и даже проекты карательных законов, предложенные «при высочайшем неодобрении» старым провинциальным сословным учреждениям и их выборным, уважали, по крайней мере, частную собственность, «не заключающую еще в себе преступления или проступка». Между тем законопроект о печати, явившийся результатом берлинских мартовских завоеваний, организует, наоборот, публичную полицейскую охоту на собственность и частные владения граждан и насильственно предает гласности, во имя христианско-германской полицейской морали, личные отношения, ни в какой мере не подлежащие воздействию уголовного права.

«Гласный, действительно гласный суд — и вместе с тем виселица прусского земского права!»

Наряду с построением этого гласного суда идет построение постановлений прусского земского права.

Долгожданные законы об оскорблении величества следующим образом «конструированы» в § 12:

«Проявление непочтительности к особе короля словесно, письменно, печатно, рисунками, портретами или какими-либо другими соображениями наказуется тюремным заключением на срок от двух месяцев до *пяти лет*».

Если рейнские подданные не знают, какую степень «почтительности» требует дарованный им, благодаря происходившим на Венском конгрессе интригам, гогенцоллернский великий герцог, — пусть они справятся об этом в мотивах к берлинскому уголовному закону.

По прусскому земскому праву высшей карой за оскорбление величества было *два года* заключения, а за проявление непочтительности к королю — *один год* заключения в тюрьме или крепости (Allg. Landrecht, II. 20. §§ 199, 200).

Эти постановления, однако, не казались, повидимому, величеству «сильной прусской власти» достаточной гарантией. Правда, в предложенном в 1847 г. соединенными комиссиями «проекте уголовного закона для прусских государств» «всякие суждения, словесные, письменные или в форме рисунков и т. д., которые *преднамеренно* оскорбляют *честь* короля (§ 101), карались принудительными работами от *шести месяцев до пяти лет*»; зато суждения или

деяния, которые, хотя сами по себе *не могут* считаться оскорблением короля, однако не проявляют *должной его особе почтительности* (§ 102), караются тюремным заключением от шести недель до *одного года*. В официальных мотивах к этому проекту сказано, что саксонские сословия (по поводу аналогичного проекта 1843 г.), правда, предложили точнее определить термин «проявление непочтительности» путем внесения слова «намеренное», дабы не подводили под этот закон суждения и деяния, в которых нет даже отдаленнейшего *намерения проявить непочтительность* к королю, но что внесение слова «намеренное» должно быть отвергнуто правительством, ибо это *стерло бы различие* между оскорблением величества и проявлением непочтительности», так как «*преднамеренное*» проявление «непочтительности» нужно квалифицировать как «оскорбление».

Из этих мотивов, являющихся пока руководящими для закона о печати, который собираются нам даровать, вытекает, следовательно, что «проявление непочтительности», которое в настоящее время, подобно оскорблению величества, карается тюремным заключением от двух месяцев до *пяти лет*, заключается именно в «*непреднамеренном*» оскорблении.

В то же самое время «мотивы» указывают, что высшая мера наказания за «проявление непочтительности» тогда была определена в один год только по предложению рейнских сословий.

Преимущество «мартовских завоеваний» для рейнских жителей очевидно. Первое проникновение прусского земского права в Code pénal даровало рейнским жителям новые преступления в виде оскорбления величества, наказуемого двумя годами, и «проявления непочтительности», наказуемого одним годом тюрьмы. В законопроектах 1843 и 1847 гг. оскорбление величества поднялось в цене до пяти лет, между тем как проявленная непочтительность должна была, по предложению *рейнских* сословий, сохранить ставку в один год. При осадных завоеваниях мартовского восстания «проявление непочтительности» (даже и непреднамеренное) повышается до пяти лет тюремного заключения, а рейнский свод законов опять пополняется новыми преступлениями по старо-прусскому земскому праву.

«Свобода печати, гласный суд осадного положения — и вместе с тем виселица!»

II.

Кельн, 22 марта.

«Предписания об оскорблении величества, — говорится в мантейфелевских мотивах к § 12 проекта, — тем более должны были иметь место, что в большей части Рейнской провинции уголовные законы, относящиеся к оскорблению величества, были на основании постановления от 15 апреля 1848 г. *отменены*, и этот *пробел* с тех пор не был заполнен.

Мантейфелевские мотивы утверждают, что эта часть гогенцоллернского законодательства о печати, превосходящая даже старопрусское земское право и высочайшее откровение уголовных законопроектов 1843 и 1847 гг., была особенно необходима в отношении к *Рейнской провинции*. Постановления от 15 апреля 1848 г., т. е. обещания, которые «поверженная во прах корона» вынуждена была сделать (см. «Новую прусскую газету» от 20 этого месяца) под давлением мартовского восстания, «отменили» в Рейнской провинции с таким трудом дарованные пересадки из прусского земского права и снова восстановили Code pénal в его первоначальной проблематичной чистоте. Но чтобы подобающим образом заполнить этот завоеванный в марте *пробел* и вместе с тем засвидетельствовать способность гогенцоллернского величества к дальнейшему повышению своего значения, «сильное» ноябрьское министерство предлагает жителям Рейнской провинции не старые до-мартовские постановления прусского земского права, нет, а новую расценку полагающейся особе короля почтительности, раза в два превышающую все прежние кары прежних проектов уголовного закона. Le roi est mort, vive le roi! (Король умер, да здравствует король!) До марта 1848 г. «неограниченное» достоинство отца страны оценивалось одним годом тюрьмы; в марте 1849 г. оскорбление «поверженной во прах» короны уже оценивалось в пять лет тюремного заключения. До марта 1848 г. рейнский закон был пополнен только патриархальными добавлениями земского права; в марте 1849 г. ему дарованы мантейфелевские ноябрьские завоевания:

«Свобода печати, солдатская цензура—и вместе с тем виселица!»

Но «пробел» рейнского свода законов имеет еще другие глубины. В § 12 берлинского проекта реформы печати в дальнейшем говорится:

«Такому же наказанию (от двух месяцев до пяти лет заключения) подвергается всякий, кто вышеупомянутым образом (словесно, письменно, рисунками, портретами и другими изображениями) оскорбит королеву. Виновный в оскорблении таким же способом наследника престола (?) или другого члена королевского дома... наказывается тюремным заключением от одного месяца до трех лет».

Старо-прусское земское право, как мы уже отметили, карало оскорбление «самого главы государства» только двумя годами. Прогресс законопроекта о печати, карающего оскорбление подчиненных королю лиц, королевы — пятью годами заключения, наследника престола (?) и «других» членов «королевского дома» — тремя годами заключения, очевиден.

Рейнский закон столь же мало знает оскорбление «королевы» и т. д., как оскорбление «самого главы государства». Рейнские газеты могли до сих пор безнаказанно рассказывать о «надеждах двора на неожиданное событие», что иногда тоже может быть оскорблением чести — с медицинской точки зрения.

Взятый назад проект уголовного закона Соединенного ландтага поставил, наконец, оскорбление «королевы» ниже оскорбления «главы государства», карая его (§ 103) вместо пяти лет — тремя годами тюремного заключения. А по поводу одинаковой кары за оскорбление «королевы» и за оскорбление других членов королевского дома мотивы к проекту 1847 г. заявляют, что уже рейнские, силезские, саксонские и померанские сословия *хотели провести* разницу в каре за оскорбления, наносимые этим лицам, но для правительства не была приемлема такая печальная «казуистика».

Но сильное министерство Мантейфеля не сочло «казуистику» старых рейнских, силезских, саксонских сословий ниже своего достоинства. Разве не принадлежал *елейный* фон-дер-Гейдт к патентованным казуистам того времени? Законопроект о печати Мантейфеля — фон-дер-Гейдта «устанавливает» казуистическую разницу между королевой и другими членами королевского дома; он устанавливает ее соответственно прогрессирующему развитию общего послемартовского представления о королевском достоинстве. Старые рейнские, силезские, померанские сословия требовали проведения различия между королевой и другими членами королевской семьи, чтобы смягчить наказание трехлетним заключением за оскорбление

последних. Сильное министерство Мантейфеля—фон-дер-Гейдта принимает это различие, но только для того, чтобы повысить меру наказания за оскорбление королевы до вновь повышенной нормы за оскорбление «главы государства».

Насколько способны развиваться представления о королевском достоинстве, показывает приводимое здесь постановление того же параграфа, которое карает оскорбление любого «*немецкого главы государства*», наравне с оскорблением «наследника престола», тремя годами тюремного заключения.

Согласно рейнскому закону, оскорбление третьих «глав государства» приравнивается к оскорблению частных лиц (денежный штраф от 5 франков) и наказывается только по *заявлению оскорбленного*, а не ввиду его публично-правового характера. По проекту уголовного закона, отвергнутого, к «высочайшему неудовольствию», рейнскими сословиями уже в 1843 г. и вновь предложенному в 1847 г., оскорбление правителей и «их супруг» каралось от двух месяцев тюремного заключения до двух лет принудительных работ, причем прусские сословия предложили совершенно отклонить это постановление, а вестфальская дворянско-помещичья оппозиция признала первоначальную меру взыскания слишком высокой. Министерство Мантейфеля—фон-дер-Гейдта заполняет, наконец, эти серьезные после-мартовские пробелы рейнского законодательства, повысив оспариваемую рейнско-вестфальскими цензовыми представителями меру взыскания с двух до трех лет и выступив в защиту померанского Дон-Кихота Соединенного ландтага:

«Свобода печати, действительное гласное судопроизводство — и вместе с тем виселица!»

В высочайше инспирированных подготовительных работах к реформе законов о печати имеет свое памятное, забавное значение и § 19:

«Виновный в оскорблении словесно, письменно, печатно, рисунками или какими-либо иными изображениями 1) одной из обеих палат («как таковой»), 2) члена одной из палат *во время их сессии*, 3) какого-либо *другого политического учреждения*, общественного учреждения или должностного лица карается тюремным заключением до 9 месяцев».

В то время как Мантейфель—фон-дер-Гейдт штыками разгоняют «политические учреждения», согласительные собрания и палаты, для жителей Рейнской провинции в видах «защиты этих собраний» вносят в их «имеющий пробелы» Code pénal новые виды преступлений. Министерство Мантейфель—фон-дер-Гейдт октроирует стране, по божественно-королевской милости, отечественную конституцию, чтобы

даровать рейнскому своду законов *новый, до сих пор неизвестный вид преступления* — «оскорбление палат».

«Свобода печати, гласное судопроизводство — и вместе с тем виселица!»

Жители Рейнской провинции да будут настороже! Прежние попытки внедрения прусского земского права в рейнский свод законов, как и *продолжение* гогенцоллернских мартовских обещаний, скажут им, чего им ждать от зарейнских завоеваний.

Что касается имевших до сих пор место покушений на Code rénal со стороны военных судов, то они имели в виду лишь полное включение Рейнской провинции в состав старо-прусских провинций, включение, которое до тех пор не будет полным, пока Рейнская провинция не будет всецело поставлена под ферулу прусского земского права. А путем нового законопроекта надлежит и для старых провинций исправить прусское земское право в смысле устранения «ненужной мягкости», под тем предлогом, что нужно восполнить «пробелы» законодательства Рейнской провинции преимуществами прусского земского права.

Как ни жалка настоящая палата, мы все же не думаем, чтобы она приняла эти законопроекты. Но мы ждем, что нам *октроируют* гогенцоллернскую виселицу для печати. И именно этого мы хотим.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ДЕЛА

ВОЙНА В ИТАЛИИ.

ПОРАЖЕНИЕ ПЬЕМОНТЦЕВ.

1.

Кельн, 30 марта.

Предательство Раморино принесло свои плоды. Пьемонтская армия *совершенно разбита* под Новарой и отброшена к Борго Манеро, у подножья Альп. Австрийцы заняли Новару, Верчелли и Трино, и им открыт путь на Турин.

До сих пор еще нет никаких подробностей. Одно лишь несомненно: без Раморино, давшего австрийцам возможность продвинуться между пьемонтскими дивизиями и изолировать некоторые из них, победа австрийцев была невозможна.

Нет сомнения также и в том, что Карл-Альберт тоже совершил предательство; но совершил ли он его через посредство Раморино или как-нибудь иначе — об этом мы узнаем лишь впоследствии.

Раморино, это — тот самый авантюрист, который, после весьма сомнительной карьеры во время польской войны 1830 — 1831 гг., в 1834 г., во время Савойского похода, исчез со всей военной казной как раз в тот день, когда дело приняло серьезный оборот, а впоследствии, в Лондоне, составил для экс-герцога Брауншвейгского за 1 200 фунтов стерлингов план покорения Германии.

То обстоятельство, что такой мошенник был привлечен к делу, доказывает, что Карл-Альберт, который больше боится гегуэвских и туринских республиканцев, нежели австрийцев, уже с самого начала задумал предательство.

Что после этого поражения ждут революции и провозглашения республики в Турине — видно из того, что это хотят предупредить отречением Карла-Альберта от престола в пользу своего старшего сына.

Поражение пьемонтцев имеет больше значения, чем все немецкие императорские клоунады, вместе взятые. Это — поражение всей итальянской революции. После победы над Пьемонтом — очередь за Римом и Флоренцией.

Но если только не все предзнаменования обманывают, то именно это поражение итальянской революции явится сигналом к взрыву европейской революции. Французский народ видит, что по мере того как собственная контр-революция внутри страны все больше поработает его, — все больше подступает к его границам вооруженная иностранная контр-революция. Июньской победе и диктатуре Кавеньяка в Париже соответствовало победоносное шествие Радецкого вплоть до Минчио; избрание в президенты Бонапарта, Барро и закон о клубах совпадают с победой при Новаре и с продвижением австрийцев к Альпам. Париж созрел для новой революции. Савойя, которая уже в течение года подготавливает свое отложение от Пьемонта и присоединение к Франции, которая противилась участию в войне, — Савойя пожелает броситься в объятия Франции; Барро и Бонапарт должны будут ее отвергнуть. Если обстоятельства позволят, Генуя, а быть может и Турин провозгласят республику и обратятся за помощью к Франции, а им внушительно ответит Одилон Барро, что он сумеет охранить неприкосновенность Сардинии.

Но если парижское министерство не желает этого знать, то народ парижский отлично знает, что Франция не должна терпеть австрийцев в Турине и Генуе. И парижский народ их там не потерпит. Он победоносно подыметесь в ответ на призыв итальянцев, и французская армия, единственная в Европе, не бывшая на поле битвы с 24 февраля, примкнет к нему.

Французская армия горит нетерпением перейти Альпы и померяться силой с австрийцами. Она не привыкла идти против революции, которая ей сулит новую славу и новые лавры, которая выступает под знаменем борьбы с коалицией. Французская армия, это — не то, что «моя доблестная армия».

Поражение итальянцев вызывает чувство горечи. Ни один народ, кроме поляков, не был так унижен и раздавлен своими сильнейшими соседями, ни один не делал столько отважных усилий сбросить давившее его иго. И каждый раз этот несчастный народ принужден покоряться своим угнетателям. Единственный результат всех усилий, всей борьбы — новые поражения! Но если нынешнее поражение будет иметь своим последствием революцию в Париже и вызовет европейскую войну, предвестников которой мы видим повсюду; если это поражение послужит толчком к новому движению во всей Европе, — движению, которое будет иметь совсем иной характер, нежели прошлогоднее, — тогда даже итальянцы будут иметь основание приветствовать его!

II.

Кельн, 1 апреля.

По последним сведениям, полученным из Италии, поражение пьемонтцев при Новаре совсем не имеет решающего значения, как сообщалось в телеграмме, посланной в Париж. Пьемонтцы побиты, отрезаны от Турина и отброшены в горы. Это все.

Если бы Пьемонт был республикой, если бы туринское правительство было революционным и имело мужество прибегнуть к революционным мерам — ничто не было бы потеряно. Но итальянской независимости нанесен удар, — не оружием непобедимых австрийцев, а трусостью пьемонтской королевской власти.

Чему обязаны австрийцы своей победой? Тому обстоятельству, что, благодаря предательству Раморино, в пьемонтской армии две дивизии были отрезаны от остальных трех, и эти три дивизии были побиты имевшим количественный перевес врагом. Эти три дивизии отеснены теперь к подножью Валлиских Альп.

Ошибка пьемонтцев с самого начала заключалась в том, что они противопоставили австрийцам только регулярную армию и хотели вести самую обычную, честную войну. Народ, который хочет завоевать себе независимость, не может ограничиться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды — вот способы, при помощи которых маленький народ может одолеть большой; только так более слабая армия может противостоять и более сильной, и лучше организованной.

Испанцы доказали это в 1807 — 1812 годах, венгры подтверждают это и сейчас.

Хржановский был разбит под Новарой и отрезан от Турина; Радецкий стоял в 9 милях от Турина. В таком *монархическом* государстве, как Пьемонт, хотя бы и конституционном, исход кампании был тем самым решен; к Радецкому обратились с просьбой о мире. Но в республике *этим ничего не было бы решено*. Если бы неизбежная трусость монархии, у которой никогда не хватает решимости прибегнуть к крайним революционным средствам.... не удержала от этого, поражение Хржановского могло бы стать счастьем для Италии.

Если бы Пьемонт был республикой, которая не обязана считаться с монархическими традициями, то он имел бы возможность совсем иначе закончить кампанию.

Хржановский был отброшен к Бьелле и Борго-Манеро. Там, где швейцарские Альпы препятствуют дальнейшему отступлению, где почти невысказимо рассеять армию по двум или трем узким речным долинам, было бы легко собрать армию воедино и смелым нападением свести на-нет победу Радецкого.

Если бы вожди пьемонтской армии были воодушевлены революционным энтузиазмом, если бы они знали, что в Турине находится революционное правительство, готовое на самые решительные действия, им ясно было бы, что им следует предпринять.

После битвы при Новаре у Лаго Маджоре стояло от 30 до 40 тысяч солдат пьемонтской армии. Стянув этот корпус в какие-нибудь два дня, его можно было бросить в Ломбардию, где австрийцев было меньше 12 тысяч. Этот корпус мог бы занять Милан, Брешию, Кремону, поднять всеобщее восстание, разбить поодиночке движущиеся из Венецианской области отдельные австрийские корпуса и тем самым совершенно уничтожить операционную базу Радецкого.

Вместо того, чтобы идти на Турин, Радецкий должен был бы повернуть обратно и возвратиться в Ломбардию, подвергаясь преследованиям со стороны пьемонтского ополчения, которое, конечно, нашло бы себе поддержку в ломбардском восстании.

Такая *подлинно* национальная война, — война, подобная той, какую ломбардцы вели в марте 1848 г., когда они прогнали Радецкого за Олло и Минчо, — вовлекла бы в борьбу всю Италию и наполнила бы безмерной энергией римлян и тосканцев.

Пока Радецкий еще стоял между По и Тичино, обдумывая, двигаться ли ему вперед или назад, пьемонтцы и ломбардцы могли бы дойти до Венеции, освободить ее от осады, соединиться с Ла Марморой, стянуть к себе римские отряды, непрестанно тревожа австрийского фельдмаршала бесчисленными нападениями партизанских отрядов и тем ослабляя его, разомкнуть его отряды и нанести ему, наконец, поражение. Ломбардия ждала лишь вступления пьемонтцев, потом восстала, даже не дождавшись их. Только австрийские цитадели сдерживали ломбардские города. 10 тысяч пьемонтцев уже были в Ломбардии; подоспей еще 20 — 30 тысяч — Радецкому отрезано было бы отступление.

Но массовое восстание, всеобщая инсurreкция народа, это — средства, пред применением которых королевская власть отступает в ужасе. К таким средствам может прибегать только респуб-

лика, — это показал 1793 год. Все это такие меры, необходимой предпосылкой которых является *революционный террор*, а какой монарх решится на него?

Таким образом, причиной гибели итальянцев является не поражение при Новаре и Виджевано, а трусость и умеренность, к которой их вынуждает монархия. Поражение при Новаре причинило лишь стратегический ущерб: итальянцы были отрезаны от Турина, а для австрийцев путь к нему был открыт. Этот ущерб совсем не имел бы значения, если бы вслед за проигранным сражением началась *подлинная революционная война*, если бы уцелевшая часть итальянской армии провозгласила себя ядром всеобщего национального восстания, если бы обычная стратегическая *война армий* превратилась в *народную войну*, подобную той, которую вели французы в 1793 г.

Но, конечно монархия никогда не отважится на революционную войну, на всеобщее восстание и на революционный террор. Она скорее пойдет на мир со своим злейшим, но равным по происхождению врагом, нежели на союз с народом.

Изменник ли Карл-Альберт или нет — одной его *короны, одной лишь монархии* достаточно, чтобы привести Италию к гибели.

Но Карл-Альберт изменник. Во всех французских газетах сообщается о грандиозном европейском контр-революционном заговоре всех великих держав и о плане похода контр-революции в целях окончательного порабощения всех европейских народов. Россия и Англия, Пруссия и Австрия, Франция и Сардиния — все подписали этот священный союз.

Карл-Альберт получил приказ начать войну с Австрией, дать нанести себе поражение и тем доставить австрийцам возможность восстановить «спокойствие» в Пьемонте, Флоренции, Риме и ввести повсюду сословную конституцию. За это Карл-Альберт должен получить Парму и Пьяченцу, русские — умиротворить Венгрию, Франция должна стать империей — и мир в Европе был бы водворен. Таковы, по сведениям французских газет, широкие планы контр-революции; эти планы объясняют нам предательство Раморино и поражение итальянцев.

Но победа Радецкого нанесла новый удар монархии. Битва при Новаре и последовавшее за ней бездействие пьемонтцев показывают, что в крайних случаях, когда народ для своего спасения должен напрячь все свои силы, его в состоянии сковать одна лишь монархическая власть. Если Италия не погибнет от монархии, то монархия погибнет в Италии.

III.

[Без даты.]

Теперь раскрывается перед нами, наконец, ясная, отчетливая картина событий пьемонтского похода вплоть до победы австрийцев у Новары.

Распространяя намеренно ложный слух о том, что он ограничится обороной и отступит к Адде, Радецкий постепенно стянул все свои войска к Сант-Анджело и Павии. Благодаря предательству австрофильской реакционной партии в Турине Радецкий был полностью осведомлен о всех планах и распоряжениях Хржановского, как и о положении его армии. Напротив, относительно себя Радецкому удалось ввести пьемонтцев в полное заблуждение. Этим объясняется группировка пьемонтской армии по обеим сторонам реки По, рассчитанная лишь на то, чтобы со всех сторон одновременно концентрическим движением идти против Милана и Лоди.

Но все же при серьезном сопротивлении в центре пьемонтской армии ни в каком случае нельзя было бы рассчитывать на быстрый успех, какой достигнут сейчас Радецким. Если бы корпус Раморино стал Радецкому у Павии поперек дороги, оставалось бы достаточно времени, чтобы помешать переходу Радецкого через Тичино, пока не были бы стянуты подкрепления. За это время могли бы подойти также и дивизии, находившиеся на правом берегу По и у Ароны. Расположенная параллельно Тичино пьемонтская армия защищала Турин, и ее сил с избытком хватило бы на то, чтобы разбить армию Радецкого. Надо было, конечно, рассчитывать, что Раморино выполнит свой долг.

Он этого не сделал. Он позволил Радецкому перейти через Тичино. Благодаря этому был прорван пьемонтский центр, и дивизии, расположенные на другом берегу По, оказались изолированными. Этим исход кампании был, собственно говоря, уже решен.

Всю свою армию, численностью в 60—70 тысяч человек при 120 орудиях, Радецкий расположил тогда между Тичино и Агоньей. Он атаковал с фланга расположенные вдоль Тичино пять пьемонтских дивизий. Четыре близко расположенные дивизии он, благодаря

огромному превосходству своих сил, опрокинул 21 числа у Мортары, Гарлеско и Виджевано и взял Мортару. Этим он заставил пьемонтцев отступить к Новаре, угрожая единственной открытой еще дороге на Турин — из Новары через Верчелли и Кивассо.

Но и этот путь был уже потерян для пьемонтцев. Чтобы быть в состоянии стянуть свои войска и, в особенности, привести расположенную на крайнем левом фланге (у Ароны) дивизию Солароли, они должны были сделать Новару узловым пунктом своих операций, имея, кроме того, возможность произвести свою перегруппировку позади Сесиа.

Будучи уже почти совершенно отрезанными от Турина, пьемонтцы не имели никакого иного выхода, как либо принять бой у Новары, либо переброситься в Ломбардию и организовать народную войну, предоставив Турин своей судьбе, оставив его в руках резервов и национальной гвардии. Тогда Радецкий поостерегся бы двигаться дальше.

Но такой выход требовал, чтобы в *самом* Пьемонте *восстание* было *широко* подготовлено. Этого, однако, не было. Буржуазная национальная гвардия была вооружена, тогда как народная масса была безоружна, хотя она громко требовала оружия, лежащего в арсеналах.

Монархия не осмелилась апеллировать к той самой непобедимой силе, которая в 1793 г. спасла Францию.

Пьемонтцы должны были поэтому принять бой у Новары, как ни неблагоприятно было их положение и как ни велико было превосходство неприятельских сил.

Всей австрийской армии, по меньшей мере в 60 тысяч человек при 120 орудиях, противостояло 40 тысяч пьемонтцев (10 бригад) с сравнительно слабой артиллерией.

Пьемонтская армия была расположена под стенами Новары по обеим сторонам дороги из Мортары.

Левое крыло, две бригады, под начальством Дурандо опиралось на достаточно сильную позицию Ла-Бикокка.

Центр, три бригады, под начальством Беса опирался на ферму «Ла Читаделла» (крепость).

Правое крыло, две бригады, под начальством Перрона опиралось на плоскогорье Корте Нуово, на дороге из Верчелли.

Два резервных корпуса расположены были: один корпус из двух бригад под начальством герцога Генуэзского за левым крылом; второй корпус из одной бригады и гвардии под начальством герцога Савойского, нынешнего короля, за правым крылом.

Расположение австрийцев, согласно их бюллетеню, не так ясно. Сперва второй австрийский корпус, под начальством д'Аспре, атаковал левое крыло пьемонтцев. В то же время сзади подходил третий корпус под начальством Аппеля, а также резервы и четвертый корпус. Австрийцам удалось полностью развернуть свою боевую линию и повести концентрированную атаку одновременно на все пункты пьемонтского боевого строя с таким превосходством сил, что пьемонтцы были раздавлены.

Ключом к пьемонтской позиции была Бикокка. Если бы австрийцы овладели ею, центр и левое крыло пьемонтцев были бы заперты между городом (не укрепленным) и каналом, и их можно было бы либо рассеять, либо принудить сложить оружие.

Поэтому главная атака и направилась против левого пьемонтского крыла, главной опорой которого и была Бикокка. Здесь сражение велось с большим ожесточением, хотя долго без результата.

Оживленная атака велась также и против центра. Ферму «Ла Читаделла» пьемонтцы несколько раз теряли, и несколько раз Бес ее брал обратно.

Когда австрийцы увидели, что здесь натолкнулись на слишком сильное сопротивление, они вновь направили свои главные силы против левого крыла. Обе пьемонтские дивизии были опрокинуты, и сама Бикокка была взята приступом. Герцог Савойский бросился на австрийцев со своими резервами, но тщетно. Превосходство сил императорской армии было слишком велико, позиции были потеряны, и тем самым исход сражения был решен. Единственная возможность отступления, оставшаяся пьемонтцам, был путь в сторону Альп, к Бьелла и Борго-Манеро.

И про это-то сражение, подготовленное при помощи предательства и выигранное благодаря превосходству сил, «Кельнская гавета», так долго изнемогавшая в ожидании победы, говорит: «Это — сражение, которое останется сиять в истории навсегда, ибо победа, одержанная в нем стариком Радецким, явилась результатом столь ловко комбинированных движений и такой *поистине великолепной отваги, что ничего подобного не было со времен великого демона сражений, Наполеона*».

Радецкий или, вернее, Гесс, начальник его генерального штаба, весьма ловко провел свой заговор с Раморино. Это мы допускаем. Что со времени измены Груши при Ватерлоо несомненно не было такой великолепной низости, как та, какую совершил Раморино, тоже верно. Но Радецкий сделан не из того теста, из которого вылеплен «великий демон (!) сражений» Наполеон, — нет, это герой по-

шиба Веллингтона! Победы Веллингтона и Радецкого стоили обоим куда больше *наличных денег*, чем отваги и ловкости.

Мы не останавливаемся на всей прочей лжи, нагроможденной вчера «Кельнской газетой», а именно, будто демократические депутаты бежали из Турина, будто ломбардцы вели себя, как «трусливый сброд» и т. д. Последние события уже выяснены. Эта ложь показывает только радость «Кельнской газеты» по поводу того, что большая Австрия задушила, — да еще при помощи предательства, — совсем маленький Пьемонт.

ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

РУССКИЕ.

Кельн, 21 апреля.

Когда, приблизительно 11 месяцев тому назад, стала выходить «Новая рейнская газета», она была первой газетой, которая заговорила о концентрации русских войск у нашей восточной границы. Тогда многие добродетельные граждане сочли это за преувеличение, за напрасную тревогу и т. д.

Теперь выяснилось, преувеличивали мы или нет. Русские, сперва лишь охранявшие свои границы, стали по мере развития контр-революции переходить в наступление. Июньская победа в Париже привела их в Яссы и Бухарест; падение Вены и Пешта — в Германштадт и Кронштадт.

Год тому назад Россия не была подготовлена к войне; тогда, когда еще был свеж панический ужас перед стихией революции, было легко вышибить из Польши расположенные в ней 30 — 40 тысяч русских войск и сделать ее свободной. Это было предложено, но предложение не было принято. Русским дали время вооружиться, а теперь их армия в 500 — 600 тысяч человек окружает нас от Немана до Дуная и Ольты. Вдоль одной только прусской границы стоит, по сообщению «Остзейской газеты», около 150 тысяч человек; остальные находятся внутри страны, у галицийской границы, в Молдавии и Валахии, в Литве, Подолии и Волыни, в крепостях Ново-Георгиевске (Модлин), Брест-Литовске, Демблине и Замостье, в которых, по сообщению «Остзейской газеты», сосредоточены склады оружия и запасов на 250 тысяч человек.

Та же газета пишет: «Организация продовольственных складов происходит путем выдачи принудительных бонов, за которые каждый землевладелец обязан поставить определенное количество продуктов, потребных для армии. В будущем году эти боны будут приниматься в счет налогов. Этим объясняется слух о том, что русское правительство распорядилось собрать в Польше налоги за год вперед».

Как обстоит дело с принятием этих бонов, мы узнаем от другой стороны. В конце прошлого и в начале этого года польские

помещики должны были сделать огромные поставки, которые, однако были зачтены в счет уплаты налогов. Все были уверены, что этим дело закончится, но оказалось, что теперь должны быть уплачены вперед налоги текущего года.

Из этих чрезвычайных мер по снабжению видно, какие огромные массы русских войск стянуты в Польшу.

Другая газета — «Восточно-Познанская» — сообщает от 13 апреля из Познани: «На западе расположены следующие русские войска: в Царстве Польском стоит корпус Редигера — половина четвертого корпуса Редигера вместе с резервами в общем насчитывает приблизительно 120 000 человек. В Литве стоит так называемый гренадерский корпус (бывш. Шаховского) и часть первого корпуса. Гвардия должна прибыть позднее, — о ее прибытии говорят уже в течение нескольких месяцев. На Волыни, где главная квартира находится в Дубно, расположена остальная часть четвертого Чегодаевского полка. Под Киевом стоит второй вспомогательный корпус, в Кременце — корпус легкой кавалерии (Павлова) в 6 000 — 8 000 человек. В Молдавии и Валахии, наконец, расположен корпус Людерса численностью до 65 000 человек».

Зачем эти войска сконцентрированы — они сами наивно объясняют.

«Рядовые русские и офицеры менее сдержанны в разговорах. Замечательно, что на вопрос, зачем они стоят на границе, они все дают один и тот же ответ: «Наш государь — свояк прусского короля. Когда русские разбили французов в великой войне, вся земля вплоть до Парижа принадлежала государю; он поручил управление различным немецким князьям, а главным военным губернатором назначил своего свояка, князя прусского. Теперь французы и немцы забунтовались, и немецкие князья, а также главный губернатор попросили у государя помощи, — вот потому мы и стоим здесь на границе. Если скоро не восстановится спокойствие, мы пойдем и наведем порядок».

Но это еще не все. Император Николай приказал произвести новый рекрутский набор по 8 человек с тысячи в западной части империи. К приказу приложен список 21 губернии, в которых должны быть набраны рекруты.

Таково положение по ту сторону границы. Полмиллиона вооруженных и организованных варваров только ждут подходящего момента, чтобы напасть на Германию и превратить нас в крепостных православного царя.

Подобно тому как Семиградье однажды уже было занято русскими, подобно тому как в настоящее время требуют, чтобы 30 ты-

сяч русских вступили в эту же область и еще 30 тысяч были посланы через Галицию, подобно тому как банатские сербы тоже умоляют православного царя о помощи — точно так же будет и у нас. Мы ещеждемся, что правительство и буржуазия *призовут в нашу страну русских*, как это недавно было в Семиградье. И к этому дело идет. Победа контр-революции в Вене и Берлине не могла еще достаточно сильно подействовать на нас. Но когда Германия попробует русского кнута, она вероятно иначе поведет себя.

Русские — подлинные освободители Германии, — говорили мы в июне прошлого года. Мы повторяем это и теперь, но теперь мы уже не одни это говорим.

ТРЕТИЙ В СОЮЗЕ.

Кельн, 3 мая.

Сотни раз указывали мы на тот факт, что в коалиции России с Австрией господин фон-Гогенцоллерн со своим министерством играет роль «третьего в союзе». Сотни раз честный немецкий буржуа с возмущением отвергал подобное положение.

Но вот теперь твердо установлено, что одним из тайных оснований для роспуска палаты было то, что, по тайному договору с ольмюцким князем и высочайшим петербургским православным царем, русский князек (Unterknäs) из Сан-Сузи *обязался двинуть в Богемию 40 000 пруссаков* — с одной стороны для подавления народа, а с другой — как резерв против венгров. Даже в церкви св. Павла об этом говорили открыто. Об этом нельзя было заставить молчать даже центр и часть правых в Берлине. Поэтому-то их и прогнали.

Но этого мало. «Берлинская национальная газета» пишет из Берлина от 1 мая:

«Только что узнали из совершенно достоверного источника, что *вчера утром дирекция Верхне-силезской железной дороги получила от министра внутренних дел телеграмму, что 30 000 русских солдат должны быть переброшены из Кракова в Австрию по Верхне-силезской железной дороге (следовательно, из Кракова через Мысловицы, Козель, Ратибор, Одерберг)*. Дирекцию Верхне-силезской железной дороги таким образом предупреждают, что *королевское прусское правительство против этого ничего не имеет* и что оно надеется, что железнодорожная дирекция ни в чем не будет препятствовать этой переброске». Телеграмма была подписана: *фон-Мантейфель*.

Следовательно, мы дошли до того, что императорское русское правительство под фирмой потсдамского князька не только рассылает тайные приказы об аресте Кошута, Бема и Гергея. Нет, оно еще переправляет 30 000 русских сыщиков по железной дороге через Пруссию в Венгрию, — больше того, оно посылает 40 000 прусских солдат в Богемию, чтобы подавить несчастный, задавленный, но жаждущий мести народ!

Слушайте, жители Рейнских провинций! Для того, следовательно, подчинили нас русскому владычеству, чтобы наших сыновей и братьев, жителей Рейнских провинций, как и мы, посылали в Богемию и, может быть, даже в Венгрию, чтобы они *на службе у русского царя* способствовали подавлению последнего народа, защищающего с оружием в руках революцию 1848 года!

Для того нас в 1815 г. предали Пруссии, чтобы и на нас пал позор, будто с нашего попустительства, через *нашу* землю, через страну, с нами связанную в одно государство, пройдут, под звуки музыки, с развевающимися знаменами, русские солдаты против венгерской революционной армии.

Нас только *силой* заставили стать прусскими *подданными* и подданными оставаться. *Мы никогда не были пруссаками. Но теперь*, когда нас ведут против Венгрии, когда прусскую землю топчут русские разбойничьи банды, — теперь мы чувствуем, что мы — пруссаки, — да, *мы чувствуем, как позорно носить имя пруссака!*

ЦАРЬ И ЕГО КНЯЗЬКИ.

Кельн, 8 мая.

Говорят, что французский посол в Берлине *протестовал против вступления пруссаков в Саксонию*.

Итак, французское правительство видит, наконец, что восточно-европейская контр-революция угрожает и ему, что новый священный союз имеет конечной и высшей целью не что иное, как завоевание и — на этот раз может быть — *раздел Франции*.

Нам положительно известно, что по договору, заключенному между православным царем и его двумя князьками (Unterknäsen) из Ольмюца и Потсдама, завоевание Франции, сокрушение республики и возведение на *престол Франции и Наварры* «легитимного короля», «сына святого Людовика», идиота *Генриха Бордоского* намечены конечной целью союза.

Что Одилон Барро участвует в этом заговоре — едва ли подлежит сомнению.

Вот что вам предлагают, прусские ополченцы! Вас отрывают от домашнего очага, от жен и детей, чтобы сперва заставить вас бороться против ваших братьев в Германии и в Пруссии и способствовать подавлению последнего остатка свободы, завоеванной вами в прошлом году, а затем бросить вас против венгерцев, которые идут на помощь вашей находящейся под угрозой свободе. А когда вы исполните это дело к удовольствию ваших князей и вашего верховного господина и повелителя царя Николая, тогда вас поведут через Рейн против того народа, геройские восстания которого в 1789 — 1794, 1830 и 1848 гг. дали вам все свободы, которыми вы пользуетесь.

Разве для того завоевали вы себе в прошлом году, грозной народной массой сражаясь на баррикадах, некоторую свободу, чтобы теперь, в качестве ополченцев, способствовать ее подавлению и чтобы затем, на службе у вашего высочайшего повелителя, русского царя, сокрушить обе твердыни свободы — Венгрию и Францию!

НОВАЯ СТАДИЯ ПРУССКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ

ПОЗНАНЬ.

Кельн, 28 апреля.

Наши читатели будут нам благодарны, если мы время от времени будем останавливаться на «блеске и мощи» нашего гогенцоллернского королевского дома и на поразительном одновременном процветании главной опоры этого благородного трона — столбового бранденбургского юнкерства, насажденного во всех провинциях.

Сегодня мы остановимся в нашем поучительном исследовании на польской части нашего отечества в узком смысле слова. Как раз прошлым летом, в связи с пресловутым замирением и реорганизацией Польши при помощи прапнели и адского камня, мы вскрыли германо-еврейскую ложь «о преобладающем немецком населении» в городах, «крупном немецком землевладении» в сельских местах, о королевско-пруссских заслугах в росте общего благосостояния. Читатели «Новой рейнской газеты» помнят, как мы установили по официальным переписям и сообщениям архиепископа Гнезенского и Познанского буржуазному «временному» министру Кампгаузену, что в частях этого края, входящих в прусскую демаркационную линию, немцы составляют не около половины, а едва около шестой части населения. Между тем лживые статистические сведения прусского правительства постепенно все увеличивали число этого мнимо-немецкого населения по мере того, как ход контр-революции делал, казалось, возможным новый раздел и новое уменьшение польской части. Мы установили тогда, что германские национал-глупцы и спекулянты из франкфуртского болотного парламента при этих переписях все еще причисляли к немцам и польских евреев, хотя эта отвратительная порода ни по своему жаргону, ни по происхождению, а разве только по страсти к барышу может состоять в родственных отношениях с Франкфуртом. Мы установили, что в отдельных округах здесь имеется во всяком случае весьма незначительное число мелких немецких землевладельцев, и то лишь в результате вероломной прусской спекуляции на польской нужде, ибо, по кабинетному приказу 1833 г., все продававшиеся с публичных торгов имения могли приобретаться

исключительно только прусскими поместными дворянами, которых правительство сужало для этой цели деньгами. Наконец, как мы установили, отеческие благодеяния и заслуги Гогенцоллернов состояли в том, что после мартовской революции из трусости ими были даны самые соблазнительные обещания о «национальной реорганизации», а затем, с ростом контр-революции, они пятикратными, все более обширными разделами стянули петлю на шею страны, потом обусловили «реорганизацию» «успокоением», «сдачей оружия» и, наконец, когда последнее было выполнено, напустили на безоружный доверившийся край «славное войско», чтобы в союзе с евреями разграблять церкви, сжигать деревни, до смерти избивать поляков на публичных площадях шомполами или жечь адским камнем и, отомстив за веру в «мартовские обещания», воздавать на этом покрытом трупами поле хвалу господу богу и его христианско-германскому величеству.

Таково было богоугодное дело прусской «реорганизации» в Познани. Теперь обратимся к происхождению больших прусских поместий, государственных имуществ и имений.

Их история не меньше осветит нам «блеск и могущество» дома Гогенцоллернов и доблести излюбленных опричников.

В 1793 г. три коронованных вора разделили между собой приз в виде Польши на том же основании, на каком три уличных грабителя делят между собою кошелек безоружного путешественника.

Познань и Южная Пруссия получили тогда Гогенцоллернов в качестве *наследственных* властителей в том же порядке, как получила их на правах *наследственных* же властителей Рейнская провинция в 1815 г., — в порядке торговли рабами и душами! Как только это право торговли людьми уничтожится, Польша, как и Рейнская провинция, вычеркнет красной жирной чертой *наследственного* великого герцога Гогенцоллернского из его владений.

Прежде всего отеческая прусско-гогенцоллернская благосклонность к ограбленной стране проявилась в конфискации королевских и церковных польских имений. В общем мы не имеем ни малейших возражений против такой конфискации; больше того, мы надеемся, что скоро дойдет очередь и до других королевских имений. Мы только спрашиваем, в чьих интересах были использованы эти конфискованные имения? В интересах ли «общего благосостояния» страны, о котором так милостиво заботилось бранденбургское отечество в деле умиротворения и реорганизации 1848 г.? Или в интересах народа, потом и кровью которого созданы эти имения? Посмотрим.

На тогдашнего министра Гойма, который в течение двадцати лет

управлял провинцией Силезией совершенно независимо от какого бы то ни было контроля и пользовался этой властью для самого утонченного плутовства и вымогательства, в награду за его заслуги перед богом, королем и отечеством было точно так же возложено управление Южной Пруссией. Гойм предложил своему господину и повелителю, в интересах «блеска и могущества» династии и ради создания преданного ей блестящего и могущественного провинциального юнкерства, раздарить так называемым «заслуженным людям» как можно больше церковных, выморочных и конфискованных имений. Это и было сделано. Рыцари авантюры, фавориты королевских любовниц, креатуры министров, сообщники, которым хотели заткнуть рот, во множестве одарялись крупнейшими и богатейшими в ограбленном крае поместьями. И таким образом были насаждены среди поляков «германские интересы» и «преобладающее германское землевладение».

Из осторожности, чтобы не возбуждать королевской алчности, Гойм определял королю стоимость этих имений в четыре-шесть, а нередко еще более раз ниже действительной их стоимости. Гойм боялся, — и, вероятно, не без основания, — что если король узнает настоящую стоимость этих имений, он прежде всего станет думать о своем собственном государевом кармане. За четырехгодичное правление Гойма после «замирения», с 1794 по 1798 г., были таким образом подарены в Познанском административном округе — 22, в Калишском, бывшем Петроковском округе — 19, в Варшавском округе — 11, а всего 52 больших и малых владения, которые в сумме содержат не меньше 240 отдельных поместий. Королю стоимость этих поместий была показана в $3\frac{1}{2}$ миллиона, действительная же их стоимость составляла больше *двадцати миллионов талеров*.

Поляки попомнят это, когда им придется при ближайшей революции выколачивать украденные у них по праву работорговли эти двадцать миллионов талеров, эти польские миллиарды!

Только в одном Калишском округе подаренные имения составляли по площади *более одной трети* всех королевских и церковных владений. Доходы этих подаренных имений даже по жалким дарственным оценкам 1799 г. составляли ежегодно 247 тысяч талеров.

В Познанском административном округе владение Двинск, с его обширными лесами, было подарено галантерейному торговцу Трескову. В то же время рядом лежащее старостатство Шрин, не имеющее ни одного деревца, было объявлено государственным доменом и вышуждено было покупать лес для себя за государственный счет в Тресковском лесничестве.

Наконец, в других округах дарственные грамоты определенно освобождали эти владения от обычных податей и даже «на вечные времена», так что ни один прусский король не был в праве обложить их новыми податями.

Мы сейчас увидим, в какой форме и каким «заслуженным мужам» были подарены эти ворованные имения. Размеры полученных этими помещными дворянчиками даров заставляют нас, однако, ради цельности, посвятить этому предмету особую статью.

РОСПУСК ВТОРОЙ ПАЛАТЫ.

Кельн, 28 апреля.

Слух, распространявшийся сегодня днем по городу, вечером подтвердился. Король и его военно-полевое министерство *распустили вторую палату*.

Подробности можно найти ниже в сегодняшних сообщениях из Берлина.

Этим фактом король и его военно-полевые министры еще раз *нарушили свое слово*. Согласно октроированной 5 декабря военно-полевой конституционной хартии, палаты определенно созывались для того, чтобы «пересмотреть конституцию». Лишь после того как первые, созванные при этой конституции, палаты произвели бы пересмотр этого произведения, только после этого последнее должно было получить окончательную силу. Таков смысл того, что октроировали в декабре прошлого года.

Следовательно, палаты имели, по крайней мере, частичные *учредительские полномочия*. Следовательно, до тех пор, пока они этих полномочий не выполнили, пока они в союзе с короной не произвели пересмотра конституции, они не *могли быть распущены*, как не могло быть распущено и покойное собрание, созванное для согласования прусской конституции.

Все же ее разогнали, эту несчастную палату, составленную при диктатуре сабли, под гнетом штыка, путем подкупа, застраивания и обмана!

Это называется «прусская честь», «прусская верность».

Если бы министры подождали еще хотя бы недели две, быть может венгерско-австрийская революция избавила бы их от труда и разогнала бы обе палаты.

Что, впрочем, должен означать этот новый насильственный акт, — совершенно ясно. Над нами воцарится господство сабли в *квадрате*. Нам всемилостивейше октроируют законы о печати, о клубах, о мятежах, о плакатах и т. д., так что немецкий филистер прослезится от восторга. Будут преследовать, регламентировать,

арестовывать. Распространят повсюду осадное положение и, как венец всего, введут, наконец, новую конституцию, новое цензовое избирательное право и палату лордов, и нынешняя первая палата будет фигурировать как *вторая*.

Словом, пойдут так далеко, как только позволит прусская смелость.

Мы, с своей стороны, выражаем только желание, чтобы господин Мантейфель созвал покойный Соединенный ландтаг.

КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЛАНЫ В БЕРЛИНЕ.

Кельн, 30 апреля.

Планы нашего контр-революционного правительства постепенно выступают наружу.

Существовало намерение открыть с 27 апреля новую стадию прусской контр-революции. Хотели провоцировать берлинский народ на уличную борьбу; быть может, à la Cavaignac (в духе Кавеньяка) дать восстанию принять «широкие размеры», затем подавить его средствами Кавеньяка и с таким же перевесом сил, как у Кавеньяка; потом установить военный суд, нескольких депутатов и порядочное число смутьянов наградить порохом и свинцом; наконец, путем нового октроирования освободить себя от обременительных пут, которыми даже военно-полевая хартия 5 декабря все еще связывает нашу контр-революцию.

В спровоцированном восстании нашли бы как раз достаточный предлог утверждать, что народ еще не «созрел» для милостиво пожалованных свобод, что при таком избирательном законе и при такой конституции нельзя управлять. «Чтобы помешать пролитию крови», стало быть — в интересах самого народа, надо уничтожить последние остатки свободы. «Чтобы помешать пролитию крови», надо было всю страну, кроме Восточной Померании, объявить на осадном положении. Все это можно было бы утверждать, лишь устроив приличное восстание в Берлине, с обязательными беспорядками в Бреславле, Магдебурге, Кельне и т. д., и удачно обстреляв восставших картечью.

Этим и объясняются и жестокости констеблей по отношению к собравшейся в кулуарах левой, и военная блокада Денгофской площади, и стремительная пальба по безоружной спокойной толпе, которая не могла укрыться, потому что все улицы были для нее отрезаны.

Спокойное поведение народа, несмотря на всю провокацию, разрушило планы контр-революционеров. У них нет никакого повода для октроирования, а октроировать они должны. Может быть,

сегодня вечером мы узнаем, на какие новые уловки решились эти господа.

Какие грандиозные планы строились — видно из всего. Это видно, во-первых, из одновременного роспуска палаты в Ганновере, а во-вторых и в особенности, из поездки господина Радовица в Берлин.

Господин Радовиц является душою прусской контр-революции. Господин Радовиц составил план ноябрьской контр-революции, но сам он еще держался за кулисами, интригуя во Франкфурте в пользу прусской наследственной императорской власти. На этот раз господин Радовиц сам поехал в Берлин, — говорят, чтобы выступить открыто и стать премьер-министром. *Министерство Радовица* — вот где собака зарыта.

Мы знаем, далее, положительно следующие факты:

I. В течение *прошлой* недели все уездные президенты получили циркуляр от обер-президентов, в котором сообщалось о *предстоящем роспуске палаты* и давалось указание принять все необходимые меры предосторожности.

II. Всем окружным правлениям разослан был министерский циркуляр, в котором говорилось:

1. *Всем бургомистрам* должно быть предписано ежедневно сообщать соответствующим окружным правлениям о впечатлении, произведенном роспуском палаты. Правления, со своей стороны, должны представлять об этом в министерство *сводные доклады*.

2. Новых выборов пока не будет. Вместе с тем против многих членов *«так называемой»* левой *будут приняты меры*.

3. *Должны быть приняты все меры предосторожности, чтобы подавить всякую попытку к мятежу*.

Рескрипт подписал Мантейфель.

Господин Мантейфель или, вернее, его шеф, господин Радовиц, не мог оказать развивающейся *венгерско-польско-германской революции* никакой *лучшей* услуги, как открыто выступить сейчас со своими планами восстановления абсолютизма.

ПРУССКИЙ ПИНОК ФРАНКФУРТЦАМ.

Кельн, 1 мая.

Еще одна новая страница в истории прусской контр-революции. Король дал Франкфуртскому собранию решительный пинок и с презрением бросил ему в лицо предложенную бумажно-золотую корону воображаемой империи.

Если бы в надлежащее время Франкфуртское собрание вело себя энергично, оно могло бы отдать сейчас приказ об аресте этого опьяненного своим высокомерием Гогенцоллерна и предать его суду приязненных за оскорбление Национального собрания (сентябрьский закон 1848 г., обнародованный также и в Пруссии). До сих пор не существует еще ни одного «имперского» закона, который установил бы безответственность отдельных государей в отношении империи. А безответственность в качестве императора Гогенцоллерн отклоняет от себя сам.

Новая прусская «имперская» нота 28 апреля смягчает этот «имперский» пинок несколькими благосклонными замечаниями по поводу так называемой германской имперской конституции. Это невинное произведение изображается в прусской ноте как корень всех зол и как «превосходящий всякие пределы» крайний продукт революции и тайного республиканизма.

Церковь св. Павла — карбонарийская разбойничья пещера! Велькер и Гагерн — тайные республиканцы, «Мерос — с кинжалом, спрятанным в одежде», Бассерман, пред взором которого постоянно витают привидения и который приобрел совсем «бассермановский образ»! Франкфуртским благородным мужам это, естественно, льстит после того презрения, которым дарил их народ, тех проклятий, которые посылали им раздавленные во Франкфурте и Вене баррикадные бойцы. И люди всех мастей, вплоть до господина Фогта, в состоянии действительно поверить таким нелепостям.

Прусская нота, это — последняя угроза Франкфуртскому собранию, пока еще не приступлено к его разгону. Еще раз несговорчивый Гогенцоллерн протягивает руку для «соглашения». И в самом

деле — после того как собрание так далеко зашло, оно могло бы сделать еще один маленький шаг и совершенно стать орудием Пруссии.

А между тем часть народа, и в особенности крестьяне и мелкие буржуа южно-германских грабительских государств (Raubstaaten), цепляется за собрание и так называемую имперскую конституцию. Армия благоприятно настроена к имперской конституции. Народ видит в каждом даже жалком шаге на пути к объединению Германии шаг к освобождению от мелких государей и от давящей тяжести налогов. Значение имеет в этом отношении также и ненависть к Пруссии. Швабы сделали даже революцию в защиту так называемой имперской конституции. Естественно, то была буря в стакане воды, но все же хоть что-нибудь.

Таким образом, разгон Франкфуртского собрания не мог бы пройти легко, если бы франкфуртские честные мужи обладали хотя бы небольшой дозой мужества. Они имеют сейчас последнюю возможность смыть с себя хотя бы небольшую часть своих грехов. При победах венгров, при распаде Австрии, при страстной ненависти прусского народа к изменам Гогенцоллерна-Радовица-Мантейфеля — Франкфурт и Южная Германия, открыто поднявшись на защиту имперской конституции, могли бы стать временным центром нового, опирающегося на Венгрию, революционного подъема.

Но тогда эти господа не должны были бы бояться *провозгласить гражданскую войну* и в крайнем случае, когда наступил бы решительный момент, предпочесть единую и неделимую германскую республику реставрации Союзного сейма.

Но тот, кто допускает возможность чего-нибудь подобного о франкфуртцах, жестоко ошибается. Эти господа немного пошумят, немного будут упираться, поскольку этого требует хотя бы некоторая степень приличия, и затем примут все, чего потребует от них упрямый Гогенцоллерн. Народ, быть может, кое-где начнет строить баррикады, но будет предан, как 18 сентября.

Тем самым закончилась бы вся пресловутая игра в государственные перевороты, поскольку это зависело бы от франкфуртских господ. Но, быть может, свое слово скажут еще венгерские гусары, польские уланы и венские пролетарии, — и тогда все дело может принять еще и другой оборот.

РОСПУСК.

Кельн, 1 мая.

Прибывшие сюда вчера депутаты рассказывают, что и в *Дрездене палата распущена*.

Ганновер, Берлин, Дрезден, — в Мюнхене заседания палаты пока только отерочили, — честный немецкий гражданин, разве ты не видишь, что над тобою собираются насмеяться?

В прошлом году, когда было созвано Франкфуртское собрание, Пруссия приказала всем грабительским государствам (den Raubstaaten) созвать у себя палаты. Сейчас, ровно год спустя, Пруссия приказывает все палаты распустить. Тогда Кампгаузен, сейчас Мантейфель. В обоих случаях одна и та же цель, одно и то же намерение. Вопреки всяческим фразам, Кампгаузен и Мантейфель идут рука об руку.

И есть еще люди в Германии, которые защищают князей!

МАЙСКИЕ СОБЫТИЯ

СЪЕЗД РЕЙНСКИХ ГОРОДОВ.

Кельн, 3 мая.

Съезд рейнских общинных советов, хотя в менее официальной форме, но все же состоится в ближайший *вторник*.

Само собой разумеется, что мы ничего не ждем от этого собрания буржуа, избранных по трехклассной цензовой системе, при устранении народных масс от выборов. Изберут депутацию в Берлин, которая к господину Гогенцоллерну не будет допущена. Но, быть может, конгресс вовсе и не состоится. В воскресенье должны произойти здесь, в Кельне, разные партийные съезды. Правительство любой ценой добивается конфликта между народом и войском, дабы иметь возможность расправиться с рейнцами так же, как расправились с берлинцами.

От рабочих Кельна зависит, будет ли разрушен этот миленький прусский план. Спокойным поведением, непоколебимым хладнокровием по отношению ко всякой провокации войск кельнские рабочие могут отнять у правительства всякий повод к насильственным действиям.

Предстоят решительные события. Вена, Богемия, Южная Германия и Берлин волнуются и выжидают подходящего момента. Кельн может помочь, очень сильно помочь, но он не может первым *начать* решительные действия.

Пусть кельнские рабочие подумают в ближайшее воскресенье особенно о том, что всякие правительственные провокации стремятся лишь вызвать такой взрыв, который произошел бы в *неблагоприятный для нас и благоприятный для правительства момент*.

Лишь крупные события творят революцию. Но когда поддаются на вызов правительства — самое большее, что может получиться, это — бунт.

Рабочие Кельна, помните о 25 сентября!

ОНИ ХОТЯТ ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

Кельн, 5 мая.

Упорен слух, что в воскресенье, по случаю окружных конгрессов партий славному граду Кельну опять даруют *осадное положение*.

Из разных мелких приготовлений военной власти видно, что она готовится ко всяким возможностям. Больше того. Принимаются меры, которыми, повидимому, намереваются провоцировать беспорядки.

Почему, например, вдруг разрешили «моему доблестному воинству», к величайшему удивлению самих солдат, оставаться вне казарм *до десяти часов вечера* вместо девяти?

Затем снова заговорили о предстоящих *арестах*. Мы охотно верим этому. Произвести аресты давно собираются. К тому же известно, что однажды уже арестами удалось спровоцировать беспорядки.

Повторяем: весьма важно, чтобы кельнские демократы и, в особенности, *рабочие* приняли все меры к тому, чтобы завтра жаждущим осадного положения властям *не дано было никакого повода*, которым они могли бы оправдать свои насильственные действия.

От последних контр-революционных действий прежде всего страдает *буржуазия*. Буржуазия соввала съезд городов. Поэтому *буржуазии надо предоставить честь почина*. Нужно подождать, какое решение примут эти господа во вторник. Мы убеждены, что некоторые демократические простаки будут жестоко разочарованы результатами этого торжественного «съезда городов».

Это факт: если осадное положение будет объявлено до вторника, то съезд городов не состоится, и никто не будет более доволен этим, нежели те именно господа, *которые его создали*.

Если рабочие завтра дадут себя толкнуть на беспорядки, то они лишь *будут таскать каштаны из огня для буржуазии*, а вместе с тем и *для правительства*. Захотят ли они дать себя использовать для этого в такое время, когда во всей Германии назревает *гражданская война* и когда скоро, может быть, у них будет возможность выступить *со своими собственными требованиями*?

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ БЫСТРО НАДВИГАЕТСЯ.

Кельн, 9 мая.

Контр-революция надвигается быстрыми шагами, но революция развивается еще быстрее.

Если контр-революция достигла в *Дрездене* успехов, которые дают основание предвидеть ее победу, если в *Бреславле* она при помощи удачно спровоцированного путча добила *осадного положения, цензуры и военных судов*, то революция может записать в свой актив совсем другие победы.

Мы не будем говорить о быстро растущем *открытом мятеже* ополченцев в *рейнской Пруссии*, охватившем как раз наиболее черно-белые округа; мы не будем говорить и о южно-германском движении, которое повсюду предано правительствами, буржуазией и даже *Франкфуртским собранием*. Мы будем говорить лишь о тех крупных событиях, которые, врываясь извне, могут придать единство, прочную связь мелким, единичным, преданным и проданным немецким движениям: о мадьярской и французской революциях.

В то время как *мадьярская революция* одерживает одну победу за другой и после первого решительного боя (который должен был произойти 5-го или 6-го у *Пресбурга*) двинется непосредственно на Вену и освободит ее, — *Франция* опять вдруг вступает в открытое, развивающееся среди белого дня движение. Невидимому подземному развитию последних месяцев наступает конец. Поражение французской армии под Римом разоблачает и компрометирует бывшее до сих пор у дел правительство. Снова появляется на сцене народ, этот последний, верховный судья. И произойдет ли это на выборах или в открытой революции, но французский народ в скором времени даст движению толчок, который отразится во всей Европе.

Европейские монархи скоро заметят, что избранный народ революции остался тем же, каким был, французская революция 1849 г. будет интерpellировать их не ламартиновскими фразами, а пушками.

НОВАЯ ПРУССКАЯ КОНСТИТУЦИЯ.

1.

Кельн, 15 мая.

Мы должны отметить еще последние проявления отеческого попечения потсдамского вассала по отношению к его подданным, «приобретенным» грабежом и торговлей людьми. Мы имеем в виду вновь дарованную хартию военного положения, это единственно правдивое из всех гогенцоллернских обещаний, в котором прусское величие предстало, наконец, даже пред самыми тупыми людьми в своей естественной наготе, сбросив с себя последние лицемерные комедиантские облачения.

Разгон безобидных берлинских палат, которые должны были «пересмотреть» дарованную 5 декабря конституцию, был, как известно, только необходимой подготовкой для вступления русских на немецкую территорию. Но соединение потсдамских башкирцев с родственными им собачьеносыми (*hundenüstrige*) казаками православного царя имело еще другую цель, кроме пресловутого тройственного нашествия на Венгрию, в котором Пруссия, по своей трусливой и вероломной натуре, стояла, точно сыщик, у ворот с приказами об арестах, между тем как австрийские и русские палачи должны были заняться кровавой расправой внутри страны. Истинная цель этого гогенцоллернского договора заключалась в том, чтобы вступлением русских внушить потсдамскому герою необходимое мужество отомстить революции за вынужденное у него в марте прошлого года сознание в трусости.

Нам незачем делать экскурсы в область истории, чтобы показать прирожденную трусость Гогенцоллернов, свойственную им во все времена, или даже восходить до предков этой благородной семьи, которые из-за кустов и заборов подстерегали беззащитных путников и в качестве разбойников по большим дорогам положили основание «величию и блеску семьи». Нам незачем напоминать хвастливый поход Фридриха-Вильгельма II против французской республики, с которого великий Гогенцоллерн бежал первым, предав немецкие

«имперские войска», чтобы вместе с Россией провести новое ограбление Польши; еще менее нужно нам говорить о той жалкой роли, какую играл его преемник Фридрих-Вильгельм III в войнах императоров, прежде чем он лживыми обещаниями погнался «свой народ» в бой. История с «мартовскими завоеваниями» была лишь продолжением старой «наследственной» трусости и вероломства. Согласительное собрание было первой уступкой *трусости* пред революцией, которая сменила пресловутые хвастливые речи отвесительно «куска пергамента»; оно было разогнано, когда падение Вены дало необходимое для этого мужество вновь окрепшему Гогенцоллерну. Дарованная конституция с «пересматривающими» палатами была вторым трусливым лицемерием, так как «сильная корона» в то время считала еще необходимыми некоторые либеральные уступки. Палата была распущена, когда заговор с русским царем и властелином пришел к желанному концу. Но только *действительное* вступление русских на немецкую территорию, *действительная* близость казачьей поддержки дали Гогенцоллерну мужество выступить с последним планом об уничтожении последних лицемерных «конституционных гарантий» путем введения самой неограниченной, самой произвольной военной диктатуры, путем отмены старых, даже домартовских законов и судов и мести «свинцом и порохом» революции за проявленную в мартовских уступках гогенцоллернскую трусость.

Таково историческое происхождение вновь дарованной военно-полезной конституции. Рассмотрим теперь ее содержание.

Согласно ст. 1 и 2, не только каждый комендант крепости может «на случай волнений» объявить свою крепость в осадном положении, но и каждый «командующий генерал» может объявить в осадном положении *весь округ армейского корпуса*.

«На случай волнений», *c'est-à-dire* (т. е.) если комендант или генерал сочтет нужным предвидеть «случай волнений». Или, может быть, гогенцоллернские министры, в стилистических упражнениях которых обыкновенно господствует изумительно обильный недостаток грамматических сведений, хотели сказать в «случае волнений»? Толкование предоставлено испытанному пониманию генералов и комендантов.

Таким образом, «на случай волнений» комендант может объявить свою крепость, а командующий генерал целую провинцию, в осадном положении. Границы этого «случая» не определены. Должен ли «случай волнений» проявиться непременно внутри крепости либо провинции, или же крепости либо провинции должна угрожать опасность на большем или меньшем расстоянии, — это также должен

решить «такт» генерала и коменданта. А «такт», по замечательному выражению генерал-лейтенанта Титцена, — главное качество прусского офицера.

Но власть генерала на «случай волнений» тоже удивительно ограничена в интересах всех любителей помечтать о правовой почве. Только «на случай войны» генералы и коменданты могут *самостоятельно* объявлять свои провинции и крепости в осадном положении. Но «на случай волнения», — объясняет ст. 2 новой хартии, — объявление осадного положения исходит от министерства. Комендант имеет право объявлять на осадном положении свою крепость, а генерал — свою провинцию «в этом случае» только *временно*, предварительно, до его утверждения или (!) отмены министерством. Приятная уверенность подданных, которым угрожают волнения! Разве у нас не «ответственные» министры? Разве только «временная» комендантская или генеральская диктатура не спасает «правовую почву» тем, что последней инстанцией являются «ответственные» министры? Правда, «временное» осадное положение дает коменданту или генералу, по ст. ст. 7 и 13, право *временно* отменять обыкновенные суды, *временно* вводить военные суды, которые тоже *временно* приговаривают к *смертной казни* (ст. 8) и *временно* приводят в исполнение смертные приговоры в течение 24 часов (ст. 13, § 7). Но «правовая почва» все же спасена последним утверждением «ответственных» министров, — и да здравствует правовая почва! Наше единственное скромное желание при этом заключается в том, чтобы над сторонниками правовой почвы прежде всего были испробованы *временные казни* именем бога и его христианско-германского вассального величества.

II.

Кельн, 16 мая.

Сервантес где-то рассказывает об одном храбром альгвазиле (судейский чиновник) и его письмоводителе, которые для охраны общественной нравственности содержали двух женщин с более чем двусмысленной репутацией. Эти услужливые нимфы выступали на больших ярмарках или в других торжественных случаях в такой одежде, что уж издали можно было узнать птицу по полету. Если им удавалось подцепить какого-нибудь чужестранца, они тотчас же умудрялись дать знать своим возлюбленным, в какую гостиницу они пошли. Альгвазил и его письмоводитель врывались туда, к великому негодованию женщин, разыгрывали сцену ревности и отпускали чужестранца только после долгой мольбы и внесения соответственного денежного вознаграждения. Таким образом, они соединяли собственную выгоду с интересами общественной нравственности, так как обобранные избегали скоро снова отдаваться своим порочным наклонностям.

Как эти охранители нравственности, так и прусские герои порядка имеют упрощенный способ заботиться о нормальном военно-полевом спокойствии. Вызывающая посылка нескольких пьяных представителей правосудия, несколько вызывающих сабельных ударов по народной толпе, — и вызванное этим возбуждение в каком-нибудь заброшенном городе или в деревне дает повод объявить осадное положение для охраны всей *провинции* от преступных волнений и для того, чтобы лишить ее последнего остатка конституционного достоинства.

Согласно ст. 5 новой военно-полевой хартии, «военный начальник» может при объявлении осадного положения *по округам* приостановить действие ст.ст. 5—7 и 24—28 последних октроированных в декабре «достижений»

Посмотрим, что же останется от мартовских обещаний, если мы устраним из них разоктроированные новой военно-полевой хартией статьи. «На случай волнения», по усмотрению какого-нибудь «военного начальника», прекращается, таким образом, действие:

Ст. 5 декабрьской конституции: *«Личная свобода обеспечена»*.

Ст. 6. *«Жилище неприкосновенно»*.

Ст. 7. *«Никто не должен быть лишен узаконенного для него суда»*.

Ст. 24. *«Каждый прусский гражданин имеет право и т. д. свободно высказывать свои мнения»*.

Ст. 25. *«Проступки, совершенные путем устного или печатного слова, и т. д. наказуются согласно общим уголовным законам»*.

Ст. 26. *«Если автор произведения известен и находится в пределах досягаемости судебной власти, типограф, издатель и распространитель не подлежат наказанию»*.

Ст. 27. *«Все прусские граждане имеют право мирно и без оружия собираться в закрытых помещениях»*.

Ст. 28. *«Все прусские граждане имеют право объединяться в общества для таких целей, которые не противоречат уголовным законам»*.

Но как только военный начальник объявляет «на случай волнения» осадное положение, личная свобода уже больше не обеспечена, жилище больше не считается неприкосновенным, прекращается действие «узаконенных» судов, свободы печати, охраны типографчиков и права союзов, и даже «общества» филистеров, казино и балы, «цель которых не противоречит уголовным законам», могут существовать только *par grâces de M. le commandant* (по милости господина коменданта), но отнюдь не по «праву».

Вместе с тем ст. 4 новой военно-полевой хартии гласит, что «с объявлением осадного положения (*pur et simple*) исполнительная власть переходит к *военному* начальнику и что органы гражданского, административного и муниципального управления должны исполнять распоряжения и поручения военных начальников». Этот параграф благополучно отменяет все обычные формы коммунального управления, и на волов тупой и наглой бюрократии, как «лакеев для поручений», надевается ярмо всемогущей военной диктатуры.

Ст. 8 и 9 определяют наказания, которыми гогенцоллернская власть думает защищать свою безопасность и порядок при помощи штыков и пушек. Этот новый уголовный закон во всяком случае имеет преимущество краткости пред всеми скучными соглашательскими правовыми теориями.

Ст. 8. *«Провинившийся в объявленном на осадном положении месте или округе в умышленном поджоге, в умышленном устройстве наводнения (какая предусмотрительность!) или в насильственном нападении с опасным оружием в руках или сопротивлении»*

вооруженной силе либо представителям гражданских и военных властей наказуется смертной казнью».

«Сопротивление вооруженной силе или представителям власти». Известны действия «моего доблестного воинства», известно, как храбрые померанцы, пруссаки и полабы, которыми в интересах единства так усиленно набивают западные провинции, по высочайшему примеру соразмеряют свое мужество со степенью грозящей им опасности, а после разоружения граждан, как это было в Дюссельдорфе, Бреславле, Познани, Берлине, Дрездене, увенчивают осадное положение убийством беззащитных женщин и детей. «Коренным» подданным потседамского башкирского князя предоставлена, таким образом, заслуживающая высокой признательности свобода дать после объявления осадного положения мужественным исполнителям отеческого благоволения «закономерно» себя убить или оказать «сопротивление» и быть расстрелянными военно-полевыми судами.

Надо ли еще говорить о постановлениях ст. 9, на основании которых распространение сведений, вводящих в «заблуждение» власти, *нарушение* «изданного в интересах общественной безопасности запрещения» и т. д. караются тюремным заключением *до одного года*, и даже самые обыкновенные полицейские и жандармские функции получают военно-полевое усовершенствование?

Надо ли еще упоминать о трусливом вероломстве, с которым гогенцоллернский отец народа и его креатуры Симонс-фон-дер-Гейдт-Мантейфель декретируют образование военно-полевых судов из *трех* «высших офицеров» и двух гражданских судей, *назначаемых* военным начальником, чтобы сохранить в глазах безмозглых буржуа видимость «судебной» процедуры, и все же, благодаря численному преобладанию военных палачей, заранее быть уверенными в осуждении?

Нужно ли упоминать о различных постановлениях ст. 13 о «действии военных судов», в которых нигде нет речи о свидетельских показаниях, но на основании которых можно судить в духе кровавадного Виндишгреца, очевидно, «смотря по обстоятельствам»?

Надо ли упоминать о тех постановлениях, согласно которым приговоры военно-полевых судов не подлежат обжалованию, и смертные приговоры утверждаются только «военным начальником» и приводятся в исполнение в течение 24 часов, и *даже после отмены осадного положения* «обыкновенные суды» могут относительно не приведенных в исполнение приговоров военно-полевых судов только заменять степень наказания военно-полевого суда степенью уголовного уложения о наказаниях, но самую «виновность» должны

принимать как доказанную» и не могут обсуждать правильность или неправильность обвинения?

Надо ли нам, наконец, останавливаться на последней, самой замечательной статье этой новой, подкреплённой казаками конституции, согласно которой *«и вне осадного положения»*, следовательно, *«не на случай волнений»*, ст. ст. 5, 6, 24—28 декабрьского завоевания, «личная свобода», «неприкосновенность жилища», «свобода печати» и «право союзов» могут *отменяться в отдельных округах?*

После всех этих прелестей нам незачем выражать благомыслящим пруссакам пожелания благополучия в новых *единственно-верных* обещаниях, в предстоящем благодаря близости казаков излиянии истинного отеческого благоволения. Мы искренне радуемся этому кровавому наказанию жаждущих порядка буржуазных душ и жалких остолопов, мечтающих о почве права.

Но народ, благодаря этому новому «завоеванию», скоро сумеет расправиться с этим лживым, трусливым, мучающим страну отродьем, и Рейнская провинция прежде всего не упустит долгожданного часа, когда мы воскликнем: *Ça ira!*

К нам рыцарей жалкая рать
Свой обратит затылок,
Мы ж на прощанье их угостим
Из длинных железных бутылок.

ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ДЮССЕЛЬДОРФЕ.

Кельн, 12 мая.

В Дюссельдорфе уже вчера вступила в силу «новая конституция» — отмена обыкновенных законов и обыкновенных судов с предоставлением «моему доблестному войску» отеческой привилегии убийств.

После победы над народом и резни командир запросил в Берлине инструкций. От подручных господина Гогенцоллерна, от Бранденбурга-Майнфельда, получился по телеграфу приказ ввести *кровавый закон* и военный палаческий суд.

На основании ст. 1 военной конституции отменено право союзов и лишены силы статьи 5, 6, 7, 24, 25, 26, 27 и 28 октроированной кабацкой хартии.

В прошлом году под властью «гражданина и коммуниста» Дригальского при объявлении осадного положения дюссельдорфская пресса была подвергнута цензуре, и эта мера вызвала крики негодования даже у большей части дряблого соглашательского общества. Теперь, после новых гогенцоллернских достижений, когда на стороне потсдамского князька не какая-нибудь палата, а лишь родственные вздернутые казацкие носы, — теперь уже не довольствуются цензурой, а переходят просто к удушению печати.

Согласно статье 7-й, запрещены дюссельдорфские газеты, а также и наша «Новая рейнская газета» в пределах Дюссельдорфского района.

Согласно статье 8-й, никакие другие газеты не могут выходить, кроме официальных «*Векanntmachungen*» («Ведомостей»).

При господстве сабли гражданина и коммуниста Дригальского произвольные аресты все же подлежали, по крайней мере, ведению обыкновенного закона и обыкновенного суда. В настоящее время закон и суд отменены и установлены чрезвычайные палаческие военные суды.

Ст. 9. Призывающий посредством слова, письма, печати или

рисунка к сопротивлению против законных (1) постановлений властей предается военному суду.

Ст. 10. Застигнутый при открытом или вооруженном сопротивлении мероприятиям законных властей или изменническим поведением приготавливающий опасность или ущерб войскам подвергается в порядке военно-полевого суда расстрелу на месте.

Лавры кровавой собаки Виндшиггеца не дают спать укрепившемуся Гогенцоллерну!

ВОССТАНИЕ В БЕРГСКОМ ОКРУГЕ.

Кельн, 12 мая.

Внимание всей Рейнской провинции приковано в этот момент к Эльберфельду, месту, где «знамя восстания» поднято сейчас более высоко, чем в любом другом рейнском городе. Роспуск палаты послужил сигналом к движению в этой столь мирной обычно Вупперской долине. Самые глупые «пискуны» и самые плаксивые «ворчунь» поняли, что реакция переполнила меру своих преступлений и, увлеченные энтузиазмом тех храбрых рабочих, в энергии которых мы никогда не сомневались, они взяли за оружие и вступили в ряды баррикадных героев, решившихся на смертельную борьбу против монархии.

При сбивчивых сведениях, получаемых нами с поля битвы, невозможно отделить истину от лжи. Но все же представляется несомненным, что все население стоит под оружием, что улицы и дома забаррикадированы, что из соседних мест — из Золингена, Ремшейдта, Грефрата, из мест, расположенных на эннепской дороге, — словом, из всего Бергского округа спешно подходят подкрепления. Уже не ограничиваются занятием городов Эльберфельда и Бармена, а распространяют меры защиты и на важнейшие пункты в окрестностях.

Как уверяют, в план борющихся входит поспешить на помощь Дюссельдорфу, чтобы освободить последний от прусских войск. Ополчение, которое впервые сражается решительно на стороне народа, играет в этих предприятиях главную роль. Снаряжения и денег у борющихся достаточно, так как многие богатые купцы охотно раскрыли свои кассы. Так, сообщают, что один только торговый дом передал эльберфельдскому комитету безопасности 500 фридрихдорв.¹ При таких условиях не приходится, естественно, удивляться, что королевские наемные войска готовятся разгромить народ, устроить и в Бергской области, где только возможно, такую же

¹ [Старая монета стоимостью в 5 р. 10 к.]

жестокую расправу, как в Бреславле, Дрездене, Эрфурте и т. д. Будем надеяться, что на этот раз дело пойдет иначе.

Артиллерийский парк из Везеля будет направлен в Эльберфельд. Днем атаки назначен, повидимому, ближайший понедельник.

Мы не можем ручаться за эти известия. Но каковы бы ни были планы контр-революции, Эльберфельду предстоит борьба, в которой он воистину может оказать важные услуги отечеству.

К СВЕДЕНИЮ.

Кельн, 13 мая.

Мы обращаем внимание читателей на последние номера «Кельнской газеты», в частности на ее сегодняшний (воскресенье, 13 мая) номер.

Воистину, никогда еще «самая заурядная распущенность» *не шла так тесно рука об руку* с подкупленной лизостью, как в руководящих статьях и корреспонденциях нашей великолепной современницы.

Еще несколько дней тому назад мы видели, как на конгрессе рейнских общинных советов собственник «Кельнской газеты» г. Жюзеф Дюмон стремительно поднялся за принятые там решения. Сегодня мы видим, как тот же господин, в лице своего холопа Брюгемана, в каждой строчке выражает свою радость по поводу неудачи восстаний, явившихся следствием тех же решений рейнских общинных советов.

Но зато «Кельнская газета» имеет счастье быть пожалованной рейнским городам, одновременно с осадным положением, в качестве единственной газеты.

Поистине — этим городам жалуют одновременно *кровь и грязь!*

ЭЛЬБЕРФЕЛЬД.

Кельн, 16 мая.

Наша «Новая рейнская газета» была также представлена на эльберфельдских баррикадах.

Чтобы опровергнуть разные ложные слухи, мы должны предложить вниманию наших читателей следующее краткое сообщение.

10 мая Фридрих Энгельс, член редакции нашей газеты, отправился из Кельна в Эльберфельд. В Золингене он захватил с собою два ящика с патронами, взятые золингенскими рабочими при атаке грэфратского цейхгауза. Прибыв в Эльберфельд, Энгельс сделал Комитету безопасности доклад о положении вещей в Кельне и представил себя в распоряжение комитета. Тотчас же военная комиссия возложила на него руководство фортификационными работами, издав следующий приказ:

Военная комиссия при Комитете безопасности настоящим уполномочивает господина Энгельса иметь надзор за всеми баррикадами города и закончить укрепления. Настоящим просят все посты на баррикадах оказывать названному лицу содействие во всем, что он найдет необходимым.

Гюнербейн, Трост.

Эльберфельд, 11 мая 1849 г.

На следующий день была отдана в распоряжение Энгельса и артиллерия.

Гражданин Ф. Энгельс уполномочивается установить орудия по своему усмотрению, а также потребовать необходимых для этого ремесленников. Связанные с этой установкой расходы несет Комитет безопасности.

Комитет безопасности.

За Комитет

Потман, Гюнербейн, Трост.

Эльберфельд, 12 мая 1849 г.

В первый же день своего пребывания в Эльберфельде Энгельс организовал саперную роту и достроил баррикады у некоторых выходов из города. Посещая все заседания военной комиссии, Энгельс предложил пригласить обер-комендантом г. Мирбаха, что было единогласно принято. В следующие дни Энгельс продолжал свою деятель-

ность: перестроил некоторые баррикады, дал новые диспозиции и усилил саперную роту. С момента прибытия Мирбаха Энгельс представил себя в его распоряжение, принимая также участие в совывавшихся обер-комендантом военных советах.

За все время своего пребывания в Эльберфельде Энгельс пользовался безусловным доверием как вооруженных бергских и маркских рабочих, так и волонтерского корпуса.

В первый же по прибытии день г. Риотте, член Комитета безопасности, спросил Энгельса о его намерениях. Энгельс ответил, что приехал, во-первых, в качестве делегата из Кельна; во-вторых, потому, что считал, что сможет быть в военном отношении использован; в-третьих, потому, что, будучи сам родом из Бергского округа, он считал делом своей чести быть на месте при первом же восстании бергского населения. Он желал бы заняться исключительно военными делами и не иметь совершенно никакого касательства к политическому руководству движением, ибо совершенно ясно, что сейчас возможно лишь движение под черно-красно-золотым знаменем, а потому нужно избегать всякого выступления против имперской конституции.

Господин Риотте был совершенно согласен с этим объяснением.

Утром, 14 числа, к Энгельсу, сопровождавшему Мирбаха на генеральный сбор, на Энгельсберг, подошел г. Гехстер, также член Комитета безопасности, и заявил следующее: хотя против поведения Энгельса вообще ничего сказать нельзя, но все же эльберфельдская буржуазия в высшей степени напугана его пребыванием; она все время боится, как бы он не провозгласил красную республику, и желает, чтобы он удалился.

Энгельс заявил, что не хочет себя навязывать, но и не хочет малодушно покинуть свой *пост*, а потому, нисколько ни к чему себя не обязывая, требует, чтобы указанное пожелание было предъявлено ему на бумаге, черным по белому, подписанное всем Комитетом безопасности.

Господин Гехстер поставил вопрос в Комитете безопасности, и в тот же самый день было принято следующее постановление:

«Не возражая против деятельности, проявленной в здешнем городе гражданином Фридрихом Энгельсом из Бармена, проживавшим в последнее время в Кельне, просим его, однако, сегодня же оставить пределы здешней общины, так как *его пребывание может дать повод к недоразумениям относительно характера движения*».

Еще до принятия этого постановления Энгельс заявил, что он исполнит требование Комитета безопасности только тогда, когда

ему прикажет это Мирбах. По его, Энгельса, предложению, Мирбах прибыл сюда, и он, Энгельс, не должен поэтому уйти прежде, чем Мирбах его не отпустит.

После многочисленных настояний со стороны Комитета безопасности Мирбах подписал, наконец, 15-го утром соответствующий приказ, который был обнародован потом в плакате.

Вооруженные рабочие и волонтерский корпус были крайне возмущены постановлением Комитета безопасности. Они потребовали, чтобы Энгельс остался, обещая «защищать его ценою своей жизни». Энгельс отправился к ним и успокоил их, сославшись на Мирбаха и заявив, что он не станет первым же отказываться от повиновения командиру, приглашенному по его, Энгельса, требованию и пользующемуся к тому же его безусловным доверием.

Энгельс произвел затем еще рекогносцировку в окрестностях и, передав свой пост своему адъютанту, удалился из Эльберфельда. Пусть бергские и маркские рабочие, проявившие по отношению к нашему соредактору такое удивительное расположение и такую привязанность, запомнят, что теперешнее движение — только пролог к другому, в тысячу раз более важному движению, в котором дело будет идти об их, рабочих, собственных интересах. Это новое революционное движение явится результатом нынешнего движения. И как только это новое движение начнется, тогда Энгельс — в этом рабочие могут быть уверены! — подобно всем другим редакторам «Новой рейнской газеты», окажется на своем посту, и никакие силы мира не заставят его тогда этот пост покинуть.

ПОДВИГИ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ.

Кельн, 9 мая.

Правительство господина фон-Гогенцоллерна желает, повидимому, в последние дни своего существования и существования прусского государства оправдать полностью старую репутацию прусского и гогенцоллернского имени.

Кто не знает гейневской характеристики:

Ребенок с тыквой-головой,
С усищами, с седой косой,
Чьи крепки длинные ручонки,
Велик живот, кишки же тонки,
Уродец подлинный...

Кто не знает вероломства, коварства, мошенничеств с наследствами, благодаря которым возвысилось то семейство капралов, которое носит имя Гогенцоллернов?

Всякий знает, как так называемый «великий курфюрст» (точно какой-нибудь «курфюрст» может быть «великим») совершил свое первое предательство по отношению к Польше: союзник Польши против Швеции, он внезапно перешел на сторону шведов, чтобы тем основательнее ограбить Польшу по Оливскому миру.

Всякий знает пошлую фигуру Фридриха I, скотскую грубость Фридриха-Вильгельма II.

Всякий знает, как Фридрих II, творец патриархального деспотизма, друг просвещения, вколачивавший его палочными ударами, продавал с аукциона свою страну французским дельцам; всякий знает, как он, в союзе с Россией и Австрией, совершил над Польшей грабеж, который еще и теперь, после революции 1848 г., остается позорным, не смытым пятном на немецкой истории. Всякий знает, как Фридрих-Вильгельм II закончил этот грабеж Польши и роздал награбленные польские национальные и церковные имущества своим царедворцам.

Всякий знает, как в 1792 г. он заключил коалицию с Австрией и Англией для подавления славной французской революции и вторгся

во Францию; всякий знает также, как его «славное воинство» было с позором выгнано из Франции.

Всякий знает, что он покинул тогда своих союзников и поспешил заключить мир с французской республикой.

Всякий знает, как он, выдававший себя за паладина законного короля Франции и Наварры, скупил у французской республики по дешевой цене коронные драгоценности именно этого короля и таким образом нажился на несчастьи своего «государя-брата».

Всякий знает, как он, чья жизнь была чисто гогенцоллернской смесью распутства и мистицизма, старческой похотливости и ребяческого суеверия, уничтожил свободу мысли бишофвердеровскими эдиктами.

Всякий знает, как его преемник, Фридрих-Вильгельм III «Справедливый», предал своих старых союзников за брошенный ему Наполеоном в подачку Ганновер.

Всякий знает, как он вслед за тем предал Наполеона этим самым своим бывшим союзникам и, наемником Англии и России, напал на воплощенную в лице Наполеона французскую революцию.

Всякий знает, какой успех имело это нападение: в итоге неслыханное поражение «славного воинства» при Иене, внезапное моральное разложение всего государственного организма Пруссии, длинная цепь предательств, низостей и гнусностей прусских чиновников, вызывавших отвращение у Наполеона и его генералов.

Всякий знает, как в 1813 г. Фридрих-Вильгельм III внушил прусскому народу красивыми словами и пышными обещаниями убеждение, что народ поведет против французов освободительную войну, между тем как дело в действительности шло о подавлении французской революции и о восстановлении старой монархии божьей милостью.

Всякий знает, как основательно забыты были прекрасные обещания, когда участники Священного союза вступили 30 марта 1814 г. в Париж.

Всякий знает, что ко времени возвращения Наполеона с Эльбы энтузиазм народа совершенно остыл и что Гогенцоллерн должен был обещать конституцию (эдикт 22 мая 1815 г., за 4 недели до битвы при Ватерлоо), чтоб вызвать его снова к жизни.

Всякий знает обещания германского союзного акта и венского заключительного акта: свобода печати, конституция и пр.

Всякий знает, как сдержал свое слово «справедливый» Гогенцоллерн: Священный союз и конгрессы для угнетения народов, карлсбадские постановления, цензура, полицейский деспотизм,

господство дворянства, бюрократический произвол, кабинетская юстиция, преследования демагогов, массовые осуждения, финансовая расточительность — и никакой конституции.

Всякий знает, как в 1821 г. народу гарантировали неувеличение налогов и государственных долгов и как Гогенцоллерн сдержал свое слово, превратив Государственный банк в тайное учреждение для ссуд государства.

Всякий знает, как Гогенцоллерн ответил на призыв французского народа в июльскую революцию: концентрацией войск на границе, обузданием собственного народа, подавлением движения в небольших немецких государствах и, наконец, порабощением этих государств под иго Священного союза.

Всякий знает, как тот же самый Гогенцоллерн нарушил нейтралитет в русско-польскую войну, позволив русским пройти через Пруссию и напасть на поляков с тыла, предоставив в распоряжение русским свои арсеналы и магазины, дав каждому разбитому русскому корпусу надежное убежище в Пруссии.

Всякий знает, что все усилия этого князька из гогенцоллернского дома были, в согласии с целями Священного союза, направлены на то, чтобы укрепить господство дворянства, бюрократии и военщины, чтобы грубой силой уничтожить, — и не только в Пруссии, но и во всей Германии, — всякое проявление свободы, всякую возможность влияния «ограниченного ума подданных» на правительство.

Всякий знает, что трудно найти правление, при котором подобные милые планы проводились бы с большей грубостью и насилием, чем правление Фридриха-Вильгельма III, особенно в эпоху 1815 — 1840 гг. Никогда и нигде не произносилось столько приговоров и не производилось столько арестов, никогда крепости не были так полны политических заключенных, как при этом «справедливом» монархе. Особенно, если вспомнить, какими невинными простаками были эти демагоги.

Надо ли еще говорить о том Гогенцоллерне, который, по словам монаха из Ленина, «будет последним в своем роду»? Говорить ли о возрождении христианско-германского великолепия и о воскрешении злой финансовой нужды, об ордене Лебеда и о суде верховной цензуры, о Соединенном ландтаге и о генеральном синоде, о «клочке бумаги» и о тщетных попытках занять деньги и обо всех прочих завоеваниях достославной эпохи 1840 — 1848 гг. Доказывать ли на основании Гегеля, почему именно комической фигурой должна замыкаться галерея Гогенцоллернов?

Этого не нужно: приведенных данных достаточно, чтобы вполне

охарактеризовать гогенцоллернско-прусское имя. Был, правда, момент, когда потускнел блеск этого имени; но с тех пор как семи-звездие Мантейфель и К^о окружает корону, все былое великолепие вернулось обратно. Пруссия снова, как и встарь, — наместничество русского царя; снова Гогенцоллерн — князек перед самодержцем всероссийским и великий князь перед малыми боярами Саксонии, Баварии, Гессен-Гомбурга и т. д.; снова ограниченному уму подданных возвращено его старое право слушаться приказов. «Мое славное воинство», — пока оно не требуется самому «православному царю», — может восстанавливать в Саксонии, Бадене, Гессене и Пфальце порядок, вот уже 18 лет царящий в Варшаве, и может в собственной стране и в Австрии склеивать кровью подданных разломанные троны. Данное прежде, в минуту паники и нужды, слово так же мало беспокоит нас, как наших почивших в бозе предков; а как только мы справимся у себя дома, то при звуках труб, с развернутыми знаменами, мы двинемся на Францию, завоюем страну, где растет лоза Шампани, и разрушим «великий Вавилон, мать всяческого греха».

Таковы планы наших высоких правителей; вот верная гавань, куда держит курс наш благородный Гогенцоллерн. Отсюда все эти бесчисленные октроирования и государственные перевороты; отсюда повторные пинки в сторону трусливого Франкфуртского собрания, отсюда осадные положения, аресты и преследования; отсюда вступление прусской солдатчины в Дрезден и в южную Германию.

Но существует еще сила, с которой, правда, мало считаются господа из Сан-Суси, но громкое слово которой должно, однако, раздаться. Это — *народ*, народ который в Париже, на Рейне, в Силезии, в Австрии ждет, скрежеща зубами от ярости, момента восстания и который — кто знает, как скоро — воздаст всем Гогенцоллернам и всем великим и малым князькам то, что им следует.

К КЕЛЬНСКИМ РАБОЧИМ.

На прощанье мы предостерегаем вас против всякого путча в Кельне. При теперешнем военном положении Кельна вы потерпите жестокое поражение. В Эльберфельде вы видели, как буржуазия посылает рабочих в огонь, а потом самым подлым образом предает их. Осадное положение в Кельне деморализовало бы всю Рейнскую провинцию, а осадное положение явилось бы необходимым следствием всякого восстания с вашей стороны в данный момент. Ваше спокойствие приведет пруссаков в отчаяние.

Редактора «Новой рейнской газеты», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и всюду — будет: освобождение рабочего класса!

Редакция «Новой рейнской газеты».

ВОЕННО-ПОЛЕВОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ «НОВОЙ РЕЙНСКОЙ ГАЗЕТЫ».

Кельн, 18 мая.

Несколько времени тому назад здешние власти получили из Берлина требование опять объявить в Кельне осадное положение. Хотели при помощи военных законов устранить «Новую рейнскую газету», но наткнулись на неожиданное сопротивление. После этого королевское правительство обратилось к здешнему прокурорскому надзору, чтобы добиться той же цели при помощи произвольных арестов. Эта попытка разбилась об юридические сомнения прокуратуры, как дважды она уже разбивалась о здравый человеческий смысл рейнских присяжных. Не оставалось ничего другого, как прибегнуть к полицейским уловкам; в данный момент эта цель достигнута. «Новая рейнская газета» временно перестает выходить. 16 мая ее главному редактору Карлу Марксу было сообщено следующее нелепое правительственное распоряжение:

Кельн, 11 мая 1849 г.

В своих последних статьях (!) «Новая рейнская газета» выступает все более решительно, возбуждая презрительное отношение к существующему правительству, подстрекая к насильственному перевороту и введению социальной республики. Поэтому ее главный редактор доктор Карл Маркс должен быть лишен права гостеприимства (!), столь постыдно им нарушенного, а так как им не получено разрешение на дальнейшее пребывание в здешних провинциях, ему должно быть предписано покинуть таковые в течение 24 часов. В случае, если он не исполнит добровольно обращенное к нему требование, он подлежит принудительной высылке за границу.

Королевское правительство

Меллер.

Королевскому полицей-директору господину Гейгеру, здесь.

К чему эти глупые фразы, эта официальная ложь? Последние статьи «Новой рейнской газеты» по тенденциям своим и языку ни на одну иоту не отличаются от ее первой «пробной статьи». Эта «первая статья», между прочим, гласила:

«Проект господина Гювера (в Майнце) представляет только

часть большого плана берлинской реакции, которая стремится предать... нас безоружными... в руки армии».

Eh bien, messieurs, qu'en dites-vous maintenant? (Что же, господа, вы на это скажете?)

Что касается нашей тенденции, то разве она была неизвестна правительству? Разве мы не заявили пред судом присяжных, что в настоящий момент «задача прессы—подорвать все основы существующего порядка»? Что касается специально гогенцоллернского князька, то прочтите номер от 19 октября 1848 г., где сказано: «Король последователен. Он остался бы всегда последовательным, если бы, к сожалению, мартовские дни не просунули между его величеством и народом тот роковой клочок бумаги. В данный момент его величество, как пред мартовскими днями, опять, повидимому, верит в «железную пяту» славянства, и народ в Вене окажется, быть может, тем кудесником, который превратит железо в глину».

Est-ce clair, messieurs? (Ясно, господа?)

А «социальная республика»? Разве мы провозгласили ее только в «последних статьях» «Новой рейнской газеты»? А с теми слабоумными, которые не заметили, что через все наши рассуждения и статьи об европейском движении проходит «красная» нить, — разве мы не говорили с ними ясными и не вызывающими сомнения словами?

«Пусть, — читаем мы в номере «Новой рейнской газеты» от 7 ноября, — пусть контр-революция существовала во всей Европе при помощи оружия, но умрет она во всей Европе благодаря деньгам. Рок, который мог бы сломить победу, это — европейское банкротство, государственное банкротство. Об «экономические» вопросы сломаются острия штыков, как мягкий трут. Но ход развития не будет ждать исполнения срока по тому векселю, который европейские государства перевели на новое европейское общество. В Париже будет нанесен сокрушительный контр-удар июньской революцией. С победою «красной» республики в Париже, армии из глубины стран будут выброшены к границам и за границы, и ясно обнаружится действительная сила борющихся партий. Тогда мы вспомним июнь и октябрь и тоже воскликнем: *Vae victis!* (Горе побежденным!) Безрезультатная резня после июньских и октябрьских дней, надоевшие гекатомбы после февраля и марта, каннибализм контр-революции убедят народы в том, что существует только одно средство для того, чтобы сократить, упростить и сконцентрировать кроважидную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм».

Est-ce clair, messieurs?

Мы с самого начала считали излишним скрывать наши взгляды. В одной полемике с местной прокуратурой мы обратились к вам со следующими словами: «Настоящая оппозиция «Новой рейнской газеты» начнется только с трехцветною республикою».

Вот как мы говорили тогда с прокуратурой. Старый 1848 год мы ревюмировали (номер от 31 декабря 1848 г.) словами: «История прусской, как и вообще немецкой, буржуазии за время с марта по декабрь доказывает, что в Германии невозможны чисто буржуазная революция и установление буржуазной власти под видом конституционной монархии, что возможны только либо феодально-абсолютистская контр-революция, либо социально-республиканская революция».

Итак, только ли в «последних статьях» «Новой рейнской газеты» пришлось ясно выступить со своим социально-республиканским направлением? Разве не читали вы нашей статьи об июньской революции и разве душа июньской революции не была душою нашей газеты?

К чему же ваши лицемерные фразы, цепляющиеся за невозможные предлоги?

Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придет наш черед, мы не будем прикрашивать терроризм. Но роялистские террористы, террористы милостью бога и закона, в своей практике жестоки, презренны и грубы, в теории трусливы, скрытны и двуличны, в обоих отношениях бесчестны.

Прусское правительственное распоряжение достаточно глупо для того, чтобы говорить о «праве гостеприимства, постыдно нарушенном» главным редактором «Новой рейнской газеты», Карлом Марксом.

Право гостеприимства, которое наглые пришельцы-боруссы, этот русский авангард, даровали нам, рейнским уроженцам, в нашей же стране, «постыдно» нарушено «Новою рейнскою газетою». Мы думаем, что этим заслужили благодарность Рейнской провинции. Мы спасли революционную честь нашей родины. «Новая рейнская газета» еще получит в Рейнской провинции полное право гражданства.

На прощание напоминаем нашим читателям слова нашего нового номера: «Революционное восстание французского рабочего класса и мировая война — таковы перспективы 1849 года».

И вот на Востоке революционная армия, состоящая из революционных бойцов всех наций, уже стоит против объединенной старой Европы, представленной русскою армиею, а из Парижа грозит уже «красная республика»!

«МОЕМУ НАРОДУ».

Кельн, 18 мая.

«Моему народу!» Не — «моей славной армии!» Уже не побиты ли русские? Не повернул ли ветер в другую сторону и не сбросил ли он снова, как в марте прошлого года, военную фуражку с головы «неослабного» слуги России? Не разразилось ли вновь всеобщее восстание придавленных осадным положением верноподанных?

В 1813 г. «в бозе почивший» старик также в продвижении казаков черпал мужество, необходимое, чтобы покончить со своей жалкой ролью труса и с кровавыми карами революционной империи. И тогда, — несмотря на наличие казаков, башкир и «доблестного войска», прославившегося при Иене и Магдебурге и сдачей Кюстрина 150 французам, — лишь лживые обещания «воззвания к моему народу» повлекли за собой крестовый поход Священного союза против наследников французской революции. А теперь! Разве вторжение казаков в немецкую землю не принесло вновь окрепшему Гогенцоллерну мужество, необходимое для того, чтобы отказаться от своей постемартовской роли труса, чтобы устранить «клочок бумаги», поставленный революцией между ним и народом? Разве «моя славная армия» не отомстила достойным образом революции, устроив в Дрездене, Бреславле, Познани и Берлине храброе избиение безоружных женщин и детей шрапнелью и мучение адским камнем?

Разве недавно октроированная военно-полевая хартия не упраздняет снова, «даже вне связи с осадным положением», последние трусливые уступки, сделанные в марте — отмену цензуры, право союзов, вооружение народа?

Нет, сын героя Иены и Магдебурга все еще не чувствует себя достаточно крепко, несмотря на союз с казаками, несмотря на привилегию убийства и военно-полевого суда, предоставленную разнузданной «славной» солдатской своре. «Не ослабевшая корона» боится, она апеллирует к «моему народу», она чувствует себя вынужденной обратиться к поверженному в прах, придавленному осад-

ным положением и расстреленному картечью «народу» с призывом о поддержке против «внутреннего и внешнего врага».

«В это тяжелое время Пруссия призвана защитить Германию от внутренних и внешних врагов. Поэтому уже сейчас призываю мой народ под ружье. Дело идет о том, чтобы установить порядок и закон в нашей земле и в тех немецких землях, где требуют нашей помощи. Дело идет о том, чтобы создать единство Германии, защитить ее свободу от террористического господства партии, которая хочет принести цивилизацию, честь и верность в жертву своим страстям, партии, которой удалось запутать часть народа в сетях обмана и заблуждений».

«В этом суть королевского обращения», — взывает полицейская клоака Дюмон. И в самом деле, оплаченные клакеры Дюмона нашли истинную «суть».

«Внешние враги!» Это «партия террора», партия, наводящая ужас на мужественного Гогенцоллерна, требует в других германских государствах нашего вторжения. Народ Рейнской провинции, Силезии и Саксонии призывается «во имя немецкого единства» положить конец революционным движениям в немецких землях за границей, Бадене, Баварии и Саксонии. И с этой целью снова преподносится приманка, какой Гогенцоллерн осчастливил народ в 1813 г., снова залогом выставляется уже испытанное «королевское слово», и «народу» обещается кастрированное признание франкфуртской конституции, равно как и «охрана права и свободы» от «безбожников». «Я и мой дом хотим служить госуду». Разве испытанное уже в качестве залога «гогенцоллернское королевское слово» не стоит крестового похода против «партии ужаса для многообещающей короны»?

Храбрый могущественный императорско-русский князек отозвал из Франкфурта прусских депутатов именно для того лишь, чтобы стать теперь, согласно своему мартовскому обещанию, «во главе Германии». Согласительное собрание и октроированная палата только потому были разогнаны, «ключок бумаги» был заменен военно-полевой конституцией и палаческими судами только для того, чтобы гарантировать народу «охрану права и свободы»!

И свобода печати подавляется. В Эрфурте пресса подвергнута цензуре, во всей Повнани, Бреславле, в силезских провинциальных городах газеты просто закрыты, так же, как в самом Берлине закрыта «Национальная газета». В Дюссельдорфе юридически вновь введена цензура, а фактически пресса совершенно упразднена (дюссельдорфские газеты, наша «Новая рейнская газета» и т. д.). «Сво-

бодным» подданным пожалованы в конце концов только грязные полицейские клоаки в лице «Кельнской газеты» и берлинской газеты висельников. И все это для того, чтобы не было ни малейшего сомнения в ценности «королевского слова»!

И в самом деле, слово Гогенцоллерна стоит того. Ради укрепления королевского мужества народ надел форму; согласно закону об ополчении, он будет получать для оставляемых дома жен, чтобы «избегнуть суммы», ежемесячную королевскую пенсию в один талер.

Ф. ЭНГЕЛЬС

**ГЕРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ ЗА ИМПЕРСКУЮ
КОНСТИТУЦИЮ**

ГЕРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ

[ПРЕДИСЛОВИЕ.]

Геккер, Струве, Бленкер, Блюм и Циц
Всех [князей немецких] пусть повергнут ниц!

В этом припеве, которым южно-германская «народная армия» оглашала все дороги и все трактиры от Пфальца до швейцарской границы, с известною мелодией, напоминающей не то хорал, не то шарманку, — в этом припеве схвачен весь характер «великого восстания за имперскую конституцию». Здесь обрисованы в двух строках его великие люди, его конечные цели, его непоколебимая твердость убеждений, его благородная ненависть к «тиранам» и одновременно все его понимание общественных и политических вопросов.

Среди всех движений и конвульсий, вызванных в Германии февральской революцией и ее дальнейшим развитием, кампания за имперскую конституцию выделяется своим классически-немецким характером. Ее повод, ее возникновение, ее течение, весь ее ход отличались истинно-немецким характером. Как июньские дни 1848 г. показывают степень общественного и политического развития Франции, так кампания за имперскую конституцию показывает степень общественного и политического развития Германии и, в частности, южной Германии.

Душу всего движения составлял класс мелкой буржуазии, преимущественно так называемые «бюргеры» (горожане), а этот именно класс преобладает как раз в Германии, в частности на юге. В «мартовских союзах», демократически-конституционных союзах, патристических союзах, в многочисленных так называемых демократических союзах и почти во всей демократической прессе эта мелкая буржуазия приносила столь же многочисленные, сколь безобидные «клятвы Грютли» имперской конституции и вела борьбу против «ослушных» князей, единственным результатом которой было конечно, собственное возвышающее душу сознание исполненного гражданского долга.

Мелкая буржуазия, представленная решительно и так называемую крайней левою Франкфуртского собрания и, следовательно, в частности штутгартским парламентом и «имперским регентством», официально возглавляла все движение; наконец, мелкая буржуазия господствовала в местных провинциальных комитетах, комитетах безопасности, временных правительствах и учредительных собраниях, которые в Саксонии, на Рейне и в южной Германии более или менее поработали на пользу имперской конституции.

Мелкая буржуазия, если бы это зависело от нее, вряд ли покинула бы почву легальной, мирной и добродетельной борьбы и заменила бы так называемое духовное оружие мушкетами и камнями с мостовой. Как показывает история всех политических движений после 1830 г. в Германии, Франции, Англии, этот класс велеречив, склонен к громким фразам и временами доходит даже до крайностей в своей фразеологии, пока он не видит никакой опасности; он боязлив, осторожен и уклончив, как только приближается малейшая опасность; он изумлен, озабочен, колеблется, как только вызванное им движение подхватывается и всерьез принимается другими классами; он, благодаря своей мелкобуржуазной сущности, предает все движение, как только дело доходит до борьбы с оружием в руках, — и, наконец, в результате его нерешительности, его особенно охотно надувают и третируют, как только побеждает реакционная партия.

Но за мелкой буржуазией стоят повсюду другие классы, которые воспринимают вызванное ею и в ее интересах движение, придают ему определенный, более энергический характер и стараются по возможности овладеть им: это — пролетариат и большая часть крестьян, к которым в течение некоторого времени обычно примыкает передовая часть мелкой буржуазии.

Эти классы, во главе с пролетариатом больших городов, отнеслись к клятвенным заявлениям в защиту имперской конституции более серьезно, чем то угодно было мелкобуржуазным агитаторам. Если мелкие буржуа, как они поминутно клялись, готовы были отдать за имперскую конституцию «достояние и кровь», то рабочие, а во многих местах также и крестьяне, готовы были сделать то же самое, с тем, правда, молчаливым, но отлично известным всем партиям условием, что после победы мелкой буржуазии придется защищать ту же имперскую конституцию против тех же рабочих и крестьян. Эти классы толкали мелкую буржуазию к открытому разрыву с существовавшей государственною властью. Если они не могли помешать тому, чтобы их жалкие союзники предали их еще во время борьбы, то они имели, по крайней мере, то удовлетворение, что после:

победы контр-революции это предательство получило возмездие от руки самих контр-революционеров.

С другой стороны, в начале движения более решительная фракция крупной и средней буржуазии тоже примкнула к мелкой буржуазии, как это происходило и во всех прежних мелкобуржуазных движениях в Англии и Франции. Буржуазия никогда не господствует в своей совокупности; не говоря о феодальных кастах, сохранивших еще часть политической власти, сама крупная буржуазия немедленно после победы над феодализмом раскалывается на правящую и оппозиционную партии, которые обыкновенно представлены на одной стороне банками, а на другой — фабрикантами. Оппозиционная прогрессивная фракция крупной и средней буржуазии в своей противоположности правящей фракции имеет общие интересы с мелкой буржуазией и соединяется с нею для совместной борьбы. В Германии, где вооруженная контр-революция восстановила почти исключительное господство армии, бюрократии и феодальной аристократии, где буржуазия, несмотря на еще существующие конституционные формы, играет только весьма подчиненную и скромную роль, мотивы для такого союза еще более многочисленны. Но зато германская буржуазия бесконечно трусливее английской и французской, и при малейшей вероятности возвращения анархии, т. е. действительной решительной борьбы, она в страхе уходит со сцены. Так было и на этот раз.

Момент, впрочем, отнюдь не был неблагоприятен для борьбы. Во Франции предстояли выборы; кому бы они ни дали большинство, монархистам или красным, но, во всяком случае, они ослабили бы центр Учредительного собрания, усилили бы крайние партии и привели бы к разрешению обострившейся парламентской борьбы народным движением; одним словом, выборы должны были привести к *journée*. В Италии сражались под стенами Рима, и Римская республика оборонялась против нашествия французской армии. В Венгрии мадьяры неудержимо рвались вперед; императорские войска были прогнаны за Вааг и Лейту; в Вене, где ежедневно готовились услышать пушечные выстрелы, каждое мгновение ожидалась венгерская революционная армия; в Галиции предстояло прибытие Дембинского с польско-мадьярскою армией, и русская интервенция, далеко не опасная для мадьяр, как казалось, должна была превратить венгерскую борьбу в европейскую. Наконец, Германия находилась в сильнейшем возбуждении; успехи контр-революции, возрастающее бесстыдство военщины, бюрократии и аристократии, постоянно возобновляющиеся предательства со стороны старых либералов в министерствах, быстро следующие одно за другим вероломства, — все

это бросало целые классы прежних людей порядка в объятия прогрессивной партии.

При таких обстоятельствах возгорелась борьба, которую мы в дальнейшем изобразим.

Неполнота и путаница, господствующие еще в материалах, полная недостоверность почти всех устно собираемых сведений, чисто личная цель, которую преследуют все опубликованные до сих пор сочинения об этой борьбе, делают невозможным критическое изложение всего хода событий. Ввиду этого нам не остается ничего другого, как ограничиться изложением того, что мы сами видели и слышали. К счастью, этого вполне достаточно для выяснения характера всей кампании, и если у нас недостает лишних впечатлений о саксонском движении и о походе Мерославского на Неккар, то, быть может, «Новая рейнская газета» получит скоро возможность дать необходимые сведения, по крайней мере о последнем.

Из участников кампаний за имперскую конституцию многие находятся еще в тюрьме. Другие нашли случай вернуться на родину, третьи, находясь еще за границей, каждый день ожидают того же, — и среди них имеются не наихудшие. Все поймут осторожность, которую мы обязаны проявить по отношению к этим участникам борьбы, и найдут естественным, что мы должны кое-что замолчать; и многие, спокойно проживающие опять на родине, не будут на нас в претензии за то, что мы не компрометируем их рассказом о тех событиях, в которых они выказали действительно блестящее мужество.

1. РЕЙНСКАЯ ПРУССИЯ.

Читатель помнит, что вооруженное восстание в защиту имперской конституции вспыхнуло в начале мая прежде всего в Дрездене. Как известно, дрезденские баррикадные борцы, поддержанные сельским населением, но преданные дрезденскими филистерами, после шестидневной борьбы были побеждены перевесом сил противника. Они имели не более 2 500 бойцов с очень смешанным оружием, а в качестве артиллерии только две или три маленькие мортиры. Королевские же войска состояли, кроме саксонских батальонов, из двух прусских полков. Они имели в своем распоряжении кавалерию, артиллерию, стрелков и один батальон войск, снабженный игольчатыми ружьями. В Дрездене королевские войска вели себя, пожалуй, еще более жалким образом, чем где бы то ни было; вместе с тем не подлежит сомнению, что дрезденские революционеры в борьбе с перевесом сил противника сражались с наибольшею храбростью, какая только была проявлена в кампании в защиту имперской конституции. Но, разумеется, уличная борьба нечто совсем другое, чем сражение в открытом поле.

Берлин сохранял спокойствие при осадном положении и разоружении. Не была даже взорвана железная дорога, чтоб уже под Берлином задержать подвоз сил из Пруссии. Бреславль сделал слабую попытку баррикадной борьбы, к которой правительство было уже давно подготовлено, и тем вернее попал под диктатуру сабли. Остальная северная Германия, без революционных центров, была неспособна к борьбе. Оставалась только надежда на Рейнскую Пруссию и южную Германию, а в южной Германии Пфальц уже пришел в движение.

Начиная с 1815 г., Рейнская Пруссия считалась одною из передовых провинций Германии, — и с полным правом. Она соединяет в себе два преимущества, соединения которых нельзя найти ни в одной другой части Германии.

Вместе с Люксембургом, Рейнским Гессеном и Пфальцем Рейнская Пруссия имеет то преимущество, что, начиная с 1795 г., она пережила французскую революцию и общественное, административное и

законодательное закрепление ее результатов при Наполеоне. После поражения революционной партии в Париже, армия понесла революцию за границы Франции. Перед этими только-что освобожденными крестьянскими сыновьями рассеивались не только войска Священной римской империи, но и феодальное господство аристократии и духовенства. На протяжении двух поколений левый берег Рейна уже не знает феодализма: аристократия лишена своих привилегий, земельная собственность перешла из ее рук и из рук церкви к крестьянам; земля разделена на мелкие участки, и крестьянин — такой же свободный земельный собственник, как во Франции. В городах цехи и патриархальное господство патрициев исчезли на десять лет ранее, чем где-либо в другом месте Германии, уступив место свободной конкуренции, и, наконец, Кодекс Наполеона в своей формулировке всех революционных учреждений санкционировал всю происшедшую перемену.

Но, во-вторых, — и в этом главное преимущество Рейнской Пруссии перед остальными областями левого берега Рейна, — она обладает самую развитую и разнообразную промышленность в Германии. В трех административных округах: Аахене, Кельне и Дюссельдорфе, представлены почти все отрасли промышленности: хлопчатобумажная, шерстяная и шелковая промышленность и зависящее от них белильное, печатное и красильное дело, железоделательное и машиностроительное производство; далее, горное дело, оружейное и прочие металлические производства сконцентрированы здесь на пространстве немногих квадратных миль и дают занятие населению неслыханной для Германии плотности. К Рейнской провинции непосредственно примыкает принадлежащий к маркграфству железный и угольный район, обеспечивающий ее частью сырья и в промышленном отношении с нею связанный. Лучшие водные пути Германии, близость моря, минеральные богатства местности благоприятствуют промышленности, которая, кроме того, создала многочисленные железные дороги и ежедневно расширяет свою железнодорожную сеть. В тесном взаимоотношении с промышленностью стоит очень значительная для Германии вывозная и ввозная торговля со всеми частями мира, значительные прямые сношения со всеми крупными складочными пунктами мирового рынка и соответствующая спекуляция сырьем и железнодорожными акциями. Словом, степень промышленного и торгового развития Рейнской провинции, хотя и незначительная для мирового рынка, является единственною для Германии.

В результате этой промышленности — расцветшей тоже под революционным французским господством — и связанной с нею тор-

товли в Рейнской провинции появилась мощная промышленная и торговая крупная буржуазия и, в противоположность к ней, многочисленный промышленный пролетариат, — два класса, которые в остальной Германии существуют только местами и в зачаточном виде, но которые почти исключительно определяют политическое развитие Рейнской провинции.

От остальных областей Германии, революционизированных французами, Рейнская провинция выгодно отличается своею промышленностью, от остальных промышленных округов Германии (Саксония и Силезия) — своим участием во французской революции. Это единственная область Германии, общественное развитие которой почти достигло уровня современного буржуазного общества: развитая промышленность, обширная торговля, накопление капиталов, свобода земельной собственности; в городах преобладают сильная буржуазия и многочисленный пролетариат, в деревнях — многочисленные и обремененные долгами мелкие крестьяне; буржуазия господствует над пролетариатом при помощи системы наемного труда, над крестьянами — при помощи ипотек и над мелкой буржуазией — при помощи конкуренции; и, наконец, господство буржуазии санкционировано торговыми и фабричными судами, буржуазным судом присяжных и всем материальным законодательством.

Понятна ли после этого ненависть жителей Рейнской провинции ко всему прусскому? Вместе с Рейнской провинцией Пруссия как бы завоевала и французскую революцию и обращалась с жителями Рейнской провинции не только как с покоренными и чужаками, но даже как с побежденными мятежниками. Пруссия не только не развивала рейнское законодательство в духе все более развивающегося современного буржуазного общества, но даже хотела навязать рейнской области педантическую феодально-филистерскую мешанину прусского земского права, которое вряд ли подходит даже для восточной Померании.

События после февраля 1848 г. ясно показали исключительное положение Рейнской провинции. Она доставила не только прусской, но вообще германской буржуазии ее классических представителей, а именно Кампгаузена и Ганземана; она доставила германскому пролетариату единственный орган, представлявший его не только своею фразеологиею или доброю волею, но отражавший действительно его интересы, а именно «Новую рейнскую газету».

Но почему же, несмотря на все это, Рейнская Пруссия приняла такое незначительное участие в революционных движениях Германии?

Не надо забывать, что движение 1830-х годов, проникнутое словесным и адвокатским конституционализмом, не могло представлять никакого интереса для рейнской буржуазии, занятой гораздо более реальными, промышленными предприятиями; что в то время, когда мелкие германские государства еще мечтали о германской империи, в Рейнской Пруссии пролетариат уже начал открыто выступать против буржуазии; что в период от 1840 до 1847 г., — период буржуазного, действительно конституционного движения, — рейнская буржуазия стояла во главе его и в событиях марта 1848 г. в Берлине склонила чашку весов в определенную сторону. Причины, по которым Рейнская Пруссия никогда не могла ничего добиться открытым восстанием и по которым даже невозможно было общее восстание всей провинции, станут ясны из простого изложения рейнской кампании в защиту имперской конституции.

В Дрездене борьба только-что вспыхнула; в Пфальце она могла каждую минуту разгореться. В Бадене, в Вюртемберге и в Франконии происходили огромные собрания, и ни для кого не было уже тайною, что народ готов довести дело до выступления с оружием в руках. Во всей южной Германии настроение войск было колеблющееся. Пруссия была в таком же возбужденном состоянии. Пролетариат ожидал только случая отомстить за лишение тех прав, которые, как ему казалось, он завоевал в марте 1848 г. Мелкая буржуазия повсюду старалась объединить все недовольные элементы в одну большую партию имперской конституции, которою она надеялась руководить. Клятвы жить и умереть вместе с Франкфуртским собранием, отдать достояние и кровь за имперскую конституцию наполняли все газеты, раздавались во всех клубах и трактирах.

Тогда-то прусское правительство открыло враждебные действия, призвав большую часть земского ополчения, а именно в Вестфалии и на Рейне. Приказ о призыве в мирное время был противоконституционным, и не только мелкая, но и крупная буржуазия выступила против него.

Кельнский общинный совет решил созвать конгресс депутатов рейнских общинных советов. Правительство запретило его; тогда решили пренебречь формальностями и созвать конгресс, несмотря на запрещение. Общинные советы, представители крупной и средней буржуазии, объявили себя сторонниками имперской конституции, требовали принятия ее прусским правительством и отставки министерства, равно как отмены приказа о призыве земского ополчения; в случае отклонения требований они явно угрожали отпадением рейнских провинций от Пруссии.

Die deutsche Reichsverfassungs-Campagne.

„Hecker, Struve, Blesker, Ziß und Blum,
„Bringt die — — — — um!“

In diesem Refrain, den die süddeutsche „Volkswehr“ von der Pfalz bis zur schweizer Gränze auf allen Chausseen und in allen Wirthshäusern erschallen ließ, nach der bekannten meerumschlungenen Melodie, halb Choral, halb Drehorgelleier — in diesem Refrain ist der ganze Charakter der „großartigen Erhebung für die Reichsverfassung“ zusammengefaßt. Hier habt ihr in zwei Zeilen ihre großen Männer, ihre letzten Zwecke, ihre brave Gesinnungstüchtigkeit, ihren edlen Haß gegen die „Tyrannen“ und zugleich ihre gesammte Einsicht in die gesellschaftlichen und politischen Verhältnisse.

Unter allen den Bewegungen und Zuckungen, die in Deutschland durch die Februarrevolution und ihre weitere Entwicklung hervorgerufen wurden, zeichnet sich die Reichsverfassungs-Campagne durch ihren klassisch-deutschen Charakter aus. Ihre Veranlassung, ihr Auftreten, ihre Haltung, ihr ganzer Verlauf waren durch und durch deutsch. Wie die Junitage 1848 den gesellschaftlichen und politischen Entwicklungsgrad Frankreichs, so bezeichnet die Reichsverfassungs-Campagne den gesellschaftlichen und politischen Entwicklungsgrad Deutschlands, und namentlich Süddeutschlands.

Так как прусское правительство распустило вторую палату после того, как она высказалась за безусловное принятие имперской конституции 28 марта сего года, и тем похитило у народа его представительство и право голоса в нынешний решающий момент, нижеподписавшиеся представители городов и общин Рейнской провинции собрались, чтобы обсудить нужды отечества.

Собрание, под председательством городских гласных Целля из Трира и Вернера из Кобленца и при секретарях, городских гласных Беккере из Кельна и Блеме II из Дюссельдорфа, постановило следующее:

1) Оно заявляет, что призывает конституцию германской империи, в том виде, как она провозглашена Имперским собранием 28 марта сего года, окончательным законом и в затеянном прусским правительством конфликте становится на сторону германского Имперского собрания.

2) Собрание призывает все население Рейнской области и, в частности, способных к ношению оружия мужчин выносить маленькими или большими группами коллективные заявления о своем долге и непреклонной воле сохранить германскую имперскую конституцию и следовать ее постановлениям.

3) Собрание требует от германского Имперского собрания возможно скорее принять действительные меры, которые могли бы придать сопротивлению народа в отдельных германских государствах и, в частности, в Рейнской провинции то единство и мощь, которые одни только в состоянии парализовать хорошо организованную контр-революцию.

4) Оно требует от имперского правительства возможно скорее привести имперские войска к присяге конституции и распорядиться об их сокращении.

5) Нижеподписавшиеся обязываются всеми предоставленными им средствами придать имперской конституции силу в пределах их общин.

6) Собрание считает безусловно необходимым отставку министерства Бранденбурга-Мантейфеля и созыв палаты без изменения существующего избирательного закона.

7) В особенности усматривает оно ненужную и в высшей степени опасную для внутреннего мира меру в недавно последовавшем частичном призыве земского сполчения и ожидает немедленной его отмены.

8) Нижеподписавшиеся выражают, наконец, свое убеждение в том, что отказ принять во внимание содержание настоящего заявления может угрожать большими опасностями отечеству и может даже оказаться опасным для сохранения Пруссии в ее теперешнем составе.

(Следуют подписи.)

Постановлено 8 мая 1849 г. в Кельне.

Мы прибавим только, что тот же господин Целль, который председательствовал на этом собрании, отправился через несколько недель в качестве имперского комиссара франкфуртского имперского министерства в Баден, где не только призывал к спокойствию, но и вступил с тамошними реакционерами в переговоры о контр-революционных выступлениях, последовавших позже в Маннгейме и в Карлсруэ. Можно считать также, по меньшей мере, вероятным, что он одновременно оказывал услуги имперскому генералу Пейкеру в качестве военного шпиона.

Мы считаем нужным констатировать этот факт. Крупная буржуазия — цвет домартовского рейнского либерализма — старалась в Рейнской Пруссии с самого начала стать во главе движения в защиту имперской конституции. Ее речи, ее решения, все ее выступления делали ее ответственной за позднейшие события. Было не мало людей, которые приняли всерьез фразы господ городских советников и, в частности, их угрозы об отпадении Рейнской провинции. Раз крупная буржуазия примкнула к делу, его можно было считать заранее выигранным, можно было рассчитывать на все классы населения, можно было, наконец, кое-чем рискнуть. Так строил свои расчеты мелкий буржуа и спешил принять героическую позу. Само собою понятно, что это нисколько не помешало его мнимому союзнику, крупному буржуа, при первой возможности предать его, а впоследствии, когда все дело кончилось крайне плачевно, задним числом высмеивать его за его глупость.

Между тем возбуждение безостановочно росло; сведения из всех местностей Германии звучали крайне воинственно. Наконец, дело дошло до сбора земского ополчения. Батальоны собрались и категорически заявили, что не наденут военной формы. Майоры, не имея достаточной военной силы, ничего не могли сделать и рады были убраться без угроз и оскорблений действием. Они распустили людей и назначили новый срок для сбора.

Правительство, которое легко могло бы дать офицерам земского ополчения необходимую поддержку, нарочно позволило делу принять такой оборот. Теперь оно немедленно пустило в ход силу.

Непокорное земское ополчение принадлежало к бергско-маркскому промышленному округу. Эльберфельд и Иверлон, Золинген и Эннепская местность были центрами сопротивления. Немедленно в два первых города были отправлены войска.

В Эльберфельд были отправлены один батальон 16-го полка, эскадрон улан и два орудия. Город находился в сильнейшем возбуждении. Земское ополчение после зрелого обсуждения все-таки решило, что игра рискованная. Многие крестьяне и рабочие были политически индифферентны и не имели никакой охоты отлучаться на неопределенное время из дому по какому-то капризу правительства. Последствия сопротивления заставили их призадуматься: *species fasti*, военный суд, каторжные работы и даже, может быть, смертная казнь! Довольно. Число земских ополченцев, стоявших под ружьем, — они имели свое оружие, — все более уменьшалось, и, наконец, их осталось только около сорока человек. Они устроили свою главную квартиру в публичном помещении за городом и там

ждали прихода пруссаков. Вокруг ратуши стояли гражданские ополченцы и два отряда гражданских стрелков в колеблющемся настроении, ведя переговоры с земским ополчением, во всяком случае готовые защищать свою собственность. Улицы кишели жителями, мелкими буржуа, которые принесли в политическом клубе клятву верности имперской конституции, пролетариями всех степеней, от решительного революционного рабочего до пьяного ломового извозчика. Никто не знал, что надо делать и что произойдет.

Городской совет хотел вступить в переговоры с войсками. Но командир отказался от переговоров и вступил в город. Войска прошли по улицам и остановились у ратуши против гражданского ополчения. Начались переговоры. Из толпы полетели камни в солдат. Земское ополчение, как уже сказано, около сорока человек, после долгого обсуждения тронулось из другой части города навстречу войскам.

Неожиданно в толпе раздался призыв освободить заключенных. В арестном доме, тесно примыкавшем к ратуше, вот уже год сидели 69 золингенских рабочих по обвинению в разрушении сталелитейного завода у крепости. Через несколько дней предстоял над ними суд. Народ бросился к тюрьме, с намерением освободить их. Двери поддаются под напором, народ входит, заключенные освобождены. Но в то же время подступают войска, раздается залп, и последний заключенный, спешащий из дверей тюрьмы, падает с разможенным черепом.

Толпа отступает, но с криком: на баррикады! В одно мгновение входы во внутренний город забаррикадированы. Невооруженных рабочих было достаточно много, число же вооруженных за баррикадами было не свыше пятидесяти.

Выдвигается артиллерия. Как раньше пехота, так теперь артиллеристы стреляют слишком высоко, вероятно нарочно. Обе части войск состояли из уроженцев Рейнской области и Вестфалии и были мирно настроены. Наконец, выступает капитан фон-Уттенгофен во главе 8-й роты 16-го полка.

Трое вооруженных находились за первой баррикадой. «Не стреляйте в нас, — кричали они, — мы стреляем только в офицеров!» Капитан скомандовал остановиться. «Если ты скомандуешь стрелять, ты ляжешь на месте,» — кричит ему стрелок из-за баррикады. — «Готовься — стрелять!» Раздается залп, но в то же мгновение падает капитан. Пуля попала ему в сердце.

Взвод солдат поспешно отступает; они не берут даже с собою тело капитана. Раздается еще несколько выстрелов, несколько солдат

ранено, и командующий офицер, не желая проводить ночь в оставшемся городе, велит отступать, чтобы устроить для отряда бивуак на расстоянии часа от города. За солдатами немедленно поднимаются баррикады.

В тот же вечер известие об отступлении пруссаков пришло в Дюссельдорф. На улице образовались многочисленные группы; мелкие буржуа и рабочие были крайне возбуждены. Слух о предстоящей посылке новых войск в Эльберфельд подал сигнал к выступлению. Не считаясь с недостатком оружия, — после ноября 1848 г. гражданское ополчение было обезоружено, — сравнительно сильным гарнизоном и неудобными широкими, прямыми улицами маленькой бывшей резиденции, некоторые рабочие звали на баррикады. На улицах Нейштрассе и Болькерштрассе были возведены некоторые укрепления; остальные части города были отчасти заняты заранее командированными войсками, отчасти остались свободными благодаря трусости мелкой буржуазии.

К вечеру вспыхнула борьба. Баррикадные борцы были здесь, как и повсюду, немногочисленны. Где было взять им оружие и снаряжение? Достаточно того, что они оказали превосходным силам неприятеля продолжительное и храброе сопротивление. И лишь после широкого применения артиллерии, к утру, полдюжины баррикад, которые можно было защищать, оказались в руках пруссаков. Как известно, эти осторожные герои взяли на следующий день кровавый реванш на служанках, старцах и вообще мирных жителях.

В тот же день, когда пруссаки были отогнаны от Эльберфельда, один батальон, если не ошибаемся, 13-го полка, должен был отправиться в Изерлон, чтобы усмирить тамошнее земское ополчение. Но и здесь этот план потерпел крушение: едва только распространилась весть о том, что приближаются войска, земское ополчение и народ укрепили все подступы к городу и ожидали неприятеля с заряженными ружьями. Батальон не посмел наступать и отступил назад.

Борьба в Эльберфельде и Дюссельдорфе и забаррикадирование Изерлона подали сигнал к восстанию большей части марко-бергского промышленного района. Жители Золингена штурмовали грефратский цейхгауз и вооружились взятым оттуда оружием и патронами; жители Гагена пристали массами к движению, вооружились, заняли подступы к Руру и выслали патрули для разведок; Золинген, Ронсдорф, Ремшейд, Бармен и др. послали отряды в Эльберфельд. В других пунктах этой местности земское ополчение пристало к движению и предоставило себя в распоряжение Франкфуртского

собрания. Эльберфельд, Золинген, Гаген и Изерлон заменили изгнанные окружные и местные власти комитетами безопасности.

Известия об этих событиях, разумеется, еще страшно преувеличивались: вся Вупперская и Рурская область изображались как большой организованный лагерь восстания; говорили о 15 000 вооруженных в Эльберфельде, о таком же количестве в Изерлоне и Гагене. Внезапный испуг правительства, все меры которого против этого восстания наиболее верноподданных округов разом потерпели крушение, не мало содействовал преувеличению этих слухов.

Но, принимая даже во внимание вероятные преувеличения, оставался несомненным тот факт, что главные пункты марко-бергского промышленного округа были охвачены открытым и пока победоносным восстанием. Этот факт был налицо. К этому присоединились известия о том, что Дрезден еще держится, что в Силезии брожение, что пфальцское движение консолидируется, что в Бадене вспыхнуло победоносное военное восстание и великий герцог убежал, что мадьяры стоят у Яблунки и у Лейты. Коротко говоря, из всех революционных возможностей, представлявшихся демократической и рабочей партии после марта 1848 г., данная возможность была самой благоприятной и, конечно, должна была быть использована. Левый берег Рейна должен был прийти на помощь правому.

Что же надо было делать?

Все более крупные города Рейнской провинции либо представляют крепости, с сильными цитаделями и фортами, как Кельн и Кобленц, либо имеют многочисленные гарнизоны, как Аахен, Дюссельдорф и Трир. Кроме того, провинция находится под угрозой крепостей Везеля, Юлиха, Люксембурга, Саарлуи и даже Майнца и Миндена. Эти крепости и гарнизоны имели, по меньшей мере, тридцать тысяч человек. Наконец, Кельн, Дюссельдорф, Аахен, Трир были давно уже разоружены. Таким образом, революционные центры провинции были бессильны. Всякая попытка восстания, как это показал уже Дюссельдорф, должна была кончиться здесь победою войск; еще одна такая победа, например в Кельне, и восстание в марко-бергском округе, несмотря на все благоприятные известия, было бы морально уничтожено. На левом берегу Рейна движение было возможно на Мозеле, в Эйфеле и в крефельдском промышленном округе, но эта местность была окружена шестью крепостями и тремя гарнизонами. Напротив, правый берег Рейна в восставших уже округах представлял густо населенное обширное пространство, как будто специально приспособленное лесами и горами к повстанческой войне.

Итак, помочь восставшим округам можно было только таким образом:

прежде всего следовало избегать всяких ненужных вспышек в крепостях и гарнизонных городах;

на левом берегу Рейна надо было сделать диверсию в маленьких городах, в крепостях, в фабричных пунктах и в сельских местностях, чтобы задержать на месте силы рейнских гарнизонов;

наконец, все свободные силы надо было бросить в восставший округ правого берега Рейна, расширить восстание и постараться при помощи земского ополчения организовать там ядро революционной армии.

Пусть не радуются преждевременно новые прусские героизаторы, что я раскрыл здесь заговор против государства. К сожалению, никакого заговора не существовало. Изложенные три мероприятия — это не план заговора, а простое предложение, которое исходило от автора настоящих строк в тот момент, когда он сам отправлялся в Эльберфельд, чтобы выполнить изложенное в третьем пункте.

Благодаря организационному разложению демократической и рабочей партии, благодаря нерешительности и мудрой осторожности большинства местных вождей мелкобуржуазного происхождения, благодаря, наконец, недостатку времени не могло быть речи об организации заговоров. Если, тем не менее, на левом берегу Рейна имело место выступление, если в Кемпене, Нейссе и окрестностях вспыхнули беспорядки и в Прюме цейхгауз подвергся нападению, то эти события не были следствием общего плана, а были лишь вызваны революционным инстинктом населения.

Между тем в восставших округах дело обстояло далеко не так, как воображали в остальных местах. Правда, выгодно выделялся Эльберфельд со своими баррикадами, — в общем крайне беспорядочными и поспешно построенными, — с многочисленными сторожевыми постами, патрулями и прочими вооруженными людьми: все население было на улицах, украшенных красными и трехцветными флагами; отсутствовала только крупная буржуазия; но в остальном в городе господствовала величайшая сумятица. Мелкая буржуазия, благодаря образованному в первый же момент комитету безопасности, захватила руководящую роль в событиях. Едва она этого достигла, как уже испугалась собственной власти, при всей ее незначительности. Ее первым делом было добиться своей легитимации со стороны городского совета, т. е. крупной буржуазии, и в благодарность за эту любезность городского совета она приняла пять его членов в ко-

митет безопасности. Расширенный таким образом комитет безопасности немедленно отклонил от себя все опасные дела, передав заботу о внешней безопасности военной комиссии, над которою он сохранял контроль, имевший своей целью умерять и тормозить. Обеспеченные таким образом от всякого соприкосновения с восстанием, укрепившись на легальной почве при помощи самих отцов города, перепуганные мелкие буржуа комитета безопасности могли ограничиться тем, что успокаивали население, занимались текущими делами, разъясняли «недоразумения», колебались, оттягивали дело и мешали всякому энергичному действию под тем предлогом, что необходимо сперва подождать ответа по поводу депутатий, отправленных в Берлин и Франкфурт. Остальная мелкая буржуазия не отставала, конечно, от комитета безопасности, призывала повсюду к спокойствию, по возможности мешала всякому дальнейшему проведению мер обороны и вооружения и никак не могла определить степень своего участия в восстании. Только незначительная часть этого класса готова была защищаться с оружием в руках в случае нападения на город. Большинство же старалось убедить себя в том, что одними угрозами и страхом перед почти неизбежною бомбардировкою Эльберфельда удастся склонить правительство к уступкам; в остальном они на всякий случай оставляли себе путь для отступления.

В первую минуту борьбы крупная буржуазия была поражена, как громом. Ее испуганному воображению рисовались поджоги, грабежи, убийства и прочие неведомые ужасы. Учреждение комитета безопасности, большинство которого составляли городские советники, адвокаты, государственные прокуроры, солидные люди, неожиданно дало ей гарантию жизни и собственности и потому преисполнило ее более чем фанатическим восхищением. Те же крупные купцы, владельцы красилен, фабриканты, которые раньше кричали, что господа Карл Геккер, Риотте, Гехстер и т. п. — кровожадные террористы, теперь массами устремились в ратушу, с лихорадочным жаром бросились обнимать этих мнимых кровопийц и выложили тысячи талеров на стол комитета безопасности. Само собою понятно, что по окончании движения те же горячие поклонники и помощники комитета безопасности распространяли нелепую и пошлую ложь не только о самом движении, но и о комитете безопасности и членах его, и с тем же жаром благодарили пруссаков за освобождение от террора, который никогда не существовал. Невинные конституционалисты, как господа Геккер, Гехстер и прокурор Гейнцман, опять изображались террористами и людоедами, у которых прямо на лбу написано их родство с Робеспьером и Дантоном. Мы считаем своим:

долгом полностью оправдать названных граждан от этого обвинения. Вообще бóльшая часть крупной буржуазии постаралась перебраться возможно скорее вместе со своими чадами и домочадцами в Дюссельдорф, под охрану осадного положения, и только меньшая и более смелая часть осталась, чтобы всеми силами защищать свою собственность. Обер-бургомистр скрывался во время восстания в перевернутой, покрытой навозом коляске. Пролетариат, единый в момент борьбы, раскололся, как только обнаружилось колебанье в комитете безопасности и среди мелкой буржуазии. Ремесленники, настоящие фабричные рабочие, часть ткачей шелка стояли решительно за движение, но они, составлявшие ядро пролетариата, не имели почти никакого оружия. Красильщики, здоровые, хорошо оплачиваемые, неразвитые и потому реакционные, — как все цехи, работа которых требует больше физической силы, чем умения, — уже в первые дни проявили полнейшее равнодушие; они одни из всех промышленных рабочих не прерывали своей работы в дни баррикад. Наконец, люмпен-пролетариат здесь, как повсюду, обнаружил на второй же день движения свою продажность; утром он требовал от комитета безопасности оружия и жалованья, а после обеда продался крупной буржуазии, предлагая защищать ее дома, а к вечеру стал разрушать баррикады. В целом, люмпен-пролетариат стояли на стороне буржуазии, которая лучше всего оплачивала их и на деньги которой они во время движения весело проводили свои дни.

Бездеятельность и трусость комитета безопасности, разногласия в военной комиссии, в которой партия бездеятельности первоначально имела большинство, препятствовали с самого начала всякому решительному выступлению. Со второго дня наступила реакция. С самого начала обнаружилось, что в Эльберфельде можно рассчитывать на успех только под флагом имперской конституции в единении с буржуазией. Но пролетариат, с одной стороны, здесь только недавно вырвался из трясины пьянства и пиетизма, так что в массы его не могло проникнуть ни малейшего представления об условиях его освобождения; с другой стороны, питая инстинктивную ненависть к буржуазии, он был слишком равнодушен к буржуазному вопросу имперской конституции, чтобы увлекаться подобными трехцветными интересами. Благодаря этому решительная партия, единственная, которая серьезно относилась к делу обороны, попала в ложное положение. Она заявила, что стоит за имперскую конституцию. Но мелкая буржуазия ей не доверяла, всячески поносила ее перед народом, мешала всем ее мероприятиям по вооружению и укреплению.

Всякий приказ, который действительно мог содействовать приведению города в обороноспособное состояние, немедленно отменялся первым попавшимся членом комитета безопасности. Каждый филистер, перед дверьми которого устраивалась баррикада, немедленно бежал в ратушу и доставал контр-приказ. Денежные средства для оплаты рабочих на баррикадах, — а они требовали только необходимого, чтобы не умирать с голоду, — приходилось вырывать от комитета безопасности с трудом и в ничтожных размерах. Жалованье и продовольствие для вооруженных отпускались нерегулярно и часто в недостаточных размерах. В продолжение пяти-шести дней вооруженные не подвергались ни осмотру, ни призыву, так что никто не знал, на какое количество бойцов можно рассчитывать в случае нужды. Только на пятый день была сделана попытка подразделить вооруженных, попытка, не осуществленная и основанная на полном незнании боевых сил. Каждый член комитета безопасности действовал за собственный страх. Самые противоречивые приказы перекрещивались, и большая часть этих приказов сходилась только в том, что они увеличивали разгильдяйство и путаницу и делали невозможным всякий энергичный шаг. Благодаря этому движение перестало интересоваться пролетариат, и в короткое время крупная и мелкая буржуазии достигли своей цели, приведя пролетариат в состояние равнодушия.

Когда я приехал 11 мая в Эльберфельд, там было не менее 2 500—3 000 вооруженных. Но из них надежными были только иногородние и немногочисленные вооруженные эльберфельдские рабочие. Земское ополчение колебалось; большая часть его питала величайший страх пред каторжными работами. Первоначально таких было немного, но число их увеличивалось притоком всех нерешительных и боязливых из других отрядов. Наконец, гражданское ополчение, здесь с самого начала реакционное и организованное специально для подавления рабочих, объявило себя нейтральным и хотело только защищать свою собственность. Но все это обнаружилось только через несколько дней; а пока часть иногородних и рабочих ушла, число действительных боевых сил в результате затишья в движении сократилось, в то время как гражданское ополчение все более усиливалось и с каждым днем все более открыто выявляло свои реакционные вождедения. В последние ночи оно разрушило уже несколько баррикад. Вооруженные отряды, первоначально наверное превышавшие тысячу человек, сократились к 12 и 13 мая наполовину, и когда, наконец, был объявлен общий призыв, обнаружилось, что вся вооруженная сила, на которую можно рассчитывать, достигает

самое большое, семисот-восемисот человек. Земское и гражданское ополчения на этот призыв не явились.

Но этого мало! Восставший Эльберфельд был окружен исключительно якобы «нейтральными» местностями. Бармен, Кроненберг, Леннеп, Люттринггаузен и т. п. не примкнули к движению. Революционные рабочие этих мест, поскольку они имели оружие, ушли в Эльберфельд. Гражданское ополчение, представлявшее во всех этих местах только орудие в руках фабрикантов для подчинения рабочих и состоявшее из фабрикантов, из фабричных надсмотрщиков и всецело зависимых от фабрикантов лавочников, охраняло эти места в интересах «порядка» и фабрикантов. Сами рабочие, благодаря своей разбросанности по сельской местности отнюдь не склонные к политическому движению, были отчасти привлечены на сторону фабрикантов при помощи известных принудительных мер и клеветнических сообщений о характере эльберфельдского движения; на крестьян эти клеветнические сообщения действовали тем сильнее. Кроме того, движение происходило в такое время, когда после пятнадцатимесячного экономического кризиса фабриканты опять получили множество заказов, а ведь известно, что с рабочими, у которых много работы, не сделаешь революции, — обстоятельство, оказавшее сильное влияние также в Эльберфельде. Само собою разумеется, что при всех этих обстоятельствах «нейтральные» соседи были только скрытыми врагами.

Более того! Связи с остальными восставшими округами совсем не были установлены. Время от времени приходили отдельные лица из Гагена; об Изерлоне ничего не было известно. Отдельные лица предлагали себя в качестве комиссаров, но ни одному из них нельзя было доверять. Говорят, что между Эльберфельдом и Гагеном были арестованы гражданским ополчением в Бармене и окрестностях многочисленные курьеры. Единственное место, с которым были связи, был Золинген, а там дело обстояло так же, как в Эльберфельде. Там положение было бы еще хуже, если бы не отличная организованность и решительность золингенских рабочих, которые послали от четырехсот до пятисот вооруженных в Эльберфельд, но были еще достаточно сильны, чтобы создавать в своем городе противовес буржуазии и гражданскому ополчению. Если бы эльберфельдские рабочие были так развиты и организованы, как золингенские, их шансы на успех были бы значительно больше.

При таких обстоятельствах было возможно только одно: необходимо было принять некоторые быстрые решительные меры, которые опять вдохнули бы жизнь в движение, привлекли бы к нему новые

боевые силы, парализовали бы его внутренних врагов и по возможности лучше организовали бы движение во всем марко-бергском промышленном округе. Первым шагом должно было быть разоружение эльберфельдского ополчения, распределение его оружия между рабочими и введение принудительного налога на содержание вооруженных таким образом рабочих. Этот шаг решительно порвал бы со всею прежнею бездеятельностью комитета безопасности, вдохнул бы в пролетариат новую жизнь и парализовал бы силу сопротивления «нейтральных» округов. От успеха этого первого шага зависели бы дальнейшие мероприятия, которые имели бы своею задачей достать оружие из этих «нейтральных» округов, распространить восстание дальше и планомерно организовать оборону всего округа. С приказом комитета безопасности в руках и с отрядом четырехсот золингенских рабочих можно было в минуту разоружить эльберфельдское гражданское ополчение. О мужестве последнего не стоило и говорить.

Но, чтобы оправдать находящихся еще в тюрьме участников эльберфельдских майских событий, я считаю долгом заявить, что подобные предложения исходили только от меня. Я настаивал на разоружении гражданского ополчения с первой же минуты, как только начали таять денежные средства комитета безопасности.

Но нерешительный комитет безопасности не видел никакой необходимости в принятии подобных «террористических мер». Единственное, что я провел или, вернее, проделал на свой страх вместе с некоторыми начальниками отрядов — которые все, к счастью, спаслись и частью находятся уже в Америке, — это то, что мы забрали около восьмидесяти ружей кроненбергского гражданского ополчения, хранившихся в тамошней ратуше. Ружья эти, розданные в высшей степени легкомысленно, попали большею частью в руки склонных к пьянству люмпен-пролетариев, которые в тот же вечер продали их буржуазии. Эти господа буржуа рассылали агентов в народ, чтобы скупить возможно большее число ружей, за которые они давали высокую цену. Таким образом эльберфельдские люмпен-пролетарии продали буржуазии несколько сот ружей, попавших в их руки благодаря небрежности и бестолковости импровизированных властей. Этими ружьями были вооружены фабричные надзиратели, надежные красильщики и т. п., и ряды «благомыслящего» гражданского ополчения со дня на день усиливались.

На всякое предложение о лучшей обороне города господа из комитета безопасности отвечали, что все это ненужно, что пруссаки поостерегутся прийти, что они не посмеют идти в горы и т. п. Они сами отлично сознавали, что распространяют таким образом глупые

сказки, что город открыт для обстрела со своих высот из полевых орудий, что ничего не сделано для мало-мальски серьезной обороны и что при затишьи восстания и колоссальном превосходстве сил пруссаков только какие-нибудь чрезвычайные события могут еще спасти эльберфельдское восстание.

Между тем прусские генералы, повидимому, тоже не имели особой охоты пускаться в совершенно неведомую им область, пока они не соберут, во всяком случае, подавляющего превосходства сил. Четыре неукрепленных города — Эльберфельд, Гаген, Изерлон и Золинген — настолько импонировали этим осторожным военным героям, что они велели стянуть из Везеля, Вестфалии и восточных провинций целую двадцатитысячную армию с многочисленной кавалерией и артиллерией и, не осмеливаясь наступать, выработывали за Руром стратегический план по всем правилам искусства. Верховное командование и генеральный штаб, правое крыло, центр, — все было здесь в наилучшем порядке, как будто перед ними была колоссальная неприятельская армия, как будто предстояло сражение с Бемом или Дембинским, а не неравная борьба с несколькими сотнями неорганизованных рабочих, плохо вооруженных, почти лишенных вождей и предаваемых за спиной теми, которые дали им оружие в руки.

Известно, как кончилось восстание. Известно, что рабочие, которым надоели вечные проволоочки, медлительная трусость и предательская бездеятельность мелкой буржуазии, ушли из Эльберфельда, чтобы пробиться в первую попавшуюся область, где имперская конституция могла бы их охранять. Известно, каким преследованиям подвергались они со стороны прусских уланов и натравленных крестьян. Известно, что немедленно после их ухода крупная буржуазия опять выползла наружу, велела разобрать баррикады и построила триумфальные арки для приближающихся прусских героев. Известно, что Гаген и Золинген попали в руки пруссаков благодаря прямому предательству буржуазии, и только Изерлон выдержал двухчасовую неравную борьбу с 24-м полком, этим победителем Дрездена, уже нагруженным добычею.

Одна часть эльберфельдских, золингенских и мюльгеймских рабочих счастливо пробралась в Пфальц. Там они нашли своих земляков, эмигрировавших после штурма цейхгауза в Прюме. Вместе с ними они образовали отряд, состоявший почти исключительно из жителей Рейнской области и входивший в состав добровольческого корпуса Виллиха. Все их товарищи могут засвидетельствовать, что, идя в сражение и, в частности, в последнем решительном бою у реки Мург, они проявили большую храбрость.

Эльберфельдское восстание заслуживает более подробного изображения уже потому, что как раз здесь положение различных классов в движении за имперскую конституцию выступило в более резком и развитом виде. В остальных городах марко-бергского округа движение вполне походило на эльберфельдское, но с тем отличием, что там участие или неучастие различных классов в движении более разнообразилось, ибо сами классы не были там так отделены друг от друга, как в промышленном центре округа. В Пфальце и Бадене, где почти отсутствует концентрированная крупная промышленность, а с нею и развитая крупная буржуазия, где классовые отношения более мирны, патриархальны и расплывчаты, смесь классов, бывших носителями движения, носила еще более запутанный характер. Мы увидим это дальше, а вместе с тем также увидим, что вся эта социальная смесь, в конце концов, группировалась тоже вокруг мелкой буржуазии как кристаллизационного ядра всего движения за имперскую конституцию.

Попытки восстания в Рейнской Пруссии в мае прошлого года ясно показали, какое положение может занять эта часть Германии в революционном движении. Область опоясана семью крепостями, из которых три являются перворазрядными в Германии, занята почти третьей частью всей прусской армии, перерезана во всех направлениях железными дорогами и предоставляет в распоряжение военных властей целый флот парового транспорта; при таких условиях рейнское восстание может иметь шансы на успех только при исключительных обстоятельствах. Только при переходе крепостей в руки народа Рейнская область могла бы сделать что-нибудь с оружием в руках. А это могло бы иметь место только в том случае, если бы военные власти были терроризованы и сбиты с толку какими-нибудь мощными внешними событиями или если бы войска целиком или частью примкнули к движению. Во всех других случаях восстание в Рейнской провинции заранее обречено на поражение. Быстрое продвижение баденских отрядов к Франкфурту и пфальцских к Триру привело бы, вероятно, к тому, что восстание немедленно вспыхнуло бы на Мозеле и в Эйфеле, в Нассау и в обеих Гессенских областях и что пока еще спокойные войска средне-рейнских государств примкнули бы к движению. Не подлежит сомнению, что все рейнские войска и, в частности, вся 7-я и 8-я артиллерийские бригады последовали бы их примеру и, по меньшей мере, настолько ясно обнаружили бы свое настроение, что заставили бы прусский генералитет потерять голову. Несколько крепостей перешли бы, вероятно, в руки народа, и если не Эльберфельд, то, во всяком случае,

большая часть левого берега Рейна была бы спасена. Все это и, может быть, еще много больше было потеряно благодаря жалкой, мещанско-трусливой политике высокоумного баденского областного комитета.

С поражением восстания рейнских рабочих погибла также та единственная газета, в которой они видели открытую и решительную защиту своих интересов, — «Новая рейнская газета». Главный редактор, хотя и уроженец Рейнской провинции, был выслан из пределов Пруссии, остальным сотрудникам предстояло либо тюремное заключение, либо немедленная высылка. Кельнская полиция с величайшей наивностью объявила об этом и доказала, что она имеет против каждого достаточно улик, чтобы тем или иным способом оказать свое воздействие. Таким образом, газета должна была закрыться в тот самый момент, когда неслыханно-быстрый рост тиража более чем обеспечивал ее существование. Сотрудники разъехались в разные места Германии, где уже начиналось или подготавливалось восстание; некоторые уехали в Париж, где события подходили тогда к поворотному пункту. Все они подверглись во время или в результате революционных движений этого лета аресту или высылке, и таким образом ни один из них не избежал судьбы, которую им любезно готовила кельнская полиция. Некоторые наборщики ушли в Пфальц и вступили в армию.

Рейнское восстание также должно было окончиться трагическим образом. После того, как три четверти Рейнской провинции были объявлены на осадном положении и сотни людей заключены в тюрьму, восстание окончилось расстрелом трех участников штурма цейхгауза в Прюме—как раз накануне дня рождения Фридриха-Вильгельма IV Гогенцоллерна. *Vae victis!*

2. КАРЛСРУЭ.

В Бадене восстание началось в самых благоприятных условиях, в каких только может находиться восстание. Весь народ был единоклубен в ненависти к вероломному, двоедушному и жестокому в своих политических преследованиях правительству. Реакционные классы, дворянство, бюрократия и крупная буржуазия, были немногочисленны. Крупная буржуазия существует в Бадене вообще только в зачаточном состоянии. За исключением этих немногих дворян, чиновников и буржуа, за исключением лавочников Карлсруэ и Баден-Бадена, живущих подачками от двора и богатых иностранцев, за исключением некоторых гейдельбергских профессоров и полдюжины деревень под Карлсруэ, вся страна безраздельно была на стороне движения. Армия, которую в других восстаниях приходилось еще побеждать, здесь более, чем где-либо, терпела притеснения со стороны своих аристократических офицеров, в продолжение года подвергалась обработке со стороны демократической партии и с недавнего времени, благодаря введению всеобщей воинской повинности, еще более пополнилась мятежными элементами, — армия эта стала во главе движения и повела его даже дальше, чем хотели буржуазные вожди Оффенбургского собрания. Именно армия превратила в Раштате и Карлсруэ «движение» в восстание.

Таким образом, революционное правительство при своем вступлении в должность нашло готовую армию, хорошо снабженные арсеналы, вполне организованную государственную машину, полную государственную казну и почти единодушное население. Далее оно нашло на левом берегу Рейна в Пфальце уже готовое восстание, которое прикрывало его левый фланг; в Рейнской Пруссии — восстание, хотя и сильно угрожаемое, но еще не побежденное; в Вюртемберге, Франконии, обеих Гессенских областях и в Нассау — всеобщее возбуждение, даже среди армии, которое нуждалось только в искре для того, чтобы повторить баденское восстание во всей южной и средней Германии и предоставить в распоряжение революционного правительства не менее 50 000—60 000 регулярных войск.

То, что надо было сделать в такой обстановке, так просто и понятно, что теперь, после подавления восстания, всякий это знает и, казалось бы, всякий мог это сказать с самого начала. Надо было немедленно и не теряя ни минуты понести восстание дальше, в Гессен-Дармштадт, Франкфурт, Нассау и Вюртемберг. Надо было немедленно собрать из наличных регулярных войск 8 000—10 000 человек — что при помощи железной дороги можно было сделать в два дня — и бросить их во Франкфурт «на защиту Национального собрания». Напуганное гессенское правительство было словно парализовано быстро следовавшими один за другим успехами восстания; войска его явно сочувствовали баденцам; оно так же мало способно было к малейшему сопротивлению, как франкфуртский сенат. Расположенные во Франкфурте кургессенские, вюртембергские и дармштадтские войска были на стороне движения; тамошние пруссаки, — в большинстве уроженцы Рейнских провинций, — колебались, австрийцы были малочисленны. Прибытие баденцев, — независимо от того, была ли бы сделана попытка противодействовать ему или нет, — должно было перенести восстание в самое сердце обеих Гессенских областей и Нассау, принудить пруссаков и австрийцев к отступлению в Майнц и поставить дрожащее германское, так называемое Национальное собрание под устрашающее влияние восставшего населения и восставшей армии. Если бы после этого восстание не вспыхнуло немедленно на Мозеле, в Эйфеле, в Вюртемберге и Франконии, оставалось бы много других способов перенести его и в эти провинции.

Далее необходимо было централизовать силу восстания, предоставить в его распоряжение нужные денежные средства и немедленно отменю всех феодальных повинностей заинтересовать в движении многочисленное земледельческое большинство населения. Учреждение общей центральной власти для военных дел и финансов, с правом выпуска бумажных денег,¹ сперва для Бадена и Пфальца, отмена всех феодальных повинностей в Бадене и во всех занимаемых революционной армией округах были бы достаточны для того, чтобы придать движению гораздо более энергичный характер.

Но все это надо было сделать в первый же момент, с быстротой, которая одна только могла бы обеспечить успех. Через неделю после учреждения областного комитета было уже поздно. Рейнское восстание было уже подавлено, Вюртемберг и Гессен остались неподвиж-

¹ Баденские палаты еще раньше утвердили выпуск бумажных денег на два миллиона, из которых ни один крейцер не был еще израсходован.

ными; первоначально сочувствовавшие войсковые части стали ненадежными и, в конце концов, пошли опять всецело за своими реакционными офицерами. Восстание потеряло свой общегерманский характер, оно превратилось в чисто баденское или баденско-пфальцское местное восстание.

Как я узнал по окончании борьбы, бывший баденский младший лейтенант Ф. Зигель, который во время восстания в качестве «полковника» и позднее «главнокомандующего» заслужил себе двусмысленный карликовый лавровый венок, с самого начала предложил областному комитету план перехода в наступление. Достоинство этого плана в том, что он выражал верную мысль о необходимости наступления при всяких условиях, но в остальном это был самый фантастический план, который только мог быть предложен. Зигель хотел двинуться с одним баденским корпусом сперва в Гогенцоллерн и провозгласить там гогенцоллернскую республику, потом занять Штутгарт и оттуда, подняв восстание в Вюртемберге, двинуться на Нюрнберг и в сердце восставшей Франконии разбить большой лагерь. Как видим, этот план совершенно упускал из виду моральное значение Франкфурта, овладение которым придало бы восстанию общегерманский характер, и стратегическую важность линии Майна. Как видим, он исходил из совсем других боевых сил, чем те, какими можно было располагать, и его план, подобно планам Дон-Кихота или Шилля, был лишен всякого основания; он привел бы к тому, что заставил бы немедленно выступить против восстания самую сильную и единственную из южно-германских армий, решительно враждебную восстанию, а именно баварскую армию, прежде чем восстание могло усилиться присоединением гесенских и нассауских войск.

Новое правительство вообще не согласилось на наступление, под предлогом, что почти все солдаты разошлись по домам; не говоря уж о том, что это имело место только в немногих отдельных войсковых частях, а именно в частях лейб-полка, но даже разошедшиеся солдаты уже через три дня были почти все опять под своими знаменами.

Но правительство имело совсем другие основания противиться всякому наступлению.

Во главе всей баденской агитации в защиту имперской конституции стоял господин Brentano; с жалким честолюбием деятеля маленького германского государства и мнимую принципиальностью, которая в Южной Германии является вообще первым условием популярности, он соединял некоторую дипломатическую хитрость,

достаточную для того, чтобы вполне подчинить себе всех окружающих за исключением, пожалуй, одного. Господин Brentano, — теперь это стало тривиальным, но это верно, — господин Brentano и его партия, сильнейшая в стране, добивались в Оффенбургском собрании всего лишь перемены великогерцогской политики, перемены, которая была бы возможна только при министерстве Brentano. Ответ герцога и всеобщая агитация вызвали в Раштате военный бунт — против воли и намерения Brentano. В тот момент, когда Brentano был поставлен во главе областного комитета, движение уже опередило его, и он уже должен был его сдерживать. Тут произошли события в Карлсруэ; великий герцог бежал, и те же события, которые поставили господина Brentano во главе управления и дали ему, так сказать, диктаторскую власть, свели на-нет все его планы и привели его к применению своей власти против того самого движения, которое ему эту власть доставило. В то время как народ ликовал по случаю бегства великого герцога, господин Brentano и верный ему областной комитет сидели, как на горячих угляях.

Этот областной комитет, состоявший почти исключительно из баденских обывателей, отличавшихся «твердыми принципами» и путанными головами, — из «чистых республиканцев», которые смертельно боялись республики и отреклись от всякой маломальски энергичной меры, — этот истинно-филистерский комитет находился, конечно, в полной зависимости от Brentano. Ту роль, которую в Эльберфельде принял на себя адвокат Гехстер, здесь на несколько более обширной территории принял на себя адвокат Brentano. Что касается инородных элементов, перешедших из тюрьмы в областной комитет, а именно: Блинда, Фиклера и Струве, то Блинд был так опутан интригами Brentano, что ему, находившемуся в полном одиночестве, не оставалось ничего другого, как отправиться в изгнание в Париж в качестве представителя Бадена; Фиклер должен был принять на себя опасную миссию в Штутгарт; Струве же казался господину Brentano настолько неопасным, что он спокойно терпел его в областном комитете, наблюдая за ним и стараясь сделать его непопулярным, что ему вполне удалось. Как известно, Струве вместе со многими другими основал «Клуб решительного (или, вернее, осторожного) прогресса», который после одной неудачной демонстрации был распущен. Немного времени спустя Струве был в Пфальце более или менее на положении «эмигранта» и пытался там опять издавать свой орган «Deutscher Zuschauer» («Немецкий зритель»). Но едва вышел первый пробный номер, как пришли пруссаки.

Областной комитет, — с самого начала простое орудие в руках

Брентано, — выбрал исполнительный комитет, во главе которого опять-таки стал Брентано. Вскоре этот исполнительный комитет почти совсем заменил областной комитет, которому он в лучшем случае давал на утверждение кредиты и соответствующие мероприятия; более или менее ненадежных членов большого комитета он разослал в округа или в армию с различными второстепенными миссиями. Наконец, он совсем заменил областной комитет «конституантою», избранною всецело под влиянием Брентано, а себя он превратил во «временное правительство», во главе которого, конечно, опять-таки встал господин Брентано. Последний назначал министров. И каких министров, — Флориана Мердеса и Майергофера!

Господин Брентано был самым совершенным представителем баденской мелкой буржуазии. От массы мелких буржуа и прочих их представителей он отличался только тем, что был слишком проницателен для того, чтобы разделять все их иллюзии. Господин Брентано с первой минуты предавал баденское восстание, и именно по той причине, что он с первой минуты лучше понимал положение дел, чем какое-либо другое официальное лицо в Бадене, и принял те единственные меры, которые должны были сохранить господство за мелкой буржуазией и именно вследствие этого погубить все движение. В этом секрет тогдашней безграничной популярности Брентано, и в этом же секрет тех оскорблений, которые посыпались на него после июля со стороны его бывших поклонников. Баденские мелкие буржуа были в массе своей такими же предателями, как Брентано, но в то же время они были обмануты, чего нельзя сказать о нем. Они предавали из трусости и давали себя обманывать из глупости.

В Бадене, как и вообще в Южной Германии, почти нет крупной буржуазии. Промышленность и торговля страны незначительны. Существует поэтому только очень малочисленный, очень раздробленный, мало развитой пролетариат. Масса населения делится на крестьян (их большинство), мелких буржуа и ремесленных подмастерьев. Последние, городские рабочие, рассеянные в маленьких городах, без крупного центра, где могла бы образоваться самостоятельная рабочая партия, стоят или, по крайней мере, стояли до сих пор под преобладающим общественным и политическим влиянием мелкой буржуазии. Крестьяне, еще более рассеянные по территории страны, лишённые средств образования, имеют отчасти совпадающие, отчасти, так сказать, параллельные интересы с мелкою буржуазией и потому находятся также под ее политической опекою. Таким образом, мелкая буржуазия, представленная адвокатами, врачами, учителями, отдельными купцами и книготорговцами, отчасти непосредственно,

отчасти через своих представителей, господствовала над всем политическим движением Бадена, начиная с марта 1848 г.

Этому отсутствию противоположности между буржуазией и пролетариатом и вытекающему отсюда политическому преобладанию мелкой буржуазии следует приписать то обстоятельство, что социалистическая агитация, собственно говоря, в Бадене никогда не существовала; социалистические элементы, привнесенные извне, либо через посредство рабочих, побывавших в более развитых странах, либо путем влияния французской или немецкой социалистической и коммунистической литературы, никогда не могли проложить себе дорогу. Красная лента и красное знамя означали в Бадене не что иное, как буржуазную республику, в крайнем случае с небольшою примесью терроризма, и открытые господином Струве «шесть бичей человечества», при всей своей невинности с буржуазной точки зрения, представляли самое крайнее учение, которое могло еще находить отклик у массы. Высшим идеалом баденских мелких буржуа и крестьян была всегда буржуазно-крестьянская республика в том виде, в каком она существует в Швейцарии, начиная с 1830 года. Маленькое поле деятельности для маленьких скромных людей, государство в виде расширенной общины, «кантона», маленькая, неподвижная, основанная на ручном труде промышленность, обуславливающая такое же неподвижное и сонливое состояние общества, мало богатства, мало бедности, только среднее состояние и умеренность; нет князя, нет гражданского листа, нет постоянного войска, почти нет налогов; нет активного участия в истории, нет внешней политики, только внутренние маленькие ссоры и местные распри *en famille*; нет крупной индустрии, железных дорог, мировой торговли, социальных коллизий между миллионерами и пролетариями, но тихая, уютная жизнь в страхе божием и почтительности, в скромности маленьких самодовольных душ, не претендующих на историческую роль, — такова тихая Аркадия, которая существует в большей части Швейцарии и о которой давно уже мечтали баденские мелкие буржуа и крестьяне. И если в моменты самого смелого воодушевления мысль баденского и, скажем, южно-германского мелкого буржуа вообще поднималась до представления о целокупной Германии, то идеал Германии будущего мерещился ему в виде расширенной Швейцарии, в виде федеративной республики. Так, господин Струве уже разделил в одной своей брошюре Германию на 24 кантона с таким же числом областных начальников и больших и малых советов и даже приложил к брошюре географическую карту с готовыми подразделениями. Если бы Германия могла когда-нибудь превратиться в подобную Арка-

дию, то этим она спустилась бы на такую степень деградации, о которой она не имела представления даже в самые позорные свои времена.

Между тем южно-германская мелкая буржуазия уже неоднократно убеждалась на опыте, что революция, хотя бы идущая под ее собственным буржуазно-республиканским знаменем, в водовороте колоссальнейших конфликтов и действительной классовой борьбы легко может уничтожить любезную ей тихую Аркадию. Отсюда страх мелких буржуа не только перед всяким революционным потрясением, но даже перед их собственным идеалом федеративной табачной и пивной республики. Отсюда их энтузиазм перед имперскою конституцией, которая удовлетворяла, по крайней мере, их ближайшие интересы и, предоставляя, кроме того, императору только право суспенсивного вето, давала им надежду, что республика будет в подходящее время введена законным путем. Отсюда их изумление, когда баденская армия, не спросив их, преподнесла в подарок уже готовое восстание, отсюда их страх распространить восстание за пределы будущего баденского кантона. Ведь пожар мог охватить также местности, в которых существуют крупная буржуазия и многочисленный пролетариат, местности, где власть могла перейти в руки пролетариата, а тогда горе собственности!

Что же делал в такой обстановке господин Brentano?

Он делал в Бадене для мелкой буржуазии то, что в Рейнской Пруссии сознательно делала сама мелкая буржуазия: он предал восстание, но спас мелкую буржуазию.

Brentano предавал восстание с самой первой минуты, а отнюдь не своими последними действиями, не своим бегством после поражения при Мурге, как воображали окончательно разочарованные баденские мелкие буржуа. Как раз те мероприятия, которые вызывали наибольшее восхищение баденских филистеров и с ними части крестьянства и даже ремесленников, предали движение пруссакам. Именно благодаря своему предательству Brentano стал так популярен и крепко привязал к себе филистеров, возбудив в них фанатический энтузиазм. Мелкий буржуа не видел предательства движения, он видел только быстрое восстановление порядка и спокойствия, видел только кратковременную задержку самого движения; а когда уже было слишком поздно, когда он увидел, что он скомпрометирован в движении и что движение погибает вместе с ним, он начал кричать о предательстве и со всем возмущением обманутого человека обрушился на своего вернейшего слугу.

Конечно, господин Brentano был тоже обманут. Он надеялся

выйти из движения в качестве великого человека «умеренной» партии, т. е. мелкой буржуазии, а должен был под покровом ночи бежать от своей собственной партии, от своих лучших друзей, в глаза которых неожиданно ударил ослепительный свет. Он надеялся даже сохранить для себя возможность занять министерский пост при великом герцоге, а в награду за свою мудрость получил пинки от всех партий и потерял возможность играть когда бы то ни было какую-нибудь роль. Но, конечно, можно иметь более ума, чем все вместе взятые мелкие буржуа какого-нибудь немецкого карликового государства, и все-таки видеть, что лучшие надежды терпят крушение, что самые благородные намерения забрасываются грязью.

С первого дня своего управления господин Брентано делал все для того, чтобы удержать движение в филистерских рамках, из которых оно почти не пыталось выходить. Под охраною гражданского ополчения Карлсруэ, преданного герцогу, — того самого гражданского ополчения, которое еще за день до того сражалось против движения, — он вступил в палату сословных представителей, чтобы оттуда укрощать движение. Обратный призыв дезертировавших солдат происходил с возможною медлительностью, не быстрее производилась реорганизация батальонов. Зато немедленно вооружили маннгеймских разоруженных филистеров, о которых все знали, что они не будут сражаться, и которые после вагхейзельского сражения даже присоединились в большинстве своем к драгунскому полку, предавшему Маннгейм. О движении на Франкфурт или Штутгарт, о распространении восстания на Нассау или Гессен не было даже речи. Если подобные предложения делались, то они немедленно отвергались, как предложение Зигеля. Предложение о выпуске бумажных денег было бы принято как государственное преступление, оно считалось бы коммунистическим. Пфальц посылал послов за послами; они сообщали, что Пфальц безоружен, не имеет ни ружей, не говоря уже об артиллерии, ни снаряжения и нуждается во всем, что необходимо для проведения восстания и, в частности, для занятия крепости Ландау и Гермерсгейма, но от господина Брентано ничего нельзя было добиться. Пфальц предлагал немедленное учреждение общего военного командования и даже объединение обеих областей под властью общего правительства. Но все эти предложения оттягивались и тормозились. Единственное, что Пфальц мог получить, это, как я полагаю, небольшую денежную поддержку; впоследствии, когда было уже слишком поздно, прибыли восемь орудий с небольшим количеством снаряжения, без прислуги и упряжи, и, наконец, по прямому приказу Мерославского, один баденский бата-

льон и две мортиры, из которых одна, если память мне не изменяет, сделала один выстрел.

Это затягивание и отклонение необходимейших мероприятий, которые могли бы содействовать распространению восстания, означало уже предательство всего движения. Внутри действовали с такою же небрежностью. Об отмене феодальных повинностей не было и речи; господин Брентано отлично знал, что в крестьянстве скрыты более революционные элементы, чем то ему было угодно, особенно в Оберланде, и что поэтому он скорее должен удерживать их, чем бросить в гущу движения. Новые чиновники были креатуры Брентано или совершенно неспособные люди; старые чиновники, за исключением тех, которые слишком скомпрометировали себя во время реакции последнего года и потому сами дезертировали, все сохранили свои места, к великому восхищению всех спокойных граждан. Даже господин Струве в последних числах мая похвалил «революцию» за то, что все обошлось так спокойно и почти все чиновники смогли остаться на своих местах. В остальном господин Брентано и его агенты действовали в том направлении, чтобы все по возможности вернулось в проторенную колею, чтобы по возможности меньше было беспорядка и возбуждения и чтобы революционный внешний вид страны поскорее исчез.

В военной организации господствовала та же рутина, — делали только то, чего нельзя было не делать. Войска оставляли без начальников, без дела, без порядка, неспособный «военный министр» Эйхфельд и его преемник, предатель Майергофер, не сумели даже составить сносную дислокацию. Войсковые транспорты перекрещивались на железной дороге беспечно и безрезультатно. Батальоны отводились сегодня куда-то, а завтра возвращались назад, и никто не знал причины этого. В гарнизонах они переходили из одного трактира в другой, так как другого дела у них не было. Казалось, что их хотят нарочно деморализовать, что правительство хочет вытравить из них последний остаток дисциплины. Организация первого набора, так называемого народного ополчения, т. е. всех способных к ношению оружия мужчин до 30 лет, была поручена известному И.-Ф. Беккеру, натурализованному швейцарцу и офицеру швейцарской армии. Я не знаю, в какой мере Брентано мешал Беккеру в проведении его миссии. Но я знаю, что, после отступления пфальцской армии на баденскую территорию, когда уже невозможно было отклонить настойчивые требования плохо одетых и плохо вооруженных пфальцских отрядов, Брентано умыл свои руки со следующими словами. «По мне, давайте им все, что хотите, но когда великий герцог

вернется, пусть он, по крайней мере, знает, кто так растратил его запасы». Поэтому, если баденское народное ополчение было частью плохо, частью совсем неорганизовано, то, бесспорно, главная вина падает также на Брентано и на плохую волю и неумелость его комиссаров в отдельных округах.

Когда Маркс и я после закрытия «Новой рейнской газеты» впервые прибыли на баденскую территорию, — это было 20 или 21 мая, т. е. спустя неделю после бегства великого герцога, — нас удивила величайшая беззаботность, с которою граница охранялась или, скорее, не охранялась. От Франкфурта до Геппенгейма вся железная дорога была занята вюртембергскими и гессенскими правительственными войсками; Франкфурт и Дармштадт были полны войск; все вокзалы и деревни заняты сильными отрядами; регулярные сторожевые посты были продвинуты вплоть до границы. Напротив, от границы до Вейнгейма не видно было ни одного человека; то же самое в Вейнгейме. Единственной мерою предосторожности было разрушение небольшой части железнодорожного пути между Геппенгеймом и Вейнгеймом. Только во время нашего приезда в Вейнгейм прибыл слабый отряд лейб-полка — не более 25 человек. Между Вейнгеймом и Маннгеймом тоже господствовал глубочайший мир. В лучшем случае там или сям показывался отдельный народный ополченец навеселе, скорее отбившийся или дезертировавший, чем несший службу. О пограничном контроле не было и речи. Границу переходили туда и обратно, как хотели.

Маннгейм имел несколько более военный вид. Кучки солдат стояли на улицах или сидели в трактирах; народное ополчение и гражданское ополчение производили упражнения в парке, большею частью, конечно, еще весьма неумело и с плохими инструкторами. В ратуше заседали многочисленные комитеты, старые и новые офицеры, люди в военной форме и блузах. Народ смешивался с солдатами и добровольцами. Много пили, смеялись, забавлялись. Но с первого же взгляда видно было, что первый порыв уже прошел, что многие неприятно разочарованы. Солдаты были недовольны; мы устроили восстание, — говорили они, — а теперь, когда штатские должны прийти и взять на себя руководство, они все затягивают и тем губят дело. Не совсем также довольны были солдаты своими новыми офицерами; новые офицеры были в натянутых отношениях со старыми великогерцогскими офицерами, из которых многие были тогда еще налицо, хотя ежедневно несколько человек дезертировало; старые офицеры были против своей воли поставлены в роковое положение, из которого не знали, как выбраться. Повсюду, наконец,

раздавались жалобы на отсутствие энергичного и способного руководителя.

На другом берегу Рейна, в Людвигсгафене, мы увидели движение в более выгодном свете. В то время как в Маннгейме множество молодых людей, явно принадлежавших к первому набору, спокойно занимались еще своими делами, как будто ничего не случилось, здесь все были вооружены. Конечно, не везде в Пфальце дело обстояло таким образом, как это позднее и обнаружилось.

В Людвигсгафене господствовало величайшее единодушие между добровольцами и солдатами. В трактирах, которые и здесь, конечно, были переполнены, раздавались марсельеза и другие подобные песни. Здесь не плакали и не ворчали, здесь смеялись, душою и телом были преданы движению и еще предавались тогда, особенно стрелки и добровольцы, вполне простительным и невинным иллюзиям насчет собственной непобедимости.

В Карлсруэ дело принимало уже более торжественный вид. В «Парижском подворье» обед был назначен на час дня, но его не начинали до тех пор, пока не появлялись «господа из областного комитета». Подобные мелочи уже придавали движению уютные, приятные бюрократические черты.

В разговорах с различными членами областного комитета мы высказали вышеизложенный взгляд, что с самого начала следовало двинуться на Франкфурт и тем распространить дальше восстание, что теперь, весьма вероятно, уже слишком поздно делать это и что без решительных ударов в Венгрии или без новой революции в Париже все движение уже безнадежно потеряно. Трудно представить себе то возмущение, которое подобные еретические утверждения вызывали среди граждан из областного комитета. Только Блинд и Гегг были на нашей стороне. Теперь, когда события оправдали наше мнение, те же господа, конечно, уверяют, что они якобы с самого начала настаивали на наступлении.

В Карлсруэ были тогда уже заметны первые зачатки той великолепной погони за местами, которая под столь же великолепным титулом «Концентрация всех демократических сил Германии» выдавала себя за спасение отечества. Всякий, кто хоть когда-нибудь более или менее путанно декламировал в каком-нибудь клубе или призывал к ненависти против тиранов в какой-нибудь захудалой демократической газетке, спешил в Карлсруэ или в Кайзерслаутерн, чтобы немедленно сделаться там великим человеком. Излишне особенно подчеркивать, что дела этих людей вполне соответствовали сконцентрированным здесь силам. Так, в Карлсруэ находился

один известный, якобы философский Атта Тролль, бывший депутат Франкфуртского собрания и бывший редактор закрытой Мантейфельем якобы демократической газетки. Атта Тролль этот с величайшим усердием добивался поста баденского посла в Париже, к которому он считал себя особенно призванным на том основании, что в свое время он прожил два года в Париже, не выучившись там французскому языку. Он оказался, действительно, настолько счастливым, что получил от господина Brentano вверительную грамоту и уже укладывал свой чемодан, когда Brentano неожиданно прислал за ним и, так сказать, вынул у него обратно из кармана его вверительную грамоту. Само собою понятно, что теперь Атта Тролль, на зло господину Brentano, нарочно поехал в Париж. Другой, твердый в своих убеждениях гражданин, который вот уже несколько лет угрожал Германии революционизированием и республиканизированием, господин Гейнцен, тоже находился в Карлсруэ. Как известно, до февральской революции этот гражданин повсюду и всегда призывал «ударить», но после этой революции счел более уместным наблюдать различные германские восстания с нейтральных высот Швейцарии. Теперь, наконец, ему тоже пришла охота ударить на «притеснителей». Судя по его старым словам: «Кошут великий человек, но Кошут забыл гремуче-серебряную соль», можно было ожидать, что он немедленно организует против пруссаков колоссальнейшие, до тех пор неведомые разрушительные силы. Ничуть не бывало. Так как более широкие планы казались невыполнимыми, то наш тираноненавистник ограничился на словах созданием республиканского отборного корпуса, а пока написал в «Карлсруэской газете» статью в защиту Brentano и посещал «Клуб решительного прогресса». Клуб был распущен, отборные республиканцы не явились, и господин Гейнцен заметил, наконец, что и он сам не может более защищать политику Brentano. Непризнанный, ненужный, раздосадованный, отправился он сперва в баденский Оберланд, а оттуда в Швейцарию, не убив ни одного из «притеснителей». Теперь он мечтает последним, гильотинируя их *in effigie* миллионами из Лондона.

Мы покинули Карлсруэ на следующее утро, чтобы посетить Пфальц.

О дальнейшем ходе баденского восстания, со стороны его общеполитического руководства и гражданского управления, мне мало что остается сказать. Когда Brentano почувствовал себя достаточно сильным, он одним ударом уничтожил покорную оппозицию, которую делал ему «Клуб решительного прогресса». «Учредительное собрание», избранное под влиянием огромной популярности Brentano и управлявшей всем мелкой буржуазии, безусловно одобряло все его

шаги. «Временное правительство с диктаторской властью» (диктатура при мнимом конвенте!) находилось всецело под его руководством. Так продолжал он управлять, задерживал революционное и военное развитие восстания, занимался текущими делами *tant bien que mal* и ревностно охранял запасы и частную собственность великого герцога, которого он продолжал считать своим законным сувереном божьей милостью. В «*Karlsruher Zeitung*» он заявил, что великий герцог может в любой момент приехать обратно, и, действительно, замок оставался все время на запоре, как будто обитатель его отправился только в путешествие. Пфальцских депутатов он кормил со дня на день неопределенными ответами; самое большее, чего можно было добиться, это — общего военного командования под руководством Мерославского и договора об отмене мостовой пошлины у Маннгейма-Людвигсгафена, что нисколько не помешало господину Brentano распорядиться взимать эту пошлину на берегу Маннгейма.

Когда, наконец, Мерославский после сражений при Вагхейзеле и Убштадте вынужден был отвести остатки своей армии через горы за Мург, когда пришлось сдать Карлсруэ с огромными запасами, когда поражение на Мурге решило судьбу движения, — тогда исчезли иллюзии баденских буржуа, крестьян и солдат, и все начали кричать, что Brentano предал. Сразу рухнуло все здание популярности Brentano, которое держалось на трусости мелких буржуа, на несамостоятельности крестьян и на недостатке концентрации рабочих. Brentano убежал ночью в Швейцарию, преследуемый обвинением в измене народу, которым его заклеймила его собственная «конституанта», и скрылся в Фейертале в Цюрихском кантоне.

Можно было бы успокоиться на том, что господин Brentano был достаточно наказан за свое предательство полным крушением своего политического положения и общим презрением всех партий. Само по себе поражение баденского движения не имело решающего значения. 13-ое июня в Париже и отказ Гергея двинуться на Вену уничтожили все шансы, которые имели Баден и Пфальц, если бы даже удалось перенести движение в Гессен, Вюртемберг и Франконию. Конечно, падение было бы более почетно, но падение было неизбежно. Но чего революционная партия никогда не простит господину Brentano и поддерживавшим его трусливым баденским мелким буржуа, — так это того, что они непосредственно виновны в смерти расстрелянных в Карлсруэ, Фрейбурге и Раштате и в бесчисленных и безыменных жертвах, погубленных пруссаками при содействии тифа в тиши раштатских казематов.

3. ПФАЛЬЦ.

Из Карлсруэ мы отправились в Пфальц, и прежде всего в Шпейер, где должны были находиться д'Эстер и временное правительство. Но к тому времени они уже переселились в Кайзерслаутерн, где правительство устроило свою окончательную резиденцию, считая его «стратегически наиболее удобным пунктом Пфальца». Вместо них мы в Шпейере нашли Виллиха с его добровольцами. С отрядом в несколько сот человек он не давал двигаться гарнизонам Ландау и Гермерсгейма, всего числом около 4 000 человек, отрезал им подвоз и всяческими способами чинил им затруднения. В тот же день он приблизительно с 80 стрелками напал на два отряда гермерсгеймского гарнизона и без единого выстрела погнал их обратно в крепость. На следующее утро мы вместе с Виллихом отправились в Кайзерслаутерн, где встретили д'Эстера, временное правительство и вообще цвет немецкой демократии. Об официальном участии в движении, которое было совершенно чуждо нашей партии, не могло быть речи, разумеется, и здесь. Ввиду этого мы через несколько дней отправились обратно в Бинген; по пути, в обществе нескольких друзей, мы были арестованы гессенскими солдатами по подозрению в участии в восстании, отправлены в Дармштадт и оттуда во Франкфурт, где наконец, были освобождены.

Вскоре после этого мы покинули Бинген, и Маркс отправился с мандатом Центрального демократического комитета в Париж, где предстояли тогда решающие события, чтобы представлять германскую революционную партию у французских социальных демократов. Я же отправился снова в Кайзерслаутерн, с намерением жить там первое время в качестве простого политического эмигранта, а впоследствии, быть может, если представится удобный случай и вспыхнет борьба, занять то единственное место, которое «Новая рейнская газета» могла занимать в этом движении: место солдата.

Кто хоть однажды видел Пфальц, тот поймет, что в этой стране, богатой и благословенной вином, движение должно было принять в высшей степени веселый характер. Наконец-то население сбросило

с своей шеи тяжеловесных педантических старо-баварских любителей пива и на их место назначило в качестве чиновников веселых ценителей пфальцского вина. Наконец-то оно освободилось от глубокомысленной баварской полицейщины, которая так восхитительно высмеивалась в летучих листках, вообще весьма бездарных, и которая тяготила вольнолюбивых пфальцских жителей больше, чем что-либо другое. Первым революционным актом пфальцского народа было восстановление свободы трактиров: весь Пфальц превратился в большой трактир, и количество спиртных напитков, уничтоженное в продолжение этих шести недель «во имя пфальцского народа», превосходит всякие вычисления. Хотя в Пфальце активное участие в движении далеко не было таким широким, как в Бадене, хотя здесь было много реакционных кругов, но все население было единодушно в этом увлечении вином, и даже самый реакционный филистер и крестьянин были увлечены этим общим весельем.

Не требовалось особой пронизательности, чтобы понять, какое неприятное разочарование принесет прусская армия этим развеселившимся пфальцским жителям через несколько недель. И тем не менее в Пфальце можно было пересчитать по пальцам людей, которые не испытывали величайшего спокойствия. Лишь немногие верили в возможность прихода пруссаков, но зато все были уверены, что если они придут, то очень легко будут отброшены назад. Та мрачная решимость, которая, казалось, начертала на лбу всех офицеров баденского народного ополчения «человек должен сохранять серьезность» и которая, однако, нисколько не помешала тем удивительным вещам, о которых мне впоследствии придется еще рассказать, — та добродетельная торжественность, которую филистерский характер движения в Бадене сообщал большинству его участников, — всего этого здесь, правда, не было. В Пфальце человек бывал серьезным лишь мимоходом. «Одушевление» и «серьезность» служили здесь только для того, чтобы приукрасить общее веселье. Но все были всегда достаточно «серьезны» и «одушевлены» для того, чтобы верить в свою непобедимость для всех сил мира и в частности для прусской армии; и когда в тихие часы раздумья поднималось легкое сомнение, оно устранялось неопровержимым аргументом: если бы даже дело обстояло таким образом, об этом не надо говорить. Чем больше движение развertyвалось, чем более явно и в большем количестве прусские батальоны концентрировались от Саарбрюкена до Крейцнаха, тем чаще, конечно, становились такие сомнения, но зато также тем более усиливалась, как раз у сомневающихся и боязливых, вера в непобедимость «народа, воодушевленного своею свободою», как

называли пфальцских жителей. Эта вера развилась в целую систему усыпления, которая поддерживалась правительством, ослабляла всякую деятельность по принятию мер обороны и угрожала каждому, кто возражал против нее, арестом в качестве реакционера.

Это спокойствие, эта вера в «энтузиазм» и его всемогущество, соединенная с ничтожными материальными средствами «восстания» и маленькою территорией, на которой оно происходило, представляли комическую сторону пфальцкого движения и давали не мало материала для насмешек тем немногим людям, которым их дальновидность и независимое положение давали возможность свободного суждения.

Весь внешний вид пфальцкого движения носил веселый, беззаботный и непринужденный характер. В то время как в Бадене каждый вновь назначенный подпоручик линейных войск или народного ополчения затягивался в тяжелую военную форму и парадировал с серебряными эполетами, которые в день сражения прятались в карман, — пфальцские жители вели себя более разумно. Как только сильная жара первых июньских дней дала себя почувствовать, исчезли все суконные сюртуки, жилеты и галстуки, уступив место легким блузам. Вместе с старою бюрократией освободились, казалось, от всей старой нелюдимой принужденности, стали одеваться совершенно непринужденно, считаясь только с удобствами и временем года, и вместе с различиями в одежде моментально исчезли всякие другие бытовые отличия. Все классы общества собирались в одних и тех же публичных помещениях, и социалистический мечтатель мог бы усмотреть в этом непринужденном общении зарю всеобщего братства.

Таким же характером отличалось и временное правительство Пфальца. Оно состояло почти исключительно из добродушных любителей вина, которые были более всего удивлены тем, что они должны представлять временное правительство своего любимого Вакхом отечества. И тем не менее нельзя отрицать, что эти смеющиеся правители вели себя лучше и делали сравнительно больше, чем их баденские соседи под руководством «твердого» Брентано. Они обладали, по крайней мере, доброю волею и, — несмотря на свою любовь к вину, — более трезвым рассудком, чем филистерски-серьезные господа из Карлсруэ, и только немногие из них обижались на насмешки по поводу их спокойной манеры делать революцию и их бессильных маленьких мероприятий.

Временное правительство Пфальца ничего не могло сделать до тех пор, пока баденское правительство оставляло его без помощи.

И по отношению к Бадену оно вполне выполнило свой долг. Оно посылало послов за послами, соглашалось на одну уступку за другою, лишь бы добиться только соглашения; все было напрасно: господин Брентано решительно не хотел этого.

В то время, когда баденское правительство нашло все в готовом виде, пфальцское правительство ничего не нашло. Лишенное денег и оружия, оно имело множество реакционных округов и две неприятельские крепости в своей стране. Франция немедленно запретила вывоз оружия в Баден и Пфальц, Пруссия и Гессен задержали все отправлявшееся туда оружие. Пфальцское правительство немедленно послало агентов во Францию и Бельгию для закупки и доставки оружия; оружие было закуплено, но не прибыло. Можно поставить правительству в упрек, что оно действовало недостаточно энергично и, в частности, не организовало тайного провоза оружия через границу при помощи многочисленных контрабандистов; но большая часть вины падает на его агентов, которые вяло действовали и отчасти удовлетворялись пустыми обещаниями, вместо того чтобы доставить французское оружие, по крайней мере, в Сааргемюнд и Лаутербург.

Что касается денежных средств, то в маленьком Пфальце бумажные деньги не могли принести большую пользу. Находясь в затруднительном денежном положении, правительство имело, по крайней мере, смелость прибегнуть к принудительному займу с прогрессивными, хотя и слабо возрастающими ставками.

Упреки, которые можно было бы сделать пфальцскому правительству, ограничиваются тем, что в сознании своего бессилия оно слишком заразилось всеобщей беззаботностью и связанными с этим иллюзиями насчет своей собственной безопасности; что оно поэтому, вместо того чтобы энергично пустить в ход, правда ограниченные, средства обороны страны, предпочло надеяться на победу монтаньяров в Париже, на занятие Вены венграми или даже на какие-нибудь настоящие чудеса, которые могли бы спасти Пфальц, — на восстание в прусской армии и т. п. Отсюда небрежность в доставке оружия в такой стране, где даже одна тысяча пригодных мушкетов имеет огромное значение и где, в конце концов, в самый день прихода пруссаков первая и последняя партия в сорок ружей прибыла из-за границы, а именно из Швейцарии. Отсюда легкомысленный выбор гражданских и военных комиссаров, состоявших в большинстве из неспособных и путаных фантазеров, и оставление на местах многих прежних чиновников и всех судей. Отсюда, наконец, отказ от всех, даже самых доступных мер, с помощью которых можно было

бы тревожить, и, быть может, занять Ландау, к чему я еще вернусь.

За спиною временного правительства стоял д'Эстер, игравший роль какого-то тайного генерального секретаря или, как выражался господин Брентано, «красной камарильи, окружавшей умеренное правительство из Кайзерслаутерна». К этой «красной камарилье» принадлежали и другие немецкие демократы, в частности дрезденские эмигранты. В лице д'Эстера пфальцские правители нашли недостававшее им административное понимание и вместе с тем революционный разум, который импонировал им тем более, что всегда ограничивался наиболее близким и бесспорно возможным и потому никогда не затруднялся в детальных мероприятиях. Этим д'Эстер приобрел значительное влияние и безусловное доверие правительства. Хотя по временам д'Эстер принимал движение слишком всерьез и, например, думал принести значительную пользу введением своего, в тот момент совершенно неподходящего, общинного устава, но нет сомнения, что он толкал правительство на все более или менее энергичные шаги и, особенно в конфликтах по поводу детальных вопросов, находил всегда подходящее решение.

Если в Рейнской Пруссии реакционные и революционные классы с самого начала противостояли друг другу, если в Бадене класс, первоначально мечтавший о движении, а именно мелкая буржуазия, с приближением опасности постепенно переходил сперва к безразличному, а потом к враждебному настроению против им же самим вызванного движения, то в Пфальце не столько отдельные классы населения, сколько отдельные округа, руководимые местными интересами, частью с самого начала, а частью впоследствии, высказывались против движения. Во всяком случае в Шпейере городское население было с самого начала реакционным, в Кайзерслаутерне, Нейштадте, Цвейбрюккене и т. п. оно стало таковым с течением времени, но главная сила реакционной партии находилась в земледельческих округах, разбросанных по всему Пфальцу. Это неопределенное положение партий можно было бы уничтожить только одной мерою: прямым покушением на частную собственность ипотек и ипотечное ростовщичество в пользу обремененных долгами и истощенных ростовщичеством крестьян. Но эта мера, которая немедленно заинтересовала бы в восстании все сельское население, предполагает более обширную территорию и более развитое состояние общества в городах, чем то имеет место в Пфальце. Она была бы возможна только в начале восстания, одновременно с распространением его к Мозелю и Эйфелю, где в сельских местностях существуют такие же отношения,

но дополняются промышленным развитием рейнских городов. Движение так же мало распространялось во-вне из Пфальца, как и из Бадена.

При таких обстоятельствах правительство имело мало средств для борьбы с реакционными округами: отдельные военные экспедиции в мятежные местности, аресты, особенно католических священников, руководивших сопротивлением, и т. п., назначение деятельных гражданских и военных комиссаров и, наконец, пропаганда. Экспедиции, носившие большею частью весьма комический характер, оказывали лишь минутное действие; пропаганда не оказывала никакого действия, а комиссары в своей чванной неумелости делали большею частью одну глупость за другою или ограничивались щедрым потреблением пфальцкого вина с неизбежною трактирною похвалкою.

Среди пропагандистов, комиссаров и чиновников центральной администрации очень значительное место занимали демократы, собравшиеся в Пфальце еще в большем количестве, чем в Бадене. Здесь находились не только эмигранты из Дрездена и Рейнской Пруссии, но и множество других более или менее восторженных «демократов», желавших посвятить себя службе отечеству. Пфальцское правительство, которое, в отличие от карlsruэского, правильно чувствовало, что силами одного Пфальца нельзя справиться с движением, принимало их с радостью. Невозможно было пробыть в Пфальце два часа, не получив дюжину предложений занять самые различные и в общем очень почетные должности. Господа демократы, которые усматривали в пфальцско-баденском движении не местное восстание, с каждым днем приобретающее все более местный и незначительный характер, а славную зарю славного восстания всей немецкой демократии, которые вообще видели в движении господство своих, более или менее мелкобуржуазных тенденций, горячо откликались на эти предложения. Но вместе с тем каждый из них считал, что он может занять только такую должность, которая нисколько не умаляла бы его притязаний, — большею частью, конечно, очень высоких, — на случай общегерманского движения. Вначале дело легко устраивалось. Всякий, кто заявлял о себе, получал должность заведующего канцелярией, правительственного комиссара, майора или старшего лейтенанта. Но постепенно число конкурентов увеличивалось, мест становилось меньше, и развивалась мелкая филистерская погоня за местами, доставлявшая незаинтересованному зрителю в высшей степени восхитительное зрелище. Что при той удивительной смеси делячества и политической путанности,

назойливости и бездарности, которую «Новая рейнская газета» так часто имела случай отмечать в немецкой демократии, указанные пфальцские чиновники и пропагандисты представляли верное отражение этой неприятной мешанины, — об этом вряд ли мне надо особенно распространяться.

Само собою понятно, что и мне предлагались в большом количестве гражданские и военные должности, которые я не замедлил бы принять, если бы дело шло о пролетарском движении. Но при данной обстановке я отклонил все эти предложения. Единственно, на что я согласился, это — написать несколько агитационных статей для небольшой газетки, широко распространявшейся временным правительством в Пфальце. Я знал, что дело это ничем не кончится, но принял, наконец, это поручение по настоятельной просьбе д'Эстера и многих членов правительства, чтобы доказать этим, по крайней мере, мою добрую волю. Так как я, разумеется, не стеснялся в выражениях, то уже вторая статья встретила возражения, как слишком «возбуждающая»; я не считал нужным тратить лишние слова на разговоры, взял статью обратно, разорвал ее в присутствии д'Эстера, и на том дело кончилось.

Из приезжих демократов в Пфальце лучшими были те, которые только что участвовали в борьбе на своей родине: саксонцы и рейнские пруссаки. Немногочисленные саксонцы были заняты в большинстве в центральных канцеляриях, где усердно работали и выделялись своими административными знаниями, спокойным, ясным умом и отсутствием всяких претензий и иллюзий. Рейнские жители, большею частью рабочие, массами входили в армию; немногие, работавшие вначале в канцеляриях, позже тоже взялись за оружие.

В канцеляриях центрального управления, помещавшихся в Кайзерслаутерне на Фрухтгалле, царил весьма добродушный тон. При всеобщем *laissez aller*, при полном отсутствии всякого активного вмешательства в движение, при большом числе служащих, работы было в общем весьма мало. Приходилось заниматься почти исключительно текущими делами управления, и последние обслуживались *tant bien que mal*. Если не приходило срочное известие, если патриотический гражданин не вносил глубокомысленного предложения о спасении отечества, если крестьянин не приносил жалобу или какая-нибудь община не посылала депутатов, — то в большинстве канцелярий делать было нечего. Зевали, болтали, рассказывали друг другу анекдоты, передавали плохие шутки или стратегические планы, переходили из одной канцелярии в другую, стараясь как-нибудь убить время. Главную тему разговоров состав-

ляли, конечно, политические события дня, о которых ходили самые разноречивые слухи. Получение информации находилось в полном пренебрежении. Прежние почтовые чиновники остались почти все без исключения на своих местах и были, конечно, весьма ненадежными. Наряду с ними учреждена была «полевая почта», которую обслуживала примкнувшая пфальцская легкая кавалерия. Коменданты и комиссары пограничных округов нисколько не интересовались тем, что делается по ту сторону границы. Правительство получало только «Франкфуртский журнал» и «Карлсруэскую газету», и я с удовольствием вспоминаю об удивлении, вызванном тем, что я в казино в одном уже давно полученном номере «Кельнской газеты» нашел сообщение о концентрации 27 прусских пехотных батальонов, 9 батарей и 9 полков кавалерии, вместе с их подробною дислокацией между Саарбрюккеном и Крейцнахом.

Наконец, я перехожу к главному пункту — к военной организации. Около 3 000 пфальцских жителей перешли из баварской армии с полным вооружением и снабжением. Одновременно за оружие взялось некоторое число добровольцев, как жителей Пфальца, так и из других мест. Кроме того, временное правительство декретировало мобилизацию первого призывного возраста, а потом всех холостых от 18 до 30 лет. Но эта мобилизация происходила только на бумаге, частью из-за неумелости и небрежности военных комиссаров, частью из-за недостатка оружия, частью из-за беспечности самого правительства. Там, где, как, например, в Пфальце, главным препятствием к организации обороны служил недостаток оружия, необходимо было употребить все средства для получения последнего. Если его нельзя было доставить из-за границы, то необходимо было забрать все мушкеты и ружья, в том числе охотничьи, находившиеся в Пфальце, и передать их в руки активных бойцов. На самом деле, в наличности имелось не только многочисленное частное оружие, но также не менее 1 500 — 2 000 ружей, не считая карабинов, в руках разных видов гражданского ополчения. Можно было, по меньшей мере, отнять оружие у частных лиц и у тех членов гражданского ополчения, которые не обязаны были мобилизоваться по первому призыву и не собирались поступать в армию добровольцами. Но ничего подобного не было сделано. После многих настояний подобное постановление относительно оружия гражданского ополчения было, наконец, вынесено, но не проведено в жизнь; кайзерслаутернское гражданское ополчение, насчитывавшее не менее 300 филистеров, ежедневно парадировало по Фрухтгалле в качестве охраны, в военной форме и при оружии, и когда пруссаки вступили,

они имели еще удовольствие разоружить этих господ. И так дело обстоит повсюду.

В правительственной газете был напечатан призыв к лесным чиновникам и сторожам явиться в Кайзерслаутерн для образования отряда охраны; но именно лесные чиновники не явились.

Во всей стране ковали косы или, по крайней мере, призывали к этому; некоторое количество кос было действительно изготовлено. У рейнско-гессенского отряда в Кирхгеймболандене я видел множество бочек, нагруженных клинками кос и отправляемых в Кайзерслаутерн. Расстояние туда — от 7 до 8 часов езды. Спустя четыре дня правительство вынуждено было оставить Кайзерслаутерн пруссакам, а косы туда еще не прибыли. Если бы эти косы были переданы немобилизованному гражданскому ополчению, так называемому второму призыву, в возмещение за отнятые у него ружья, дело было бы вполне улажено; но вместо этого ленивые филистеры сохраняли свои пистонные ружья, а юные рекруты должны были выступать с косами против прусских ядер и игольчатых ружей.

В то время как в ружьях ощущался всеобщий недостаток, сабли имелись почему-то в столь же изумительном изобилии. Кто не мог получить ружье, тем усерднее прицеплял себе звенящий боевой меч, как будто это одно делало его офицером. Как раз в Кайзерслаутерне было очень много этих самодельных офицеров, и звон их страшного оружия оглашал улицы днем и ночью. В особенности студенты оказали редкие услуги спасению отечества этою новою манерою устрашать врага и своими претензиями образовать академический легион исключительно из пеших кавалеристов.

Кроме того, существовал еще полуэскадрон примкнувшей легкой кавалерии, которая была, однако, разбросана для полевой службы и т. п. и потому не могла образовать отдельную боевую единицу. Артиллерия под командою подполковника Аннеке состояла из нескольких трехфунтовых орудий, упряжи которых я, насколько помню, не видел, и из некоторого количества мортир. Перед Фрухтгалле в Кайзерслаутерне лежала прекрасная коллекция старых железных мортирных дул, лучше которых нельзя было и желать. Но большая часть их осталась лежать, конечно, неиспользованною. Два самых больших из них были положены на колоссальные, специально изготовленные лафеты и увезены. Баденское правительство продало, наконец, Пфальцу не совсем исправную батарею шестифунтовых орудий с небольшим количеством снаряжения; но не хватало упряжки, прислуги и достаточного количества снаряжения. Снаряжение было по мере возможности изготовлено; упряжка была

tant bien que mal обеспечена принудительным трудом крестьян и реквизированными лошадьми; в качестве прислуги разыскали нескольких старых баварских артиллеристов и заставляли их проделывать тяжеловесные и сложные баварские упражнения.

Верховное руководство военными делами находилось в плохих руках. Господин Рейхардт, заведывавший при временном правительстве военным департаментом, был человек работающий, но мало энергичный и плохо знал свое дело. Первый верховный командующий пфальцскими боевыми силами, промышленник Феннер-фон-Феннеберг, был скоро отставлен из-за своего двусмысленного поведения; его должность временно занял польский офицер Раквилльет. Наконец, было объявлено о назначении верховным командующим для Бадена и Пфальца Мерославского, а командование пфальцскими войсками было вверено «генералу» Шнайде, тоже поляку.

Генерал Шнайде приехал. То был маленький толстый человек, походивший скорее на пожилого бонвивана, чем на военного вождя. Генерал Шнайде принял командование с большим достоинством, велел представить ему отчет о положении дел и немедленно издал целый ряд приказов. Большая часть этих приказов касалась военной формы, каковою служила блуза, знаков офицерского звания, а именно: трехцветных повязок на руке или шарфов, призыва к отставным кавалеристам и стрелкам вступать добровольно в армию, каковые призывы безуспешно делались уже десятки раз, и т. п. Он сам подал первый пример и немедленно обзавелся аттилою с трехцветными галунами, дабы внушить армии почтение к себе. То, что в его приказах имело действительно практическое и важное значение, ограничивалось повторением прежде изданных приказов и предложений, которые были сделаны еще раньше немногими бывшими налицо дельными офицерами, но которые никогда не были проведены в жизнь и могли быть проведены только теперь, при помощи авторитета командующего генерала. В остальном «генерал» Шнайде полагался на бога и Мерославского и предавался гастрономическим удовольствиям, — единственно разумное, что мог делать такой неспособный человек.

Из остальных офицеров в Кайзерслаутерне единственным дельным был Техов, который в качестве прусского поручика вместе с Нацмером во время штурма берлинского цейхгауза передал последний народу и, приговоренный к 15 годам крепости, бежал из Магдебурга. Техов, начальник пфальцкого генерального штаба, везде показал себя знающим, осторожным и спокойным человеком, быть может, несколько слишком спокойным, чтобы можно было ждать

от него быстроты решений, которая на поле сражения часто решает все дело. «Подполковник» Аннеке обнаружил свою неспособность и халатность в деле организации артиллерии, хотя принес большую пользу в лабораториях. При Убштадте он в качестве полководца не заслужил себе лаврового венка, а из Раштата, где Мерославский передал в его заведывание средства для осады, он странным образом сбежал на ту сторону Рейна, потеряв своих лошадей еще до начала осады.

В отдельных округах дело с офицерами тоже обстояло не лучше. Некоторое число поляков прибыло частью еще до Шнайде, частью вместе с ним. Но так как лучшие части польской эмиграции находились уже в Венгрии, то надо полагать, что эти польские офицеры были весьма смешанного состава. Большинство их спешило обзавестись достаточным числом верховых лошадей и издать несколько приказов, не заботясь об их исполнении. Они имели гордый барский вид, обращались с пфальцскими крестьянами, как с польскими крепостными, не знали ни страны, ни языка, ни военного дела и потому успели очень немного или ничего не успели сделать в качестве военных комиссаров, т. е. организаторов батальонов. С развитием военных действий они скоро сбежали в штаб Шнайде, а вскоре после этого, когда Шнайде подвергся нападению и избиению со стороны своих солдат, — совсем исчезли. Лучшие из них явились слишком поздно, чтобы успеть организовать что-нибудь.

Среди немецких офицеров было также не много дельных людей. Рейнско-гессенский отряд, содержавший вообще пригодные в военном отношении элементы, находился под командованием некоего Гейснера, совершенно неспособного человека, и под еще более жалким моральным и политическим влиянием обоих героев, Цица и Бамбергера, которые позднее в Карлсруэ с такой славой уносили свои ноги. В горном Пфальце один отряд был организован бывшим прусским офицером Шиммельпфеннигом.

Единственные два офицера, которые еще до нападения пруссаков выделялись активной службою, были Виллих и Бленкер.

Виллих с небольшим добровольческим отрядом принял на себя наблюдение, а потом осаду Ландау и Гермерсгейма. Отряд студентов, отряд рабочих, живших вместе с ним в Безансоне, три слабых отряда гимнастов из Ландау, Нейштадта и Кайзерслаутерна, два отряда из добровольцев окружающих местностей и, наконец, вооруженный косами отряд рейнских пруссаков, большею частью из эмигрантов прюмского и эльберфельдского восстания, — постепенно собрались под его начальством. В конце концов их было

от 700 до 800 человек; это были, во всяком случае, самые надежные солдаты всего Пфальца, унтер-офицеры, в большинстве уже проделавшие военную службу и привыкшие в Алжире к партизанской войне. С этими небольшими боевыми силами Виллих расположился между Ландау и Гермерсгеймом, организовал в деревнях гражданское ополчение и использовал его для охраны дорог и сторожевой службы, отбил все вылазки из обеих крепостей, несмотря на превосходство сил гермерсгеймского гарнизона; блокировал Ландау таким образом, что почти отрезал от него всякий подвоз, отрезал водопроводы, запрудил реку Квейх, так что все подвалы крепости были затоплены водою и в то же время нехватало воды для питья; каждую ночь беспокоил гарнизон своими патрулями, которые не только очищали покинутые наружные укрепления и продавали по пять гульденов за штуку найденные там печки для сторожевых помещений, но проникали вплоть до крепостных рвов и часто принуждали гарнизон открывать из 24-фунтовых орудий столь же мощный, как и безвредный огонь по одному ефрейтору и двум солдатам. Этот период был наиболее блестящим в истории добровольческого корпуса Виллиха. Если бы он имел тогда в своем распоряжении несколько гаубиц, хотя бы полевых орудий, то, по показаниям ежедневно приходивших в Ландау и выходивших оттуда шпионов, крепость с своим деморализованным, слабым гарнизоном и мятежным населением была бы взята в несколько дней. Даже без артиллерии продолжение осады привело бы через неделю к капитуляции. В Кайзерслаутерне были две семифунтовые гаубицы, достаточно хорошие для того, чтобы ночью зажечь несколько домов в Ландау. Если бы они были в надлежащее время на месте, то могло бы произойти неслыханное событие, а именно, такая крепость, как Ландау, была бы взята при помощи нескольких полевых орудий. Я ежедневно указывал генеральному штабу в Кайзерслаутерне на необходимость сделать такую попытку. Напрасно. Одна гаубица оставалась в Кайзерслаутерне, другая была отправлена в Гомбург, где чуть не попала в руки пруссаков. Обе они переправились через Рейн, не сделав ни одного выстрела.

Но еще более Виллиха выделялся «полковник» Бленкер. «Полковник» Бленкер, бывший комми-вояжер по продаже вина, побывавший в Греции в качестве филлеллина и осевший в Вормсе в качестве виноторговца, принадлежит, во всяком случае, к самым замечательным военным деятелям этой прославленной кампании. Всегда верхом на коне, окруженный многочисленным штабом, рослый и сильный, с решительным лицом, с импонирующей бородой,

мощным голосом и всеми остальными качествами, которые отличают южно-германского «демократа» и к числу которых ум отнюдь не принадлежит, «полковник» Бленкер производил впечатление человека, который одним своим видом заставит Наполеона спрятаться и который достоин фигурировать в том припеве, каким мы начали настоящее описание. «Полковник» Бленкер чувствовал в себе силу прогнать немецких князей и без помощи «Геккера, Струве, Цица, Блюма» и немедленно принялся за дело. Он намерен был вести войну не как солдат, а как комми-вояжер по продаже вина, и для этой цели решил завоевать Ландау. Виллиха тогда еще не было. Бленкер собрал все то, что можно было найти в Пфальце, линейные войска и народное ополчение, организованные и смешанные отряды, кавалерию и артиллерию, и двинулся на Ландау. Перед крепостью произошел военный совет, были сформированы наступательные колонны, указано место для артиллерии. Но артиллерия состояла из нескольких небольших мортир калибром от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{3}{8}$ фунта, которые перевозились на повозке из-под сена; одновременно повозка служила и для снаряжения. Снаряжение же этих различных мортир состояло из одного 24-фунтового ядра; о порохе не было и речи. Устроив все, двинулись вперед, полные презрения к смерти. Дошли до откоса, не встретив никакого сопротивления; двинулись дальше и дошли до ворот крепости. Впереди шли перешедшие из Ландау солдаты. На валах показалось несколько солдат в качестве парламентаров. Им предложили открыть ворота. Завязался в высшей степени мирный разговор, и все, казалось, шло как нельзя лучше. Неожиданно с вала раздается пушечный выстрел, картечь разрывается над головами наступающих, и в одну секунду вся геройская армия вместе с своим пфальцским принцем Евгением бросается в дикое бегство. Все бегут, бегут, и бегут с такою неудержимую быстротою, что выпущенные вслед за тем с валов несколько пушечных ядер шумят уже не над головами бегущих, а над брошенными ими ружьями, патронташами и ранцами. Остановившись, наконец, в нескольких часах от Ландау, господин «полковник» Бленкер собрал опять свою армию и отвел ее домой, без ключей Ландау, но не менее гордый от этого. Так произошло небывалое до тех пор завоевание Ландау при помощи трех небольших мортир и одного 24-фунтового ядра.

Картечные выстрелы были сделаны наспех несколькими баварскими офицерами, когда они увидели, что их солдаты готовы открыть ворота. Сами солдаты отклонили направление прицела, и таким образом случилось, что выстрелы ни в кого не попали. Но когда

осажденные в Ландау увидели, какое действие оказал этот сделанный наудачу выстрел, о сдаче, конечно, не было уже и речи.

Но герой Бленкер не такой человек, чтобы не взять реванша за такую неудачу. Теперь он решил завоевать Вормс. Он двинулся из Франкенталья, где командовал батальоном. Несколько гессенских солдат, находившихся в Вормсе, разбежались, и герой Бленкер с помпой вступил в свой родной город. Отпраздновав освобождение Вормса торжественным завтраком, перешли к главному торжеству, состоявшему в приведении 20-ти оставшихся больных гессенских солдат к присяге на верность имперской конституции. Но ночью, после этих огромных результатов, имперские войска Пейкера выставили орудия на правом берегу Рейна и весьма нелюбезно разбудили победоносных завоевателей ранним пушечным громом. Не было сомнения: имперские войска стреляли настоящими ядрами и гранатами. Не говоря ни слова, герой Бленкер собрал свои храбрые войска и без шума вывел их обратно из Вормса в Франкенталь. Его дальнейшие героические подвиги муза воспевает в надлежащем месте.

В то время как в округах люди с самыми различными характерами подвизались каждый на свой манер, а солдаты народно-ополченцы, вместо того чтобы заниматься упражнениями, сидели и распевали в трактирах, в Кайзерслаутерне господа офицеры были заняты измышлением глубокомысленнейших стратегических планов. Речь шла не более и не менее, как о возможности удержать такую со всех сторон открытую маленькую провинцию, как Пфальц, при помощи почти фантастических боевых сил против весьма реальной армии, насчитывавшей свыше тридцати тысяч человек и 60 пушек. Именно потому, что все проекты были здесь одинаково бесполезны и абсурдны и отсутствовали все условия для какого бы то ни было стратегического плана, — именно поэтому эти глубокомысленные военные специалисты, мыслящие умы пфальцской армии, решили придумать стратегическое чудо, которое должно было закрыть пруссакам дорогу в Пфальц.

Каждый новоиспеченный лейтенант, каждый обладатель сабли из академического легиона, который был, наконец, организован под покровительством господина Шнайде и каждый член которого получил чин лейтенанта, каждый канцелярский писец глубокомысленно разглядывал карту Пфальца в надежде открыть философский камень стратегии. Легко представить себе, к каким восхитительным результатам это приводило. Особенно излюбленным был венгерский метод ведения войны. От «генерала» Шнайде до последнего непризнанного кандидата в Наполеоны ежечасно можно было слышать

фразу: «Мы должны последовать примеру Кошута. Мы должны очистить часть нашей территории и отступить — туда или сюда, на гору или в долину, смотря по обстоятельствам». «Мы должны последовать примеру Кошута», — кричали во всех трактирах. «Мы должны последовать примеру Кошута», — повторял каждый капрал, каждый солдат, каждый уличный мальчишка. «Мы должны последовать примеру Кошута», — добродушно повторяло временное правительство, которое отлично сознавало, что оно не должно вмешиваться в эти дела, и которому, в конце концов, было безразлично, как будет вестись война. «Мы должны последовать примеру Кошута, иначе мы погибли». — Пфальц и Кошут!

Прежде чем перейти к описанию³ военных действий, я должен кратко упомянуть о происшествии, рассказанном во многих газетах: о моем кратковременном аресте в Кирхгеймболандене. За несколько дней до прихода пруссаков я сопровождал моего друга Молля в порученной ему миссии до расположенного на границе Кирхгеймболандена. Здесь стояла часть рейнско-гессенского корпуса, где мы имели знакомых. Вечером мы сидели с ними и с другими добровольцами этого корпуса в гостинице. Среди добровольцев находилось несколько человек из числа тех серьезных, одушевленных «людей действия», о которых многократно уже упоминалось и которые не считали трудным делом разбить любую армию в мире, имея мало оружия, но обладая большим энтузиазмом. Это были люди, которые в военном деле видели в лучшем случае парады, которые вообще никогда не заботились о материальных средствах для достижения какой-нибудь цели и потому, как я впоследствии многократно имел случай убедиться, переживали после первого же сражения такое сокрушительное разочарование, что поспешно бросали свое дело. Одного из этих героев я спросил, действительно ли он считает возможным разбить пруссаков при помощи находящихся в Пфальце тридцати тысяч сабель и трех с половиной тысяч ружей, среди которых много заржавленных карабинов; я предвкушал удовольствие увидеть святое негодование оскорбленного в своем благороднейшем энтузиазме человека, как вдруг вошла стража и объявила меня арестованным. Одновременно я увидел, что свади ко мне подбегают с яростным видом два человека — один представился как гражданский комиссар Мюллер, другой был господин Грейнер, единственный член правительства, с которым я не познакомился поближе, во-первых, потому, что он почти совсем не бывал в Кайзерслаутерне (этот господин тайком распродал тогда свое имущество), а также из-за его подозрительного, плаксиво-мрачного вида. Одно-

временно встал один мой старый знакомый, капитан рейнско-гессенского корпуса, и заявил, что в случае моего ареста он и значительное число лучших людей корпуса немедленно покинут последний. Молль и другие хотели защитить меня тут же силою; присутствующие разделились на две партии. Сцена грозила принять интересный оборот, и я заявил, что, конечно, охотно дам себя арестовать: пусть все, наконец, увидят, каков цвет пфальцкого движения. Я ушел со стражею.

На следующее утро после комического допроса, которому подверг меня господин Циц, я был передан гражданскому комиссару, а им — жандарму. Жандарм, которому велено было обращаться со мною, как со шпионом, связал мне руки и повел пешком в Кайзерслаутерн; обвиняли меня в оскорбительном отзыве о восстании пфальцкого народа и в агитации против правительства, о котором я, кстати сказать, не упомянул ни слова. По дороге я потребовал и добился того, что мне дали повозку. В Кайзерслаутерне, куда навстречу мне поспешил выехать Молль, я нашел членов правительства, конечно, в большом возбуждении по поводу промаха бравого Грейнера и еще в большем возбуждении по поводу обращения со мною. Само собою понятно, что я устроил этим господам в присутствии жандарма надлежащую сцену. Так как от господина Грейнера еще не был получен отчет, мне предложили освободить меня на честное слово. Я отказался дать честное слово и отправился в кантональную тюрьму, — по предложению д'Эстера, без конвойного. Д'Эстер заявил, что он не может более оставаться после такого обращения с его партийным товарищем. Чирнер, который только что пришел, выступил тоже очень решительно. В тот же вечер событие стало известно в городе, и все приверженцы решительного направления немедленно стали на мою сторону. Кроме того, пришло известие, что событие вызвало волнение в рейнско-гессенском корпусе и большая часть его хочет демобилизоваться. Этого было более чем достаточно для того, чтобы доказать членам временного правительства, с которыми я ежедневно встречался, необходимость дать мне удовлетворение. После того как я просидел 24 часа не без удобств в тюрьме, ко мне пришли д'Эстер и Шмитт; Шмитт заявил мне, что я подлежу освобождению без всяких условий и что правительство надеется, что я и в дальнейшем не откажусь принимать участие в движении. Кроме того, издан приказ, воспреещающий доставлять политических заключенных в оковах, и продолжается следствие о виновниках недостойного обращения, а равно об аресте и его причине. После того как правительство, которому господин Грейнер все еще не

прислал отчета, дало мне всяческое возможное для него в данный момент удовлетворение, мы все опять приняли наш прежний непринужденный вид и вместе выпили в «Доннерсберге» несколько кружек пива.

На следующее утро Чирнер отправился к рейнско-гессенскому корпусу, чтобы успокоить его, и я дал ему письмо в несколько строк. Господин Грейнер по возвращении принял такой плаксивый вид, что получил от своих коллег двойную головомойку. Одновременно в направлении Гомбурга начали продвигаться пруссаки, и так как дело принимало теперь интересный оборот, так как я не хотел упустить случай проделать военную кампанию и, кроме того, «Новая Рейнская газета» должна была *honoris causa* иметь своего представителя в пфальцско-баденской армии, то я опоясался боевым мечом и отправился к Виллиху.

4. ЗА РЕСПУБЛИКУ ПОГИБНУТЬ!

Тридцать шесть престолов сбросить надо,
Чтоб республике расчистить путь;
Рушьте же их, братья, без пощады,
Смело пулям подставляйте грудь!
За республику погибнуть —
Наш великий, славный жребий, духом
избранная цель.

Так пели добровольцы на железной дороге, когда я ехал в Нейштадт, чтобы узнать там, где находится в данный момент главная квартира Виллиха.

Итак, погибнуть за республику составляло или, по меньшей мере, должно было составлять цель моего духа. Я чувствовал себя довольно странно с этою новою целью в душе. Я вглядывался в лица добровольцев, молодых, красивых, бравых парней. Их вид не говорил о том, чтобы погибнуть за республику составляло, пока что, цель их духа.

Из Нейштадта я поехал на реквизированной крестьянской повозке в Оффенбах, расположенный между Ландау и Гермерсгеймом, где находился еще Виллих. Сейчас же после Эденкобена я наткнулся на первые сторожевые посты, выставленные крестьянами по приказу Виллиха и повторявшиеся дальше при каждом въезде в деревню или выезде из нее и на всех перекрестках дорог; они никого не пропускали без письменного удостоверения революционных властей. Видно было, что подъезжаешь ближе к военным действиям. Поздно ночью приехал я в Оффенбах, где немедленно вступил в должность адъютанта при Виллихе.

В этот день — то было 13 июня — небольшая часть корпуса Виллиха выдержала блестящее сражение. За несколько дней до этого Виллих получил в виде подкрепления к своему добровольческому корпусу батальон баденских народно-ополченцев Дрегера и Обермюллера; около 50 человек из этого батальона он продвинул вперед к Бельгейму, по направлению к Гермерсгейму. За ними в Книттельсгейме находился также отряд добровольческого

корпуса вместе с несколькими повстанцами, вооруженными косами. Батальон баварцев с двумя пушками и эскадронem легкой кавалерии сделал вылазку. Баденцы побежали, не оказав сопротивления; только один из них, окруженный тремя конными жандармами, яростно защищался до тех пор, пока, наконец, весь изрубленный сабельными ударами, не упал и не был на-смерть заколот нападавшими. Когда беглецы прибыли в Книттельсгейм, находившийся там капитан с отрядом приблизительно в 50 человек, из которых некоторые имели только косы, выступил против баварцев. Он искусно разделил своих людей на несколько отрядов и так решительно двинулся в линию огня, что баварцы, превосходившие его силами более чем в десять раз, после двухчасового боя были оттеснены в оставленную баденцами деревню и, в конце концов, когда прибыли некоторые подкрепления из корпуса Виллиха, были прогнаны и из этой деревни. С потерей приблизительно в двадцать убитых и раненых баварцы вернулись обратно в Гермерсгейм. Я жалею, что не могу назвать имя храброго и талантливомo молодого офицера, так как он, вероятно, еще не находится в безопасности. Его люди потеряли только пять раненых, в том числе ни одного тяжело раненого. Один из этих пяти, французский доброволец, был ранен в верхнюю часть руки еще до того, как он успел сделать выстрел. Несмотря на это, он расстрелял все свои шестнадцать патронов, а так как из-за раны не мог сам заряжать ружье, то давал его заряжать одному из инсургентов, вооруженных косами, а сам стрелял. На следующий день мы отправились в Бельгейм, чтобы осмотреть поле сражения и дать новые диспозиции. Баварцы осыпали наших стрелков ядрами и картечью, но попадали только в ветки деревьев, покрывавших всю дорогу, и в дерево, за которым находился капитан.

Батальон Дрегера и Обермюллера был теперь налицо в полном составе, готовый окончательно расположиться в Бельгейме и его окрестностях. Это был превосходный, хорошо вооруженный батальон; особенно офицеры его с своими усами и серьезными одушевленными смуглыми лицами производили впечатление настоящих мыслящих каннибалов. К счастью, как мы в этом все более и более убеждались впоследствии, они не были так опасны.

К удивлению своему, я узнал, что нет почти никакого снаряжения, что большинство людей имеют только по пяти-шести патронов и немногие — двадцать патронов, что запасов нехватает для того, чтобы заполнить совсем пустые патронташи людей, побывавших вчера в сражении. Я предложил отправиться в Кайзерслаутерн для доставки снаряжения и в тот же вечер собрался в дорогу.

Крестьянские повозки везли меня плохо: необходимость реквизировать на остановках новые повозки, незнание дороги и т. п. тоже задерживали меня. Был уже рассвет, когда я приехал в Майкаммер, на полпути до Нейштадта. Здесь я наткнулся на народно-ополченцев из Пирмазенса с четырьмя посланными в Гомбург пушками, которые в Кайзерслаутерне считались уже потерянными. Через Цвейбрюккен и Пирмазенс, а оттуда по труднейшим горным дорогам им удалось добраться сюда, где они, наконец, вышли на равнину. Господа пруссаки нисколько не торопились преследовать их, хотя наши народно-ополченцы из Пирмазенса, возбужденные затруднениями, ночными переходами и вином, думали, что те следуют за ними по пятам.

Через несколько часов, — это было 15 июня, — я приехал в Нейштадт. Все население было на улицах, в том числе солдаты и добровольцы, как называли в Пфальце всех без различия народно-ополченцев в блузах. Повозки, пупки и лошади запружали все проходы. Словом, я попал в самую гущу отступления всей пфальцской армии. Временное правительство, генерал Шнайде, генеральный штаб, канцелярии — все было налицо. Был сдан Кайзерслаутерн, житница «Доннерсберг», пивные, «лучший стратегический пункт Пфальца», и в данный момент Нейштадт представлял центр пфальцской суматохи, которая теперь, когда дело дошло до борьбы, достигла своего апогея. Медлить было нечего, я разузнал обо всем, забрал возможно большее число бочек пороху, свинца и готовые патроны, — какую пользу могло принести снаряжение этой без сражения рассыпавшейся армии? — после бесчисленных напрасных попыток достал, наконец, в соседней деревне телегу и вечером поехал обратно с своей добычей и охраною в несколько человек.

Перед отъездом я зашел к господину Шнайде и спросил его, не имеет ли он что-нибудь передать Виллиху. Старый гурман передал мне несколько ничего не значащих приказаний и с важным видом прибавил: «Видите, мы теперь в точности следуем примеру Кошута».

Причины, по которым пфальцские повстанцы пришли к тому, чтобы следовать примеру Кошута, следующие. В самую цветущую пору «восстания», т. е. перед наступлением пруссаков, Пфальц имел около 5 000 — 6 000 людей, вооруженных оружием всякого рода, и 1 000 — 1 500 вооруженных косами. Эти 5 000 — 6 000 возможных бойцов состояли, во-первых, из добровольческих корпусов, Виллиха и рейнско-гессенского, и, во-вторых, из так называемого народного ополчения. В каждом округе был назначен военный

комиссар, которому поручено было организовать батальон. Ядром последнего и инструкторами служили перешедшие солдаты, принадлежавшие к данному округу. Эта система смешения линейных войск с вновь призванными рекрутами, которая во время активного похода с строгою дисциплиною и не прекращающимися военными действиями могла бы дать наилучшие результаты, погубила здесь все дело. Из-за недостатка оружия батальоны не организовывались; солдаты, которым делать было нечего, теряли всякую дисциплину и военный вид и большею частью расходились. В одних округах устраивали нечто вроде батальонов, в других существовали только отдельные вооруженные кучки. Инсургенты, вооруженные косами, ни на что не годились; находясь постоянно в пути, не пригодные к действительному делу, они либо оставлялись в качестве временного придатка при соответствующих батальонах до тех пор, пока для них не получалось оружие, либо выделялись в особый отряд под команду глуповатого капитана Цинна. Гражданин Цинн, самый подлинный шекспировский Пистоль, которого только можно себе представить, — который при бегстве из Ландау, под командою героя Бленкера, споткнулся о ножны своей сабли и сломал их, а потом патетически клялся, что «24-фунтовое горящее ядро раздробило их на -двое», этот самый непревзойденный Пистоль употреблялся до этого времени для экзекуций, предпринимаемых в реакционных деревнях. Он весьма ревностно занимался этим делом, так что крестьяне, хотя и чувствовали большое почтение к нему и его отряду, но считали необходимым порядочно вздуть его всякий раз, как только он попадался им один на один. Возвращаясь из таких поездок, его люди, вероятно, ломали свои косы вдребезги, и когда он приезжал в Кайзерслаутерн, то, подобно Фальстафу, рассказывал страшные истории о своих сражениях с крестьянами.

Так как с подобными силами, конечно, ничего нельзя было предпринять, то Мерославский, который только 10 числа прибыл в главную баденскую квартиру, приказал пфальцским отрядам отступать с боем к Рейну, по возможности захватить переход через Рейн у Маннгейма, в противном случае перейти на правый берег Рейна у Шпейера или у Книлингена, а потом защищать из Бадена переходы через Рейн. Одновременно с этим приказом пришло известие, что пруссаки вступили в Пфальц из Саарбрюккена и наши многочисленные, выставленные на границах люди после нескольких ружейных выстрелов были отброшены по направлению к Кайзерслаутерну. Одновременно все более или менее организованные войсковые части сконцентрировались в направлении на Кайзерслау-

терн и Нейштадт; началось безграничное смятение, и большая часть рекрутов разбежалась. Один молодой офицер из шлезвиг-гольштинских добровольцев 1848 г., Раков, отправился с 30 солдатами собирать дезертиров и через два дня привел их 1 400 человек; он сформировал из них «кайзерслаутернский батальон», которым и командовал до конца похода.

В стратегическом отношении Пфальц представляет столь простую поверхность, что даже пруссаки не могли выкинуть там никакой глупости. Вдоль Рейна лежит долина, шириною около 4 — 5-ти часов пути, лишенная всяких естественных препятствий на поверхности. В три легких дневных перехода пруссаки прошли из Крейцнаха и Вормса до Ландау и Гермерсгейма. Через горный внутренний Пфальц ведет «императорская дорога» из Сааргемюнда в Майнц, большею частью по склону горы или через широкую речную долину. Здесь также не имеется почти никаких естественных препятствий, за которыми численно слабая и тактически неподготовленная армия могла бы хоть несколько задержаться. Наконец, прямо перед прусскою границею, у Гомбурга, от императорской дороги отделяется превосходная дорога, которая ведет прямо в Ландау, частью через речные долины, частью по склону Вогез через Цвейбрюккен и Пирмазенс; конечно, эта дорога представляет более значительные затруднения, но и она не может быть закрыта при помощи немногочисленных войск и без артиллерии, особенно если неприятельские отряды маневрируют по равнине и могут отрезать отступление через Ландау и Бергцаберн.

Ввиду этого наступление пруссаков носило очень простой характер. Первое наступление они повели от Саарбрюккена к Гомбургу; отсюда одна колонна пошла прямо на Кайзерслаутерн, а другая через Пирмазенс на Ландау. Тотчас же вслед за тем второй отряд начал наступление по Рейнской долине. В Кирхгеймболандене этот отряд встретил первое сильное сопротивление со стороны расположенных там рейнских гессенцев. Майнцские стрелки защищали Шлоссгартен с большим упорством и невзирая на значительные потери. В конце концов они были обойдены и отступили. Семнадцать человек из них попали в руки пруссаков. Они были немедленно приставлены к деревьям и расстреляны пьяными героями «блестящей армии». Этим подлым поступком пруссаки начали свой «короткий, но славный поход» на Пфальц.

Таким образом, пруссаки захватили всю северную половину Пфальца и восстановили между обеими своими главными колоннами связь. Теперь им оставалось только продвинуться по равнине

и освободить от осады Ландау и Гермерсгейм, чтобы обеспечить за собою весь остальной Пфальц и забрать в плен все отряды, еще державшиеся в горах. Всего в Пфальце было около 30 000 пруссаков с многочисленной кавалерией и артиллерией. В той местности, где с самым сильным отрядом наступал прусский принц и Гиршфельд, между ними и Нейштадтом находились только два отряда народного ополчения, не способные к сопротивлению и наполовину уже дезорганизованные, и один отряд рейнских гессенцев. Быстрое движение на Шпейер и Гермерсгейм, — и все сконцентрированные у Нейштадта и Ландау или, вернее, беспорядочно перемешанные 4 000 — 5 000 пфальцских повстанцев были бы разбиты, рассеяны и взяты в плен. Но господа пруссаки, очень активные в расстреле безоружных пленных, были в высшей степени осторожны в сражении и вялы в преследовании.

Если я в описании всего похода должен буду еще не раз отмечать эту удивительную вялость пруссаков и прочих правительственных войск в наступлении и преследовании армии, которая была численно слабее их, большею частью в шесть раз и уж во всяком случае не менее, чем в три раза, плохо организована и местами находилась под крайне слабым командованием, — то я отнюдь не думаю приписывать это особой трусости прусских солдат, тем более, что, как читатель, вероятно, уже заметил, я не питаю никаких иллюзий насчет особенной храбрости наших войск. Так же мало приписываю я это, как то делают реакционеры, какому-то великодушию пруссаков и их нежеланию обременять себя слишком большим числом пленных. Прусская гражданская и военная бюрократия с давних пор прославилась тем, что она с шумом празднует триумфы над слабым врагом и со всею кровожадностью мстит безоружным. То же самое делала она также в Бадене и Пфальце, — доказательствами являются расстрелы в Кирхгеймболандене, ночные расстрелы на фазаньем дворе в Карлсруэ, бесчисленные убийства раненых и сдавшихся на всех полях сражения, плохое обращение с немногими оставшимися в живых пленными, казни по приговору военных судов в Фрейбурге и Раштате и, наконец, медленное, тайное и тем более жестокое убийство раштатских заключенных при помощи плохого обращения, голода, содержания в сырых и затхлых камерах и вызванного всем этим тифа. Вялое ведение пруссаками войны имело своею причиною трусость, именно трусость командующих. Оставляя в стороне медлительную, трусливую аккуратность наших формалистов, которая одна уже делала невозможными всякий смелый шаг и быстрое решение, оставляя в стороне педантический

устав о службе, который косвенным образом должен был предотвращать повторение позорных поражений, — где могли бы пруссаки применить этот способ войны, для нас невыносимо скучный, для них в высшей степени компрометирующий, если бы они были уверены в своих собственных людях? Но в том-то и было все дело. Господа генералы знали, что треть их армии состоит из непокорных полков земского ополчения, которые после первой же победы революционной армии перейдут к ней и быстро вызовут также отпадение половины линейных войск и, в частности, всей артиллерии. А что случилось бы в таком случае с домом Гогенцоллернов и их славною короною — было вполне ясно каждому.

В Майкаммере, где я должен был ожидать новой телеги и охраны до утра 16-го, меня опять нагнала армия, рано утром выступившая из Нейштадта. Еще вчера говорили о походе на Шпейер, значит, этот план отброшен, и армия пошла прямо к Книлингенскому мосту. С 15-ю жителями Пирмазенса, полудикими крестьянскими парнями из девственных лесов горного Пфальца, я тронулся в путь. Уже близ Оффенбаха я узнал, что Виллих со своими войсками отправился в Франквейлер, расположенный к северо-западу от Ландау. Я поэтому повернул и около полудня прибыл в Франквейлер. Там я нашел не только Виллиха, но опять весь штаб пфальцских войск, которые, чтобы не проходить между Ландау и Гермерсгеймом, избрали путь восточнее Ландау. В гостинице находились временное правительство со своими чиновниками, генеральный штаб и присоединившиеся к ним многочисленные демократические бездельники. Генерал Шнайде завтракал. Все в беспорядке бегали: по гостинице — члены временного правительства, войсковые начальники и просто бездельники; по улице — солдаты. Постепенно вступила и армейская масса; господа Бленкер, Троцинский, Штрассер и *tutti quanti*, верхом на конях, во главе своих храбрецов. Замешательство все усиливалось. Постепенно удавалось отсылать дальше отдельные отряды, в направлении на Импфлинген и Кандель.

По виду этой армии нельзя было думать, что она находится в отступлении. Беспорядок был с самого начала обычным явлением в ее среде, и хотя юные воители начинали теперь уже жаловаться на непривычные переходы, но это не мешало им в трактирах пить сколько угодно, шуметь и грозить пруссакам скорым уничтожением. Несмотря на эту уверенность в победе, одного полка кавалерии с несколькими орудиями было бы достаточно для того, чтобы рассеять на все четыре стороны это веселое общество и совершенно

уничтожить «рейнско-пфальцскую армию свободы». Для этого требовалось только быстрое решение и немного смелости; но ни того, ни другого в прусском лагере не было.

На следующее утро мы выступили в путь. В то время как главная масса отступающих войск направилась к Книлингенскому мосту, Виллих с своим корпусом и батальоном Дрегера отправился в горы против пруссаков. Одна из наших рот, около пятидесяти гимнастов из Ландау, пошла на высокие горы к Иоганнискрейцу. Шиммельпфенниг со своим отрядом стоял на дороге из Пирмазенса в Ландау. Он должен был задерживать пруссаков и в Вейдентале закрыть им дорогу на Бергцаберн и к долине Лаутера. Между тем, Шиммельпфенниг уже сдал Вейденталь и стоял в Ринтале и Аннвейлере. Здесь дорога делает изгиб, и как раз в этом изгибе окружающие долину Квейха горы образуют нечто вроде прохода, за которым лежит деревня Ринталь. Этот проход был занят какою-то полевой охраною. Ночью патрули этой охраны сообщили, что по ним открыт огонь: рано утром бывший гражданский комиссар Вейс из Цвейбрюккена и молодой М.-И. Беккер, уроженец Рейнской провинции, принесли известие о приближении пруссаков и потребовали патруль для разведок. Но так как разведка не была предпринята и высоты по обе стороны от прохода не были заняты, то Вейс и Беккер решили на свой риск отправиться в разведку. Когда известия о приближении пруссаков умножились, люди Шиммельпфеннига начали баррикадировать проход; Виллих приехал, осмотрел позицию, отдал приказ занять высоты и велел убрать совершенно бесполезные баррикады. После этого он поспешно отправился верхом обратно в Аннвейлер и привел свои отряды.

Когда мы проходили через Ринталь, мы слышали первые выстрелы. Мы поспешили через деревню и увидели выстроившихся на шоссе людей Шиммельпфеннига; в большинстве они были вооружены косами, немногие ружьями; некоторые уже побывали в сражениях. Пруссаки продвигались, стреляли на высотах; Шиммельпфенниг дал им спокойно занять ту позицию, которую он сам должен был занять. Еще ни одно ядро не попало в нашу колонну; все они пролетали высоко над нами. Когда ядро прошумело над косарями, вся линия заколебалась и пришла в беспорядок.

С трудом пробрались мы мимо этих отрядов, которые запружали почти всю дорогу, приводили все в беспорядок и со своими косами были совершенно бесполезны. Ротные командиры и лейтенанты были так же беспомощны и сбиты с толку, как сами солдаты. Наши стрелки были направлены — одни вправо, другие влево, на высоты;

кроме того, влево были отправлены еще две роты для подкрепления стрелков и для обхода пруссаков. Главная колонна осталась стоять в долине. Некоторые стрелки заняли место позади развалин баррикады на изгибе дороги и стреляли в прусскую колонну, стоявшую позади на расстоянии нескольких сот шагов. Я с несколькими солдатами пошел влево на гору.

Едва взобрались мы по покрытому кустарником склону, как перед нами открылось свободное поле; с его противоположного, лесистого края прусские стрелки стреляли в нас своими коническими пулями. Я взял еще нескольких добровольцев, беспомощно и с некоторым страхом взбиравшихся по склону, поставил их по возможности в прикрытом строю и ближе осмотрел местность. Итти с несколькими солдатами вперед через совершенно открытое поле, шириною от двухсот до двухсот пятидесяти шагов, я не мог до тех пор, пока посланный дальше влево обходный отряд не достиг фланга пруссаков; мы могли, в лучшем случае, держаться, так как и без того были очень плохо прикрыты. Впрочем, несмотря на свои ружья с коническими пулями, пруссаки стреляли из рук вон плохо; свыше получаса стояли мы под сильнейшим огнем, почти совсем неприкрытые, а неприятельские стрелки попали только в дуло одного ружья и в полу одной блузы.

Я должен был, наконец, узнать, где находится Виллих. Мои люди обещали мне держаться, и я полез опять вниз по склону. Внизу все было в порядке. Главная колонна пруссаков, обстреливаемая нашими стрелками на дороге и влево от нее, должна была податься несколько назад. Неожиданно наши добровольцы поспешно сбегают влево со склона, туда, где я стоял, и оставляют свою позицию. Оказалось, что продвигавшиеся на крайнем левом фланге роты, сильно поредевшие благодаря тому, что многие из застрельщиков остались позади, решили, что дорога через расположенный дальше лесок слишком длинна; под командою капитана, выигравшего сражение при Бельгейме, они пошли прямо через поля. Их встретил сильный огонь; капитан и несколько солдат упали, а остальные, без начальников, уступили силе неприятеля. Пруссаки продвинулись вперед, зашли во фланг нашим стрелкам, стреляли на них сверху и принудили, таким образом, к отступлению. Скоро вся гора была в руках пруссаков. Они сверху стреляли в наши колонны; делать было нечего, и мы начали отступать. Дорога была запружена войсками Шиммельпфеннига, которые, по милому баденскому обычаю, маршировали не по четыре-шесть человек в ряд, а по двенадцать-пятнадцать человек, и занимали всю ширину шоссе. Нашим людям пришлось

продвигаться к деревне по болотистым лугам. Я остался при стрелках, прикрывавших отступление.

Сражение было потеряно отчасти вследствие того, что Шиммельпфенниг, вопреки приказу Виллиха, не распорядился занять высоты, которые при помощи немногих пригодных войск мы уже не могли отнять обратно от пруссаков, отчасти вследствие полной непригодности людей Шиммельпфеннига и батальона Дрегера, отчасти, наконец, вследствие нетерпения командированного для обхода пруссаков капитана, которое чуть не стоило ему жизни и оголило наш левый фланг. Вообще же это наше поражение было для нас счастьем; прусская колонна была уже на пути в Бергцаберн, осада с Ландау была снята, и, таким образом, мы были бы в Вейдентале окружены со всех сторон.

При отступлении мы потеряли больше людей, чем в сражении. Время от времени прусские ружейные пули попадали в густую колонну, продвигавшуюся большею частью в страшном беспорядке, с шумом и криками. Мы имели около 15 раненых, в их числе Шиммельпфеннига, в самом начале сражения раненого в колено. Пруссаки преследовали нас опять очень вяло и скоро прекратили стрельбу. Только несколько стрелков на горных склонах продолжали следовать за нами. В Аннвейлере, на расстоянии получаса от места сражения, мы очень спокойно подкрепились и отправились потом в Альберсвейлер. Самое нужное мы получили: в Аннвейлере лежали приготовленные три тысячи гульденов в счет принудительного займа. Впоследствии пруссаки назвали это ограблением кассы. В своем победном угаре они утверждали также, что убили при Ринтале капитана нашего отряда, Мантейфеля, родственника славного министра Мантейфеля в Берлине; офицер этот раньше служил капралом в прусской армии и перешел к нам. Господин Мантейфель не только не убит, но за это время даже выиграл в Цюрихе приз на состязаниях в легкой атлетике.

В Альберсвейлере к нам присоединились две баденских пушки, часть посланного Мерославским подкрепления. Мы хотели использовать их для того, чтобы еще раз задержаться вблизи; но тут нам сообщили, что пруссаки находятся уже в Ландау, и потому нам не оставалось ничего другого, как отправиться прямо в Лангенкандель.

В Альберсвейлере мы, к счастью, избавились от непригодных отрядов, маршировавших вместе с нами. Отряд Шиммельпфеннига после потери своего начальника частью уже разложился и на собственный страх отправился в сторону Канделя. Ежеминутно оставлял он в трактирах больных и прочих отсталых. Батальон Дре-

гера в Альберсвейлере начал бунтовать. Виллих и я отправились к ним и спросили, чего они хотят. Всеобщее молчание. Наконец, уже весьма пожилой доброволец воскликнул: «Нас хотят вести на бойню!» Этот возглас звучал в высшей степени комически у отряда, который ни разу не участвовал в сражениях и во время отступления имел двух, самое большое трех, легко раненых. Виллих велел этому человеку выйти и сдать свое оружие. Слегка подвыпивший, седобородый герой устроил трагическую сцену и проскулил длинную речь, краткий смысл которой сводился к тому, что с ним ничего подобного никогда не случалось. По этому поводу среди этих весьма добродушных, но плохо дисциплинированных воинов поднялось всеобщее возмущение, ввиду чего Виллих приказал всему отряду немедленно отправиться, говоря, что ему надоели болтовня и ворчание, и такими солдатами он ни одной минуты более не хочет командовать. Отряд не заставил себя просить, повернул вправо и отправился в путь. Через пять минут за ним последовал остаток батальона, которому Виллих дал еще две пушки. Они были недовольны, что их «ведут на бойню» и что они должны соблюдать дисциплину! Мы отпустили их с удовольствием.

Мы двинулись вправо в горы по направлению к Импфлингену. Вскоре мы приблизились к пруссакам; наши стрелки обменялись с ними несколькими выстрелами. Вообще весь вечер время от времени раздавалась стрельба. В первой деревне я остался, чтобы через нарочного послать известие нашему отряду гимнастов из Ландау; не знаю, получил ли он его, но отряд благополучно перебрался во Францию, а оттуда в Баден. Вследствие задержки я потерял свой отряд и должен был сам искать дорогу в Кандель. Дороги были покрыты отставшими солдатами, все трактиры были полны; вся армия, казалось, расплзлась в пьянстве. Здесь офицеры без солдат, там солдаты без офицеров, пестро перемешаны добровольцы всех отрядов, — все пешком и на повозках спешили в Кандель. А пруссаки даже не думали о серьезном преследовании! Импфлинген лежит на расстоянии только одного часа от Ландау, Вёрт (до Книлингенского моста) расположен на расстоянии 4 — 5 часов от Гермерсгейма; а пруссаки ни в один, ни в другой пункт не спешили послать войска, которые могли бы отрезать в одном месте оставшихся, а в другом, — всю армию. Воистину, лавры принца Прусского добыты своеобразным образом!

В Канделе я нашел Виллиха, но не его корпус, который был расквартирован, не доходя туда. Зато я нашел опять временное правительство, генеральный штаб и многочисленную свиту бездельников.

То же изобилие войск, но еще больший беспорядок и суматоха, чем вчера в Франквейлере. Ежеминутно приходили офицеры, искавшие свои отряды, солдаты, искавшие своих начальников. Никто не мог дать им указаний. Разложение было полное.

На следующее утро, 19 июня, вся компания прошла через Вёрт и по Книлингенскому мосту. Несмотря на то, что много солдат рассеялось и разошлось по домам, армия вместе с прибывшими из Бадена подкреплениями все же насчитывала 5 000—6 000 человек. Они так гордо маршировали через Вёрт, как будто только что силою завоевали эту деревню и шли навстречу новым триумфам. Им все еще казалось, что они следуют примеру Кошута. Один только баденский линейный батальон имел военный вид и мог пройти мимо трактира без того, чтобы несколько солдат не забежали туда. Наконец, пришел наш отряд. Мы остались в качестве прикрытия до тех пор, пока не перешли мост; когда все было готово, мы перешли в Баден и помогли развести мост.

Баденское правительство, щадя храбрых филистеров из Карлсруэ, которые 6 июня так храбро держались против республиканцев, расположило всю пфальцскую армию в окрестностях. Мы решительно настаивали на переводе нашего отряда в Карлсруэ; нам нужно было сделать большой ремонт и достать различные предметы одежды, и, кроме того, мы считали очень желательным присутствие в Карлсруэ надежного революционного корпуса. Но о нас уже позаботился господин Brentano. Он отправил нас в Даксланд, деревню в полутора часах от Карлсруэ, которая была нам представлена как настоящее Эльдorado. Мы отправились туда и нашли там самое реакционное в этой местности гнездо. Ни еды, ни питья, немного соломы; половина отряда должна была спать на голом полу. К тому же кислые лица во всех дверях и окнах. Мы быстро приняли решение. Мы сообщили господину Brentano, что если не получим другую, лучшую квартиру, то на следующее утро, 19 июня, будем в Карлсруэ. Сказано — сделано. В 9 часов утра отправляемся в путь. Не успели мы отъехать от деревни на ружейный выстрел, как навстречу нам едет господин Brentano с штабным офицером и пускает в ход все любезности и всю силу красноречия, чтобы удержать нас вдали от Карлсруэ. В городе, мол, расположено 5 000 человек; более богатый класс выехал, средний люд переобременен постоями; он не может допустить, чтобы храбрый корпус Виллиха, слава которого у всех на устах, был плохо устроен и т. п. Но ничто не помогло. Виллих потребовал несколько пустых дворцов уехавших аристократов, а так как Brentano не хотел их дать, мы отправились в Карлсруэ на квартиры.

В Карлсруэ мы получили оружие для нашего отряда косарей и некоторое количество сукна на шинели. Мы по возможности быстро отремонтировали обувь и одежду. К нам присоединились также новые люди, много рабочих, которых я знал по эльберфельдскому восстанию, затем Кинкель, вступивший мушкетером в безансонскую рабочую роту, и Цыхлинский, адъютант главнокомандующего в дрезденском восстании и начальник арьергарда при отступлении повстанцев. Он поступил стрелком в студенческую роту.

На-ряду с улучшением снаряжения мы не забывали и тактической подготовки. Мы ежедневно усердно упражнялись и на второй день нашего прибытия устроили воображаемый штурм Карлсруэ с дворцовой площади. Филистеры своим всеобщим и глубоким возмущением по поводу этих маневров обнаружили, что они отлично поняли угрозу.

Наконец, было принято смелое решение реквизировать оружейную коллекцию великого герцога, до тех пор сохранявшуюся в неприкосновенности, как святыня. Мы собирались заказать пистоны для 20 полученных оттуда ружей, когда пришло известие, что пруссаки перешли Рейн у Гермерсгейма и стоят в Грабене и Брухзале.

Мы немедленно, — это было вечером 20 июня, — отправились с двумя пфальцскими пушками. Когда мы пришли в Бланкенлох, на расстоянии полутора часов по дороге из Карлсруэ в Брухваль, мы нашли там господина Клемента с его батальоном и узнали, что прусские форпосты продвинулись вперед и находятся на расстоянии часа от Бланкенлоха. В то время как наши люди при оружии подкреплялись вечером пищею, мы держали военный совет. Виллих предложил немедленно напасть на пруссаков. Но господин Клемент заявил, что его неопытные войска не смогут наступать ночью. Поэтому было решено, что мы немедленно продвинемся к Карлсдорфу, нападём перед рассветом и постараемся прорвать прусскую линию. Если это нам удастся, то мы хотели итти на Брухваль и по возможности пробиться туда. Господин Клемент должен был в таком случае произвести на рассвете наступление через Фридрихсталь и подержать наш левый фланг.

Около полуночи мы двинулись в путь. Наше предприятие было крайне смелым. Мы имели менее 700 человек с двумя пушками; наши войска больше упражнялись и были надежнее остальных пфальцских войск. Они привыкли также к огню. С ними мы хотели напасть на неприятельский корпус, во всяком случае лучше обученный и снабженный более опытными субалтерн-офицерами, чем мы, ибо у нас некоторые ротные начальники проходили службу, в лучшем

случае, в гражданском ополчении, — корпус, сил которого мы в точности не знали, но который насчитывал не менее 4000 тысяч человек. Однако наш корпус выдержал еще более неравные бои, а на более выгодное численное соотношение мы в этом походе вообще не могли рассчитывать.

Мы послали 10 студентов в качестве авангарда на сто шагов вперед. Затем следовала первая колонна, во главе с полудюжиною баденских драгун, данных нам для службы связи, а за ними три роты. Пушки с тремя остальными ротами двигались немного позади, стрелки замыкали шествие. Был отдан приказ ни в каком случае не стрелять, продвигаться в величайшей тишине и, как только покажется враг, ударить на него в штыки.

Вскоре мы увидели в отдалении свет прусских сторожевых огней. Не подвергаясь нападению, дошли мы до Шпека. Все солдаты остановились; вперед пошел только авангард. Неожиданно раздаются выстрелы; на дороге, при входе в деревню, вспыхивает яркий огонь зажатой соломой, колокол бьет в набат. Наши застрельщики рассыпаются вправо и влево по деревне, колонна вступает в нее. Внутри также горят яркие огни; на каждом углу мы ожидаем выстрелов. Но все тихо, и только какой-то сторожевой пост из крестьян расположился у ратуши. Прусские посты уже ушли оттуда.

Господа пруссаки, — мы видели теперь это, — несмотря на колоссальное превосходство своих сил, не чувствовали себя в безопасности, если не выполняли своего педантического устава сторожевой службы вплоть до самых скучных деталей. Их крайний пост стоял на расстоянии целого часа от их лагеря. Если бы мы таким же образом утомляли сторожевою службою наших людей, не привыкших к военным тягостям, мы имели бы бесчисленное количество переутомленных. Мы положились на прусскую боязливость и считали, что пруссаки будут питать к нам большее почтение, чем мы к ним. Так и оказалось. Наши форпосты вплоть до швейцарской границы, как и наши стоянки, ни разу не подвергались нападению.

Во всяком случае, теперь пруссаки были уже извещены. Повернуть ли нам обратно? Мы не собирались делать это и маршировали дальше.

У Нейтгарта — опять набатный звон; но на этот раз без сигнальных огней и выстрелов.

Мы, еще теснее сомкнув свой строй, проходим через деревню и поднимаемся на высоты по направлению к Карлсдорфу. Едва наш авангард, который продвигался теперь только на тридцать шагов впереди нас, достиг высот, как он увидел прямо перед собою прусскую

полевую охрану, которая окликнула его. Я услышал слова: «Кто идет?» и выскочил вперед. Один из моих товарищей сказал: «Он погиб, мы его уже не увидим». Но именно этот поступок спас меня.

В ту же минуту неприятельская полевая охрана дает залп, и наш авангард, вместо того, чтобы опрокинуть ее штыками, тоже открывает огонь. Драгуны, рядом с которыми я маршировал, с своею обычною трусостью немедленно поворачивают назад, галопом врываются в колонну, опрокидывают лошадьми несколько человек на землю, совершенно расстраивают первые четыре-шесть рядов и галопом мчатся дальше. Одновременно в нас стреляют неприятельские конные караулы, выстроенные направо и налево в полях, и для полного довершения переполоха в нашей колонне находятся идиоты, открывающие огонь по передней части нашего же отряда, а другие идиоты следуют их примеру. В одну минуту первая половина колонны расстроена, люди частью рассыпались по полям, частью бегут, частью смешались на дороге в беспорядочные кучки. Раненые, ранцы, шапки, ружья лежат в пестром беспорядке. Ко всему этому еще дикие, смешанные крики, выстрелы и свист пуль во всех направлениях. А когда шум немного стихает, я слышу, как удаляются наши пушки в поспешном бегстве. Они оказали второй половине колонны такую же услугу, как драгуны первой.

Какую ярость ни чувствовал я в эту минуту при виде детского страха, охватившего наших солдат, но в высшей степени жалкими показались мне пруссаки, которые, будучи извещены о нашем прибытии, после нескольких выстрелов прекратили огонь и тоже поспешно удалились. Наш авангард все еще стоял на своем старом месте, не подвергаясь нападению. Один эскадрон кавалерии или достаточно частый ружейный огонь обратил бы нас в самое дикое бегство.

Виллих поспешно подъехал к авангарду. Безансонская рота первая привела себя опять в порядок; остальные, более или менее пристыженные, присоединились к ней. Начинаясь день. Наши потери состояли из 6 раненых, в их числе один штабной офицер, опрокинутый драгунскою лошадью на землю на том самом месте, которое я за минуту до того оставил, чтобы поспешить к авангарду. Несколько человек были ранены явно пулями наших собственных людей. Мы тщательно собрали все брошенные предметы снаряжения, чтобы пруссакам не попался ни один трофей, и потом медленно направились обратно в Нейтгарт. Стрелки расположились за первыми домами, служившими в качестве прикрытия. Но пруссаки не приходили, и когда Цыхлинский еще раз пошел в разведку, он

нашел их еще за высотами, откуда они послали ему несколько пуль, ни в кого не попавших.

Пфальцские крестьяне, которые везли наши пушки, с одною из них проехали уже через деревню, другую они опрокинули, и провозжатые ее уехали с пятью лошадьми, обрезав постромки. Мы должны были поднять пушку и отправили ее дальше с одним только коренником.

Прибыв в Шпек, мы услышали вправо, по направлению к Фридрихсталю, постепенно усиливающуюся стрельбу. Это начал, наконец, наступление господин Клемент, на час позже условленного времени. Я предложил поддержать его фланговым наступлением, чтобы взять реванш. Виллих был такого же мнения и приказал отправиться прежде всего вправо. Одна часть нашего отряда уже погибала, когда прибывший от Клемента вестовой офицер сообщил, что он отступает. Ввиду этого мы отправились в Бланкенлох. Вскоре встретил нас господин Бейст из генерального штаба и не мало удивился, увидев нас живыми и отряд в полном порядке. Подлые драгуны в своем бегстве, продолжавшемся вплоть до Карлсруэ, повсюду рассказывали, что Виллих убит, что все офицеры убиты, а отряд рассеян на все четыре стороны и уничтожен. В нас будто бы стреляли картечью и «огненными бомбами».

Перед Бланкенлохом нам встретились пфальцские и баденские войска и, наконец, господин Шнайде со своим штабом. Старый сыч, проведенный ночь, вероятно, спокойно в постели, был настолько бесстыден, чтобы крикнуть нам: «Господа, куда вы уходите? там враг!» Мы, разумеется, дали ему подобающий ответ, прошли мимо и в Бланкенлохе позаботились об отдыхе и подкреплении. Через два часа господин Шнайде со своими войсками вернулся, нигде, конечно, не встретив врага, и сел за завтрак.

Теперь господин Шнайде имел под своею командою, с прибывшими из Карлсруэ и окрестностей подкреплениями, около 8 000 — 9 000 человек, в том числе три баденских линейных батальона и две баденских батареи. В общем число орудий достигало 25-ти. Отчасти вследствие неопределенного приказа Мерославского и еще более вследствие полной неспособности господина Шнайде вся пфальцская армия осталась стоять в окрестностях Карлсруэ, в то время как пруссаки под защитою гермерсгеймских предмостных укреплений перешли через Рейн. Мерославский дал общий приказ (см. его отчет о баденском походе) после отступления из Пфальца защищать переходы через Рейн от Шпейера до Книлингена и специальный приказ прикрывать Карлсруэ и сделать Книлингенский мост

местом концентрации всей армии. Господин Шнайде понял это в том смысле, что он должен впредь до дальнейших распоряжений продолжать стоять у Карлсруэ и Книлингена. Если бы он, как то подразумевалось общим приказом Мерославского, послал сильный отряд с артиллерией против гермерсгеймских предместных укреплений, то не был бы дан нелепый приказ майору Мнерскому отнять предместные укрепления при помощи 450 рекрутов без орудий, 30 000 пруссаков не могли бы перейти беспрепятственно через Рейн, связь с Мерославским не была бы отрезана и пфальцская армия могла бы прибыть своевременно на место сражения у Вагхейзеля. Вместо этого она в день вагхейзельского сражения, 21 июня, беспомощно металась между Фридрихсталем, Вейнгартеном и Брухзалем, потеряла врага из виду и провела время в бесполезных переходах.

Мы получили приказ выступить правым флангом и продвигаться через Вейнгартен по краю горы. В полдень того же 21 июня мы выступили из Бланкенлоха, а около 5 часов вечера из Вейнгартена. Пфальцские войска начали, наконец, чувствовать беспокойство; они заметили превосходство сил неприятеля и потеряли хвастливую уверенность, которою они до тех пор отличались, по крайней мере, до сражения. С тех пор среди пфальцкого и баденского народного ополчения, а постепенно также и среди линейных войск и артиллерии, распространяется страх перед пруссаками и ежедневно повторяются нелепые слухи, что приводило все в беспорядок и давало повод к удивительнейшим сценам. Уже на первой высоте за Вейнгартеном к нам подскочили патрули и крестьяне с криком: «Пруссаки здесь!» Наш отряд выстроился в боевом порядке и пошел вперед. Я отправился обратно в городок, чтобы поднять там тревогу, и вследствие этого потерял наш отряд. Конечно, вся эта суматоха оказалась лишеной оснований: пруссаки отступили по направлению к Вагхейзелю, и Виллих в тот же вечер вступил в Брухзаль.

Ночь я провел с господином Освальдом и его пфальцским батальоном в Обергромбахе, а на следующее утро отправился вместе с ним в Брухзаль. Перед городом нам встретились повозки с оставшими солдатами, кричавшими: «Пруссаки здесь!» Немедленно весь батальон пришел в волнение и только с трудом удалось повести его вперед. Конечно, слух опять оказался ложным; в Брухзале находился Виллих с остатком пфальцкого авангарда; остальные постепенно вступали сюда, и никаких следов пруссаков не было. Кроме армии и ее начальников, там находились д'Эстер, бывшее пфальцское правительство и Гегг, который, с тех пор как бесспорно установилась диктатура Brentano, находился почти исключительно при

армии и помогал разрешению текущих дел по гражданской части. Снабжение войск было плохое, беспорядок большой. Только в главной квартире жили, как всегда, недурно.

Мы опять получили значительное число патронов из запасов Карлсруэ и вечером отправились в путь, а вместе с нами и весь авангард. В то время как последний устроил стоянку в Убштадте, мы отправились вправо к Унтер-Эбисгейму, чтобы прикрывать в горах фланг.

Теперь по внешнему виду мы представляли весьма внушительную силу. Наш отряд подкрепился двумя новыми частями. Во-первых, лангенкандельским батальоном, который по пути с своей родины к Книлингенскому мосту разбежался и «beaux restes» (прекрасные остатки) которого присоединились к нам; они состояли из капитана, лейтенанта, знаменосца, фельдфебеля, унтер-офицера и двух солдат. Во-вторых, «колонной Роберта Блюма» с красным знаменем, состоявшей приблизительно из 60 человек, которые имели вид канибалов и проявили значительное геройство в реквизициях. Кроме того, нам были даны 4 баденских орудия и батальон баденского народного ополчения, называвшийся батальоном Книри, Кнюри или Книрима (точное правописание этого имени невозможно было установить). Батальон Книрима был достоин своего начальника, как и господин Книрим — своего батальона. Оба были решительные, страшные болтуны и крикуны, всегда пьяные; пресловутый «энгузиазм» побуждал их, как увидим, к величайшим геройским подвигам.

Утром 23-го Виллих получил от Аннеке, командовавшего пфальцским авангардом в Убштадте, бумагу следующего содержания: враг приближается, состоялся военный совет, и решено отступать. Виллих, в высшей степени изумленный этим странным известием, немедленно отправился туда верхом и уговорил Аннеке и его офицеров принять сражение у Убштадта, сам осмотрел позицию и указал место для установки орудий. Потом он вернулся и велел нашим людям стать под ружье. Когда наши войска выстраивались, мы получили из главной квартиры в Брухзале следующий приказ, подписанный Теховым: Главная масса армии отправляется по дороге к Гейдельбергу и надеется в тот же день прибыть в Мингольцгейм, а мы должны одновременно отправиться через Оденгейм к Вальд-Англоху и там переночевать. Туда будут нам посланы дальнейшие известия об успехах главного корпуса и приказы о наших дальнейших действиях.

Господин Струве в своей фантастической «Geschichte der drei Volkserhebungen in Baden» на страницах 311 — 317 дает описание

операций пфальцской армии с 20 по 26 июня, которое является только апологией неспособного Шнайде и изобилует неправильными сведениями и искажениями. Из изложенного выше уже следует, что, во-первых, неверно, будто Шнайде «через несколько часов после своего выступления в Брухзаль (22-го) получил точные сведения о сражении при Вагхейзеле и его исходе»; во-вторых, неверно, что «в результате этого его план изменился и, вместо первоначально предполагавшегося похода по направлению к Мингольцгейму», он будто бы «уже 22-го решил с большинством своей дивизии остаться в Брухзале» (упомянутая бумага Техова была написана в ночь с 22-го на 23-е); в-третьих, неверно, что «утром 23-го должна была быть предпринята большая рекогносцировка», на самом деле предполагался переход к Мингольцгейму. Сообщение Струве, что, в-четвертых, «все отряды получили приказ, как только они услышат выстрелы, двигаться в направлении выстрелов» и что, в-пятых, «отряд правого крыла (Виллиха) объяснял свое отсутствие в сражении при Убштадте тем, что он не слышал выстрелов», — представляют, как будет дальше показано, грубую ложь.

Мы немедленно двинулись в путь. В Оденгейме предполагалось завтракать. Несколько баварских легких кавалеристов, данных нам для службы связи, отправились верхом влево, вокруг деревни, для разведывательных наблюдений за неприятельскими войсками. Прусские гусары до нас были в деревне и реквизировали фураж, за которым собирались приехать попозже. В то время как мы захватывали этот фураж и распределяли между нашими людьми вино и пищу, один из легких кавалеристов примчался с криком: «Пруссаки здесь!» В одну минуту батальон Книрима, стоявший ближе всего, растерялся и превратился в дикую массу, с шумом, криком, и проклятиями разбегающуюся по всем направлениям, а их господин майор на своей испугавшейся лошади должен был оставить своих людей без помощи. Виллих подъехал верхом, восстановил порядок, и мы отправились в путь. Разумеется, никаких пруссаков не оказалось.

На высотах за Оденгеймом мы услышали пушечные выстрелы со стороны Убштадта. Канонада скоро стала более оживленной. Опытные люди могли уже различать выстрелы ядрами и картечь. Мы держали совет, продолжать ли путь дальше или пойти по направлению стрельбы. Так как мы имели положительный приказ, а стрельба, казалось, раздавалась по направлению от Мингольцгейма, что означало продвижение наших, то мы решились на самый опасный путь, а именно по направлению к Вальд-Ангелоху. В случае

поражения пфальцской армии при Убштадте, мы были бы в горах почти отрезаны и оказались бы в очень критическом положении.

Господин Струве утверждает, что сражение при Убштадте «могло бы привести к самым блестящим результатам, если бы фланговые отряды во-время начали наступление» (стр. 314). Но канонада продолжалась менее одного часа, а нам требовалось два, два с половиной часа для того, чтобы появиться на поле сражения между Матфельдом и Убштадтом, т. е. спустя полтора часа после окончания сражения. Так пишет господин Струве «историю».

Близ Тифенбаха мы сделали остановку. Пока наши люди подкреплялись, Виллих отправил несколько депеш. Батальон Книрима нашел в Тифенбахе какой-то общинный погреб, конфисковал его, вытащил бочки с вином, и через час все напилось. Досада, вызванная утреннею паникою перед пруссаками, пушечная стрельба со стороны Убштадта, недоверие этих героев друг другу и к своим офицерам, — все это, усиленное вином, неожиданно вылилось в форму открытого бунта. Они требовали немедленного возвращения назад; им не нравятся вечные переходы в горах в виду неприятеля. Так как об этом, конечно, не могло быть и речи, они повернули и отправились на свой страх. Каннибальская «колонна Роберта Блюма» присоединилась к ним. Мы дали им уйти и двинулись по направлению к Вальд-Ангелоху.

Здесь, в глубокой котловине, нельзя было переночевать хотя бы с некоторой безопасностью. Поэтому мы сделали остановку и начали собирать сведения о топографии окрестностей и о позиции неприятеля. Между тем среди крестьян распространились некоторые неясные слухи об отступлении некарской армии. Говорили, что значительный баварский отряд продвигается через Зинсгейм и Эппинген к Бреттену, что сам Мерославский проехал при строжайшем инкогнито и в Зинсгейме его будто бы хотели арестовать. Артиллерия начала волноваться, и даже наши студенты начали ворчать. Ввиду этого мы отослали артиллерию назад и отправились в Гильсбах. Здесь мы узнали более подробные сведения о начавшемся уже 48 часов тому назад отступлении некарской армии и о том, что баварцы находятся в полутора часах от нас в Зинсгейме. Число их указывалось в 7 000 человек, но достигало, как мы позже узнали, 10 000. Нас же было не больше 700 человек. Наши люди не могли двигаться дальше. Ввиду этого мы расквартировали их в овинах, как всегда, когда хотели держать их по возможности вместе, выставили сильную охрану и легли спать. Когда мы выступили в следующее утро, 24-го, мы ясно слышали приближение баварских войск. Добрые четверть часа спустя после нашего ухода баварцы вступили в Гильсбах.

За два дня до того, 22-го, Мерославский переночевал в Зинсгейме и, когда мы вступили в Гильсбах, находился с своими войсками уже в Бреттене. Беккер, командовавший арьергардом, тоже уже прошел. Поэтому он не мог, как то утверждает господин Струве на странице 308, провести в Зинсгейме ночь с 23-го на 24-е, ибо в восемь часов вечера, и вероятно даже раньше, там стояли баварцы, которые еще накануне вечером дали Мерославскому небольшое сражение. Отступление Мерославского из Вагхейзеля через Гейдельберг в Бреттен было охарактеризовано его участниками, как в высшей степени опасный маневр. Операции Мерославского с 20 по 24 июня, быстрая концентрация у Гейдельберга корпуса, с которым он бросился на пруссаков, и его быстрое отступление после проигрыша сражения у Вагхейзеля представляют, конечно, наиболее блестящую часть всей его деятельности в Бадене; но что при вялости противника этот маневр не был таким опасным, доказывается тем, что мы спустя 24 часа беспрепятственно проделали с маленьким отрядом отступление из Гильсбаха. Даже через Флезингенский проход, где Мерославский уже 23-го ждал нападения, мы прошли беспрепятственно и пошли по направлению к Бюхигу. Здесь мы хотели остаться, чтобы прикрыть устроенный Мерославским у Бреттена лагерь на случай ближайшего нападения.

Повсюду на нашем пути, проходившем через Эппинген, Цайзенгаузен и Флезинген, мы вызывали удивление, так как все отряды некарской армии, включая и арьергард, уже прошли. Когда мы вступили в Бюхиг и наш горнист затрубил, жители испугались, думая, что это пруссаки. Отряд бреттенского гражданского ополчения, реквизировавший продовольствие для лагеря Мерославского, принял нас за пруссаков и обнаружил полное замешательство, пока мы не завернули за угол и вид наших блуз не успокоил их. Мы немедленно реквизировали продовольствие и едва успели уничтожить его, как известие о том, что Мерославский со своими войсками выступит из Бреттена, побудило нас отправиться в Бреттен.

В Бреттене мы провели ночь, в то время как гражданское ополчение выставило сторожевые посты. Для следующего утра были реквизированы телеги, чтобы перевезти весь отряд в Эттлинген. Другого пути к главной армии нам не оставалось, так как Брухзаль был еще 24-го занят пруссаками, и мы не могли принять бой в случае, если бы дорога через Дидельсгейм к Дурлаху оказалась занятою неприятелем (что, как мы позднее узнали, действительно имело место).

В Бреттене к нам пришла депутация студентов с заявлением, что вечные переходы перед лицом врага им не нравятся и они просят

отпустить их. Они, конечно, получили ответ, что перед лицом врага никто не получает отпуска; но если они хотят дезертировать, то могут это сделать. После этого приблизительно половина их роты ушла; остальная часть так сократилась в результате отдельных дезертирств, что остались только стрелки. Вообще студенты во время всего похода показали себя недовольными и боязливыми барчуками, которые хотели всегда быть посвященными во все оперативные планы, жаловались на ссадины на ногах и ворчали, если поход не представлял всех приятностей каникулярного путешествия. Среди этих «представителей интеллигенции» только отдельные лица выделялись действительно революционным характером и блестящим мужеством.

Как нам впоследствии сообщили, неприятель вступил в Бреттен через полчаса после нашего ухода. Мы пришли в Эттлинген; там господин Корвин-Вержбицкий предложил нам отправиться в Дурлах, где Беккер должен был задерживать неприятеля до тех пор, пока Карлсруэ не будет очищен. Виллих послал легкого кавалериста с письмом к Беккеру, чтобы узнать, намерен ли он держаться еще некоторое время; посланный вернулся через четверть часа с известием, что он встретил войска Беккера уже в полном отступлении. Ввиду этого мы отправились в Раштат, куда концентрировались все войска.

Дорога в Раштат представляла картину величайшего беспорядка. Множество самых различных отрядов маршировало или делало остановку, перемешанные друг с другом, и лишь с трудом удерживали мы наших людей вместе под палящими лучами солнца и среди общей суматохи. На откосе перед Раштатом расположились пфальцские войска и несколько баденских батальонов. Число пфальцских войск очень сократилось. Лучший отряд, рейнско-гессенский, был перед сражением в Убштадте созван на собрание в Карлсруэ господами Цицом и Бамбергером. Эти храбрые воители за свободу рассказывали отряду, что все погибло, превосходство сил неприятеля слишком велико, и все еще могут в безопасности вернуться домой; они, парламентский болтун Циц и храбрый Бамбергер, хотят сохранить свою совесть чистою от невинной крови и прочих неприятных вещей и потому они объявляют отряд распушенным. Члены отряда были, разумеется, так возмущены этим бесчестным предложением, что хотели арестовать и расстрелять обоих предателей; д'Эстер и пфальцское правительство тоже распорядилось об их аресте. Но почтенные граждане были уже в бегах, и храбрый Циц из безопасного Базеля следил за дальнейшим ходом кампании в защиту имперской конституции. Как в сентябре 1848 г. своим «официальным письмом», так и в мае 1849 г. господин Циц проявил себя одним из тех парламентских

хвастунов, которые больше всего возбуждали народ к восстанию, и оба раза он занимал почетное место среди тех, кто раньше других бросал его во время движения на произвол судьбы. При Кирхгейм-боландене господин Циц был тоже в числе первых, обратившихся в бегство, в то время как его стрелки еще сражались и стреляли.

Рейнско-гессенский отряд, уже очень ослабленный, подобно другим отрядам, дезертирствами, обескураженный отступлением в Баден, сразу потерял всю свою выдержку. Часть его пришла в уныние и разошлась по домам; остальные переформировались и сражались до конца похода. Прочие пфальцские отряды были при Раштате деморализованы сообщением, что все, которые вернутся домой до 5 июня, получают амнистию. Больше половины людей ушло, батальоны сократились до размера рот, субалтерн-офицеры большей частью ушли, а оставшиеся еще войска в количестве менее 1 200 человек не представляли уже никакой силы. И наш корпус, хотя и деморализованный, тоже был ослаблен потерями, болезнями, дезертирством студентов и не многим превышал 500 человек.

Мы сделали остановку в Куппенгейме, где расположились уже другие отряды. На следующее утро я отправился с Виллихом в Раштат, где опять встретил Молля.

Более или менее просвещенным жертвам баденского восстания повсюду воздвигались памятники в прессе, в демократических союзах, в стихах и прозе. Но никто не сказал ни слова о сотнях и тысячах рабочих, которые выдержали бои и пали на поле сражения, которые заживо гниют в раштатских казематах или теперь за границей, одни среди эмигрантов, терпят связанные с изгнанием величайшие лишения. Эксплоатация рабочих слишком стародавняя и привычная вещь, чтобы наши официальные «демократы» могли видеть в рабочих что-нибудь иное, чем подвижный, подлежащий использованию и взрывчатый сырой материал, — настоящее пушечное мясо. Наши демократы слишком невежественны и проникнуты буржуазным духом, чтобы понять революционное положение пролетариата и будущее рабочего класса. Поэтому им ненавистны также те истинно-пролетарские характеры, которые слишком горды для того, чтобы льстить им, слишком умны, чтобы дать себя использовать, но тем не менее выступают с оружием в руках каждый раз, когда дело идет о сокрушении существующей власти, и во всяком революционном движении непосредственно представляют партию пролетариата. Но если так называемые демократы не склонны оценивать по достоинству таких рабочих, то долг пролетарской партии воздать им по заслугам. И к лучшим из этих рабочих принадлежал Иосиф Молль из Кельна.

Молль был по профессии часовщик. Много лет тому назад он покинул Германию и принимал участие во всех революционных, открытых и тайных, обществах во Франции, Бельгии и Англии. Он содействовал основанию немецкого рабочего союза в Лондоне в 1840 г. После февральской революции он вернулся в Германию и вскоре вместе со своим другом Шаппером стал во главе рабочего союза в Кельне. Эмигрировав в Лондон после кельнских уличных беспорядков 1848 г., он вскоре вернулся под чужую фамилию в Германию, агитировал в различных округах и принимал на себя миссии, пугавшие всех других своею опасностью. В Кайзерслаутерне я опять встретил его. И здесь он принял на себя такие поручения в Пруссию, которые в случае их обнаружения подвели бы его прямо под расстрел. Возвратившись из своей второй миссии, он благополучно пробрался через все неприятельские армии до Раштата, где немедленно вступил в безансонскую рабочую роту нашего корпуса. Спустя три дня он был убит. Я потерял в нем старого друга, а партия — одного из своих самых неутомимых, бесстрашных и надежных бойцов.

Партия пролетариата была довольно сильно представлена в баденско-пфальцской армии, особенно в добровольческих корпусах, например в нашем, в эмигрантском легионе и т. д.; она может смело бросить вызов другим партиям, предлагая им бросить хотя бы малейший упрек кому-либо из ее членов. Самые решительные коммунисты были и самыми смелыми солдатами.

На следующий день, 27-го, мы расположились несколько дальше в горах по направлению к Ротенфельсу. Разделение армии и дислокация различных корпусов были постепенно точно установлены. Мы принадлежали к дивизии правого крыла, находившейся под командою полковника Томе, того самого, который хотел арестовать Мерославского в Меккесгейме и которому необдуманно оставили командование, а с 27-го — под командою Мерси. Виллих, отклонивший предложенное ему Зигелем звание командующего пфальцскими войсками, был начальником штаба дивизии. Дивизия занимала пространство от Гернсбаха и Бюртембергской границы и дальше за Ротенфельс, а слева опиралась на дивизию Оборского, сконцентрированную у Куппенгейма. Авангард был продвинут до границы, равно как к Зульцбаху, Михельбаху и Винкелю. Снабжение, вначале неаккуратное и плохое, улучшилось после 27-го. Наша дивизия состояла из нескольких баденских линейных батальонов, остатка пфальцских войск под командою героя Бленкера, нашего корпуса и одной или полуторы батарей артиллерии. Пфальцские войска расположились в Гернсбахе и окрестностях, линейные войска и мы —

в Ротенфельсе и вокруг него. Главная квартира помещалась в одном отеле, в Элизабетенквелле, против Ротенфельса.

Мы — штаб дивизии и нашего корпуса, а также Молль, Кинкель и другие добровольцы — сидели 28-го в этом отеле за столом и пили кофе, когда пришло известие, что наш авангард подвергся у Михельбаха нападению со стороны пруссаков. Мы сейчас же выступили, хотя имели все основания предполагать, что неприятель имеет в виду только рекогносцировку. Так и оказалось на деле. Расположенная в долине и быстро захваченная пруссаками деревня Михельбах была уже опять отнята у них к моменту нашего прибытия. С обоих горных склонов стреляли друг в друга через долину и без пользы расстреляли много пороку. Я видел только одного убитого и одного раненого. В то время как линейные войска бесполезно расстреливали свои патроны на расстояниях 600—800 шагов, Виллих приказал нашим людям спокойно положить оружие и отдыхать среди мнимых бойцов и под мнимым огнем. Только стрелки спустились по лесистому склону и при помощи нескольких линейных отрядов прогнали пруссаков с противоположных высот. Один из наших стрелков выстрелил из своего колоссального мушкета, представлявшего настоящую переносную пушку, и свалил с лошади прусского офицера на расстоянии приблизительно 900 шагов: вся его рота немедленно повернула направо и отправилась обратно в лес. В наши руки попало несколько убитых и раненых пруссаков, равно как двое пленных.

На следующий день началось общее наступление по всей линии. На этот раз господа пруссаки расстроили нам обед. Первое нападение, о котором нам сообщили, было направлено на Бишвейер, представлявший пункт связи между дивизией Оборского и нашею. Виллих настаивал, чтобы держать наши войска у Ротенфельса по возможности в резерве, так как главного натиска следовало ожидать, во всяком случае, в противоположном направлении, у Гернсбаха. На это Мерси ответил: «Вы ведь знаете, как у нас происходит дело: если один из наших батальонов подвергается нападению, а остальные в своей массе не приходят ему немедленно на помощь, то поднимаются крики об измене, и все бегут». Ввиду этого мы двинулись по направлению к Бишвейеру.

Виллих и я отправились с ротой стрелков по дороге к Бишвейеру по правому берегу Мурга. На расстоянии получаса от Ротенфельса мы натолкнулись на неприятеля. Стрелки рассыпались цепью для стрельбы, а Виллих отправился верхом назад, чтобы придвинуть к передовой линии отряд, оставшийся несколько позади. Наши стрелки, прикрываемые плодовыми деревьями и виноградниками, довольно

долго выдерживали весьма оживленный огонь, на который они также оживленно отвечали. Но когда сильная неприятельская колонна продвинулась вперед по дороге, чтобы поддержать своих застрельщиков, левый фланг наших стрелков подался назад, и никакими угрозами нельзя было удержать их на месте. Правый же фланг продвигался дальше к высотам и позже был встречен нашим отрядом.

Увидя, что с стрелками ничего не сделаешь, я предоставил их собственной судьбе и отправился к высотам, где видел знамена нашего корпуса. Одна рота отстала; ее начальник, портной, в общем храбрый парень, не знал, что предпринять. Я соединил ее с другими и встретил Виллиха в тот момент, когда он только что отослал безансонскую роту в линию огня, а остальных расположил сзади в две боевых линии, рядом с ротой, посланной направо по направлению к горам.

Наши застрельщики были встречены сильным огнем. Им противостояли прусские стрелки, и наши рабочие могли противопоставить их ружьям с коническими пулями только мушкеты. Но, поддержанные присоединившимся к ним правым крылом наших стрелков, они так решительно пошли вперед, что короткое расстояние, особенно на правом крыле, очень скоро уравновесило худшие качества оружия, и пруссаки были отброшены. Обе боевые линии остались стоять непосредственно позади цепи стрелков. К этому времени два баденских орудия были подвезены влево от нас, в долину Мурга, и открыли огонь против прусской пехоты и артиллерии, стоявшей на дороге.

Сражение при оживленном ружейном огне и при продолжающемся отступлении пруссаков продолжалось здесь около часа; некоторые из наших стрелков дошли уже до Бишвейера, когда пруссаки получили подкрепление и послали свои батальоны вперед. Наши застрельщики отступили; первая боевая линия открыла стрельбу взводами, а вторая отступила несколько влево в овраг и тоже открыла огонь. Но пруссаки наступали густыми массами по всей линии; оба баденских орудия, прикрывавшие наш фланг, уже отъехали назад, на правом фланге пруссаки уже спускались с гор, и мы должны были отступить.

Как только мы вышли из неприятельского перекрестного огня, мы перестроились на краю горы. Если раньше наш фронт был направлен к рейнской равнине, против Бишвейера и Нидервейера, то теперь мы выстроились против горы, занятой пруссаками со стороны Обервейера. Теперь, наконец, в линию сражения пришли также линейные батальоны и вступили в сражение вместе с двумя ротами нашего корпуса, которые были посланы вперед снова в качестве застрельщиков.

Мы понесли сильные потери. Недоставало около 30 человек, в том числе Кинкеля и Молля, не считая рассеившихся стрелков. Оба названных лица вместе с правым крылом своей роты и несколькими стрелками зашли слишком далеко вперед. Начальник стрелков, старший лесничий Эммерман, из Тронекена, в Рейнской Пруссии, отправившийся против пруссаков, как на охоту за зайцами, повел стрелков в такое место, где они открыли огонь против обоза прусской артиллерии, обратив его в поспешное отступление. Но немедленно из оврага вышла рота пруссаков и открыла стрельбу по ним.

Кинкель упал, раненый в голову, и его пришлось носить до тех пор, пока он опять не смог ходить сам; но скоро они все попали в перекрестный огонь, из которого надо было как-нибудь выбраться. Кинкель не мог идти вместе с всеми и отправился на какой-то крестьянский двор, где был взят в плен пруссаками и подвергнут истязаниям; Молль получил рану в живот, был тоже взят в плен и скоро скончался от раны. Цыхлинский был также ранен рикошетною пулею в шею, что, однако, не помешало ему оставаться при корпусе. Пока главная масса войск оставалась стоять, а Виллих поехал верхом к другой части поля сражения, я поспешил к Мургскому мосту в нижней части Ротенфельса, представлявшему нечто вроде места сбора. Я хотел получить известия из Гернсбаха. Но не успел я туда пойти, как увидел дым, поднимающийся от горящего Гернсбаха, а на самом мосту я узнал, что оттуда слышна пушечная стрельба. Позднее я еще несколько раз подходил к этому мосту; каждый раз известия из Гернсбаха становились все хуже; каждый раз все больше собирались за мостом баденские линейные войска, которые, едва побывав в огне, были уже деморализованы. Наконец, я узнал, что неприятель уже в Гаггенау. Теперь была уже пора выступить ему навстречу. Виллих отправился с корпусом через Мург, чтобы занять позицию напротив Ротенфельса, и захватил с собой также четыре орудия, которые попались ему как раз под руки. Я отправился за двумя ротами наших застрельщиков, которые к тому времени продвинулись далеко вперед. Повсюду навстречу мне двигались линейные войска, большею частью без офицеров. Одним из отрядов командовал какой-то врач, который воспользовался этим случаем, чтобы обратиться ко мне со следующими словами: «Вы меня узнаете, я Нейгауз, вождь тюрингенского движения!» Эти добряки повсюду били пруссаков и теперь возвращались назад, так как нигде более не находили врага. Я нигде не нашел наших рот, — они на том же основании ушли через Ротенфельс, — и опять направился к мосту. Здесь встретил я Мерси с его штабом и войсками.

Я попросил его дать мне, по крайней мере, две-три роты для поддержки Виллиха. «Берите хоть всю дивизию, если только вы справитесь с этими людьми», — последовал ответ. Те самые солдаты, которые на всех пунктах отогнали врага, которые только пять часов были на ногах, лежали теперь на лугах, приведенные в беспорядок, деморализованные, ни к чему не пригодные. Известие, что их обошли в Гернсбахе, убило их. Я отправился своей дорогою. Возвращавшаяся из Михельбаха и встреченная мною рота тоже никуда не годилась. Когда я опять нашел корпус на нашей старой главной квартире, туда прибыли из Гагенау пфальцские беглецы Пистоль-Цинн с своею толпою, вооруженные теперь мушкетами. В то время как Виллих искал и нашел для орудий позицию, господствовавшую над долиною Мурга и представлявшую значительные преимущества для одновременной ружейной стрельбы, артиллеристы с пушками прошли мимо, и ротный командир не мог удержать их. Они были уже опять у Мерси на мосту. Одновременно Виллих показал мне записку от Мерси, в которой тот сообщал, что все потеряно, и он будет отступать по направлению к Оосу. Нам не оставалось ничего другого, как сделать то же самое, и мы немедленно направились в горы. Было около семи часов.

У Гернсбаха дело происходило следующим образом. Имперские войска Пейкера, еще накануне замеченные нашими патрулями у Герренальба на Вюртембергской территории, взяли с собою выставленных на границе вюртембергских солдат и 29-го после полудня напали на Гернсбах, предварительно заставив изменническим образом наши передовые посты отступить; они приблизились к ним со словами: «Не стреляйте, мы ваши братья», — а на расстоянии восьмидесяти шагов дали залп. Затем они гранатными выстрелами зажгли Гернсбах, и когда нельзя было уже унять огонь, господин Зигель, командированный туда Мерославским с поручением во что бы то ни стало удержать позицию, сам дал приказ господину Бленкеру с боем отступать со своими войсками. Господин Зигель не будет отрицать этот факт, как не отрицал он его в Берне, когда адъютант господина Бленкера передавал этот любопытный факт в присутствии его, господина Зигеля, и Виллиха. Этим приказом отдать «с боем» (!) ключ ко всей мургской позиции сражение было, разумеется, проиграно по всей линии, и последняя позиция баденской армии была потеряна.

Пруссакки, однако, этим выигранным при Раштате сражением не приобрели себе особой славы. Мы имели 13 000 солдат, большею частью деморализованных и, за немногими исключениями, находив-

шихся под очень плохую команду; их армия вместе с войсками, наступавшими на Гернсбах, насчитывала не меньше 60 000 человек. Несмотря на это колоссальное превосходство сил, они не решились на серьезный лобовой удар, но разбили нас при помощи трусливого предательства, нарушив неприкосновенность нейтральной, закрытой для нас вюртембергской территории. И даже это предательство не принесло бы им особой пользы, по крайней мере на первых порах, не освободило бы их от необходимости решительного лобового удара, если бы Гернсбах не был так непонятно плохо защищаем нашими и если бы господин Зигель не издал упомянутого поучительного приказа. Нет сомнения, что наша позиция, и без того не сильная, была бы на следующий день у нас отнята; но победа стоила бы пруссакам несравнимо больших жертв и сильно повредила бы их военной репутации. И именно потому они предпочли нарушить неприкосновенность Вюртемберга, и Вюртемберг спокойно допустил это нарушение.

Мы отступили, в числе не более 450 человек, через горы по направлению к Оосу. Здесь дорога была покрыта страшно дезорганизованными войсками, повозками, орудиями и т. п. в величайшем беспорядке. Мы прошли мимо и остановились в Зиндсгейме. На следующее утро мы собрали позади Бюля некоторое число беглецов и переночевали в Оберахерне. В этот день имело место последнее сражение; немецко-польский легион вместе с несколькими другими отрядами из дивизии Геккера отбросили правительственные войска при Оосе и отняли у них гаубицу (мекленбургскую), благополучно перевезенную потом в Швейцарию.

Армия была совершенно дезорганизована. Мерославский и остальные поляки сложили с себя командование; полковник Оборский еще 29-го на поле сражения покинул свой пост. Однако эта временная дезорганизация не имела решающего значения. Пфальцские повстанцы находились уже три или четыре раза в состоянии дезорганизации и каждый раз вновь формировались *tant bien que mal*. Возможно медленное отступление с присоединением всех наборов в подлежащих сдаче местностях, быстрая концентрация наборов Оберланда у Фрейбурга и Донауэшингена, — таковы были те два средства, которые следовало еще попробовать. Они скоро восстановили бы опять сносный порядок и дисциплину и сделали бы возможным безнадешный, но почетный бой у Кайверштуля перед Фрейбургом или у Донауэшингена. Но начальники как гражданского, так и военного управления были еще более деморализованы, чем солдаты. Они предоставили армию и все движение на произвол судьбы и отступали все дальше, разбитые, беспомощные, уничтоженные.

Со времени нападения на Гернсбах страх обхода со стороны вюртембергской территории охватил всех и сильно содействовал всеобщей деморализации. Корпус Виллиха с двумя горными гаубицами — остальные предоставленные нам орудия не хотели двигаться дальше Каппеля — отправился через Каппельбергскую долину в горы, чтобы прикрыть вюртембергскую границу. Наш переход через Шварцвальд, во время которого мы нигде не встречали врага, представлял поистине приятную прогулку. Через Аллергейлиген мы пришли 1 июля в Оппенау и через Гундскоф 2-го в Вольфах. Здесь узнали мы 3 июля, что правительство находится в Фрейбурге и что имеется намерение сдать и этот город. Это побудило нас немедленно отправиться туда. Мы хотели заставить господ членов временного правительства и верховное командование, руководимое теперь героем Зигелем, не отдавать Фрейбурга без боя. Было уже поздно, когда мы выступили из Вольфаха, и лишь поздно вечером пришли мы в Вальдкирх. Здесь узнали мы, что Фрейбург уже сдан и что правительство и главная квартира перенесены в Донауэшинген. Одновременно мы получили положительный приказ занять и укрепить Симонсвальдскую долину и устроить нашу главную квартиру в Фуртвангене. Ввиду этого мы должны были пойти обратно в Блейбах.

Господин Зигель выстроил теперь свои войска позади горного хребта Шварцвальда. Оборонительная линия должна была идти от Лерраха через Тодтнау и Фуртванген к вюртембергской границе, по направлению на Шрамберг. Левое крыло составляли Мерси и Бленкер, направлявшиеся по Рейнской долине к Лерраху; далее следовал господин Долль, бывший комми-вояжер, который в качестве генерала армии Геккера был назначен начальником дивизии и стоял вблизи Гелленталя; затем наш корпус в Фуртвангене и Симонсвальдской долине и, наконец, на правом фланге Беккер у Санкт-Георгена и Триберга. Господин Зигель с резервом стоял за горою у Донауэшингена. Боевые силы, значительно ослабленные девертирством и не усиленные новыми наборами, все еще насчитывали 9000 человек с 40 пушками.

Приказы, приходившие один за другим из главной квартиры, из Фрейбурга, Нейштадта на Вутахе и Донауэшингена, были проникнуты самым решительным презрением к смерти. Правда, ожидали, что враг опять нападет на нас с тылу из Вюртемберга через Ротвейль и Виллинген; но решено было бить его и при всяких условиях удерживать гребень Шварцвальда, как говорилось в одном из этих приказов, «не обращая почти никакого внимания на все движения вра-

га»; это означало, что господин Зигель обеспечил себе из Донауэшингена превосходное отступление на швейцарскую территорию, которое могло быть проделано в 4 часа; потом он мог спокойно ожидать в Шафгаузене, что станет с нами, окруженными в горах. Скоро мы увидим, какой веселый конец имело это презрение к смерти.

4-го мы пришли в Фуртванген с двумя ротами (160 чел.), остальные были предназначены для занятия Симонсвальдской долины и проходов Гютенбаха и Санкт-Мергена. Через последнюю местность мы были связаны с корпусом Долля, через Шенвальд — с Беккером. Все проходы были забаррикадированы. 5-го мы остались в Фуртвангене. 6-го от Беккера пришло известие о наступлении пруссаков на Виллинген и с требованием напасть на них через Ференбах, чтобы поддержать операцию Зигеля. Одновременно он сообщал нам, что его главный корпус стоит достаточно защищенным в Триберге, куда он сам отправится, как только Виллинген будет занят Зигелем.

О наступлении с нашей стороны нечего было и думать. Располагая отрядом менее 450 человек, мы должны были занимать три квадратных мили и, следовательно, не могли отдать ни одного человека. Мы должны были остаться на месте и известили об этом Беккера. Скоро после этого из главной квартиры пришла депеша о том, что Виллих должен немедленно отправиться в Донауэшинген и принять на себя командование всею артиллерией. Мы уже готовились немедленно туда выехать, когда в Фуртванген вступила колонна народного ополчения, сопровождаемая артиллерией и несколькими другими батальонами народного ополчения. Это пришел Беккер со своим корпусом. Его люди, как говорили, подняли мятеж. Я расспросил одного знакомого штабного офицера, «майора» Нерлингера, и узнал следующее. Он, Нерлингер, командовал позицией при Триберге и только что отдал приказ делать укрепление, как вдруг офицерский корпус передал ему подписанное всеми офицерами заявление следующего содержания: люди подняли мятеж, и, если не будет немедленно отдан приказ о роспуске, они уйдут со всеми войсками. Я посмотрел на подписи: это был опять храбрый батальон Дрегера и Обермюллера! Нерлингеру ничего не оставалось делать, как известить об этом Беккера и направиться в Фуртванген. Беккер немедленно выступил, чтобы нагнать их, и, таким образом, он прибыл со всеми своими войсками в Фуртванген, где наши добровольцы встретили этих трусливых офицеров и солдат с величайшими насмешками. Те были пристыжены, и к вечеру Беккер мог снова отвести их обратно на их позиции.

Между тем мы отправились в Донауэшинген, сопровождаемые безансонскою ротою. Пруссаки разъезжали вплоть до самого шоссе;

Виллинген был ими занят. Но мы пробились через город, а к 10 часам вечера подтянулись и безансонцы. В Донауэшингене я нашел д'Эстера и узнал от него, что господин Струве в конституанте в Фрейбурге предложил немедленно переехать в Швейцарию, так как все потеряно, и что герой Бленкер последовал этому совету и сегодня утром уже перешел у Базеля на швейцарскую территорию. Оба сообщения оказались верными. Герой Бленкер отправился 6-го в Базель, хотя он стоял как раз дальше всего от врага. Он использовал время только для того, чтобы предпринять несколько своеобразных реквизиций, которые привели к некоторым неприятным недоразумениям между ним и господином Зигелем, а впоследствии между ним и швейцарскими властями. И герой Струве, тот самый, который еще 29-го называл изменником народа господина Brentano и всякого, желавшего вступить с врагом в переговоры, через три дня, 2 июля, так упал духом, что не постыдился в секретном заседании баденской конституанты внести следующее предложение: для того, чтобы Оберланд, как и Унтерланд, не испытал ужасов войны и не проливалась драгоценная кровь, и так как надо спасать то, что еще можно спасти (1), он предлагает выплатить членам областного собрания и всем участникам революционного движения их содержание или жалованье до 10 июля вместе с соответствующими путевыми расходами и отступить с кассами, запасами, оружием и прочим на швейцарскую территорию! Это замечательное предложение храбрый Струве сделал 2 июля, когда мы стояли в Вольфахе, наверху в Шварцвальде, на расстоянии 10 часов от Фрейбурга и 20 часов от швейцарской границы! Господин Струве настолько наивен, что в своей «Истории» на странице 237 и следующих сам рассказывает этот случай и еще гордится им. Принятие подобного предложения могло бы иметь только одно последствие, а именно: пруссаки начали бы по возможности теснить нас для того, чтобы «спасать то, что еще можно спасти», а именно, чтобы отнять у нас кассы, орудия и запасы, так как после указанного решения такое энергичное преследование было вполне безопасно; далее наши войска массами рассеялись бы и целые части прорывались бы на собственный страх в Швейцарию, как то и действительно происходило. Наша часть очутилась бы при этом в наихудшем положении; до 12-го она находилась на баденской территории. Жалованье было ей выплачено до 17-го.

Господин Зигель, вместо того, чтобы опять занять Виллинген, решил занять сперва позицию у Гюффингена за Донауэшингеном и там ожидать врага. Но еще в тот же вечер решено было выступить в Штюлинген, находящийся непосредственно у швейцарской границы.

Мы спешно послали верхового курьера в Фуртванген, чтобы известить нашу часть и часть Беккера. Обе эти части должны были прибыть тоже в Штюлинген через Нейштадт и Бонндорф. Виллих отправился в Нейштадт навстречу части, я остался с безансонскою ротою. Мы переночевали в Ридберингене и на следующий день, 7 июля, после полудня, прибыли в Штюлинген. 8-го господин Зигель произвел смотр своей наполовину уже разбежавшейся армии, отдал ей приказ в будущем больше не разъезжать, а маршировать (на границе!), и уехал. Нам он оставил полбатарей и приказ на имя Виллиха.

Между тем, из Фуртвангена было послано извещение об общем отступлении, сперва Беккеру, а затем нашим ротам, расположенным впереди. Наша часть собралась сперва в Фуртвангене, а в Нейштадте встретила Виллиха. Беккер, стоявший ближе к Фуртвангену, чем наша выдвинутая вперед часть, тем не менее прибыл туда позже и последовал тем же путем. Он наткнулся на укрепления, задержавшие его движение; впоследствии швейцарские газеты писали, что эти укрепления были сделаны нашим корпусом. Это неверно; наша часть загородила дорогу только по ту сторону Шварцвальдского гребня, а не на пути из Триберга в Фуртванген, которого она даже не занимала. Кроме того, наши добровольцы выступили из Фуртвангена только тогда, когда авангард Беккера вступал туда.

В Донауэшингене было решено, что обломки всей армии соберутся за Вутахом, от Эггингена до Тингена, и там будут ждать приближения врага. Здесь, опираясь флангом на швейцарскую территорию, мы при помощи нашей значительной артиллерии могли еще решиться на последнее сражение. Можно было даже подождать, не нарушат ли пруссаки неприкосновенность швейцарской территории и тем самым не втянут ли Швейцарию в войну. Но каково было наше изумление, когда по прибытии Виллиха мы прочли в приказе храброго Зигеля следующее: «Войска должны идти в Тинген и в Вальдсгут и занять там сильную позицию (!). Постарайтесь удержать позицию (у Штюлингена и Эггингена) возможно дольше». «Сильная позиция» у Тингена и Вальдсгута, имея в тылу Рейн, а с фронта доступные врагу высоты! Это могло означать только одно: мы намерены перейти через Зеккингенский мост в Швейцарию. И тем не менее господин Зигель сказал по поводу предложения Струве: если бы это предложение было принято, он, Зигель, первый поднял бы мятеж.

Мы расположились непосредственно за Вутахом и распределили наши войска между Эггингеном и Вутешингеном, где находилась наша главная квартира. Здесь мы получили следующий, еще более

замечательный документ от Зигеля: «Приказ. Главная квартира в Тингене. 8 июля 1849 г. Полковнику Виллиху в Эггинген. Так как кантон Шафгаузен уже теперь выступает против меня враждебным образом, то я лишен возможности занять позицию, о которой мы говорили. Ты сообразуешь с этим свои движения и направишься к Гриссену, Лаухрингену и Тингену. Я завтра выступаю отсюда, чтобы идти либо в Вальдсгут, либо за р. Альб (т. е. в Зеккинген)... Главногокомандующий Зигель».

Это превосходило все остальное. Вечером Виллих и я отправились в Тинген, где «генерал-квартирмейстер» Шлинке признался нам, что решено идти на Зеккинген, а оттуда через Рейн. Зигель настаивал сперва на своих правах «главнокомандующего», но Виллих счел излишними объяснения по этому поводу и добился от него, в конце концов, приказа повернуть и идти на Гриссен. Предлогом для движения в Зеккинген служило соединение с Доллем, который тоже якобы двигался туда, и наличие там будто бы сильной позиции. Эта позиция, очевидно та самая, откуда Моро в 1800 г. дал сражение, имела только то неудобство, что она была обращена фронтом совсем к другой стороне, чем та, откуда к нам приближался враг; а что касается храброго Долля, то он не замедлил показать, что он способен отправиться в Швейцарию и без помощи господина Зигеля.

Между Цюрихским и Шафгаузенским кантонами лежит маленький клочок баденской территории, с деревнями Иештеттен и Лоттштеттен, который совершенно окружен Швейцарией и имеет только узкий проход у Бальтерсвейля. Здесь должна была быть занята последняя позиция. Высоты за Бальтерсвейлем по обе стороны дороги представляли отличные места для наших орудий, а наша пехота была еще достаточно многочисленна для того, чтобы в случае необходимости прикрывать их, пока они не достигнут швейцарской территории. Было условлено, что здесь мы должны ждать, будут ли пруссаки на нас наступать или захотят взять нас голодом. Основная масса войска, к которой присоединился и Беккер, устроила здесь лагерь. Виллих разыскал позицию для орудий (впоследствии на том месте, где должна была находиться боевая позиция этих войск, мы нашли их парк). Мы сами образовали арьергард и медленно следовали за армией. 9-го вечером мы отправились в Эрцинген, 10-го — в Ридерн. В этот день в лагере происходил общий военный совет. Один только Виллих высказывался за дальнейшую оборону, Зигель же, Беккер и другие — за отступление на швейцарскую территорию. Тут же присутствовал швейцарский комиссар, кажется полковник Курц, заявивший, что, если будет предпринято еще одно

сражение, Швейцария не даст убежища. При голосовании Виллих с двумя-тремя офицерами остался в меньшинстве. Из нашей части никто, кроме него, не присутствовал.

• Когда Виллих находился еще в лагере, состоявшая при нас половина батарей получила приказ выступить и удалилась, нас о том не предупредив. Остальные отряды, кроме нас, тоже получили приказ прибыть в лагерь. Ночью я вторично поехал с Виллихом в главную квартиру в Лотштеттен; когда мы на рассвете возвращались назад, мы встретили на дороге всю армию, которая выступила из лагеря и в величайшей суматохе катилась к границе. В тот же день, 11-го, рано утром господин Зигель со своими людьми перешел на швейцарскую территорию у Рафца, а господин Беккер со своими людьми — у Рейнау. Мы сконцентрировали нашу часть, отправились в лагерь и оттуда в Иештеттен. Здесь около полудня мы получили через офицера-ординарца письмо от Зигеля из Эглисау с извещением, что он находится уже благополучно в Швейцарии, что офицеры сохранили свои сабли и что мы должны возможно скорее прибыть туда же. О нас они вспомнили только тогда, когда были уже на нейтральной почве!

Мы отправились через Лотштеттен к границе, провели ночь еще на немецкой территории, разрядили 12-го утром наши ружья и последними из баденско-пфальцской армии вступили на швейцарскую территорию. В тот же день одновременно с нами Констанц был тоже оставлен тамошней частью. Через неделю Рапштат пал от предательства, и контр-революция в данный момент опять захватила всю Германию вплоть до ее отдаленнейших углов.

* * *

Кампания за имперскую конституцию погибла от своей собственной половинчатости и внутренней слабости. После июньского поражения 1848 г. для цивилизованной части европейского континента вопрос стоит так: либо господство революционного пролетариата, либо господство тех классов, которые господствовали до февраля. Среднее решение уже невозможно. Особенно в Германии буржуазия обнаружила свою неспособность управлять; в борьбе с народом она могла удержать свое господство только благодаря тому, что опять уступила его дворянству и бюрократии. В имперской конституции мелкая буржуазия, в союзе с немецкой идеологией, пыталась провести невозможное соглашение, которое должно было отсрочить решающую борьбу. Эта попытка должна была потерпеть крушение: те, которые принимали всерьез движение, не относились серьезно

к имперской конституции, а те, которые принимали всерьез имперскую конституцию, не относились серьезно к движению.

Но, тем не менее, кампания за имперскую конституцию имела значительные результаты. Прежде всего она упростила положение. Она прервала бесконечный ряд попыток примирения: после ее крушения победить может только либо феодально-бюрократическая монархия, слегка окрашенная в конституционный цвет, либо действительная революция. А революция может теперь закончиться в Германии не иначе, как полным господством пролетариата.

Далее, кампания за имперскую конституцию значительно содействовала развитию классовых противоречий в тех областях Германии, где они еще не были резко развиты. Особенно в Бадене. В Бадене, как мы видели, до восстания не было почти никаких классовых противоречий. Отсюда — признанное господство мелкой буржуазии над всеми оппозиционными классами, отсюда — кажущееся единодушие населения, отсюда — та быстрота, с которою баденские жители, подобно венским, перешли от оппозиции к восстанию, пытаясь при каждой возможности устраивать восстание и не пугаясь даже борьбы в открытом поле с регулярными войсками. Но как только восстание вспыхнуло, классы отчетливо определились, и мелкие буржуа отделились от рабочих и крестьян. В лице своего представителя Brentano они оскандалились на вечные времена. Господство прусской сабли довело их самих до такого отчаяния, что в настоящее время они предпочитают теперешнему гнету любой режим, даже власть рабочих; в ближайшем движении они примут гораздо более деятельное участие, чем во всех предшествовавших; но, к счастью, они никогда уже не смогут играть самостоятельную господствующую роль, как при диктатуре Brentano. Рабочие и крестьяне, которые не менее мелкой буржуазии страдают от теперешнего режима сабли, недаром проделали опыт последнего восстания; они, которые, помимо всего прочего, должны отомстить за своих павших и убитых братьев, позаботятся уже о том, чтобы при ближайшем восстании руководящая роль досталась им, а не мелким буржуа. И хотя никакой повстанческий опыт не может заменить классового развития, которое приобретает только при долголетнем существовании крупной промышленности, но все же Баден благодаря своему последнему восстанию и его результатам вступил в число *тех* германских провинций, которые займут одно из самых важных мест в предстоящей революции.

С политической точки зрения кампания за имперскую конституцию была заранее обречена на неудачу. Также была она обречена

на неудачу с военной точки зрения. Единственный шанс ее успеха лежал вне Германии, а именно в победе республиканцев в Париже 13 июня, — а движение 13 июня потерпело поражение. После этого кампания могла представлять только более или менее кровавый фарс, не более того. Глупость и предательство доканали ее окончательно. За исключением немногих лиц, воссначальники были предатели или неспособные, невежественные и трусливые карьеристы, а те немногие, которые являлись исключением, оставались повсюду без поддержки остальными, как и правительством Брентано. Если при предстоящем восстании кто-либо не сможет указать других своих заслуг, кроме того, что он был генералом у Геккера или офицером в кампаниях за имперскую конституцию, тому по заслугам следует указать немедленно на дверь. Это относится и к начальникам, и к солдатам. В баденском народе имеются превосходные военные элементы, но в восстании эти элементы были с самого начала так подорваны и ими так пренебрегали, что отсюда возникло то плачевное положение, которое мы подробно обрисовали. Вся «революция» превратилась в настоящую комедию, и единственным утешением при этом было то, что вшестеро сильнейший противник имел еще вшестеро меньше мужества.

Но благодаря кровожадности контр-революции эта комедия получила трагический конец. Те самые воины, которые во время перехода или на поле сражения неоднократно были охвачены паническим страхом, умерли героями в казематах Рапштата. Ни один из них не молил о пощаде, ни один из них не дрогнул. Немецкий народ не забудет расстрелов и казематов Рапштата; он не забудет ни тех важных господ, от которых исходили эти позорные приказы, ни тех предателей, которые своею трусостью привели к этому: господ Брентано из Карлсруэ и Франкфурта.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПФАЛЬЦЕ И БАДЕНЕ.

Кайзерслаутерн, 2 июня.

Контр-революционные немецкие газеты всячески стараются очернить пфальцскую и баденскую революцию. Они не стыдятся утверждать, что все революционное движение сводится к попытке «сдать французам» Пфальц, Баден и косвенно всю Германию. Таким путем они стремятся воскресить старую контр-революционную франкофобию так называемого доброго старого времени, рассчитывая, что это позволит им оттолкнуть от нас наших северных и восточных немецких братьев. Но почему-то как раз те же грязные листки, упрекающие Пфальц и Баден в том, что они продались Франции, приветствуют русское вторжение в Австрию, прохождение русских войск через Пруссию и даже новый священный союз между Россией, Австрией и Пруссией. Сошлемся в доказательство только на один из этих органов, на «Кельнскую газету».

Итак, если для подавления венгерской свободы русские вступают на немецкую, на прусскую землю, — тут нет государственной измены! Если прусский король заключает союз с кроатами и русскими, чтобы раздавить под копытами казацких лошадей последние остатки немецкой свободы, — тут нет государственной измены! Если мы все, если вся Германия от Немана до Альп предаются и продаются трусливыми деспотами русскому царю, — тут нет государственной измены! Но вот если Пфальц пользуется симпатиями французского и в особенности эльзасского народа и если он не отворачивается с глупым самодовольством от выражения этого сочувствия, если он посылает в Париж людей для ознакомления с настроением Франции, с предстоящими переменами в политике французской республики, — это, конечно, прямая государственная измена, это — предательство Германии в руки Франции, в руки «наследственного врага», «врага родной земли!» Так рассуждают контр-революционные газеты.

Да, милостивые государи «божьей милостью», Пфальц и Баден действовали именно так, и они нисколько не стыдятся своих дей-

ствий. Да, если это — государственная измена, то все население Пфальца и Бадена состоит из трех с половиной миллионов государственных изменников. Не для того совершил революцию народ Пфальца и Бадена, чтобы в предстоящей великой борьбе между свободным Западом и деспотическим Востоком стать на сторону деспотов. Пфальцкий и баденский народ совершил революцию, потому что он не хочет участвовать в гнусном попрании свободы, которым так позорно запятнали себя за последние месяцы Австрия, Пруссия и Бавария, — потому что он не дал превратить и себя в орудие порабощения своих братьев. Пфальцская и баденская армия безоговорочно примкнула к движению; она отказалась от своей присяги вероломным князьям и перешла, как один человек, на сторону народа. Ни граждане, ни солдаты не желают сражаться против свободы в рядах кроатов и казаков. Если деспотам из Ольмюца, Берлина и Мюнхена еще удастся найти солдат, павших так низко, что они готовы сражаться под одними знаменами с башкирами, кроатами и тому подобным сбродом, — тем хуже. Как нам это ни грустно, мы будем смотреть на этих наемников не как на наших немецких братьев, а как на казаков и башкир, и мы меньше всего будем думать о том, не возглавляет ли их какой-нибудь предатель из бывших военных министров.

Но вообще смешно говорить о «государственной измене» и прочих демагогических выдумках в настоящий момент, когда европейская война, война народов, стучится в ворота. Через несколько недель, может быть уже через несколько дней, армии республиканского Запада и порабощенного Востока столкнутся друг с другом на немецкой земле в великом решающем бою. Германию — вот до чего довели ее князья и буржуазия! — Германию даже не спросят, согласна ли она на это. Германия не будет активной участницей войны, война обрушится на нее помимо ее воли, без возможности сопротивления с ее стороны. Таково, благодаря мартовским правителям, мартовским палачам и, не в последнюю очередь, мартовскому Национальному собранию, почетное положение Германии накануне предстоящей европейской войны. О немецких интересах, о немецкой свободе, немецком единстве, немецком благосостоянии не может быть и речи, когда дело идет о свободе или угнетении, о счастье или несчастье всей Европы. Здесь кончаются все национальные вопросы, здесь существует только один вопрос! Хотите ли вы быть свободными или вы хотите быть русскими? А контрреволюционные газеты еще толкуют о какой-то «государственной измене», как будто в Германии, которая скоро будет превращена

в пассивную арену двух борющихся армий, еще осталось что предавать! Бесспорно, в прошлом году дело обстояло иначе. В прошлом году немцы могли начать борьбу против русского гнета, они могли освободить поляков и перенести таким образом войну на русскую территорию, воевать за счет России. Но теперь, благодаря нашим князьям, война будет вестись на нашей земле и за наш счет, теперь дело обстоит так, что европейская освободительная война явится для Германии гражданской войной, в которой немцы будут драться с немцами, — вот чем мы обязаны предательству наших князей и дряблости наших народных представителей, и если что можно назвать государственной изменой, так именно это! Короче — в великой освободительной войне, распространяющейся по всей Европе, Пфальц и Баден будут на стороне свободы против рабства, на стороне революции против контр-революции, на стороне народа против князей, на стороне революционной Франции, Венгрии и Германии против абсолютистской России, Австрии, Пруссии и Баварии. И если господам крикунам угодно называть это государственной изменой, то во всем Пфальце и во всем Бадене ни один петух не отзовется на их вопли.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРОЦЕСС ГОТШАЛЬКА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ.

I.

Кельн, 21 декабря.

Сегодня утром началось слушание дела *Готшалька, Аннеке и Эссера* в чрезвычайной сессии здешнего суда присяжных.

Обвиняемые были доставлены *в кандалах*, в качестве простых уголовных преступников, из нового дома заключения в здание суда.

Нашим читателям известно, что в суде присяжных, как он организован сейчас, мы менее всего усматриваем какую-либо гарантию правосудия. Цenz предоставляет определенному классу привилегию выставлять из своей среды присяжных заседателей. Способ составления списков присяжных предоставляет правительству монопольное право отбирать из привилегированного класса годных ему лиц. В самом деле, господин президент окружного управления выделяет определенное число лиц из списков присяжных своего округа; судебные представители правительства сокращают этот новый список, если нам не изменяет память, до 36 человек. Наконец, перед самым открытием сессии суда присяжных судебное ведомство очищает в третий раз последний список, этот продукт классовой привилегии и двойной правительственной перегонки, и сводит его к требуемой дюжине.

Было бы настоящим чудом, если бы при таком составе присяжных обвиняемые, открыто выступившие против привилегированного класса и существующей государственной власти, не оказались прямой добычей своих жесточайших врагов.

Но *совесть* присяжных, — возразят нам, — *совесть* — нужна ли большая гарантия? Ах, mon dieu, совесть зависит от сознания и от всего образа жизни человека.

У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, кто никогда не мыслит. У человека, который призван к обязанностям присяжного одним только цензом, и совесть цензовая.

В том то и дело, что «совесть» привилегированных — привилегированная совесть.

И поэтому хотя суд присяжных, при его нынешней структуре, представляется нам органом для утверждения привилегий некоторых, а отнюдь не для обеспечения прав всех; хотя в частности в настоящем случае ведомство юстиции весьма широко использовало свое право выключить из последнего списка последнюю дюжину неугодных ему имен, — мы все же не сомневаемся ни секунды в *оправдании* обвиняемых. Ручательством служит нам *обвинительный акт*. Читая его, невольно думаешь, что это — выдержанная в ироническом тоне защитительная речь Готшалька и его товарищей.

Резюмируем этот *обвинительный акт*, который можно сравнить только с обвинительным актом против Меллине и его товарищей (антверпенский процесс «Risquons-tout»).

В Кельне существует Рабочий союз. Готшальк был председателем этого союза, Аппеке и Эссер — членами его комитета. Рабочий союз, — читаем мы в обвинительном акте, — «имел свой орган, редактировавшийся Готшальком, «Рабочую газету», и те, кому не приходилось самому бывать на заседаниях союза, могли знакомиться по этой газете с его опасными заискивающими пред пролетариатом *тенденциями*, ведущими к коммунизму и низвержению существующего строя».

Итак, можно было знакомиться с *тенденциями*, а не с *противозаконными действиями*. Доказательство: до ареста Готшалька и др. против «Рабочей газеты» не было возбуждено судебного преследования, а после ареста Готшалька газета была осуждена только один раз — в чудовищном процессе, который был инсценирован здешней прокуратурой по обвинению в оскорблении здешней прокуратуры.

«Сама «Рабочая газета», — читаем мы, однако, в обвинительном акте, — повидимому нисколько не старалась затушевать что-либо в своих отчетах об этом» (т. е. о том, что происходило в Рабочем союзе, на заседаниях его комитета и в его филиальных отделениях).

Значит, если «Рабочую газету» нельзя было привлечь к судебной ответственности за ее «отчеты» о делах Рабочего союза, то Рабочий союз нельзя было привлечь за самые эти дела.

Против «Рабочего союза» говорит только то, что говорит и против «Рабочей газеты», — *неугодная тенденция этого союза*. Неужели в числе мартовских завоеваний имеются и *тенденциозные процессы*, процессы против тенденций, так и оставшихся тенденциями? До сих пор наши *сентябрьские законы* еще не изданы. Гот-

шальк и др. и не были вовсе арестованы и привлечены к суду за противозаконные отчеты «Рабочей газеты» или противозаконные дела Рабочего союза. Обвинительный акт этого не скрывает: не прошлая деятельность Рабочего союза поставила на ноги суд, а — слушайте:

14 — 17 июня с. г. во Франкфурте собрался съезд депутатов от множества образовавшихся в Германии демократических союзов. Готшальк и Аннеке присутствовали на съезде в качестве представителей кельнского Рабочего союза. Съезд, как известно, *открыто* высказался за *демократическую республику*, и *здешние власти ждали у себя отголосков этого движения*, как вдруг на воскресенье 25-го июня снова было назначено общее собрание Рабочего союза в Гюрценихе.

Здешние власти ждали отголосков франкфуртского движения. Но какое же движение происходило во Франкфурте? *Демократический съезд открыто* высказался за *неугодную демократически-республиканскую тенденцию*. Ожидают, стало быть, «отголосков» этой «тенденции»: готовятся к борьбе с этим *эго*.

Как известно, *демократический съезд* во Франкфурте и избранный для выполнения его решений *центральный комитет* в Берлине работали без всяких помех со стороны правительства.

Германские правительства должны были, значит, несмотря на *неугодную им тенденцию*, признать законность франкфуртского съезда и созданной им организации демократической партии.

Но кельнские власти «*ждали отголосков*» франкфуртского движения. Они ждали случая уличить Готшалька и его товарищей в нарушении закона. С этой целью полицейское управление откомандировало «полицейских комиссаров *Луттера* и *Гюннемана*» на общее собрание Рабочего союза 25 июня в Гюрценихе, «предложив им наблюдать за всем, что там будет происходить». На этом же общем собрании случайно присутствовал «переплетчик *Иоганн Мальтезер*», который, как элегически замечает обвинительный акт, «*был бы главным свидетелем, если бы он не состоял на службе у полиции*», т. е., другими словами, если бы он не был *платным полицейским шпионом*. И, наконец, на собрании был, вероятно из чистейших побуждений патриотического фанатизма, «*судебный чиновник Ф. Грооте*», который подробнее всех передает речь Аннеке в общем собрании, ибо «*он записал ее тут же во время заседания*».

Итак, кельнские власти *ожидали*, что 25 июня Готшальком и его товарищами *будет совершено преступление*. Были приняты все полицейские меры, чтобы уличить их в этом предстоящем

преступлении. Но уж когда власти чего-нибудь «ждут», они не любят дожидаться напрасно.

«На основании докладов» полицейских комиссаров, командированных для разоблачения ожидаемого преступления, и на основании сведений от других пособников «власти возбудили 2 июля судебное преследование против Готшалка и Аннеке за произнесенные ими на открытом собрании (читай: *ожидавшиеся*) бунтовщические речи; 3 июля они были задержаны, с наложением ареста на их бумаги.

5 июля, после допроса ряда свидетелей и поступления новых сведений, следствие было распространено на всю предшествующую деятельность руководителей Рабочего союза, в связи с чем привлечены к ответственности и некоторые его члены, напр. бондарь Эссер и др. Результаты, выясненные следствием, относятся частью к их речам в Рабочем союзе, частью к их бумагам и к распространявшимся ими печатным материалам.

Результат, действительно выясненный следствием, заключается в том, — и мы завтра докажем это на основании самого обвинительного акта, — что ожидавшееся на 25 июня движение свелось к движению властей (к этому отклику франкфуртского движения); что Готшалк и его товарищи должны были поплатиться шестимесячным строгим предварительным заключением за несбывшиеся 25 июня ожидания властей. Нет ничего опасней, как обмануть надежды властей на получение медали за спасение отечества. Никому не весело обмануться в своих надеждах, а представителям государственной власти — тем паче.

Если весь способ, каким было *инсценировано* преступление 25 июня, доказывает, что власти были единственными творцами этой уголовной драмы, то знакомство с ходом следствия позволяет нам оценить по достоинству ту хитроумную изворотливость, с какой это дело было растянуто на 6 месяцев.

Мы цитируем дословно из книги «Тенденциозный политический процесс против Готшалка и его товарищей», под редакцией М. Ф. Аннеке. Издание «Новой кельнской газеты».

Через пять-шесть недель после начала предварительного следствия судебный следователь Лейтгауз, сменивший назначенного на пост директора полиции г-на Гейгера, объявил следствие законченным. Однако прокурор Геккер, ознакомившись с делом, выставил новые требования, к которым присоединился и следователь. По истечении *двух* недель предварительное следствие было закончено вторично. Тогда г-н Геккер, еще раз на досуге изучивший дело,

поставил ряд дальнейших требований. Судебный следователь отказался удовлетворить их, равно как и совещательная камера. Г-н Геккер апеллировал в сенат, и эта инстанция постановила одни из его требований удовлетворить, а в других отказать. К числу последних относилось, например, требование *призвать к следствию*, на основании найденного в кармане Аннеке *списка лиц из разных частей Германии*, всех этих лиц, числом до 30 или 40 человек.

Когда дальше уже никак нельзя было затягивать следствие, совещательная камера постановила 28 сентября передать дело в сенат. Последний 10 октября утвердил обвинение, и 28 октября главный прокурор подписал обвинительный акт.

Очередная квартальная сессия суда присяжных, начавшаяся 9 октября, была таким образом благополучно потеряна для этого процесса.

После 27 ноября была назначена чрезвычайная сессия. *И эту сессию постарались пропустить*: документы предварительного следствия были посланы в министерство юстиции с ходатайством о передаче процесса в другой суд присяжных. Однако министерство юстиции не нашло достаточных к тому оснований, и в конце ноября обвиняемые *Готшальк, Аннеке и Эссер* были, наконец, вызваны на 21 декабря на чрезвычайную сессию здешнего суда присяжных.

Во время этого длинного пролога *первый судебный следователь Гейгер был назначен на пост директора полиции*, а прокурор Геккер — на пост обер-прокурора. Так как по этой своей новой должности *г-н Геккер был незадолго до начала чрезвычайной сессии переведен из Кельна в Эльберфельд*, то он не предстанет перед судом одновременно с обвиняемыми.

II.

Кельн, 22 декабря.

В какой день состоялось общее собрание, созванное в Гюрценихе для разоблачения «ожидавшегося» преступления? Оно состоялось 25 июня. 25-е июня было днем окончательного поражения *июньских инсурентов* в Париже. В какой день было возбуждено дело против Готшалька и его товарищей? 2 июля, т. е. в тот момент, когда прусская буржуазия и бывшее с ней тогда в союзе правительство в метительном упоении считали, что настал час для их расправы со своими политическими противниками. 3 июля Готшальк и его товарищи были арестованы. 4 июля *нынешнее контр-революционное министерство* вступило в министерство *Ганземана* в лице *Ладенберга*. В тот же день правая берлинского согласительного собрания решилась на государственный переворот: принятое большинством решение относительно *Польши* она просто отменила в том же заседании, воспользовавшись исчезновением части левых.

Эти данные красноречивы. Мы могли бы подтвердить свидетельскими показаниями, что «некое» лицо 3 июля заявило: «Арест Готшалька и его товарищей произвел на публику благоприятное впечатление». Но достаточно просмотреть соответствующие номера «Кельнской», «Немецкой» и «Карлсруэской» газет, чтобы убедиться, что в названные дни в Германии и, между прочим, в Кельне тысячекратно отозвалось не столько «эхо» мнимого «*франкфуртского движения*», сколько «эхо» «*кавеньякского движения*».

Наши читатели помнят: 25 июня кельнские власти «ожидали» отголосков «франкфуртского движения» в связи с общим собранием Рабочего союза в Гюрценихе. Они помнят далее, что судебное преследование против Готшалька и его товарищей было возбуждено не на основании какого-либо действительного преступления Готшалька и др., совершенного до 25 июня, а исключительно лишь в силу *ожидания* властей, что 25 июня *будет*, наконец, совершено какое-нибудь осязаемое преступление.

Надежды на 25 июня не сбылись, и 25-е июня 1848 г. внезапно превращается в 1848 год. Обвиняемым инкриминируется *движение*

1848 г. Готшалк, Аннеке, Эссер обвиняются в том, что «в течение 1848 г. (обратите внимание на растяжимость этого выражения) они составили заговор с целью изменения и низвержения существующего правительства и возбуждения гражданской войны посредством подстрекательства граждан к вооружению друг против друга или же (внимание!), или же подстрекали население к покушениям и к названным целям посредством речей на открытых собраниях, посредством печатных произведений и расклейки плакатов». Итак: составили заговор «или же» никакого заговора не «составили». Но во всяком случае подстрекали «к покушениям и к названным целям», т. е. к покушениям и тому подобному! Как великолепен этот юридический стиль!

Так гласит постановление обвинительного сената о возбуждении дела.

В заключительном абзаце самого обвинительного акта заговор опущен, и Готшалк, Аннеке и Эссер обвиняются «таким образом» в том, что

«в течение 1848 г. они своими речами на открытых собраниях и печатными произведениями прямо подстрекали своих сограждан к насильственному изменению государственного строя, к вооруженному восстанию против королевской власти и к вооружению одной части граждан против другой, причем, однако, эти подстрекательства не увенчались успехом. Преступление предусмотрено ст. 102 в соединении со ст. 87 и 91 уголовного кодекса».

Так почему же власти не выступили в течение 1848 г. до второго июля?

Впрочем, прежде чем говорить о «насильственном изменении государственного строя», эти милостивые государи должны были бы сначала доказать, что какой-нибудь государственный строй действительно существовал. Корона доказала противное, разогнав к чорту согласительное собрание. Если бы согласители были сильней короны, они, может быть, доказали бы то же самое обратным путем.

Что касается подстрекательства «к вооруженному восстанию против королевской власти и к вооружению одной части граждан против другой», то это обвинительный акт доказывает:

- 1) речами обвиняемых в течение 1848 г.,
- 2) ненапечатанными
- 3) и напечатанными письменными документами.

1) Речи дают обвинительному акту следующий материал для обвинения:

В заседании от 29 мая Эссер заявил, что он считает *«республику»* *«средством избавления рабочих от бедствий»*. Подстрекательство к вооруженному восстанию против королевской власти! Готшалк сказал, что *«реакционеры добьются учреждения республики»*. Некоторые рабочие жаловались, что им нечем *«поддерживать свое существование»*. Готшалк ответил им на это, что *«они должны научиться объединяться, отличать своих замаскированных друзей от своих врагов, самостоятельно вести свои собственные дела»*.

Явное подстрекательство к вооруженному восстанию против королевской власти и к вооружению одной части граждан против другой!

Обвинительный акт резюмирует свои доказательства в следующих словах.

«Свидетели, допрошенные относительно этих прежних собраний, члены и не-члены, вообще высказываются о Готшалке и Аннеке, особенно о первом, не иначе, как с похвалой. По их словам, он всегда предостерегал от эксцессов, стремился успокаивать, а не возбуждать массы. Правда, при этом он указывал на республику, как на последнюю цель своих стремлений, подчеркивая, однако, что она может быть достигнута не уличным мятежом, а лишь привлечением большинства народа на сторону того взгляда, что вне республики нет спасения. Стремясь таким образом, как это ясно видно, постепенно подорвать основы существующего строя, он, конечно, не раз бывал вынужден обуздывать нетерпение грубой толпы».

Именно тем, что обвиняемые успокаивали массы вместо того, чтобы возбуждать их, они ясно доказали свое зловерное намерение постепенно подорвать основы существующего строя, т. е. законно использовать в неугодном для властей направлении свободу печати и право ассоциаций. И это обвинительный акт называет *«подстрекательством к вооруженному восстанию против королевской власти и к вооружению одной части граждан против другой»!!!*

Но вот, наконец, произошло *«ожидавшееся»* властями общее собрание 25 июня. По поводу этого собрания, — говорит обвинительный акт, — *«имеются подробные сведения»*. И что же дают эти подробные сведения? Что Готшалк сделал доклад о франкфуртских событиях, что обсуждался вопрос об объединении трех демократических союзов в Кельне, что Готшалк произнес *«заключительную речь»*, которая привлекла к себе особенное внимание Мальтезера и судебного чиновника фон-Грооте и заканчивалась следующей *«пуантой»*: *«для выдержки требуется больше мужества, чем для бессудного натиска. Нужно подождать, чтобы реакция сделала шаг,*

который заставит провозгласить республику». *Явное подстрекательство к вооруженному восстанию против королевской власти и к вооружению одной части граждан против другой!!*

Что касается Аннеке, то против него в обвинительном акте «ничего другого» не содержится, кроме указания, что во время прений об объединении трех союзов (трех демократических союзов в Кельне) он очень страстно высказался за это объединение, причем обращался к собранию со словами *«граждане республиканцы!»*.

Речь за «объединение» трех демократических союзов в Кельне есть явное *«подстрекательство к вооружению одной части граждан против другой!»*

А обращение «граждане республиканцы!» Господ *Мальтезера* и *фон-Грооте* такое обращение могло, конечно, обидеть. Но разве генерал *фон-Дригальский* не обращается к самому себе и к дюссельдорфской буржуазии со словами «граждане коммунисты»?

Если такова вся пожива от «ожидавшегося» на 25 июня общего собрания, то неудивительно, что властям пришлось прибегнуть к *«в течение 1848 г.»* Так они и сделали, стараясь собрать сведения о движении этого года путем конфискации писем и печатных материалов, конфискуя, например, три номера «Рабочей газеты», которые можно было купить по 4 пфеннига за штуку на любой улице.

Из конфискованных ими писем власти убедились, однако, какой *«политический фанатизм»* царит в Германии в 1848 г. Особенно «фанатичным» представляется им письмо профессора *Карла Генкеля* из Марбурга к Готшальку. В наказание они доносят об этом письме кургессенскому правительству и с удовлетворением узнают, что против профессора возбуждается судебное следствие.

Окончательно же из писем и печатных материалов выясняется, что в 1848 г. в головах и на бумаге развелось много всяческого фанатизма и вообще происходили события, похожие, как две капли воды, на *«вооруженное восстание против королевской власти и на вооружение одной части населения против другой»*.

Но если Готшальк и его товарищи занимались всеми этими делами, то власти узнают лишь об «отголосках» этого изумительного движения благодаря конфискации печатных произведений и писем обвиняемых!!

ПРУССКИЙ МИЛЛИАРД.

Кельн, 16 марта 1849 г.

Рыцарь Шнаппганский умер, но у нас еще имеется множество жуликов (Schnapphähne). Померанские и бранденбургские юнкера соединились с другими прусскими юнкерами. Они, подобно добропорядочным буржуа, нарядились в парадные сюртуки и именуют себя «Союзом защиты собственности во всех классах народа», — конечно, *феодальной* собственности. Мы уже несколько раз упоминали об этом так называемом юнкерском парламенте. Но тогда дело шло лишь о мелочах по сравнению с тем, что теперь собираются предпринять для защиты собственности ее поклонники — юнкера. А именно: они намереваются просто-напросто обобрать *Рейнскую провинцию почти на 20 миллионов талеров и упрятать эти денезки себе в карман*. План недурен. Обитатели Рейнской провинции могут считать весьма почетным для себя то, что юнкера фон-Тадден-Триглафф из Западной Померании, фон-Арним и фон-Мантейфель с несколькими тысячами захолустных дворян и навозников хотят удостоить их чести заплатить свои долги рейнскими деньгами. Господа дворяне уверены в том, что, действуя хитро, а главное — нахально, они достигнут этой цели.

Они придумали следующую махинацию. В восточных провинциях имения юнкеров либо вовсе не были обложены поземельным налогом, либо обложены были ничтожными налогами. Правда, еще закон 27 октября 1810 г. установил для них, как и для всех землевладельцев, поземельный налог. Однако они сумели уклониться от выполнения этого закона. После мартовских событий народ требовал, чтобы установлено было, наконец, равномерное распределение земельных налогов, и правительство вынуждено было поэтому выработать соответствующий законопроект. Что же сделали тогда юнкера? Они выбрали в палату такое множество своих сторонников, что считают, что обладают верным большинством. Пусть теперь правительство выступит с предложением нового закона. Они его не отвергнут, но воспользуются этим случаем, чтобы наполнить свои карманы.

Уже несколько месяцев тому назад бывший министр, президент Борнеман, опубликовал брошюру, в которой он пытался внушить мысль, что тех землевладельцев, которые до сих пор были обременены чрезмерными налогами, следовало бы освободить от них в том случае, *если бы они, вместо ежегодных платежей, сразу внесли в государственное казначейство капитал, в 20 раз или в 22 раза превышающий причитающуюся с них ежегодно сумму.* Это было предварительное нащупывание почвы. Охранители собственности еще не раскрывали своих подлинных намерений. Лишь несколько дней тому назад вышла вторая брошюра известного фон-Бюлов-Кумерова в Западной Померании. Хотя он не умеет грамотно писать по-немецки, он все же является душой всего союза, оракулом всех высокопоставленных и высочайших особ, поддерживающих этот союз. Брошюра раздается депутатам. Содержание этой брошюры таково, что ее следует признать не произведением, написанным частным лицом, а законопроектом, предлагаемым юнкерским парламентом на рассмотрение правительства и палат. Чего же требует эта брошюра? Юнкера хотят «принести жертвы, чтобы рассеять господствующее ныне недовольство». Так они говорят. Кто мог бы ожидать от них такого великодушия? Но к чему, однако, сводятся их жертвы? Они предлагают, чтобы доход, приносимый всеми имениями, исчислялся на основании приблизительной оценки и чтобы затем *поземельный налог взимался во всем государстве в размере определенного одинакового процента с дохода каждого имения.* Но это великодушие не особенно велико, ибо они теперь хотят сделать только то, что они должны были сделать уже 38 лет тому назад. И они требуют, чтобы юнкера и собственники рыцарских имений, которые до сих пор противозаконно уклонялись от уплаты податей,—хотя бы теперь уплатили налоги? — Отнюдь нет! Чтобы за то, что они благоволят начать выплачивать налоги, они получили компенсацию в виде соответствующего капитала.

Так, например, если собственнику имения, который до сих пор совсем не платил налогов, по новому закону придется выплачивать 400 талеров, то ему должна быть дана за это в виде компенсации сумма, в 25 раз превышающая эту ставку, т. е. 10 000 талеров. Это значит, что нужно снабдить юнкеров капиталом, который они при нынешних обстоятельствах могут пустить в оборот из 5%. А сами они за этот капитал будут платить 4%. Какое похвальное великодушие!

Наоборот, те, с которых до сих пор несправедливо взимались чрезмерные налоги, не должны получить обратно те суммы, которые

они переплачивали, а им будет предоставлен выбор одного из следующих способов *выкупа* добавочной суммы:

1) «путем уплаты в пределах трехлетнего срока наличными деньгами суммы, в 18 раз превышающей годовичную ставку налога; по истечении же этого срока уплачиваемая сумма должна превышать годовичную ставку в 20 раз»;

2) «путем уплаты рентными свидетельствами, которые они теперь получают от помещиков в силу закона о выкупе и которые должны приниматься при выкупе поземельного налога по расчету, при котором годовичная ставка помножается на 20»;

3) «путем уплаты государственными долговыми обязательствами по номинальной стоимости».

В настоящее время выше других обложены земли крестьян в восточных провинциях, а также все земли в Рейнской провинции. *Таким образом крестьяне в восточных провинциях и жители Рейнской провинции должны будут отныне выплачивать еще и капитал.* Совсем никаких поземельных налогов не платят до сих пор или платят ничтожный налог владельцы рыцарских имений в восточных провинциях, а именно в Бранденбурге, в части Саксонии, расположенной к востоку от Эльбы, в Померании и в Познани, а также в Пруссии и Силезии. *Эти землевладельцы получают, следовательно, те деньги, которые должны будут выплачивать жители Рейнской провинции и крестьяне.* Как это приблизительно выразится по отношению к Рейнской провинции — об этом некоторое представление дает следующая таблица:

Рейнская провинция платит с	487,14	кв. миль	2 263 994	талера	повем. налогов.
Вестфалия	»	»	367,96	»	»
Саксония	»	»	460,63	»	»
Силезия	»	»	741,74	»	»
Бранденбург	»	»	730,94	»	»
Померания	»	»	574,96	»	»
Познань	»	»	536,51	»	»
Пруссия	»	»	1 178,03	»	»

Итак, *Рейнская провинция* платит с каждой кв. мили 4 443 талера, *Вестфалия* — 3 512 талеров, *Саксония* (в которой, по вычислениям Леопольда Круга, взимаемые с крестьянских земель поземельные налоги составляли до 76% чистого дохода) — 3 700 талеров, *Силезия* — 3 068 талеров, *Бранденбург* — 1 261 талер (один Берлин выплачивает 132 387 талеров), *Померания* — 857 талеров, *Познань* — 925 талеров, *Пруссия* — 808 талеров.

Таким образом Рейнская провинция платит в среднем с каждой квадратной мили приблизительно в пять раз больше поземельных налогов, чем Пруссия, Познань и Померания, и в четыре раза больше, чем Бранденбург.

Пусть земля в Рейнской провинции более доходна, чем в остальных провинциях. Однако разница в обложении поземельным налогом совершенно не соответствует разнице доходности. Ведь при вышеприведенном подсчете в общее число включены и плохие и худшие земли в горах Эйфель и Гундсрук, а также вся непригодная для обработки земля, которая одна занимает 1784 440 моргенов или 30 кв. миль. В Бранденбурге, в Померании, в Познани и в Пруссии нет гор, и поэтому там меньше непригодной для обработки земли. А в Восточной Пруссии из общей поверхности доходной земли исключены озера, которые, благодаря обилию рыбы, приносят почти такой же доход, как пахотная земля. Даже, при более низкой расценке, Рейнская провинция платит в настоящее время приблизительно на миллион талеров больше той суммы поземельных налогов, которая пришлась бы на ее долю при равномерной разверстке. Таким образом, согласно законопроекту юнкерского парламента, жители Рейнской провинции должны были бы в наказание за это выплатить еще от 18 до 22 миллионов талеров, которые ушли бы в карман юнкеров восточных провинций! Государство играло бы при этом лишь роль банкира. Таковы те великодушные жертвы, которые склонны принести господ захолустные юнкера и навозники, такова та защита, которую они намереваются принести собственности. Так охраняет собственность всякий карманный вор.

Когда неаполитанский король собирается снова натравить на народ стаю своих швейцарских собак и своих прочих бандитов, его друзья, «преданные королю лаццарони», заранее запасаются наскоро сшитыми их женами мешками и разгуливают по улицам. Жадно высматривают они, где можно побольше пожить. А когда дело доходит до схватки и побеждают «законная власть», «верная армия», «храбрые войска», «королевская благонамеренная партия», тогда сброд из лаццарони набрасывается на дома важиточных людей, совершает множество грабежей и краж, налагает контрибуции, и все это продолжается до тех пор, пока не оказываются набитыми мешки. В Неаполе уверяют, что в опорожнении мешков участвуют и высокопоставленные особы, и иные ценные вещи попадают в замок.

В Германии нет «преданных королю лаццарони». Бедные и беднейшие слои народа всего строже следили во время революции в Вене и в Берлине за тем, чтобы не было ни краж, ни грабежей.

И хотя Виндишгрец и Вельден со своими красными плащами и головорезами распоряжаются в Вене тоже в порядке военного положения, но там нет набитых мешков лаццарони, содержимым которых можно было бы делиться. «Императорским войскам» приходится самим грабить. Когда Врангель входит в Берлин во главе отряда в 30 000 человек при ста пушках, вводит осадное положение, попирает закон и право и таким образом «восстанавливает порядок», когда ватаги солдат обходят провинции, охотясь за демократами, пролетарий взирает на все это с безмолвным негодованием. Будучи слишком горд для того, чтобы воспользоваться этим случаем для ограбления собственников, он ждет, когда представится возможность вновь рискнуть жизнью за свободу и порядок в народном смысле этого слова. Поэтому в Пруссии мешки не набиваются добычей, которую затем можно делиться между собою. И сама знать, столпы трона, рыцари Союза защитников собственности должны самолично протягивать жадные руки к народному достоянию, чтобы урвать у страны 80—100 миллионов талеров. Они делают это не открыто. Они плетут невероятный вздор, чтобы делать вид, будто они имеют на это право. Стремясь к захвату чужого достояния, они плачутся по поводу того, что государство и народ собираются ограбить их. Собираются обобрать народ, а говорят о тех жертвах, которые они готовы принести. Ведь прусский Союз даже обвиняет министерство Ауэрсвальда и министра фон-Патова в том, что они стали применять систему грабежа (о записке Патова и ее мотивах и о постоянном комитете Союза защиты собственности ср. «Новую рейнскую газету» за июнь). А министерство Бранденбурга-Мантейфеля они обвиняют в том, что оно подготавливает красную республику, что оно хочет опустошить целые города и провинции и т. д. И на чем строят юнкера свои обвинения? Они утверждают, что даже Бранденбург-Мантейфель еще слишком мягко обращаются с народом, еще слишком охраняют как политические права народа, так и его достояние от них, юнкеров. Но что в действительности делает министерство? В то время, как демократы в Берлине самым грубым образом вытаскиваются полицией и солдатами, самые наглые выпады юнкерского парламента остаются безнаказанными. С г-ном фон-Бюлов-Кумеровым обращаются изысканно вежливо. Ведь министерство опирается в палатах на депутатов юнкерского парламента и открыто выступает в качестве их союзника.

Жителям Рейнской провинции, в особенности рейнским, а равно и вестфальским и силезским крестьянам, следует заблаговременно подумать о том, откуда они могли бы достать денег для уплаты

юнкерам. В настоящее время не очень легко раздобыть 100 миллионов талеров.

Таким образом, в то время как во Франции крестьяне требуют от дворянства миллиард франков, в Пруссии дворянство требует полмиллиарда франков от крестьян!

Да здравствует, да здравствует, да здравствует берлинская мартовская революция!

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

- Абегг, Бруно - Эргард (1803 — 1848) — прусский государственный деятель, кенигсбергский полицей-президент; в 1848 г. член прусского Национального собрания — VI 304.
- Абрамович — министр полиции в Варшаве в 1848 г. — VI 253.
- Аделаида Орлеанская (1777 — 1848) — сестра короля Луи-Филиппа — VII 321.
- Адельсвард, Рено-Оскар (род. в 1811 г.) — французский офицер, член Учредительного и Законодательного собраний, бонапартист — VI 504.
- Александр Македонский (356 — 323 до нашей эры) — царь Македонии — VII 212.
- Алиари, Л. — сотрудник флорентийской газеты «Альба» (1847 — 1848) — VI 239.
- Алкивиад (ок. 451 — 404 до нашей эры) — знаменитый афинский общественный деятель и полководец — VI 521.
- Альвенслебен, Альбрехт (1794 — 1858) — прусский государственный деятель, министр финансов до 1842 г. — VII 182, 183, 186, 187.
- Аммон, Георг (ум. в 1872 г.) — эльберфельдский, позже дюссельдорфский прокурор, член прусской палаты господ — VI 490; VII 224, 225.
- Аннеке, Магильда-Франциска (1817 — 1884) — немецкая писательница, жена Фридриха Аннеке — VI 276, 277; VII 498.
- Аннеке, Фридрих (1817 — 1866) — член Союза коммунистов, бывший прусский офицер; командующий артиллерией баденской революционной армии, позже полковник в американской гражданской войне — VI 276, 277; VII 243, 444, 446, 470, 495, 496, 497, 498, 501, 502, 503.
- Анхиз — из греческой мифологии; отец Энея — VI 156.
- Аполлон — бог солнца и покровитель искусств у древних греков — VI 138.
- Апфель, Христиан (1785 — 1854) — австрийский генерал — VII 342.
- Араго, Франсуа - Доминик (1786 — 1853) — французский ученый и политический деятель; в 1848 г. член временного правительства и Исполнительной комиссии; участник июньского подавления восстания 1848 г. — VI 509, 510, 511.
- Ариадна — дочь царя Миноса (греч. мифол.) — VI 320.
- Ариосто, Лодовико (1474 — 1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения, автор поэмы «Неистовый Орланд» — VI 393.
- Аристотель (384 — 322 до нашей эры) — знаменитый греческий философ — VI 321.
- Ардт, Эрнст - Мориц (1769 — 1860) — немецкий патриот, политик и поэт, член франкфуртского Национального собрания — VI 364, 405.
- Арним, Генрих - Александр (1798 — 1861) — министр иностранных дел в кабинете Кампгаузена — VI 145, 146, 148, 163; VII 81, 308, 504.
- Артш, Эгидиус - Рудольф - Николай (1812 — 1884) — известный немецко-бельгийский юрист и публицист; в 1848 г. член левого центра прусского Национального собрания — VI 288.
- Аспре д' Константин (1789 — 1850) — австрийский генерал — VII 342.
- Атта Троль — медведь в сатирической поэме Гейне; здесь подразумевается Руге (см.) — VI 130; VII 432.
- Ауэрсвальд, Альфред (1797 — 1870) — министр внутренних дел в кабинете Кампгаузена — VI 117, 118, 140, 179.
- Ауэрсвальд, Ганс-Адольф (1792—1848) — прусский генерал, член крайней правой франкфуртского Национального собрания; убит во время сентябрьского восстания во Франкфурте — VI 483.
- Ауэрсвальд, Рудольф (1795 — 1866) — прусский государственный деятель; в 1848 г. министр-президент и ми-

- нистр иностранных дел — VI 80, 262, 271, 272, 273, 274, 275, 279, 301, 420, 422, 443; VII 20, 62, 66, 308.
- Ауэршперг, Карл (1783 — 1859) — австрийский генерал; в 1848 г. командующий расположенными в Вене войсками — VI 495.
- Афродита — богиня красоты и любви у древних греков — VI 490.
- Ахилл — согласно греческой легенде главный герой войска, осаждавшего Трои — VI 517.
- Ашоф — комендант Берлина; в 1848 г. начальник берлинского гражданского ополчения — VI 143, 144.
- Б.**
- Бавэ, Шарль-Виктор (1801 — 1875) — бельгийский политический деятель, генеральный прокурор кассационной палаты в Брюсселе — VI 355; VII 230.
- Бакунин, Михаил Александрович (1814 — 1876) — русский революционер, эмигрант, один из основоположников революционного анархизма — VI 103; VII 204, 209, 215, 216, 218, 219.
- Баллен — бельгийский демократ, политический деятель, друг генерала Меллине — VI 355, 356.
- Балли, Жан (1736 — 1793) — деятель Великой французской революции; президент Национального собрания и мэр Парижа — VI 8.
- Бальцер, Эдуард (1814 — 1887) — пастор из Нордгаузена; в 1848 г. член левого центра прусского Национального собрания — VI 305.
- Бамбергер, Людвиг (1823 — 1899) — немецкий политический деятель и финансист; в 1848 — 1849 гг. демократ, участник баденско-пфальцкого восстания; впоследствии национал-либеральный депутат рейхстага — VII 446, 474.
- Барбес, Арман (1809 — 1870) — французский революционер, член тайных революционных обществ в эпоху июльской монархии; в 1848 г. депутат Учредительного собрания — VI 225; VII 320.
- Барро, Огилон (1791 — 1873) — французский политик, вождь династической оппозиции при Луи-Филиппе, премьер-министр первого министерства при Наполеоне III — VI 433; VII 101, 102, 105, 106, 107, 172, 173, 174, 316, 317, 336, 351.
- Бартеlemi-Сент-Илер, Жюль (1805 — 1895) — французский философ и политический деятель; в 1848 г. главный секретарь временного правительства. После переворота 2 декабря 1851 г. эмигрировал — VI 514.
- Бассе, Готфрид — издатель в Кведлинбурге — VII 84.
- Бассерман, Фридрих-Даниель (1811 — 1855) — баденский политический деятель; в 1848 г. представитель баденского правительства при франкфуртском Национальном собрании и поверенный имперского правительства при прусском правительстве — VI 83, 116, 131, 297, 459, 483, 484, 485, 490; VII 9, 49, 302, 363.
- Бастид, Жюль (1800 — 1879) — французский политический деятель и публицист, руководитель газеты «National»; в 1848 г. министр иностранных дел временного правительства — VI 216, 412, 479, 480, 516, 518; VII 39, 81.
- Баумштарк, Эдуард (1807 — 1889) — немецкий экономист; в 1848 г. член прусского Национального собрания — VI 304, 305, 306, 307, 308, 309, 353.
- Бауэрбанд, Иоганн - Иосиф (1800 — 1878) — немецкий юрист, член левого центра прусского Национального собрания — VI 288.
- Баяр, Пьер дю-Терайль (1476—1524) — французский воин, «рыцарь без страха и упрека» — VI 403.
- Бедо, Мари-Альфонс (1804 — 1863) — французский генерал и политический деятель; после революции 1848 г. командир войск, расположенных в Париже — VI 218.
- Безелер, Вильгельм-Гартвиг (1806 — 1884) — шлезвиг-гольштинский политик, в 1848 г. президент шлезвиг-гольштинского правительства — VI 422.
- Бейрман, Карл-Мориц (1802 — 1870) — немецкий правовед; в 1848 г. обер-президент Познани — VI 191, 390.
- Бейст, Фридрих (1817 — 1899) — немецкий писатель и педагог, отставной прусский офицер; в 1848 — 1849 гг. участник революционного движения в Кельне и баденско-пфальцкого восстания — VII 468.
- Бек, Август (1785 — 1867) — известный немецкий филолог — VII 37.
- Беккер — кельнский городской поверенный, секретарь собрания депутатов рейнских городских советов в Кельне в мае 1849 г. — VII 409.
- Беккер, Герман (1820 — 1885) — немецкий политический деятель, в молодости член Союза коммунистов, подсудимый в кельнском процессе коммунистов; позднее национал-либерал,

- кельнский обер-бюргермейстер и член прусской палаты господ — VI 455.
- Беккер, Иоганн-Филипп (1809—1886) — немецкий революционер, участник революции 1848 — 1849 гг.; активный деятель I Интернационала, друг Маркса и Энгельса — VII 431, 473, 474, 482, 483, 485, 487.
- Беккер, Макс-Иосиф — из Рейнской провинции, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г. — VII 460.
- Беккер, Феликс — французский поэт и заговорщик, участник польской революции 1830 г. — VI 356.
- Беккерат, Герман (1801 — 1870) — немецкий политик; в 1848 г. член правой франкфуртского Национального собрания и министр финансов имперского правительства — VI 440, 443, 447.
- Бело, Шарль (1795 — 1878) — французский инженер и политический деятель, член Учредительного собрания, сторонник Кавеньяка — VI 507.
- Бем, Иосиф (1795 — 1850) — польский революционер; в 1848 — 1849 гг. участник революции в Вене и генерал венгерской революционной армии; позже генерал турецкой армии — VI 74; VII 289, 291, 349, 420.
- Бенкендорф, Константин Константинович (1817 — 1858) — русский полковник и дипломат; с 1847 г. до середины 50-х годов военный агент в Берлине — VII 97.
- Берг, Филипп (1815 — 1866) — прусский политик; в 1848 г. член левого центра франкфуртского Национального собрания — VI 299, 300, 301, 302, 439.
- Бергиус, Карл-Юлиус (1804 — 1871) — прусский административный деятель, публицист и экономист — VII 180.
- Берендс, Юлиус — один из руководителей берлинского общества ремесленников, берлинский городской гласный, демократ; в 1848 г. член левой прусского Национального собрания — VI 7, 165, 166, 167, 169, 170, 174, 176, 183, 274.
- Бертран, Александр - Аргур - Аври (1811 — 1878) — французский политический деятель, член Учредительного собрания и военного комитета; в 1848 г., в качестве лейтенанта, участвовал в подавлении июньского восстания — VI 504.
- Бес, Микель-Джузеппе (1794 — 1855) — сардинский генерал — VII 341, 342.
- Беттихер, Вильгельм (род. в 1789 г.) — обер-президент — VII 77, 133.
- Бидерман, Карл (1812 — 1901) — немецкий публицист, политический деятель и историк; в 1848 г. член левого центра франкфуртского Национального собрания; позднее национал-либеральный депутат рейхстага — VI 131, 297.
- Биссио, Жак-Александр (1808—1865) — французский публицист и политический деятель, врач-натуралист, член Учредительного и Законодательного собраний, противник провозглашения республики в 1848 г. — VI 507.
- Бирк — председатель окружного суда и заместитель правительственного президента сначала в Трире, а с 1848 г. в Кельне — VI 492.
- Блан, Луи (1811 — 1882) — французский социалист, член временного правительства 1848 г. — VI 16, 248, 521.
- Бланк, Иосиф-Бонавита (1740—1827) — пастор в Шафгаузене, воолог и минералог — VI 368.
- Блани, Луи-Огюст (1805 — 1881) — французский революционер, коммунист — VI 225, 484.
- Блем, Антон (1814 — 1885) — вождь дюссельдорфских демократов, адвокат Лассаля; член левого центра прусского Национального собрания — VI 151, 281; VII 409.
- Бленкер, Людвиг (1812 — 1863) — полковник в баденско-пфальцской революционной армии; позже бригадный генерал в американской гражданской войне — VII 401, 447, 448, 449, 456, 459, 476, 480, 482, 484.
- Блессон, Иоганн-Людвиг (1790—1861) — немецкий военный писатель; в 1848 г. командующий берлинским гражданским ополчением — VI 144.
- Блинд, Карл (1826 — 1907) — немецкий политик и публицист; представитель баденского революционного правительства в Париже; после подавления революции эмигрировал в Англию — VII 426, 433.
- Блюм, Роберт (1807 — 1848) — немецкий демократический политик и публицист, вождь левой во франкфуртском Национальном собрании; участвовал в защите Вены, после ее падения расстрелян Виндишгрецом — VI 79, 118, 129, 390, 391, 393, 399; VII 36, 301, 401, 448, 470, 472.
- Бодельшви́нг, Эрнст (1794 — 1854) — прусский государственный деятель; перед революцией 1848 г. министр внутренних дел — VI 139, 170, 309, 341, 342; VII 17, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 186, 187, 188.

- Бойен, Леопольд - Герман - Людвиг (1771 — 1848) — прусский генерал; перед революцией 1848 г. военный министр — VI 139.
- Бокуа, Георг-Франц, граф (1781 — 1851) — чешский ученый и патриот — VI 243.
- Бональд, Луи-Габриель (1753 — 1840) — французский писатель и философ, реакционер — VI 27.
- Бонапарт — см. Наполеон I — VII 7.
- Бонапарт — см. Наполеон III — VI 334.
- Бонин, Эдуард (1793 — 1865) — прусский генерал — VII 74, 308.
- Бордосский, герцог — см. Шамбор.
- Борнеман, Фридрих-Вильгельм-Людвиг (1798 — 1864) — министр юстиции в кабинете Кампгаузена — VI 267; VII 505.
- Борхардт — кельнский адвокат, демократ; член левой прусского Национального собрания 1848 г. — VI 455.
- Боуринг, Джон (1792 — 1872) — английский государственный деятель, путешественник и писатель — VII 312.
- Бошар, Александр-Кентэн (1809 — 1887) — французский политический деятель, член Учредительного и Законодательного собраний в 1848 — 1850 гг., автор доклада об июньских днях в следственной комиссии — VI 504.
- Брайт, Джон (1811 — 1889) — английский политический деятель, один из вождей либеральной партии, фритредер, противник билля о 10-часовом рабочем дне — VI 222.
- Бранденбург, Фридрих - Вильгельм (1792 — 1850) — прусский генерал, с ноября 1848 г. глава реакционного прусского правительства — VII 5, 7, 9, 10, 11, 12, 17, 18, 19, 24, 25, 26, 27, 37, 40, 41, 43, 50, 53, 71, 73, 78, 113, 118, 141, 149, 150, 175, 177, 191, 259, 379, 409, 508.
- Брауншвейг-Люнебург, Карл-Вильгельм-Фердинанд, герцог (1735 — 1806) — главнокомандующий прусской армии в первой войне союзников против революционной Франции — VI 237; VII 139.
- Брауншвейг, Карл - Фридрих (1804 — 1873) — брауншвейгский герцог; в 1830 г. был свергнут с престола и эмигрировал в Лондон — VII 335.
- Бреа, Жан-Баптист-Фидель (1790 — 1848) — французский генерал, убит во время июньского восстания 1848 г. — VI 218.
- Бремер — учитель из Бергена; в 1848 г. член правого центра прусского Национального собрания — VI 169.
- Брентано, Лоренц (1812 — 1891) — баденский политический деятель; в 1849 г. глава баденского революционного правительства; — VI 104, 130, 402; VII 425, 426, 427, 429, 430, 431, 432, 434, 435, 438, 439, 440, 464, 468, 484, 489, 489.
- Бруннов, Филипп Иванович (1797 — 1875) — русский дипломат, посланник в Лондоне с 1840 до 1854 г. — VII 97.
- Брут, Марк-Юний (85 — 42 до нашей эры) — римский республиканец, глава заговора против Цезаря — VI 294, 483, 490.
- Брюггеман, Карл-Генрих (1810—1887)— немецкий публицист и экономист, либерал, редактор «Кельнской газеты» — VI 220, 222, 223, 224, 225, 226, 259, 459, 492; VII 59, 156, 383.
- Будберг, Андрей (1820 — 1881) — русский дипломат; с 1848 г. до 1852 г. поверенный во Франкфурте, с 1852 г. посланник в Берлине — VII 97.
- Бужар, Альфред (1815 — 1882) — французский публицист и историк, автор двухтомной книги о Марате — VI 8.
- Бунаен, Христиан-Карл (1791—1860) — немецкий политический деятель и писатель, прусский посол в Лондоне — VI 261, 262, 263; VII 17.
- Бурбоны — французская королевская династия (1589 — 1830) — VI 142, 179, 471, 530; VII 158, 278.
- Бюжо, Тома-Робер (1784 — 1849) — маршал Франции, участник войн в Алжире; в 1848 г. депутат Законодательного собрания — VI 224.
- Бюклер, Иоганн (Schinderhannes) (1779—1803) — известный рейнский разбойник — VI 493; VII 84.
- Бюлов-Кумеров, Эрнст (1775—1851) — прусский публицист, консерватор; в 1848 г. основал «Союз для защиты собственности», послуживший началом будущей феодальной партии — VII 180, 505, 508.
- Бюргерс, Генрих (1820 — 1878) — член Союза коммунистов и редакции «Новой рейнской газеты»; позже прогрессист — VI 5.

В.

- Вагнер — действующее лицо из «Фауста» Гете — VI 486.
- Ваксмут, Франц-Рудольф (род. в 1819 г.) — судья из Бранденбурга; в 1848 г. член левого центра прусского Национального собрания — VI 308.
- Вакх — в римской мифологии бог вина и веселья — VII 438.

- Валлах — правительственный президент города Бромберга — VI 390.
- Вальдек, Бенедикт (1802 — 1870) — прусский юрист и политический деятель, демократ, товарищ председателя прусского Национального собрания; позже один из вождей партии прогрессистов — VI 274, 296, 431, 439, 440, 441, 442, 447; VII 115, 116.
- Вартенслебен, Александр, граф (1807 — 1883) — померанский помещик; в 1848 г. член правой франкфуртского Национального собрания — VI 398, 399.
- Вебер, Карл-Мария (1786 — 1826) — композитор, представитель романтизма в немецкой музыке, создатель немецкой народной оперы — VI 525.
- Вейерс — дюссельдорфский рабочий; в 1848 г. вместе с Лассалем арестован за революционную пропаганду — VII 226, 227.
- Вейксель — комиссар юстиции из Магдебурга; в 1848 г. член левого центра прусского Национального собрания — VI 273.
- Вейс — гражданский комиссар из Цвейбрюккена, участник баденско-пфальцского восстания — VII 460.
- Великий курфюрст — см. Фридрих-Вильгельм.
- Веллингтон, Артур-Веллесли (1769 — 1852) — английский полководец и государственный деятель, вождь крайних консерваторов — VII 123, 265, 343.
- Вельден, Франц (1782—1853)—австрийский генерал; после подавления венского восстания 1848 г. комендант Вены; в 1849 г. командующий австрийскими войсками в Венгрии — VI 231, 259; VII 58, 290, 508.
- Велькер, Карл-Теодор (1790—1869) — немецкий юрист и политик, либерал; член франкфуртского Национального собрания — VI 24, 33, 78, 430; VII 32, 33, 34, 35, 36, 301, 363.
- Венедей, Якоб (1805 — 1871) — немецкий радикальный публицист и политический деятель, позднее умеренный либерал; в 1848 г. член левой франкфуртского Национального собрания — VI 137, 224, 541.
- Вернер, Иоганн-Петер — адвокат из Кобленца; в 1848 г. член левого центра франкфуртского Национального собрания — VI 118; VII 409.
- Верньо, Пьер (1753—1793) — деятель Великой французской революции, один из лучших ораторов жирондистов, гильотинирован — VI 175.
- Верхаген, Пьер-Теодор (1800—1862) — бельгийский политический деятель и журналист, член палаты депутатов, либерал; вел энергичную борьбу как против католической партии, так и против социалистов — VI 353.
- Вессенберг, Иоганн (1773 — 1858) — австрийский государственный деятель и дипломат; в июне 1848 г. глава «конституционного» кабинета министров — VII 34, 35, 36.
- Виганд, Отто (1795 — 1870) — немецкий книгопродавец, издатель литературы радикального направления — VI 393.
- Виденман, Христиан (род. в 1802 г.) — адвокат из Дюссельдорфа, в молодости участник студенческого движения; в 1848 г. член левого центра франкфуртского Национального собрания — VI 297.
- Виктор-Эмануил II (до 1849 г. — герцог Савойский) (1820 — 1878) — король сардинский, потом итальянский — VII 341, 342.
- Виктория (1819 — 1901) — английская королева — VII 183.
- Виллани, Карл-Игнац (род. в 1818 г.) — чешский публицист и политический деятель, участник революции 1848 г. — VI 243.
- Виллизен, Вильгельм (1790 — 1879) — прусский генерал; руководил реорганизацией Познани, позже командовал шлезвиг-гольштинской армией в войне против Дании — VI 191, 364, 365, 366, 367, 378.
- Виллих, Август (1810 — 1878)—бывший капитан артиллерии, член Союза коммунистов, командир вольного отряда баденско-пфальцской революционной армии, впоследствии дивизионный генерал в американской гражданской войне — VI 11; VII 421, 436, 446, 447, 448, 452, 453, 454, 455, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 468, 469, 470, 471, 472, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 482, 483, 485, 486, 487.
- Вильгельм I (1797 — 1888) — прусский принц, впоследствии прусский король и император Германии — VI 156, 158, 193, 463; VII 43, 47, 166, 176, 458, 463.
- Вильденбрух, Луи (1805¹— 1874)—пруссский дипломат; посланник в Копенгагене, позже в Константинополе — VI 420, 430; VII 136.
- Виндшгрец, Альфред - Фердинанд (1787 — 1862) — австрийский фельдмаршал, сыгравший большую роль в подавлении революции 1848 г. в Праге и Вене — VI 62, 69, 71, 73, 78,

- 184, 185, 214, 241, 244, 257, 465, 492, 493, 495, 496; VII 34, 36, 58, 92, 138, 150, 215, 218, 272, 279, 281, 283, 287, 288, 289, 301, 315, 377, 380, 508.
- Виндишгрец, Элеонора (1795 — 1848) — жена предыдущего — VI 184.
- Виргилий, Публий-Миرون (70 — 19 до нашей эры) — знаменитый римский поэт — VII 16.
- Виттгенштейн — прусский административный деятель, правительственный президент в Кельне — VI 492; VII 149.
- Вольгемут, Людвиг (1788 — 1851) — австрийский генерал — VII 290.
- Вольф, Вильгельм (1809 — 1864) — член Союза коммунистов, близкий друг Маркса и Энгельса; в 1848 г. участник революционного движения в Бреславле, позднее один из редакторов «Новой рейнской газеты» и член франкфуртского Национального собрания — VI 9, 11, 100, 106.
- Вольферс — сотрудник «Кельнской газеты» — VI 220, 222, 223, 224, 225, 226, 246, 247, 492.
- Врангель, Фридрих - Генрих - Эрнст (1787 — 1877) — прусский генерал-фельдмаршал, реакционер; в 1848 г. командующий прусскими войсками — VI 81, 82, 421, 422, 459, 465; VII 10, 11, 12, 26, 50, 71, 113, 136, 176, 196, 245, 261, 297, 508.
- Вульф, Юлиус — председатель республиканского народного клуба в Дюссельдорфе, участник баденско-пфальцского восстания — VII 238.
- Г.**
- Г. — корреспондент «Кельнской газеты» — VI 272.
- Габсбурги — германо-австрийская династия (1273 — 1918) — VI 9; VII 272, 273, 280.
- Гайнау, Юлиус-Якоб (1786 — 1853) — австрийский фельдмаршал; участвовал в подавлении итальянского освободительного движения; командовал австрийской армией против революционной Венгрии — VI 59.
- Гагерн, Ганс - Кристоф - Эрнст (1766 — 1852) — немецкий публицист и государственный деятель, голландский министр; отец последующих — VI 391.
- Гагерн, Генрих - Вильгельм (1799 — 1880) — немецкий политический деятель, представитель либерально настроенной южно-германской крупной буржуазии; в 1848 г. председатель франкфуртского Национального собрания и имперский министр-президент — VI 130, 131, 292, 402, 430, 432, 464; VII 302, 363.
- Гагерн, Макс (1810 — 1889) — помощник имперского статс-секретаря по иностранным делам — VI 425; VII 82.
- Гай, Людвиг (1809 — 1872) — хорватский писатель, сторонник культурного объединения южных славянских народностей; в 1848 г. содействовал избранию Елачича в баны Хорватии — VII 277.
- Ганзман, Давид (1790 — 1864) — рейнский либеральный политик, вождь немецкой либеральной буржуазии, в 1848 г. — прусский министр — VI 48, 52, 59, 80, 139, 140, 141, 146, 147, 148, 151, 152, 157, 162, 173, 176, 177, 257, 262, 267, 268, 271, 272, 273, 274, 275, 278, 279, 280, 282, 299, 300, 309, 310, 311, 319, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 335, 340, 341, 342, 353, 367, 381, 421, 431, 435, 439, 440, 442, 463, 467; VII 16, 50, 51, 53, 54, 58, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 134, 149, 151, 156, 238, 239, 245, 308, 407, 500.
- Ганов — директор сиротского дома; в 1848 г. член центра прусского Национального собрания — VII 69.
- Гарнье - Пажес, Луи - Антуан (1803 — 1878) — французский политический деятель, в 1848 г. — министр финансов временного правительства — VI 507, 509, 510, 511, 516.
- Гарпрехт, Генрих (1802 — 1859) — президент вюртембергского верховного суда — VI 127, 128, 542, 543.
- Гварацци, Франческо (1805 — 1873) — итальянский писатель и политический деятель — VII 93.
- Гегг, Аманд (1820 — 1897) — член баденского революционного правительства 1849 г., впоследствии играл крупную роль в швейцарском рабочем движении — VII 433, 469.
- Гегель, Георг - Вильгельм - Фридрих (1770 — 1831) — знаменитый немецкий философ — VI 25, 129, 226, 397, 538; VII 278, 389.
- Геден, Адольф — уездный врач из Познани; в 1848 г. член франкфуртского Национального собрания — VI 387, 388, 391, 393, 401, 403.
- Гейгер, Вильгельм-Арнольд — директор кельнской полиции — VI 276, 277, 540; VII 392, 498, 499.
- Гейдт, Август (1801 — 1874) — прусский государственный деятель, консерватор; в 1848 г. министр торговли и общественных работ в министерстве

- Бранденбурга-Мантейфеля — VII 53, 330, 331, 377.
- Гейне, Генрих (1797 — 1856) — знаменитый немецкий поэт — VI 63, 124, 129; VII 86, 150, 386.
- Гейнцен, Карл (1809 — 1880) — немецкий публицист, представитель буржуазного радикализма; участник баденско-пфальцского восстания 1849 г. — VII 434.
- Гейнцман — эльберфельдский государственный прокурор, либеральный политик — VII 415.
- Гейснер — командующий рейнско-гессенским отрядом баденско-пфальцской революционной армии — VII 446.
- Гекзамер, Адольф — публицист, член центрального комитета германских демократов, активный участник революции 1848 — 1849 гг. — VII 297, 298.
- Геккер — государственный прокурор Рейнской провинции — VI 276, 277, 486, 487, 488, 489, 498; VII 14, 239, 243, 498, 499.
- Геккер, Фридрих-Франц-Карл (1811 — 1881) — баденский республиканец, руководитель майского восстания 1848 г. в Бадене; после подавления восстания эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Америку, где и умер — VI 130, 300, 486, 487, 488, 489, 522; VII 14, 82, 88, 401, 415, 448, 481, 482, 489.
- Гекшер, Иоганн-Густав (1797—1865) — гамбургский адвокат; в 1848 г. имперский министр юстиции и иностранных дел, посол имперского правительства в Италии — VI 424, 425; VII 32, 82.
- Гемпден, Джон (1595 — 1643) — английский политический деятель, крупный землевладелец; оказывал сопротивление принудительным займам и налогам правительства, чем приобрел широкую популярность — VI 81; VII, 265.
- Генгстенберг, Эрнст-Вильгельм (1802 — 1869) — немецкий теолог, профессор Берлинского университета, издатель ортодоксальной «Евангелической церковной газеты» — VII 37.
- Геншель, Карл-Генрих (1802—1873) — гессенский юрист и радикальный политик — VII 503.
- Генрих V — см. Шамбор.
- Генрих LXII (1797 — 1853) — князь Рейс - Шлейц - Лобенштейн - Эберсдорфский — VI 294; VII 155.
- Генуэзский герцог — см. Фердинанд.
- Гервег, Георг (1817 — 1875) — немецкий политический лирик; в 1848 г. организовал из живущих в Париже немцев демократический легион, который должен был проникнуть в Германию и поднять там революцию — VI 489.
- Гервинус, Георг-Готфрид (1805—1871) — немецкий историк; принимал деятельное участие в политическом движении 40-х годов; член франкфуртского Национального собрания — VI 34, 121, 224.
- Гергей, Артур (1818 — 1916) — главнокомандующий венгерской революционной армии — VI 76; VII 289, 290, 291, 349, 435.
- Гергенган, Август (1804 — 1874) — нассауский политик и министр, член франкфуртского Национального собрания — VI 118.
- Геркулес — греческий мифологический герой — VII 100.
- Гесслер, Герман — ландфогт швейцарских кантонов Швиц и Ури, который, по народному преданию, был послан императором Альбрехтом в эти кантоны, чтобы подчинить их австрийскому владчеству, и убит Вильгельмом Теллем — VI 502.
- Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — знаменитый немецкий поэт — VI 486; VII 305.
- Гехстер — адвокат из Эльберфельда, член комитета безопасности во время майского восстания 1849 г. в Эльберфельде; после поражения восстания эмигрировал в Париж — VII 385, 415, 426.
- Гед, Христиан (1783—1849) — австрийский генерал — VII 289.
- Гешен — лейпцигский либерал — VI 244.
- Гиво, Франсуа (1787 — 1874) — французский историк и государственный деятель, враг демократического движения; перед революцией 1848 г. премьер-министр — VI 141, 158, 199, 267, 286, 464, 479, 480, 527; VII 81, 230.
- Гильдебранд, Иоганн-Карл (1764 — 1848) — немецкий писатель, автор многочисленных рыцарских и авантурных романов — VII 62.
- Гирке — городской синдик из Штеттина; в 1848 г. министр земледелия в кабинете Ганзмана — VI 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 344, 347; VII 62, 69, 115, 116.
- Гиршфельд (Шрапсельный), Александр-Адольф (1787 — 1858) — прусский генерал; в 1848 г. жестоко подавил восстание в Познани — VI 257, 364.
- Гиршфельд, Карл - Ульрих - Фридрих (1791 — 1859) — прусский генерал; в 1849 г. командир армейского корпуса,

- действовавшего против баденско-пфальцских повстанцев — VII 458.
- Гладис, фон — прусский дворянин — VII 74.
- Гладстон (Робертсон), Джон (1764 — 1851) — ливерпульский коммерсант и политический деятель — VII 122.
- Гневенский архиепископ — см. Пшилуцкий.
- Гогенполлерн — см. Фридрих - Вильгельм IV.
- Гогенцоллерны — прусская королевская династия с 1701 до 1918 г.; с 1871 г. германская имперская династия — VI 9, 157; VII 166, 304, 326, 329, 355, 356, 387, 389, 459.
- Гойм, Карл-Георг-Генрих (1739 — 1807) — прусский министр в Силезии — VII 356, 357.
- Гоббс, Томас (1588 — 1679) — знаменитый английский философ — VII 59.
- Гольберг, Людвиг (1684 — 1754) — датский драматург — VI 428.
- Готшалк, Андрей (1815 — 1849) — врач, член Союза коммунистов; в 1848 г. основатель и председатель кельнского рабочего союза — VI 276; VII 495, 496, 497, 498, 500, 501, 502, 503.
- Гофер — крестьянин из Померании, правый член прусского Национального собрания — VI 172.
- Грейнер — баденский капитан, член баденского революционного правительства во время баденско-пфальцского восстания 1849 г. — VII 450, 451, 452.
- Грефф, Иосиф — советник трирского окружного суда; в 1848 г. член левой прусского Национального собрания — VI 305.
- Гримм, Вильгельм (1786 — 1859) — известный немецкий языковед, брат Якова Гримма — VII 37.
- Гримм, Яков (1785 — 1863) — знаменитый немецкий языковед; в 1848 г. был короткое время членом прусского Национального собрания — VI 353; VII 37.
- Грисгейм, Карл-Густав-Юлиус (1798 — 1854) — прусский генерал; в 1848 г. комиссар военного министерства — VI 179, 180, 181, 182.
- Грольман — прусская дворянская фамилия — VII 77.
- Грооте, Каспар-Иосиф-Генрих — рейнский генеральный адвокат — VII 497, 502, 503.
- Груши, Эммануэль (1766—1847)—французский маршал — VII 342.
- Гуффер, Иоганн-Герман (1784—1855) — мюнстерский издатель и бюргермейстер; в 1848 г. член прусского Национального собрания — VI 274, 275.
- Гюзер, Иоганн-Ганс-Густав-Генрих (1782 — 1857) — прусский генерал; в 1848 г. губернатор Майнца — VI 118, 185, 214; VII 77, 133, 393.
- Гюнербейн, Ф.-В. — портной, баденский коммунист, друг Энгельса, член комитета безопасности во время эльберфельдского восстания в мае 1849 г. — VII 384.
- Гюннеман — кельнский полицейский комиссар — VII 497.

Д.

- Давенант, Чарльз (1656—1714)—английский экономист — VI 468.
- Дален — австрийский генерал — VII 287, 288.
- Дальман, Фридрих-Кристоф (1785 — 1860) — немецкий историк и политический деятель, либерал; член франкфуртского Национального собрания, вождь младогерманцев — VI 33, 297, 305, 306, 307, 495.
- Дамем, Эдуард-Адольф (1807—1848) — французский генерал, начальник Национальной гвардии, командовал легкой гвардией при подавлении июньского восстания 1848 г. — VI 206, 217, 218, 513.
- Дане — юрист из Арнсберга; в 1848 г. член правого центра прусского Национального собрания — VI 346.
- Данжуа, Жан-Франсуа-Полинис (1814— 1860) — французский административный деятель, подавший прошение об отставке после провозглашения республики, член Учредительного и Законодательного собраний — VI 534, 535.
- Дантон, Жорж-Жак (1759 — 1794) — известный деятель Великой французской революции — VI 99, 297; VII 271, 416.
- Делеклюз, Луи-Шарль (1809—1871)—французский революционер, якобинец. В 1848 г. правительственный комиссар в Северном департаменте; в 1871 г. член Парижской коммуны, погиб на баррикадах при падении Коммуны — VI 354.
- Делюльм, Жан-Луи (1740 — 1806) — швейцарский юрист и государствовед, сторонник английского парламентаризма — VI 443.
- Дембинский, Генрих (1791 — 1864) — польский революционер, участник восстания 1830 г., генерал венгерской

- революционной армии — VII 289, 290, 403, 420.
- Демосфен (383 — 322 до нашей эры) — блестящий афинский оратор и политический деятель — VII 247.
- Джонс, Эрнест-Чарльз (1819 — 1869) — английский поэт и один из вождей чартистского движения — VI 233, 234.
- Дибич, Иван Иванович (1785 — 1831) — русский генерал, подавил польскую революцию 1830 г. — VII 213.
- Дидона — мифическая основательница Карфагена — VI 156.
- Диршке — юрист из Силезии; в 1848 г. член левой прусского Национального собрания — VI 173, 343, 344, 346, 347.
- Добльгоф, Антон (1800 — 1872) — австрийский политический деятель; в июне 1848 г. сформировал реакционный кабинет, в котором занял пост министра внутренних дел — VI 70.
- Долль — бывший комми-вояжер, командир дивизии баденско-пфальцской революционной армии — VII 482, 483, 486.
- Домбаль, Шарль-Матье (1777 — 1843) — французский агроном, автор ряда классических работ по агрономии — VI 476.
- Дон-Кихот — герой романа Сервантеса того же названия — VI 28, 78, 394, 416, 474; VII 83, 331, 425.
- Дона, Карл (1784 — 1859) — прусский генерал-фельдмаршал — VII 77.
- Дорнес, Огюст (1799 — 1848) — французский политический деятель и публицист, один из редакторов газеты «National», член Учредительного собрания, участвовал в подавлении июньского восстания, был ранен и умер от ран — VI 218.
- Дрегер, Фердинанд — командир батальона в баденской революционной армии — VII 453, 454, 460, 462, 483.
- Дригальский — прусский генерал-лейтенант; в 1848 г. командир дивизии, расположенной в Дюссельдорфе — VII 26, 27, 28, 29, 30, 31, 74, 503.
- Дункер, Максимилиан (1811 — 1886) — немецкий историк, член правого центра франкфуртского Национального собрания — VI 140, 150, 302, 303, 439.
- Дурандо, Джованни (1804 — 1869) — генерал пьемонтской армии, деятель итальянского освободительного движения — VII 341.
- Ц'Эстер, Карл-Людвиг (1811—1859) — врач в Кельне, член Союза коммунистов; в 1848 г. левый член прусского Национального собрания и один из лидеров демократии — VI 177, 274, 275, 455; VII 297, 298, 436, 440, 442, 451, 469, 474, 484.
- Дювернуа, Густав (1802 — 1890) — вюртембергский государственный деятель; в 1848 г. министр внутренних дел вюртембергского правительства — VI 127, 128, 542, 543.
- Дювивье, Франсиад (1794 — 1848) — французский генерал и военный писатель, участник подавления июньского восстания 1848 г. — VI 208, 217, 218.
- Дюмон, Иосиф (1811 — 1861) — книгоиздатель, собственник типографии в Кельне, издатель «Кельнской газеты» — VI 220, 222, 223, 224, 225, 226, 258, 455, 491, 492; VII 59, 148, 149, 150, 151, 153, 162, 383, 396.
- Дюфор, Арман (1798 — 1881) — французский политический деятель; в 1848 г. член Учредительного собрания и министр внутренних дел — VI 516.
- Дюшатель, Шарль (1803 — 1867) — политический деятель орлеанской монархии, в начале февральской революции занимавший пост министра внутренних дел — VI 140, 141, 152, 267, 268, 309, 439.
- Дюссербг, Франц (1793 — 1872) — прусский государственный деятель, министр финансов и обер-президент Вестфалии — VI 139; VII 182, 183, 186, 187.

Е.

- Евгений Савойский, принц (1663 — 1736) — известный австрийский полководец, здесь подразумевается Бленкер (см.) — VII 448.
- Елачич, Иосиф (1801 — 1859) — бан Хорватии и реакционный австрийский генерал, сыгравший крупную роль в подавлении революции 1848 г. — VI 69, 70, 71, 73, 74, 75, 465, 494, 495, 496, 501; VII 36, 58, 83, 92, 196, 215, 279, 281, 285, 286, 290.
- Елена Павловна (1806 — 1873) — русская великая княгиня, дочь вюртембергского принца Павла, жена великого князя Михаила Павловича — VII 96.

Ж.

- Жером Бонапарт (1784 — 1860) — брат Наполеона I — VII 101.
- Жирарден, Эмиль (1802 — 1881) — французский журналист и политический деятель; беспринципный политик — VI 224, 501.
- Жорж-Занд (1804 — 1876) — известная французская писательница — VI 393.

Жоттран, Люсьен-Леопольд (1804 — 1887) — бельгийский адвокат и писатель, революционный деятель — VI 355.

Жубер — директор городской таможни в Париже — VI 505.

З.

Захариев, Генрих-Альберт (1806—1875) — немецкий государствовед и политический деятель; в 1848 г. член прусского Национального собрания — VI 174, 177, 274, 302.

Зедт — заместитель кельнского государственного прокурора; впоследствии обвинитель в кельнском процессе коммунистов — VII 247, 248.

Зенф, Эмиль — комиссар юстиции из провинции Познань, член франкфуртского Национального собрания — VI 387, 389, 390, 393, 394, 395, 401, 403.

Зенфт фон - Шильзах, Эрнст (1795 — 1882) — прусский государственный деятель, консерватор; с 1845 г. старший тайный финансовый советник — VII 76.

Зете, Христофор - Вильгельм - Генрих (1767 — 1855) — прусский административный деятель, председатель рейнско-прусской кассационной палаты — VII 116.

Зигель, Франц (1824 — 1902) — генерал баденской революционной армии; впоследствии генерал в американской гражданской войне — VI 104; VII 425, 430, 476, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487.

Зольмс-Лих, Людвиг (1805 — 1880) — прусский государственный деятель, маршал рейнского провинциального ландтага и первого соединенного ландтага в 1847 г. — VI 139.

И.

Иов — библейский праведник — VII 49.

Иоганн (1782 — 1859) — эрцгерцог габсбургский; был избран блюстителем Германии — VI 54.

Ионас, Людвиг (1797 — 1859) — немецкий теолог, ученик Шлейермахера; в 1848 г. член прусского Национального собрания — VI 176.

Иордан, Вильгельм (1819 — 1904) — немецкий поэт, член левой франкфуртского Национального собрания — VI 130, 258, 383, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 400, 401, 413.

Иордан, Сильвестр (1782 — 1861) — немецкий юрист и политический дея-

тель, член франкфуртского Национального собрания — VI 24.

Иосиф II (1741 — 1790) — германский император — VI 40, 42.

Ипсиланти, Александр (1792 — 1828) — греческий революционер и государственный деятель — VI 237.

Ирвинг — английская фирма — VII 312.

Итценплитц, Генрих - Фридрих - Август (1799 — 1883) — прусский государственный деятель — VI 148.

К.

Кабэ, Этьен (1788 — 1856) — французский коммунист-утопист — VI 248.

Кавеньяк, Луи-Эжен (1802 — 1857) — французский генерал и политический деятель, подавил с крайней жестокостью июньское восстание 1848 г. — VI 65, 197, 198, 199, 206, 207, 209, 213, 214, 215, 216, 217, 222, 223, 224, 225, 227, 271, 272, 412, 415, 433, 456, 458, 480, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 522; VII 39, 91, 92, 93, 99, 100, 102, 103, 106, 137, 316, 317, 327, 336, 361, 500.

Кази, Жозеф-Грегуар (1787 — 1862) — французский адмирал, в 1848 г. член Учредительного собрания и морской министр — VI 493.

Кальер — член кельнского рабочего союза — VI 277.

Кампгаузен, Людольф (1803—1890) — прусский государственный деятель; вождь либеральной буржуазии; в 1848 г. прусский министр-президент — VI 48, 52, 59, 81, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 149, 151, 152, 153, 156, 157, 162, 163, 170, 171, 174, 178, 179, 180, 191, 192, 193, 194, 267, 269, 271, 274, 279, 280, 282, 286, 292, 299, 366, 424, 425, 430, 439, 441, 442, 444, 463, 534; VII 5, 17, 43, 49, 50, 51, 54, 59, 60, 61, 149, 151, 168, 175, 176, 177, 194, 252, 258, 308, 355, 365, 407.

Канц, Август-Вильгельм (1783 — 1852) — прусский генерал; военный министр в кабинете Кампгаузена — VI 163, 179.

Кант, Иммануил (1724 — 1804) — великий немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии — VI 487.

Капгадор, Лоренц — дюссельдорфский купец; во время революции 1848 — 1849 гг. командир дюссельдорфского гражданского ополчения; после по-

- давления майского восстания 1848 г. в Дюссельдорфе бежал в Америку — VII 223, 225, 226, 227.
- Капет — так, по имени одного из его предков, называли Людовика XVI (см.) во время Великой французской революции — VII 7.
- Капп, Фридрих (1824 — 1884) — адвокат из Вестфалии; в 1848 г. короткое время президент франкфуртского рабочего союза, один из руководителей сентябрьского восстания во Франкфурте; позднее эмигрировал в Америку; возвратившись оттуда, был национал-либеральным депутатом рейхстага — VI 130.
- Карл I (1600 — 1649) — английский король, казнен во время английской революции — VII 8, 252, 265.
- Карл V (1500 — 1558) — император Римской империи и король Испании — VI 224; VII 7.
- Карл X (1757 — 1836) — король Франции, свергнут июльской революцией 1830 г. — VII 8.
- Карл Великий (742 — 814) — король франков с 768 г.; римский император с 799 до 814 г.; основатель римско-германской империи и династии Каролингов — VI 57, 517; VII 207.
- Карл-Альберт (1798 — 1849) — король Сардинии — VI 258, 259; VII 335, 339.
- Карл-Людвиг (1833 — 1896) — эрцгерцог австрийский — VII 36.
- Карл Мартелл (688 — 741) — французский мажордом, фактический правитель французской монархии — VII 276.
- Карлос, дон (1788 — 1855) — испанский инфант, сын короля Карла VI; вокруг Карлоса группировалась партия крайних абсолютистов и клерикалов — VI 237, 255, 404; VII 134, 160.
- Карнап — прусский лейтенант — VII 73.
- Карно, Лазар (1753 — 1823) — французский государственный деятель, военный организатор во время Великой революции и при Наполеоне — VII 271.
- Катлина, Люций-Сергий (ок. 108—62 до нашей эры) — глава демократического заговора против римских землевладельцев — VI 296.
- Катон, Марк-Порций (95 — 46 до нашей эры) — римский народный трибун, глава республиканской партии в борьбе против Цезаря — VI 308; VII 130.
- Кауниц, Венцель-Антон (1711 — 1794) — австрийский государственный деятель — VI 185.
- Келлер, Эдуард, граф (1796—1877) — прусский ландрат — VII 75.
- Кемпф — учитель из провинции Бранденбург; в 1848 г. член левого центра прусского Национального собрания — VI 305.
- Керсози, Иоахим - Рене-Теофиль-Гийяр, де (1798 — 1874) — французский революционер, член центрального комитета Общества прав человека, военный руководитель июньского восстания 1848 г. в Париже — VI 202, 203, 210.
- Керст, Самуэль-Готфрид (1804—1875) — школьный директор из Познани; член левого центра франкфуртского Национального собрания; впоследствии депутат рейхстага, прогрессист — VI 398, 400, 401, 402, 403.
- Килль, Фридрих - Ульрих — адвокат из Кельна, умеренный демократ, член левой прусского Национального собрания 1848 г. — VI 455.
- Кинкель, Готфрид (1815 — 1882) — немецкий поэт, демократ — VII 247, 465, 477, 479.
- Кинэ, Эдгар (1803 — 1875) — французский писатель и политический деятель, член Учредительного и Законодательного собраний; в июньские дни 1848 г. участвовал в подавлении восстания — VI 509.
- Кирхман, Юлиус (1802 — 1884) — немецкий философ и публицист, либеральный политик; в 1848 г. член левого центра прусского Национального собрания — VII 115, 116.
- Кискер (ум. в 1854 г.) — прусский государственный деятель; в 1848 г. министр юстиции в кабинете Пфуля — VII 245.
- Кишке, Фридрих-Юлиус (род. в 1819 г.) — юрист, тайный старший правительственный советник, бюргермейстер Кенигсберга; в 1848 г. цензор — VII 74.
- Клеменс, Фридрих-Якоб (1815—1862) — пемецкий философ и теолог; член левого центра франкфуртского Национального собрания — VI 401.
- Клемент, Альберт — командир батальона баденско-пфальцской революционной армии — VII 465, 468.
- Книрим — командир батальона баденско-пфальцской революционной армии — VII 470, 471, 472.
- Кничанин, Стефан Петрович (1809 — 1855) — сербский генерал — VII 285.
- Кобден, Ричард (1804—1865) — английский политический деятель, идеолог свободной торговли — VI 222, 249, 299; VII 122, 123, 124, 125.
- Кобурги — герцогский род, к которому принадлежали многие царствовавшие в Европе династии — VI 237.

Кокерилль, Джон (1790 — 1840) — английский промышленный деятель, основатель и владелец многочисленных предприятий в различных странах Европы — VI 371.

Коломб, Фридрих-Август (1775—1854) — прусский генерал; с 1843 до 1849 г. командир армейского корпуса в Познани — VI 185, 191, 257, 364, 367.

Компес — кельнский адвокат, либеральный политик — VII 149.

Конде, Луи-Анри-Жозеф, Бурбон, принц (1756 — 1830) — VII 321.

Корвин, Отто фон К. - Вержбицкий (1812 — 1886) — немецкий политик и писатель, демократ; участник баденско-пфальцского восстания 1849 г. — VII 474.

Кордэ, Шарлотта (1768 — 1793) — убийца Марата, сторонница жирондистов — VI 224.

Корн, Адольф — руководитель берлинского «Народного союза», участник нападения на цейхгауз — VI 180.

Король Бомба — см. Фердинанд II.

Коссидьер, Марк (1808 — 1861) — французский социалист; после февральской революции 1848 г. префект парижской полиции — VI 248, 527.

Костюшко, Тадеуш (1746 — 1817) — вождь польского восстания 1794 г. — VII 214.

Косцельский — польский революционер, друг «Новой рейнской газеты» — VI 364.

Коцебу, Август-Фридрих-Фердинанд (1761 — 1819) — немецкий драматург, политический шпион России, убит студентом Зандом — VI 223.

Кошут, Людвиг (1802 — 1894) — известный венгерский революционер, вождь революции 1848—1849 гг. в Венгрии — VII 212, 271, 281, 284, 285, 287, 288, 349, 434, 450, 455, 464.

Краус, Филипп (1792 — 1861) — австрийский государственный деятель — VII 34.

Кренгель — см. Шульце-Кренгель.

Кромвель, Оливер (1599—1658) — вождь республиканцев английской революции XVII века, лорд-протектор Великобритании — VI 171, 297, 432; VII 7.

Круг, Леопольд (1770 — 1843) — известный прусский статистик — VII 506.

Купе — чрезвычайный комиссар в Алжире в 1848 г. — VI 502.

Кюльветтер, Фридрих (1809—1882) — прусский государственный деятель; в 1848 г. министр внутренних дел в кабинете Ауэрсвальда-Ганземана — VI 274, 275, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 319, 539; VII 62, 66, 70, 308.

Л.

Ладенберг, Адальберт (1798—1855) — прусский государственный деятель; с 1848 по 1850 г. министр в реакционном министерстве Бранденбурга — VII 17, 18, 19, 149, 151, 245, 500.

Лалан, Леон-Луи-Кретъен (1811 — 1892) — французский инженер, директор Национальных мастерских в 1848 г. — VI 505.

Ламарк, Максимилиан (1770—1832) — французский генерал; его похороны послужили ближайшим поводом к восстанию 5 и 6 июня 1832 г. — VI 203.

Ла Мармора, Альфонсо-Ферреро (1804—1878) — пьемонтский, позже итальянский генерал и политический деятель — VII 338.

Ламартин, Альфонс (1790 — 1869) — французский государственный деятель, историк и поэт; в 1848 г. глава временного правительства — VI 197, 198, 212, 354, 414, 472, 479, 480, 503, 511, 512, 515; VII 100, 102, 203, 316.

Ламенна, Фелисите-Робер (1782 — 1854) — французский писатель, проповедник христианского социализма — VI 226.

Ламорисьер, Кристоф-Леон (1806 — 1865) — французский генерал и политический деятель, буржуазный республиканец; в июньские дни 1848 г. принимал участие в подавлении восстания — VI 207, 208, 209, 217, 218.

Ларошжаклен, Анри-Огюст-Жорж (1805 — 1867) — французский государственный деятель, легитимист — VI 201, 226.

Лассаль, Фердинанд (1825 — 1864) — известный немецкий социалист, основатель Всеобщего германского рабочего союза — VI 27, 30, 221, 222, 223, 224, 225, 226.

Латур, Теодор (1780 — 1848) — австрийский военный министр, реакционер; повешен в Вене восставшим народом — VI 71, 494, 495; VII 286.

Лафайет, Мари-Жозеф (1757 — 1834) — участник американской войны за независимость и видный деятель Великой французской революции — VI 8.

Лев, Герман (1807 — 1879) — учитель из Познани; в 1848 г. член левого центра франкфуртского Национального собрания; позже национал-либеральный депутат прусской палаты депутатов — VI 416.

Левензон (правильно Левизон), Фридрих-Вильгельм — книгоиздатель,

- один из руководителей берлинского «Народного союза» — VI 180.
- Левенштейн, Мориц — немецкий ученый, ориенталист; в 1848 г. один из руководящих членов франкфуртского рабочего союза; принимал участие в издании рабочей газеты во Франкфурте — VI 117.
- Ледрю - Роллен, Александр - Огюст (1808 — 1874) — французский публицист и политический деятель, вождь мелкобуржуазной демократии; член временного правительства февральской революции 1848 г. — VI 16, 59, 197, 248, 354, 433, 502, 503, 511, 512, 525; VII 102, 317.
- Лейнинген, Карл - Фридрих (1804 — 1856) — баварский генерал; в 1848 г. имперский министр-президент — VI 412.
- Лейтгауз — кельнский судебный следователь — VII 23, 498.
- Лелевель, Иоахим (1786 — 1861) — польский историк, национал-демократ; участник польского восстания 1830 г. — VI 383, 386, 394, 410; VII 293.
- Ленгефельд, полковник — VII 76.
- Ленсинг — каноник из Рейнской провинции; в 1848 г. член правой франкфуртского Национального собрания — VI 288.
- Лео, Генрих (1799 — 1878) — немецкий консервативный историк — VI 395.
- Леонид — спартанский царь; в 480 г. до нашей эры, во главе небольшого отряда, оказал героическое сопротивление полчищам персов, защищая от них Фермопильский проход — VI 521.
- Леопольд I (1790 — 1865) — король бельгийский с 1831 до 1865 г.; до того герцог Саксен-Кобургский — VI 351, 353, 355, 358; VII 230.
- Леру, Пьер (1797 — 1871) — французский философ, социалист; в 1848 г. член Учредительного и Законодательного собраний — VI 220.
- Ликург — легендарный спартанский законодатель — VI 464.
- Линдгейм (ум. в 1862 г.) — прусский генерал, командир армейского корпуса в Силезии — VII 74.
- Лихновский, Феликс (1814 — 1848) — прусский офицер, правый член франкфуртского Национального собрания; убит во время франкфуртского восстания в сентябре 1848 г. — VI 257, 364, 398, 402, 403, 404, 405, 410, 411, 483, 494; VII 504.
- Луи-Наполеон — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп (1773 — 1850) — французский король, возведенный на престол финансовой буржуазией, после победы народа, во время июльской революции 1830 г. — VI 44, 142, 198, 199, 220, 222, 223, 224, 246, 311, 319, 472, 480, 531; VII 100, 230, 301, 315, 316, 319, 321.
- Лэ, фон — помещик из Рейнской провинции; в 1848 г. член правой прусского Национального собрания — VI 288.
- Любомирские — польский княжеский род — VII 273.
- Людвиг, Иосиф-Антон (1784 — 1864) — австрийский эрцгерцог — VII 97.
- Людовик IX Святой (1226 — 1270) — французский король — VII 351.
- Людвиг XI (1423—1483) — французский король — VI 407; VII 272.
- Людвиг XIV (1638 — 1715) — французский король — VI 379.
- Людвиг XVI (1754 — 1793) — король Франции; казнен по приговору Конвента во время Великой французской революции — VI 26, 27, 223; VII 7, 8.
- Лютер, Мартин (1483 — 1546) — великий германский реформатор — VII 15.
- Люттер — полицейский комиссар в Кельне — VII 497.
- Люттихау, Филипп - Теодор (1795 — 1867) — прусский генерал — VI 375.

М.

- Магомет II (Великий) (1430 — 1481) — турецкий султан — VII 208.
- Майергофер — министр в баденском революционном правительстве — VII 427, 431.
- Малковский, Игнац (1784 — 1854) — австрийский генерал — VII 287, 288, 289.
- Малу, Жюль-Эдуард (1810 — 1886) — бельгийский политический деятель, министр финансов с 1844 до 1847 г.; сторонник клерикально-католической партии — VI 359 (ошибочно: Малон).
- Мальтезер, Иоганн — полицейский агент в Кельне — VII 497, 502, 503.
- Мальгус, Томас (1766 — 1834) — английский экономист — VI 328; VII 157.
- Мамиани, Терренцио делла Ровере, граф (1799 — 1885) — итальянский поэт, философ и политический деятель, эмигрант в Париже (1831 — 1846), министр папы Пия IX — VII 92.
- Мантейфель, Отто - Теодор (1805 — 1882) — прусский реакционный государственный деятель; в 1848 г. министр внутренних дел, позже министр-президент — VI 81; VII 17, 18, 19

- 24, 25, 42, 43, 73, 111, 113, 114, 140, 141, 149, 151, 154, 156; 195, 196, 197, 199, 306, 329, 330, 331, 349, 360, 361, 364, 365, 377, 379, 390, 409, 434, 462, 504, 508.
- Мантейфель — родственник предыдущего, капитан в баденско-пфальцской революционной армии — VII 462.
- Марат, Жан-Поль (1744 — 1793) — известный деятель Великой французской революции — VI 8, 294.
- Мари, Александр (1795 — 1870) — французский политический деятель, член временного правительства 1848 г., министр общественных работ, организатор Национальных мастерских — VI 505.
- Маркс, Карл (1818 — 1883) — VI 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 240, 487, 488, 489, 539, 540, 542; VII 13, 14, 21, 22, 23, 392, 394, 432, 438.
- Марраст, Арман (1801 — 1852) — французский публицист и политический деятель; в 1848 г. член временного правительства и мэр Парижа — VI 16, 197, 198, 223, 224, 501, 502, 505, 514, 525; VII 93, 103.
- Марре — начальник дюссельдорфской тюрьмы — VII 222, 223.
- Мартэнпрей — французский полковник, участвовал в подавлении июньского восстания 1848 г. — VI 513.
- Мати, Карл (1806 — 1868) — баденский государственный деятель; в молодости участник баденского радикально-демократического движения — VI 128, 543.
- Мауклер, Пауль - Фридрих - Теодор (1783 — 1859) — вюртембергский государственный деятель — VI 127, 128, 542, 543.
- Мауренбрехер, Петер-Вильгельм (1777 — 1861) — главный директор прусских почт — VII 28.
- Мевиссен, Густав (1815 — 1899) — крупный рейнский промышленник и общественный деятель, один из вождей немецкой либеральной буржуазии — VI 279; VII 149.
- Медем, Павел Иванович (1800 — 1854) — русский посланник в Вене — VII 97.
- Медуза — одно из страшных мифологических чудовищ, горгон — VII 118.
- Мейендорф, Петр Казимирович (1796 — 1863) — русский государственный деятель и дипломат, посланник в Берлине — VII 97.
- Мейендорф, Александр Петрович — сын предыдущего, убит во время осады Севастополя — VI 257.
- Мейзебах — берлинский чиновник; в 1848 г. член правой прусского Национального собрания — VI 150.
- Меллер, Эдуард (1814 — 1880) — прусский административный деятель; в 1848 г. правительственный президент Рейнской провинции — VII 392.
- Меллине, Франсуа (1768 — 1852) — бельгийский генерал, участник революции 1830 г., замешан в авантюре «Risquons tout», умер в тюрьме — VI 353, 355, 356; VII 497.
- Мердес, Флориан — министр в баденско-пфальцском революционном правительстве — VII 427.
- Меркер, Фридрих - Август (1804 — 1889) — приват-доцент Берлинского университета, один из руководителей берлинского демократического движения, министр юстиции в кабинете Ауэрвальда - Ганземана — VI 342, 444; VII 62.
- Мерославский, Людвиг (1814 — 1878) — польский революционер, главнокомандующий баденской революционной армии — VI 104, 387, 410; VII 137, 404, 430, 435, 445, 446, 456, 462, 468, 469, 472, 473, 476, 480, 481.
- Мерси — командир дивизии баденско-пфальцской революционной армии — VII 476, 477, 479, 480, 482.
- Мессенгаузер, Венцель (1813 — 1848) — австрийский офицер, командир Национальной гвардии и комендант Вены во время октябрьского восстания 1848 г.; после взятия Вены Елачичем расстрелян — VI 74.
- Местр, Жозеф, граф, де (1754 — 1821) — французский политический деятель реакционно-мистического направления, легитимист — VI 27.
- Меттерних, Клеменс - Венцель - Лотар (1773 — 1859) — известный австрийский государственный деятель, реакционер; создатель Священного союза — VI 26, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 48, 68, 185; VII 97, 273, 274, 301.
- Мигуэль, дон (1802 — 1866) — король Португалии — VI 237, 255.
- Мильде, Карл-Август (1805 — 1861) — прусский политический деятель, либерал; в 1848 г. министр торговли и промышленности в кабинете Ауэрвальда - Ганземана — VI, 138, 257, 262, 299, 319, 438; VII 62.
- Минотавр — мифологическое чудовище — VI 320.
- Минуголи, Юлиус (1805 — 1860) — прусский дипломат и писатель; в 1847 — 1848 гг. полицей-президент Берлина и начальник Берлинского гражданского ополчения — VI 143, 144.

- Мирабо, Онора-Габриэль (1749—1791) — виднейший представитель Великой французской революции в ее первый период, вождь оппозиционного дворянства — VI 188, 297.
- Мирбах, Отто — обер-комендант Эльберфельда во время майского восстания 1849 г. — VII 384, 385, 386.
- Миттермейер, Карл (1787—1867) — немецкий политический деятель и ученый; в 1848 г. президент франкфуртского предпарламента и член франкфуртского Национального собрания; умеренный либерал — VI 300.
- Михаил Павлович (1798—1848) — русский великий князь, сын императора Павла I — VII 97.
- Мнерский, (вероятно Теофил Мневский) (ум. в 1849 г.) — польский революционер, член познанской делегации во Франкфурте, участник баденско-пфальцского восстания, расстрелян в Раштатте — VII 467.
- Моисей — библейский пророк — VI 189.
- Молох — семитическое божество, которому приносились человеческие жертвы — VI 322.
- Молль, Иосиф (ум. в 1849 г.) — часовщик из Кельна, член Союза коммунистов; в 1848 г. один из руководящих членов кельнского рабочего союза; убит во время баденско-пфальцского восстания. — VI 455; VII 450, 451, 475, 476, 477, 479.
- Моль, Роберт (1799—1875) — немецкий юрист; в 1848 г. член франкфуртского Национального собрания и имперский министр юстиции — VI 464.
- Мольтке, Карл (1800—1866) — шлезвиг-гольштинский государственный деятель, вождь датской партии — VI 424, 425.
- Монк, Джордж (1608—1670) — английский генерал, один из сподвижников Кромвеля, сыгравший большую роль при реставрации Карла II — VII 107.
- Монтескье, Шарль-Луи (1689—1755) — французский политический писатель-государствовед — VI 284, 286, 308, 353, 443.
- Монтескье LVI — см. Штупп.
- Моор, Карл — герой драмы Шиллера «Разбойники» — VII 84.
- Мориц — комиссар юстиции из Торгау; в 1848 г. член центра прусского Национального собрания — VI 152, 347, 348.
- Моро, Жан-Батист - Мартен (1791—1873) — французский политический деятель, член Учредительного и Законодательного собраний в 1848—1851 гг. — VI 507.
- Моро, Жан-Виктор (1763—1813) — видный французский генерал, участник войн Великой французской революции — VII 486.
- Моррисон — изобретатель названных его именем слабительных пилюль; в переносном смысле — шарлатан — VII 149.
- Мосле, Иоганн-Людвиг (1794—1877) — ольденбургский полковник; в 1848 г. представитель Ольденбурга в Союзном сейме; был дважды делегирован в Вену как комиссар имперского правительства — VI 78; VII 32, 33, 34, 35, 36, 301.
- Мунцингер, Иосиф (1791—1855) — швейцарский государственный деятель, член союзного совета в 1848 г. — VII 94, 96.
- Мюллер, — директор кельнской полиции — VI 541.
- Мюллер — пастор из Волау; в 1848 г. член центра прусского Национального собрания — VI 171, 174.
- Мюллер (род. в 1823 г.) — немецкий юрист, участник баденско-пфальцского восстания; после его подавления эмигрировал в Америку — VII 450.
- Мюллер, Генрих (1790—1857) — прусский министр юстиции; в 1848 г. президент высшего трибунала в Берлине — VII 116, 119, 450.

Н.

- Наполеон I (1769—1821) — французский император — VI 5, 6, 29, 35, 171, 207, 224, 225, 252, 297, 309, 529; VII 7, 212, 214, 227, 237, 283, 305, 388, 406, 448, 449.
- Наполеон III (Луи-Бонапарт) (1808—1873) — племянник Наполеона I, французский император, захвативший власть путем государственного переворота — VI 109, 501, 525, 532, 534; VII 99, 100, 101, 102, 282, 320, 321, 336.
- Наунин, Франц (1800—1860) — прусский тайный советник, в 1848 г. берлинский городской советник — VI 143.
- Нацмер — прусский капитан; во время штурма берлинского пейхгауза отказался стрелять в народ — VI 180, 181, 182.
- Нейгауз — врач из Тюрингии, командир отряда баденско-пфальцской революционной армии — VII 479.

Неккер, Жак (1732 — 1804) — французский банкир; в течение ряда лет фактический министр финансов — VI 142, 329.

Нерлингер — командир батальона баденско-пфальцской революционной армии — VII 483.

Нессельроде, Карл Васильевич (1780 — 1862) — русский государственный деятель, министр иностранных дел и канцлер; горячий приверженец Меттерниха — VI 251, 252, 253, 254, 255, 256; VII 81, 97.

Николай I (1796 — 1855) — русский император — VI 190, 254, 255, 256, 257, 396; VII 97, 104, 127, 218, 351.

Николовиус, Альфред (1797 — 1877) — прусский юрист; в 1848 г. генеральный прокурор Рейнской провинции — VII 30, 223.

Нуген, Лаваль (1777 — 1862) — австрийский фельдмаршал — VII 288.

О.

Обермюллер, Вильгельм — баденский публицист, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г. — VII 453, 454, 483.

Оборский, Людвиг (1787 — 1873) — польский революционер, эмигрант; командир дивизии в баденско-пфальцской революционной армии; впоследствии член Генсовета I Интернационала — VII 476, 477, 481.

О'Коннель, Даниель (1775 — 1847) — глава ирландских патриотов, державшийся в борьбе с английским правительством мирной тактики — VI 233.

О'Коннор, Фергус - Эдуард (1794 — 1855) — один из лидеров чартизма, редактор центрального органа чартистов «Полярная звезда» — VI 233, 234.

Оксенбейн, Ульрих (1811 — 1890) — швейцарский военный и государственный деятель, радикал — VII 94, 96.

Ольберг — начальник прусского генерального штаба в Познани — VI 191.

Ольфс — вице-президент вестфальского высшего суда — VII 117.

Омальский, Анри-Эжен-Филипп-Луи Орлеан, герцог (1822 — 1897) — один из сыновей Луи-Филиппа, губернатор Алжира в 1847 — 1848 гг. — VI 502; VII 321.

Оммеганк — VI 353.

Оранский дом — известный княжеский, позже королевский род — VI 237, 353.

Орлеанский, герцог — см. Луи-Филипп.

Освальд, Евгений (1826 — 1912) — участник баденско-пфальцского восстания,

позднее немецкий журналист и профессор немецкого языка в Лондоне — VII 469.

Оссонвиль, Жозеф - Отнэн - Бернар (1809 — 1884) — французский историк и политический деятель, член палаты депутатов с 1842 по 1848 г. — VI 504.

Остендорф, Юлиус (1823 — 1877) — немецкий педагог; член левого центра Франкфуртского Национального собрания — VI 401.

Отто — см. Оттон I.

Оттон I (1815 — 1867) — греческий король (1832 — 1862) — VI 237.

П.

Павел, св. — в церкви св. Павла заседало Франкфуртское Национальное собрание — VI 106, 130, 156, 232, 394, 399, 458; VII 301, 302, 349, 363.

Павел - Фридрих - Вильгельм (1797 — 1860) — вюртембергский герцог — VII 97.

Пайз, Жан-Батист (1818 — 1860) — французский юрист, член Учредительного и Законодательного собраний — VI 226.

Палацкий, Франциск (1798 — 1876) — чешский историк и политик, вождь чешского национального движения — VI 60; VII 215, 277, 279.

Пальмерстон, Генри - Джон - Темпл (1784 — 1865) — английский государственный деятель, премьер-министр — VI 479, 480; VII 81, 84, 86, 97.

Панисс — начальник управления общей безопасности при французском министерстве внутренних дел в 1848 г. — VI 507, 508.

Паньер, Лоран-Антуан (1805 — 1854) — французский политический деятель, публицист, издатель и книжный торговец, член Учредительного собрания 1848 г., сторонник Кавеньяка — VI 394, 507.

Париизус, Эдуард-Рудольф (род. в 1818 г.) — ассессор окружного суда в Наумбурге; в 1848 г. член центра прусского Национального собрания; позже член прусской палаты депутатов — VI 149, 150, 153, 273, 274, 303.

Паскевич, Иван Федорович (1782 — 1856) — русский генерал-фельдмаршал, подавитель польской революции 1830 г. и главнокомандующий русской армии против Венгрии в 1849 г. — VII 214.

Патов, Эрамуз-Роберт (1804 — 1890) — прусский государственный деятель, консерватор; министр торговли, про-

- мышленности и общественных работ в кабинете Кампгаузена — VI 267, 269, 270, 272, 337, 344; VII 69, 508.
- Пейкер, Эдуард (1791 — 1876) — прусский генерал; в 1848 г. военный министр в имперском правительстве; командовал войсками против баденско-пфальцских повстанцев — VII 410, 449, 480.
- Пельц, Эдуард — немецкий радикальный публицист домартовского периода, писал главным образом о положении в Силезии; в 1848 г. один из руководящих членов франкфуртского рабочего союза и один из издателей рабочей газеты во Франкфурте — VI 117.
- Перро, Бенжамен-Пьер (1791 — 1865) — французский генерал, участник подавления июньского восстания — VI 158, 209.
- Перрон, Гектор (1789—1849) — итальянский генерал — VII 341.
- Перцель, Мориц (1811 — 1899) — деятель венгерской революции 1848 г., генерал революционной армии; после поражения революции жил в Турции, потом в Англии — VI 71, 73, 75, VII 291.
- Петер (Пьер) Бонапарт (1815 — 1884) — двоюродный брат Наполеона III — VII 101.
- Петер, Иосиф-Игнац (род. в 1789 г.) — баденский политический деятель, демократ; в 1848 г. член крайней левой франкфуртского Национального собрания — VI 130.
- Пий IX (1792 — 1878) — римский папа с 1846 г. — VII 315.
- Пиль, Роберт (1788 — 1850) — английский государственный деятель, премьер-министр, умеренный консерватор — VI 248, 328; VII 123, 312.
- Пиндер, Фридрих-Эдуард (ум. в 1875 г.) — юрист, обер-президент Бреславля, член левой прусского Национального собрания — VI 279; VII 40.
- Пинто, Исаак (1715 — 1787) — голландский делец и писатель (еврей) — VI 325, 328, 439; VII 16, 50.
- Пистоль — комическая фигура в пьесах Шекспира — VII 456, 480.
- Платон (427 — 347 до нашей эры) — знаменитый греческий философ — VI 305, 306, 307.
- Пленнис — ассессор окружного суда из Альтенкирхена; в 1848 г. — вице-президент прусского Национального собрания — VI 175.
- Плугульм, Пьер - Амбруаз (1796 — 1863) — французский судебный чиновник и политический деятель — VII 229.
- Познанский архиепископ — см. Пшилуцкий.
- Польк, Джемс-Нокс (1795 — 1849) — президент Северо-Американских Соединенных Штатов с 1845 до 1849 г. — VII 132.
- Потман — член эльберфельдского комитета безопасности во время майского восстания 1849 г. — VII 384.
- Потоцкие — польский графский род — VII 273.
- Поттингер, Генри — (1789 — 1856) — английский дипломат и колониальный губернатор — VII 311.
- Приам — согласно греческой мифологии царь Трои во время Троянской войны — VI 156.
- Прусский принц — см. Вильгельм I.
- Пурталес, Альберт (1812 — 1861) — прусский дипломат — VI 422. —
- Путткамер (1800 — 1874) — прусский государственный деятель, берлинский полицей-президент, в 1848 г. директор министерства внутренних дел — VI 143, 144.
- Пухнер, Антон (1779 — 1852) — австрийский генерал, командующий австрийскими войсками в Семиградьи — VII 287, 288, 289.
- Пуль, Эрнст (1779 — 1866) — прусский генерал, в 1848 г. министр-президент и военный министр — VI 154, 155, 191, 235, 236, 257, 310, 363, 364, 366, 379, 459, 463, 465, 467, 468, 541; VII 7, 11, 26, 69, 71, 245, 260, 261, 308.
- Пшилуцкий, Леон (1789 — 1865) — гнезненский и познанский архиепископ с 1845 по 1865 г. — VI 280, 365, 369; VII 355.
- Пюжоль — рабочий, начальник одной из бригад Национальных мастерских; накануне июньского восстания 1848 г. в качестве делегата от мастерских вел переговоры с министром общественных работ Мари, был арестован как инсургент — VI 507.

Р.

- Раво, Франц (1810 — 1851) — рейнский демократ, член франкфуртского Национального собрания, член баденского революционного правительства — VI 115, 116, 117, 118, 129.
- Радецкий, Иосиф (1766 — 1858) — австрийский фельдмаршал; командующий австрийскими войсками в Италии; жестоко подавлял всякие попытки революционного и освободительного движения — VI 63, 69, 70, 72, 185, 214, 216, 231, 258, 259, 260,

- 411, 465, 488, 518, 519; VII 92, 292, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343.
- Радович, Иосиф (1797 — 1853) — прусский генерал и государственный деятель; вождь крайней правой во франкфуртском Национальном собрании — VI 257, 398, 399, 400, 411, 426, 440, 441; VII 362, 364.
- Раквиллет — польский революционер, участник баденско-пфальцского восстания — VII 445.
- Раков — офицер шлезвигского вольного отряда, командир кайзерслаутернского батальона баденской революционной армии — VII 457.
- Рамберг, Георг-Генрих (1786 — 1855) — австрийский генерал, реакционер — VII 290.
- Раморино, Джироламо (1790 — 1849) — генерал и итальянский патриот; в 1849 г. командовал пьемонтской армией против австрийцев — VII 335, 337, 340, 342.
- Ранудо, дон — VI 375.
- Распайль, Франсуа-Венсан (1794 — 1878) — известный французский эстетик-испытатель, политический деятель и публицист, член Учредительного собрания 1848 г. — VI 202.
- Раумер, Фридрих (1781 — 1873) — немецкий историк; в 1848 г. имперский посол в Париже — VI 412; VII 32, 39.
- Раячич, Иосиф (1785 — 1861) — митрополит карловицкий, патриарх сербов в Венгрии — VII 215.
- Рейбию — жандармский полковник — VI 508.
- Рейтер — провинциальный советник из Иоганнсбурга; в 1848 г. член левой прусского Национального собрания — VI 149, 150, 152, 153, 282.
- Рейхардт, Иосиф (1803 — 1872) — юрист, член левой франкфуртского Национального собрания, член баденско-пфальцского революционного правительства; после подавления восстания эмигрировал в Америку — VII 445.
- Рейхенбах, Генрих, граф (род. в 1801 г.) — прусский помещик — VII 73.
- Рейхенбах, Эдуард (1812 — 1869) — один из вождей силезских демократов; в 1848 г. член левой прусского Национального собрания — VI 173, 183; VII 73, 297.
- Рейхеншпергер, Петер - Франц (II) (1818 — 1892) — немецкий юрист и политик; в 1848 г. правый член прусского Национального собрания — VI 175, 274, 282, 288, 296, 297, 298, 300, 438, 448.
- Рекюр, Адриан-Барнабе (1796 — 1872) — врач, французский политический деятель, республиканец; в 1848 г. министр внутренних дел — VI 507, 508, 509.
- Ремер, Фридрих (1799 — 1864) — вюртембергский юрист и политик, либерал; в 1848 г. министр юстиции — VI 24.
- Рештиль — купец; в 1848 г. член левой прусского Национального собрания — VII 69.
- Реслер, Густав-Адольф (1818 — 1855) — демократ, левый член франкфуртского Национального собрания; позже эмигрировал в Швейцарию, оттуда в Америку — VI 107, 108.
- Рефельд — священник из Зо́рау; в 1848 г. член правой прусского Национального собрания — VI 146, 147.
- Ридель, Адольф - Фридрих - Иоганн (1809 — 1872) — прусский историк и политический деятель; в 1848 г. член прусского Национального собрания — VI 176.
- Рикардо, Давид (1772 — 1823) — знаменитый английский экономист — VII 155.
- Римплер — командир берлинского гражданского ополчения в 1848 г. — VI 467.
- Ринальдо-Ринальдони — герой разбойничьего романа Вульпиуса — VII 84.
- Ринтелен (ум. в 1869 г.) — юрист; в 1848 г. короткое время министр юстиции; с 1849 г. председатель апелляционного суда в Мюнстере — VII 117, 118, 119, 121.
- Риотте, Николай — эльберфельдский демократ, член комитета безопасности во время майского восстания 1849 г. в Эльберфельде; после поражения восстания эмигрировал в Америку — VII 385, 415.
- Ритц — советник правления из Аахена; в 1848 г. член правой франкфуртского Национального собрания — VI 150, 151, 274.
- Рихтер, Карл (1804 — 1869) — немецкий католический священник и профессор теологии; в 1848 г. левый член прусского Национального собрания — VI 281.
- Риччи, Альберто (1795 — 1876) — сардинский дипломат, посол Карла-Альберта в Вене — VI 479.
- Робертсон-Гладстон — см. Гладстон.
- Робеспьер, Максимилиан (1758 — 1794) — известный деятель Великой французской революции, вождь якобинцев — VI 223, 225; VII 16, 236, 416.
- Родбертус, Иоганн - Карл (1805 —

- 1875) — немецкий экономист; во время революции 1848 г. либеральный буржуазный деятель и министр — VI 267, 268, 274, 275, 431, 439, 440; VII 16.
- Родомонт — хвастливый король в поэме «Неистовый Орланд» — VI 398.
- Рожье, Шарль-Латур (1800 — 1885) — бельгийский государственный деятель, умеренный либерал, участник революции 1830 г., с 1847 г. по 1852 г. министр внутренних дел — VI 358, 359.
- Розенкранц, Иоганн - Карл - Фридрих (1805 — 1879) — немецкий философ и эстетик — VI 396.
- Ролен, Ипполит (1804 — 1888) — бельгийский политический деятель, адвокат, глава гентских либералов, министр общественных работ в 1848 — 1850 гг. — VI 353.
- Романовы — русская царская династия — VI 252.
- Россель, Джон (1792 — 1878) — английский государственный деятель, премьер-министр — VI 262, 286, 412, 415; VII 123.
- Ротек, Карл-Венцеслав (1785 — 1840) — немецкий историк и политик, либерал — VI 24, 33, 171.
- Ротшильд — один из представителей известного банкирского дома — VI 30, 475.
- Рохов, Густав-Адольф (1792 — 1847) — прусский государственный деятель, консерватор — VI 139.
- Рош — VI 439.
- Руге, Арнольд (1802 — 1880) — немецкий философ, писатель и радикальный политик; в 1848 г. крайний левый во франкфуртском Национальном собрании — VI 129, 130, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416; VII 204, 219, 297, 298, 434.
- Рукавина, Георг (1777 — 1849) — австрийский генерал — VII 287.
- Руссо — командир батальона — VI 508, 509.
- Рэ — священник баальницы «Долина благодати» — VI 508.
- Рюль, Август (род. в 1815 г.) — немецкий политический деятель; во время мартовских дней 1848 г. в Ганеу стоял во главе революционного движения и был выбран обер-бюргермейстером; член крайней левой франкфуртского Национального собрания — VI 130.
- С.
- Савиньи, Фридрих - Карл (1779 — 1861) — известный немецкий юрист, основатель исторической школы права; в 40-х годах глава министерства законодательства — VI 341.
- Савиньяк — национальный гвардеец — VI 509.
- Савойский, герцог — см. Виктор-Эммануил II.
- Санчо-Панса — слуга Дон-Кихота в романе Сервантеса «Дон-Кихот» — VI 78, 399; VII 83.
- Себастиани, Орас (1775 — 1851) — французский маршал, при Луи-Филиппе министр иностранных дел — VI 199.
- Сенар, Антуан-Мари (1800 — 1885) — французский адвокат и политический деятель, председатель Учредительного собрания в 1848 г., министр внутренних дел в кабинете Кавеньяка — VI 516.
- Сен-Симон, Анри-Клод (1760 — 1825) — французский философ и социальный мыслитель; родоначальник утопических социалистов — сен-симонистов — VI 31; VII 155.
- Сервантес, Мигуэль де Сааведра (1547 — 1616) — испанский писатель, автор «Дон-Кихота» — VI 328; VII 375.
- Сибилла — мифическая пророчица — VI 223.
- Сидов, Адольф (1800 — 1882) — немецкий католический священник и теолог; в 1848 г. член правой прусского Национального собрания — VI 174, 175.
- Симонс, Людвиг (1803 — 1870) — немецкий правовед и государственный деятель; в 1848 г. правый член прусского Национального собрания; с 1849 до 1860 г. прусский министр юстиции — VI 288, 302; VII 377.
- Симсон, Мартин-Эдуард (1810 — 1899) — немецкий юрист и политический деятель; в 1848 г. президент франкфуртского Национального собрания — VII 302.
- Симунич, Бальтазар (1785 — 1861) — австрийский генерал — VII 289.
- Смит, Адам (1723 — 1790) — знаменитый английский экономист — VI, 249; VII 153.
- Собрание, Мари-Жозеф (1825 — 1854) — деятель тайных обществ в эпоху июльской монархии, основатель журнала «La Commune de Paris» (1848) — VI 225.
- Солароли, Паоло (1796 — 1877) — итальянский генерал — VII 341.
- София (1805 — 1872) — австрийская эрцгерцогиня, мать австрийского императора Франца-Иосифа — VII 36, 82, 96, 287, 308.
- Стадион, Франц (1806 — 1853) — австрийский государственный деятель; в 1848 г. член центра рейхстага; после

- подавления венского восстания министр внутренних дел — VI 78.
- Стефан (1817—1867) — австрийский эрцгерцог; с 1847 до 1848 г. палатин Венгрии — VII 286.
- Страдаль — доктор из Теплица — VI 245.
- Струве, Амалия (ум. в 1862 г.) — жена Густава Струве — VII 84.
- Струве, Густав (1805 — 1870) — немецкий радикальный писатель и политик, один из главных руководителей баденского восстания 1848 г.; впоследствии эмигрировал в Америку — VI 486, 489; VII 82, 84, 87, 89, 95, 401, 426, 428, 431, 448, 470, 471, 472, 473, 484, 485.
- Стюарты — английская династия, царствовавшая с 1603 г. по 1714 г. — VII 160.
- Сулейман I (1493 — 1566) — турецкий султан — VII 210.
- Сулла, Люций-Корнелий (138 — 78 до нашей эры) — римский диктатор — VI 507.

Т.

- Тадден - Триглафф, Адольф (1796 — 1882) — прусский помещик, консерватор; член Соединенного ландтага 1847 г. — VII 32, 325, 504.
- Тамерлан (1336 — 1405) — великий азиатский завоеватель — VII 303.
- Тамнау — советник юстиции из Кенигсберга; в 1848 г. член правой прусского Национального собрания, позже член прусской палаты депутатов — VI 437, 438.
- Тацит, Публий-Корнелий (55 — 120) — римский историк — VI 404.
- Тедеско, Виктор (1821 — 1897) — бельгийский коммунист — VI 355, 356.
- Тезей — греческий мифологический герой — VI 320.
- Тель, Вильгельм — легендарный шведско-русский герой — VI 502.
- Темме, Иодокус - Деодатус - Губертус (1798 — 1881) — немецкий юрист и романист, член крайней левой прусского и франкфуртского Национальных собраний — VI 143, 152, 179; VII 115, 116, 117, 118.
- Техов, Густав - Адольф (ок. 1812 — 1893) — бывший прусский офицер, участник мартовской революции 1848 г. в Берлине, начальник штаба баденско-пфальцской революционной армии, впоследствии эмигрант в Лондоне, умер в Австралии — VII 445, 470, 495.

- Тиле, Людвиг-Густав (1781 — 1852) — прусский генерал и государственный деятель — VII 190, 191, 192.
- Тилли, Иоганн - Церклас (1559 — 1632) — главнокомандующий войск католической лиги во время Тридцатилетней войны — VII 177.
- Титус, Николай (ум. в 1874 г.) — адвокат из Бамберга; в 40-х годах вождь бамбергского демократического движения; в 1848 г. член крайней левой франкфуртского Национального собрания; в последние годы жизни был близок к социал-демократии — VI 130.
- Титцен — прусский генерал - лейтенант — VI 365; VII 374.
- Тодорович, Косман — австрийский генерал — VII 287.
- Тома, Клеман (1809 — 1871) — французский офицер и политический деятель; в 1848 г. начальник Национальной гвардии; участвовал в подавлении июньского восстания; убит во время Парижской Коммуны войсками, перешедшими на сторону народа — VI 509.
- Томе — баденский полковник; в 1849 г. командир дивизии в баденской революционной армии — VII 476.
- Трела, Улисс (1795 — 1879) — французский журналист и политический деятель; в 1848 г. член Учредительного собрания и министр общественных работ — VI 200.
- Тресков, Генрих — купец в Познани, предок последующего — VI 380; VII 357.
- Тресков, Герман (1818 — 1900) — прусский генерал — VI 380.
- Тресков — один из представителей прусского дворянского рода — VI 375.
- Трост — член эльберфельдского комитета безопасности во время майского восстания 1849 г. — VII 384.
- Троцинский — польский революционер, офицер в баденско-пфальцской революционной армии — VII 459.
- Труве-Шовель, Арист (1805 — 1883) — французский администратор и политический деятель, префект полиции и министр финансов в 1848 г. — VI 510.
- Тун, Леопольд (1811 — 1888) — австрийский государственный деятель; до 1848 г. национально-славянской ориентировки, позднее консерватор и клерикал — VII 215.
- Турн - и - Такис, Карл - Александр (1770 — 1827) — немецкий владетельный князь, имперский директор почт — VI 380.

Тьер, Луи - Адольф (1797 — 1877) — французский государственный деятель и историк, монархист и реакционер; подавил Парижскую Коммуну — VI 224, 225, 227, 433, 465, 474, 475, 476, 477; VII 101, 102, 107, 316, 317.

Тэ де-Мейландт, граф (1794 — 1874) — бельгийский государственный деятель, глава католической партии — VI 359.

Тюрк, Леопольд (1797 — 1887) — врач, французский политический деятель и публицист; член Учредительного собрания 1848 г., голосовал с красными республиканцами — VI 474, 475, 478.

У.

Унру, Ганс - Винтор (1806 — 1884) — прусский инженер, политический деятель, в 1848 г. председатель прусского Национального собрания — VI 437, 438, 439; VII 261, 305.

Урбан (род. в 1815 г.) — ветеринарный врач; в 1848 г. один из главных руководителей народного движения в Берлине; после победы народа взял на себя роль посредника между народом и властью — VI 180.

Уттенгофен, фон (убит в 1849 г.) — прусский капитан — VII 411.

Ф.

Фалкенгайн — председатель общества «Германия» в Бреславле — VII 239.

Фалькенгаузен, Фридрих (1802 — 1840) — предводитель дворянства в графстве Глатц — VII 73.

Фальстаф — действующее лицо из «Короля Генриха IV» и «Виндзорских проказниц» Шекспира — VI 463; VII 456.

Фауст — знаменитый чернокожничек XVI века. Из позднейших обработок легенды о Фаусте самая известная принадлежит Гете — VI 486.

Фемида — в греческой мифологии богиня нравственности, порядка и правосудия — VII 101, 306.

Феннер фон - Феннеберг, Даниель (1820 — 1863) — австрийский офицер, командир венской национальной гвардии в 1848 г.; короткое время командующий пфальцской революционной армией — VII 445.

Фердинанд, герцог Генуэзский (1822 — 1855) — брат Виктора-Эмануила I, итальянский генерал — VII 341.

Фердинанд I (1793 — 1875) — австрийский император — VII 287.

Фердинанд II (1810 — 1859) — король Сицилии и Неаполя, получил прозвище «Король Бомба» за жестокую бомбардировку Мессины в 1848 г. — VI 64, 465, 480; VII 102.

Феттер — венгерский революционный генерал — VII 290.

Фешер, София (1795 — 1840) — любовница и наследница принца Луи Конде — VII 321.

Фигаро — герой комедий Бомарше «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро» — VI 322; VII 158.

Фиклер, Иосиф (1808 — 1865) — один из вождей радикально-демократического движения в Бадене; в 1848 г. член баденского революционного правительства — VI 300; VII 426.

Финке, Георг (1811 — 1875) — прусский политический деятель, видный парламентский оратор и политик; в 1848 г. вместе с Радовицем вождь правой франкфуртского Национального собрания — VI 279, 411, 440, 441; VII 325.

Флокон, Фердинанд (1800 — 1866) — французский радикальный публицист, член временного правительства 1848 г. — VII 317.

Флоттвель, Эдуард-Генрих (1786 — 1865) — прусский государственный деятель; в 30-х годах обер-президент Познани, позже обер-президент Вестфалии; член крайней правой франкфуртского Национального собрания — VI 388, 389, 390, 402; VII 182, 183, 186, 187, 188, 189, 190.

Фогт, Карл (1817 — 1895) — видный естествоиспытатель, материалист; член франкфуртского Национального собрания — VI 100, 130, 295, 361.

Фокс, Чарльз-Джеймс (1749 — 1806) — известный английский государственный деятель — VI 188.

Фонтоп, Феликс Петрович (род. в 1801 г.) — русский дипломат; с 1846 г. советник посольства в Вене — VII 97.

Форстман — купец из Рейнской провинции; в 1848 г. член правой прусского Национального собрания — VI 289, 291.

Фосе, Леон (1803 — 1854) — французский политический деятель; умеренный республиканец; в 1848 г. министр в кабинете Барро и член Учредительного собрания — VII 105.

Фра-Диаволо (1760 — 1806) — известный калабрийский разбойник — VII 68.

- Франц I (1768 — 1835) — австрийский император — VI 41.
- Франц-Иосиф I (1830 — 1916) — австрийский император с декабря 1848 г. — VII 287.
- Фребель, Юлиус (1805 — 1893) — немецкий радикальный публицист, левый член франкфуртского Национального собрания; в 60-х годах на службе австрийского правительства — VI 79.
- Френкен — католический священник; в 1848 г. член правой прусского Национального собрания — VI 288.
- Фридрих I (1657 — 1713) — курфюрст бранденбургский, первый король Пруссии — VII 387.
- Фридрих I Барбаросса (1123 — 1190) — император Священной римской империи; один из популярнейших героев немецкого средневековья — VI 258, 259.
- Фридрих II (Великий) (1712 — 1786) — прусский король — VI 303, 307, 371, 372; VII 184, 387.
- Фридрих - Вильгельм (1620 — 1688) — курфюрст бранденбургский, прозванный великим курфюрстом — VII 387.
- Фридрих-Вильгельм II (1744 — 1797) — король Пруссии — VI 380; VII 372, 387.
- Фридрих-Вильгельм III (1770 — 1840) — король Пруссии — VI 369; VII 17.
- Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — король Пруссии — VI 26, 27, 28, 92, 467; VII 17, 18, 19, 184, 305, 349, 363, 364, 369, 379, 380, 387, 390, 395, 397, 422.
- Фриц — см. Фридрих II Великий.
- Фр — см. французский офицер — VI 502.
- Фуад-паша, Мехмед (1814 — 1869) — турецкий государственный деятель; в 1848 г. правительственный комиссар в приданайских княжествах — VI 465, 537.
- Фукье-Тенвиль, Антуан-Кентен (1746 — 1795) — деятель Великой французской революции, прокурор революционного трибунала — VI 355.
- Фуррер, Иона (1805 — 1861) — швейцарский политический деятель, радикал — VII 94, 96.
- Фурье, Шарль-Мари (1772 — 1837) — французский утопический социалист — VI 31; VII 155.

X.

- Хеймсет, Генрих — кельнский генеральный адвокат — VI 541.
- Хорич — австрийский генерал — VII 289.

Хржановский, Адальберт (1788—1861) — польский генерал; в 1849 г. командующий пьемонтской армией — VII 337, 338, 340.

Ц.

- Цвейфель — кельнский обер-прокурор; за оскорбление его в печати Маркс был привлечен к суду — VI 277, 278, 288; VII 16, 229, 230, 234, 235, 236, 239, 241.
- Целль, Фридрих-Иосиф (1814 — 1881) — трирский адвокат, председатель собрания депутатов рейнских городских советов в Кельне, комиссар имперского министерства в Бадене — VII 409.
- Цинн, Август — капитан в баденско-пфальцской революционной армии — VII 456, 480.
- Цинцинат, Люций - Квинтий — римский политический деятель; согласно традиции — образец простоты и доблести — VI 294, 295.
- Цирцея — согласно греческой мифологии волшебница, превратившая в свиней спутников Одиссея — VI 314.
- Циц, Франц (1803 — 1877) — адвокат из Майнца, радикальный политик; в 1848 — 1849 гг. член крайней левой франкфуртского Национального собрания и участник баденско-пфальцкого восстания — VI 116, 130, 131; VII 401, 446, 448, 451, 474, 475.
- Цыхлинский — во время революции 1848 — 1849 гг. участвовал в дрезденском и баденско-пфальцском восстаниях — VII 465, 467, 479.

Ч.

- Чарторыйские — польский княжеский род — VII 273.
- Чирнер, Самуэль (ок. 1812 — 1870) — адвокат из Баудена; во время революции 1848 г. вождь крайней левой в Саксонии; член временного правительства во время майского восстания 1849 г. в Дрездене и участник баденско-пфальцкого восстания — VII 451, 452.

Ш.

- Шазаль, Шарль-Эммануэль, барон (1808 — 1892) — бельгийский генерал, раньше торговец сукнами в Брюсселе, участник революции 1830 г., военный министр в ряде кабинетов — VI 353.
- Шам — псевдоним известного французского карикатуриста Амедея де-Нозе (1819 — 1879) — VI 150.

- Шамбор, Анри-Шарль-д'Артуа (1820 — 1883) — внук Людовика XVIII, претендент на французский трон под именем Генриха V, последний отрпек старшей линии Бурбонов — VI 225; VII 317, 320, 351.
- Шангарнье, Никола-Эме (1793—1877) — французский генерал и политический деятель, орлеанист; участник подавления июньского восстания 1848 г. — VI 59, 502; VII 106, 107.
- Шаппер, Карл (1813 — 1870) — немецкий революционер, член Союза справедливых и Союза коммунистов; в 1848 г. активный участник революционного движения в Кельне и Висбадене, позднее эмигрант в Лондоне и один из вождей антимарксовской фракции Союза коммунистов — VI 455; VII 22, 23, 223, 476.
- Шафотчи — прусская дворянская фамилия — VI 148.
- Шванбек — сотрудник «Кельнской газеты» — VI 507; VII 283, 284.
- Шварценберг, Феликс (1800 — 1852) — австрийский государственный деятель; после подавления октябрьского восстания в Вене министр-президент и министр иностранных дел; добился помощи русских войск против венгерской революции — VI 46.
- Шварцер, Эрнст (1808 — 1860) — австрийский политический деятель; в 1848 г. короткое время министр общественных работ — VI 70.
- Швейнихен, фон — прусский помещик — VII 73, 74.
- Шверин, Максимилиан (1804 — 1872) — прусский государственный деятель, либерал; в 1848 г. министр культуры в кабинете Кампгаузена — VI 163, 173, 179; VII 76.
- Шеви, Гельмина (1783 — 1856) — немецкая поэтесса романтического направления — VI 525.
- Шенлейн, Иоганн-Лукас (1793 — 1864) — известный немецкий врач, профессор Берлинского университета — VII 37.
- Шильд, Фердинанд-Батиста (1776 — 1809) — прусский офицер, партизан; во время освободительной войны его имя было окружено ореолом героя — VII 425.
- Шиммельпфенниг, Александр (1824 — 1865) — бывший прусский офицер, командир в баденско-пфальцской революционной армии, впоследствии генерал в американской гражданской войне — VII 446, 460, 461, 462.
- Шиндерганес — см. Бюклер, Иоганн.
- Шисс — швейцарский союзный канцлер в 1848 г. — VII 83.
- Шлейрмахер, Фридрих - Даниель (1768 — 1834) — немецкий философ, геолог и проповедник — VI 176.
- Шлейниц, Александр (1807 — 1885) — прусский государственный деятель, дипломат; в 1848 г. министр иностранных дел в кабинете Кампгаузена — VI 267; VII 74.
- Шлеффель, Густав-Адольф (1828 — 1849) — студент, участник мартовской революции 1848 г. в Берлине и баденско-пфальцского восстания 1849 г. — VI 6.
- Шлеффель, Фридрих-Вильгельм (1800 — 1870) — силезский фабрикант; в 1848 г. демократический депутат франкфуртского Национального собрания, отец предыдущего — VI 117, 130, 402.
- Шлик, Франц-Генрих (1789 — 1862) — австрийский генерал; в 1848 — 1849 г. командир корпуса, действовавшего против венгерской революционной армии — VII 283, 287, 288, 289, 290.
- Шлини — советник Кельнского апелляционного суда — VII 16
- Шлинке, Людвиг — отставной прусский офицер, генерал-квартирмейстер в баденско-пфальцской революционной армии — VII 486.
- Шмерлинг, Антон (1805 — 1893) — австрийский политический деятель; в 1848 г. — член франкфуртского Национального собрания, министр иностранных и внутренних дел в имперском правительстве — VI 257, 464; VII 33, 35, 82, 83, 87, 88, 89, 96.
- Шмидт, Франц — католический священник из Силезии; в 1848 г. член крайней левой франкфуртского Национального собрания — VI 401, 402.
- Шмитт, Николай — член баденского революционного правительства — VII 451.
- Шнаазе, Карл (1798 — 1875) — немецкий юрист и историк искусства; в 1848 г. дюссельдорфский обер-прокурор — VII 239.
- Шнайде, Франц (1790 — 1850) — польский революционер; в 1849 г. командующий пфальцскими революционными войсками — VII 445, 446, 449, 455, 459, 468, 469, 471.
- Шнаппганский — герой романа Г. Вертера; кличка Лихновского (см.).
- Шнейдер — бюргермейстер Шенебена; в 1848 г. член левого центра прус-

- ского Национального собрания — VI 293, 294, 295, 296.
- Шнейдер II, Карл — адвокат из Кельна, демократ; защитник Лассалля, позже защитник в кельнском процессе коммунистов — VII 13, 21, 22, 23, 223, 251.
- Шпигель-Борлинггаузен — президент дюссельдорфского окружного правительства — VII 26, 27.
- Шрамм, Рудольф (1813 — 1882) — немецкий политик и публицист; в 1848 г. член прусского Национального собрания и председатель берлинского клуба демократов — VI 182.
- Шрапнельный генерал — см. Гиршфельд.
- Шреккенштейн, Людвиг, барон Ротфон (1789 — 1858) — прусский генерал, военный министр в кабинете Кампаузена и Ауэрсвальда — VI 179, 257, 267, 272, 279, 438; VII 62.
- Штедтман, Карл (род. в 1804 г.) — прусский политический деятель; в 1848 г. член франкфуртского Национального собрания и комиссар имперского правительства в Шлезвиг-Гольштейнии — VII 32.
- Штейгер, Якоб-Роберт (1801 — 1862) — швейцарский врач и политический деятель — VII 95.
- Штейн, Генрих-Фридрих-Карл (1757 — 1831) — выдающийся прусский государственный деятель — VI 308.
- Штейн, Юлиус — один из вождей бреславльской буржуазной демократии, крайний левый прусского Национального собрания — VI 7, 183, 293, 437, 438, 459, 467; VII 70, 71, 260.
- Штейнәккер, Христиан-Карл-Фридрих (1781 — 1851) — прусский генерал в Познани — VI 185.
- Штенцель, Густав - Адольф (1792 — 1854) — немецкий историк; член франкфуртского Национального собрания — VI 369, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 378, 379, 382, 386, 387, 389, 393.
- Штрассер, Фридрих — художник из Зальцбурга, участник баденско-пфальцского восстания — VII 457.
- Штупп (Монтескье LVI), Герман-Иосиф (ум. в 1870 г.) — прусский тайный правительственный советник, короткое время обер-бюргермейстер Кельна и член прусской палаты господ; в 1848 г. член прусского Национального собрания — VI 187, 188, 189, 190, 353; VII 148, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 163.
- Штюве, Иоганн-Карл Бертрам (1798 — 1872) — ганноверский политический деятель, либерал; в 1848 г. министр внутренних дел — VI 24.
- Шузелка, Франц (1811 — 1889) — австрийский публицист и политик, член франкфуртского Национального собрания — VI 399, 400.
- Шульце — комиссар юстиции из Ванп-лебена; в 1848 г. член левой прусского Национального собрания — VI 172; VII 70, 71.
- Шульце-Делич, Герман (1808 — 1883) — немецкий экономист и политический деятель; в 1848 г. член прусского Национального собрания — VI 7, 169, 170, 171, 173.
- Шульце-Кренгель — VII 140, 141, 143.
- Шюккинг, Левин (1814 — 1883) — немецкий романист и поэт; с 1845 по 1854 г. сотрудничал в «Кельнской газете» — VI 258, 259, 260.

Э.

- Эбер, Мишель-Пьер-Алексис (1799 — 1887) — французский политический деятель, главный прокурор кассационного суда Меца, член палаты депутатов; прикомандированный к министру юстиции, вел жестокую борьбу с реформистами; после поражения революции 1848 г. бежал в Англию — VII 230.
- Эбермейер — следователь в процессе Лассалля — VII 227.
- Эйзенман, Готфрид (1795 — 1867) — немецкий публицист, участник студенческого движения 20-х годов, член франкфуртского Национального собрания — VI 24, 131, 297.
- Эйзер — владелец зала в Кельне, где происходили публичные заседания — VII 13, 14.
- Эйхгорн, Иоганн - Альберт - Фридрих (1779 — 1856) — прусский министр народного просвещения с 1840 по 1848 г., реакционер — VI 35; VII 17, 77.
- Эйхман, Франц-Август (1793 — 1879) — прусский юрист и административный деятель; в 1848 г. обер-президент Рейнской провинции — VII 23, 245.
- Эйхфельд — баденский лейтенант, военный министр баденского революционного правительства — VII 431.
- Эккарт, «Верный» — герой древне-немецкого сказания — VI 313.
- Эльснер, Карл-Фридрих-Мориц (1809 — 1894) — член прусского Национального собрания 1848 г., один из вождей бреславльской либеральной буржуазии — VI 7, 173, 176, 183.

- Эммерман, Карл — лесничий из Рейнской провинции, капитан стрелков в баденско-пфальцской революционной армии — VII 479.
- Энгельс, Фридрих (1820 — 1895) — VII 384, 385, 386.
- Эней — греческий мифологический герой; здесь подразумевается принц Прусский — VI 156.
- Эол — в греческой мифологии повелитель ветров — VI 480.
- Эренберг, Христиан-Готфрид (1795 — 1876) — немецкий естествоиспытатель, профессор берлинского университета — VII 37.
- Эсселен, Христиан (1823 — 1859) — немецкий радикальный публицист домартовского периода; в 1848 г. издавал рабочую газету во Франкфурте и стоял во главе Франкфуртского рабочего союза — VI 117.
- Эссер — обер-ревизионсрат из Берлина; в 1848 г. левый член прусского Национального собрания и его вице-президент — VI 149, 176, 274; VII 115, 116.
- Эссер, Христиан-Иосиф — член кельнского рабочего союза, редактор органа союза — VI 277; VII 243, 495, 496, 498, 499, 501.
- Эстергази, Павел-Антон (1786 — 1866) — австрийский государственный деятель — VII 284.

Ю.

- Юлий Цезарь (100 — 44 до нашей эры) — знаменитый римский полководец и император — VII 211.
- Юнг, Георг (1814 — 1886) — один из основателей «Рейнской газеты», личный друг Маркса; в 1848 г. левый член прусского Национального собрания; позже прогрессист, затем национал-либеральный депутат парламента — VI 145, 151, 152, 176, 183.

Я.

- Якоби, Иоганн (1805 — 1877) — немецкий политический деятель, один из вождей демократов во время революции 1848 г., член крайней левой прусского Национального собрания; к концу жизни примкнул к социал-демократам — VI 173, 292, 293, 296, 299, 300, 302, 304.
- Яков II (1633 — 1701) — король Великобритании и Ирландии (1685 — 1688) — VII 8.
- Янишевский, Ян-Хризостом (1818 — 1891) — теолог из Познани; в 1848 г. член Франкфуртского Национального собрания — VI 399, 400, 401, 403.
- Янсен, Жан-Иосиф (1825 — 1849) — чиновник в Кельне, заместитель председателя кельнской рабочей общины, участник баденской революции, расстрелян в Раштатте — VI 277.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕССЫ.

- «Akhbar» («Известия»), Алжир — VI 502.
- «Alba» («Рассвет»), Флоренция — VI 239, 240, 241; VII 248.
- «Allgemeine Demokratische Zeitung» («Всеобщая демократическая газета»), Берлин — VII 297, 298.
- «Allgemeine Zeitung», Augsburg («Всеобщая аугсбургская газета») — VI 224, 459.
- «Arbeiter-Zeitung» («Рабочая газета») — см. «Zeitung des Arbeiter-Vereines zu Köln».
- «Basellandschaftliches Volksblatt» («Базельская народная газета») — VII 95.
- «Breslauer Zeitung» («Бреславльская газета») — VI 492.
- «Concordia» («Согласие»), Турин — VI, 241; VII 248.
- «Constitutionnel (Le)» («Конституционалист»), Париж — VI, 225, 226, 228, 474.
- «Contemporaneo (Il)» («Современник»), Рим — VII, 248.
- «Deutsche Allgemeine Zeitung» («Немецкая всеобщая газета»), Лейпциг — VI 243; VII 297.
- «Deutsche Jahrbücher» («Немецкие летописи»), Лейпциг — VI 416.
- «Deutsche (Die) Reform» («Германская реформа»), Берлин — VII 116.
- «Deutsche Volkszeitung» («Немецкая народная газета»), Маннгейм — VI 489.
- «Deutsche Zeitung» («Немецкая газета»), Берлин — VI 158, 459; VII 500.
- «Deutsche Zeitung» (Gervinussche), Гейдельберг — VI 235, 236.
- «Deutscher Zuschauer» («Немецкий зритель»), Маннгейм — VII 426.
- «Düsseldorfer Zeitung» («Дюссельдорфская газета») — VII 30, 117.
- «Fädrelandet» («Родина»), Копенгаген — VI 420.
- «Figaro», Париж — VII 156.
- «Frankfurter Journal» («Франкфуртский журнал») — VI 243; VII 94, 443.
- «Frankfurter Oberpostamt - Zeitung» («Франкфуртская главная почтовая газета») — VI 464, 465.
- «Fraternité (La) de 1845» («Братство 1845 г.»), Париж — VI 248.
- «Cazzetta di Milano» («Миланская газета») — VI 488.
- «Gervinussche Zeitung» («Газета Гервинуса») — см. «Deutsche Zeitung», Гейдельберг.
- «Hallische Jahrbücher» («Галлеские летописи»), Галле — VI 416.
- «Indépendance Belge» («Бельгийская независимость»), Брюссель — VI 225, 228, 353, 474.
- «Journal d'Anvers» («Антверпенская газета») — VI 356.
- «Journal des Débats», Париж — VI 224, 455, 535; VII 317.
- «Karlsruher Zeitung» («Карlsruэская газета») — VI 432, 433, 441, 498.
- «Kölnische Zeitung» («Кельнская газета») — VI 10, 215, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 228, 235, 236, 246, 247, 248, 249, 250, 253, 259, 260, 272, 332, 333, 334, 351, 353, 443, 448, 459, 460, 488, 491, 492; VII 15, 21, 30, 59, 60, 148, 149, 150, 190, 195, 283, 284, 342, 343, 383, 397, 443, 490, 500.
- «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета») — см. «Neue Preussische Zeitung» («Новая прусская газета»).
- «Libéral Liégeois» — VI 357.
- «London Telegraph» («Лондонский телеграф») — VI 220.
- «Manchester Guardian» («Манчестерский страж») — VI 222.
- «Moniteur», Париж — VI 223, 224, 225, 226; VII 11.
- «Moniteur Belge», Брюссель — VI 351.
- «Morgenblad» («Утренний листок»), Христиания — VI 428, 429.
- «National (Le)» Париж — VI 198, 224, 226, 479, 480, 502, 503, 506, 508; VII 81, 100, 102, 105, 106, 107, 318, 319.
- «National-Zeitung» («Национальная газета»), Базель — см. «Schweizerische National Zeitung» («Швейцарская национальная газета»).
- «National-Zeitung» («Национальная газета»), Берлин — VII 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 195, 197, 346, 399.

- «Neue Berliner Zeitung» («Новая берлинская газета») — VI 233, 234.
- «Neue Preussische Zeitung» («Крестовая газета») [«Новая прусская газета» («Крестовая газета»)], Берлин — VI 7; VII 5, 40, 41, 42, 135, 148, 153, 156, 161, 236, 251, 267, 299, 300, 304, 306.
- «Neue Rheinische Zeitung» («Новая рейнская газета»), Кельн — VI 5, 6, 9, 10, 11, 77, 100, 106, 204, 227, 228, 239, 240, 241, 242, 273, 358, 414, 486, 487, 488, 489, 491, 539, 541; VII 14, 85, 88, 148, 149, 191, 207, 213, 229, 234, 235, 236, 238, 304, 355, 379, 384, 386, 392, 393, 394, 396, 404, 407, 422, 432, 436, 442, 452, 508.
- «New-York Daily Tribune» («Нью-Йоркская ежедневная трибуна») — VI 16, 67.
- «Northern Star» («Полярная звезда»), Лондон (раньше Лидс) — VI 222, 227, 248; VII 248.
- «Observateur (L)» («Наблюдатель»), Брюссель — VI 353, 474.
- «Ostsee Zeitung» («Остзейская газета»), Штеттин — VII 347.
- «Peuple (Le) constituant», Париж — VI 226.
- «Politisches Wochenblatt» («Политический еженедельник»), Берлин — VI 27.
- «Populaire», Париж — VI 248.
- «Presse (La)», Париж — VI 501.
- «Preussischer Staats-Anzeiger» («Прусский государственный вестник»), Берлин — VI 341, 492; VII 39, 111, 112, 114, 131, 132, 308.
- «Reform (Die)», Берлин — VII 297, 298.
- «Réforme», Париж — VI 198, 227, 248, 471, 472, 473; VII 247.
- «République (La)», Париж — VII 247.
- «Révolution» — VII 247.
- «Revue Nationale» («Национальное обозрение»), Париж — VII 81.
- «Rheinische Zeitung» («Рейнская газета»), Кельн — VI 28, 492.
- «Ruche populaire» («Народный улей»), Париж — VI 248.
- «Schweizerbote» («Швейцарский вестник»), Аарау — VII 95.
- «Schweizerische Nationalzeitung» («Швейцарская национальная газета»), Базель — VII 95.
- «Spenerische Zeitung» («Шпенерская газета»), Берлин — VI 364, 448.
- «Suisse (La)» («Швейцария»), Берн — VII 94.
- «Times», Лондон — VI 222, 261, 262, 263.
- «Triester Freihafen» («Триестская свободная гавань») — VII 292.
- «Union» («Союз»), Париж — VI 248.
- «Verfassungsfreund» («Друг конституции»), Берн — VII 94.
- «Vossische Zeitung» («Фоссова газета»), Берлин — VI 364, 448.
- «Wiener Zeitung» («Венская газета») — VI 70.
- «Zeitung des Arbeiter Vereins zu Köln» («Газета Рабочего союза в Кельне») — VII 496, 497, 503.
- «Zeitungshalle», Берлин — VI 364, 448, 449; VII 297.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
<i>К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
Статьи из «Новой рейнской газеты»	1
(Ноябрь 1848 г. — 19 мая 1849 г.)	
Министерство Бранденбурга. — Контр-революция в Берлине.	3
Берлинский кризис	5
(№ 138 от 9 ноября 1848 г.)	
Контр-революция в Берлине	7
(№ 141 от 12 ноября 1848 г.)	
Европейская революция	10
(№ 141 (2-е изд.) от 12 ноября 1848 г.)	
Обращение Демократического окружного комитета Рейнской провинции	13
(№ 143 от 15 ноября 1848 г.)	
Карл Маркс	14
(№ 143 от 15 ноября 1848 г.)	
«Кельнская газета»	15
(№ 145 от 17 ноября 1848 г.)	
Исповедь благородной души	16
(№ 145 от 17 ноября 1848 г.)	
Заявление	21
(№ 145 от 17 ноября 1848 г.)	
Воззвание	22
(№ 147 (2-е изд.) от 19 ноября 1848 г.)	
Воззвание	23
(№ 148 (2-е изд.) от 21 ноября 1848 г.)	
О прокламации министерства Бранденбурга-Мантейфеля по поводу отказа от уплаты налогов	24
(№ 149 от 22 ноября 1848 г.)	
Мантейфель и центральная власть	25
(№ 153 от 26 ноября 1848 г.)	
Дригальский — законодатель, гражданин и коммунист	26
(№ 153 от 26 ноября 1848 г.)	
Доклад франкфуртской комиссии об австрийских делах	32
(№ 154 от 28 ноября 1848 г.)	
Подлость немецких профессоров	37
(№ 156 от 30 ноября 1848 г.)	
Господин Раумер еще жив	39
(№ 162 от 7 декабря 1848 г.)	
Два народа в Пруссии	40
(№ 156 от 30 ноября 1848 г.)	
Орган Мантейфеля и Иоанн	42
(№ 156 от 30 ноября 1848 г.)	
Прусский трактатик	43
(№ 162 от 7 декабря 1848 г.)	
Ролепуск Национального собрания в Берлине.	45
О контр-революции	47
(№ 162 (специальный выпуск) от 7 декабря 1848 г.)	

	Стр.
Государственный переворот контр-революции	48
(№ 163 от 8 декабря 1848 г.)	
Буржуазия и контр-революция	48
I. (№ 165 от 10 декабря 1848 г.)	49
II. (№ 169 от 15 декабря 1848 г.)	53
III. (№ 170 от 16 декабря 1848 г.)	58
IV. (№ 183 от 31 декабря 1848 г.)	62
Осадное положение	72
(№ 170 от 16 декабря 1848 г.)	
На что платит народ налоги	75
(№ 169 от 15 декабря 1848 г.)	
<i>Внешняя политика «Новой рейнской газеты»</i>	<i>79</i>
Германская центральная власть в Швейцарии	81
(№ 153 от 26 ноября 1848 г.)	
Революционное движение в Италии	90
(№ 156 от 30 ноября 1848 г.)	
Новый союзник контр-революции	94
(№ 166 от 12 декабря 1848 г.)	
Новый Священный союз	97
(№ 183 от 31 декабря 1848 г.)	
Избрание Бонапарта президентом	99
(№ 171 (2-е изд.) от 17 декабря 1848 г.)	
Революционное движение. Новый 1849 год	102
(№ 184 от 1 января 1849 г.)	
Положение в Париже	105
(№ 209 от 31 января 1849 г.)	
<i>Социально-экономическая программа прусской контр-революции</i>	<i>109</i>
Отмена феодальных повинностей	111
(№ 171 от 17 декабря 1848 г.)	
Прусская контр-революция и прусское судейское сословие	115
(№ 177 от 24 декабря 1848 г.)	
Финансовая реформа Кобдена	122
(№ 179 от 27 декабря 1848 г.)	
Буржуазный документ	126
(№ 187 от 5 января 1849 г.)	
Бюджет Соединенных Штатов и христианско-германский бюджет	131
(№ 189 от 7 января 1849 г.)	
Новогоднее поздравление	135
(№ 190 от 9 января 1849 г.)	
Королевская грамота крестьянам	140
(№ 200 от 20 января 1849 г.)	
Монтескье LVI	148
I. (№ 201 от 21 января 1849 г.)	148
II. (№ 202 от 22 января 1849 г.)	157
«Берлинская национальная газета» — первичным избирателям	164
I. (№ 205 от 26 января 1849 г.)	164
II. (№ 207 (2-е изд.) от 28 января 1848 г.)	170
Кампгаузен	175
(№ 213 от 4 февраля 1849 г.)	
Прусское финансовое хозяйство при Бодельшвинге и компании	178
(№ 224 от 17 февраля 1849 г.)	
Еще о прусском финансовом хозяйстве	188
(№ 229 от 23 февраля 1849 г.)	
Тронная речь	191
I. (№ 234 от 1 марта 1849 г.)	191
II. (№ 235 от 2 марта 1849 г.)	195

	Стр.
<i>Против Бакунина. — Критика демократического панславизма</i>	201
Демократический панславизм	203
I. (№ 222 от 15 февраля 1849 г.)	203
II. (№ 223 от 16 февраля 1849 г.)	213
<i>Судебные процессы в Рейнской провинции</i>	221
Лассаль	223
I. (№ 219 от 11 февраля 1849 г.)	223
II. (№ 237 от 4 марта 1849 г.)	226
Первый процесс «Новой рейнской газеты»	229
I. Речь Маркса	229
(№ 221 от 14 февраля 1849 г.)	
II. Речь Энгельса	241
(№ 221 от 14 февраля 1849 г.)	
III. Зедт	247
(№ 225 от 18 февраля 1849 г.)	
Второй процесс «Новой рейнской газеты». Речь Маркса	249
(№ 231 от 25 февраля 1849 г.)	
<i>Венгрия</i>	269
Революционная борьба в Венгрии	271
(№ 194 от 13 января 1849 г.)	
«Кельнская газета» о борьбе мадьяр	283
(№ 225 от 18 февраля 1849 г.)	
Венгрия	285
(№ 301 от 19 мая 1849 г.)	
<i>Вена и Франкфурт</i>	295
Арнольд Руге	297
(№ 242 от 10 марта 1849 г.)	
Присяга английских солдат	299
(№ 241 от 9 марта 1849 г.)	
Вена и Франкфурт	301
(№ 244 от 13 марта 1849 г.)	
Гогенцоллернский общий план реформ	304
(№ 246 от 15 марта 1849 г.)	
<i>Европейские дела</i>	309
Экономическое положение	311
(№ 239 от 7 марта 1849 г.)	
О внешней политике французской республики	316
(№ 263 от 4 апреля 1849 г.)	
Миллиард	318
(№ 247 от 16 марта 1848 г.)	
<i>Законы о печати</i>	323
Гогенцоллернский законопроект о печати	325
I. (№ 252 от 22 марта 1849 г.)	325
II. (№ 253 от 23 марта 1849 г.)	329
<i>Итальянские дела</i>	333
Война в Италии. Поражение пьемонтцев	335
I. (№ 250 от 31 марта 1849 г.)	337
II. (№ 261 (2-е изд.) от 1 апреля 1849 г.)	337
III. (№ 263 от 4 апреля 1849 г.)	340
<i>Война против России</i>	345
Русские	347
(№ 279 от 22 апреля 1849 г.)	

	Стр.
Третий в союзе	350
(№ 289 от 4 мая 1849 г.)	
Царь и его князьки	352
(№ 293 от 9 мая 1849 г.)	
<i>Новая стадия прусской контр-революции.</i>	353
Познань	355
(№ 285 (2-е изд.) от 29 апреля 1849 г.)	
Роспуск второй палаты	359
(№ 285 (2-е изд.) от 29 апреля 1849 г.)	
Контр-революционные планы в Берлине	361
(№ 286 от 1 мая 1849 г.)	
Прусский пинок франкфуртцам	363
(№ 287 от 2 мая 1849 г.)	
Роспуск	365
(№ 287, экстренный выпуск от 2 мая 1849 г.)	
<i>Майские события</i>	367
Съезд рейнских городов	369
(№ 289 от 4 мая 1849 г.)	
Они хотят осадного положения	370
(№ 291 от 6 мая 1849 г.)	
Контр-революция быстро надвигается	371
(№ 294 (приложение) от 10 мая 1849 г.)	
Новая прусская конституция	372
I. (№ 299 от 16 мая 1849 г.)	372
II. (№ 300 от 17 мая 1849 г.)	375
Осадное положение в Дюссельдорфе	379
(№ 297 от 13 мая 1849 г.)	
Восстание в Бергском округе	381
(№ 297 от 13 мая 1849 г.)	
К сведению	383
(№ 297 от 13 мая 1849 г.)	
Эльберфельд	384
(№ 300 от 17 мая 1849 г.)	
Подвиги Гогенцоллернов	387
(№ 294 от 10 мая 1849 г.)	
К кельнским рабочим	391
(№ 301 от 19 мая 1849 г.)	
Военно-полевое уничтожение «Новой рейнской газеты»	392
(№ 301 от 18 мая 1849 г.)	
Моему народу	395
(№ 301 от 18 мая 1849 г.)	
<i>Ф. ЭНГЕЛЬС.</i>	
Германская кампания за имперскую конституцию	399
Германская кампания за имперскую конституцию	401
[Предисловие]	401
1. Рейнская Пруссия	405
2. Карlsruэ	423
3. Пфальц	436
4. За республику погибнуть!	453
Революционное движение в Пфальце и Бадене	490
(«Dokumente des Sozialismus», В. V)	

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Процесс Готшалка и его товарищей	495
I. (№ 175 от 22 декабря 1848 г.)	495
II. (№ 176 от 23 декабря 1848 г.)	500

	Стр.
Прусский миллиард	504
(№ 248 от 17 марта 1848 г.)	
<i>Указатель имен</i>	513

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

1. Номер «Новой рейнской газеты» от 10 декабря 1848 г. со статьей «Буржуазия и контр-революция».	56—57
2. Номер «Новой рейнской газеты» от 15 февраля 1849 г. со статьей «Демократический панславизм»	208—209
3. Титульный лист брошюры «Два политических процесса»	232—233
4. Номер «Новой рейнской газеты» от 10 мая 1849 г. со статьей «Подвиги Гогенцоллернов»	388—389
5. Прощальный номер «Новой рейнской газеты» от 19 мая 1849 г.	392—393
6. Страница из «Обозрения Новой рейнской газеты». (Начало статьи «Германская кампания за имперскую конституцию».)	408—409

